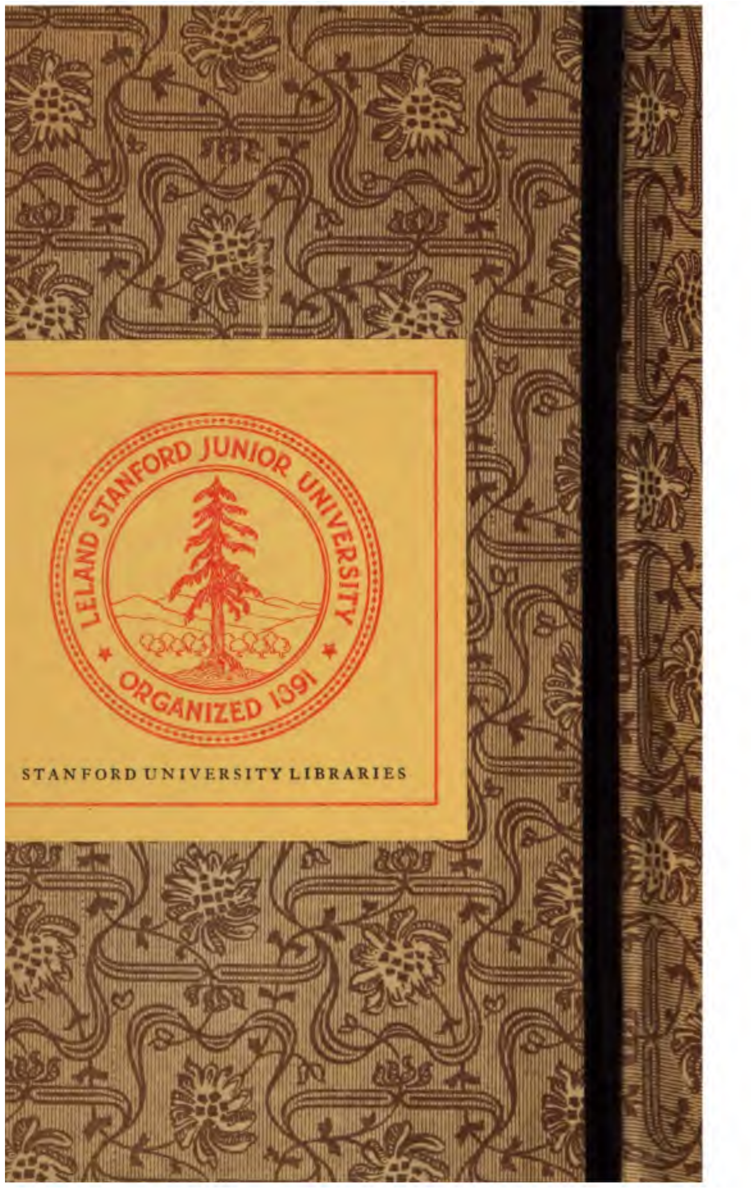

LELAND STANFORD JUNIOR UNIVERSITY
ORGANIZED 1891
STANFORD UNIVERSITY LIBRARIES

Я

ВА.

.)

Смирдина.

РБУРГЪ.

...ной государственныхъ бумагъ.

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Ценсурный Комитетъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербургъ, 28 Января 1848 года.

Ценсоръ Очкинъ.

Izmailov, A. E.

СОЧИНЕНІЯ

ИЗМАЙЛОВА.

(Александра Ефимовича.)

Томъ первый.

Изданіе Александра Смирдина.

JPK

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

Въ типографіи экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

1849.

Цѣна за два тома 1 р. 50 к. сер.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Цѣна за два тома **1** *р.* 50 *к. сер.*

СТИХОТВОРЕНІЯ.

БАСНИ.

I.

ПРОИСХОЖДЕНІЕ и ПОЛЬЗА БАСНИ.

Однажды — кто бъ повѣрить могъ?
Къ Царю, въ его чертогъ,
Вошла вдругъ Истина нагая.
Царь въ гнѣвѣ закричалъ: «Безстыдница какая!
Какъ смѣла ты войти и кто ты такова?»
— Я Истина. — «Зачѣмъ!» — Сказать лишь
слова два:
Льстецы престолъ твой окружаютъ;
Народъ вельможи угнетаютъ;
Ты нарушаешь самъ нерѣдко свой законъ...—
«Вонъ, дерзкая! вонъ! вонъ!
Гей! стражи! гей! войдите,
Возьмите, отведите
Ее въ смирительный, иль въ съумасшедшій домъ.»
Хорошъ былъ Истинѣ пріемъ!
Вздохнула бѣдная и вмигъ изъ глазъ пропала.
Охота послѣ ей припала

Идти опять къ Царю. Подумала, пошла,
Но ужъ не голая, какъ прежде:
Въ блестящей, дорогой одеждѣ,
Которую на часъ у Вымысла взяла.
Смягчивши грубый тонъ, къ Царю она съ почтеньемъ
Приблизилась, и съ нимъ вступила въ разговоръ.
Царь выслушалъ ее съ великимъ снисхожденьемъ;
Перемѣнился скоро Дворъ:
Временщики упали:
Пришелъ на знатныхъ черный годъ;
Вельможи новые не спали;
Царь славу пріобрѣлъ, и счастливъ сталъ народъ.

II.

УМИРАЮЩАЯ СОБАКА.

Султанка старый занемогъ,
Султанка слегъ въ постелю.
Лежитъ онъ день, лежитъ недѣлю,
Никто изъ медиковъ Султанкѣ не помогъ;
Часъ-отъ-часу лишь только хуже:
Всѣ ребра у него наружѣ;
Какъ въ лихорадкѣ онъ дрожитъ,
И ужъ едва-едва визжитъ.
Въ канурѣ, у одра больнова,

Соколка, внукъ его, стоялъ;
Не могъ онъ вымолвить отъ жалости ни слова,
И съ нѣжностью его лизалъ.
Султанка на него взглянулъ и такъ сказалъ:
«Ну, видно мой конецъ приходитъ!
Нельзя ни встать, ни сѣсть;
Душа изъ тѣла вонъ выходитъ...
А передъ смертью какъ хотѣлось бы поѣсть!
Послушай, милый внукъ, что я тебѣ открою—
Двѣ кости спряталъ я, какъ былъ еще здоровъ—
Умру, вѣдь не возьму съ собою.
Онѣ вонъ тамъ лежатъ у дровъ;
Поди же, принеси ихъ обѣ,
И старика утѣшь,
Который скоро будетъ въ гробѣ...
Да только самъ, смотри, дорогою не ѣшь.»
Какъ изъ лука стрѣла Соколка мой пустился,
Въ минуту воротился
И кости въ цѣлости принесъ.
Султанка тронутъ былъ до слезъ.
Ну нюхать кости онъ — глодать уже не можетъ,—
Понюхалъ и примолвилъ такъ:
«Когда умру, пускай мой внучекъ это сгложетъ...
Однако же теперь не тронь ты ихъ никакъ.
Кто знаетъ? можетъ быть опять здоровъ я буду:
Коль вѣку Богъ продлитъ, тебя не позабуду.
Вотъ эту кость отдамъ тебѣ,
Большую же возьму себѣ.
Постой, что мнѣ на умъ приходитъ?
Есть славный у меня еще кусокъ одинъ;
Я спряталъ тамъ его, куда никто не ходитъ.

Сказать ли! нѣтъ, боюсь: ты съѣшь, собачій сынъ!
Охъ, жаль!...» и съ словомъ симъ Султанка
умираетъ.

На что сокровища скупой весь вѣкъ сбираетъ?
Ни для себя, ни для другихъ!
Несносна жизнь и смерть скупыхъ.

═

III.

КОШКА, ПРЕВРАЩЕННАЯ ВЪ ЖЕНЩИНУ.

—

Былъ встарину такой дуракъ,
Что въ Кошку по̀-уши влюбился;
Не могъ онъ жить безъ ней никакъ:
Съ ней вмѣстѣ ночью спать ложился,
Съ одной тарелки съ нею ѣлъ,
И наконецъ на ней жениться захотѣлъ.
Онъ сталъ Юпитеру молиться съ теплой вѣрой,
Чтобъ Кошку для него въ дѣвицу превратилъ.
Юпитеръ внялъ мольбѣ и чудо сотворилъ:
Дѣвицу красную изъ Машки-Кошки сѣрой!
Чудакъ отъ радости чуть не сошелъ съ ума,
Ласкаетъ милую, цалуетъ, обнимаетъ,
Какъ куклу наряжаетъ.
Безъ памяти невѣста и сама,
Охотно руку дать и сердце обѣщаетъ:

Женихъ не старъ, пригожъ, богатъ еще притомъ:
Какая разница съ Котомъ!
Скорѣй къ вѣнцу; и вотъ они ужъ обвѣнчались;
Всѣ гости разошлись, они одни остались.
Супругъ супругу раздѣвалъ,
То пальчики у ней, то шейку цаловалъ;
Она сама его, краснѣя, цаловала,
Вдругъ вырвалась и побѣжала....
Куда же? — Подъ кровать: увидѣла тамъ мышь.

Природной склонности ничѣмъ не истребишь.

IV.

ДВА ПѢТУХА.

Два Пѣтуха согласно, дружно жили;
Явилась Курица — и въ бой друзья вступили.
Чего не дѣлаетъ Амуръ?
Ахъ! кто исторіи не знаетъ бѣдной Трои?
Ужъ тамъ не пѣтухи за куръ,
За женщину дрались и боги и герои.
У Пѣтуховъ бой страшный былъ:
Летѣли перья вверхъ клочками,
Лилась изъ гребней кровь ручьями,
И, наконецъ, одинъ другого побѣдилъ.
Несчастный со стыдомъ въ густой крапивѣ
скрылся,

А тотъ побѣдою своею возгордился,
Стрѣлою на заборъ взлетѣлъ,
Взмахнувши крыльями, запѣлъ,
И громкій крикъ его лишь-въ воздухѣ раздался,
То въ когти онъ къ Орлу голодному попался;
Лишился съ жизнію и славы и утѣхъ.

Безъ осторожности опасенъ и успѣхъ.

═

V.

ОСЕЛЪ и КОНЬ.

—

Одинъ шалунъ Осла имѣлъ,
Который годенъ былъ лишь ѣздить за водою;
Онъ на него чепракъ надѣлъ
Весь шитый золотомъ, съ богатой бахромою.
Оселъ нашъ важничать въ такомъ нарядѣ сталъ,
И, уши вверхъ поднявъ, прегордо выступалъ;
На встрѣчу Конь ему попался:
А на Конѣ чепракъ обыкновенный былъ;
Тутъ длинноухій разсмѣялся
И рыло отъ него свое отворотилъ.

Такихъ ословъ довольно и межъ нами,
Безъ чепраковъ, а съ чѣмъ?—ну! догадайтесь сами.

═

VI.

СОВѢТЪ МЫШЕЙ.

—

Въ мучномъ амбарѣ Котъ такой удалой былъ,
Что менѣе недѣли
Мышей до сотни задавилъ;
Десятокъ, или два, кой-какъ ужъ уцѣлѣли,
И спрятались въ норахъ.
Что̀ дѣлать? выдти — страхъ;
Не выходить — такъ смерти ждать голодной.
На лаврахъ отдыхалъ Котъ сытый и дородный.
Однажды вечеромъ на кровлю онъ ушелъ,
Гдѣ милая ему назначила свиданье.
Слухъ до Мышей о томъ дошелъ:
Повыбрались изъ норъ, открыли засѣданье,
И стали разсуждать,
Какія мѣры имъ противъ Кота принять.
Одна Мышь умная, которая живала
Съ учеными на чердакахъ
И много книгъ переглодала,
Совѣтъ дала въ такихъ словахъ:
«Сестрицы! отвратить грозящее намъ бѣдство
Я нахожу одно лишь средство,
Простое самое. Оно въ томъ состоитъ,
Чтобъ нашему злодѣю,
Когда онъ спитъ,
Гремушку привязать на шею:
Далеко ль, близко ль Котъ, всегда мы будемъ знать,

И не удастся насъ врасплохъ ему поймать.»
— Прекрасно! ахъ, прекрасно!
Вскричали всѣ единогласно.
Зачѣмъ откладывать? какъ можно поскорѣй
Коту гремушку мы привяжемъ, —
Ужъ то-то мы себя докажемъ?
Ай славно! не видать ему теперь Мышей
Такъ точно, какъ своихъ ушей! —
«Все очень хорошо; привязывать кто жъ станетъ?»
— Ну, ты. — «Благодарю!»
— Такъ ты. — «Я посмотрю,
Какъ духа у тебя достанетъ!» —
— Однакожъ надобно.—«Что долго толковать?
Кто сдѣлалъ предложенье,
Тому и исполнять.
Ну, умница, свое намъ покажи умѣнье.»
И умница равно за это не взялась,
А для чего жъ бы такъ?... да лапка затряслась!

Куда какъ право чудно!
Мы мастера учить другихъ;
А если дѣло вдругъ дойдетъ до насъ самихъ,
То исполнять намъ очень трудно.

VII.

ДРЯХЛЫЙ ЛЕВЪ.

Когда Левъ силенъ былъ и царствовалъ въ лѣсахъ,
Какъ всѣ его боялись!

А сдѣлался Левъ старъ, всѣ звѣри взбунтовались.
На злыхъ одна — узда лишь страхъ.
Клятвопреступники присягу позабыли,
И своего Царя ко смерти осудили —
Царя, который былъ для нихъ всегда отцомъ.
Въ пещерѣ дряхлый Левъ лежалъ передъ концомъ,
Одинъ, всѣхъ силъ лишенный,
Болѣзнью, голодомъ и жаждой изнуренный;
Отъ слабости едва-едва ужъ онъ стоналъ,
И прежнее свое величье вспоминалъ.
Вдругъ съ бѣшенствомъ къ нему убійцы прибѣжали,
На полумертваго напали:
Огромный, страшный Быкъ
Кололъ его рогами;
Конь билъ копытами, а Волкъ кусалъ зубами.
Скрѣпился бѣдный Левъ-старикъ:
Молчалъ, хотя страдалъ чрезъ мѣру;
Но видя, что Оселъ бѣжитъ къ нему въ пещеру,
Затрясся и взревѣлъ:
«О, боги! умереть я съ твердостью хотѣлъ.
И терпѣливо всѣ переносилъ мученья;
А отъ Осла снести не въ силахъ посрамленья!»

═

VIII.

КОЗЕЛЪ и ЛИСИЦА.

—

Козелъ большой, рогатый,
Преважный съ виду, бородатый,

Но по уму едва ль не братъ ослу родной,
Съ плутовкою Лисой дорогой шелъ одной.
День самый жаркій былъ; листокъ не колыхался;
Ихъ жажда мучила, а солнце ихъ пекло.
Шли, шли они, и вдругъ колодезь имъ попался.
«Смотри-ка, куманёкъ, вода здѣсь какъ стекло!
Не хочешь ли испить?» Лиса Козла спросила.
Безмозглый бородачъ въ колодезь мигомъ скокъ:
Колодезь этотъ былъ, по счастью, не глубокъ.
Лисица, видя то, туда же соскочила,
И взапуски, ну двое пить.
Лиса, напившися, сказала: «Какъ намъ быть,
Голубчикъ куманёкъ? Идти еще далеко;
А вылѣзть вонъ нельзя — высоко!»
— Не приложу ума;
Подумай, кумушка, сама. —
«А вотъ я вздумала: пожалуй потрудися,
На задни ноги встань, передними уприся
Покрѣпче ты въ обрубъ, да чуръ не шевелися;
Отсюда вылѣзу я по твоимъ рогамъ,
А тамъ
И кума вытащить наверхъ я постараюсь.»
— И впрямъ такъ! удивляюсь!
Ужъ что̀ за кумушка! какая голова!
Да мнѣ бы этого не выдумать дня въ два.
Изволь...—и съ словомъ симъ Лисѣ подставилъ роги.
Лисица вылѣзла. — «Сиди же здѣсь, глупецъ!»
Сказала, и давай Богъ ноги!

Предвидѣть надобно во всѣхъ дѣлахъ конецъ.

—

IX.

КУКУШКА.

—

«Послушайте меня, я не совру»
Кукушка говорила птицамъ:
Чижамъ, щеглятамъ и синицамъ:
«Была я далеко, въ большомъ, густомъ бору;
Тамъ слышала, чего доселѣ не слыхала,
Какъ Соловей поетъ.
Ужъ не по-нашему! Я хорошо пѣвала,
Да всё не то — такъ сердце и замретъ
Отъ радости, когда во весь онъ голосъ свиснетъ,
А тамъ защелкаетъ, иль тихо пуститъ трель;
Забудешься совсѣмъ, и голова повиснетъ.
Ну что̀ противъ него свирѣль?
Дивилась, право я, дивилась...
Однако же не потаю:
По соловьиному и я пѣть научилась.
Для васъ, извольте, пропою
Точнёхонько какъ онъ — хотите?»
— Пропой, послушаемъ. — «Чуръ не шумѣть, молчите!
Вотъ выше сяду на суку.
Ну, слушайте жъ теперь: куку, куку, куку!»

Кукушка хвастуна на память мнѣ приводитъ,
Который классиковъ-поэтовъ переводитъ.

X.

ФИЛИНЪ и ЧИЖЪ.

Въ лѣсу Соловушко зарей вечерней пѣлъ,
А Филинъ на соснѣ, нахмуряся, сидѣлъ,
И укалъ, что̀ въ немъ было мочи,
Какъ часовой средь ночи.
«Пожалуй, дядюшка-голубчикъ, перестань,
Сказалъ Чижъ Филину: ты Соловью мѣшаешь.»
— Молчи, дуракъ, молчи; ты ничего не знаешь.
Что̀ Соловей твой? — дрянь!
Ну такъ ли встарину пѣвали?
И такъ ли молодцы изъ насъ теперь поютъ?
— «Да кто же? Соловья мы лучше не слыхали;
Ему здѣсь первенство всѣ птицы отдаютъ.»
— Неправда! онъ поетъ негодно, вяло, грубо,
А хвалитъ кто его, несетъ тотъ сущій бредъ.
Вотъ Воронъ, мой сосѣдъ,
Когда закаркаетъ, то, право, сердцу любо!
Изряденъ также черный Грачъ:
Хоть малъ, а свилъ гнѣздо подъ крышкой храма славы.
Кукушкинъ на кладбищѣ плачъ
Намъ тоже дѣлаетъ забавы.
Но Сычъ—вотъ изъ пѣвцовъ пѣвецъ!
Его брать должно въ образецъ,
Кричитъ безъ умолку, прекрасно!

Скажу предъ всѣми безпристрастно,
Что нѣтъ здѣсь равнаго Сычу...
Зато я самъ его учу.

═

XI.

ЛЕБЕДЬ, ГУСЬ, УТКА и ЖУРАВЛЬ.

—

Двѣ птицы плавали въ прудѣ:
Красивый Лебедь, чистый, бѣлый,
Да сѣрый Гусь, дрянной. — Глядѣлся мѣсяцъ
свѣтлый
Въ прозрачной зеркальной водѣ;
Лучи его въ струяхъ играли серебристыхъ;
Зефиръ чуть колебалъ листы деревъ вѣтви-
стыхъ —
И Лебедь началъ гимнъ вечерній Богу пѣть.
Гусь этого не могъ стерпѣть,
Вскричалъ *га! га!* и, вытянувши шею,
Шипѣлъ подобно змѣю.
Гдѣ утка ни возьмися тутъ,
И говоритъ: — Куда какъ хорошо поютъ!
Однако Гусь поётъ пріятнѣе, нѣжнѣе,
Да онъ же и плыветъ важнѣе.
— «Что̀ ты, прожора, врёшь?
Прервалъ ее Журавль: молчи пока не бита!
Не даромъ первенство ты Гусю отдаешь:

Онъ ѣсть тебѣ даетъ изъ своего корыта.»

Кто утка? — Подлый журналистъ.
А Гусь? — Риѳмачъ-капиталистъ.

XII.

ВОЛКЪ и ЖУРАВЛЬ.

Волкъ костью какъ-то подавился,
Не мудрено: всегда ѣсть торопился;
Кость стала въ горлѣ у него.
Прожора захрипѣлъ, стѣснилось въ немъ дыханье,
Ну, словомъ, смерть пришла его,
И онъ хотѣлъ въ грѣхахъ принесть ужъ покаянье.
По счастію Журавль тутъ мимо проходилъ.
Страдалецъ передъ нимъ пасть жалобно разинулъ;
Журавль въ нее свой носъ предлинный опустилъ
И кость удачно вынулъ.
Волкъ вспрыгнулъ съ радости, избавясь отъ бѣды.
— «А что̀ жъ мнѣ за труды?»
Спросилъ носатый врачъ. — Ахъ ты, неблагодарный!
Волкъ съ сердцемъ отвѣчалъ: да какъ просить ты смѣлъ?
Смотри какой нахальный!
Благодари за то, что носъ остался цѣлъ.

XIII.

БЕЗХВОСТАЯ ЛИСИЦА.

—

Преосторожная, прехитрая Лисица,
Цыплятъ и куръ ловить большая мастерица,
На старости своей такъ сдѣлалась проста,
Что въ западню попалась;
Вертѣлась всячески, туда-сюда металась,
И вырвалась кой-какъ, но только безъ хвоста.
Какъ въ лѣсъ безхвостой показаться?
Плутовка вздумала на хитрости подняться.
Взявъ важный и степенный видъ,
Идетъ въ пещеру, гдѣ сбиралися Лисицы.
—«Подруги и сестрицы!
Такъ говоритъ она: какой намъ, право, стыдъ,
Что по сіе мы время,
Всѣ носимъ гнусное и тягостное бремя, —
Сей хвостъ, который по земли
За нами тащится въ грязи, или въ пыли.
Какая польза въ немъ, скажите?
А вредъ весь отъ него я доказать могу.
Вы, вѣрно, сами подтвердите,
Что безъ хвоста быть легче на бѣгу,
Что часто за хвосты собаки насъ ловили;
Но если бы теперь хвосты мы обрубили...»
— Остановись, остановись!
Одна ей изъ сестеръ сказала.
— «А что̀?» — Пожалуйста къ намъ задомъ обернись.

Кургузая тутъ замолчала,
Попятилась назадъ и тотчасъ убѣжала.

«Какъ страшно замужъ выходить!»
Невѣстамъ всѣмъ твердитъ увядшая дѣвица.
Конечно, что жъ ей говорить?
Такая жъ и она безхвостая Лисица.

═

XIV.

ГОРЛИЦА и МАЛИНОВКА.

—

«Позволь сказать себѣ, сестрица, ты чудна:
(Такъ Горлица одна
Малиновкѣ-пѣвицѣ говорила)
Ты никого еще въ лѣсу не полюбила.
Что ты монахиней живешь,
И только отъ утра до вечера поешь?
Хоть пѣть и весело, а, право, веселѣе
Весною жить самъ-другъ.
Ахъ, поцѣлуй одинъ всѣхъ пѣсенъ мнѣ милѣе!
Послушайся меня, мой другъ:
Жить надобно для наслажденья;
Возьми любовника.» — Спасибо за совѣтъ,
Сказала скромно ей Малиновка въ отвѣтъ:
Мнѣ скучно быть безъ упражненья,
Я быть свободною хочу
И счастлива сама собою.

— «Прощай же, Богъ съ тобою!
Пой на просторѣ ты, я къ Голубку лечу.»
При сихъ словахъ онѣ разстались,
И долго, долго не встрѣчались;
Но, наконецъ, лѣтъ черезъ пять,
Увидѣлись опять.
Кокетка-Горлица ужъ очень устарѣла,
Потухъ въ глазахъ огонь, чуть ноги волокла.
Малиновка съ трудомъ узнать ее могла.
— А, здравствуй, милая! Чтò такъ ты похудѣла? —
Спросила у нее она.
Съ дружкомъ ты здѣсь, или одна?
— «Одна, ей Горлица со вздохомъ отвѣчала:
Ты видишь, какова я стала!
Кому теперь меня любить?
Мнѣ платятъ за любовь лишь смѣхомъ, да презрѣньемъ.
Куда несносно старой быть!»
— А мнѣ такъ пѣсни утѣшеньемъ
На старости моей, —
Малиновка сказала ей.
—«Неужь ли и теперь ты пѣть не перестала?»
— Я спала съ голоса давно,
Но слуха я не потеряла;
Такъ слушаю другихъ, а это все равно.

О, какъ полезны намъ искусства и науки!
Счастливъ, кто въ юности къ занятіямъ привыкъ:
И въ самой старости не чувствуетъ онъ скуки.
Пусть, силъ лишась, старикъ

Не можетъ болѣе съ успѣхомъ самъ трудиться,
Но дарованіемъ чужимъ онъ веселится.

═

XV.

ЛЕТУЧАЯ МЫШЬ и ДВѢ ЛАСТОЧКИ.

—

Жестокую войну
Съ Мышами Ласточки имѣли:
Кого ни брали въ плѣнъ, всѣхъ ѣли.
Случилось какъ-то, Мышь летучую одну
Въ ночную пору
Занесъ лукавый въ нору
Къ голодной Ласточкѣ.—Прошу покорно сѣсть,
Съ насмѣшкой Ласточка сказала:
Ты мышь? Тебя мнѣ можно съѣсть?
— «Помилуй, та ей отвѣчала,
Не ѣшь, а лучше разсуди,
Да хорошенько погляди:
Въ своемъ ли ты умѣ, сестрица?
Вотъ крылья у меня,—я птица!»
Окончилась война
У Ласточекъ съ мышинымъ родомъ,
Но съ птичьимъ уже брань онѣ вели народомъ,
И Мышь летучая опять
Въ плѣнъ къ Ласточкѣ другой попала.
— Ты птица? Ты теперь летала?
—«За что̀ меня такъ обижать?

Я Мышь и изъ Мышей природныхъ,
Былъ смѣлой плѣнницы отвѣтъ:
Похожа ль я на птицъ негодныхъ?
На мнѣ и перьевъ вовсе нѣтъ!»
Въ другой разъ хитростью такой она спаслася,
И ложь и истина равно ей удалася.

XVI.

ПАВЛИНЪ, ДВА ГУСЯ И НЫРОКЪ.

Павлинъ дугою хвостъ блестящій распустилъ;
Всѣ птицы любовались,
Какъ въ перьяхъ у него цвѣты переливались;
Но въ лужѣ сѣрый Гусь другому говорилъ:
— «Кто ждалъ такой тревоги?
Скажи, чѐго смотрѣть? что̀ у него за ноги?»
—Да, подхватилъ другой: Павлинъ съ ногъ молодецъ.
Онъ, вѣрно, танцовать здѣсь учитъ.
Чу, слышишь, какъ кричитъ?.. Ну, братъ, какой пѣвецъ!
И кошка такъ не промяучитъ.
— «Постойте, молвилъ имъ Нырокъ:
Я съ вами, господа, согласенъ:
Въ ногахъ и въ голосѣ одинъ у васъ порокъ;
Но у Павлина хвостъ прекрасенъ.»

Ахъ, сколько и у насъ есть критиковъ такихъ,

Которые талантъ отличный ненавидятъ
За то, что нѣтъ его у нихъ,
И съ радостью въ другомъ свой недостатокъ
видятъ!

XVII.

КОТЪ И КРЫСЫ.

У одного купца Котъ очень разжирѣлъ.
И какъ не разжирѣть? Лишь только спалъ,
да ѣлъ,
А на мышей и крысъ совсѣмъ и не глядѣлъ.
Зато онѣ его нисколько не боялись:
По милости его, владѣя чердакомъ,
Неблагодарныя надъ нимъ еще смѣялись,
И Ваську смирнаго считали дуракомъ.
Однажды этотъ Котъ, покушавши плотненько,
Пошелъ къ нимъ на чердакъ, чтобъ отдохнуть
маленько;
Свернулся на полу клубкомъ,
И что̀ жъ? проклятыя вѣдь не дали покою!
Такую подняли возню между собою,
Что полъ отъ нихъ дрожалъ;
Но Котъ смирнёхонько лежалъ.
Подумали они, что Васька ихъ боится;
Стучатъ, шумятъ, бранятъ и кошекъ и котовъ,—
А онъ не шевелится,

Не слышитъ, кажется, ихъ словъ.
Вдругъ Крыса бойкая, съ пресграшными усами,
Съ предлиннымъ, въ пять вершковъ, хвостомъ,
Кричитъ: — «Да сдѣлаемъ одинъ конецъ съ Котомъ!
Съѣдимъ-ка мы его; увидите вы сами,
Что очень вкусенъ онъ:
Смотрите какъ жирёнъ!
Вотъ и обѣдъ готовъ. Чего же дожидаться?
Ну! ну! за дѣло приниматься!
Которая изъ насъ храбрѣй,
Та носъ ему откуситъ;
За мной, за мной скорѣй,
Ступайте кто не труситъ.»
Сказала, и летитъ впередъ къ Коту стрѣлой.
За ней всѣ кинулись въ аттаку.
Что жъ сдѣлалъ бѣдный Васька мой?
Вступить рѣшился въ драку:
Вскочивши на ноги, согнулся весь дугой;
Шерсть поднялась на немъ, онъ засверкалъ глазами,
И началъ работать когтями и зубами—
Колонну цѣлую единымъ мигомъ смялъ.
Смѣшались Крысы, побѣжали,
Иныя же просить себѣ пощады стали;
Но Котъ въ-сердцахъ никакъ пардона не давалъ,
И въ кучу всѣхъ поклалъ.

Шути, да только осторожно;
Не то, въ бѣду попасться можно.

Иной дѣйствительно смиренъ,
И сноситъ долго оскорбленья;
Но если выведутъ его ужъ изъ терпѣнья,
То наглецовъ проучитъ онъ.

═══

XVIII.

ПОПУГАЙ.

—

Изъ клѣтки вылетѣлъ зеленый Попугай
И въ ближней рощѣ поселился;
А роща истинно была эдемскій рай:
Ручей кристальный тамъ, журча по камнямъ,
лился;
По берегамъ росла шелкòвая трава,
Кусты шиповника, сенетны дерева;
Кругомъ же множество большихъ деревъ, вѣт-
вистыхъ:
Кленовъ, дубовъ и липъ душистыхъ.
Тутъ жили сотни птицъ: Малиновокъ, Дроз-
довъ,
Синичекъ, Пѣночекъ, Варакушъ, Соловьёвъ.
Лишь утромъ горизонтъ отъ солнца озлатится,
Огромный хоръ пѣвцовъ пернатыхъ ужъ гре-
митъ . . .
Все въ рощѣ веселится, —
Одинъ мой Попогай нахохлившись сидитъ.

Съ презрѣньемъ головой качаетъ,
Пѣвцовъ, пѣвицъ пересмѣхаетъ,
И, что̀ въ немъ мочи есть, свиститъ.
Дроздъ, по его словамъ, поетъ совсѣмъ безъ
чувства,
А у Малиновки недостаетъ искусства;
Не знаетъ музыки Скворецъ;
У Соловья органъ годится,
Но много надобно ему еще учиться.
Вотъ, наконецъ,
Всѣ птицы вышли изъ терпѣнья,
И говорятъ ему: «Ты пѣть намъ не даешь,
Свистишь, какъ мы поемъ; но какъ ты самъ
поешь?
Дай своего послушать пѣнья:
Примѣръ понятнѣе бываетъ наставленья;
Мы постараемся манеръ твой перенять.»
Головку почесавъ и шею,
Свистунъ имъ отвѣчалъ: *я мастеръ лишь сви-
стать.*
А пѣть такъ не умѣю.

XIX.

НАСѢДКА.

«Куда какъ я ужасно похудѣла!»
Насѣдка хвастала передъ сестрой своей:

«Подумай, двадцать дней
На яицахъ сидѣла,
Все время ни пила, ни ѣла:
Скажу, что много было дѣла!..»
— А много ль у тебя, скажи, цыплятокъ всѣхъ?
Подруга у нея спросила.
—«Да нѣтъ ни-одного, попуталъ какъ-то грѣхъ—
Всѣ яицы передавила.»

Какъ эта курица, точь-въ-точь,
Иной твердитъ: *сижу за дѣломъ день и ночь!*
И подлинно сидитъ, отъ мѣста не отходитъ,
Да перья по̀-пусту съ бумагой переводитъ.

═

XX.

ЯГНЕНОКЪ И ПОРОСЕНОКЪ.

—

Мужикъ въ телѣгѣ везъ Ягненка
И Поросенка.
Куда же?... въ рядъ мясной!
Вотъ Поросенокъ развизжался,
Какъ-будто бы мясникъ съ ножомъ за нимъ ужъ гнался,
Кричитъ: *увы! увы!* — «Проклятый сынъ свиной!
Сказалъ Мужикъ ему: когда ты перестанешь?

Ну, что̀ Ягненокъ не кричитъ?
Смотри, какъ онъ уменъ — молчитъ.»
— Нѣтъ, глупъ! прервалъ визгунъ: меня-то
не обманешь!
Онъ думаетъ, что шерсть съ него лишь состригутъ;
А я могу ли быть въ покоѣ?
Я знаю, съ поросятъ щетины не берутъ,
Такъ вѣрно ужъ меня убьютъ,
И на холодное пойду, иль на жаркое.
Ахъ, не сносить мнѣ головы!
Увы! увы!

Полезно иногда для насъ и заблуждаться,
Когда несчастія не можно отвратить.
Къ чему и дальновиднымъ быть?
Что̀ прежде времени намъ сѣтовать и рваться?...

═

XXI.

ЛЬВИЦА И СВИНЬЯ.

—

Расхвасталась Свинья однажды передъ Львицей,
Что принѐсла она вдругъ дюжину дѣтей,
И вотъ какъ говорила ей:
—«Ты, кажется, еще слывешь у насъ царицей,
А одного родишь, и то не каждый годъ.
Ну, что̀ вашъ передъ нашимъ родъ?

И можно ль съ нашею сестрой тебѣ сравниться?
Взгляни-ка на моихъ ребятъ.
Двѣнадцать, видишь ли? двѣнадцать?...»
— Поросятъ;
А у меня одинъ, но Левъ за то родится.

Георгики писалъ Виргилій девять лѣтъ;
А право въ девять дней у нашего Вралёва
Поэма можетъ быть готова.
За то Вралёвъ риѳмачъ, Виргилій же поетъ.

XXII.

ДВА ОСЛА.

Шли два Осла дорогою одной,
И разсуждали межъ собой
О политическихъ и о другихъ предметахъ.
(Они ужъ оба были въ-лѣтахъ.)
—«Что, братецъ, говоритъ одинъ:
Какъ можетъ мнимый нашъ, безхвостый господинъ —
Ну, знаешь, Человѣкъ — ругаться такъ надъ нами?
Въ насмѣшку онъ зоветъ Ослами,
Кого же? самыхъ ужъ безмозглыхъ дураковъ,
А право, у людей немного есть головъ,

Какія у Ословъ.»
—И вѣдомо! да вотъ безъ лести,
Каковъ ты, напримѣръ, у нихъ такого нѣтъ.
Гордился бы тобой парламентъ, иль совѣтъ.
— «Помилуй, много чести!»
— Нѣтъ, нѣтъ, что̀ чувствую, то я и говорю.
Конечно.... отъ тебя не скрою,
И я иного члена стою;
Но что̀ же я передъ тобою?
Совѣтовалъ бы я Льву, нашему царю,
Чтобъ воспитать тебѣ наслѣдника далъ трона:
Ты, безъ пристрастія, умнѣе Фенелона.
Не полѣнись, любезный братъ,
О воспитаніи намъ сочинить трактатъ.
— «То правда, я имѣю знанья,
Пригодныя для воспитанья,
Но не имѣю остроты
И краснорѣчія, какъ ты.
— Э, шутишь! а твое похвальное-то слово
Ослицамъ!... Лучше бы я самъ не написалъ.
— «Другое у меня еще теперь готово;
Изволь, прочту тебѣ.» О, чортъ бы ихъ побралъ!
Другъ дружку до того хвалили,
Что послѣ и у всѣхъ Ословъ въ почтеньи были.

Нѣтъ легче ничего, какъ нравиться глупцамъ:
Хвали ихъ, и они равно тебя похвалятъ;
Притомъ и въ нуждѣ не оставятъ.
Гдѣ много дураковъ, житье тамъ подлецамъ.

═

XXIII.

ГОРА ВЪ РОДАХЪ.

—

Родами мучилась Гора;
Земля вокругъ дрожала.
Бѣдняжка простонала
Съ полудни до утра;
Разсѣлась наконецъ, и родила . . . мышенка.

Но это старая, всѣ знаютъ, побасёнка;
А вотъ я быль скажу: Одинъ поэтъ писалъ
Не день, не два, а цѣлый мѣсяцъ сряду,
Чернилъ себя, крестилъ, маралъ;
Потомъ друзей созвавъ, предъ ними прочиталъ...
Шараду.

═

XXIV.

ВОРОБЬИ И ОВСЯНКА.

—

Накрывши сѣтью Воробьевъ,
Мужикъ имъ говорилъ: «Вотъ я васъ всѣхъ,
воровъ!
Вы на поле мое летали,
Горохъ клевали!

Не долго дамъ теперь сидѣть вамъ въ полону:
Всѣмъ головы сверну,
И въ кашицу.... Да ты, Овсянка, какъ попала?
Овсянка такъ ему подъ сѣтью отвѣчала:
— Послушай, мужичокъ, всю истину скажу:
Я съ ними только лишь летала,
А, право, твоего гороха не клевала.
Пусти меня; ничѣмъ тебѣ я не врежу.
Ужъ ли поступишь такъ со мной, какъ съ Воробьями?
— «Да не помилую, конечно, и тебя!
Пѣняй сама ты на себя:
Зачѣмъ была съ плутами?»

XXV.

ЛѢСТНИЦА.

Стояла лѣстница однажды у стѣны.
Хотя ступени всѣ между собой равны,
Но верхняя ступень предъ нижними гордилась.
Шелъ мимо человѣкъ, на лѣстницу взглянулъ,
Схватилъ ее, перевернулъ,
И верхняя ступень внизу ужъ очутилась.

Такъ человѣкъ иной на вышинѣ стоитъ,

За дѣло принялся опять:
То лапку къ уголькамъ протянетъ,
То прочь ее, а тамъ другою трогать станетъ,
И вытащилъ онъ такъ уже каштановъ пять.
Каштаны Васька вынимаетъ,
Мартышка же ихъ подбираетъ,
Облупитъ, да и прямо въ ротъ.
Вдругъ, на бѣду, слуга идётъ.
Плутовка на утекъ; а Котъ не догадался:
Работою все занимался.
Слуга на цыпочкахъ къ мошеннику подкрался,
Да за уши схватилъ, и ну его таскать.
Котъ бѣдный отъ побой, какъ мертвый, протянулся,
Насилу черезъ часъ очнулся,
И полно съ той поры безъ пользы воровать.
Мартышка вотъ умна: не обожглась, не бита,
Сыта;
А Васька глупъ, такъ съ нимъ случилася напасть,
То ль дѣло для себя украсть!...

═

XXVIII.

ПОЕДИНОКЪ.

—

Осла нечаянно толкнулъ Лошакъ.
— «Смотри же ты, дуракъ!
Оселъ мой закричалъ: «какъ смѣешь ты толкаться?»

— Ахъ скотъ! какъ смѣешь ты ругаться?
Я живъ быть не хочу,
Когда тебя не проучу:
Раздѣлайся со мной. — «Изволь... На чемъ угодно?»
— Ну на копытахъ! — «О, охотно!»
— Мой секундантъ Баранъ.—«А у меня Козелъ.»
Вотъ черезъ часъ не болѣ,
Съ Козломъ Оселъ,
Съ Бараномъ же Лошакъ, явились въ чистомъ полѣ.
У обоихъ блистаетъ гнѣвъ въ глазахъ;
Дрожатъ отъ ярости, другъ къ дружкѣ задомъ стали
И очень близко: въ двухъ шагахъ.
Ужъ кинутъ жеребій — знакъ секунданты дали:
Сперва Лошакъ лягнулъ, Оселъ лягнулъ потомъ.
Откуда ни возьмись хозяинъ тутъ съ кнутомъ,
Нѣтъ, съ плетью, виноватъ. Не говоря ни слова,
Давай стегать того онъ и другова;
По очереди имъ всю спину изстегалъ.
— Проклятые! изъ силъ онъ выбившись, вскричалъ:
Да что вамъ вздумалось лягаться?
Сквозь слезъ Оселъ на это говоритъ:
«Когда point d'honneur велитъ,
Не радъ, а долженъ драться.
Самъ посуди, онъ сталъ толкаться...»
— А онъ такъ сталъ ругаться...
А если станете вы у меня лягаться,
Хозяинъ подхватилъ:
Хоть и не радъ, за плеть я долженъ буду взяться.

Смотрите же!» Тутъ онъ имъ плетью погрозилъ.
При взглядѣ на него герои онѣмѣли;
Жестъ болѣе подѣйствовалъ, чѣмъ рѣчь,
И послѣ не было уже у нихъ дуэли.

Что̀ если бы велѣли,
Мальчишекъ розгами за поединки сѣчь!...

═

XXIX.

ВОЛЧЬЯ ХИТРОСТЬ.

—

По нуждѣ Волкъ постился:
Собаки стерегли и день и ночь овецъ;
Однако же и Волкъ былъ не глупецъ:
Вотъ думалъ, думалъ онъ, и ухитрился.
Да какъ же? Пастухомъ, проклятый, нарядился,
Надѣлъ пастушій балахонъ,
Накрылъ себя пастушей шляпой,
И, опершись о посохъ лапой,
Подкрался въ полдень къ стаду онъ.
Пастухъ подъ тѣнью спалъ; собаки тоже спали,
И овцы всѣ почти, закрывъ глаза, лежали:
Любую выбрать могъ.
«А что? Волкъ думаетъ: когда теперь примуся
Душить овецъ, то врядъ отсюда уберуся:
Начнутъ блѣять, а я не унесу и ногъ.

Дай, лучше отгоню подалѣе все стадо.
Постой, да вѣдь сказать хоть слово дурамъ надо:
Я слышалъ, какъ пастухъ съ овцами говорилъ.»
И вотъ онъ пастуха какъ-разъ передразнилъ:—
Завылъ.
Поднялся вдругъ Барбосъ; за нимъ Мурза вскочилъ;
Залаяли, бѣгутъ. Мой Волкъ ужъ прочь отъ стада,
Но въ аммуниціи плохая ретирада:
Запутался онъ въ платьѣ и упалъ.
Барбоска вмигъ его нагналъ,
Зубами острыми за шею ухватился,
Мурза тутъ подоспѣлъ, за горло уцѣпился;
Пастухъ же балахонъ и шкуру съ Волка снялъ.

О святкахъ былъ я въ маскарадѣ:
Гляжу, стоитъ въ кружку какой-то генералъ,
Въ крестахъ весь, вытянутъ, какъ-будто на парадѣ —
И какъ о Тактикѣ онъ вралъ!
Что жъ вышло? это былъ... капралъ.

XXX.

ВИШНЯ и ПТИЦЫ.

На Вишнѣ ягоды лишь только покраснѣли,
Откуда птицы налетѣли,

По вѣткамъ, по сучкамъ посѣли;
Чирикаютъ, поютъ
И вишни спѣлыя наперерывъ клюютъ.
Когда же всѣ ихъ ощипали,
Вспорхнули и пропали.

Давно ль Пахомъ нашъ жилъ, какъ знатный господинъ?
Ахъ, сколько у него тогда гостей бывало!
И все пріятели. Теперь, какъ перстъ, одинъ:
Ни денегъ, ни друзей не стало.

═

XXXI.

ДВА РАКА.

—

«Все пятится назадъ! Куда какой дуракъ!
Журилъ такъ сына старый Ракъ:
Впередъ ступай, впередъ! Нето, я драться стану!»
— Да покажите мнѣ вы, батюшка, хоть разъ,
Какъ надобно ходить: я перейму у васъ;
Извольте вы впередъ, а я ужъ не отстану.

Слугу за пьянство баринъ бьетъ,
Но не уйметъ, —
А отчего? — Самъ баринъ пьетъ.

═

XXXII.

ВОЛКЪ и ЛИСИЦА.

— «Конечно, я не безъ грѣховъ;
Лисѣ Волкъ говорилъ: а право, изъ Волковъ
Едва-ли гдѣ найдешь другова,
Который бы, какъ я, великодушенъ былъ.
Представь: Ягненокъ разъ въ глаза меня бранилъ!
Не тронулъ я его, не молвилъ даже слова.
Объ этомъ вотъ никто не скажетъ никогда.
А еслибъ слышала, кума, какъ онъ бранился...»
— Да, помню: это вѣдь случилося тогда,
Какъ костью, кумъ, ты подавился.

XXXIII.

ВОРОНА и КУВШИНЪ.

Во всѣхъ почти дѣлахъ догадка намъ нужна.

Ворона бѣдная отъ жажды умирала
И гдѣ-то на полѣ она
Кувшинъ съ водой съискала;
Но вотъ бѣда:
Низка была для ней въ колодцѣ томъ вода;

Какъ станешь пить? не можно влѣзть туда:
Кувшинъ великъ, нельзя его Воронѣ сдвинуть,
Не только опрокинуть;
А надобно воды достать.
Вотъ стала камешки она въ него бросать;
Съ краями наровнѣ вода приподнялася,
И тутъ уже моя Ворона напилася.

XXXIV.

ЛЕВЪ и ЛИСИЦА.

И умному всего предвидѣть не возможно;
Но ежели придетъ бѣда,
То въ случаѣ такомъ ума терять не должно:
Съ умомъ и отъ бѣды спасешься иногда.

Лисица отъ собакъ въ пещеру забѣжала,
И Льва увидѣвъ тамъ, присѣла, задрожала.
Потрясши гривою, разинувъ страшный зѣвъ,
«Добро пожаловать! сказалъ съ насмѣшкой Левъ:
Пора ужъ, право, и обѣдать.
Хочу я твоего мясца теперь отвѣдать.»
— О, правосудіе Небесъ!
Вверхъ голову поднявъ, Лисица возопила:
Такъ точно, правду ты, Зайчиха, говорила:

За грѣхъ родителей и дѣтямъ мститъ Зевесъ.
И я... за мать свою... казнь люту принимаю. —
«Что бредишь ты? совсѣмъ тебя не понимаю.»
— О, государь! прости мой справедливый страхъ:
Все въ краткихъ объясню словахъ.
Въ осеннюю однажды пору,
Къ покойной матушкѣ моей
Зайчиха отъ дождя зашла погрѣться въ нору.
Грѣхъ дурно говорить о матери своей;
Но отъ тебя, монархъ, я ничего не скрою,
И какъ предъ Богомъ, предъ тобою,
Должна всю истину сказать.
Прожорлива была моя покойна мать:
Пришелицу она мгновенно растерзала.
Та, умираючи, сказала —
Не позабыть мнѣ вѣкъ ея послѣднихъ словъ —
Сказала: *будетъ тотъ наказанъ отъ боговъ,*
Гостепріимства кто законы нарушаетъ
И странниковъ въ своемъ жилищѣ умерщвляетъ:
Погибнетъ онъ и весь его погибнетъ родъ!
И подлинно, чрезъ годъ
Въ норѣ, гдѣ мать моя Зайчиху умертвила,
Земля, обрушившись, убійцу задавила.
Левъ призадумался. — «Пошла, сказалъ: пошла!
Дарю тебѣ животъ.» Лисица поклонилась
Его величеству, и отъ него пустилась
Какъ изъ лука стрѣла.

═

XXXV.

ДѢВУШКА И ЧИЖЪ.

«Что̀ это за житье? терпѣнья, право, нѣтъ!»
Такъ Лиза, дѣвушка четырнадцати лѣтъ,
Сама съ собою говорила:
«Все хочетъ маменька, чтобъ я училась, шила;
Не даетъ почти и погулять;
Едва ль три раза въ годъ бываю я на балѣ,
А то вертись-себѣ безъ кавалера въ залѣ.
Куда какъ весело одной вальсировать!»
Тутъ Лиза тяжело вздохнула,
Отерла слезку и взглянула
Нечаянно на верхъ окна,
И что̀ жъ увидѣла она?
Любимый Чижъ ея въ рѣшетчатой темницѣ,
Конечно, вспомнивъ про лѣсокъ,
Сидѣлъ на жердочкѣ, повѣсивши носокъ.
«Ахъ, вольность дорога и птицѣ!
Сказала Лизанька: я по себѣ сужу.
О, бѣдный Пипинька! ужъ болѣ
Тебя не удержу;
Ступай, лети, мой другъ, и веселись на волѣ.»
Съ симъ словомъ отперла она у клѣтки дверь:
Встряхнулся Пипинька, летитъ въ окно, кружится,
На крышку ближнюю садится,
Запѣлъ... «Какъ счастливъ онъ теперь!»

Мечтаетъ Лизанька, и видитъ изъ окошка,
Что къ Пипинькѣ подкралась кошка,
Прыгнула на него, и при ея глазахъ
Бѣдняжку растерзала.

Въ раскаяньи, въ слезахъ,
Вотъ Лиза что̀ сказала:
«Какъ смѣла я на маменьку роптать!
Теперь я вижу очень ясно,
Что волю тѣмъ имѣть опасно,
Кто слабъ и самъ себя не можетъ сохранять.»

XXXVI.

ПАВЛИНЪ, ЩЕГЛЕНОКЪ и ВОРОБЬИ.

Щеглёнокъ дикій залетѣлъ
На дачу знатнаго, большаго господина,
Въ саду, средь цвѣтника, на кустъ сирени сѣлъ,
На все съ вниманіемъ вокругъ себя смотрѣлъ,
И въ первый разъ еще увидѣлъ тутъ Павлина.
Поднявъ вверхъ голову, тотъ важно выступалъ,
Не шелъ, а, такъ сказать, едва передвигался,
И лишь съ сиренью поравнялся,
Какъ бы нарочно сталъ
И хвостъ свой распустилъ дугою.
Блеснуло золото съ лазурью, бирюзою;

При солнечныхъ лучахъ то яхонты горятъ,
То изумруды отливаютъ;
Всѣ радужны цвѣты мелькаютъ и блестятъ,
И яркостью своей Щегленка взоръ прельщаютъ.
Отъ удивленья былъ Щегленокъ внѣ себя.
«Позволь спросить тебя,
Сказалъ Синицѣ онъ: голубушка-сестрица!
Какая это птица?»
— Павлинъ. — «Не царь ли это птицъ?
Царь. Точно царь. Вотъ у него корона.
Красивѣй во сто разъ щеглятъ онъ и синицъ.
Какъ гордо онъ идетъ! Ну, право, всталъ лишь съ трона!
Какая шея, грудь, осанка у него!
А хвостъ?... не видывалъ я лучше ничего.
Но это что̀? о, боги!
Смотри-ка: у него не хороши вѣдь ноги!»
— Невѣжа! вскрикнули тутъ хоромъ Воробьи:
Чьи ноги, чьи
Дурными называть ты смѣешь?
Павлина? да всѣхъ птицъ прекраснѣе Павлинъ!—
«Такъ точно; ноги лишь....» — Да что̀ ты разумѣешь?
Увѣрить хочетъ всѣхъ одинъ!
Нѣтъ, братцы, этого снести никакъ не можно!
Павлина нашего ругать Щеглёнокъ смѣлъ.
Клевать его, клевать! — Щеглёнокъ улетѣлъ,
И опытомъ узналъ, что никогда не должно
О недостаткахъ птицъ почетныхъ говорить,
А позволяется лишь только ихъ хвалить.

—

XXXVII.

УСТРИЦА и ДВОЕ ПРОХОЖИХЪ.

—

Шли два прохожіе по берегу морскому
И видятъ — устрица большая на пескѣ
Лежитъ отъ нихъ невдалекѣ.
«Смотри, вонъ устрица!» сказалъ одинъ другому;
А тотъ нагнулся ужъ и руку протянулъ.
Товарищъ тутъ его толкнулъ
И говоритъ: «Пожалуй не трудися,
Я подыму и самъ, вѣдь устрица моя.»
— Да, какъ бы не твоя! —
«Я указалъ тебѣ...» — Что ты! перекрестися —
«Конечно первый я увидѣлъ...» — Вотъ-те разъ!
И у меня остеръ, братъ, глазъ.
«Пусть видѣлъ ты, а я такъ даже слышалъ носомъ.»
Еще у нихъ продлился бъ споръ,
Когда бъ не подоспѣлъ Судья къ нимъ *Миротворъ*.
Онъ началъ съ важностью по формѣ судъ допросомъ,
Взялъ устрицу, открылъ
И проглотилъ.
«Ну, слушайте, сказалъ: теперь опредѣленье:

По раковинѣ вамъ дается во владѣнье;
Ступайте съ миромъ по домамъ.»

Всѣ тяжбы выгодны лишь стряпчимъ, да судьямъ.

═══

XXXVIII.

ДИТЯ и СЕМЬ НЯНЕКЪ.

—

Жена богатаго, степнаго дворянина
Рожала каждый годъ, но только дочерей.
А ей имѣть хотѣлось сына —
Желанье общее отцовъ и матерей.
Всѣ средства къ этому она употребляла:
Платила щедрою рукой ворожеямъ,
Молилась, ѣздила по всѣмъ монастырямъ...
Ея молитва не пропала:
Она беременна вновь стала,
И чуть-что не въ аршинъ
У ней родился сынъ.
Отъ радости такой сосѣдніе дворяне
Легли въ крестины на-поваль:
Перепился и старъ и малъ,
И не работали тотъ цѣлый день крестьяне.
Заботливая мать
Семь штатныхъ нянюшекъ къ сынку опредѣлила:
Смотрѣть за нимъ, шить, мыть, носить его,
качать, —

И должно ужъ сказать,
Что каждая изъ нихъ съ усердіемъ служила;
Старались угождать одна передъ другой.
Дитя забавный былъ такой,
Что, глядя на него, всѣ въ домѣ веселились.
Но вотъ однажды что̀ случилось:
Наслѣдникъ маленькій ходить ужъ начиналъ;
Сосѣдъ отца и мать на имянины звалъ.
Ну, какъ не отлучиться?
Не первый это было разъ,
И на четырнадцать же глазъ,
Казалось, можно положиться.
Уѣхали они — и нянюшка одна,
Хвативъ неберережно вина,
Ушла на печку спать; другая заболѣла;
У третьей своего скопилось много дѣла;
Къ четвертой кумъ пришелъ.... Ребенка одного
Покинули онѣ, надѣясь другъ на дружку,
Да какъ на грѣхъ, въ рукахъ его
Оставили гремушку;
Онъ, съ нею идучи по комнатѣ, упалъ
И въ правый глазъ себѣ концомъ ея попалъ.
Насилу нянекъ отыскали,
Перепугавшися, пришли;
Бранились, плакали, кричали,
А виноватой не нашли.
Что̀ дѣлать? Господамъ всѣ въ ноги повалились,
Лишь только изъ гостей тѣ въѣхали на дворъ.
Они ужасно разсердились:
Пошелъ тутъ нянькамъ переборъ;
Ихъ безъ пощады наказали;

Но, чтобы глазъ сберечь у сына остальной,
Бояринъ съ барыней, подумавъ, приказали
Ходить съ-тѣхъ-поръ за нимъ одной.

═

XXXIX.

УЧИТЕЛЬ и УЧЕНИКЪ.

—

Шалунъ великій, Ученикъ,
На берегу пруда рѣзвяся, оступился,
И въ воду опустясь, ужасный поднялъ крикъ.
По счастію, за сукъ онъ ивы ухватился,
Которая шатромъ
Нагнула вѣтви надъ прудомъ.
На крикъ Ученика пришелъ его Учитель,
Престрогій человѣкъ и славный сочинитель.
«Ахъ, долго ли тебѣ во зло употреблять
Мое примѣрное терпѣнье?
Воскликнулъ педагогъ: не должно ль наказать
Тебя за шалости, дурное поведенье?
Несчастные отецъ и мать! жалѣю васъ!
Ну какъ пойдешь ты мокрый въ классъ?
Не станутъ ли тебѣ товарищи смѣяться?...
Чѣмъ здѣсь въ пруду купаться,
Училъ бы лучше ты урокъ.
Забылъ ты, негодяй, мои всѣ приказанья;
Забылъ, что рѣзвость есть порокъ!
Достоинъ ты, весьма достоинъ наказанья;

И, ergo, надобно теперь тебя посѣчь.»
Однако же педантъ не кончилъ этимъ рѣчь,
Онъ въ ней употребилъ всѣ тропы и фигуры
И декламировалъ, забывшись до того,
Что бѣдный ученикъ его,
Который боязливъ и слабъ былъ отъ натуры,
Лишился вовсе чувствъ, какъ ключъ пошелъ
на дно.

Безъ разума ничто ученіе одно.
Не лучше ль мнѣ потороппться
Помочь тому, кто впалъ отъ шалости въ бѣду?
За это жъ съ нимъ браниться
И послѣ время я найду.

XL.

ДВА КРЕСТЬЯНИНА и ОБЛАКО.

«Смотри-ка, братъ Антонъ!
Сосѣду говоритъ Крестьянинъ Агафонъ;
А самъ весь поблѣднѣлъ и, такъ какъ листъ,
трясется:
Смотри-ка, туча къ намъ несется!»
— Такъ что̀ жъ? — «Какъ что̀? да градъ
пойдетъ,
И хлѣбъ у насъ побьетъ;
Все пропадетъ,

Озимое и яровое;
Голодный будетъ годъ, а тамъ, гляди, и моръ!..»
— Пустое, братъ, сосѣдъ, пустое!
Какой несешь ты вздоръ!
Не градъ, а дождь пойдетъ: давно къ дождю
вѣдь паритъ...
Вотъ каплетъ, кажется. Ужъ то-то хлѣбъ по-
правитъ!
Мы уберемъ его и много продадимъ,
Да браги наваримъ:
Гуляй и пей ужò, зимою!
Пусть дождь идетъ, я очень радъ.
«Ну, посмотри, посыплетъ градъ.»
— Нѣтъ, дождь пойдетъ. — «Градъ.» — Дождь,
не спорь же ты со мною.
«Да чтò и спорить съ дуракомъ?»
Антонъ за это хвать сосѣда кулакомъ;
Тотъ въ ухо хвать его, и драка началася.
Ни градъ, ни дождь еще нейдетъ,
А кровь изъ обоихъ ужъ льетъ.
Межъ-тѣмъ прочистилось и туча пронеслася.

═

XLI.

ЯШКА ПОВАРЪ.

—

У одного здѣсь дворянина,
Проворный Яшка былъ дѣтина.

Взглянулъ ли онъ на что̀, ужъ перейметъ какъ-
разъ,
И то, надъ чѣмъ иной потѣетъ
Обыкновенно цѣлый часъ,
Въ минуту у него поспѣетъ.
Вотъ этотъ парень-хватъ, наукѣ поварской
Къ Французу отданъ былъ учиться,
И въ мѣсяцъ Яшка самъ кухмистеръ сталъ такой,
Что никакому съ нимъ Французу не сравниться:
По крайней мѣрѣ такъ онъ барину сказалъ;
А баринъ столъ ему готовить приказалъ,
Да и гостей къ себѣ назвалъ,
Чтобъ поваромъ своимъ предъ ними похвалиться.
Ну Яшка въ кухнѣ суетиться,
И жаритъ и варитъ,
Въ рукахъ все у него кипитъ, —
Вѣдь дѣло мастера боится.
Но вотъ ужъ кушанье поставили на столъ;
Хозяинъ за столомъ и гости всѣ сидѣли,
Какъ Яшка съ фартукомъ въ столовую вошелъ.
Тутъ баринъ закричалъ:—«Мы ничего не ѣли,
По милости твоей: ты супъ пересолилъ,
Жаркое изсушилъ,
Всѣ кушанья хоть брось! Вотъ такъ-то ты
учился!
И, негодяй, еще хвалился!»
—Да я, сударь, поторопился;
А ужъ проворнѣе меня нѣтъ никого. —
Тарелкой господинъ пустилъ съ стола въ него,
Мигнулъ дворецкому; тотъ въ сѣни вывелъ Яшку,
И тамъ, оставя лишь на немъ одну рубашку,

Полсотни лозановъ въ хребетъ ему влѣпилъ,
А самъ твердилъ:
«Не торопись, не торопися;
Чего не смыслишь, такъ за то и не берися.»

Иной писатель поспѣшитъ,
Да всѣхъ и насмѣшитъ.

═

XLII.

СОЛОВЕЙ И ВОРОНЪ.

—

У одного купца былъ тульскій Соловей,
При мнѣ охотникъ сто рублей
Давалъ ему, но тотъ взять денегъ не рѣшился.
Я и за двѣсти бы продать не согласился.
Бывало, лѣтомъ запоетъ,
Начнетъ свистать, щелкать, такъ всякой, кто идётъ
По улицѣ, глядишь, стоитъ разиня ротъ.
Ужъ подлинно сказать, не Соловей былъ,—чудо!
Любили въ домѣ всѣ его.
Богъ знаетъ только отчего
За нимъ ходили худо.
У этого жъ купца былъ Ворòнъ: онъ не пѣлъ
А очень много ѣлъ.
Никто прожору не терпѣлъ;
Не иначе его какъ чернымъ чортомъ звали,

Однако пить и ѣсть всегда ему давали.
Не дай-ка, черный чортъ всѣмъ уши прокричитъ.
«Да что, Михеичъ, нашъ Соловушко молчитъ?»
Хозяйка какъ-то разъ сожителя спросила.
— Онъ и вчера не пѣлъ, служанка подхватила:
Ужъ нѣтъ ли типуна?
«А можетъ быть линяетъ
Хозяинъ говоритъ, беретъ стулъ и съ окна
Самъ клѣтку бережно снимаетъ;
Глядитъ —
Анъ въ клѣткѣ Соловей вверхъ ножками лежитъ.
— Вѣдь умеръ Соловей! Михеичъ восклицаетъ.
«Какъ такъ? да отчего?»
— Ахти! да корму нѣтъ ни крошки у него!
«И водопойка вонъ пустая!
Ахъ, бѣдный Соловей! смотри бѣда какая!»
Чтожъ Воронъ? — И теперь живетъ.
Безстыдный съ голоду, повѣрьте, не умретъ.

XLIII.

КОШКИ ВЪ ПОГРЕБѢ.

«Ну, Власьичъ, что тебѣ скажу;
Купчиха толстая такъ мужу говорила:
Сегодня въ погребъ я лишь двери отворила,
Анъ, погляжу —
Двѣ крысы у меня большія подъ ногами,
Съ предлинными хвостами.
Я такъ и обмерла!...

Горшокъ со сливками ужъ на боку нашла.
Житья отъ крысъ не стало!
Что бъ мышеловку намъ купить?»
—Вотъ! деньги по-пусту платить!
Да развѣ въ домѣ кошекъ мало?
Возьми, Кузьминишна, всѣхъ кошекъ и котятъ;
Запри на погребъ ихъ: пускай тамъ крысъ ѣдятъ.—
Исполнила жена сожителя велѣнье,
И кошки посланы на погребъ въ заточенье.
На утро къ узникамъ Кузьминишна идетъ,
И что же въ погребѣ ея взоръ поражаетъ!
Изъ кринки Машка сливки пьетъ,
А Васька мяса часть сыраго убираетъ;
Котята полотки, дичину тормошатъ;
Горшки и кадочки всѣ на боку лежатъ.
«Ахъ, вы проклятые! хозяйка закричала:
Постойте! вотъ я васъ!»
Рука со связкою ключей у ней дрожала,
Взмахнула ею — вмигъ исчезли всѣ изъ глазъ,
А бѣдная на ледъ всей тушею упала,
Да такъ, что съ полчаса не встала.
Вотъ жалобу она хозяину творитъ,
На кошекъ требуетъ управы.
Подумавъ, Власьичъ ей на это говоритъ:
«И кошки, да и мы неправы.
Оставимъ въ погребѣ ужъ Ваську одного:
Одинъ онъ столько не наблудитъ;
А если станешь ты всегда кормить его,
Тогда и воровать, авось, совсѣмъ не будетъ.»

═

XLIV.

ВОДОПАДЪ И РѢКА.

—

Съ ужаснымъ шумомъ низвергался
Ручей кристальною стѣной
Съ горы высокой и крутой,
О камни съ пѣной раздроблялся,
Кипѣлъ, крутилъ песокъ, ревѣлъ,
И въ берегахъ стрѣлой летѣлъ;
Ни птица, ниже звѣрь, къ нему не приближались,
И ноги смертнаго въ него не опускались.
Нашелся наконецъ,
Одинъ отважный молодецъ,
Который на конѣ черезъ него пустился:
Онъ отъ разбойниковъ бѣжалъ,
И смѣлымъ отъ боязни сталъ.
До бедръ конь только замочился,
И вынесъ на берегъ противный сѣдока.
Разбойники за нимъ. Онъ лошадь погоняетъ;
Скакалъ, скакалъ и видитъ, что рѣка
Ему дорогу пресѣкаетъ. —
Рѣка была не широка;
Притомъ весьма тиха, какъ зеркало гладка:
И такъ онъ смѣло въѣхалъ въ воду.
Но что̀ жъ? въ мгновеніе одно
Пошелъ съ конемъ на дно,
И на съѣденіе нѣмыхъ достался роду.

Иной угрюмъ, суровъ, сердитъ,
Шумитъ, но только не вредитъ;
Другой такъ смиренъ, тихъ и на рѣчахъ прекрасенъ;
Но онъ-то и опасенъ.

XLV.

КРЕСТЬЯНИНЪ И КЛЯЧА.

«Ну, матушка?.. о, дьяволъ! стала!
(Филатъ такъ Клячѣ говорилъ
Въ лѣсу, гдѣ дровъ онъ пропасть нарубилъ
И возъ престрашный навалилъ)
И съ мѣста не сошла еще, уже устала,
Дворянка!... я тебѣ вотъ дамъ!»
При словѣ семъ схватилъ Филатъ мой хворостину
И ею ну возить онъ бѣдную скотину,
И по спинѣ и по бокамъ.
Упала Кляча на колѣни,
Какъ-будто милости хотѣла симъ просить;
Филатъ неумолимъ, терпѣть не можетъ лѣни,
И продолжаетъ бить.
Приподнялась она тутъ нехотя на ноги,
И кой-какъ потащила возъ.
«Пошла! пошла! легко: смотри какой морозъ!»
Но Кляча стала вдругъ опять среди дороги

И далѣе нейдетъ.
Опять Филатъ ее съ плеча дубиной бьетъ.
Упала, бѣдная, и уже не встаетъ,
Не тронется, не шевелится.
Филатъ, примѣтя то, дивится —
Посмотритъ: Кляча умерла!
Какъ взвоетъ мой мужикъ: «Одна лишь и была
Лошадушка — и та вотъ пала!
Пропала голова моя теперь, пропала!
Чѣмъ прогнѣвилъ тебя, о, Господи! Филатъ?»
А самъ, бездѣльникъ, виноватъ.

Ужъ нечего сказать, крестьяне
Какъ мучатъ бѣдныхъ лошадей!
Не хуже, право, чѣмъ людей
Въ какой-нибудь глуши Дворяне.

XLVI.

РОЗА И РѢПЕЙНИКЪ.

Рѣпейникъ возгордился,
Да чѣмъ же? — Съ Розою въ одномъ саду
онъ росъ!

Иной молокососъ,
Который цѣлый курсъ проспалъ и пролѣнился;

А послѣ и въ писцы на дѣлѣ не годился,
Твердитъ, поднявши носъ:
«Съ такимъ-то вмѣстѣ я учился!»
— Хорошъ тотъ, слова нѣтъ; ему хвала и честь,
Да что, скажи, въ тебѣ-то есть?

═

XLVII.

МАЧИХА и ПАСЫНОКЪ.

—

У Мачихи былъ Пасынокъ, ребенокъ
Лѣтъ двухъ, иль трехъ, не болѣе того.
Удобрилась она однажды до него
И молочка дала. «Ну, трескай, пострелёнокъ!
И ложки-то держать не можешь ты, уродъ!
Подай··· разинь же ротъ.
Вотъ за грѣхи корми изъ рукъ своихъ чертёнка,
Какъ-будто бы цыпленка,
И няньчись съ этакимъ большимъ!
Смотри: весь облился!»—Тутъ ложку обернула,
И ею въ глазъ такъ ткнула,
Что сдѣлала навѣкъ кривымъ.

Не оттого ль у насъ пословица взялась:
Хоть кормятъ ложкою, а стеблемъ колятъ глазъ?
Есть благодѣтели, которые надъ нами

Хотятъ всегда быть господами,
И точно какъ слугу трактуютъ бѣдняка.
Ахъ, лучше не хлебать вѣкъ цѣлый молока,
Но быть съ обоими глазами!

═

XLVIII.

МАКАРЬЕВНИНА УХА.

—

Макарьевна уху сварила:
Десятка три ершей,
Налимовъ двухъ и двухъ лещей,
Со стерлядью большой, въ кострюлю положила,
Да лучку, корешковъ — и соли не забыла.
Кондрата Козмича съ хозяйкой пригласила,
И дорогимъ гостямъ ушицу подаетъ.
Отвѣдали — но въ душу имъ нейдетъ.
Чтò жъ такъ? Проклятая, уху пересолила.

Иной острякъ, иль *баловень*-піитъ
Ужъ такъ стихи свои пересолитъ,
Или, какъ говорятъ поэты-обезьяны:
Положитъ густо такъ *румяны*,
Что смысла не видать.
Охота же кому безсмыслицу читать!

═

XLIX.

БЛИНЫ.

—

На масляницѣ здѣсь одинъ
Пріѣзжій дворянинъ
Просилъ пріятеля къ себѣ блиновъ покушать.
(Не лучше ль ѣсть блины, чѣмъ оды, притчи
слушать?)
Пришелъ тотъ и принесъ съ собою аппетитъ.
И водка и икра ужъ на столѣ стоитъ.
Хозяинъ на людей кричитъ
И подавать блины велитъ.
«Скорѣе жъ подавайте!..
Угодно водочки?... полнѣе наливайте!»
Вотъ подали блины:
Чернёхоньки, всѣ сожжены.
«Назадъ, назадъ! Я этихъ ѣсть не стану!
Скажите Купріяну,
Чтобы прислалъ другихъ,
Да не такихъ.
Получше... слышишь ли? съ яичками, съ при-
пёкой!
Скорѣе жъ!» — Слушаю-съ — сказалъ лакей
высокой,
Ушелъ и черезъ пять минутъ
Блины другіе подаютъ.
Блины ужъ были не такіе,
Съ припекою — зато прекислые, сырые.

«И этихъ ѣсть нельзя! Вотъ, право, грѣхъ
каковъ!
Но дѣлать нечего, быть, видно, безъ блиновъ!
Хоть хлѣбца намъ къ икрѣ подайте!
Селедку, масла, сыру дайте...
Скажу вамъ, у меня вѣдь поваръ золотой!
И предводитель нашъ такого не имѣетъ;
Готовить кушанья онъ только не умѣетъ —
Ну, каши не сваритъ простой.
Но, впрочемъ, я имъ страхъ доволенъ.»
— Да чѣмъ? желалъ бы знать. — «Опрятенъ
и проворенъ.»

L.

КУЛИКЪ-АСТРОНОМЪ.

«Куликъ великъ! Куликъ
Великъ! Куликъ великъ!»
Такъ хрюкала въ лѣсу Свинья, или Веприца,
Большая мастерица
И врать
И жрать.
— Да полно же тебѣ! сказала ей Лисица.
Что̀ клеплешь ты на Кулика?
Чѣмъ эта птица велика?
Лишь только носъ большой, какъ у кострюли
ручка;

А самъ онъ что̀ за штучка!
Ты, видно, спятила, Хавроньюшка, съ ума.
«Ахъ, ты, безбожница-кума!
Да знаешь ли, Куликъ мой *геній-самоучка!*
Великій астрономъ!
Что̀ передъ нимъ мясникъ коломенскій Пахомъ!
Куликъ мой, по своей охотѣ,
Весь день и ночь все на болотѣ...»
— А что̀ же дѣлаетъ онъ тамъ?
«На кочку съ кочки онъ, мой миленькій, летаетъ
И звѣзды носикомъ считаетъ:
А астрономіи вѣдь выучился самъ;
Не зная грамотѣ, и по однѣмъ звѣздамъ
Все, все тебѣ разскажетъ,
И что̀ гдѣ есть покажетъ.
Однажды указалъ мнѣ кучу жолудей...

Есть свиньи изъ людей,
Которыя невѣждъ такъ превозносятъ,
Да за это у нихъ чего-нибудь и просятъ.

═

LI.

ЧЕРНЫЙ КОТЪ.

(Посв. А. Я. П.)

—

Вы любите кота?
Любите: онъ вѣдь сирота;
Малюткой вамъ еще достался;

Кто подарилъ его, тотъ съ жизнью разстался.
Отличенъ всѣмъ вашъ котъ: умомъ и красотой,
Плѣняетъ взоры онъ своею пестротой.
Какая бѣлизна съ блестящей чернотой!
Гордяся быть у васъ слугою,
Какъ важно спину онъ сгибаетъ вверхъ дугою
И, ластяся вкругъ васъ, мурлычитъ и ворчитъ.
Какъ милъ, когда противъ дивана,
Свернувшися клубкомъ, онъ на шкафу лежитъ,
И шейку приподнявъ, по времснамъ глядитъ
Какъ госпожа его сидитъ
За нотами у фортепіана;
Огонь блеститъ въ его глазахъ,
Игрою вашей очарованъ,
Лежитъ, какъ-будто бы прикованъ,
Не думаетъ и о мышахъ.
Да ѣстъ ли онъ мышей?... Онъ вами избалованъ;
Шерсть лоснится — такъ онъ жиренъ.
А, нечего сказать, прекрасенъ и уменъ!
Коты и всѣ умны, но только лицемѣры.
Я знаю многіе примѣры.
Сказать ли сказку вамъ про чернаго кота,
Который ужъ въ преклонныя лѣта
Въ молоденькую мышь влюбился
И чуть-чуть жизни не лишился?...
Котъ этотъ былъ злодѣй:
Въ анбарахъ, въ погребахъ его всѣ трепетали;
И усачомъ его, Арабомъ называли;
Жестокосердіемъ превосходилъ судей
Въ республикахъ, во время бунта —

Хотя говядины ѣлъ каждый день полфунта,
Но все мышей и крысъ и воробьевъ ловилъ,
Ловилъ — да и давилъ.
Однажды Мышку онъ увидѣлъ молодую,
Такую
Прелестную, какой ни раза не видалъ, —
Увидѣлъ, — изумился,
Глазами засверкалъ
И по уши въ нее влюбился
На старости мой черный Котъ.
Подвластны всѣ любви — и человѣкъ и скотъ.
Хотѣлъ Котъ броситься предъ Мышкой на колѣни;
Но та бѣгомъ, бѣгомъ изъ комнаты да въ сѣни,
И въ норку юркъ.
Простерся Котъ передъ норою,
Лежитъ гора горою.
«Виновница моихъ смертельныхъ мукъ!
Онъ мышкѣ говоритъ, вздыхая
И лапу въ нору запуская:
Люблю, люблю тебя — дай на себя взглянуть.
Я честный котъ, всѣ кошки это скажутъ,
И боги пусть меня накажутъ,
Коль я хочу...» — Я не хочу!
Изъ норки Мышь кричитъ Арабу-усачу,
Ну, не хочу и не хочу! —
Поджавши хвостъ, повѣся внизъ головку,
Пошелъ Котъ бѣдный прочь;
Опять пришелъ назадъ, провелъ у норки ночь,
Не только говорилъ, и плакалъ; но плутовку
Никакъ не могъ онъ убѣдить,
Чтобъ вышла, показала глазки;

Напрасно было все, какъ слезы, такъ и ласки.
Рѣшился наконецъ ее онъ подарить,
И говоритъ: «Послушай,
Вотъ, милая, тебѣ ветчинный свѣжій жиръ,
Голландскій лучшій сыръ,
Конфекты... Я уйду, ты безъ меня покушай.»
Сказалъ, дары свои у норки положилъ,
Вздохнулъ и скрылся.
На завтра Котъ опять съ гостинцами явился,
И съ мѣсяцъ каждый день къ жестокой онъ ходилъ,
Чего онъ ей ни говорилъ?
Чего, чего ни приносилъ?
Но тщетно все — любить его Мышь не хотѣла
Или хотѣла, да не смѣла.
А Котъ
Совсѣмъ ужъ сталъ не тотъ:
Разбоемъ онъ не занимался;
По крышамъ, чердакамъ, анбарамъ не таскался,
Мышей и крысъ не ѣлъ,
Ужасно похудѣлъ,
Чуть ноги волочилъ и такъ какъ тѣнь шатался.
Къ возлюбленной его о томъ дошла молва.
Неопытная удивилась;
Отъ жалости едва-едва
Она не прослезилась;
Но на свиданіе съ зубастымъ не рѣшилась,
Хотя и слышала, что скоро онъ умретъ.
Вотъ наконецъ приходитъ къ норкѣ Котъ.
Чуть дышетъ! Въ чемъ душа! Совсѣмъ доска доскою!

«Въ послѣдній разъ тебя, мой свѣтъ, я безпокою,
Такъ говоритъ губитель прежній крысъ;
Ты на меня не осердись —
Грѣшно и на враговъ предъ смертью ихъ сердиться, —
Пришелъ съ тобою я проститься.
Что̀ дѣлать, если я любимымъ быть не могъ,
По крайней мѣрѣ я умру теперь у ногъ
Твоихъ . . . Прости! . . .» — Съ симъ словомъ протянулся . . .
Лежитъ часъ, два — не смѣетъ и дохнуть.
Вотъ Мышкѣ вздумалось на мертвеца взглянуть,
Изъ норки выползла, поближе; Котъ очнулся,
Какъ тигръ на бѣдную прыгнулъ,
Когтями такъ ее давнулъ,
Что только пикнула — и поминай какъ звали!
Съ отчаянья, съ печали,
Не зналъ что̀ дѣлать Котъ.
Вотъ Мышку въ зубы онъ беретъ,
Потомъ передъ себя кладетъ . . .
Глядитъ, какъ сибаритъ на статую Венеры;
Глядѣлъ, глядѣлъ,
Да всю и съѣлъ —
Опять сталъ ѣсть мышей, опять онъ растолстѣлъ!

Всего противнѣй мнѣ Тартюфы-лицемѣры!
О, какъ бы я былъ радъ,
Когда бы поскорѣй они попали въ адъ!

═

LII.

СОБАКА И СЕКРЕТАРЬ.

Быль и Сказка.

Вотъ Софьи Дмитревны не стало —
И Гекторъ сталъ совсѣмъ другой,
Ужъ не такой,
Чтò былъ при ней. Бывало
Ни на кого онъ не глядѣлъ,
И, кромѣ барыни, другихъ знать не хотѣлъ;
Хлѣбъ бѣлый нюхалъ, а не ѣлъ;
Къ одной лишь госпожѣ ласкался;
На слугъ и на гостей рычалъ:
Поэтовъ-баловней, — и тѣхъ не отличалъ!
Все по диванамъ онъ, какъ графъ какой, валялся.
Но послѣ *масляной* всегда приходитъ *постъ*.
Теперь Гекторъ, поджавши хвостъ,
Лежитъ, но только не въ диванной.
А гдѣ же? — Въ кухнѣ, на полу,
Въ углу,
И безъ подушечки сафвянной.
Повѣрить ли тому? Хлѣбъ черный началъ ѣсть..
Гектòрка! скажетъ кто — ему и это въ честь.
Уже *Гекторинькой* его не называютъ,
Ужъ на диванъ его, на креслы не сажаютъ
И *кушаньки* ему не вò-время даютъ.

Кому его кормить? — Слегла въ постель Варвара,
Залай лишь только онъ — того и жди удара.
О, варвары! Гектòра бьютъ
Не розгой тоненькой, какъ барыня бивала,
А чѣмъ попало...
Не возвратить ему счастливыхъ прежнихъ дней!
О госпожѣ своей и день и ночь онъ тужитъ,
Что болѣе ее не видитъ, ей не служитъ.
О, Гекторъ! не одинъ жалѣешь ты объ ней!

Имѣлъ я честь знать барина большова,
Который былъ не такъ умёнъ,
Какъ Софья Дмитревна Пономарева,
Но гордъ — какъ Фараонъ.
На старости онъ былъ влюбленъ
Въ Секретаря; а тотъ былъ Гектора умнѣе,
Однако не честнѣе:
Не только что съ чужихъ, и съ родственниковъ бралъ.
Поклонится ему, бывало, генералъ —
Онъ на него почти не взглянетъ;
А милость, говорить коль станетъ
И за руку возьметъ; ходилъ, поднявши носъ,
И — Господи прости — какъ пёсъ
На бѣдныхъ всѣхъ просителей кидался:
Облаетъ всякаго; лишь только не кусался.
Такъ велъ себя онъ до того,
Пока начальника его,
Вельможу гордаго извѣстнѣйшей породы,
Уволили на теплы воды;

Секретаря же подлеца
Изо дворца
Препроводили въ караульню.
Тутъ вспомнилъ фаворитъ цирюльню,
Въ которой нѣкогда учился кровь бросать,
Пока онъ не умѣлъ еще ее сосать.
Въ уединеньи, въ заточеньи
И въ сильномъ огорченьи
Что̀ дѣлать? какъ не пить?
И такъ онъ пилъ, для подкрѣпленья духу,
Сперва шампанское, тамъ ромъ, а тамъ си-
вуху —
И той не всякій день, къ несчастью, могъ ку-
пить!
И трезвый онъ и пьяный все сердился.
На гауптвахтѣ тутъ съ полгода просидѣлъ,
Потомъ освободился
И *находился*
До самой смерти *не у дѣлъ;*
Никто объ немъ не пожалѣлъ.

Временщики! временщики!
Не забывайтесь, не гордитесь —
И если вы не дураки,
Учтиво, ласково со всѣми обходитесь.
Повѣрьте: гордые, хоть поздно, но падутъ;
А добрые нигдѣ не пропадутъ.

═

LIII.

БѢГУНЪ и КЛЯЧА.

Однажды — право вамъ не лгу —
Я видѣлъ — гдѣ же? — на бѣгу,
Зимою, экипажъ чудесный,
Мой кумъ, чудакъ извѣстный,
Въ большія обшивни нарочно заложилъ
Залёта, рысака лихаго,
Красиваго и молодаго;
А *Сивку*, стараго, храмаго,
Который и воды лѣтъ пять ужъ не возилъ
И ростомъ съ козу былъ,
Припрягъ онъ тутъ же на пристяжку.
«Смотрите, говорилъ: свернется какъ кольцомъ!»
Самъ на бекрень надѣвъ фуражку
И въ руки возжи взявъ, сѣлъ въ сани молодцомъ.
Народъ вокругъ него толпится;
Кто лишь ни взглянетъ, удивится.
Одинъ плечами жметъ,
Тотъ улыбается — *Залётъ* копытомъ бьетъ.
Вотъ наконецъ мой кумъ пошевелилъ возжами—
Залётъ летитъ, какъ вихрь; а *Сивка* — вверхъ ногами!
Вмигъ на бокъ обшивни, оглобли обѣ вонъ.
Что̀ жъ Кумъ? — упалъ, бѣдняжка, онъ;
Но всталъ, встряхнулся
И усмѣхнулся.

«*Залётъ*, сказалъ — домой, я знаю, прибѣжитъ.»
— Да ты совсѣмъ ума рехнулся!
Ему Титъ Карпычъ говоритъ:
Какъ можно *бѣгуна* запрячь и *клячу* вмѣстѣ?—
На это кумъ ему въ отвѣтъ:
«Ступай-ка, дѣдушка, ступай къ своей невѣстѣ!
На головѣ волосъ, во рту зубовъ ужъ нѣтъ;
А хочешь, старый хрычъ, жену взять въ двадцать лѣтъ!»

═

LIV.

СОБАКА НА СѢНѢ.

—

Собака на сѣнѣ лежитъ
И къ сѣну не пускаетъ,
Отъ злости вся дрожитъ
И лаетъ:
Не дамъ, не дамъ,
Не дамъ я вамъ, ворамъ.
Не дамъ, не дамъ!
Къ Собакѣ злой, проклятой,
Ни добрый Конь, ни Волъ рогатой,
Не только что смиренная Овца,
Не смѣютъ подойти, рвануть клочокъ сѣнца;
А между-тѣмъ Козелъ смердящій, бородатый,
Съ надменной важностью стоитъ

Съ двумя Козами
Передъ ея глазами;
Блѣютъ, кряхтятъ
И сѣно въ-запуски ѣдятъ.
— Да что жъ Собака-то? Ужель она не видитъ?
— Нѣтъ, видитъ; но Козла съ Козами не обидитъ;
Они хоть сѣно и ѣдятъ,
Да говорятъ:
«Вотъ песъ, какого не бывало:
Какъ много лаетъ! Какъ спитъ мало!
Собакамъ всѣмъ честь и краса!
Ахъ, надобно ему дать золотой ошейникъ!»
— Нѣтъ, этотъ песъ-мошенникъ!
Дубиной бы такого пса
Или каменьемъ, для примѣра,
Какъ шельму-лицемѣра.
А объ Козла, объ Козъ,
Не худо бъ изломать пука три добрыхъ лозъ.

LV.

ДВѢ КОЗЫ.

Подражаніе Лафонтену.

По жордочкѣ чрезъ ровъ шла чопорно Коза,
На встрѣчу ей другая.
«Ахъ, дерзкая какая!
Гдѣ у тебя глаза?

Не видишь развѣ ты, что предъ тобою дама?
Посторонись!»
— Направо кругомъ обернись
Сама, а я упряма....
Да почему ты дама?
Такая же коза, какъ я, —
«Какъ ты? Ты чья?
Ты шустера Абрама,
А я Исправница! Исправникъ баринъ мой!
Майоръ!» — Такъ чтожъ? И мой осьмаго также
класса,
Честнѣе твоего драбанта Брамербасса,
Да поумнѣй чѣмъ твой.
Абрамъ Самойлычъ Блутъ штабъ-лѣкарь
Всѣмъ лѣкарямъ у насъ въ губерніи примѣръ:
Онъ операторъ, акушеръ;
Имъ не нахвалится аптекарь.
А твой Исправникъ-то головкой очень слабъ,
Въ дѣлахъ онъ знаетъ меньше бабъ,
Лишь мастеръ драться съ мужиками,
Деретъ съ нихъ кожу онъ обѣими руками.
Не правду что ли говорю?
Пойдемъ къ секретарю,
Иль къ стряпчему; спроси. — «Вотъ я тебя
рогами,»
— Есть роги и у насъ; бодаемся мы сами.—
Сошлись нагнувшися и стукнулися лбами.
Летитъ исправница, штабъ-лѣкарша летитъ,
Летятъ внизъ обѣ вверхъ ногами.
Ровъ преглубокій былъ; на днѣ лежалъ гра-
нитъ,

Бухъ Козы объ него, и поминай какъ звали!
Вороны съ галками тутъ долго пировали.

Пустая, право, честь
Впередъ идти, иль выше сѣсть.
Что до меня, такъ я, ей Богу
Дамъ всякому скоту дорогу.
Признаться, я вѣдь трусъ:
Скотовъ и женщинъ злыхъ особенно боюсь.

═

LVI.

ДВА ПОПУГАЯ.

Быль.

(Въ альбомъ Е. Г. и К. Г. Сар....вымъ).

—

Что̀ напишу въ альбомъ двумъ умницамъ дѣвицамъ,
Роднымъ между собой сестрицамъ?
По мадригальчику? — Нѣтъ, нѣтъ!
Нѣтъ, молоды еще! И старшей много ль лѣтъ? —
Что въ мадригалахъ? — Лесть пустая!
И, право, мудрено талантъ въ нихъ показать.
Не лучше ль сказочку сказать?...
Послушайте жъ: два были Попугая:

Одинъ Жоко,
Другой — Коко.
Двумъ милымъ барышнямъ они принадлежали;
И барышни ихъ баловали:
Нерѣдко у сестрицъ
На ручкахъ видѣли обѣихъ птицъ;
Онѣ легохонько чесали имъ головку
И знали всю сноровку
Какъ ихъ заставить закричать,
А послѣ замолчать.
Разъ двадцать въ день иной къ ихъ клѣткамъ подходили,
Бисквиты, сахаръ приносили....
Но вдругъ онѣ свои визиты прекратили. —
«Коко! Коко!
(Вскричалъ, нахохлившись Жоко)
Вотъ барышни-то насъ совсѣмъ и позабыли!
Непостоянницы!....» — Дуракъ!
(Коко сказалъ на это такъ)
Какъ благодѣтельницъ ты нашихъ обвиняешь!
Да развѣ ты не знаешь,
Что барыня больна?
Почти ужъ двѣ недѣли
Лежитъ безъ памяти, не говоритъ она;
Такъ барышни сидятъ все у ея постели.
Нашъ баринъ вице-адмиралъ,
И тотъ въ коллегію ужъ ѣздить пересталъ.
Вотъ онъ смерть на моряхъ видалъ,
Да такъ, какъ нынѣ, не боялся.
Ужъ Арндъ не мастеръ ли лѣчить,
И тотъ едва не испугался.

Дай Богъ, чтобъ онъ ея болѣзнь могъ облегчить,
Чтобы она была попрежнему здорова,
И счастіе, покой появятся здѣсь снова.
Авось услышитъ Богъ мольбы ея дѣтей
И нѣжнаго супруга,
И сохранитъ для нихъ супругу, мать и друга?....
А ты на барышень роптать никакъ не смѣй.

Нравоученіе въ прибавку:
Чтобы оправдывать, или чтобъ обвинять,
Потребно выслушать всю справку
И хорошо ее понять.

Эпилогъ.

Конечно, барышни, усердно вы молились
И Богъ услышалъ васъ,
Что маменьку вамъ спасъ.
О, еслибъ вы ее лишились —
Тогда бъ, тогда....
Неизъяснимая была для васъ бѣда!
Что въ вашемъ возрастѣ всего, всего нужнѣе
Дѣвицамъ? — Умная, чадолюбива мать.
А вашей маменьки быть можно ли нѣжнѣе,
Добрѣе и умнѣе?
Старайтесь же во всемъ ее вы утѣшать.

═

LVII.

ЗМѢЯ и СВИНЬЯ.

—

«Премудрая Змѣя!»
Сказала ей Свинья:
«Боятся всѣ тебя за то, что ядовита.
И я сердита
Да не сильна.
О! еслибъ я была величиной съ Слона,
Тогда бы не дала я надъ собой ругаться.
Должно быть весело тому, кого боятся!
Не столько хочется мнѣ свѣжихъ желудей,
Какъ славы, чтобъ и я могла пугать людей;
Чтобы передо мной дрожали
И отъ меня безъ памяти бѣжали.»
Змѣя въ отвѣтъ:
— Хавронья! у тебя догадки вовсе нѣтъ.
Вѣдь ты валяешься въ грязи? — «Ну чтожъ? валяюсь.
Случится иногда, какъ чортъ перемараюсь.»
— Марай же и враговъ своихъ,
Коль хочешь быть страшна для нихъ. —
Какъ за это Змѣю Свинья благодарила!
Боялись всѣ ея замараннаго рыла.

Кто самъ замаранъ, тотъ мараетъ и другихъ.

═

LVIII.

ФОРТУНА и ДОСТОИНСТВО.

(Съ Французскаго).

—

Фортуна хоть слѣпа, одна безъ палки шла
И на достоинство вдругъ какъ-то набрела:
«Ахъ, милой мой! сказала:
Искала я тебя, искала!
Измучила себя.
Что скажешь?» — Ждалъ тебя.

═

LIX.

СЛОНЪ и СОБАКИ.

—

Брыланъ задорный песъ,
Съ большой Свиньей схватился,
Возился съ ней въ грязи, возился,
Свиною кровью обагрился,
Всю Свинью искусалъ, прогналъ и... поднялъ носъ.
«Знай, наши каковы кусаки!
Сказалъ онъ ей: и вѣкъ Брылана поминай.»
Возрадовались всѣ его друзья собаки.

— Ай! ай!
Визжитъ, вертя хвостомъ, Брехъ, пудель сухощавой:
Покрылъ себя, Брыланъ, ты славой!
Ай, ученикъ! Ай, другъ!
Прославилъ ты нашъ кругъ! —
— Ай! ай! Брыланъ! ай! ай! — визжатъ тутъ и щенята:
Хвала, свиной герой! — «Послушайте, ребята!»
Брыланъ преважно возгласилъ:
«Чуть, чуть я у Свиньи хвоста не откусилъ.
Когда же сладилъ со Свиньею,
Примусь и за Слона: ну что? *въ родню хоть толстъ*,
Да не въ родню, быть-можетъ, *простъ*.
Друзья! за мной!
Я знаю, Слонъ идетъ теперь на водопой;
Маршъ на Волынскій Дворъ!» — За нимъ всѣ побѣжали....
Увидѣли Слона.... смѣшались, задрожали,
Попятились. — «Стой, толстый, стой!»
Кричитъ Брыланъ: «какъ смѣлъ обидѣть ты дворняшку?»
— Какую? — «Завирашку.
Проси прощенія; не то, братъ, на дуэль!
Заставлю пролежать въ сараѣ шесть недѣль.»
— Да отвяжись! Чего ты хочешь?
Не прыгай высоко, вѣдь на клыки наскочишь.—
«Что предъ дворняшкою ты виноватъ, скажи
И всею правдою въ неправдахъ намъ служи;
Велимъ ли проучить кого, такъ разможжи;

Лизать — лижи.»
— Лизать? — Вотъ Слонъ тутъ осердился,
Брылана хоботомъ схватилъ,
Черезъ рѣшетку вмигъ его въ каналъ спустилъ;
И гдѣ же? Въ полыньѣ, каналья, очутился;
А Пудель?... на языкѣ хотя онъ и остеръ,
Но Нѣмецъ, такъ хитеръ
И совѣстнѣй притомъ: нѣтъ, онъ не горячился
И впереди щенятъ бѣжать назадъ пустился.

Хоть какъ собака ни сильна,
Но гдѣ ей одолѣть Слона!
Бѣда, когда дойдетъ до драки.
Не трогайте жъ Слоновъ, Собаки!

═

LX.

СОБАЧЬЯ ЗАВИСТЬ.

—

Барбоска у крыльца избы людской лежалъ.
Къ нему безъ памяти вдругъ Жучко прибѣжалъ
И говоритъ: «Барбоска!
Вѣдь господа
Прiѣхали изъ Питера сюда,
А съ ними моська,
Хрипунья старая, Полканъ...»
Щенчишка? — «Погляди какой сталъ великанъ!

Да какъ пристегали къ нему ошейникъ…»
— Ошейникъ? Ахъ, мошенникъ!
Давно ли я таскалъ за шиворотъ его?
Намъ, старикамъ, такъ ничего?
Ну, право, господа не знаютъ,
За что такъ награждаютъ!
Да попадись онъ мнѣ, то я ужъ проучу:
Какъ за уши схвачу
И таску
Такую дамъ…, —
«А вотъ онъ самъ;
Ну, дай-ка, братъ, ему острастку.»
Взглянулъ Барбосъ —
По жиламъ пробѣжалъ морозъ:
Собаку страшную онъ видитъ предъ собою;
Полканка былъ не то, что за годъ передъ симъ,
Нѣтъ, не Барбоскѣ ладить съ нимъ.
Ретироваться онъ хотѣлъ бы прежде бою.
Вскочилъ подлецъ. Не знаетъ что̀ сказать,
Хвостомъ вертитъ — и ну щенка лизать.

Вотъ такъ-то Гуръ Пафнутьичъ разсердился
На Разумова, что тотъ орденъ получилъ. —
«Да какъ онъ къ намъ опредѣлился,
Я ужъ тогда…. въ архивѣ былъ
Помощникомъ! А онъ былъ что? — мальчишка,
Такъ, школьникъ, писаришка!
Теперь ассессоръ, кавалеръ!
А я ужъ тридцать лѣтъ, какъ оберъ-офицеръ,
Но нѣту у меня и бронзовой медали;

Левъ сдѣлалъ приставомъ Собаку при Овцахъ.
Волкамъ Собака страхъ.
Одинъ изъ нихъ хотѣлъ ягненкомъ поживиться,
Схватилъ его и въ лѣсъ понесъ;
Но нагналъ вора вѣрный пёсъ
И долженъ былъ Волкъ ужина лишиться
Да клочкомъ шерсти поплатиться.
Волкъ съ жалобою въ судъ идетъ,
(Оселъ тамъ былъ судья, а секретарь Лисица,
Докладывать большая мастерица)
Гостинецъ и поклонъ секретарю несетъ —
Докладъ Лисица подаетъ:
Отъ слова до слова прошенье прописала,
Законы подвела,
Но объ ягненкѣ не сказала.
И сказать! она при дѣлѣ не была.
И вотъ, безъ всякихъ справокъ,
И безъ очныхъ, какъ должно, ставокъ,
Послѣдовалъ журналъ, что «въ силу скотскихъ правъ»
За оскорбленье волчьей чести
И вырванье съ *азартомъ* шерсти,
Взыскать съ Собаки должно штрафъ,
Безчестье и увѣчье;
А стадо же овечье
Другому на время поручить,
Собаку же отъ мѣста удалить,
Для сбереженья пользы львиной.»
[illegible] докладъ Лисы и судъ ослиной,
Особенно въ дали, въ глуши!
Что [illegible]
По душѣ имъ такъ и [illegible].

LXIII.

КАНАРЕИКА и СОЛОВЕЙ.

—

Въ красивой клѣткѣ у окна
Въ саду висѣла Канарейка,
И пѣла цѣлый день она;
али жъ, гдѣ изъ березъ однѣхъ была аллейка,
Къ смородиннымъ, малиновымъ кустамъ,
Въ уединеньи тамъ
ылъ Соловей всю ночь и рано по утрамъ.
И человѣкъ, и звѣрь, и птица,
И все, что ни имѣетъ кровь,
есною чувствуетъ всесильную любовь.
Вотъ познакомилась съ пѣвцомъ пѣвица.
ля Соловья забытъ бездѣльникъ попугай
Въ зеленомъ щегольскомъ мундирѣ;
Всѣхъ птицъ милѣе, лучше въ мирѣ
вицѣ Соловей, — какъ запоетъ, такъ рай.
И Соловей, любимецъ розы,
Нерѣдко ночью покидалъ
Свои душистыя березы,
ома подъ окномъ по цвѣтнику порхалъ
И въ чаяньи награды
сереневыхъ кустахъ давалъ ей серенады.
Канареечку всѣмъ сердцемъ полюбилъ.
ла, какъ артистъ, неловокъ, робокъ былъ,
Но наконецъ рѣшился
страсти пламенной, вздыхая, объяснился.

Чувствительная жъ дщерь Канарскихъ-остро-
вовъ,
Желтѣй соломы и лимона,
Зажмуряся, въ полтона
Пропѣла, что и ей милъ лучшій изъ пѣвцовъ.
Любовники уговорились
Въ лѣсъ дальній улетѣть;
Забыли клѣтку запереть;
Женихъ съ невѣстою пустились,
При покровительствѣ небесъ,
Въ желанный лѣсъ.
Летѣли долго — прилетѣли
Ужъ къ вечеру, въ густой кустъ сѣли,
Поцѣловались и запѣли.....
А съ самаго утра не ѣли.
Вотъ новобрачная супругу говоритъ:
«Какъ весело тебя мнѣ слушать!.....
Однако же нельзя ль чего-нибудь покушать?»—
—Сейчасъ, о ангелъ мой!—И соловей летитъ,
Какъ-бы отъ ястреба пустился,
Черезъ минуту воротился
— О другъ моей души!
Вотъ мураши,
И очень хороши!
Вотъ муравьиныя яички.....—
«Не для воспитанной, сударь, въ столицѣ птички.
Бисквитовъ принеси, конфетъ!»
— Увы, въ лѣсу ихъ нѣтъ!—
«Нѣтъ? Что же, съ голоду мнѣ умереть здѣсь
должно?»
—Пожалуй, сѣмячекъ найдти на полѣ можно.—

«Да! стану сѣмя я клевать!»
И ну тутъ милаго ругать,
Ужасно разсердилась
И къ попугаю въ садъ опять переселилась.

Неопытные женихи!
Когда плѣнитеся *воспитанной* дѣвицей,
Неразлучавшейся съ роскошною столицей:
Прочтите вмѣстѣ съ ней мои стихи.
Коль кушать согласится
Изъ *незабудокъ супъ* — совѣтую жениться.

═

LXIV.

ЧИЖЪ и СТРИЖЪ.

—

Гулялъ съ женою мужъ въ саду
И на бѣду
Предъ ними птичка пролетѣла
И на рябину сѣла.
«Смотри, смотри, жена; вонъ чижъ!»
— Не Чижъ, Иванычъ, стрижъ, —
«О вздоръ ты, дура, говоришь,
Ужъ я сказалъ, что чижъ, такъ ты должна мнѣ вѣрить.»
— Вотъ хорошо! не вѣрь своимъ очамъ,
А вѣрь твоимъ рѣчамъ —

«Я знаю чѣмъ тебя увѣрить:
За палкой не заставь сходить.»
— Стрижъ! стану все я говорить.
Чижи зеленоваты,
Стрижи же черноваты
И длинноваты.
Слѣпой увидитъ, это стрижъ. —
«Молчи жъ!»
И хлопъ жену по уху.
— Разбойникъ! только пить сивуху
И бить жену! Пей, варваръ, кровь мою,
А я за правду постою.
Стрижъ, а не чижъ! — Иваничъ за сивуху
Еще далъ плюху.
«Молчи.» — Не замолчу,
Не покорюся палачу.
Стрижъ, а не чижъ! — И битва закипѣла,
Михевна уступить тирану не хотѣла,
Язвитъ его, чѣмъ въ силахъ, языкомъ,
А онъ такъ кулакомъ.
Кокошникъ на гряду свалился,
Иванычъ мой остервенился,
Михевну за косу схватилъ
И сильною рукой въ крапиву потащилъ.
На крикъ несчастной прибѣжали,
Но безъ десятскихъ двухъ никакъ бы не отняли.
Калганиху-лѣкарку взяли!
Но знаніе ея, увы, не помогло!
Просили знахаря Вавилу —
Ничто Михевну не спасло:

От сквернаго стрижа пошла она въ могилу.

Не спорь изъ пустяковъ
И не бѣси злыхъ дураковъ;
Какъ язвы ссоры удаляйся;
Но гдѣ потребуетъ долгъ, совѣсть — не молчи
И говори, а не кричи,
Безъ сердца убѣдить старайся.

═

LXV.

ВОЛКЪ и ОВЦА.

—

Попала на Волка Овца:
Отъ стада бѣдная отстала.
«Ахъ, какъ умна ты стала!»
Воскликнулъ Волкъ: «но мнѣ давно пора обѣдать;
Нехудо твоего мясца
Теперь отвѣдать!
Прошу покорно въ лѣсъ!»
— Иль ты забылъ, что есть Зевесъ,
И что объявленъ всенародно
Льва самого указъ,
Чтобы Волкамъ не трогать больше насъ?
Такъ батюшкѣ-царю угодно.
Хвала ему и честь
И здравіе на многи лѣта! —

«Не знаешь, дура, свѣта,
Вѣдь надобно жъ и намъ что ѣсть,
Медвѣдю, тигру надо кушать;
Ихъ также должно слушать;
У нихъ богатые столы, большой расходъ.
Велика нужда имъ, что терпитъ вашъ народъ!
Левъ добръ, проститъ,—отъ нихъ не жди прощенья,
Ни даже послѣ объяденья;
Какъ имъ не сдѣлать угожденья?
Жди, что спасетъ тебя иль левъ, или Зевесъ:
До льва-то, знаешь ли, далеко,
До Зевса же высоко.»
Сказалъ и потащилъ бѣдняжку въ ближній лѣсъ.
Но вдругъ, какъ-бы съ небесъ,
Защитникъ къ ней явился:
Не левъ и не Зевесъ,
А преогромный песъ.
Волкъ, хвостъ поджавъ, бѣжать пустился,
Но песъ его догналъ
И разорвалъ,
А передъ тѣмъ ему сказалъ:
«То правда, Зевесъ высоко,
А левъ далеко,
Но уши и глаза у льва повсюду есть,—
Есть слуги вѣрные,—хвала имъ слава, честь!
О всемъ они льва извѣщаютъ,
Лѣса дремучи очищаютъ,
Какъ отъ Волковъ-убійцъ
Такъ отъ наставницъ ихъ лисицъ,
Главнѣйшихъ кровопійцъ.»

LXVI.

СКОТИНИНЪ и СВИНЬЯ.

Скотинину одинъ знакомый говорилъ,
Что онъ напрасно
Такъ страстно
Свиней любилъ;
Что даже и опасно
Бываетъ отъ свиней.
«Ну такъ, вѣдь ты, братъ, всѣхъ умнѣй!
Чего Свиней мнѣ опасаться?
Онѣ меня и любятъ и боятся.
А безъ Свиней, ей-ей, тебѣ не лгу
И жить я не могу:
Я выросъ со Свиньями,
Какъ ты межъ умными людями,
И знаю, сказано тебѣ будь не во гнѣвъ,
Получше, нежели вы всѣ, свиной мой хлѣвъ.
Не думай, чтобъ меня хавронья укусила:
Велико слово, говорю,
Расчетверю, распятерю,
Повѣшу на чердакъ окорока безъ рыла.
Безграмотный Тарасъ,
Вѣрь, право, не глупѣй всѣхъ грамотѣевъ васъ.»
Въ тезоименитство свое, иль именины
Скотининъ вздумалъ сдѣлать пиръ,
Сказать такъ, на весь міръ.
Сосѣдей пригласилъ, родныхъ всѣхъ Проста-
ковыхъ,

Надѣлъ съ голунчикомъ капральскій свой мундиръ,
И вотъ въ сапожкахъ новыхъ
Идетъ онъ съ важностью на задній скотный дворъ,
Свиней, Свиней въ грязи его тамъ ищетъ взоръ.
«Аксютушки! Гдѣ вы? На смотръ передо мною!»
И вотъ одна бѣжитъ къ нему *Свинья свиньею,*
Обрадовалась такъ, что мигомъ сшибла съ ногъ;
Скотининъ, хоть капралъ, но устоять не могъ:
Въ обновкѣ поскользнулся
И замертво упалъ, — кой-какъ чрезъ часъ очнулся,
И видитъ, что мундиръ, который такъ берегъ,
Испачканъ, изорванъ! — и дядя Митрофана
Остался безъ кафтана,
Да, съ мѣсяцъ охая, на лавкѣ пролежалъ,
Другой потомъ хромалъ. —
И все Аксютку проклиналъ.

Чѣмъ при свиньяхъ всегда остерегаться,
Не лучше ли отъ нихъ, коль можно, удаляться?

═

LXVII.

ЗОЛОТАЯ СТРУНА.

—

На Лирѣ порвалась струна:
Обыкновенная была она.

Вотъ навязали вмигъ другую,
Однако не простую,
А золотую!
И Лира начала блистать —
Но стали какъ на ней играть,
Не та уже была гармонія, что̀ прежде.

Коль именитому невѣждѣ
Стулъ въ Академіи дадутъ —
Чего ждать тутъ?

══

LXVIII.

ОЛЕНЬ и ОВЦА.

—

«Почтенная моя, любезная Овца!
Олень ей говорилъ, «дай мнѣ въ займы сѣнца;
Отдамъ съ процентами: свидѣтели въ томъ Боги!
Заклада нѣтъ, но Волкъ тебѣ порука мой.»
— Ступай-ка съ чѣмъ пришелъ домой!
Я знаю: у тебя рѣзвы, пріятель, ноги;
Возьмѐшь, да въ лѣсъ уйдешь.
Въ поруки Вòлка ты даешь?
Нѣтъ, нѣтъ, меня не оплетешь.
Не ростовщица я, да, право, и не дура:
Самой мнѣ надобны какъ сѣно, такъ и шкура.

══

СКАЗКИ.

СКАЗКИ.

I.

НѢЖНАЯ ЖЕНА.

У Лизы болѣнъ былъ отчаянно супругъ.
Ужъ за попомъ послать хотѣли
Отходную прочесть. — И Лиза у постели
Такъ вопила въ слезахъ: «о другъ мой, милый другъ
Могу ль разстаться я съ тобою?
Могу ли безъ тебя я жить?
Съ охотой жертвовать готова я собою,
Чтобы твою жизнь продолжить.
Услышь, о Смерть, мое моленье!
Супруга пощади, возьми меня одну!
Приди скорѣй ко мнѣ, прерви мое мученье!»
А Смерть какъ тутъ была, ужасное явленье!
«Кто звалъ меня сюда?» спросила Смерть жену.
Чтожъ Лиза отвѣчала?
Ни слова... пальцемъ лишь на мужа указала.

II.

МЕДВѢДЬ и ДВА ОХОТНИКА.

—

Лихіе два у насъ охотника здѣсь были;
Случилось запродать медвѣжью кожу имъ:
Медвѣдя хоть они еще и не убили,
Но думали убить, и долго ли двоимъ?
Принесть покупщику мѣхъ славный обѣщали,
Въ задатокъ денегъ взяли,
Поѣли, выпили, пустились смѣло въ лѣсъ,
И вдругъ на встрѣчу пырь Медвѣдь къ нимъ
изъ берлоги.
У нихъ тутъ подкосились ноги.
Одинъ на сосну взлѣзъ,
И, сидя на суку, крестился;
Другой же мертвымъ притворился,
Ничкомъ на землю палъ,
Не шевелился, не дышалъ. —
Звѣрь страшный и мохнатый
Приблизился къ нему, и такъ его проклятый
Перевернулъ, обнюхавъ раза два,
Что тотъ едва, едва
Не закричалъ, и кой ужъ какъ скрѣпился:
Но, къ счастію, Медвѣдь великій былъ глупецъ,
А можетъ-быть и трусъ, что тотчасъ удалился;
Смѣльчакъ тутъ съ дерева спустился;
Открылъ глаза мертвецъ.
Ощупалъ самъ себя, вздохнулъ и приподнялся

«Съ тобою, братъ, Медвѣдь шептался?»
Товарищъ у него спросилъ:
«Скажи, что на ухо тебѣ онъ говорилъ?»
Что по порядку должно
Медвѣдя напередъ убить,
А послѣ этого ужъ можно
И мѣхъ продать и пить.

═

III.

УТОПЛЕННИЦА.

—

Не дай Богъ никому капризную жену!
Одна изъ женъ такихъ на мужа разсердилась.
За что? Да онъ молчалъ, такъ за это взбѣсилась,
Кричала, плакала, бранилась,
И кинулась въ рѣку — пошла какъ ключъ ко дну.
Мужъ бѣдный съ радости, иль съ горя прослезился,
Какъ скоро до него достигла эта вѣсть;
Но онъ философъ былъ и все могъ перенесть:
Подумалъ и пустился,
Чтобъ долгъ послѣдній ей отдать.
И такъ въ тоскѣ, въ печали,
По берегу рѣки тихохонько идетъ,
Глядитъ на все, что̀ ни плыветъ;
Но волны только щепки мчали,
А нѣтъ какъ нѣтъ жены!

Знать надобно, что шелъ онъ противъ быстрины.
Встрѣчается съ нимъ Кумъ, дивится заблужденью,
И говоритъ ему: «пойдемъ въ низъ по теченью:
Кума должна вонъ тамъ, гораздо ниже всплыть».
— Не можетъ, братецъ, это быть;
Покойница во всемъ напротивъ поступала
И никому не уступала;
Противъ воды она, повѣрь мнѣ, поплыветъ;
Поставитъ на своемъ, хоть три раза умретъ.

IV.

СТИХОТВОРЕЦЪ и ЧОРТЪ.

«Ну, если кто на свѣтѣ
Несчастнѣе меня? И не было и нѣтъ!»
Такъ говорилъ Дамонъ поэтъ,
Сидя одинъ въ полночь со свѣчкой въ кабинетѣ,
Вздыхая тяжело и нюхая табакъ,
Которымъ вымаралъ лицо, халатъ, колпакъ,
И, съ позволенія сказать, свои творенья.
«Кляну день своего рожденья:
Такое горе я терплю!
Ужъ сорокъ лѣтъ пишу, хвалю себя, хвалю;
Не вѣритъ мнѣ никто, какъ я ни увѣряю!
Ужъ я ли не поетъ? не знаю!
По смерти памятникъ мнѣ, вѣрно, сорудятъ,

А нынче — посидѣть со мною не хотятъ.
Начну читать стихи — смѣются;
Печатаю — не продаются;
Пришлось съ Парнаса въ петлю лѣзть.
Чтобъ уваженіе и славу пріобрѣсть,
Какихъ я не искалъ каналовъ!
Платилъ газетчикамъ, издателямъ журналовъ;
Свои самъ книги раскупалъ;
Всѣ раздарилъ — а ихъ никто и не читалъ.
Врагамъ своимъ писалъ въ честь оды и посланья,
И въ книжныхъ лавкахъ сталъ предметомъ посмѣянья.
Радъ душу чорту я отдать,
Съ тѣмъ только, чтобъ онъ сталъ стихи мои читать!»
Едва слова сіи Дамонъ успѣлъ сказать,
Чортъ страшный вылѣзъ изъ камина.
— Я здѣсь, условимся со мной.
Что надобно тебѣ? — «Ахъ, мой отецъ родной!
Садитесь... Перевелъ я сцену изъ Расина;
Послушайте...» — О, нѣтъ! — «Да почему жъ?» — Спѣшу. —
«Послушайте, какъ я пишу;
Не читывали вы такого переводу.
Я вамъ прочту еще посланье, притчу, оду;
Стишки, ей Богу, хороши!»
— Мнѣ дѣло до твоей души;
Дай кровью мнѣ сперва свое рукописанье, —
«Въ стихахъ? съ охотою, чуръ слушать напередъ!»
Исполнилъ Чортъ его желанье,

Садится, а Дамонъ беретъ
Претолстую тетрадь, потъетъ и читаетъ.
Чортъ бѣдный морщится, зѣваетъ
И ничего не понимаетъ.
Бьетъ часъ, бьетъ два, бьетъ три, четыре, пять, —
Дамонъ не устаетъ читать.
Прочелъ трагедію, лирически творенья,
За притчи принялся... Чортъ потерялъ терпѣнье,
Ушелъ и никогда назадъ ужъ не придетъ.
Пускай же кто другой такъ Чорта проведетъ!

V.

МОЛОДАЯ ВДОВА.

По мертвомъ какъ ни плачь, а онъ уже не встанетъ,
И всякая вдова
Поплачетъ мѣсяцъ — много два,
А тамъ и плакать перестанетъ:
Жаль мужа и себя вѣдь жаль!
На крыльяхъ времени летитъ отъ насъ печаль,
И нечувствительно спокойствіе приходитъ.
Большое Лафонтенъ различіе находитъ
Во всѣхъ вдовахъ чрезъ день и черезъ годъ.
И подлинно: теперь вдова горюетъ, плачетъ,

А черезъ годъ смотри, мазурку пляшетъ, скачетъ.
Таковъ ужъ видно женскій родъ!
Одна красавица лишь только овдовѣла,
Кричала, билася, рыдала и рвалась;
Ни пить, ни ѣсть, ни жить на свѣтѣ не хотѣла:
Рѣка горчайшихъ слезъ изъ глазъ ея лилась.
Отецъ печалиться далъ полную ей волю;
Но, видя, что уже проходитъ шесть недѣль
И что она слегла въ постель,
Свою оплакивая долю,
Сказалъ ей: «Полно плакать, дочь!
Слезами вѣдь нельзя помочь.
Не ты одна вдова на свѣтѣ;
Еще ты очень молода
Мужъ умеръ — экая бѣда!
Есть у меня женихъ прекрасной на примѣтѣ,
Ужъ не покойному чета!
Красавецъ, молодецъ, почти въ твои лѣта...»
— Ахъ батюшка! вдова прервала:
Мнѣ замужъ? Мнѣ другой вѣнецъ?
Нѣтъ, нѣтъ, я въ монастырь пойду — и зарыдала.
Смолчалъ и прочь пошелъ отецъ.
Источникъ слезъ помалу изсыхаетъ.
Проходитъ мѣсяцъ и другой;
Вдова ужъ менѣе вздыхаетъ;
Почти забытъ мужъ дорогой:
И слезка на глазахъ ея не навернется;
Невольно иногда она и улыбнется;
Увидя въ зеркалѣ, что трауръ ей къ лицу.
Прошло ужъ полгода; глядитъ въ глаза отцу;

Но тотъ не говоритъ ни слова.
Рѣшилась наконецъ она спросить его.
— Чтожъ, батюшка, увижу я... — «Кого?»
—Кого хвалили вы.—«Кого же?» —Молодова...
Ну сами знаете... ха! ха!...
Красавца-жениха?

═

VI.

ОБМАНЪ ЗА ОБМАНЪ.

—

Одинъ купецъ на сохраненье
Желѣза триста пудъ сосѣду далъ въ анбаръ,
А самъ на ярмарку повезъ другой товаръ.
Лукавый ввелъ сосѣда въ искушенье:
Онъ вздумалъ утаить желѣзо у себя.
«Что, братецъ, жаль тебя!»
Сказалъ хозяину, когда тотъ возвратился.
«Не знаешь грѣхъ какой случился!
Анбаръ мой былъ немного худъ?...
Прикащики не досмотрѣли...
Твое желѣзо мыши съѣли.»
— Неужли все? — «Всѣ триста пудъ!
Ну, что же дѣлать мнѣ съ мышами?
Купецъ пожалъ плечами
И въ сердцѣ всю досаду скрылъ. —
У плута сынъ малютка былъ.

Купецъ его въ свой домъ тихонько заманилъ
И заперъ въ компатѣ; потомъ къ себѣ сосѣда
Откушать хлѣба-соли звалъ. —
«Охъ! братецъ, мнѣ не до обѣда!
Ни пью, ни ѣмъ теперь: Ванюшка мой пропалъ
— Не ужто? — «Точно такъ.» — Давно ли? —
«Дни ужъ два.»
— Сосѣдъ! я видѣлъ самъ: третьяго дня сова
Ребенка унесла, и, право, думать должно,
Что это Ваня твой...— «Помилуй, какъ возможно?
Таскаетъ ли сова ребятъ?»
— И мыши, кажется, желѣза не ѣдятъ. —
Воръ не дуракъ былъ, догадался,
Покражу тотчасъ возвратилъ,
И сына на обмѣнъ желѣза получилъ —
Да лгать ужъ на мышей боялся.

═

VII.

КАЩЕЙ и ЕГО СОСѢДЪ.

—

Отъ сребролюбія Кащей ни ѣлъ, ни пилъ,
И много денегъ накопилъ;
Но въ ростъ отдать боялся,
Чтобы не потерять на курсѣ серебра;
Держать и дома опасался:
Вѣдь скупость глупости сестра.

Кащей такъ размышлялъ: «Богъ знаетъ что̀ случится!
Ну, если домъ мой загорится?
Ну, если въ ночь черезъ заборъ?
Какой нибудь отважный воръ
Придетъ, съ ножемъ, искать въ моей коморкѣ кладу?
Да я и безъ воровъ самъ у себя украду.»
Наставилъ наконецъ его на разумъ бѣсъ
Снести червонцы всѣ съ рублевиками въ лѣсъ,
И тамъ предать ихъ погребенью.
Кащей, за слабостію силъ,
Похлопотать съ собой Сосѣда пригласилъ.
Сосѣдъ былъ очень радъ такому приглашенью.
Взявъ деньги, въ лѣсъ пришли густой;
Подъ елью ихъ зарыли,
Огромную на нихъ колоду навалили —
Прекрасный памятникъ и прочный, и простой.
Повѣся голову, Кащей пришелъ домой:
Не зналъ онъ отъ тоски, куда ему дѣваться:
Остался онъ одинъ — что дѣлать? чѣмъ заняться?
Считать ужъ нечего и не на что взглянуть?
Отъ страха передъ симъ Кащей не могъ заснуть,
Теперь не можетъ спать отъ скуки.
Двѣ ночи такъ прошло, на третью заступъ въ руки
И въ лѣсъ идетъ встрѣчать разсвѣтъ.
Колоду своротилъ онъ кой-какъ черезъ силу.
Разрылъ родныхъ могилу,
Взглянулъ — анъ мертвецовъ тамъ нѣтъ.
Какъ снопъ, Кащей свалился —

Но послѣ всталъ и ухитрился:
Передъ Сосѣдомъ притворился,
И такъ ему сказалъ: «Не льзя ли, братъ, помочь:
Еще мѣшечка два, хоть въ будущую ночь,
Туда же отнести; зайди-ка ты за мною.»
Сосѣдъ, прельстясь казною,
Своими ужъ считалъ послѣдніе мѣшки,
И деньги положилъ туда, гдѣ были прежде;
Но обманулся онъ въ надеждѣ:
Кащей ихъ воротилъ въ пустые сундуки.

Плутъ попадается нерѣдко въ дураки.

═

VIII.

СНѢЖНЫЙ РЕБЕНОКЪ.

—

Поѣхалъ въ Астрахань изъ Вологды Купецъ
И тамъ жену оставилъ.
На Волгѣ въ три года онъ всѣ дѣла исправилъ,
И съ радостію наконецъ
Къ женѣ въ свой городъ возвратился;
Но какъ же удивился,
Увидя мальчика при ней почти двухъ лѣтъ.
— Послушай-ка мой свѣтъ,
Спросилъ онъ у нея: да чей ребенокъ это? —
«Нашъ батюшка! Вотъ третье лѣто

Въ Петровъ-постъ будетъ, какъ я Петю родила.»
— Помилуй, три года ты безъ меня была! —
«Что дѣлать? виновата!
Стояла на крыльцѣ я безъ тебя зимой,
Пошелъ вдругъ снѣгъ, касатикъ мой,
Да попади мнѣ въ ротъ, и сдѣлалась брюхата.
Не вѣришь? Скажетъ вотъ Ивановна кума,
Что дѣвочку она такъ родила сама.
Смотри какъ Петя милъ! какой онъ бѣлый, нѣжный!
И видно, что ужъ снѣжный!
Да поцалуй его» — Купецъ поцаловалъ,
И болѣе жены распрашивать не сталъ.
Она лисой къ нему ласкалась.
Всѣмъ угождать ему старалась,
И только-что съ одной Ивановной кумой
Тайкомъ надъ нимъ смѣялась. —
Лѣтъ черезъ шесть Купчина мой
Собрался въ Астрахань опять, и взялъ съ собою
Петрушу пасынка. Тогда была весна,
А воротиться съ нимъ онъ обѣщалъ зимою.
Не смѣла тутъ ему противиться жена:
Скрѣпясь, сынка благословила,
И правду молвить, не безъ слезъ,
Въ путь дальній съ мужемъ отпустила.
А тотъ въ Москву пріемыша завезъ,
Да противъ женнина желанья,
Въ сиротскій отдалъ домъ его для воспитанья.
Пришла зима, пріѣхалъ мужъ одинъ,
Мать бѣдная бѣды своей еще не знаетъ,
И за воротами хозяина встрѣчаетъ.

А, здравствуй, батюшка! Гдѣ жъ Петинька, нашъ
сынъ?
Охъ, не озябъ ли онъ?» — Нѣтъ не озябъ,
растаялъ
Онъ въ Астрахани отъ жаровъ.
Признаться, этого, жена, я самъ не чаялъ
Да сдѣлался ужъ грѣхъ такой!
Не мудрено: ребенокъ слабый, нѣжный;
А тамъ жары не то, что̀ здѣсь:
Въ минуту бѣдненькій при мнѣ растаялъ весь,
И видно, что былъ снѣжный!

IX.

ДВА ЧЕЛОВѢКА и КЛАДЪ.

Бѣднякъ, которому наскучило поститься
И нужду крайнюю всегда во всемъ терпѣть,
Задумалъ удавиться.
Отъ голода еще вѣдь хуже умереть!
Избушку ветхую, пустую
Для мѣста казни онъ поблизости избралъ,
И, петлю укрѣпивъ вокругъ гвоздя глухую,
Вколачивать лишь въ стѣну сталъ,
Какъ вдругъ изъ потолка, карниза и панели
Червонцы на полъ полетѣли.
И молотокъ изъ рукъ къ червонцамъ полетѣлъ!

Бѣднякъ вздрогнулъ, остолбенѣлъ,
Протеръ глаза, перекрестился,
И деньги подбирать пустился.
Онъ второпяхъ ужъ не считалъ,
А просто такъ, безъ счета,
Въ карманы, въ сапоги, за пазуху наклалъ.
Пропала у него давиться тутъ охота,
И съ деньгами бѣдняжка мой
Безъ памяти бѣжалъ домой.
Лишь онъ отсюда удалился,
Хозяинъ золота явился.
Онъ всякій день свою казну ревизовалъ;
Увидя жъ въ кладовой большое разрушенье
И всѣхъ своихъ родныхъ червонцевъ похищенье,
Всплеснулъ руками и упалъ, —
Лежалъ минуты двѣ, не говоря ни слова;
Потомъ, какъ бѣшенный вскочилъ,
И петлею себя съ досады удавилъ.
А петля къ счастію была уже готова. —
И это выгода большая для скупова,
Что онъ веревки не купилъ!

Вотъ такъ-то иногда не знаешь,
Гдѣ что̀ найдешь, гдѣ потеряешь;
Но впрочемъ вѣрно то: скупой какъ ни живетъ,
Спокойно не умретъ.

X.

КУПЕЦЪ МОШНИНЪ.

—

Въ Калугѣ былъ Купецъ Мошнинъ. —
Нѣтъ, именитый гражданинъ.
Торговлю отправлялъ онъ многіе ужъ годы.
Не зналъ, что̀ есть накладъ, а только богатѣлъ.
Чего онъ не имѣлъ?
Суконны фабрики, чугунные заводы,
Съ которыхъ получалъ великіе доходы;
Деревни сыновьямъ съ чинами покупалъ,
И всякій передъ нимъ поклоны въ поясь клалъ.
Всѣ деньги у него, какъ въ Банкѣ занимали,
Однако же онѣ въ долгахъ не пропадали;
Прикащики его отнюдь не воровали;
Возьметъ ли откупъ, иль подрядъ,
Навѣрное найдетъ тутъ кладъ!
За то его и называли
Въ Калугѣ колдуномъ;
Жилъ очень хорошо; какъ чаша полонъ домъ;
Держалъ открытый столъ; давалъ пиры и балы;
Обѣдать ѣздили къ нему и генералы. —
Пріятель Мошнину Купецъ былъ Бородинъ.
Вотъ какъ-то подгулявъ, одинъ съ нимъ на одинъ,
Тотъ искренно ему признался,
Что счастію его въ торговлѣ удивлялся.
Мошнинъ расхохотался,
И наконецъ сказалъ: «Послушай, братъ Семенъ,

Всегда тотъ счастливъ, кто умеѣтъ.
Знай, я, не испытавши броду,
Не суюсь въ воду:
Есть разумъ у меня, и отъ того богатъ,
Убытокъ не несу, зато я остороженъ!»
Лѣтъ черезъ шесть попалъ нашъ умникъ въ Магистратъ —
Не въ члены, а въ тюрьму. —За что жъ? —былъ много долженъ;
Остался только лишь на немъ кафтанъ одинъ,
И онъ почти мірскимъ питался подаяньемъ.
Въ то время съ ярмарки пріѣхалъ Бородинъ;
Идетъ къ нему и съ состраданьемъ,
Съ слезами говоритъ: «Что сдѣлалось съ тобой!»
— *Судьба!* тотъ отвѣчалъ.—А вотъ какой судьбой
Мошнинъ бѣдняжка разорился:
При откупахъ погорячился
И всѣхъ соперниковъ своихъ онъ побѣдилъ,
Да послѣ милліонъ за это заплатилъ.
Должникъ его себя тутъ объявилъ банкрутомъ;
Приказчикъ сдѣлался изъ честнаго вдругъ плутомъ;
Одинъ сынокъ деревню промоталъ,
Другой сто тысячъ проигралъ,
А, кажется, онъ ихъ какъ должно воспиталъ.
Къ тому жъ за молодой, второй своей женою
Заводы укрѣпилъ, хоть въ ней нашелъ врага,
И получилъ еще на старости рога.
Судьба, судьба всему виною!

Вотъ такъ-то въ счастіи гордимся мы умомъ,
Въ несчастіи вину всю на судьбу кладемъ.

==

XI.

СВЯЩЕННИКЪ и КРЕСТЬЯНИНЪ.

—

Пришелъ къ Священнику Крестьянинъ Парамонъ
И, сдѣлавъ передъ нимъ чуть не земной поклонъ,
Такъ говорилъ ему со вздохомъ и слезами:
«Помилуй, батюшка, что̀ дѣлать мнѣ съ чертями?
Изъ дому выживаютъ вонъ.»
— Перекрестися, Парамонъ! —
«Да я уже и такъ крестился,
Молитву съ вечера творилъ,
А домовой меня давилъ;
Всю ночь съ проклятымъ провозился.
Послушай-ка: лежу вечоръ я на спинѣ,
Гляжу — анъ чортъ на мнѣ,
Лежитъ какъ-будто куль съ мукою,
Иль съ солью, такъ тяжелъ! Ей-ей тебѣ не лгу.
И что жъ? пошевелить рукою,
Ни слова вымолвить никакъ я не могу.
Ужъ какъ-то я поворотился,
Такъ онъ съ меня свалился.
Ты въ Семинаріи, отецъ Иванъ, учился,
Пожалуй одолжи,
Свою науку покажи,
Не дашь ли зелья мнѣ какова,
Иль корешковъ отъ домовова?
А я тебѣ за то пшеницы четверикъ.»
— Я думалъ, Парамонъ, что умный ты мужикъ,

А вздоръ какой ты мелишь! —
«Не ужли, батюшка, мнѣ ты не вѣришь?
Ну, право, домовой давилъ меня, давилъ!
Спроси хоть бабушку Пахомовну Ненилу.
Еще онъ не взлюбилъ
Саврасую мою кобылу.
Пришелъ я утромъ въ хлѣвъ: подъ яслями лежитъ
Сердечная въ поту, и такъ какъ листъ дрожитъ!
Изъѣздилъ бѣдную! ужъ диво!...» — Не дивися;
Впередъ не на спину, а на бокъ спать ложися.
Отъ крови сдѣлалось тебѣ такъ тяжело:
Какъ навзничь ты лежалъ, она остановилась.—
«А какъ кобылу-то подъ ясли занесло?
Не бось, сама туда забилась?»
— Конечно. — «Отъ чего?»
— Да оттого,
Что муха укусила... —
«Неправда! а нечиста сила...»
— Да нѣтъ на свѣтѣ домовыхъ. —
«Какъ нѣтъ? не видывалъ ты ихъ;
А я, хотя въ потьмахъ, да видѣлъ домоваго:
Какъ уголь черенъ весь! собой здоровъ, высокъ!
Плечами же вельми широкъ...»
— Пожалуй не грѣши и не мели пустаго. —
«Вотъ хорошо! не вѣрь своимъ очамъ,
А вѣрь твоимъ рѣчамъ!
Какой ты попъ! да ты совсѣмъ не христіанинъ
Къ тебѣ я на духъ не пойду!»
И, разсердившися, ушелъ домой Крестьянинъ.
Отецъ Иванъ попалъ въ бѣду:
Безбожникомъ въ селѣ его прозвали;

Иные же ходить и въ церковь перестали.
И менѣе чѣмъ черезъ годъ
Онъ перешелъ въ другой приходъ.

Упрямыхъ, глупыхъ суевѣровъ
Ничѣмъ не можно убѣдить;
Опасно даже имъ и правду говорить.
Довольно есть тому въ исторіи примѣровъ.

═

XII.

СТРАСТЬ КЪ СТИХОТВОРСТВУ.

—

Какъ пьянство, такъ и страсть кропать стихи — бѣда!
Риѳмачъ и пьяница равно несчастны оба:
Ни страха нѣтъ въ нихъ, ни стыда;
Одинъ все будетъ пить, другой писать до гроба.
Былъ на Руси одинъ поэтъ,
Котораго весь знаетъ свѣтъ;
Но имени ему здѣсь нѣтъ.
Онъ вѣрно за грѣхи на муку намъ родился:
Лишь буквы выучилъ, писать стихи пустился,
Да какъ же? со всего плеча.
Что день, то новые стихи у риѳмача.
Объявлена ль война — вотъ радость для урода!
Прочелъ реляцію — и ужъ готова ода!

Изъ сродниковъ его, изъ ближнихъ кто умретъ,
Онъ радъ и этому, тотчасъ перо беретъ
И мертвыхъ и живыхъ терзаетъ безъ пощады.
Въ сатирѣ ли его, какъ шута, осмѣютъ —
Онъ плачетъ отъ досады.
Не пьетъ, не ѣстъ, не спитъ; однако же и тутъ
Въ кропаніи стиховъ находитъ утѣшенье.
Простилъ бы я ему ужъ это согрѣшенье;
Пускай бы только онъ писалъ,
А то стихами онъ всѣмъ уши прожужжалъ:
Одну жену до смерти зачиталъ;
Другая, не проживъ съ нимъ года,
За умъ взялась
И развелась.
Была бъ какъ первая, въ могилѣ безъ развода!
Послѣдняя жена съ нимъ потому жила,
Что на ухо крѣпка была.
И люди у него никакъ не уживались,
Хотя для слушанья стиховъ чередовались. —
Вотъ наказалъ злодѣя Богъ:
Риѳмачъ опасно занемогъ;
Лежитъ и бредитъ все стихами!
Призвали доктора. — Что сдѣлалося съ вами?
Спросилъ тотъ у него: у васъ конечно жаръ?—
«Какъ жару и не быть! Я правда хоть и старъ;
Но я поэтъ, притомъ же лирикъ,
И лирикъ первый, вамъ не лгу...»
— Пожалуйте-ка пульсъ. — «Еще сказать могу,
Что я и фабулистъ, и трагикъ, и сатирикъ...»
— Вамъ вредно много говорить. —
«Ну, а стихи читать мнѣ можно?»

— Нельзя. — «Такъ умереть мнѣ должно?
Что жъ это вы меня хотите уморить?
Я напишу на васъ за это эпиграмму.
Постойте, à argoros! я сочиняю драму,
И выведу на сцену васъ....»
— А я вотъ сей же часъ
По власти докторской употреблю и силу:
Покрѣпче ротъ вамъ завяжу,
И муху шпанскую къ затылку приложу.
Вамъ вѣрно хочется въ могилу? —
Со страха прикусилъ языкъ себѣ больной.
Минуты не прошло одной,
Какъ докторъ, прописавъ лѣкарство, удалился.
Риѳмачъ опять читать стихи свои пустился.
Читалъ, читалъ, читалъ, и такъ онъ ослабѣлъ,
Что докторъ, потерявъ надежду, отказался,
Да и никто лѣчить его не соглашался.
Вотъ онъ духовнаго отца позвать велѣлъ.
Съ сердечнымъ сокрушеньемъ
Покаялся ему въ грѣхахъ
(Не прозою, а на стихахъ)
И подарилъ его своимъ стихотвореньемъ —
Посланьемъ (онъ ко всѣмъ посланія писалъ
И каждое въ печать особо отдавалъ)
Самъ эпитафію себѣ продиктовалъ.
Ужъ наконецъ языкъ у бѣднаго отнялся —
И даже тутъ еще, пока онъ не скончался,
Все стопы пальцами считалъ...

XIII.

ИСПРАВЛЕНІЕ.

Бездушинъ прежде пилъ, игралъ,
И женщинъ и мужчинъ, какъ дьяволъ, соблазнялъ;
Ни чести, ни родства, ни Бога онъ не зналъ;
Но вдругъ потомъ перемѣнился:
Ходить прилежно въ церковь сталъ,
И въ землю все молился,
А дома Библію да Штиллинга читалъ.
Вотъ этимъ сатана ужасно огорчился,
И говоритъ ему онъ такъ:
«Помилуй! ты вѣдь не дуракъ;
Не стыдно ли тебѣ съ твоимъ умомъ молиться?
Повѣрь мнѣ, въ святости нималой пользы нѣтъ.
То ль дѣло веселиться!
Прими мой дружескій совѣтъ:
Въ объятія мои скорѣе возвратися.
Ну полно, братецъ, не сердися:
Увидишь, буду какъ впередъ служить тебѣ.»
Бездушинъ улыбнулся
И самъ сказалъ въ себѣ:
Пусть думаетъ его, что я ума рехнулся.
Поддѣлъ я славно сатану!
А ужъ людей теперь конечно обману.

XIV.

ДВА КРАСАВЦА.

—

Пріѣхавъ въ Ярославль валдайскій дворянинъ,
Пригожій очень господинъ,
Красавецъ: волосы имѣлъ онъ золотые,
Природой въ кудри завитые,
И ими, такъ какъ Фебъ, сіялъ,
Лишь только-что не сожигалъ;
Лицо широкое въ коричневыхъ все мушкахъ,
Иль, попросту сказать, въ веснушкахъ;
Глаза сафирные, но только безъ бровей;
Носъ длинный, съ маленькой на кончикѣ прибавкой,
Багряной съ вишню бородавкой:
Ротъ самой крошечный, едва не до ушей;
Кривые, наманеръ клыковъ слоновыхъ, зубы,
И — какъ сафьянныя подушки — обѣ губы.
Вотъ онъ пошелъ въ ряды обновы покупать,
(Всѣ безобразные вѣдь любятъ щеголять)
И видитъ въ лавкѣ тамъ сидѣльца молодаго,
Курносаго, рябаго,
Такого, что перомъ не можно написать,
Ни въ сказкѣ разсказать.
Валдаецъ мой остановился.
И, вздернувъ къ верху носъ,
Преважно дѣлаетъ ему такой вопросъ:
«Не въ Ярославлѣ ль ты, голубчикъ мой, ро-
дился?»

— На что вамъ? Такъ, сударь, я здѣшній
мѣщанинъ. —
«Ты здѣшній?» подхватилъ со смѣхомъ дво-
рянинъ:
«Ну, правду говорятъ у насъ, что Ярославцы
Въ Россіи первые красавцы.
Подобнаго тебѣ на бѣломъ свѣтѣ нѣтъ!
Позволь списать съ себя портретъ.
Что за это съ меня попросишь?
Да истину скажи, не маску ли ты носишь?»
Сидѣлецъ ничего на то не отвѣчалъ,
Съ поклономъ лишь ему онъ зеркало пред-
ставилъ.
Увидя въ немъ себя, Нарциссъ мой замолчалъ,
Какъ розанъ покраснѣлъ, и далѣ путь направилъ.

Мы ближняго нимало не щадимъ:
Въ другихъ пороки замѣчаемъ;
Другихъ браниимъ, пересмѣхаемъ; —
А на себя не поглядимъ.

═══

XV.

ДУРАКЪ ФИЛАТКА.

—

У Толстосумова дуракъ Филатка былъ.
Не видывалъ еще я дурака такого:

Глупѣе барина! И баринъ, какъ роднаго,
Филатку дурака любилъ,
Поилъ его виномъ и всюду бралъ съ собою.
Филатка все въ деревнѣ жилъ.
Вотъ какъ-то господинъ поѣхалъ съ нимъ водою
Изъ Нижняго въ Казань. Филатъ тому былъ радъ:
На все зѣвалъ, всему дивился;
Однако ни чему въ пути не научился.
Пріѣхали назадъ.
Чортъ дернулъ ключницу Маланью
О путешествіи спросить у дурака.
«Деревня наша велика,
А не сравняется ни съ Нижнимъ, ни съ Казанью»
Филатка говоритъ: «церквей, крестовъ
Тебѣ не сосчитать, не только-что домовъ!»
— Ну что жъ тамъ хорошо? — «И вѣдомо,
не худо!
А вотъ на Волгѣ я, скажу, ужъ видѣлъ чудо!»
— Какое! — «Знаешь ли? бѣжимъ на парусахъ,
И домы-то на берегахъ,
Деревья всѣ бѣгутъ. Мы къ берегу пристали;
Они, какъ вкопаные, стали.
Опять поѣхали, опять бѣгутъ, бѣгутъ!»
— Прямой, Филатъ, ты шутъ!
Тебѣ казалось такъ, а домы-то стояли. —
«Э, нѣтъ, Маланьюшка, бѣжали!»
— По-твоему! да ты вѣдь, правда, безъ ума! —
«Такъ дура ты сама!
Я говорю тебѣ, коль хочешь побожуся:
Бѣжали домы всѣ назадъ.»
— Ну полно врать, Филатъ!

«Смотри, Маланья, я съ тобою не смѣюся.
Не вѣришь что ли?» — Нѣтъ. — «Бѣжали!» —
Какъ не такъ! —
«Повѣрь же, говорю.» — Да развѣ я взбѣсилась? —
Филатъ, чтобъ убѣдить покрѣпче сжалъ кулакъ,
Занесъ, и ключница во всемъ съ нимъ согласилась.

Я спорить съ умными люблю:
Отъ споровъ съ ними я учуся;
Но спорить съ глупыми боюся,
И имъ всегда во всемъ охотно уступлю.

═

XVI.

КАРЕТА и ЛОШАДИ.

—

Ахъ! если бы хотя подъ старость далъ мнѣ Богъ
Мѣстечко гдѣ-нибудь такое,
Гдѣ бъ могъ остатокъ дней я провести въ покоѣ!
Гдѣ бъ взятки брать, иль красть я могъ. —
Клянуся честію и совѣстью моею,
Ужъ далъ бы знать себя! Что? скажутъ: *не умѣю?*
Пустое! выучусь, лишь только захочу,
Да многихъ, можетъ быть, еще и поучу.
Взгляните: грамотѣ иные не умѣютъ,
А какъ живутъ, какъ богатѣютъ!

Вотъ главное: *имѣть не надобно стыда.* —
Отставятъ? — отставляй, и это не бѣда:
  Коль наживу полумилліона,
Въ отставку самъ тогда пойду безъ пенсіона. —
Разсказывалъ одинъ знакомый мнѣ купецъ
(Не здѣшній, и теперь едва ли не покойникъ),
Что въ городѣ у нихъ совѣтникъ былъ дѣлецъ,
Великій взяточникъ, невѣжда и законникъ:
  Указъ прибравши на указъ,
Оправитъ всякаго за денежки какъ-разъ.
Когда напишетъ самъ экстрактъ, опредѣленье,
Хоть юрисконсультамъ отдай на разсмотрѣнье:
Въ законахъ пропуска, ей Богу, не найдутъ,
    А дѣла не поймутъ:
    Такъ спутаетъ, такъ свяжетъ,
И бѣлымъ наконецъ вамъ черное покажетъ.
Кто больше дастъ ему, тотъ у него и правъ;
А такъ въ глаза ругай; онъ ничего не скажетъ,—
    Такой имѣлъ ужъ нравъ.
Проситель подарилъ совѣтнику карету;
Соперникъ же, узнавъ о томъ черезъ людей,
  Не знаю по чьему совѣту,
Прислалъ къ совѣтнику четверку лошадей.
Онъ принялъ ихъ — и я бы сдѣлалъ то же.
Какъ четверня была кареты подороже,
То въ пользу лошадей и сдѣланъ приговоръ,
Объявлено истцу съ отвѣтчикомъ рѣшенье.
Вотъ вечеромъ катитъ къ совѣтнику на дворъ
Бѣднякъ, что потерялъ съ каретою имѣнье.
Въ сердцахъ кричитъ ему: бездѣльникъ!
                шельма! воръ!

Ты обманулъ меня; отдай мою карету. —
«Да, какъ не такъ!» — И совѣсти-то нѣту! —
Отдай. Въ присутствіи при всѣхъ я разскажу. —
«Такъ что жъ?—Свидѣтелей представлю, докажу;
Къ присягѣ вѣдь тебя притянемъ. —
«Пожалуй, присягать мы станемъ.»
— Ты взялъ карету, взялъ? — «Ну что же?
взялъ, такъ взялъ!»
— А чалыхъ четверню кто, кто къ тебѣ при-
слалъ?
Соперникъ твой, на немъ ищи своей потери:
Вѣдь чалые свезли карету со двора.
Однако ужинать пора.
Прощай. Вотъ Богъ! вотъ двери!»

XVII.

СЛЕЗЫ КАЩЕЯ.

Не знаю точно кто, а проповѣдникъ славный,
Платонъ, Леванда ли, иль кто-то съ ними равный,
Однажды въ постъ великій говорилъ
О милостынѣ поученье,
И слушателей всѣхъ привелъ во умиленье.
Кащей у каѳедры стоялъ и слезы лилъ.
Знакомый у него спросилъ:
Да что за удивленье?

«Ты плачешь, кажется?»—Какъ слезъ не проливать!
Я эту проповѣдь вовѣкъ не позабуду. —
«Что жъ? станешь ли убогимъ подавать?»
— Нѣтъ, милостыню самъ просить теперь я буду. —

═

XVIII.

ОТЧАЯНІЕ МАТЕРИ.

—

У Лизы дочка умерла.
Одна у ней въ пять лѣтъ замужства и была.
Какъ Лиза бѣдная рвалася,
Кричала, билася и волосы рвала!
Ни ѣла, ни пила,
И чуть во слѣдъ сама не убралася.
«Слезами, душенька, нельзя уже помочь»
Супругъ ей говоритъ: «намъ твердыми быть должно...»
— Тебѣ быть твердымъ очень можно,
Сказала Лизанька въ отвѣтъ неосторожно:
Ну, еслибъ у тебя, сударь, скончалась дочь?—

═

XIX.

ПЬЯНИЦА.

—

Пьянюшкинъ, отставной квартальный,
Совѣтникъ Титулярный,
Исправно насандаливъ носъ,
Въ худой шинелишкѣ, зимой, въ большой морозъ,
По улицѣ шелъ утромъ и шатался.
На встрѣчу кумъ ему, маіоръ Петровъ, попался.
«Мое почтеніе!» — А! здравствуй, Емельянъ
Архиповичъ! да ты, братъ, видно
Уже позавтракалъ! Ну, какъ тебѣ не стыдно?
Еще обѣдень нѣтъ, а ты какъ стелька пьянъ! —
«Ахъ! виноватъ, мой благодѣтель!
Вѣдь *съ горя* мой отецъ!» — Такъ съ горя-то
и пить? —
«Да какъ же быть!
Вотъ Богъ вамъ, Алексѣй Ивановичъ, свидѣтель:
Ѣсть нечего; всѣ дѣти босикомъ;
Жену оставилъ я съ однимъ лишь пятакомъ.
Гдѣ взять? Давно уже безъ мѣста я несчастный!
Сгубилъ меня разбойникъ Приставъ Частный!
Я до отставки не пивалъ:
Спросите, скажетъ весь кварталъ.
Теперь же съ горя какъ напьюся,
То будто бы развеселюся.»
— Не пей, такъ я тебѣ охотно помогу. —
«Въ ротъ не возьму, ей Богу, не солгу;

Господь порукою!......» — Ну, полно, не божися,
Вотъ крестникамъ снеси полсотенки рублей. —
«Отецъ!.. дай ручку!..» — Ну, поди домой, проспися,
Да чуръ смотри впередъ не пей. —
Летитъ Пьянюшкинъ нашъ, отколь взялися ноги,
И чуть-чуть не упалъ разъ пять среди дороги!
Летитъ... домой? — О нѣтъ! — Неужели въ кабакъ? —
Да, какъ бы вамъ не такъ!
Въ трактиръ, а не въ кабакъ, зашелъ; чтобы промѣна
Съ бумажки бѣленькой напрасно не платить,
Спросилъ вѣтчинки тамъ и хрѣна,
Неможко такъ перехватить,
Да рюмку водочки, потомъ бутылку пива,
А послѣ пуншику стаканъ,
Другой... и наконецъ, о, диво!
Пьянюшкинъ напился уже мертвецки пьянъ;
Къ несчастію еще въ трактирѣ онъ подрался,
А съ кѣмъ, за что̀, — и самъ того не зналъ,
На лѣстницѣ споткнулся и упалъ,
И весь, какъ чортъ, въ грязи, въ крови перемарался.
Вотъ вечеромъ его по улицѣ ведутъ
Два воина осанки важной,
Съ сѣкирами, въ бронѣ сермяжной.
Толпа кругомъ. И кумъ, гдѣ ни возьмися, тутъ.
Увидѣлъ, изумился,
Пожалъ плечами и спросилъ:

— Что? вѣрно съ *горя* ты, бѣднякъ, опять
напился? —
«За здравіе твое отъ *радости* я пилъ!»

У пьяницы всегда есть радость, или горе,
Всегда есть случай пьянымъ быть;
Закается лишь только пить —
Да и напьется вскорѣ.
Однако надобно, чтобъ больше пилъ народъ:
Хоть людямъ вредъ, зато откупщикамъ доходъ.

═

XX.

ДОГАДЛИВАЯ ЖЕНА.

—

Предвидя свой конецъ, Петръ лавочникъ въ грѣхахъ
Духовному отцу признался
И смерти дожидался.
Жена стоитъ предъ нимъ въ слезахъ,
«Не плачь» онъ ей сказалъ «Дуняша!
Ты знаешь. сколько намъ приноситъ лавка наша;
Бѣда, коль отойдетъ отъ насъ теперь Кузьма.
Выдь замужъ за него, людскихъ рѣчей не бойся.»
— Охъ, батюшка, не безпокойся:
Я это думала давно ужъ и сама.

═

XXI.

ВОЗРАЖЕНІЕ ПЬЯНИЦЫ.

—

За пьянство Попъ журилъ Кузьму,
И вотъ какъ говорилъ ему:
«Опомнись, воздержися;
Смотри: съ питья ты сталъ каковъ!
Распухъ, въ лохмотьяхъ весь, нѣтъ даже сапоговъ!
Вино твой первый врагъ: его ты берегися,
Возненавидь...» — Отецъ Егоръ! перекрестися!
Давно ль ты самъ твердилъ: *люби своихъ враговъ?*

—

XXII.

ПЬЯНИЦА и СУДЬБА.

—

Въ ночь темную, зимой,
Подъячій пьяный шелъ черезъ рѣку домой;
Съ прямой дороги сбился,
И гдѣ жъ? у полыньи каналья очутился,
Споткнулся и на край на самой повалился;
Заснулъ и думаетъ, что онъ на съѣзжей спитъ;
На чистомъ воздухѣ, какъ богатырь, храпитъ.
Ну если бъ только онъ во снѣ поворотился —

Тогда бъ прощай и взятки и вино:
Пошелъ бы къ тюленямъ на дно!
Случись же такъ: Судьба тутъ мимо проходила,
Приближилась къ нему,
Тихонько разбудила,
И говоритъ ему:
«Проснись, здѣсь полынья, опасно;
Встань, встань!.. постой, тебѣ я помогу...
Вотъ лучше лягъ подальше на снѣгу,
Тамъ мягче... ну, вотъ такъ, прекрасно!
Когда бъ ты утонулъ, тогда бы всю вину
Сложили на меня одну.»

И подлинно! въ чемъ мы Судьбу не обвиняемъ?
Имѣнье ль глупо расточимъ,
Иль отъ страстей своихъ здоровье потеряемъ:
Всегда уже Судьбу, а не себя винимъ.

═

XXIII.

КАПРИЗЪ ГОСПОЖИ.

—

«Послушай, маменька, мой другъ»
Супругѣ говорилъ супругъ:
«Ванюшка давича мнѣ въ ноги повалился...»
— Что, вѣрно, пьянъ вчера напился?
Ну, папенька, прости для праздника его. —

«Нѣтъ, маменька, не то; онъ, знаешь ли,
влюбился.»
— Влюбился, а въ кого? —
«Да въ горничную Катерину:
Охотою идетъ Катюша за него.»
— Велю я положить женитьбу имъ на спину!—
«Ты шутишь?» —Никогда я съ вами не шучу!
Жените ихъ, а я ужъ на своемъ поставлю,
Въ деревню ихъ отправлю,
И тамъ свиней пасти заставлю.
Вотъ вздумали женить слугу!
Да я, сударь, терпѣть женатыхъ не могу.

═

XXIV.

СОВѢСТЬ РАЗБОЙНИКА.

—

Попа предъ казнію Разбойникъ попросилъ. —
Приходитъ попъ. — Ему тотъ въ ноги повалился
И прослезился.
«Проститъ ли Богъ меня?» онъ у него спросилъ.
—Покаяться тебѣ чистосердечно должно...
Ну, сколько душъ ты потерялъ? —
«Да какъ упомнить можно!
Я право не считалъ.»
— А что̀, посты чай соблюдалъ?—
«Помилуй, батюшка! да развѣ я Татаринъ.

Чтобъ не соблюлъ поста!
Избави Богъ, я христіанинъ;
Такъ стану-ль мясомъ въ постъ сквернить свои
уста!»

И не разбойники за грѣхъ большой считаютъ
Въ постъ оскоромиться, обѣдню прогулять;
А ближняго оклеветать,
Имѣніе и съ нимъ нерѣдко жизнь отнять,
Въ достоинство еще и въ честь себѣ вмѣняютъ.

XXV.

ПРОСТОДУШНАЯ.

Параша дѣвушка премилая была,
Въ деревнѣ съ матерью жила.
И вмѣстѣ съ ней хозяйствомъ занималась,
Скромненько, просто одѣвалась,
Романовъ въ руки не брала,
И кромѣ *Сонника* другихъ книгъ не читала,
А только кружева плела,
Да въ пяльцахъ вышивала.
Исполнилося ей уже семнадцать лѣтъ;
Пора узнать ей свѣтъ,
Пора пристроить ужъ и къ мѣсту.
Приданаго имъ за ней большой въ Зарайскѣ домъ,

Пять тысячъ въ Банкѣ серебромъ
И триста душъ. Не правда ль, что невѣсту
Такую дай Богъ хоть кому...
Хоть Предводителю въ уѣздѣ самому?
Но женихи въ уѣздахъ рѣдки:
Сорокины, мои Зарайскія сосѣдки,
Въ дѣвицахъ все-еще сидятъ,
А имъ уже сто лѣтъ обѣимъ, говорятъ.
По первому пути зимою,
Лишь начался Филипповъ постъ,
Парашу маменька взяла въ Москву съ собою,
И прямо на Кузнецкій Мостъ.
Тамъ у Француженокъ обновъ ей накупила,
Какъ куколку ее по модѣ нарядила,
И начала учить Парашу танцовать,
Чтобъ святками могла въ собраньи побывать.
Вотъ Святки ужъ пришли: Параша выѣзжаетъ
И съ важной маменькой своей
Собранья, клубы посѣщаетъ.
Недѣли не прошло, явилося у ней
Двѣнадцать жениховъ, штабъ, оберъ-офицеры,
Большею частью кавалеры;
Но всѣхъ счастливѣе былъ ротмистръ Пустельгинъ:
Парашѣ только онъ понравился одинъ,
И чѣмъ же? — черными, поддѣльными усами.
Другіе были съ орденами
И лучше во сто разъ,
Но безъ усовъ, такъ имъ отказъ.
Въ Крещенье Пустельгинъ съ Парашей обручился;
Отъ радости онъ умъ послѣдній потерялъ;
Всѣмъ уши о своей невѣстѣ прожужжалъ.

«По чести» говорилъ «я вѣкъ бы не женился,
Когда бы феникса такого не сыскалъ:
Красавица, умна, скромна, тиха, послушна,
И, что̀ милѣй всего, то очень простодушна.
Невинность сущая, а ей семнадцать лѣтъ!
Повѣрьте, что другой такой въ столицѣ нѣтъ.
Въ сорочкѣ, право, я родился!»
Чрезъ мѣсяцъ Пустельгинъ женился,
И новый сдѣлалъ въ долгъ себѣ къ вѣнцу мундиръ.
Невѣста множество имѣла бриліантовъ
Въ копейку свадебный сталъ пиръ!
При громѣ пѣвчихъ, музыкантовъ
Шампанское лилось рѣкой;
А ужинъ былъ какой!
Пять лучшихъ поваровъ его приготовляли;
Часовъ въ одиннадцать изъ-за-стола ужъ встали.
Лишь Польскій заиграли,
Парашу увели; всѣ гости по домамъ,
За исключеніемъ двухъ самыхъ близкихъ дамъ.
Вотъ новобрачную раздѣли;
Сидитъ въ дезабильѣ на креслахъ у постели.
Явился въ шлафоркѣ предъ ней ея супругъ.
Параша бѣдная краснѣетъ.
Цѣлуетъ онъ ее — и вдругъ
Она, какъ смерть, блѣднѣетъ,
Вся сморщилась и слезы на глазахъ.
«Что, ангелъ мой, съ тобой?» спросилъ ее мужъ. — Ахъ!
Ахъ, дурно, дурно мнѣ! нѣтъ мочи! помогите!...

«Прикажешь каплей что ли дать?
Или за докторомъ послать?»
— За аккушеромъ? да, скорѣй, скорѣй по-
шлите. —

═

XXVI.

ДВА ДРУГА.

—

«Друзья! на свѣтѣ нѣтъ друзей, и не бывало.»
Ученикамъ своимъ Аристотель твердилъ.
Всѣ знаютъ, что онъ лгать и въ шутку не любилъ:
Такъ точно, нѣтъ друзей иль очень, очень мало.
Вотъ я здѣсь, въ Петербургѣ, зналъ
Двухъ молодыхъ людей: въ одномъ полку служили
И на одной квартирѣ жили.
Такихъ друзей еще я право не видалъ.
Другъ другу тайны всѣ сердечны открывали;
Разсчетовъ никакихъ пе знали межъ собой;
Чтò сдѣлаетъ одинъ, не споритъ въ томъ другой;
Родные братья такъ согласно не живали. —
Съ гостями какъ-то разъ въ бостонъ они играли.
Одинъ изъ нихъ пошелъ не такъ
И утопилъ другого;
А тотъ въ сердцахъ вскричалъ: «прямой, братъ,
ты . . . чудакъ!
Скажите видѣлъ ли кто игрока такого?

Зачѣмъ ты въ пики шелъ?.... знать въ го-
ловѣ *мизеръ?*
Товарищъ промолчалъ и не сказалъ ни слова:
Онъ очень скромный былъ и храбрый офицеръ.
Схвативъ съ стола щипцы, пустилъ онъ въ друга ими,
И прямо въ лобъ ему попалъ,
Да какъ-то шпорами своими
Задѣлъ за столъ, и столъ упалъ.
Подсвѣчники, стаканы зазвенѣли,
И на полъ съ картами и съ мѣломъ полетѣли;
Вцѣпились въ волоса другъ другу игроки:
Хрустятъ подъ ними лишь хрустальны черепки;
Всѣ члены съ ярости у обоихъ трясутся.
На задни ноги вставъ, собаки такъ грызутся.
Пришлось хоть разливать водой.
— Не стыдно ль, господа ну, что̀ за срамъ такой?
Тутъ гости имъ сказали:
Какъ драку начинать, не кончивши игру? —
Послушались они и драться перестали,
А то бъ не быть добру!
Но чѣмъ же кончилось? Друзья, чай, помирились?
Поцѣловалися? — О, нѣтъ!
Разумный дали имъ пріятели совѣтъ:
Они въ Катерингофъ пустились.
Зачѣмъ? — А какъ же? на дуэль!

Кто что̀ ни говори, дуэли право нужны:
Одинъ отъ раны въ бокъ на мѣсяцъ слегъ въ
постель;
Другой носилъ костыль одиннадцать недѣль,
Но послѣ этого опять ужъ были дружны.

XXVII.

КАЩЕЙ и ЛѢКАРЬ.

—

Кащей не въ шутку захворалъ:
Пять дней ужъ съ сундука не сходитъ;
Не ѣстъ, не пьетъ и глазъ почти не сводитъ;
Пришло не вмочь, за лѣкаремъ послалъ.
Явился врачъ, ему лѣкарство прописалъ.
«Сейчасъ же» говоритъ «пошлите вы въ аптеку.»
— А много ль денегъ дать велите человѣку? —
«Не знаю, право, что̀ возьмутъ...
Ну, дайте двадцать-пять, вамъ здачи принесутъ»
— Что жъ дѣлать? такъ и быть! сейчасъ пошлю Ванюшку.
Иванъ, приподними ты у меня подушку;
Возьми, вотъ пять алтынъ!
Вотъ гривна!... кажется, далъ лишній грошъ одинъ.
Постой-ка: разъ, два, три, четыре, пять — ну, вѣрно!
Скорѣй съ рецептомъ ты бѣги,
Да не зайди въ кабакъ. Куда какъ это скверно!...
Не грязно на дворѣ, такъ скинь ты сапоги.
Разинулъ лѣкарь ротъ, какъ-будто видѣлъ чудо;
Не вѣрилъ онъ своимъ глазамъ, ушамъ.
«Вы поняли меня» сказалъ онъ «очень худо;
Пошлите двадцать-пять *рублей*...» — Не дамъ, не дамъ!

Какъ двадцать-пять рублей! О, Господи мой, Боже!
Во снѣ ли я, иль наяву? —
«Здоровье вѣдь всего дороже.»
— Какъ двадцать-пять рублей! За что? —
«Да за траву,
Микстуру, капли и пилюли.»
— Да полно оживу ли
Отъ этихъ я лѣкарствъ? Вѣдь я едва дышу;
За что же двадцать-пять рублей терять напрасно! —
«Хотя вы и больны опасно,
Не бойтесь: я еще кой-что вамъ пропишу,
И, такъ-сказать, изъ мертвыхъ воскрешу,
Лишь только вы ко мнѣ довѣренность имѣйте
И денегъ не жалѣйте.
Я за свои труды полушки не хочу:
Вы бѣдный человѣкъ, безъ платы васъ лѣчу:
А даромъ получать лѣкарство невозможно.
Вамъ подкрѣплять себя хорошей пищей должно:
Для супа рябчиковъ, или цыплятъ купить
И лучшее вино съ водой отварной пить.
Возьмите вы себѣ ренвейну, иль лафиту,
Хоть въ пять рублей...» — Совсѣмъ нѣтъ аппетиту? —
«Придетъ. Пошлите жъ двадцать-пять...
Коль денегъ нѣтъ у васъ, пожалуй я достану.»
— Отецъ мой, за тебя молиться Богу стану. —
«Я вамъ служить сердечно радъ.
Вотъ этотъ сундучокъ отдайте мнѣ въ закладъ.»
— Да развѣ на полу больному мнѣ валяться? —
«Нѣтъ, я пришлю кровать:

На ней покойнѣе вамъ будетъ почивать.
Давайте-ка сундукъ, извольте приподняться.
Ты за извощикомъ сходи теперь, Иванъ!»
— Куда? останься здѣсь, болванъ!...
Помилуйте! — «Ну выбирайте:
Лѣчитесь, или умирайте.»
— Ужъ лучше такъ умру; оставьте вы меня. —
«Прощайте; не прожить вамъ дня.
Отца духовнаго позвать вы прикажите
И гробъ получше закажите.
Ужъ не ударьте въ грязь лицемъ,
Распорядите все передъ своимъ концемъ,
Чтобъ послѣ не было ни споровъ, ни тревоги.
Въ шесть лошадей возьмите дроги,
Покровъ богатый, балдахинъ...«
— Не безпокойтесь: я не знатный господинъ;
Не для того копилъ всю жизнь свою имѣнье,
Чтобъ на мотовство пошло на погребенье!
Могу я обойтись безъ этихъ пустяковъ. —
«Есть у меня собранье череповъ,
Но нѣту черепа скупова;
Продайте мнѣ свой трупъ, купить его готовъ;
Не сыщете купца другова.»
— Когда не шутите, то я себя продамъ. —
«Серіозно говорю.» — А много ли дадите? —
«Ну двадцать-пять рублей я дамъ.»
— Нѣтъ, мало! — «Сколько же хотите?»
— Покрайней мѣрѣ сто. — «Какъ можно?
пятдесятъ.«
— Прибавьте. — «Шестьдесятъ
И ни копейки болѣ.

Повѣрьте, что другой васъ даромъ не возьметъ.
Простите!» — Быть по вашей волѣ:
Давайте по рукамъ, да деньги напередъ!

XXVIII.

КУПЕЦЪ БРЮХАНОВЪ.

Когда бъ я былъ богатъ, я все бы спалъ да ѣлъ,
Еще бы пилъ — и такъ бы растолстѣлъ,
Чтобъ скоро съ *Бробтеромъ* * сравнялся.
Ничѣмъ бы уже я тогда не занимался:
Сидѣлъ бы и лежалъ,
Стиховъ бы даже не писалъ;
А только бъ прежніе пріятелямъ читалъ.
Однако черезчуръ быть толстымъ также худо.
Въ Москвѣ я зналъ купца — осьмое, право, чудо!
Представьте, онъ въ сажень почти былъ въ вышину
И два аршина въ ширину.
Однажды изъ его кафтана,
Безъ спора, безъ хлопотъ,
Обилъ обойщикъ два дивана
И для жены еще укралъ тутъ на капотъ.

---

* Ужаснѣйшей толщины Англичанинъ, о которомъ Княжнинъ упоминаетъ въ Посланіи отъ *Дяди Рифмоскрипа Племяннику*.

Ну, нечего сказать, мой Брюхановъ былъ диво!
А какъ тянулъ онъ пиво,
Какъ ѣлъ! За то не могъ ходить
И заставлялъ себя по комнатамъ водить.
Держалъ онъ, по совѣту,
Искусныхъ докторовъ, престрогую діэту,
Пускалъ и кровь — все пользы нѣту.
Безъ ужина сыпалъ на жесткомъ тюфякѣ
И наконецъ на голомъ сундукѣ:
Въ лицѣ не много станетъ хуже;
Глядишь — а платье ўже!
Къ несчастью, мой толстякъ купецъ
Бездѣтный былъ вдовецъ.
Одни приказчики съ нимъ жили,
И многіе изъ нихъ сродни ему хоть были,
Но въ лавкахъ у него и въ домѣ все щечили.
Добра-то же, добра!
Ломилися шкапы отъ серебра.
Однако безъ смотрѣнья
Дошелъ бы наконецъ совсѣмъ до разоренья:
Онъ счетовъ три года уже не повѣрялъ;
Такъ мудрено ль и весь утратить капиталъ?
Рѣшился Брюхановъ жениться,
Не для того, чтобы наслѣдниковъ имѣть,
А чтобъ жена могла за домомъ приглядѣть,
И пересталъ лѣчиться.
Когда есть деньги у кого,
Хоть будь уродъ, пойдутъ охотно за него.
Притомъ же не искалъ женихъ нашъ ни богатства,
Ни краснаго лица: искалъ себѣ жену
Для облегченія въ заботахъ, для хозяйства;

И сваха честная нашла ему одну
Дѣвицу пожилую,
Лѣтъ подъ сорокъ такую
Пресмирную, хозяйку дорогую:
Безъ ариѳметики по пальцамъ все сочтетъ,
Крупинка у нея, и та не пропадетъ;
Примѣръ для всѣхъ купчихъ: тиха, скромна,
учтива,
Въ компаніи важна и молчалива.
Нельзя пересказать, какъ Брюхановъ былъ радъ,
Что Богъ ему послалъ такой завидный кладъ.
Какое сдѣлалъ онъ приданое невѣстѣ,
И сколько подарилъ парчи ей, жемчугу,
Серегъ, перстней — всего припомнить не могу —
А свахѣ сто рублей, да лисью шубу въ двѣсти;
Въ три тысячи ему сталъ на другой день балъ.
Лишь только молодой не танцовалъ.
Вступила наконецъ въ хозяйство молодая —
Пошла тутъ кутерьма такая,
Что Боже упаси,
Святыхъ вонъ понеси!
Съ утра до вечера бранится и дерется,
А мужу бѣдному всѣхъ больше достается.
Какъ скажетъ чтò — бѣда, бѣда коль и молчитъ.
Пропалъ сонъ у него, пропалъ и аппетитъ.
Прошло недѣли три, четыре —
Кафтанъ день ото дня становится все шире;
Вотъ началъ уже самъ ходить:
Пойдешь и не хотя, какъ палкой станутъ бить.
Нашелъ въ супругѣ онъ находку!
Куда дѣвалася его вся толщина!

Какъ-разъ избавила его отъ ней жена —
Простыми средствами — и вогнала въ чахотку:
Осталась черезъ годъ лишь тѣнь его одна!

Отъ лишней тягости кто хочетъ свободиться,
Тому на злой женѣ совѣтую жениться.

═

XXIX.

НЕСЧАСТНЫЙ ЛЮБОВНИКЪ.

—

Ахъ, до чего любовь насъ не доводитъ!
Кто не дурачился отъ ней?
Она и стариковъ съ ума нерѣдко сводитъ
И губитъ молодыхъ чувствительныхъ людей.
Тотъ, слышишь, отъ любви, какъ Вертеръ, застрѣлился.
Другой зарѣзался, иной же утопился.
Вотъ, напримѣръ,
Въ княжну Бѣлянкину влюбился
Султановъ, молодой, прекрасный офицеръ,
Богатый: триста душъ имѣлъ у насъ въ Рязани,
Четыреста въ Орлѣ и восемъ сотъ въ Казани,
А вѣкъ секретаремъ служилъ его отецъ!
Султановъ былъ собою молодецъ,
Воспитанъ, лихо одѣвался,
Прекрасно танцовалъ;
Однимъ княжнѣ не показался:

Чинъ для нея былъ очень малъ:
Поручикъ — а она желала
Имѣть супругомъ генерала.
Сыскался генералъ и съ лентой и звѣздой,
Беззубый, правда, и сѣдой —
Посватался: княжна въ звѣзду его влюбилась
И руку дать ему охотно согласилась.
Женихъ для свадьбы нанялъ домъ,
Купилъ себѣ парикъ, и эта вѣсть какъ громъ
Сразила юношу. Вотъ нашъ любовникъ бѣдный,
Нечесаный, небритый, блѣдный,
Является къ своей невѣрной
И падаетъ къ ея ногамъ.
«Позвольте» говоритъ «открыть мнѣ сердце
Жизнь, или смерть?.., Скажите!»
— Что̀, что̀ вамъ надобно? — «Ахъ! только откажите
Сопернику... еще бракъ можно отмѣнить!»
— Прошу меня въ томъ извинить:
Ужъ дѣло сдѣлано, ужъ поздно... —
«Коль такъ, жестокая»... вскричалъ Султановъ грозно,
И съ словомъ симъ въ глазахъ испуганной княжны
Онъ шпагу обнажаетъ,
Поспѣшно къ сердцу приставляетъ,
И въ мигъ... опять кладетъ въ ножны.

═

XXX.

СЛУЖАНКА.

Бѣда не кстати разболтаться! —
В какой-то домъ пришла
Служанка наниматься.
— Скажи мнѣ, душенька, гдѣ прежде ты жила?
Что дѣлала?... Жила-съ я у моста Тючкова,
У маклера Волчкова.
Женатъ, сударыня, на третьей онъ женѣ;
Дочь старшая меня немного помоложе;
Совсѣмъ почти ужъ сѣдъ, а приставалъ ко мнѣ!
Богъ знаетъ что сулилъ, да честь всего дороже!
Я отошла. Потомъ жила у Покрова,
У Галкиной: она вдова;
При флотѣ здѣсь служилъ ея мужъ комми-
саромъ.
У ней жилъ мичманъ бѣдный... даромъ...
Племянникъ — по ея словамъ —
Ужъ правда, или нѣтъ, о томъ судить не намъ.
Хоть бѣденъ, но за то и молодецъ собою!
Ему восьмнадцать лѣтъ, а ей ужъ тридцать пять.
А какъ она ряба! худа! доска доскою!...
Изволила меня къ нему приревновать!
У Нѣмца доктора я послѣ нанялася —
И тутъ не ужилася;
Мужъ мотъ, жена скупа.
Представьте: кофею мнѣ даже не давала!

Да и сама какой пивала?
Съ цикоріемъ! — Еще жила я у попа;
Немного пилъ старикъ; дочь у него невѣста.
Скажу, что модница! за то коса, глупа!...»
— Прощай, голубушка, ищи другаго мѣста. —
«Помилуйте! да чѣмъ я такъ противна вамъ?
Сшить, вымыть, выгладить умѣю,
Все въ домѣ сдѣлать разумѣю,
И десять лишь рублей...» — Полушки я не
дамъ. —
«Да чѣмъ же такъ я несчастлива?
Чѣмъ не понравилась?» — *Болтлива!* —

XXXI.

КЛЯТВА ПЬЯНИЦЫ.

Филатъ женѣ своей спохмѣлья побожился,
Что пуншу въ ротъ онъ не возьметъ;
Посмотритъ ввечеру, чуть живъ домой идетъ.
«Безсовѣстный! опять напился;
Гдѣ былъ?»
— У свата Емельяна —
«Пуншъ пилъ?»
— Нѣтъ, рому выпилъ три стакана.

XXXII.

ВСТРѢЧА ДВУХЪ ПОДРУГЪ.

—

Двѣ дамы встрѣтились въ рядахъ.
«Ахъ!
Прасковья Марковна! Вы ль это?»
— Я, Анна Дмитревна, вотъ нынѣшнее лѣто
Изъ Твери приплыла. — «Ахъ Боже мой! лѣтъ пять
Мы съ вами не видались.
Привелъ же Богъ увидѣться опять!»
(Тутъ три раза онѣ поцаловались)
«Какъ рада я!... Но какъ перемѣнились вы!
Ужасно похудѣли!...
— И вы не очень подобрѣли! —
«Конечно, замужемъ?» — Увы!
Четвертый годъ... — «А кто супругъ вашъ?»
— Крючкотворецъ,
Совѣтникъ Праволовъ; богатъ, но страхъ какъ скупъ,
Ревнивъ!... — «А у меня и старъ и глупъ
И къ этому же стихотворецъ!
— Я въ заперти живу, не вижу и людей;
Взгляну ль въ окно — и онъ шумитъ, кричитъ, ругаетъ... —
«А у меня такой злодѣй:
И день и ночь все мнѣ стихи свои читаетъ!»
— Скажу вамъ: мужъ мой вѣдь вдовецъ;

Онъ былъ женатъ, не знаете ль? на Ленской, —
И уморилъ ее! — «А мой-то молодецъ
Двухъ женъ отправилъ ужъ къ Смоленской.
Представьте: первая сошла совсѣмъ съ ума;
Въ чахотку онъ вогналъ вторую;
Не знаю право и сама,
Отъ виршей чувствую тоску такую....»
— Смотрите! вслѣдъ за мной ревнивецъ мой бѣжитъ;
Не дастъ поговорить мнѣ съ вами! —
И мой вонъ тащится!... Душа такъ и дрожитъ...
Ахъ, Боже мой! и со стихами!»
Ревнивецъ прибѣжалъ. «Парашенька другъ мой!
Какъ ты замѣшкалась! Пора, пора домой!
Что жъ стала?» — Не браните:
Я встрѣтилась вотъ здѣсь съ подругою моей;
Пять лѣтъ мы не видались съ ней,
А вмѣстѣ выросли... — «Какъ радъ я!.,. Извините...
Рекомендуюсь вамъ... имѣю честь...
Однако же часовъ ужъ шесть...»
— А у меня посланье есть!
(Вскричалъ, къ нимъ подошедши
Риѳмачъ сѣдой и сумасшедшій)
Анюта, знаешь ли? тебѣ я написалъ
Прелестный мадригалъ.
Послушай...» — Батюшка! да постыдись народу
И дай съ знакомыми ты мнѣ поговорить.»
— А смѣю васъ, сударь, спросить,
Читали ли вы оду

На погребеніе Прибыткина купца?
У Холмогорскаго пѣвца
Ей Богу нѣтъ такой! Войдете въ эту лавку;
Я оду вамъ прочту, да притчей пять въ прибавку. —
Сказалъ и за воротъ совѣтника схватилъ;
А тотъ хоть изумился,
Но за руку жену съ собою потащилъ.
Народъ предъ лавкою столпился
И по гостинному двору прохода нѣтъ.
Безсовѣстный поэтъ
Что силы есть стихи читаетъ,
Жена напрасно унимаетъ,
Купецъ изъ лавки выгоняетъ,
Сидѣлецъ головой качаетъ —
Онъ ничего не примѣчаетъ,
А все читаетъ, да читаетъ
И отъ себя ревнивца не пускаетъ.
Тотъ все молчалъ, молчалъ;
Но напослѣдокъ закричалъ:
Ой караулъ! — и побѣжалъ.
Риѳмачъ за нимъ — кричитъ: *держи! держите!*
Я притчей не читалъ еще, а вы бѣжите!
И оба скрылися изъ глазъ.
Ну, матушка, такихъ проказъ
(Прасковья Марковна сказала)
Признаться, я не ожидала.
Мой Петръ Кандратьевичъ ревнивъ,
Взыскателенъ, сварливъ:
Но все сноснѣй, чѣмъ вашъ мучитель.»

Я самъ, къ несчастью, сочинитель;
Писать стихи люблю
И ужъ никакъ не утерплю,
Чтобъ не читать *друзьямъ* свои стихотворенья;
А бѣдная моя жена —
Пошли ей, Господи, терпѣнья! —
Хотя не хочетъ, но должна
Сидѣть и слушать, какъ читаю басни, сказки —
Молчитъ голубушка и только щуритъ глазки.
Ахъ, знаю по себѣ, что всякой метроманъ
Жены своей тиранъ.

XXXIII.

СОБАКА и ВОРЪ.

(Посв. С. Д. П — ой.)

Вы любите собакъ — какъ ихъ и не любить?
Ну есть ли звѣрь другой умнѣе,
Усерднѣе, вѣрнѣе,
Великодушнѣе? — Нѣтъ, и не можетъ быть! . . .
Собака рада смерть принять за господина.
Не всякая. . . но Гекторъ и Мальвина *
Конечно съ радостью умрутъ за госпожу.

---

* Имена собакъ Г-жи П — ой.

Позвольте: быль одну теперь вамъ разскажу.
Жила-была собака пребольшая,
Предобрая, презлая:
Ласкала всѣхъ своихъ,
Бросалась на чужихъ —
И только-что бросалась,
А не кусалась,
Затѣмъ, что на цѣпи привязана была. —
Жизнь пренесчастную вела;
Представьте: бѣдной ѣсть дни по два не давали,
А какъ начнетъ визжать — бивали.
Хозяинъ же ея богатый былъ купецъ
Пафнутій Сидорычъ Заржавинъ
Обманщикъ, ростовщикъ, скупецъ!
Ну настоящій жидъ, а впрочемъ христіанинъ:
Посты онъ свято наблюдалъ,
Заутрени не пропускалъ
И по полушкѣ въ день на рубль процентовъ бралъ.
Жилъ у него Степанъ работникъ,
Престрашный до вина охотникъ.
За пьянство Сидорычъ его журилъ, бранилъ
И въ наказанье не кормилъ;
Степанъ же съ голоду все пилъ —
Пилъ много, а работалъ мало.
Вотъ у хозяина терпѣнія не стало:
Согналъ его онъ со двора,
Отдавъ ему паспортъ да гривну серебра
И вычтя сто рублей изъ договорной платы.
Что дѣлать? Бѣднаго всегда прижметъ богатый!
Степанъ грозилъ Заржавину судомъ,
И къ Надзирателю онъ съ просьбой обратился,

Просилъ и Частнаго, но толку не добился;
И такъ, вздохнувъ, пошелъ — куда? — въ питейный домъ.
Ахъ, до чего страсть къ пьянству не доводитъ!
Несчастный мой Степанъ
Напился съ горя пьянъ;
И что жъ ему на умъ приходитъ? —
Отмстить хозяину, обворовать его;
А онъ не воровалъ ни разу до того.
«Вѣдь я свое возьму!» — Степанъ такъ разсуждаетъ —
«Теперь же ночь темна — ничто не помѣшаетъ:
Меня Барбоска знаетъ.»
Рѣшился и пошелъ. Уже черезъ заборъ
Онъ перелѣзъ къ Заржавину на дворъ.
Къ намъ! къ намъ! ужасный лай раздался:
Степанъ къ себѣ Барбоску подозвалъ,
Погладилъ, хлѣбца далъ;
А тотъ замолкъ и къ вору приласкался.
Чтобъ время не терять,
Степанъ сталъ въ узелъ собирать
Бѣлье, которое тутъ на дворѣ висѣло.
Ужъ онъ свое окончилъ дѣло
И шелъ съ узломъ къ воротамъ смѣло.
Барбоска за воротъ его
И о земь — только не кусаетъ
Тотъ хочетъ встать — онъ не пускаетъ,
Легъ на него и лаетъ.
Хозяинъ прежде всѣхъ услышалъ страшный лай;
Вскочилъ онъ съ сундука, кричитъ: «огня давай!
Вставай, Макарьевна, вставай!

Гаврила, Павелъ, Карпъ, вставайте!
Фонарь, фонарь скорѣй давайте!
Барбоска лаетъ, вѣрно воръ!
Гаврила, ты возьми запоръ,
Ты водоносъ, а ты топоръ,
Ступайте всѣ передо мною.
Макарьевна, поди и ты хоть съ кочергою.
А я за вами съ фонаремъ.
Пойдемъ, пойдемъ.»
Пошли — Барбоска пуще лаетъ.
Степанъ ни живъ, ни мертвъ лежитъ.
«Вотъ воръ, Барбоска, усь!...» — Макарьевна
дрожитъ
И кочергу изъ рукъ роняетъ.
«Постой, вотъ мы тебя! Ребята! бей, вяжи!
Что̀ у тебя въ узлѣ? скажи!
Ба! ба! да это нашъ Степанъ работникъ!
Ахъ, ты разбойникъ!
Смотрите-ка, бѣлье все наше онъ собралъ!»
Степанъ просить прощенья сталъ,
И наконецъ его простили,
Когда порядочно уже поколотили.
Пафнутій Сидорычъ Барбоскѣ изъявилъ
При всѣхъ свое благоволенье,
Иль, попросту сказать, его онъ *похвалилъ* —
А похвала — большое награжденье!

XXXIV.

СМѢТЛИВЫЙ ЭКОНОМЪ.

—

Хемницеръ говоритъ: *гдѣ сборы,*
Тутъ и воры!
А я скажу: гдѣ есть расходъ,
Тамъ вѣрно и доходъ
Всегда тому бываетъ,
Кто деньги выдаетъ, или что̀ закупаетъ.
Былъ у меня одинъ пріятель экономъ,
Который въ пять, шесть лѣтъ себѣ построилъ
домъ
По крайней мѣрѣ тысячъ во сто;
А жалованья бралъ въ годъ триста девяносто
И шесть рублей — за вычетомъ на госпиталь.
Покойникъ умеръ. Очень жаль!
Мы часто въ шашки съ нимъ играли
И пуншъ пивали.
На сватьбѣ дочери его попировали
И славно подгуляли —
Шампанскимъ запоилъ!
«А что, Климъ Сидорычъ, я у него спросилъ,
Воруешь ты? Скажи всю правду-матку:
Скажи пожалуй-ста.» — На что тебѣ? Ха! ха!
Самъ знаешь, кто же безъ грѣха? —
«А много ль въ годъ?» — Ну, тысячъ до десятку,
А можетъ быть и слишкомъ два. —
«Вотъ ты купилъ теперь дрова...

Почемъ?» — По десяти, и то едва, едва
Знакомый уступилъ: за то дрова какія!
Здоровыя, сухія,
Осины нѣтъ, все березнякъ! —
«Какую жъ цѣну въ счетъ поставишь ты? Двѣнадцать?»
— Избави Господи! да что я за дуракъ! —
«Неужели тринадцать?»
— Смѣшонъ ты право мнѣ! — Четырнадцать? Пятнадцать?»
— Да, какъ тебѣ не такъ!
По десяти купилъ, по десяти поставлю;
Знай, никогда въ цѣнѣ полушки не прибавлю.
Но сажень сотъ пятокъ я у себя оставлю.

—

XXXV.

ЛГУНЪ.

—

Павлушка-*мѣдный-лобъ* (приличное прозванье!)
Имѣлъ ко лжи большое дарованье.
Мнѣ кажется, еще онъ въ колыбели лгалъ;
Когда же съ бариномъ въ Парижѣ побывалъ
И черезъ Лондонъ съ нимъ въ Россію возвратился,
Вотъ тутъ-то лгать пустился!
Однажды... ахъ, его лукавый побери!...

Однажды этотъ лгунъ бездушной
Разсказывалъ, что въ Тюльери
Спускали шаръ воздушной.
«Представьте — говорилъ — какъ этотъ шаръ великъ!
Клянуся честію такого не бывало!
Съ Адмиралтейство!... что? нѣтъ, мало! —
А дѣлалъ кто его? — Мужикъ
Нашъ Русскій маркитантъ, Коломенскій мясникъ,
Софронъ Егоровичъ Куликъ,
Жена его Матрёна
И Таня, маленькая дочь.
Случилось это лѣтомъ въ ночь
Въ день именинъ Наполеона.
На шарѣ вышиты гербъ, вензель и корона.
Я *срисовалъ* — хотите? — покажу...
Но послѣ... Слушайте, что я теперь скажу:
На лодочку при шарѣ посадили
Пять тысячъ человѣкъ стрѣлковъ
И музыку со всѣхъ полковъ.
Всѣ лучшіе тутъ виртуозы были.
Пріѣхалъ Бонапартъ и заиграли маршъ.
Наполеонъ махнулъ рукою —
И вотъ Софронъ Егорычъ нашъ,
Въ кафтанѣ бархатномъ съ предлинной бородою,
Какъ хватитъ топоромъ —
Канатъ вмигъ пополамъ; раздался ружей громъ, —
Шаръ въ небѣ очутился
И вдругъ весь газомъ освѣтился.
Народъ кричитъ: diable! vive Napoléon!
Bravo, Monsieur Sophron!

Шаръ выше, выше все — и за звѣздами
скрылся.
А знаете ли гдѣ спустился?
На берегу морскомъ, въ Кале!
Да опускаяся къ землѣ,
За сосну какъ-то зацѣпился
И на суку повисъ;
Но по веревкамъ всѣ спустились тотчасъ внизъ;
Шаръ только прорвался и больше не годился.
Каковъ же мужичекъ *Жуликъ?*»
— Повѣсилъ бы тебя на сосну за языкъ —
Сказалъ одинъ старикъ —
Ну, Павелъ, исполать! Какъ ты людей морочишь!
Обманывалъ бы ты въ Парижѣ дураковъ,
Не земляковъ.
Смотри, братъ, на кого наскочишь!...
Какъ шаръ-то былъ великъ? —
«Свидѣтелей тебѣ представлю, если хочешь:
Въ объемѣ будетъ съ полверсты.»
— Ну какъ же прицѣпилъ его на сосну ты?
За олуховъ что ль насъ считаешь?
Прямой ты *мѣдный лобъ!* Ни крошки нѣтъ
стыда! —
«Э! полно, миленькій, неужели не знаешь,
Что *надобно прикрасить иногда.*»

═

XXXVI.

ПРИКАЗНЫЕ СИНОНИМЫ.

—

Какой-то человѣкъ имѣлъ въ приказѣ дѣло.
Онъ правъ былъ и богатъ; итакъ, взявъ денегъ,
смѣло
Къ секретарю ранехонько идетъ,
Челомъ ему, а самъ мошонку вынимаетъ
И передъ нимъ на столъ крестовики кладетъ.
Тотъ, бросивши перо, просителя сажаетъ,
Но съ денегъ самъ не сводитъ глазъ.
«Вчерашняго числа въ приказъ
Я подалъ, батюшка, прошенье. . .»
— Читалъ его, ты правъ! все знаю! — «А рѣшенье
Когда послѣдуетъ? осмѣлюся спросить.»
— Да стòитъ только *доложить*. . .
А тамъ и въ городъ свой ты можешь убираться,
Чѣмъ здѣсь напрасно проживаться. —
«Счастливо жъ оставаться!
Проситель черезъ день пришелъ опять въ приказъ.
«Что жъ, батюшка, указъ
По дѣлу моему? Когда бъ сегодня можно. . .»
— Вѣдь я сказалъ тебѣ, что *доложить* мнѣ
должно. —
Проситель принужденъ былъ съ мѣсяцъ тутъ
прожить
И слышалъ то жъ, да то; *лишь только доло-
жить*, —

Не зналъ что̀ дѣлать челобитчикъ;
Но сжалился надъ нимъ повытчикъ.
«Ну полно, не тужи»
Шепнулъ онъ такъ ему: «всю правду мнѣ скажи,
Что̀ далъ секретарю?» — Да двадцать пять цѣлковыхъ. —
«Ну такъ десяточекъ еще ты доложи.
Да мнѣ пять рубликовъ. Учи васъ, безтолко̀выхъ!
Не смыслите, что *доложить*
Все то же, что̀ и *приложить*.
Фунтъ чаю взять еще съ тебя за объясненье!»
Истецъ исполнилъ все тотчасъ,
И на другой же день, какъ разъ,
Поспѣлъ экстрактъ, опредѣленье
И выдали ему указъ.

XXXVII.

ДУРА ПАХОМОВНА.

Не дай Богъ съ дуракомъ связаться —
Сказалъ Иванъ Андреевичъ Крыловъ.
А съ дурою?... Могу признаться,
Что дура во сто разъ опаснѣй дураковъ,
И тѣмъ опаснѣй, чѣмъ моложе,
Красивѣе, лицомъ пригоже. —

Боюсь дуръ молодыхъ, пригожихъ не люблю;
А старыхъ и дурныхъ, ей Богу, не терплю.
Пахомовны старушки сынъ,
Не помню города какого мѣщанинъ,
Который нѣкогда былъ гдѣ-то маркитантомъ,
Рѣшился сдѣлаться... бумажнымъ фабрикантомъ,
Весь нужный инструментъ досталъ
И по ночамъ работать сталъ.
На пробу сдѣлалъ онъ синюшку,
И матушку свою старушку
Послалъ бумажку размѣнять.
Та въ лавочкѣ и размѣняла,
Хоть въ деньгахъ счетъ не такъ-то знала,
Да и на что старухѣ знать?
Вотъ мастеръ нашъ прилежно работаетъ,
Бумажки все приготовляетъ,
А матушка мѣняетъ,
И размѣняла такъ она бумажекъ шесть.
Знать надобно бъ и честь,
Нѣтъ, дай седьмую ей принесть. —
«Откуда, старая, бумажки ты таскаешь?
— Воскликнулъ лавочникъ Егоръ —
Гдѣ взять тебѣ? Твой сынъ и пьяница и воръ.
Ужъ не фальшивыя ль бумажки ты мѣняешь?»
— Фальшивыя? Что ты, козлина борода!
Мой сынъ *самъ* дѣлаетъ бумажки.... —
«Самъ?» — Да! да!»
Плохая вышла шутка.
У лавочки стояла бутка.
«Ѳаддеичъ!» лавочникъ съ испуга закричалъ:
«Сюда!» и за воротъ старуху крѣпко взялъ...

Явился въ лавочку Өаддеичъ съ миной важной,
Съ секирою, въ бронѣ сермяжной.
Онъ грамотѣ немножко зналъ
И ассигнацію фальшивою призналъ.
Мгновенно учинилъ свое распоряженье,
Чтобъ мастеръ съ фабрики куда не ускользнулъ,
Пахомовну разъ пять ругнулъ,
А къ надзирателю отправилъ доношенье.
Потомъ къ Пахомовнѣ гурьбою въ домъ пошли
И за работою сынка ея нашли;
Веревкой обоихъ рука съ рукой связали;
На съѣзжую съ тріумфомъ отвели,
Судили, наказали —
И слезы тутъ не помогли!
А бѣдная ужъ выла, выла,
Что сдуру и себя и сына погубила.

═

XXXVIII.

ТАКЪ ДА НЕ ТАКЪ.

—

Былъ жадный воевода
(Давно его ужъ прибралъ Богъ)
Богатымъ другъ, врагъ бѣднаго народа,
Безъ взятокъ дня пробыть не могъ!
Однажды поутру пришелъ къ нему пріятель,
Питейныхъ сборовъ содержатель,

И говоритъ: «изъ Питера сейчасъ
Я получилъ письмо; мнѣ пишутъ, что въ правленье
Къ вамъ съ той же почтою отправится указъ
Сената, чтобы мнѣ отдать за долгъ имѣнье
Корнета Тройкина. Вотъ дѣлай одолженье!
Наличныхъ у меня взялъ тысячъ шестдесятъ,
А за имѣніе дадутъ ли пятдесятъ!...
Но самъ я виноватъ; введите во владѣнье.»
— Не можно, братецъ, сдѣлать *такъ*. —
Какъ?
Сенатъ велѣлъ, такъ сдѣлать должно.»
— Конечно, только *такъ* не можно. —
«Помилуйте, сенатъ...»
— Все знаю, братъ!
Пускай велѣлъ сенатъ отдать тебѣ имѣнье:
Мы по сенатскому указу исполненье
Сегодня жъ сдѣлаемъ — однако все не *такъ*...
«Ахъ, извините — Ну, какой же я дуракъ!
Забылъ вамъ доложить: ко мнѣ вчера прислали
Изъ Оренбурга двѣ прекраснѣйшія шали;
Изъ нихъ одну...»
— Да обѣ ужъ пришли: я подарю женѣ,
Другую дочери. — Проситель поклонился
И съ шалями чрезъ пять минутъ назадъ явился;
А воевода тотъ же часъ
Послалъ подъячаго въ правленье,
И написали тамъ откупщику какъ разъ
Указъ
О вводѣ во владѣнье.

И взятки брать вѣдь надобно умѣнье!
Вотъ воевода мой хоть глупъ, но не дуракъ;
Онъ ничего не дѣлалъ *такъ*.

XXXIX.

СТРѢЛКИ.

«Что у тебя, братъ, глазъ завязанъ?»
— За шалость я свою наказанъ. —
«Какъ?» — Отличиться захотѣлъ
И окривѣлъ. —
«Какимъ же образомъ?» — Стрѣлялся,
Да вотъ безъ глаза и остался. —
«Съ кѣмъ?» — Съ Джономъ Портеромъ. — «О,
знаю молодца!
Не тратитъ попусту свинца.»
— Да такъ ли я, какъ онъ, стрѣляю!
Я въ десяти шагахъ въ тузъ пулей попадаю.
Прицѣлился ему прямехонько я въ лобъ...
Хлопъ!... —
«Убилъ его? Онъ повалился?...»
— Нѣтъ милой, нѣтъ:
Вдругъ разорвало пистолетъ...
Вотъ грѣхъ какой случился!
А онъ и радъ тому, спустилъ курокъ тотчасъ
И пулю посадилъ мнѣ въ глазъ.

Ужъ есть чѣмъ хвастаться! Въ три четверти
аршина
Былъ пистолетъ его! Вѣдь экая машина!
И пистолетъ притомъ какой?
Отличный! Въ Англіи сто фунтовъ стòитъ пара,
А у меня дрянной такой,
И тотъ взялъ, знаешь ли, у казака Макара,
Который изъ него лѣтъ восемь не стрѣлялъ,
Не чистилъ, въ сырости держалъ;
А вычистить его я самъ не догадался.
Теперь мнѣ пистолетъ чудеснѣйшій попался,
Звалъ Джона я опять; но нѣтъ, плутъ отказался.
Не знаю какъ отмстить. Скажи, братъ, научи
Чтò дѣлать мнѣ теперь? — «Что дѣлать?...
Глазъ лечи,
Да и пожалуй-ста молчи.»

═

XL.

СВЕКРОВЬ и НЕВѢСТКА.

—

«Стыда въ тебѣ нѣтъ, молодица!»
Невѣстушку свою журила такъ свекровь,
Шестидесяти лѣтъ вдовица,
Которая давно забыла ужъ любовь
И только лишь себя да водочку любила,
Пила, бранилась, дѣвокъ била:

«Сегодня середа!
А что ты дѣлала?» — Что? — Съ мужемъ цаловалась!
Поутру давича къ свѣтлицѣ я подкралась;
Все видѣла въ замокъ! — Ну что же за бѣда?
Вѣдь съ мужемъ, не съ чужимъ: такъ въ этомъ нѣтъ стыда! —
«Да, грѣховодница, сегодня середа!
Дивлюсь, какъ не болятъ у васъ проклятыхъ, губы!
Безъ поцалуевъ имъ зимою какъ безъ шубы!
Въ чемъ сласть нашли? — Да что твой мёдъ! —
«А я такъ третій годъ
Голубушка моя, вдовѣю;
Вотъ не цалуюсь, а жива!
Да и въ замужествѣ была я такова!
Не вѣшалась Пахомочу на шею.
Скажи видала ль ты когда,
Чтобъ мы съ нимъ цаловались?
Объ Масляной... Святой... да развѣ вотъ тогда
Какъ помиримся съ нимъ... а рѣдко вѣдь дирались!»
— Да полно, матушка-свекровь!
Вѣдь мы съ Панкратьичемъ вамъ не мѣшали драться;
Такъ не мѣшай намъ цаловаться.
Когда Господь намъ далъ совѣтъ да и любовь,
Состарѣемся мы и перестанемъ сами
Другъ дружку цаловать.

Увы, проходитъ все съ лѣтами!

Нельзя вѣкъ въ куклы намъ играть,
Нельзя вѣкъ цѣлый танцовать;
Съ лѣтами все, все оставляемъ,
И что̀ любили мы, въ другихъ то̀ осуждаемъ,
А осуждать грѣшно, —
Но осуждать любовь грѣшно да и смѣшно.

═

XLI.

ПѢВЧІЕ.

—

Богатый дворянинъ, пріѣзжій изъ Калуги,
Привезъ въ Москву пѣвцовъ,
Иль пѣвчихъ, сорокъ молодцовъ.
А эти пѣвчіе его всѣ были слуги.
Регентомъ же у нихъ былъ пожилой гуслистъ
Срамченко подканцеляристъ.
Весь хоръ глушилъ одинъ басистъ,
Лакей, Потапъ кривой, ужасная машина!
Аршинъ между плечьми, а ростомъ въ три аршина,
На крилосѣ онъ былъ всѣхъ выше головой
И за каретою стоялъ всегда кривой.
Теноръ былъ первый — псарь Гаврюшка,
Альтистъ — форейторъ хватъ Андрюшка.
Дишкантикъ же солистъ, восьми не больше лѣтъ,
Сиротка; всѣ его Богдашей называли
И одному ему поутру чай давали.
Онъ лучше былъ другихъ одѣтъ

И былъ любимецъ господина,
Который содержалъ его почти какъ сына
И въ ключницы возвелъ его родную мать;
Дѣвицу, такъ лѣтъ въ двадцать пять.
Вотъ онъ въ Москвѣ зоветъ гостей къ себѣ откушать
Да съ тѣмъ, чтобы и пѣвчихъ слушать;
А пѣвчихъ этакихъ — Срамченко увѣрялъ —
И въ Кіевѣ онъ даже не слыхалъ.
За столъ лишь только гости сѣли,
И пѣвчіе запѣли:
Визжатъ, ревутъ, орутъ,
Такъ уши и дерутъ.
Но кончился концертъ. — «Понравилось ли пѣнье?»
Хозяинъ говоритъ съ улыбкою гостямъ.
— Угодно вѣрно было вамъ
Узнать, имѣемъ ли терпѣнье? —
Сказалъ ему одинъ извѣстнѣйшій артистъ.
«Помилуйте, концертъ Бортнянскаго...» — Я знаю:
Но пѣвчихъ-то училъ не *онъ*... — «Нѣтъ-съ, а гуслистъ...»
— Который въ музыкѣ невѣжда, утверждаю.
Повѣрьте мнѣ вашъ хоръ
Вамъ только стыдъ, срамъ и позоръ.
Бортнянскаго прекрасны сочиненья.
У вашихъ же пѣвцовъ,
Нѣтъ даже голосовъ,
Не только что умѣнья;
Не знаютъ вовсе нотъ
И всякій хочетъ какъ, поетъ.

Немного пользы намъ законы доставляютъ,
Хоть какъ они будь хороши,
Коль судьи ихъ не понимаютъ. —
А если нѣтъ въ судьяхъ ни смыслу, ни души?.

═

XLII.

ГОРДѢЙ СЪ ФОНАРЕМЪ.

—

Лихой былъ встарину у насъ боецъ кулачный,
Гордѣй, — *гугунный-лобъ*, мужикъ не такъ-то взрачный,
Онъ, правда, силы не имѣлъ
И биться не умѣлъ;
За то былъ смѣлъ.
Идетъ Гордѣй однажды съ бою,
Повѣся голову: «Ай, ай!»
Кричитъ, съ нимъ встрѣтившись насмѣшникъ Ермолай.
Чтò сдѣлалось, Гордѣй, съ тобою?
Добро бы ночью, а то днемъ
Идешь ты съ фонаремъ!»
— Да бились мы теперь вдвоемъ. —
«Съ кѣмъ?» — Съ Алексѣемъ-Колотушкой —
«О, это, братъ, вѣдь не съ Ванюшкой!
Не долго съ нимъ и до бѣды!
Да ты какъ-будто изъ воды!

Мокрехонекъ, какъ мышь?» — Я на Фонтанкѣ
бился,
Погорячился, оступился,
Упалъ
И въ полынью попалъ. —
«Ну, славно жъ въ полыньѣ, Гордѣй, ты
окрестился!
Смотри же, почитай, братъ, крестнаго отца.»
— Не ставлю я его совсѣмъ за молодца
И за кулачнаго бойца.
Счастливъ онъ, что на льду вдругъ такъ я
поскользнулся,
А то бы у меня самъ перекувырнулся. —
«Однако жъ каково теперь твоимъ бокамъ?»
— И Колотушкинымъ досталось... кулакамъ!
Распухли, чаю?
Бѣда ему, когда его гдѣ повстрѣчаю!... —
«Въ другой-то разъ
Побереги другой свой глазъ.» —
— Подбей онъ: я его вотъ такъ и... *обругаю*.

XLIII.

ПОМѢЩИКЪ и УПРАВИТЕЛИ.

Помѣщикъ Вякалкинъ хозяинъ славный былъ;
Въ своихъ владѣніяхъ лѣтъ двадцать сряду жилъ

И управлялъ онъ самъ своими деревнями:
Въ одной деревнѣ погоститъ —
Глядишь, гдѣ и не ждутъ, въ другую прикатилъ
И чуть что гдѣ не такъ, раздѣлка со спинами.
О, Власъ Перфильевичъ былъ строгій человѣкъ,
Не баловалъ крестьянъ и старостъ больно сѣкъ.
Въ деревнѣ прожилъ бы онъ, можетъ быть,
весь вѣкъ;
Но страсть къ одной, въ Москвѣ воспитанной,
дѣвицѣ
Заставила его опять пойдти служить;
Женился онъ на ней, да и остался жить
Съ женою молодой, съ родней ея въ столицѣ:
А въ отчины свои послалъ
Пять управителей и строго наказалъ,
Чтобы въ теченьи года
Семь тысячь каждый далъ, не менѣе, дохода.
И отчины могли такой доходъ давать;
Ужъ какъ Перфильичу не знать?
Въ деревнѣ взросъ самъ съ бородами
И арендаторомъ онъ былъ бы межъ жидами.
Проходитъ годъ
И каждый управитель шлетъ
И деньги и отчетъ.
Чтожъ пишетъ первый управитель? —
«Отецъ и покровитель!
Служить вамъ вѣрою и правдою я радъ;
Но прошлою весною
Червь яровое съѣлъ, а лѣтомъ сильный градъ
Побилъ озимое — власть ваша надо мною!
Вотъ выручили, что могли:

Фран-

ь ста-

Но воры вѣдь не безъ родни,
Не безъ друзей — не дураки они:
Хоть хоронить концы и не всегда умѣютъ:
Но покровителей, заступниковъ имѣютъ.
И у Перфильича защита есть плутамъ,
А все отъ дамъ:
Старушка-ключница Марина,
Христина нянюшка, кормилица Ирина,
Шутиха пьяная любимица Макрина,
Всѣ, со слезами на глазахъ,
Идутъ къ Перфильичу и въ ноги чебурахъ,
Лишь только выходить хотѣлъ онъ изъ столовой.
«Простите, батюшка, Петра:
Родной мнѣ внукъ!» — Матвѣй мнѣ братъ крестовой.
«Ивану Дудкину, кормилецъ, я сестра.»
— Егоръ мнѣ, баринъ кумъ. — Всѣ вдругъ заговорили
И хоромъ всѣ завыли
Какъ не разжалобить и въ жалость не привесть?
И у Перфильича вѣдь также сердце есть...
Для слугъ и для родныхъ. — Онъ разсмотрѣвъ отчеты,
Вздохнулъ, присѣлъ къ бюро
И за перо.
Вотъ циркуляръ его работы:
«Пріемля въ уваженье
(Такъ пишетъ къ первымъ четверымъ
Плутамъ-приказчикамъ своимъ)
Несчастье, невзначай постигшее имѣнье,
Рекомендую, чтобъ на слѣдующій годъ

Безотговорочно былъ собранъ весь доходъ.»
А пятому онъ далъ конечно награжденье? —
Терпѣнье, господа, терпѣнье!
На награжденіе не такъ Перфильичь скоръ.
Онъ къ пятому послалъ такое отношенье:
«Хоть у тебя и переборъ
И больше продано, чѣмъ прежде ржи, пшеницы;
Но чечевицы
Въ продажѣ вижу я лишь на сто шестьдесятъ,
А за годъ передъ симъ на двѣстѣ пятьдесятъ;
Тогда жъ и цѣны были плохи.
Нѣтъ, видно, есть въ тебѣ, братъ, блохи...
Да я ихъ выгоню — не позабудь того!

Каковъ Перфильевичъ?... Повѣсилъ бы его.

═

XLIV.

ГОРДЮШКА КНИГОПРОДАВЕЦЪ.

—

Былъ здѣсь давно одинъ мерзавецъ
Гордюшка, плутъ — книгопродавецъ.
По честности и по уму
Виномъ бы торговать ему
Въ какой нибудь корчмѣ, и то нехристіанской,
Въ жидовской, иль магометанской.
А походилъ онъ на жида!
Безъ совѣсти и безъ стыда

На бѣлый свѣтъ родился;
Радъ удавиться и за грошъ —
А впрочемъ всѣмъ онъ былъ хорошъ;
Немножко грамотѣ учился:
Могъ двоеточіе отъ точки отличить,
Могъ объявленіе о книгѣ сочинить;
Любилъ для барышей душей литературу;
Въ *Оракулахъ* держалъ всегда самъ корректуру;
Ученыхъ пьяницъ онъ погодно нанималъ
И компиляціи въ свѣтъ съ ними издавалъ.
Жаль, не писалъ стиховъ Гордюшка!
Одна почтенная старушка
По смерти мужниной вдругъ въ нищету пришла;
Что было лишнее кой какъ распродала,
Въ Ломбардъ иное заложила;
Одну лишь комнату топила —
Такъ берегла дрова
И деньги бѣдная вдова.
Занемоги она еще весной ненастной.
Какъ быть?
Лѣкарства не на что купить.
Но добрый лѣкарь частной
Старушкѣ страждущей помогъ —
Да наградитъ его Самъ Богъ!
А Онъ всегда тѣхъ награждаетъ,
Кто бѣднымъ вдовушкамъ охотно помогаетъ. —
Узналъ торгашъ Гордѣй,
Что послѣ мужа есть шкапъ цѣлый книгъ у ней.
Вотъ онъ къ больной приходитъ,
Въ постели бѣдную находитъ
И говоритъ: «у васъ, я слышалъ, книжки есть...

Хоть торга книгами не можно нынче весть, . .
Отъ книгъ такъ плохи авантажи,
Что лучше продавать, повѣрьте, калачи. . .
Но на коммисію я взялъ бы для продажи;
Позвольте посмотрѣть» — Даютъ ему ключи.
Вотъ шкапъ онъ отпираетъ —
Шкапъ книгами набитъ —
Гордюшка ихъ перебираетъ,
На титулы глядитъ,
Понюхаетъ иную,
То улыбнется плутъ,
То рожу сдѣлаетъ такую,
Какъ-будто долгъ съ него берутъ.
Смотрѣлъ, глядѣлъ часъ цѣлой;
Въ затылкѣ почесалъ;
Потомъ съ осанкой гордой, смѣлой
Презрительно сказалъ:
«Хоть счетомъ книгъ и много,
Но разобрать коль строго,
Такъ мало тутъ добра.
Ну что? *Дѣянія Петра*
Да Ломоносова, Державина творенья
И Дмитріева сочиненья,
Жуковскаго, Карамзина —
И только вѣдь изъ Русскихъ!»
— А сколько, батюшка, зато здѣсь книгъ Фран-
цузскихъ,
Латинскихъ, Греческихъ? — «Да все вѣдь ста-
рина!
Расина, Буало, Корнеля всякъ имѣетъ;
По-Гречески жъ не всякій разумѣетъ.

А, правду молвить, и латынь
Хоть кинь!
Народъ нашъ дѣловой, торговый и воинской —
На что̀ же намъ языкъ Латинской?..
Однако, такъ и быть,
Радъ все у васъ купить,
Коль сходно отдадите.
Ну много ли, сударыня, хотите?»
— А сколько бъ дали вы? — «Да что васъ обижать?
Извольте; дамъ я . . . . *двадцать-пять.*»
— Какъ? Двадцать-пять рублей? За все?.. Не грѣхъ вамъ это? —
«Да разсудите: нынче лѣто,
А до зимы
Почти вѣдь не торгуемъ мы:
Не выручишь, ей Богу, и на лавку!»
— Я лучше ихъ сожгу! Какъ? двадцать-пять! — «Жаль васъ!
Извольте, такъ и быть вдобавку
Еще *пять* рубликовъ и деньги сей же часъ!»
— Подите жъ вонъ! — «Ну, десять я прибавлю.
Хотите *тридцать-пять?*
И шкапъ, пожалуй, вамъ оставлю,
Да буду, матушка, васъ вѣчно поминать.» —
Старушка разсердилась,
Съ Гордюшкой побранилась
И гонитъ плута вонъ. —
Нейдетъ однако онъ,
Торгуется, клянется,

Что *покупателя* другаго не найдется,
И наконецъ
За сотню книги всѣ купилъ у ней, подлецъ!
Возрадовался мой Гордюшка,
Что имъ ограблена такъ бѣдная старушка.
А послѣ на пятакъ взялъ рубль онъ барыша.
Куда жъ пойдетъ душа
Такого торгаша?
Въ адъ, разумѣется, конечно!
По приказанью трехъ безжалостныхъ сестеръ
Изъ книгъ, имъ проданныхъ, тамъ сдѣлаютъ
костеръ
И будетъ жарится онъ вѣчно.

XLV.

БАБУШКА и ВНУЧКА.

«Натанцовалась ли, сударыня, вчера?»
Такъ Бабушка Ненила
Петровна Внучкѣ говорила.
«Всю ночь, до самаго утра
Ты, какъ юла, вертѣлась
И въ зеркало одинъ разъ только посмотрѣлась.
Охъ! этотъ вальсъ
Погубитъ васъ?
Жаль, право: нѣтъ закона,

Чтобы не танцовать на балахъ котильона!
А вашъ проклятый pot pourri
Лукавый побери!
Чуть не стрѣлялися изъ-за него въ Твери.
Впередъ не дамъ тебѣ я воли
И буду за тобой глядѣть:
Не все вертись; изволь и посидѣть...
Чай, на ногахъ мозоли?»
— Нѣтъ, бабушка, не чувствую я боли,
Ниже усталости... да молодымъ ногамъ
Что̀ можетъ сдѣлаться?... А доложу я вамъ:
Когда мы танцовали
Вы все въ бостонъ, да въ вистъ играли,
Какъ жаль мнѣ было васъ!
Устали вѣрно ваши ручки;
Послушайтесь-ка вашей внучки:
Ну, поиграйте часъ,
Два, три — а то какъ можно, въ ваши лѣта,
Играть съ семи часовъ до самаго разсвѣта?
Не хуже ль это, чѣмъ нашъ вѣчный котильонъ? —
«Пошла же грубіянка вонъ!»
Вскричала Бабушка Ненила,
И картами въ лице насмѣшницѣ пустила.

Мы часто молодыхъ за шалости бранимъ,
Упрековъ же себѣ и слышать не хотимъ.
Однако же кому стыднѣе,
Намъ старикамъ, иль молодымъ?
Кто долженъ быть умнѣе? —
Мы, кажется, — скажу, какъ моралистъ:
Вертитесь, барышни, вертитесь;

А вы, почтенныя, на милыхъ не сердитесь
И знайте свой бостонъ, да вистъ.
Дѣвица, сдѣлавшись старушкой,
Займется, какъ и вы, бостономъ, вистомъ,
мушкой.

XLVI.

КУЛАЧНЫЕ БОИЦЫ.

Въ Москвѣ фабричный былъ Семенъ, силачъ,
боецъ:
Заразъ изъ печи изразецъ
Своею вышибалъ желѣзной пятернею;
Когда же, на бою, являлся предъ стѣною,
Все опрокидывалъ и гналъ передъ собою.
Страхъ, ужасъ передъ нимъ,
А клики радости и похвала за нимъ.
По окончаніи сраженья,
Героя нашего ведутъ всѣ съ торжествомъ
Въ питейный домъ
Для угощенья.
Хотя Семенъ
И очень былъ силенъ,
Но полугарное вино еще сильнѣе.
Однажды сдѣлался хмѣленъ
Какъ писарь перваго числа, или еще хмѣльнѣе.

Хмѣль поборолъ его, ошибъ съ ногъ,
И встать ужь онъ не могъ:
Лежитъ и, утомясь отъ славы,
Спокойно спитъ себѣ на берегу канавы.
Тамъ утромъ, спящаго еще его нашли
И будочникамъ двумъ, врагамъ его, сказали;
А тѣ съ веревкою пришли
И руки накрѣпко назадъ ему связали.
Ну тормошить его. «Вставай,
Семенъ, вставай! пора опахмѣлится
— Давайте, братцы! Нѣтъ, давай
Не пить теперь, а биться.
Вотъ разъ тебѣ, вотъ два, вотъ три!
Впередъ не говори,
Что ты одинъ боецъ»—*Ахъ, руки развяжите,*
Да тутъ-то удальство свое мнѣ покажите.

Не велѣно лежачихъ бить.
Безсильному грѣшно ужъ мстить;
И какже съ тѣми драться,
Кто средствъ лишенъ обороняться?

XLVII.

СКУПОЙ и ОКУЛИСТЪ.

Не дай Богъ сдѣлаться слѣпымъ,
Глаза беречь, да и беречь намъ должно.

Случилося несчастье со скупымъ:
Ослѣпъ и денежки ему лишь щупать можно;
А денегъ у него два полныхъ сундука:
Бумажки трехъ цвѣтовъ и всѣ, какъ съ молотка;
По сотнямъ, тысячамъ разложены имъ въ книги,
(Нельзя взглянуть на нихъ безъ радостной
улыбки);
Мѣшечки съ золотомъ и съ серебромъ мѣшки.
Какъ метроманъ свои стишки,
Такъ точно скряга мой любилъ свои монеты:
Простительно въ преклонны лѣты.
Бывало, по ночамъ не спалъ;
Въ томъ только находилъ одно лишь утѣшенье,
Что денежки считалъ
Въ уединеньѣ;
Перетиралъ,
А иногда и целовалъ
Въ сердечномъ восхищеньѣ.
Какъ больно, для скупца, утратить вовсе зрѣнье,
День для него то жъ, что̀ и ночь.
Взялся ему помочь
Искусный окулистъ, однако же недаромъ —
Онъ тысячу рублей, не больше, запросилъ.
Вѣсть эта громовымъ Скупцу была ударомъ:
Ужъ онъ молилъ его, молилъ;
Ужъ торговался, торговался,
Но меньше пяти сотъ тотъ взять не соглашался!
И, наконецъ,
Рѣшился мой слѣпецъ-скупецъ.
Вотъ окулистъ къ слѣпому пріѣзжаетъ,
Передъ собой его сажаетъ,

И дѣло начинаетъ.
Ему не въ первый было разъ:
Полоперацiи окончилъ онъ счастливо.
У скряги правый глазъ
Уже глядитъ, о, диво!
Вскочилъ со стула онъ
И оператору поклонъ.
«Благодарю! — Садитесь.
«Отецъ мой! не трудитесь.»
— А какъ же? А другой-то глазъ?
«Да право совѣстно мнѣ безпокоить васъ.
Притомъ, признаться, больно;
А глаза одного съ меня весьма довольно:
Ужъ мнѣ давно за шестьдесятъ!
Вотъ, батюшка, вамъ *двѣсти-пятьдесятъ.*

═

XLVIII.

ТЬМАКА.*

—

Какъ разлилася Тьмака!
Бывало, безъ хлопотъ
Переходили въ бродъ
Черезъ нее и лошадь и собака.
Теперь же, хоть какой высокiй флангевой
Уйдетъ въ нее и съ головой.
Теперь сравнялася съ крутыми берегами,

* Рѣчка въ Твери.

Покрыта барками, не только челноками.
Чѣмъ Тьмака не рѣка?
И глубока,
И широка.

Походитъ нѣсколько она на игрока,
Который не *навкрняка*
Играетъ.
Такой игрокъ бываетъ
Не все счастливъ:
То у него приливъ, а то, увы, отливъ!
То подчуетъ онъ стерлядями,
Шампанское течетъ рѣкой;
Подъ часъ иной
Квасъ кушаетъ, изъ лавочки, съ сельдями.

XLIX.

ЗАВѢТНОЕ ПИВО.

Ѳома на завтракъ звалъ Кузьму,
И, послѣ водки,
Такъ говорилъ ему:
«Покушай-ка селедки.
Ну, что̀ за сельдь! крупна, жирна;
А какъ вкусна!
Голландская, ей Богу! безъ обману!
У Королева бралъ. Тебѣ-то лгать не стану...

Вотъ свѣжая икра
Изъ осетра...
Прикажешь лучку
Зеленаго?.. Попробуй эту штучку:
Балыкъ, да вѣдь какой балыкъ!
Ну такъ, какъ медъ, во рту и таетъ.
Нельзя не ѣсть; возьми: кусочекъ невеликъ.»
— Помилуй! этакъ я не стану и обѣдать.
«А семужки нельзя никакъ, чтобъ не отвѣдать;
Вѣдь изъ Архангельска прислалъ въ гостинецъ
сватъ.
Покушай, братъ.»
— Ѳома Панкратьевичъ, покушалъ я довольно. —
«Э, какъ тебѣ не стыдно? Полно.
Чѣмъ только лишь богатъ,
Тѣмъ гостю дорогому радъ....
А вотъ грибочки,
Тутъ рыжички, а здѣсь груздочки:
И тѣхъ отвѣдай, и другихъ.
Груздочки хороши, а рыжики такъ диво!
Здѣсь не найдешь такихъ:
Изъ Вологды!»—А въ кружкѣ что?—«Да пиво.»
— Ну, накормилъ ты молодца;
Пожалуй-ка теперь пивца.
Вотъ, этого нельзя; пей, если хочешь, водку.»
— Помилуй, ты меня соленымъ все кормилъ;
А пива жаль тебѣ! «Я звалъ вѣдь на селедку;
О пивѣ жъ ничего тебѣ не говорилъ.»
— Умилосердися! дай промочить мнѣ глотку.
«Пей водку.»
— Вѣдь пиво есть? «Есть про себя,

Не про тебя.»
— Хотя кваску вели подать, Панкратьичъ.
«Есть, Елизарычъ,
И квасъ,
Да лишь про насъ.»
— Ей, ей! пить хочется. «А знаешь, *на хотѣнье*
Терпѣнье.»
Терпѣніе Кузьма тутъ вовсе потерялъ,
Всталъ,
За кружку хвать рукою;
Другою
Онъ такъ хозяина толкнулъ,
Что опрокинулъ тотъ столъ съ завтракомъ и стулъ.
Упалъ — кричитъ: *ай! караулъ!*
Рукой дрожащею хватаетъ
За свой кровоточивый лобъ;
Сквозь слезъ грозитъ, ругаетъ:
Молчитъ гость, пиво допиваетъ.
И объ полъ кружку хлопъ.

Красавицы-кокетки!
Вѣдь это вамъ навѣтки!
Зачѣмъ собою насъ прельщать?
Зачѣмъ любовь въ насъ возбуждать
Притворной нѣжностью и хитрыми словами,
Когда мы не любимы вами;
И не хотите вы руки своей намъ дать?
Вамъ весело, какъ мы любовію къ вамъ жаждемъ;
Смѣетесь, какъ мы страждемъ.
Не корчите Ѳому —
Не то попасть вамъ на Кузьму.

L.

ВЫСТАВКА МАНУФАКТУРЪ.

—

На выставкѣ мануфактуръ,
Близъ биржи Петербургской,
Случился подданный французской,
Monsieur... какъ чортъ его? monsieur... monsieur Bélcourt!
Со вкусомъ человѣкъ, притомъ же и съ имѣньемъ,
Да и съ умѣньемъ.
Въ товарахъ толкъ онъ зналъ:
Товары Русскіе изъ первыхъ рукъ скупалъ,
И за французскіе богатымъ продавалъ
Двойной, не болѣе, цѣною
Съ Madame Bélcourt, своей женою.
Вотъ онъ то лѣвою, то правой стороною
По выставкѣ идетъ, глядитъ
На вещи разныя и вздохи испускаетъ.
Легонько въ бокъ его толкаетъ
Купецъ съ бородкою и громко говоритъ:
«Что̀ такъ, мосье, сердитъ?»
— *А здравствуй!* «Что̀ же ты не веселъ
И носъ повѣсилъ?
Иль вещи здѣсь не хороши?»
— *Изрядны!* «Слушай-ка, въ Парижъ ты напиши,
Чтобы вещей тебѣ оттудова прислали.
Мы прежде вамъ свои товары продавали;

Теперь же и безъ васъ сбывать ихъ средство
есть.
Вотъ видишь намъ какая честь!»
— Вамъ честь, а намъ такъ горе!
Придется запереть мнѣ магазинъ нашъ
вскорѣ!
Но это только между насъ.
Прощай! Hélas!

═

LI.

ФОНАРЬ.

—

Поставили на улицѣ фонарь —
И уняли ночнаго вора.

Плутъ секретарь
Остерегается прямаго прокурора.

То ль дѣло воровать въ потьмахъ?
То ль дѣло командиръ, который не читаетъ,
Не смыслитъ ничего въ дѣлахъ,
А подписью своей бумаги утверждаетъ!
Хвала отъ всѣхъ воровъ, воришекъ—темнотѣ,
Невѣжеству и глупой добротѣ.

═

LII.

БУФЕТЧИКЪ и ДВОРЕЦКІЙ.

—

И домъ помѣщичій, и дворъ
Разбойники въ ночь окружили.
По счастью, во̀-время ворота притворили
И на запоръ.
Рѣшились дать отчаянный отпоръ.
Кто взялъ топоръ,
Кто косу, кто косарь, кто вилы,
И стали твердо у воротъ,
Чтобъ отразить бунтующій народъ.
Разбойники, что̀ есть въ нихъ силы,
Ломаютъ ворота — трещатъ на вереяхъ.
Они ломаютъ,
А съ крышъ по нихъ стрѣляютъ,
Каменья, кирпичи бросаютъ;
Бабенки плачутъ и ругаютъ,
И крикъ, и вопль, и вой, и страхъ,
И ужасъ на дворѣ, и даже въ чердакахъ.
Но не теряется нисколько дисциплина:
Военнаго они имѣли господина —
Полковникъ баринъ былъ. Онъ, съ трубкою въ зубахъ
И саблей острою въ рукахъ,
Разбойникамъ не угрожаетъ;
Но всѣмъ распоряжаетъ
И духу придаетъ своимъ.

Вотъ вдругъ бѣжитъ съ крыльца Максимъ,
По званію буфетчикъ.
Десятерымъ не сладить съ нимъ.
Откуда ни возмись Клейнгундъ дворецкій
Нѣмчикъ,
Большой газетчикъ.
Максима онъ остановилъ.
«А послѣ ужина твой рюмки перемылъ?»
— Нѣтъ, Карлъ Крестьяновичъ, я утромъ
перемою:
Теперь позвольте-ка мнѣ къ бою.
«Нѣтъ, нѣтъ!
Маршъ на буфетъ.
Сей часъ пошелъ, скотина!» —
Сюда, Максимъ, впередъ!
Не слушай бусурмана, вретъ!
Раздался голосъ господина.
И вотъ Максимъ ужъ у воротъ.
Онъ вытащилъ запоръ, взмахнулъ, стоитъ и
ждетъ.
Ворота растворились.
Колонна въ ворота идетъ
Рогатины и ружья появились.
Какъ хватитъ нашъ Максимъ запоромъ по ногамъ,
Такъ человѣкъ семь повалились,
И въ то жъ мгновенье баринъ самъ
Вскричалъ: *пали!* и полетѣли пули.
Разбойники вздрогнули,
Попятились. — *Впередъ!* На нихъ весь тиснулъ
дворъ.
Максимъ, отбросивъ свой запоръ,

Схватилъ одной рукой косарь, другой топоръ
И ну рубить по чемъ попало.
А Нѣмчикъ, что̀ его за рюмки такъ бранилъ,
Со страху трубку уронилъ.
Колонны въ мигъ не стало.
Разсѣялись.... *Лови ихъ! бей! вяжи! ура!*
Побѣда! торжество! Разбойники разбиты....
А рюмки все-таки осталися не мыты
До самаго утра.

═

LIII.

КЛЕВЕТНИКЪ.

(Подражаніе Французской баснѣ: *Кваккеръ и Собака.*)

—

Степана соблазнилъ однажды, ночью, бѣсъ:
Онъ въ садъ къ сосѣду перелѣзъ,
Не для того, чтобъ прогуляться,
И чтобъ природой наслаждаться,
А просто — яблоки покрасть:
Имѣлъ къ нимъ страсть.
Вотъ крадется онъ къ яблони по саду,
И вдругъ раздался лай: *кто тамъ! кто тамъ!*
Степашка въ ретираду.

За нимъ бѣжитъ Брыланъ, страхъ нищимъ и ворамъ,
Бѣжитъ и лаетъ.
Мой воръ,
Какъ галка, на заборъ.
Брыланка, припрыгнувъ, хватаетъ
Воришку за сапогъ;
Но въ садъ стащить не могъ,
А прохватилъ зубами ногу
И до крови, ей Богу!
«Добро же,» раненый пробормоталъ сквозь зубъ:
«Я заплачу тебѣ; увидишь, что не скупъ,
Да и не глупъ.»

Хозяинъ поступалъ съ Брыланомъ благородно:
Его онъ уважалъ
И на цѣпь не сажалъ;
Брыланка днемъ ходилъ, куда ему угодно.
Однажды утромъ онъ гулялъ въ мясномъ ряду
И, на бѣду,
Брыланка также тамъ случился.
Онъ на него давно ужъ злился
И вотъ какъ дьяволъ ухитрился.
Въ Брылана сзади онъ воткнулъ
Иголку, иль булавку.
Тотъ на него; онъ — *караулъ!*
И въ лавку,
Какъ молнія юркнулъ.
«Ай, братцы! помогите!
Взбѣсилася! Вишь, пѣна на губахъ?» —
При сихъ словахъ

Всѣхъ объялъ страхъ!
(Чего вы отъ невѣждъ хотите?
Народная толпа
Робка, дерзка, глупа!)
Къ несчастью, двое тутъ квартальныхъ умныхъ
были,
Которые, предъ тѣмъ, травникъ въ харчевнѣ
пили.
Бей! закричалъ одинъ: Брылана окружили
И приняли дубьёмъ.
Одинъ его ножемъ,
Другой же топоромъ
И въ пять, иль въ шесть минутъ невиннаго убили.

Вотъ какъ отъ клеветы за вѣрность погибаютъ!
Въ аду клеветниковъ змѣямъ предпочитаютъ.
Крыловъ вѣдь не солжетъ, а это онъ сказалъ.
Откуда только взялъ? —
Чай, въ книжкѣ греческой старинной прочиталъ*.
Я жъ видѣлъ въ линіи периннoй
Эстампъ большой россійской и старинный:
Судъ страшный. Тамъ клеветники
Повѣшены за языки;
Подъ ними же огонь пылаетъ,
А бѣсъ змѣями ихъ съ-плеча такъ и стегаетъ.
Не худобъ и живыхъ ихъ жечь,
Или на перекресткахъ сѣчь

* И. А. Крыловъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ выучился самъ собою греческому языку и уже давно читаетъ въ подлинникѣ греческихъ классиковъ.

Подъ барабанъ лозами....
Однихъ клеветниковъ...А клеветницъ?—Щипцами
Горячими имъ язычки припечь.

LIV.

ОБМАНЧИВАЯ НАРУЖНОСТЬ.

Пріятель у меня старикъ проказникъ былъ,
Богатый человѣкъ, почти и не служилъ —
Отставленъ съ крестикомъ. Въ Москвѣ онъ
мало жилъ,
А болѣе въ своей любимой подмосковной.
Имѣлъ тамъ домъ огромной,
Большой фруктовый садъ,
И англійской еще, иль паркъ-оранжереи,
Въ которыхъ росъ отличный виноградъ —
Звѣринецъ, свой оркестръ и разныя затѣи.
Имѣлъ актеровъ крѣпостныхъ,
Актрисъ, пѣвицъ, танцовщицъ ловкихъ,
Наемныхъ трехъ Французовъ бойкихъ,
Да сотни двѣ собакъ и гончихъ и борзыхъ.
Пять тысячъ душъ ему досталося въ наслѣдство,
Да долгу нажилъ милліонъ;
Такъ деньгами сорить могъ онъ.
Его любило все сосѣдство.
И какъ же не любить?

Гдѣ въ сласть поѣсть, попить,
Повеселиться?
У Дурнева. — А денегъ гдѣ занять,
Когда нужда случится?
У Дурнева жъ. — Росписку только дать,
Какую вздумаетъ онъ самъ продиктовать
И на условія всѣ тотчасъ согласиться.
Случалось, иногда бралъ туфли онъ въ закладъ,
Халатъ, кушакъ, иль шапку или миску;
А деньги возвратишь, отдастъ тебѣ росписку,
Залогъ и сумму всю назадъ.
Къ своимъ собакамъ звалъ сосѣдскихъ по билетамъ;
Рожденье праздновалъ любимыхъ лошадей;
Дурачился, сказать ужъ правду, не по лѣтамъ;
Но, впрочемъ, не былъ онъ въ числѣ дурныхъ людей
И дѣлалъ иногда что̀ должно.
Проказничать богатымъ можно.
Въ деревнѣ Дурнева когда я навѣстилъ,
Меня онъ славно угостилъ.
Музыка за столомъ гремѣла
И первая пѣвица пѣла.
Вотъ отобѣдали.—«Что, не угодно ль въ садъ?»
— О, радъ! —
Пошли. Какой чудесный тамъ каскадъ!
Какіе мостики, бесѣдки и руины!
Куда ни взглянешь, все картины.
— А это что за храмъ? —
Вскричалъ я въ изумленьѣ,
Увидя съ куполомъ, съ колоннами строенье.
Ужъ подлинно сказать, что было загляденье!

— Что тамъ?
Какое божество сей храмъ въ себѣ скрываетъ?—
«*Наружность иногда обманчива бываетъ* *
И это, господинъ поэтъ, вамъ не во гнѣвъ,
Не храмъ, а хлѣвъ!»
— Какъ хлѣвъ? — Войдите
И поглядите, —
Толкаю дверь, вхожу
И съ поросятами свиней тутъ нахожу. —

LV.

ШУТЪ ВЪ ПАРИКѢ.

Однажды въ маскарадѣ
Явился старый шутъ въ неслыханномъ нарядѣ:
Съ хрустальной запанкой и воротомъ косымъ
Изъ ткани пестрыя на немъ была срачица,
Да съ гульфикомъ большимъ
Атласна черна исподница.
Съ нагнутыхъ плечъ его висѣлъ
Запачканой тулупъ, но настоящей русской;
На головѣ же онъ имѣлъ
Распудренный парикъ французской.
За старымъ шутомъ въ слѣдъ шелъ молодой чудакъ,
Въ престранномъ тоже одѣяньѣ,

* Стихъ И. И. Дмитріева.

Въ какомъ-то шахматномъ, смѣшномъ полу-
кафтанье,
И съ колокольчикомъ торчалъ на немъ колпакъ.
Лишь въ залу чучелы вступили,
Всѣ бросилися къ нимъ, кругомъ ихъ обступили,
Никто не могъ свести съ нихъ глазъ.
Старикъ, пожавъ плечьми, воскликнулъ: «Вижу азъ,
Коликой степени достигли развращенья!
«*О!.. но воздержимся еще отъ удивленья!*
«О, буйно скопище безумцевъ и невѣждъ!
«И мужескъ полъ и женскъ совлекся тѣхъ одеждъ,
«Которыя дѣдовъ и бабокъ украшали.
«Почто французскія вы моды переняли?
«Воззрите на меня, на юношу сего,
«Такъ иноземнаго не найдешь ничего.
«Все русское на насъ, изящно все и лѣпо;
«Мы любимъ старое, и вы любите слѣпо...»
Тутъ нѣкто старика прервалъ
И вѣжливо ему сказалъ:
За что всѣхъ, дѣдушка, поносишь?
Ты самъ парикъ французской носишь.
О, если бы кто видѣлъ тутъ;
Какъ разозлился старый шутъ!
Сначала у него языкъ прильпѣ гортани;
Потомъ ужъ кое-какъ собрался съ силой онъ
И полился изъ устъ его источникъ брани.
Безбожникъ! закричалъ, *измѣнникъ! фран-
масонъ!*
Сжечь надобно его, на вѣру нападаетъ! —
Что жъ это былъ за шутъ, никто не отгадаетъ.

1811 г.

LVI.

СМЕРТЬ и СТИХОТВОРЕЦЪ.

Ужъ крепомъ ночь давно небесный сводъ одѣла,
И первые давно пропѣли пѣтухи.
Всѣ спали; лишь старикъ Хвастонъ писалъ стихи;
Свѣча предъ нимъ въ ночномъ шандалѣ догорѣла
И въ табакеркѣ ужъ не стало табаку —
Какъ вдругъ нечаянно къ сѣдому дураку
Явилась Смерть. — Хвастонъ не испугался.
«Зачѣмъ, спросилъ ее, не во̀время пришла?»
—Да за тобой, старикъ! Вѣдь ты ужъ записался...
«Помилуй; мать моя! да ты съ ума сошла!
Въ Театрѣ здѣсь меня еще не увѣнчали,
И въ Академіи... сказать тебѣ стыжусь...
Не получилъ еще я золотой медали.
Тебя, сударыня, я вовсе не боюсь:
Тотъ живъ; безсмертенъ тотъ, котораго сравняли
Съ Расиномъ, Депрео, и кто въ своихъ стихахъ
Сіяетъ, какъ въ день Фебъ одинъ на небесахъ...
Дай притчи мнѣ мои поправить и посланья;
Прибавить двадцать, тридцать одъ;
Почистить *Россомаху*,
Трагедію мою — тогда изволь безъ страху
Пойду въ Елизіумъ.» —Уродъ! прямой уродъ!
Неужели тебѣ писать не надоѣло?
Смотри: какъ отъ стиховъ твое изсохло тѣло!

Пора ужъ, право, на покой!—
«Да развѣ я старикъ какой?
Давно ли сталъ писать? Не будетъ и полвѣка!
А сколько, напримѣръ,
Жилъ Фонтенель, Вольтеръ?
Я развѣ хуже ихъ? Такого человѣка,
Какъ я, должна ты пощадить...»
— Да ты кого щадилъ, мучитель?...
«Прошу учтивѣе со мною говорить:
Чрезъ десять лѣтъ за мной ты можешь приходить.»
— Чрезъ десять лѣтъ? Нѣтъ, нѣтъ, проказникъ сочинитель:
Изволь теперь сбираться въ путь!
«Нельзя ли какъ нибудь
Отсрочить, матушка, хоть на два, на три года?
Я напишу тебѣ за это мадригалъ;
А хочешь, къ завтрему еще поспѣетъ ода!
Ранехонько пошлю въ одинъ журналъ,
Благонамѣренный....» — Не достаетъ терпѣнья!
Вскричала Смерть и косу занесла. —
«Постой! у ногъ твоихъ молю, чтобъ ты дала,
Изъ милости, изъ сожалѣнья,
Мнѣ сроку на десять, не болѣе, минутъ!»
— На что же? принести въ грѣхахъ что ль покаянье?
«Нѣтъ, кончить это вотъ послѣднее посланье
И эпитафію себѣ....» — Прямой ты шутъ!
Да только о твоей кончинѣ здѣсь услышутъ,
То эпитафію тебѣ, повѣрь, напишутъ.
Маршъ! маршъ! — Ударъ за словомъ въ слѣдъ!

И на творенія свои упалъ поэтъ,
Косою смерти пораженный!
Глаза, въ которыхъ огнь поэзіи потухъ,
На столъ, гдѣ онъ писалъ, остались обращенны;
А духъ его, безсмертный духъ,
Низшелъ во области Плутона.
Тамъ, въ мрачномъ тартарѣ, тѣнь грозная Хвастона
Читаетъ всѣмъ свои стихи. —
Не дай Богъ въ адъ теперь попасться за грѣхи!

1819 г.

LVII.

ДВОРЯНКА-БУЯНКА.

Какъ могутъ люди забываться!
Прилично ль дамамъ драться?
Одна изъ городскихъ и самыхъ важныхъ дамъ,
По долгу христіанки
Вошедши въ Божій храмъ,
Плыветъ поднявши носъ, какъ гордыя дворянки,
Которыя крестьянъ, мѣщанъ
Едва ли чтутъ за христіанъ —
Жеманится, пыхтитъ. Лакей большой предъ нею.
Но въ церкви тѣснота — прохода не даютъ.
«Что ты зѣваешь, плутъ?»
Кричитъ она лакею:

Не может растолкать, уродъ,
Приказныхъ этихъ модницъ,
Чепешницъ и купчихъ платочницъ.
Пусти меня впередъ!
И барыня моя — нѣтъ, барышня, дѣвица,
Рванулася впередъ какъ львица.
Съ отважностью лихаго мясника,
Который съ братіей своей изъ кабака
По площади бѣжитъ рвать голову съ быка,
Идетъ она и всѣхъ толкаетъ подъ бока
На обѣ стороны локтями,
Ступаетъ съ форсу коблуками
На ноги секретарьшъ смиренныхъ и купчихъ,
Да и ворчитъ еще на нихъ.
Вотъ вдругъ впередъ взглянула —
Стоитъ смирнехонко тутъ барышня одна,
Одѣта запросто и молится она.
Злодѣйка такъ ее толкнула,
Что та упала на амвонъ. —
Раздался вопль и стонъ,
Діаконъ оглянулся
И содрогнулся.
Но чѣмъ же кончилось? — Она остановилась,
Не извинилась,
И Богу съ важностью дворянской помолилась,
Потомъ же на уборы дамъ
Глядѣла и косилась.

О стыдъ! о срамъ!
И это сдѣлала дворянка и дѣвица?
Проклятая срамница!

Будь я архіерей,
Иль хоть протоіерей,
То право бъ проучилъ злодѣйку:
На паперти бъ ее поставилъ у дверей,
Вздѣвъ ожерелье ей желѣзное на шейку *.
Сошлось бы множество народа поглядѣть.
Дай Господи ей вѣкъ весь въ дѣвкахъ просидѣть.

1827 г.

LVIII.

ШУТЪ.**

Когда у насъ грубѣе были нравы,
Держали дураковъ дворяне для забавы —
Жить не могли безъ нихъ, какъ безъ борзыхъ собакъ.
У Высоносова чудесный былъ дуракъ.
Что за фигура! Что за рожа!
Венера на него въ саду одномъ похожа,
Которую малярь окрасилъ за пятакъ.
Шутъ этотъ, иль дуракъ, по имени Гордюшка,
А по прозванью Чушка,

* Встарину надѣвали въ церквахъ желѣзные ошейники на тѣхъ, которые дѣлали тамъ какое либо безчиніе. Ошейники сіи прикованы были цѣпью къ стѣнамъ.

** Эта сказка написана въ послѣднее время жизни покойнаго автора и къ сожалѣнію не кончена.

По лѣтамъ ужъ почти старикъ,
Носилъ въ косовороткѣ русской
По праздникамъ напудреный парикъ
И дѣдовскій кафтанъ французской.
У парика висѣлъ огромный кошелёкъ,
На кошелькѣ звонокъ,
У Высоносова, бывало, соберутся
Сосѣди, травничку, наливокъ понапьются
И Чушку напоятъ,
А Чушка этому и радъ.
Пойдетъ потѣха;
Сначала смѣхъ, а тамъ и не до смѣха.
Раздразнятъ дурака,
Гляди и гостю дастъ онъ съ пьяна тумака.
Прислали къ барину часы предорогія,
Какихъ не видано еще въ деревнѣ той,
Ниже въ губерніи, съ цѣпочкой щегольской
И съ репетиціей, съ печатками, съ музыкой.
Затѣйникъ превеликой
Какой-то дѣлалъ ихъ Французъ,
По имени жь назвать его я не берусь.
Что за отдѣлка! Что за вкусъ!

1830 г.

РАЗНЫЯ

СТИХОТВОРЕНІЯ.

ЛИРИЧЕСКІЯ и ЭЛЕГИЧЕСКІЯ.

I.

НА ОТЪѢЗДЪ И НА ДЕНЬ ТЕЗОИМЕНИТСТВА

ИМПЕРАТРИЦЫ ЕЛИСАВЕТЫ АЛЕКСѢЕВЫ.

5 Сентября 1825 г.

Да здравствуетъ Елисавета,
Царица-ангелъ на земли!
Да здравствуетъ на многи лѣта!
Ее, о Боже! исцѣли.
Моленіе сердецъ внемли;
Царицу нашу исцѣли.

Да сильная Твоя десница
Въ пути щитомъ пребудетъ Ей!
Да возвратится къ намъ Царица
Въ цвѣтущемъ здравіи скорѣй!
Моленье всѣхъ у алтаря:
«Спаси Царицу и Царя!»

Храня и весь домъ Августѣйшій,
Романовыхъ священну кровь;
Россіяне, народъ вѣрнѣйшій,
Хранятъ къ Царямъ своимъ любовь
Храни весь Царскій родъ, храни:
Блаженны будутъ наши дни.

II.

НА СВЯЩЕННѢЙШЕЕ КОРОНОВАНІЕ

ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА.*

Соло.

Всевышнему благодаренье!
На тронѣ Русскомъ Николай!
Его избрало Провидѣнье
Спасти отъ бѣдъ полночный край.
Лишь скипетръ Онъ принялъ въ десницу,
Геройство, мудрость намъ явилъ:
Онъ спасъ отъ гибели столицу
И всѣхъ умы, сердца плѣнилъ.

* Стихи сіи пѣты были на другой день Коронованія, за обѣденнымъ столомъ въ Грановитой Палатѣ. Музыка Гри-[illegible]чича.

Хоръ.

Хвала, Герой неустрашимый!
Хвала, героямъ образецъ!
Безтрепетный, неутомимый!
Хвала, Царь мудрый, Царь-отецъ!
Возсѣвъ на тронъ, бразды правленья
Руками твердыми пріялъ,
Невинность спасъ отъ притѣсненья
И своевольство обуздалъ.
Вдругъ обнялъ все орлинымъ окомъ,
Лишилъ мгновенно силы злыхъ;
Бдитъ, въ размышленіи глубокомъ,
О благѣ подданныхъ Своихъ.
Царь добрый и правдолюбивый,
Подобье Бога на земли,
Ты правосуденъ — мы счастливы!
Златые наши дни пришли.
Къ престолу лесть подползть не смѣетъ,
Гдѣ Истина съ Царемъ сидитъ;
Коварство передъ Нимъ нѣмѣетъ
И Лицемѣріе дрожитъ....
Ревнитель истинныя славы,
Онъ правду водворитъ въ судахъ,
Дастъ съ просвѣщеньемъ лучшіи нравы
И будетъ, будетъ жить въ вѣкахъ.
Прославитъ Онъ Себя, прославитъ,
Отецъ народа Своего,
Россіи счастіе составитъ —
Продли, о Боже! дни Его!

═

III.

НА ДЕНЬ РОЖДЕНІЯ

ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА.*

—

И мы, всѣ вѣрные Отечества сыны,
На берегахъ Двины,
Близъ моря *Бѣлаго*, мы празднуемъ рожденье
Твое, нашъ *бѣлый* Царь,
Благонамѣренный, великій Государь!
Да низпошлетъ Господь Тебѣ благословенье,
Побѣду на враговъ, на гордыхъ Оттомановъ,
На черныхъ Агарянъ
И да падетъ къ стопамъ Твоимъ Махмудъ
Султанъ!
Да сохранитъ Тебя благое Провидѣнье
Для блага Россіянъ!

═

---

* Читаны за торжественнымъ обѣдомъ у Архангельскаго Генералъ-Губернатора 25 Іюня 1828.

IV.

НА ДЕНЬ КОРОНОВАНІЯ
ЕГО ВЕЛИЧЕСТВА ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА НИКОЛАЯ ПАВЛОВИЧА.*

22 Августа 1828 г.

—

Давно ль нашъ Царь пріялъ наслѣдственный
вѣнецъ
И съ нимъ тяжелое правленья бремя,
А сколько добраго Онъ сдѣлалъ въ это время!
Нѣтъ, истинно намъ Царь отецъ!
Трепещутъ внѣшніе враги отъ грома,
Который Онъ бросаетъ въ нихъ,
И смотритъ между тѣмъ, что̀ дѣлается дома.
И хитрыхъ обуздалъ, и злыхъ.
Заслуги истинно по-Царски награждаетъ,
А своевольничать не допускаетъ.
Идетъ Онъ по слѣдамъ Великаго Петра.
Для насъ, для нашихъ чадъ и день и ночь
трудится.
Ну, какъ же за Царя такого не молиться?
Дай, Господи, Ему добра
И многи лѣта
Для блага Россіянъ, для блага полусвѣта!
Ура, Царь Николай, ура!

═

* Читаны тамъ же.

Въ преклонныхъ лѣтахъ онъ лишалъ себя покоя,
Въ недугахъ тяжкіе труды переносилъ
И не щадилъ для насъ своихъ послѣднихъ силъ.
Любви къ Отечеству, къ Царю примѣръ великой!
Кто пріобрѣлъ себѣ блестящій столь вѣнецъ?
Кто умиралъ когда со славою толикой?
И Зависть, наконецъ,
Змѣя, которая у ногъ его шипѣла,
Умолкла, онѣмѣла!

Да въ мирѣ почіетъ твой прахъ!
Покойся! Ты намъ всѣмъ спокойствіе доставилъ.
Твой памятникъ у насъ въ сердцахъ:
Ты нашихъ женъ, дѣтей отъ гибели избавилъ;
Ты честь возстановилъ оружья Россіянъ.
Уже надъ пропастью тиранъ!
И скорое его паденье —
Европы всей освобожденье,
Въ селеніяхъ Небесъ твой духъ возвеселитъ.
Тамъ только Богъ твои заслуги наградитъ.
1813 г.

VII.
КАНТАТА НА КОНЧИНУ С. Д. П.

Нѣтъ уже прелестной Граціи и Музы!
Нѣтъ, ахъ! нѣтъ Софіи милой, несравненной!
Прервались внезапно юной жизни узы —
Лейтесь, лейтесь слезы на прахъ незабвенной.

Ты ль это, Софія? Ужель это ты?
Лишилась мгновенно своей красоты!
Прелестныя очи навѣки закрыты,
Уста посинѣли, опали ланиты,
Лилеи поблекли, увянули розы,
Изчезла улыбка — лейтеся, слезы!

Окончились твои несносныя мученья!
Умолкъ болѣзненный твой стонъ!
Грудь не колеблется. Ни вздоха, ни движенья!
Какъ крѣпокъ твой, Софія, сонъ!
Нѣтъ, не дождаться намъ Софіи пробужденья!

Дни и недѣли,
Мѣсяцы, годы
Вѣки пройдутъ;
Но не прервется
Сонъ твой, Софія!
И не погибнетъ
Память твоя!

Такъ, такъ: безсмертны дарованья!
А ты ли не имѣла ихъ?
Ты приводила всѣхъ собой въ очарованье!
Въ улыбкѣ и въ рѣчахъ, въ поступкахъ всѣхъ твоихъ
(Невольное воспоминанье!)
Видна была печать ума и доброты. —
Блеснула и изчезла ты!
Лишь расцвѣла и — вдругъ увяла!

Не *здѣсь—тамъ*, *тамъ* тебѣ цвѣсти!
Не много ты жила, но много ты страдала!
Прости!.. прости!.. Навѣкъ прости!

VIII.

МОЛИТВА БЛАГОНАМѢРЕННАГО.

(въ альбомъ Кн. Е. С. Х.)

—

Спаси насъ, Господи, отъ злыхъ,
Избави отъ людей лукавыхъ,
Защитникомъ будь противъ нихъ
Въ дѣлахъ и начинаньяхъ правыхъ.

Когда насъ не оставишь Ты,
Мы ничего не убоимся:
Ни зависти, ни клеветы
И къ правдѣ смѣло устремимся.

За правду пострадалъ Ты Самъ,
Пріялъ и казнь и поруганье.
За правду обѣщаешь намъ
Здѣсь тяжкій крестъ — тамъ воздаянье.

Ты съ кротостію поучалъ
Людей незлобивыхъ, смиренныхъ;

Но лицемѣровъ обличалъ,
Мздоимцовъ не щадилъ надменныхъ.

И въ путь, проложенный Тобой
Спаситель, устремимся смѣло:
Пожертвуемъ Тебѣ собой
За правое святое дѣло.

Но рано ль, поздно ль совѣсть въ злыхъ,
Змѣѣ подобно, пробудится
И сердце изсосетъ у нихъ —
И родъ лукавыхъ истребится!

АНАКРЕОНТИЧЕСКІЯ и ВАКХИЧЕСКІЯ.

I.

ПРІЯТНАЯ СМЕРТЬ.

Если бъ смерть меня застала
Съ трубкою моей въ рукахъ,
И въ то время предо мною
Пуншъ на столикѣ стоялъ,
А Милена на колѣняхъ
У меня тогда была —
«О всемощная Богиня!»
Такъ бы Смерти я сказалъ:
«Погоди-ка ты немножко,
Дай мнѣ мой стаканъ допить,
Дай проститься мнѣ съ Миленой,
Буду я готовъ сейчасъ;
Между тѣмъ ты эту трубку,
Если хочешь покури.
Тутъ бы мигомъ пуншъ я допилъ,
Тутъ бы ужъ въ послѣдній разъ
Милую мою Милену
Къ сердцу крѣпко я прижалъ,
И въ минуту восхищенья

Закричалъ бы такъ на смерть:
«Чтожъ ты, глупая, зѣваешь?
Ну! рази теперь скорѣй.

═

II.

НОВЫЙ НАРЦИСЪ.

(Съ Французскаго).

—

Нарцису я уподобляюсь,
Повѣрите ли въ этомъ мнѣ?
Своею красотой плѣняюсь,
Смотрюсь, но не въ водѣ — въ винѣ.
Едва себя въ немъ примѣчаю,
Въ восторгъ сладчайшій прихожу,
Отъ радости весь задрожу
И образъ свой тотчасъ глотаю.

═

III.

ВОЗЗВАНІЕ КЪ ФЕБУ.

—

Взойди, о Фебъ! на небеса,
Хотя сегодня, въ два часа;
Дай чистымъ воздухомъ дохнуть,
На небо свѣтлое взглянуть.

Ужъ мѣсяцъ дома я лежу,
По комнатамъ едва брожу,
И спотыкаюсь какъ слѣпецъ.
Томится бѣдный твой пѣвецъ;
Тоска отъ утра до утра:
Брать въ руки не велятъ пера,
Ни даже въ книжку заглянуть;
Вздыхаетъ только бѣдна грудь.
Когда жъ сойдетъ на землю ночь,
Сонъ отъ одра уходитъ прочь.
Другіе крѣпко, сладко спятъ,
Читать стиховъ вслухъ не велятъ,
Ни декламировать, ни пѣть:
Нѣтъ мочи болѣе терпѣть!
О, Фебъ! тебѣ я вѣренъ былъ.
Когда недугъ меня томилъ,
Стихами бредилъ я всегда,
Гекзаметрами иногда.
Лежу въ жару, разсудка нѣтъ,
Стихами брежу какъ поэтъ,
И воздаю тебѣ хвалу.
Приду я къ своему столу:
На немъ чернильница стоитъ;
Она меня къ себѣ манитъ.
Тутъ тяжело я воздохну,
Невольно руку протяну.
Лишь за перо. *Опять! прочь! прочь!*
Кричитъ жена моя иль дочь.
Писать больному не велятъ.
Глаза еще больше заболятъ.
Зеленый зонтикъ я купилъ,

Но въ немъ еще не выходилъ.
Взгляну въ окно — взадъ и впередъ
Народъ по площади идетъ;
Вездѣ туманно и мокро!
О сдѣлай, добрый богъ, добро,
Скорѣй, скорѣе проглянп,
Явись, блестни, и прогони
Ненастные сырые дни.
Не льзя ли нынѣшняго дня
Изъ плѣна выпустить меня?
Не льзя ль взойти на небеса,
Хоть только на четверть часа?
Вѣдь мѣсяцъ дома я сижу
И никуда не выхожу.
Теперь я крѣпче на ногахъ,
Гулять бы могъ я на Пескахъ,
Хотя бы вышелъ въ Божій храмъ
И помолился бы я тамъ....
Но что̀ я вижу? Чудеса!
Взошелъ ужъ Фебъ на небеса:
Мольбу мою услышалъ онъ.
Скорѣй, скорѣй изъ дому вонъ.
Пойдемъ, о Natalie, пойдемъ,
Никифора съ собой возьмемъ;
Когда отъ слабости свалюсь,
То имъ авось приподнимусь.

═══

ПѢСНИ.

I.

ТАВРИЧЕСКІЙ САДЪ.

Садъ Таврическій прекрасной!
Какъ люблю въ тебѣ я быть,
Хоть тоски моей ужасной
И не можешь истребить.

Только лишь одной природы
Ты имѣешь красоты;
Просто все въ тебѣ: и воды,
И деревья, и цвѣты.

Просто все въ тебѣ и мило;
Для меня ты лучшій садъ.
Какъ пріятно и уныло
Твой шумитъ всегда каскадъ!

Ахъ! на травкѣ на зеленой
Какъ люблю я тутъ сидѣть,
Духъ имѣя утомленной,
На струи въ слезахъ глядѣть.

Ахъ! какъ временемъ вечернимъ
Хорошо въ тебѣ гулять,
По тропинкамъ искривленнымъ
И о миломъ помышлять.

Какъ въ тебѣ я ни бываю
И какъ много ни хожу,
Только имъ лишь мысль питаю,
Но *его* не нахожу.

Онъ меня не повстрѣчаетъ
Никогда въ алеяхъ сихъ,
Вздоховъ онъ не примѣчаетъ
И не видитъ слезъ моихъ.

Садъ Таврическій прекрасной!
Нѣтъ хоть мнѣ въ тебѣ утѣхъ,
Но за то въ тебѣ несчастной
Можно плакать безъ помѣхъ.

II.

ОПАСНОСТИ ОТЪ ВОДЫ. (*)

(Съ Французскаго).

Богъ вздумалъ смертныхъ наказать —
И шаръ земной вода покрыла.
Вотъ это можетъ доказать,

(*) Положена на музыку Грабовичемъ.

Сколь пагубна ея намъ сила.
Друзья! не станемъ пить воды:
Отъ ней великія бѣды.

Честолюбивый Фаэтонъ,
Когда міръ освѣщать пустился,
Въ рѣку упалъ и тамъ ужъ онъ
Раскаявшись, воды опился.
Друзья! не станемъ пить воды.
Отъ ней великія бѣды.

Икаръ, который къ небесамъ,
Полетъ свой дерзостный направилъ,
Низвергся въ море и волнамъ
Свой трупъ и съ крыльями оставилъ.
Друзья! не станемъ пить воды:
Отъ ней великія бѣды!

Безумцамъ славный образецъ,
Нарциссъ, что̀ самъ въ себя влюбился,
Несчастный получилъ конецъ,
Когда къ водѣ лишь наклонился!
Друзья! не станемъ пить воды:
Отъ ней великія бѣды!

Когда безжалостный народъ
Латону бѣдную обидѣлъ,
То вдругъ въ прудѣ нечистыхъ водъ
Себя лягушками увидѣлъ.
Друзья! не станемъ пить воды:
Отъ ней великія бѣды!

Въ аду, большимъ огнемъ гдѣ жгутъ
За малые грѣхи, обиды,
Тамъ вмѣсто казни воду льютъ,
Кто жъ? душегубки Данаиды.
Друзья! не станемъ пить воды:
Отъ ней великія бѣды!

Въ златой Астреинъ только вѣкъ
Счастливы прямо люди были;
Тогда-то изъ ручьевъ, изъ рѣкъ
Всѣ черпали вино да пили.
Друзья! давайте пить вино:
Ей-ей, небесный даръ оно!

Отъ Бога, вмѣсто всѣхъ наградъ
За добродѣтель, данъ былъ Ною
Прекрасный, спѣлый виноградъ,
На землю лишь ступилъ ногою.
Друзья! давайте пить вино:
Ей-ей! небесный даръ оно!

═

III.

На голосъ старинной Русской пѣсни: *Что мнѣ нужды въ свѣтѣ семъ страсти разбирати?*

—

Пусть дурачатся глупцы —
Я не замѣчаю;
Пусть срамятся подлецы —
Я не отвѣчаю.

Было бъ только мнѣ вино;
Мнѣ всего нужнѣй оно:
Если выпью я стаканъ,
Веселъ и любезенъ.

Пусть безграмотный поэтъ
Риѳмы прибираетъ,
Оду, притчу иль сонетъ
Всякому читаетъ —

Я не слушаю его:
Мнѣ вино милѣй всего;
Капельки одной не дамъ
За пухлыя оды.

Пусть врагъ ближнихъ лицемѣръ
Въ церковь съ книжкой ходитъ,
И Тартюфа взявъ въ примѣръ,
Глупыхъ за носъ водитъ —

На ханжей я не гляжу,
Въ ихъ собранья не хожу;
А приди ко мнѣ ханжа,
Тресну въ лобъ бутылкой.

Пусть всѣмъ головы кружитъ
Хитрая кокетка;
Передъ зеркаломъ сидитъ,
Какъ въ гнѣздѣ насѣдка —

Знаю женщинъ всѣхъ давно!
Пью я старое вино —

Можно ли его сравнить
Съ молодой кокеткой?

Пусть старухи молодыхъ
Строго осуждаютъ;
О проказахъ же своихъ
И не вспоминаютъ —

Злыхъ старухъ я не терплю,
Пересудовъ не люблю,
И хорошихъ старыхъ винъ
Я не осуждаю.

═

IV.

НА НОВЫЙ 1824 ГОДЪ. (*)

—

Годъ Новый радостно встрѣчаемъ
Въ собраньи искреннихъ друзей;
Хозяевъ добрыхъ поздравляемъ
И всѣхъ любезныхъ ихъ гостей.
Дай Богъ всѣмъ въ Новый Годъ добра!
Ура! ура! ура! ура!

(*) Музыка покойнаго Н. М. Кудлая.

Дай Богъ, чтобъ злые не вредили,
Чтобъ добрымъ воля здѣсь была,
Чтобъ всѣ спокойно, мирно жили,
Не дѣлая другъ другу зла.
Дай Богъ и проч.

Дай Богъ несчастливымъ терпѣнья,
Заслугамъ истиннымъ — наградъ,
Талантамъ всякимъ — одобренья,
А бѣднякамъ — хоть малый кладъ.
Дай Богъ и проч.

Дай Богъ въ годъ высокосный новый
Невѣстамъ лучшихъ жениховъ,
Замужнимъ молодымъ — обновы,
А старымъ — отпускъ всѣхъ грѣховъ.
Дай Богъ и проч.

Дай Богъ, чтобъ болѣе писали,
Чтобъ всякой авторомъ быть могъ,
И чтобъ бумаги больше брали
На деньги только, а не въ долгъ.
Пора сбирать долги, пора!
Ура! ура! ура! ура!

Дай Богъ, чтобъ больше разбирали
Благонамѣренный журналъ,
Хотя бъ его и не читали,
И чтобъ издатель восклицалъ:
Дай Богъ подписчикамъ добра!
Ура! ура! ура! ура!

Дай Богъ вдовамъ всѣмъ утѣшенья,
И пожилымъ и молодымъ.
Пошли, о Господи! терпѣнья
И радостей побольше имъ.
Дай Богъ всѣмъ вдовушкамъ добра!
Ура! ура! ура! ура!

Годъ Новый радостно встрѣчаемъ
Въ собраньи искреннихъ друзей;
Хозяевъ добрыхъ поздравляемъ
И всѣхъ любезныхъ ихъ гостей.
Дай Богъ и проч.

V.

На голосъ прекраснаго романса Князя П. С. Вяземскаго:
Я жду тебя.

—

Люблю тебя за нравъ твой кроткій, милый;
Люблю за умъ, веселость, остроту;
Люблю—любить я буду до могилы
Души твоей и сердца доброту.
Люблю тебя!

Люблю твоихъ поступковъ благородство,
Твой дружескій, пріятный разговоръ

Твоихъ рѣчей, улыбки превосходство,
Твой ангельскій и полный чувства взоръ.
Люблю тебя!

Люблю тебя, и Небо въ томъ свидѣтель,
До гроба другъ вѣрнѣйшій буду твой;
Люблю тебя какъ Славу, Добродѣтель:
Ты геній, ты хранитель ангелъ мой!
Люблю тебя!

Люблю тебя, какъ ты не воображаешь;
Любовь мою при смерти докажу:
Тогда-то ты, тогда меня узнаешь.
Въ послѣдній разъ вздохнувъ, еще скажу:
Люблю тебя!

═

VI.

На голосъ: *Скучно, матушка, весною жить одной.*

—

Все бы, все бы подлѣ милой я сидѣлъ;
Все бы, все бы я на милую глядѣлъ;
Все бы умнымъ я рѣчамъ ея внималъ;
Все бы ручки я у милой цѣловалъ.
Ахъ! какъ милая любезна, хороша!
Что за умъ у ней, за сердце и душа!
Взглянетъ ласково, какъ будто подаритъ!

Что и музыка, когда заговоритъ?
Улыбнется — точно солнца свѣтлый лучъ,
Какъ проглянетъ послѣ мрака изъ за тучъ —
Какъ же милую мою мнѣ не любить?
Я хотѣлъ бы съ ней всю жизнь мою пробыть.
Я у ногъ ея хотѣлъ бы умереть,
Чтобы въ глазки ей еще разъ посмотрѣть!

═

VII.

НА ОТЪѢЗДЪ ВЪ ТВЕРЬ.

(Застольная).

—

Собираюся теперь
Въ городъ древній, славный Тверь.
Скоро тройку подхвачу
И какъ вихорь полечу —
А журналъ, стихи хоть кинь!
Ѣду, ѣду — динь, динь, динь,
Динь, динь, динь, динь, динь, динь, динь. (*)

(*) При словахъ: *динь, динь*, надобно стучать ножемъ по бокалу, или по стакану. Подобный refrain есть въ одной французской застольной пѣснѣ о Св. Лудовикѣ.

Полно думать о стихахъ,
Надо думать о дѣлахъ,
Позабыть и музъ и дамъ,
Помнить только Вакховъ храмъ.
Корректурѣ ужъ аминь!
Не до ней — динь, динь, динь,
Динь, динь, динь, динь, динь, динь, динь.

А когда прiѣду въ Тверь,
То какъ страшный, лютый звѣрь
Встрѣчу винныхъ продавцовъ.
Не потрачу съ ними словъ.
Чуть не такъ что̀ — тотчасъ вынь
И положь — динь, динь, динь, динь, динь.

Подниму въ Твери я носъ,
Буду лаять какъ Барбосъ:
А гдѣ нужно, тамъ согнусь
И въ лисицу превращусь.
Совѣсть! ты меня лишь кинь!
Слышишь? Чу! звѣнитъ динь, динь —
Динь, динь, динь, динь, динь, динь, динь,

О, любезные друзья!
Разстаюся съ вами я.
Какъ обязанъ я всѣмъ вамъ!
Просимъ милости въ Тверь къ намъ.
Ради всѣхъ боговъ, богинь,
Прiѣзжайте! — динь, динь, динь
Динь, динь, динь, динь, динь, динь, динь.

VIII.

ТЕТУШКИНА ПѢСНЯ.

—

Помни, умница Анета,
Маша, Сашенька-амуръ,
Что ученье въ юны лѣта
Вамъ всего, всего нужнѣй.

Поиграйте, порѣзвитесь
Есть всему пора и часъ;
Но за то и поучитесь;
Я же — поцѣлую васъ.

Не пугайтеся ученья:
Лишь сначала тяжело.
Въ немъ найдете наслажденья
И спасеніе въ бѣдахъ.

Умъ ученье просвѣщаетъ
И насъ дѣлаетъ добрѣй —
Отъ пороковъ отвращаетъ.
Ну, за книжки поскорѣй!

═

IX.

БѢЖЕЦКАЯ ВИЦЕ-ГУБЕРНАТОРСКАЯ ПѢСНЯ.

—

Сижу на кровати, а самъ я дремлю
И, кажется, носомъ я рыбу ловлю.

Въ рукѣ табакерка — ну, точно утюгъ — (*)
И на полъ роняю со сна ее вдругъ.

И рабъ, пробужденный паденьемъ сребра,
Никифоръ, въ просонкахъ встаетъ вдругъ съ одра.

Сперва табакерку онъ мнѣ подаетъ:
Подастъ, и меня на постелю кладетъ.

Покроетъ и скажетъ: «ну спите, сударь:
Давно ужъ храпитъ и вашъ секретарь.»

Нюхну табачку, къ стѣнѣ обернусь,
А самъ то и дѣло крещусь да крещусь.

Забудусь и страшное вижу во снѣ:
То бѣсъ кривоносый представится мнѣ (**)

(*) Въ самомъ дѣлѣ фигура у этой табакеркѣ утюгообразная.
(**) Historique.

Анаѳема! шельма! какъ Стенторъ кричу,
И по носу треснуть его я хочу.

То вижу отдатчиковъ земскихъ, головъ
И рекрутовъ тощихъ, трехъ меньше вершковъ.

«*Затылокъ!* Зачѣмъ вы даете такихъ?»
— Гдѣжь лучшіе? Дома оставили ихъ?»

Въ сторонкѣ у двери отдатчикъ холопъ
Такъ молитъ глазами, чтобъ крикнулъ я *лобъ*.

Вотъ съ просьбой мужикъ на колѣняхъ ползетъ.
И самъ секретарь мой ее не пойметъ,

Хотя въ протоколахъ острилъ онъ свой умъ:
Скоръ, быстръ, суетливъ; притомъ же мнѣ кумъ.

Читаю молитвы во снѣ и стихи,
А все худо спиться — ну знать за грѣхи!

Засну и проснуся, зѣвну и вздохну
И нехотя вспомню про душку жену.

Бывало недугъ при ней не недугъ:
Все легче какъ вмѣстѣ, какъ съ милой —
самдругъ.

Не дай Богъ въ чужбинѣ, не дай Богъ хворать,
А хуже того еще — умирать.

Хотя бъ кривоносый явился теперь
И снесъ бы на часикъ, иль два, меня въ Тверь.

Нѣтъ, видно еще двѣ недѣли терпѣть,
А тамъ въ Волочокъ чрезъ Тверь полетѣть.

X.

ШЕНКУРСКАЯ РЕКРУТСКАЯ ПѢСНЯ.

На голосъ: *Какъ на матушкѣ на Невѣ рѣкѣ.*

Ахъ, вы рекруты, вы удѣльные,
Что удѣльные, нескудѣльные,
Мускулистые, тѣломъ чистые!
Не тужите вы, ребятушки!
Ни по батюшкѣ, ни по матушкѣ?
Ни по душечкѣ молодой женѣ,
Ни по маленькимъ крошкамъ дѣтушкамъ
У васъ батюшка — Православный Царь,
У васъ матушка — служба Царская,
Молода жена — пищаль меткая,
Мило дѣтище — троегранный штыкъ.
Послужите-ка вы, ребятушки,
Послужите вѣрой правдою
Царю Бѣлому, Православному
Николаю ли достохвальному,

Бережетъ солдатъ какъ дѣтей родныхъ,
Входитъ батюшка во всѣ нужды ихъ.
Обо всѣхъ болитъ, какъ отецъ родной
Для Россіи лишь и живетъ одной!
Не Двина быстра всколебалася,
Не валы кипятъ, не валы шумятъ,
Какъ возговорятъ всѣ рекрутики,
Всѣ рекрутики да удѣльные,
Что удѣльные да Шенкурскіе:
«Мы докажемъ всѣ, что мы Русскіе!
«Да на что же намъ и на свѣтѣ жить,
«Коль не станемъ мы хорошо служить.
«Куда Царь велитъ, туда мы пойдемъ,
«За Царя-Отца мы хоть всѣ помремъ,
«Царя мудраго, Православнаго,
«Николая ли достохвальнаго!

РАЗГОВОРЫ.

I.

N. N и N.

N. N.

Здорово, брать старикъ; ахъ, какъ ты посѣдѣлъ!
Въ Коллегіи у васъ, чай, очень много дѣлъ.

N.

Служили вѣдь у насъ, такъ знаете и сами,
Что заняты всегда бываемъ мы дѣлами.

N. N.

Для этого-то я отъ васъ и перешелъ,
Что тяжело служить, а выгодъ не нашелъ.
Ты что къ Коллегіи, скажи, присталъ какъ тѣсто?
Зачѣмъ не перейти тебѣ въ другое мѣсто?

N.

Къ дѣламъ Коллегіи я болѣе привыкъ.

N. N.

Причина важная! чуденъ ты мнѣ старикъ!
Ты жалованьемъ лишь однимъ живешь съ
семьею,

Дохода ни рубля!... въ однихъ чинахъ съ
тобою
Семь лѣтъ я былъ назадъ. Вотъ я тебѣ примѣръ:
Я *генералъ* теперь, а ты *штабъ-офицеръ*...
Ты принужденъ ходить пѣшкомъ въ такія лѣты!
Нѣтъ, я умнѣй тебя: двѣ у меня кареты,
Двѣ славныхъ четверни, два дома, два креста...

N.

А у меня, сударь, есть *совѣсть* и — *чиста*.

═

II.

МАТЬ и ДОЧЬ.

—

Мать.

Пріятную скажу тебѣ, Полина, вѣсть.

Дочь.

Скажите, маменька.

Мать.

Женихъ хорошій есть:
Поговорить о немъ хочу теперь съ тобою,

Дочь.

Вы видѣли его? хорошъ ли онъ собою?

Мать.

Вчера я у сестры играла съ нимъ въ бостонъ
И намъ понравился обѣимъ очень онъ;
Уменъ, достаточенъ и не простаго рода,
Князь...

Дочь.

А сколько лѣтъ ему?

Мать.

Да... шестдесятъ два года.

Дочь.

Неужто вы меня хотите погубить?
Могу ли, маменька, я старика любить?

Мать.

Да развѣ замужъ всѣ выходятъ ужъ по страсти?...

Дочь.

Старикъ! фи! фи!

Мать.

За то въ твоей онъ будетъ власти.
Сто тысячъ съ деревень дохода одного!...

Дочь.

Сто тысячъ? маменька, иду я за него.

═

III.

ГРАФЪ N. и ЕГО СЕКРЕТАРЬ.

—

Графъ.

Послушай, à propos, что жъ списки о чинахъ,
О награжденiяхъ, вещахъ и орденахъ?

Секретарь.

Я ночь сидѣлъ насквозь, извольте всѣ готовы.

Графъ.

Кого жъ ты написалъ? (*пересматриваетъ*) Семенъ и Петръ Bралёвы,
Мои племянники — ихъ должно поощрить,
Съ крестами, вѣрно, ужъ не станутъ такъ шалить.
За ними кто? Ба! ба! включилъ ты и Ослова!...
Да, вѣдь побочный сынъ онъ князя Пустослова.
Ремизинъ! хорошо! играетъ по рублю. —
Вертушкинъ! ну! его не очень я люблю,
Графиня?.. (*морщится и потираетъ лобъ.*)

Секретарь.

Точно-съ такъ, еще вчера...

Графъ.

Довольно!
Пускай и онъ идетъ, хотя другимъ и больно.
Мошнинъ! о молодъ онъ и какъ дать крестъ купцу...
Да, правда, долженъ я еще его отцу... —

Чины теперь кому, посмотримъ: Езельману,
Ну! Нѣмецъ онъ, пускай — Лентягину Ивану,
Фролу Скотинину!.. какъ можно? онъ дуракъ!

Секретарь.

Двоюродный мнѣ братъ.

Графъ.

Ну! развѣ быть уже такъ.
(*Подписываетъ.*)

═

IV.

ДЯДЯ и ПЛЕМЯННИКЪ СЛАВЕНОФИЛЫ.

—

Племянникъ.

Почтенный дядюшка, наставникъ мой и другъ,
Не льзя ль мнѣ какъ попасть въ твой любослов-
ный кругъ?
Любитель ревностный Россійскаго я Слова;
Хочу и я писать, бумага ужъ готова,
Есть скляница чернилъ и перьевъ пукъ великъ.
Что̀ надобно еще?

Дядя.

Знать надобно языкъ.

Племянникъ.

Какой?

Дядя.

Свой собственный: Россійской иль Славянской.
Читай ты Библію да Патерикъ Печерской,
Миней Четіи; церковную печать
Всего нужнѣе намъ, словесникамъ, читать.

Племянникъ.

Но для чего, скажи, такое нужно чтенье?

Дядя.

Чтобъ старыя слова вводить въ употребленье.

Племянникъ.

Какихъ употреблять не должно вовсе словъ?

Дядя.

Чужихъ, иль проклятъ будь ты во̀ вѣки вѣковъ.

Племянникъ.

А позволительнымъ бываютъ солецизмы?

Дядя.

Все это ничего и даже галицизмы.
Простителенъ тому Французскій оборотъ,
Кто съ тщаніемъ слова Славенски подберётъ.
Противны языку слова чужеязычны,
А обороты всѣ ему весьма приличны.

Племянникъ.

Что̀ нужно для стиховъ?

Дядя.

Тутъ тайна лишь одна,

VI.

ЦЕНСОРЪ и СОЧИНИТЕЛЬ.

—

Сочинитель.

На разсмотрѣнье вамъ принесъ я сочиненье.

Цензоръ.

Садитесь, сдѣлайте-съ, прошу васъ, одолженье.
А какъ-съ заглавіе, позвольте васъ спросить?

Сочинитель.

О Разумѣ.

Цензоръ.

Никакъ-съ не можно пропустить.
О Разумѣ! нельзя-съ; оно умно, прекрасно,
Но разумъ пропускать, ей Богу! намъ опасно.

Сочинитель.

Извольте напередъ съ вниманіемъ прочесть.

Цензоръ.

Пожалуйте-съ (*беретъ рукопись*) вотъ здѣсь и карандашикъ есть,
Чтобъ замѣчать мѣста — съ насъ взыскиваютъ строго.
(*Читаетъ*)
Позвольте-съ мнѣ у васъ здѣсь вымарать немного.
Всякъ жда судія! За что-съ судей бранить?

Не льзя ли-съ право какъ нибудь перемѣнить?
Подумайте-съ.

Сочинитель.

Тутъ нѣтъ противнаго Уставу.

Ценсоръ.

Конечно-съ, только мнѣ невѣжда не по нраву.
Поставьте лучше вы *надменный* судія.

Сочинитель.

Что жъ выдетъ изъ того? сумбуръ, галиматья!

Ценсоръ.

Ну-съ! очень хорошо, покамѣсть я оставлю,
А только-съ черточку карандашемъ поставлю.
(*Читаетъ далѣе*)
Прекрасно пишете.... у васъ слогъ очень чистъ....
Что это? нѣтъ-съ нельзя! *безумный журналистъ!*
Тутъ-съ личность, пропустить не можно, воля ваша!

Сочинитель.

Помилуйте.....

Ценсоръ.

Да нѣтъ-съ, велитъ такъ должность наша.

Сочинитель.

Клянусь, что личности тутъ нѣту никакой.

Ценсоръ.

Быть можетъ, журналистъ и сыщется такой.

Сочинитель.

Такъ что жъ?

Цензоръ.

Такъ-съ очень можетъ статься,
Что право будетъ онъ имѣть симъ обижаться.

Сочинитель.

Пусть обижается, а мнѣ что до того.

Цензоръ.

Ей-Богу! обижать не должно никого.
Достанете вражду черезъ такую вольность,
А лучше сохранить во всемъ благопристойность.

Сочинитель.

Врагами дураковъ имѣть я не боюсь
И наставленій брать отъ васъ не соглашусь.

Цензоръ.

Я право-съ такъ сказалъ, меня вы извините,
Я уважаю васъ.

Сочинитель.

И я.

Цензоръ.

Перемѣните
Изъ дружбы хоть ко мнѣ.

Сочинитель.

Вамъ хочется шутить?

Цензоръ.

Безъ этого никакъ не можно пропустить.

Сочинитель.

Скажите почему?

Цензоръ.

Да пропустить опасно.

Сочинитель.

Я вижу, что писалъ я цѣлый годъ напрасно.
Пожалуйте мою мнѣ рукопись назадъ.

Цензоръ.

Я право пропустить ее охотно радъ,
Мнѣ очень нравится, но сами посудите....
Вы такъ упрямитесь, поправить не хотите....
Ну! что̀ замѣчу я, такъ выкиньте то̀ вы.

Сочинитель (*беретъ рукопись*).

Что жъ будетъ за уродъ безъ рукъ и головы.

Цензоръ.

Есть новый у меня одинъ романъ французской
Жанлисъ, не то Радклифъ. Не худо бы на русской
Перевести его. Я вамъ сейчасъ сыщу.

Сочинитель (*кланяется и уходитъ*).

Не безпокойтеся.

Цензоръ (*въ слѣдъ ему*).

Я все тамъ пропущу.

═

ПОСЛАНІЯ.

I.

НА ОТЪѢЗДЪ ПРІЯТЕЛЯ ВЪ МОСКВУ.

И такъ ты нынѣшней весною
Не ѣдешь къ Ревельскимъ Водамъ?
И хорошо! Что дѣлать тамъ?
Сравняться ль Ревелю съ Москвою?
Чужой все въ Ревелѣ народъ;
Ѣдятъ сосиски, буттербродъ,
Биръ-супъ, воздушные салаты...
Шесть блюдъ не стоютъ саламаты....
Все по-Нѣмецки говорятъ
И цѣлый день табакъ курятъ! —
Въ Москвѣ же Русскіе прямые,
Все хлѣбосолы записные!
Какіе же тамъ калачи!
Ужъ Нѣмцамъ такъ не испечи!
А бархатное черно пиво?
Уже не портеру чета!
Какая сладость, густота
И крѣпость!.. не питье, а диво!
C'est à Moscou qu'on fait bombance:
Садись скорѣе въ дилижансъ;
Но не забудь ты взять въ дорогу

Съ собой бутылокъ шесть винца —
Въ дорогѣ надо пить, ей-Богу! —
Послушай толстаго пѣвца.
Въ Москву пріѣдешь — помолися
Угодникамъ святымъ за насъ;
Молись, но только не постися
И не отъѣвшись не женися;
А коль отъѣшься — въ добрый часъ!
Гуляй и веселись на волѣ,
Поболѣ пей и ѣшь поболѣ,
Чтобъ не болѣла голова;
Ходи обѣдать чаще въ гости,
Да тукомъ облекутся кости
И будешь соченъ какъ трава
Иль злакъ на пажитяхъ весною.
Назадъ пріѣдешь — всѣ со мною
Тебѣ воскликнутъ: *вотъ Москва!*
Ступай же съ Богомъ, отправляйся
И насъ въ Москвѣ не забывай;
Въ Москвѣ недолго заживайся
И въ Петербургъ къ намъ пріѣзжай
На новую свою квартиру,
Да привези по калачу.
А я, какъ должно риѳмачу,
Примусь тогда, примусь за лиру...
Какая лира, чортъ! шучу.
Играть на лирѣ не умѣю —
Перомъ — и то кой-какъ владѣю:
За то умѣю я любить
И уважать людей почтенныхъ;
За ихъ здоровье радъ я пить

И *добрыхъ* радъ въ стихахъ хвалить.
А для лукавыхъ и надменныхъ,
Пока въ умѣ, пока дышу,
Ни полстиха не напишу,
При случаѣ жъ и укушу.
Ни крокодиловъ, ни лягушекъ
Надувшихся я не терплю,
Равно какъ хвастуновъ Павлушекъ;
А честныхъ, скромныхъ всѣхъ люблю,
Тебя люблю и уважаю
И отъ души тебѣ желаю
Здоровья, всякаго добра.
Ура, пріятель нашъ, ура!

II.

М. Ѳ. О.

НА ОТЪѢЗДЪ ЕГО ИЗЪ ТВЕРИ.

Прости, дивизія шестая!
Прости, добрѣйшій генералъ!
Прости, скажу еще вздыхая!
Какъ насъ въ Твери ты утѣшалъ!
Чтобъ безъ тебя былъ нашъ воксалъ? (*)

(*) Воксалъ, или публичный садъ въ Твери, достопримѣчателенъ тѣмъ, что при устройствѣ онаго столько посажено деревьевъ, сколько было дворянъ при открытіи Тверскаго Намѣстничества. Преданіе увѣряетъ, будто каждый дворянинъ посадилъ по дереву.

Твои Орфеи-музыканты
Обворожали тамъ нашъ слухъ,
А офицеры, адъютанты
Тверь обращали въ Петербургъ.
При нихъ и нашъ воксалъ убогой
Вѣдь походилъ на Лѣтній Садъ,
Большой аллеей, иль дорогой,
Гдѣ по краямъ стояли въ рядъ
Купцы брадаты, величавы,
Смиренны дѣвы, златоглавы, (*)
Ихъ маменьки въ цвѣтныхъ платкахъ
Съ двумя концами на спинахъ.
Куда ни обратимъ мы взоры,
Гдѣ, гдѣ у насъ теперь танцоры?
Одинъ уланъ лишь мазуристъ!
Теперь хоть не танцуйте, дамы!
Играйте всѣ въ бостонъ, да въ вистъ!
Изобрѣтатель гидрорамы
Усатый Краузе мудрецъ (**)
Когда бъ въ стаканчикѣ съ водою
Представить могъ предъ тобою
Все, что у насъ внутри сердецъ:

(*) Тверскія дѣвицы носятъ остроконечныя шапочки изъ золотой парчи, а замужнія повязываютъ на головы большіе платки, которые сзади распускаются двумя широкими концами.

(**) Соперникъ знаменитаго Пинетти, бывшій во многихъ столицахъ Европы и даже въ Персіи. Гидрорама — ящикъ, въ который вставливается стаканъ воды. Въ немъ, посредствомъ оптики, представляются въ уменьшенномъ видѣ настоящіе предметы, животные, люди.

То право бы ты удивился,
Какъ мы привязаны къ тебѣ.
Приворожилъ ты насъ къ себѣ.
Хоть ты давно съ двумя звѣздами
И заслуженый генералъ;
Но ты не важничалъ предъ нами
И носа вверхъ не поднималъ.
Не важничалъ и не гордился
Съ душой открытою, прямой
Въ Твери ты съ нами обходился.
Какъ жаль, что ѣдешь ты домой!
Дай Богъ тебѣ съ твоей подругой,
Съ твоею умницей супругой,
Всѣхъ радостей, всѣхъ благъ земныхъ
Прости!... позволь себѣ сжать руку.
П. . . . . въ поруку
Даю, что точно какъ родныхъ
Мы любимъ васъ и почитаемъ
И вамъ всего добра желаемъ.
Ты истинный христіанинъ,
Или тотъ *Израильтянинъ*
Правдивый, *въ немъ же лести нѣту.*
Повѣрь нельстивому поэту.
Прости же, Богъ съ тобой, прощай!
И къ намъ опять въ Тверь пріѣзжай.

III.

КАШИНСКИМЪ и КАЛЯЗИНСКИМЪ РЕКРУТАМЪ.

—

Здравствуйте, ребяты!
Бравые солдаты!
Полно, не тужите:
Царю послужите.
Царь у насъ правдивый,
Добротолюбивый.
Доброму насъ учитъ,
А солдатъ не мучитъ,
Бережетъ, покоитъ
И кормитъ и поитъ,
Тепло одѣваетъ,
Всѣ ихъ нужды знаетъ.
Грѣхъ Царю такому
Не служить всей правдой.
Братцы! одолжите:
Хорошо служите.
Постарайтесь, други,
Чтобъ васъ похвалили
И всѣмъ говорили:
«Кашинской округи
«Славные ребяты
«Рекруты солдаты.
«Калязинцы тоже.
Дай этого Боже!

Ну, братцы, простите!
Въ Бѣжецкъ намъ пора!
Полно, не грустите.
Кликните жъ *ура!*
Отцу - Государю
Царю Николаю.

═

IV.

Къ N. N. о САДѢ Г....

—

Бывали ль вы когда у Г..... въ саду?
Неужли не бывали?
Такъ ничего вы не видали!
Какой тамъ памятникъ чудесный на пруду! [1]
Нѣтъ, сходите туда: хозяинъ мнѣ пріятель,
Предобрый человѣкъ, отличнѣйшій писатель,
Творецъ прекрасныхъ драмъ: *Любимъ* и *Ва-*
лерьянъ, [2]
Ельвира и *Иванъ*.
Есть у него въ саду фонтанъ,
Который бьетъ вверхъ три аршина; [3]
Есть и молочница [4] и ручка отъ кувшина;
Есть разны статуи: Улиссъ, Аяксъ, Вольтеръ,
Діана, Пиѳагоръ, Румянцовъ и Гомеръ; [5]
Однѣ изъ мрамора, другія же изъ глины;
Клоринда, въ шишакѣ, съ копьемъ, изъ чугуна.

Куда ни поглядишь — прелестныя картины!
Представьте: три горы — одна
Блестить цвѣтными изразцами;
Флагъ вѣетъ на другой; на третьей видѣнъ храмъ,
Сооруженный въ честь Парнасскихъ милыхъ дамъ.[6]
Весь прудъ заставленъ кораблями.
У пристани есть *ботъ*
Чтобы *перевозить народъ*.[7]
На крѣпостномъ валу стоитъ солдатъ въ мундирѣ;
Три пушки близъ него, а чуть ли не четыре.
Внизу, въ стѣнѣ, сидитъ пасторъ
За крѣпкою рѣшеткою желѣзной,
Читаетъ Библію — похвальный трудъ, полезный!
А прямо черезъ прудъ мѣщанъ брадатыхъ[8] хоръ;
Супруги, дѣтки ихъ вокругъ качель толпятся;
Иныя вверхъ летятъ, другія же вертятся;
Тутъ слышишь смѣхъ, тамъ вопль и стонъ.
На право павильонъ.
Чего нѣтъ въ этомъ павильонѣ?
Статуи, билліардъ и надпись на фронтонѣ:
Далеко не зачѣмъ, коль хорошо и здѣсь.[9]
По воскресеньямъ вечеръ весь
Музыка громкая играетъ;
Хозяинъ пудреный,[10] какъ пѣтушокъ гуляетъ
А въ клѣткѣ попугай[11] кричитъ: *дуракъ, дуракъ!*
Всѣ могутъ въ садъ ходить,[12] но только безъ собакъ.[13]

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1] Первой его супругѣ, съ сею краткою и выразительною надписью: *Маріи, другу; любви и вѣрности.* Памятникъ сдѣланъ изъ прочной глины и обсаженъ красивыми елками вмѣсто кипарисовъ.

[2] Есть у него еще двѣ драмы: *Ельвира*, или *Роза*, въ которой театръ представляетъ *молодую Турчанку*, стоящую на колѣнахъ, и *Джонъ*, *или Иванъ*. Въ сей послѣдней драмѣ въ числѣ дѣйствующихъ лицъ находятся: *Городское Правленіе*, *Прескотъ*, *Львица*, и проч. и проч. Дѣйствіе происходитъ на Антильскихъ островахъ, неподалеку отъ морскаго берега, близъ возвышенной горы, на степи Сары.

[3] Не на три, а на четыре аршина. Такъ увѣряетъ Е. Ѳ. Г., всѣ его дѣти и служители.

[4] Сдѣланная на Охтѣ, не извѣстно изъ какого дерева, за 10 р.

[5] Есть еще Каракалла, Фридерикъ II, Юлій Цезарь, Павелъ I, и проч.

[6] Первая гора не имѣетъ, кажется, никакого названія, а можно назвать ее *муравленымъ царствомъ;* вторая именуется *Древлянкою*, а третія *Парнассомъ*.

[7] Сіи два стиха заимствованы изъ притчи Графа Д. И. Хвостова.

[8] Кромѣ мѣщанъ бываютъ тутъ и купцы 3-й и даже 2-й гильдіи, въ томъ числѣ нѣкоторые безъ бородъ. Другъ хозяина, толстый и неуклюжій издатель *Благонамѣреннаго*, качался однажды здѣсь на новыхъ *парижскихъ* качеляхъ и отъ тяжести его едва не оборвалась одна сидѣлка.

[9] *Не зачѣмъ далеко и здѣсь хорошо.* — Въ самомъ дѣлѣ очень, очень хорошо.

[10] Е. Ѳ. Г. пудрится и носитъ на шеѣ голубой платокъ. Онъ можетъ сказать о себѣ то же самое, что и В. Л. Пушкинъ:

"Я съ возвышенною хожу всегда главою.

[11] Въ торжественные праздники ставится обыкновенно въ саду Е. Ѳ. Г. клѣтка съ попугаемъ у четырехъ-аршиннаго фонтана.

[12] Е. Ѳ. Г. записываетъ своеручно на особомъ листѣ знаменитыхъ посѣтителей, начиная съ 5 класса.

[13] На заднихъ воротахъ сада была прежде надпись: *для добрыхъ, честныхъ и безъ собакъ*. По сей причинѣ долго не рѣшался идти въ этотъ садъ извѣстный *патріотъ-писатель* П. П. С....

V.

ПРОЩАНІЕ СЪ АРХАНГЕЛЬСКОМЪ.

Прости, Архангельскъ узкій, длинный!
Прости, широкая Двина!
Простите, берега картинны!
Спѣшу: ждутъ дѣти и жена.
Простите, съ *вышками* [1] хоромы!
Простите, маленькіе домы,
О коихъ увѣрялъ Свистинъ,
Что *съ вышкой* домъ такой одинъ
Обходится здѣсь не дороже,
Какъ въ 40, 50 рублей,
Прости ему, великій Боже!
Безъ умысла солгалъ злодѣй! [2]
Простите, длинные анбары,
Прости, большой Двинской обрубъ, [3]
Досчаты, гладки тротуары, [4]
И вы, кѣмъ красится такъ клубъ,
Голаночки и Англичанки,
И Нѣмочки и Россіянки,
Утѣха для души и глазъ!
Возможно ли забыть мнѣ васъ,
Особенно игралъ съ кѣмъ въ фанты?
Простите вы, негоціанты,
Почтенны мужи, старики!
Простите, хваты-моряки!
Какъ птицы прилетите съ хладомъ;

Потомъ опять на море стадомъ.
А слезки сколько разъ текли,
Какъ отъѣзжали корабли?
Простите, добрые граждане,
Чиновники, купцы, мѣщане,
И православные крестьяне! [5]
Спаси Господь васъ отъ бѣды,
Отъ бурь, огня и отъ воды,
Въ *Калинники* жъ [6] отъ града, мраза,
Отъ гадовъ вредныхъ, отъ *кота*
Морскаго, [7] что страшнѣй кита,
Страшнѣй, *чѣмъ моръ*, или зараза.

═

ПРИМѢЧАНІЯ.

[1] *Вышка* — свѣтелка, теремъ, мезонинъ.

[2] Барка, достаточная на построеніе маленькаго домика, продается иногда въ Архангельскѣ отъ 40 до 50 р.; но весь домикъ, съ работою и необходимыми къ нему принадлежностями, обходится въ 300 и 400 руб.

[3] *Обрубъ.* — деревянное укрѣпленіе берега, набережная.

[4] Превосходные деревянные тротуары устроены въ Архангельскѣ при нынѣшнемъ Генералъ-Губернаторѣ, (1830) и не только лѣтомъ, но осенью и зимою содержатся всегда въ примѣрной чистотѣ и исправности.

[5] Вообще крестьяне въ Архангельской губерніи набожны, особенно въ Шенкурскомъ уѣздѣ. Въ немъ нѣтъ раскольниковъ или старовѣровъ. Каждый крестьянинъ дважды въ годъ служитъ обѣдни по *родителямъ*: въ день ихъ смерти и въ день именинъ.

[6] Въ Архангельской губерніи есть пословица: „пронеси, Господи, *калинники*" (29 Іюля бываетъ память мученика *Калинника*) *морокомъ*, т. е. туманомъ, сыростью. Около этого времени бываютъ иногда морозы, которые истребляютъ поспѣвающій къ жатвѣ хлѣбъ. Есть тамъ и другая пословица, что *хлѣбъ въ восемь недѣль поспѣваетъ изъ закрома въ закромъ.*

[7] Есть повѣрье между простымъ народомъ, что изъ Сѣвернаго Океана выйдетъ въ Архангельскую губернію жадной *морской котъ*, который поѣстъ много народа, но послѣ и самъ молитвами Соловецкихъ чудотворцевъ погибнетъ. Подобно сему разсказываютъ, будто въ окружающихъ Сійскій монастырь (Арх. уѣзда) семидесяти семи озерахъ, имѣющихъ между собою сообщеніе, водилась огромнѣйшая щука, которая таскала съ береговъ и глотала не только ребятъ, но даже взрослыхъ людей, коровъ и лошадей. Въ монастырѣ, какъ я отъ многихъ слышалъ, показываютъ чрезмѣрной величины рыбью челюсть, или зубъ, едва ли не позвонокъ изъ хребтовой кости, на которомъ можно сидѣть какъ на стулѣ.

ЗАСТОЛЬНЫЯ.

I.

КУПЛЕТЫ ИМЯНИННИЦѢ.

Тебя всѣ любятъ, уважаютъ;
Отъ сердца и души желаютъ:
Чтобъ ты столь счастлива была,
Сколь ты умна, добра, мила.

Изчезнетъ юность съ красотою;
Но умъ, любезность съ добротою
Плѣняютъ насъ и въ зиму лѣтъ —
Безъ нихъ прямаго счастья нѣтъ.

Живи вѣкъ счастливо съ родными;
Ты искренно любима ими:
Родные — лучшіе друзья —
Тамъ рай, гдѣ добрая семья.

Тамъ рай, гдѣ умная супруга
Найти умѣетъ въ мужѣ друга —
И избранный тобой супругъ
Тебѣ конечно будетъ другъ.

Да Грацiи усѣютъ сами
Путь жизни для тебя цвѣтами,
И чтобы всѣ сiи цвѣты
Прекрасны были такъ, какъ ты.

═

II.

ВНУЧКѢ-ИМЯНИННИЦѢ.

—

Любезная моя смуглянoчка Пашета!
Чего бы пожелать въ твои младыя лѣта?
Желаю.... угадай.... желаю.... жениха!...
Но изумленiе на всѣхъ я вижу лицахъ!
Нѣтъ молода еще! ха! ха!
И можно посидѣть тебѣ лѣтъ пять въ дѣвицахъ.
Дѣвическая жизнь, ей Богу! хороша;
Спроси у бабушки Натальи
Ефимовны, моя душа.
А нынчѣ женихи — не всѣ, но есть канальи:
Иной не стоитъ и гроша
И женится не изъ любви,
А изъ чего?.. изъ барыша!
Худой мужъ хуже злой свекрови.
Не всѣ вѣдь таковы мужья
Какъ папенька да.... я:
Такихъ мужей, какъ мы, ей Богу, очень мало!
Со свѣчкой поискать!

Ни въ Моховой, ниже въ Басейной не бывало!
Чего жъ въ день имянинъ твоихъ мнѣ пожелать?—
Желаю я тебѣ скорѣе доучиться
И на экзаменѣ предъ всѣми отличиться.
Желаю отъ души Пашеточкѣ добра
И мужа,... какъ придетъ пора.
У-ра!

III.

СЫНУ МОЕМУ, МИШѢ.

Отеческое поздравленіе и наставленіе въ день его имянинъ.

Тебя, тебя мы поздравляемъ,
Студентъ Измайловъ, великанъ!
Быть Докторомъ тебѣ желаемъ,
Чтобъ ты набилъ себѣ карманъ.
Старайся ты больныхъ лѣчить,
Чтобъ больше денегъ получить.

Вставай ты по утрамъ раненько
И въ Академію спѣши,
Сиди на лекціи чинненько;
Не спи — но слушай и пиши
Все, что съ каѳедры говорятъ,
Какъ правильно людей морятъ.

Когда жъ дадутъ тебѣ ножъ въ руки,
Вотъ тутъ-то покажи себя:
Рѣжь мертвецовъ на мелки штуки,
Рука не дрогнетъ у тебя.
Рѣжь, Миша, будь же молодецъ:
Похвалитъ тетка, мать, отецъ.

Когда жъ окончишь ты ученье,
Получишь полный аттестатъ:
Тогда примися за лѣченье;
Мори людей, какъ всѣ морятъ.
Мори, по правиламъ, мори
И денежки за то бери.

Умѣй продлить болѣзнь подолѣ,
Когда твой паціентъ богатъ;
Получишь за труды побольѣ,
Да и аптекарь будетъ радъ.
Аптекарь — нужный человѣкъ!
Бери, бери оброкъ съ аптекъ.

Пускать всѣмъ пыль въ глаза старайся,
Глубокомысленнымъ кажись,
Хвали себя и наживайся;
Съ отцемъ и съ матерью дѣлись.
Дастъ Богъ тебѣ за то добра!
Ура, нашъ Михаилъ, ура!

IV.

В. И. ПАНАЕВУ.

—

Silence! silence! Шампанское готово!
Но чуръ еще не пить: хочу *имѣть я слово.*
Вѣдь имянинникъ-то поэтъ
И жилъ въ Аркадіи съ пѣвцами-пастухами:
Такъ надобно его поздравить намъ стихами.
Что? Есть ли у кого куплеты, иль сонетъ?...
Нѣтъ!
Со мною есть стишки, но только, между нами,
Не слишкомъ хороши.
Аркадинъ! другъ мой, братъ! тебя я поздравляю.
Отъ всей моей души
Такъ счастливо тебѣ съ Филлидой* жить желаю,
Какъ въ золотой живали вѣкъ.
Живи подолѣе: ты добрый человѣкъ,
Кто добръ, тотъ и полезенъ,
А ты еще притомъ уменъ да и любезенъ —
Ну какъ не уважать тебя и не любить?
Соперниками были**
(Мнѣ этого не позабыть)
И тутъ другъ друга мы любили,
Другъ другу правду говорили.

---

* Такъ называетъ онъ свою супругу.
** Въ одномъ дружескомъ литературномъ обществѣ.

Ты идиллистъ,
Я фабулистъ —
Поэты оба мы; во мнѣньяхъ, вкусахъ сродны.
Люблю тебя, люблю за сердце, умъ и нравъ,
За образъ мыслей благородный,
За твердый характеръ. — Порукой Владиславъ
Княжевичъ съ братьями, что я не лицемѣрю.
Гораздо-бъ лучше я и больше написалъ,
Но утромъ нынчѣ мнѣ Трещоткинъ помѣшалъ —
О честности своей часъ цѣлый толковалъ,
Да я ему не вѣрю.
Итакъ, любезный другъ и мой названный братъ,
Виватъ!

V.

Н. Ѳ. Остолопову.

—

Въ день твоего, почтенный мужъ, рожденья
Нельзя не сдѣлать мнѣ стишковъ поздравленья
И я поэтъ, и ты поэтъ,
И дружны мы съ тобой не мало... [illegible]
Директоръ ты, а я — [illegible]
Но что Директоры [illegible]
Ихъ власть [illegible]
Надъ [illegible]
Секретарями и [illegible]
А ты, ты [illegible]

Повелѣвать всѣмъ, всѣмъ и даже.... мертвецами,
Стихіями, богами! * —
Захочешь — и Зевесъ
На сцену низойдетъ съ небесъ;
Зимою явится лужокъ, Зефиръ и Флора,
А ночью Фебъ, или Аврора.
Захочешь — явится вдругъ домъ,
Иль храмъ на мѣстѣ сада.
Велишь — и грянетъ громъ
И грозны Фуріи вдругъ выскочатъ изъ ада,
И море закипитъ,
И выплыветъ огромный китъ
Съ разверстою широкой пастью!
О, кумъ! своею властью
Ты превзошелъ всѣхъ колдуновъ. —
Не нахожу я словъ,
Чтобъ выразить тебѣ мое все изумленье....
Прими жъ отъ кума поздравленье:
Дай Богъ, чтобы ты былъ здоровъ
И праздновалъ свое рожденье.
Съ почтенной кумушкой еще разъ пятдесятъ....
Нѣтъ, мало!.... шестдесятъ. —
Дай Богъ отъ дѣтокъ вамъ большое утѣшенье...
Еще чтобъ въ заключенье?...
Хорошее.... имѣнье.
Услыши, Господи, услышь мое моленье:
Пошли имъ всякаго добра!
Теперь и пить пора!
Ура!

---

* Въ то время былъ онъ Директоромъ С.-Петербургскаго тра.

VI.

Я. К. КАЙДАНОВУ.

—

Что, сколько?—Сорокъ семъ, племянничекъ тебѣ?
Благодареніе судьбѣ!...
И мнѣ чрезъ три недѣли
Тожъ стукнетъ!... Вотъ ужъ мы довольно посѣдѣли,
А любимъ все съ тобой красавицу одну
Не меньше, чѣмъ законную жену....
Да нечего краснѣть!... Сказать ли кто такая?
Вѣдь сора изъ избы отсель не унесутъ.
Она, сударыня, уже не молодая,
Не модница, бѣдна, босая и нагая,
А благородная!.... Что долго думать тутъ?
Ее всѣ *Истиной* зовутъ;
Ее-то любимъ мы сердечно
И наша къ ней любовь продлится вѣчно, вѣчно!—
Вотъ я хоть и поэтъ
И изъ поэтовъ дамскихъ главныхъ —
Случалось мнѣ писать стишки для дамъ тще-
славныхъ:
Но льстилъ ли имъ когда въ стихахъ?—По чести
нѣтъ!
Не дай Богъ нравиться посредствомъ низкой лести:
Противно это чести!
И ты, племянничекъ, душею не кривишь:
Что̀ чувствуешь, то говоришь,
А ежели чего въ глаза сказать не можно,
То дѣлать нечего — ужъ промолчать тутъ
должно....

Но противъ совѣсти хвалить,
Избави, Господи! Да лучше вѣкъ не пить!
Вотъ вышли дочки наши:
Большія двѣ — мои,
Двѣ маленькихъ — твои:
Лизета, Эннинька — лишь нѣтъ одной Наташи.
Та съ шифромъ, такъ горда
И не пришла сюда,
А впрочемъ умная дѣвица!
Хоть ростомъ и мала,
Однако же мила,
Да и смѣла!
Притомъ она читать большая мастерица.
Мы годика три погодимъ,
Да замужъ всѣхъ ихъ отдадимъ.
Дай Богъ, чтобъ замужемъ онѣ счастливы были
И чтобы ихъ мужья
А наши, какъ-бишь? да. . . . зятья
На насъ душой и нравомъ походили.
Придетъ и Олинькѣ такаяжъ череда!
Да гдѣжъ она? Давай ее сюда,
Давай сюда ее, плутовку.
Ну, Оля! поцѣлуй ты папеньку въ головку
И въ губки и въ глазокъ,
А тамъ и дѣдушку хотя одинъ разокъ.
Да здравствуетъ новорожденный!
Да здравствуетъ хозяинъ нашъ почтенный!
Дай Богъ ему и всей его семьѣ добра!
Ура!

═

VII.

НОВОБРАЧНЫМЪ N...

Примите вы мое сердечно поздравленье.
Да низпошлетъ Господь на васъ благословенье,
Да низпошлетъ вамъ чадъ! —
Что? веселъ, новобрачный, радъ?
Совѣтую тебѣ, какъ другу,
Со всею нѣжностью любить свою супругу,
Примѣръ другимъ мужьямъ собою подавать
И ручки каждый день разъ по сту цѣловать,
Глядѣть ежеминутно въ глазки,
Заслуживать всѣ ласки
И такъ вести себя какъ будто ты женихъ;
А на дѣвицъ и женъ чужихъ
Смотрѣть тебѣ совсѣмъ не должно....
Иль изрѣдка и осторожно. —
А вамъ позволите ль дать маленькій совѣтъ? —
Вашъ мужъ не только-что писатель,
Но и — сказать ли все? — Поэтъ!
Поэтъ — не то, чтобы простой стихослагатель,
И слѣдовательно — *мечтатель!*
Поэты лучшіе мужья....
А здѣсь, иль нѣтъ, жена моя?...
Любить они умѣютъ,
Но странности свои и слабости имѣютъ:
Ихъ надобно держать въ рукахъ.
Не обходитеся съ нимъ строго,
И воли не давайте много,

Отчета требуйте во всѣхъ его дѣлахъ
И аккуратно ревизуйте —
По временамъ штрафуйте;
Коль будетъ хорошо вести себя — цѣлуйте. —
И поцѣлуйте-ка его теперь при насъ.
Имѣю честь поздравить васъ.

VIII.

КУМѢ-СТИХОТВОРИЦѢ. *М. В. Д.*

Чего бы въ день рожденья
Почтенной кумушкѣ, чегобъ ей пожелать?
Дано ей все отъ Провидѣнья,
Чтò можетъ счастіе въ сей жизни составлять:
Супругъ у ней и ласковый и вѣрный;
Отецъ же — такъ примѣрный —
Любезенъ, добръ, уменъ, ученъ
И мастеръ въ вистъ играть, не только-что въ бостонъ.
А дѣтки умницы какія,
Особенно Людмила и Эрастъ:
Не всѣмъ такихъ Богъ дастъ!
Какъ милы Александръ, Викторушка, Софія!
Счастливица кума!
Надѣюсь, въ томъ она признается сама.
Счастлива кумушка родными и друзьями,
И если наказалъ ее Богъ за грѣхи,
Такъ это кумовьями,
Которыхъ прозвала насмѣшница звѣрями,

Которые ея стихи
Такъ строго критикуютъ,
И о теоріи, о правилахъ толкуютъ.
Сердитесь, такъ и быть —
Мы будемъ все куму любить:
Не только любимъ мы ее и уважаемъ,
Почти что обожаемъ;
Отъ всей души желаемъ,
Чтобъ наша кумушка *пуристкою* * была,
Чтобъ стихотворицъ всѣхъ въ Россіи превзошла.
Грѣшно пренебрегать искусство
Тому, кто получилъ отъ Феба даръ и чувство.
Въ тѣснѣйшій съ Музами вступите-ка союзъ,
И право будете десятою изъ музъ.
Повѣрьте, съ Сафою сравнитесь;
Терпѣньемъ лишь вооружитесь
И не лѣнитесь.
Ахъ! труденъ путь въ блестящій храмъ
Безсмертія и Славы:
Идешь по терніямъ, а рѣдко по цвѣтамъ —
Да и въ цвѣтахъ змѣи! — Не Игры, не Забавы
Ведутъ въ сей отдаленный Храмъ,
Но Мужество, Терпѣнье.
Скорѣе кумушкѣ желаю я быть тамъ —
Вотъ вамъ
Желаніе мое и вмѣстѣ поздравленье.
Писатель для мужчинъ и дамъ —
Благонамѣренный.

---

* Puriste. Какъ-бы сказать это по русски?

IX.

КРЕСТНИКУ АПОЛЛОНУ.

—

Да вздраствуетъ нашъ Аполлонъ!
Да будетъ стихотворцемъ онъ!
Но не романтикомъ—нѣтъ, нѣтъ, избави Боже!..
Да и не *баловнемъ* — одно почти и то же.
Да будетъ классикъ онъ, Поэтъ,
И славою своей наполнитъ цѣлый свѣтъ.
Да съ крестной матушкой онъ чувствомъ будетъ
ровенъ
И нѣженъ какъ она
(А кумушка нѣжна!
Не мудрено: была Княжна);
Какъ батюшка родной, да будетъ ровенъ, плавенъ;
Простосердеченъ и забавенъ
Хоть какъ *божатočка,* * *писатель не для дамъ,*
И утѣшеніемъ на старости всѣмъ намъ. —
Довольно, кажется, желаній для Поэта? —
Рости жъ для украшенья свѣта,
Рости, нашъ милый Аполлонъ! —
Какъ маменька — любезенъ будетъ онъ;
Какъ папенька — и скроменъ и уменъ,
И добръ — какъ тетушка его, Елисавета.

═

* Такъ называютъ крестнаго отца въ Вологодской губерніи, отчизнѣ почтенныхъ родителей крестника Аполлона.

X.

А. Д. МЯКИНИНУ.

—

Чего тебѣ, о другъ почтенный,
Другъ вѣрный, искренній, безцѣнный,
Желать въ день имянинъ твоихъ!
Тебя отъ сердца поздравляю
И отъ души тебѣ желаю
Всѣхъ, всѣхъ даровъ Небесъ благихъ:
Достоинъ ты, достоинъ ихъ!
Да наградитъ Богъ и примѣрно
Тебя за страсть твою къ добру!
Да исцѣлитъ онъ совершенно
Твою любезную сестру,
А жизнь родительницы нѣжной
Продлитъ еще на много лѣтъ
И ей пошлетъ покой душевной,
Забвенье претерпѣнныхъ бѣдъ. —
Здѣсь всѣмъ намъ *мѣсто испытанья;*
Любя, даетъ Богъ крестъ нести,
И мы должны несть безъ роптанья,
Чтобъ удостоилъ насъ спасти.
Тамъ будетъ добрымъ всѣмъ награда;
А *здѣсь* одна для насъ отрада:
Прямое лишь добро любить,
Полезными для ближнихъ быть —
И это утѣшать насъ должно.
Но быть добрѣй тебя не можно:
Какъ голубь кротокъ, ты смиренъ,

*И такъ какъ змѣй, мудръ и уменъ.**
Ко злу малѣйшему не сроденъ,
Во всѣхъ поступкахъ благороденъ
И деликатенъ и учтивъ,
Но прямъ душей, правдолюбивъ,
И хоть тебя кто обижаетъ,
Въ душѣ невольно уважаетъ. —
Вы рождены всѣ для добра:
Ты, матушка твоя, сестра —
Вы *истинные* Христіане,
Примѣрные у насъ дворяне;
За васъ всѣхъ молятся крестьяне. —
А сколько бѣдныхъ вдовъ, сиротъ!
Объ этомъ знаетъ только Тотъ,
Кто тамъ на небесахъ живетъ.
Къ несчастью, не всегда умѣю
Что̀ чувствую, то изъяснить:
Горжуся дружбою твоею,
Потщусь ее вѣкъ сохранить.

XI.

НОВОБРАЧНЫМЪ К-МЪ.

Степанъ Ивановичъ! съ кѣмъ это вы сидите?
На насъ совсѣмъ и не глядите.
Хозяинъ нашъ не радъ гостямъ
И вѣрно думаетъ: *скорѣй бы по домамъ.*

---

* *Будьте мудры, яко зміи и цѣлы, яко голуби,* сказалъ Спаситель.

Уѣдемъ, какъ попьемъ, со бракомъ поздравляя.
Останется одна здѣсь гостья дорогая:
Не пустишь ты ее назадъ?
Что? Радъ!
Какой же ты нетерпѣливый!
Да и какой счастливый!
Нѣтъ, не жену послалъ тебѣ Господь, а кладъ!
Наружность милую имѣетъ,
Умна, воспитана, хозяйство разумѣетъ,
Добра, малюточкамъ твоимъ всѣмъ будетъ мать...
За это долженъ ты ее поцѣловать.
Вотъ хорошо! Спасибо, новобрачный!
Не такъ хоть молодъ онъ, но кавалеръ пре-
взрачный.
Что за старикъ мужчина въ сорокъ лѣтъ?
Напротивъ, молодецъ! лишь вѣтренности нѣтъ.
Всѣ скажутъ про него: онъ человѣкъ солидный,
Нравъ у него хорошій и завидный;
Онъ кротокъ, не угрюмъ —
То подтвердитъ Антонъ Иванычъ кумъ. —
Любите же другъ друга, уважайте,
Другъ другу угождайте,
Въ согласіи, въ любви живите безъ затѣй —
Такъ Богъ благословитъ и васъ и всѣхъ дѣтей.

═

ВЪ АЛЬБОМЫ.

I.

С. Д. П.

(На день ея рожденія.)

Когда родились вы на свѣтъ,
Вамъ имя *радости, веселья* * дали.
Такъ Грацію меньшую звали.
Вотъ боги собрали совѣтъ.
(Мнѣ это за секретъ
Сказали дщери Мнемозины)
Венера страхъ была разсержена,
«Что это?» говоритъ она:
«Теперь у насъ двѣ Евфрозины!
Мнѣ Евфрозина дочь — чужой я не хочу.
Нѣтъ; Господа, я не шучу —
Нѣтъ, *не хочу и не хочу* **
Велите, папенька, дать имя ей другое.»

---

* Сначала назвали ее *Евфрозиною*, что на Греческомъ языкѣ значитъ *радость*, *веселіе*.

** Любимая поговорка покойной и незабвенной *С. Д. П.*

«Минерва!» Зевсъ сказалъ: «подумай, погадай
И имя этой крошкѣ дай...»
«Ну какъ ты думаешь, какое?»—
«Да не угодно ли хоть Мудростью назвать?
Другого имени я не могу прибрать:
Всѣ имена такія....»
—«Что жъ? Мудрость?... Хорошо! прекрасно»
Зевсъ сказалъ,
«Приличнѣй имени я самъ бы не прибралъ.
Да будетъ *Мудрость*, иль *Софія!*
Хочу, чтобы она была
Умна, какъ дочь моя большая;
Любезна же и весела,
Какъ Грація меньшая.

II.

Н. Н. В.

Надежда лучшій даръ Творца,
Жизнь безъ нея не жизнь — мученье.
Надеждой дышутъ всѣ сердца,
Надежда — смертнымъ утѣшенье.

III.

С. Н. Ш.

—

Безъ добродѣтели, безъ *Вѣры*
Живутъ одни лишь лицемѣры;
Безъ дружества и безъ *Любви*
Старухи злобныя свекрови;
Безбожники же — безъ *Надежды*,
Безъ *Мудрости* * — одни невѣжды.

═

IV.

С. Д. П.

—

Счастливецъ, Гекторъ! ** ты счастливецъ!
Первѣйшій ты любимецъ
Прелестнѣйшей изъ дамъ,
Которой въ древности воздвигнули бы храмъ,
Минуту каждую она тебя ласкаетъ;
Каплюшкой, капелькой и *крошкой* называетъ.

---

* Извѣстно, что Софія значитъ *Мудрость*.
** Любимая ея собака.

Цѣлуетъ.... слѣдуешь за нею ты какъ тѣнь.
Не только съ нею ты бываешь цѣлый день,
И ночь, всю ночь при ней... спишь на ея постелѣ,
Всегдашній стражъ ея небесной красоты..
Подумаешь, вотъ въ самомъ дѣлѣ
Какъ счастливы бываютъ и скоты!

═

V.

Е. П. К.

—

Альбомъ вашъ съ полгода я у себя держалъ —
Не этотъ — прежній, что̀ похожъ на поминанье
(Простите это мнѣ названье)
И ничего не написалъ.
Да какъ тамъ и писать? — Вотъ здѣсь другое
дѣло:
Гекзаметрами можно смѣло.

Но что же напишу я вамъ?
Люблю всѣхъ *умныхъ дамъ*
И имъ всегда во всемъ готовъ повиноваться.
Я видѣлъ васъ семь, восемь разъ
(И не увидимся мы больше можетъ статься!)
Но совершенно знаю васъ:
Вы дама умная, примѣрная супруга,

Семейства счастіе и украшенье круга. *
Надѣюсь, подтвердитъ сей правый приговоръ
Архангельскій Губернскій Прокуроръ,
Мой прежній сослуживецъ,
Супругъ вашъ — о *счастливецъ!*

Стихи мои не хороши;
Но я отъ всей души
Всѣхъ благъ возможныхъ вамъ желаю.
Что жъ написать еще? — Не знаю!
Въ холодной сѣверной Архангельской странѣ
Не вспомните ль когда нибудь и обо мнѣ.

═

VI.

N. N....

—

1.

Нигдѣ, посмотришь, Дружбы нѣтъ:
Къ Двору ее не принимаютъ,
Въ Суды, въ Монастыри никакъ не пропускаютъ;
Съ Поэтомъ ссорится Поэтъ;
Купецъ гоняетъ прочь отъ лавки
(Вѣдь это не товаръ — какъ ею торговать?)

---

* Всякаго: малаго, средняго и большаго.

Кокетки рады промѣнять
Не только на любовь — на ленты, на булавки.
Не знаютъ Дружбы Доктора;
Въ аптекахъ нѣтъ пріюта Дружбѣ —
Остался ей пріютъ.... въ военной только службѣ.
Ура, военные! ура!

2.

Ни время, ниже отдаленье
Не могутъ привести въ забвенье
Того, кого мы отъ души
Съ лѣтъ юношескихъ полюбили,
Съ кѣмъ вмѣстѣ жили и служили —
Не забывай меня — пиши.

═

VII.

А. Я. Е.

Къ картинѣ, на которой изображена дама, подающая шарфъ стоящему предъ нею на колѣняхъ Рыцарю. На картинѣ написаны слѣдующія слова: Sensible et généreux Bayard! sois heureux et n'oublie point celle qui est ton unique amie. *

Прощаніе Рыцаря съ Дамою.

—

Рыцарь.

О радость! ты мнѣ шарфъ своихъ трудовъ даришь!
Цѣлую землю ту, на коей ты стоишь.

* Чувствительный и великодушный Баярдъ! будь счастливъ и не забывай ту, которая была единственнымъ твоимъ другомъ.

Дама.

Надѣюся, ты мнѣ, Баярдъ, не измѣнишь?

Рыцарь.

Клянуся вѣрнымъ быть тебѣ всю жизнь, до гроба!

Дама.

Прости!

Рыцарь.

Прощай!

Дама.

Прости!

(*Заплакали тутъ оба*).

ЕЙ ЖЕ.

Со днемъ рожденья васъ усердно поздравляю,
Здоровья, счастья вамъ и жениха желаю.
Желаю, чтобы онъ,
Какъ братецъ былъ пригожъ и столько же умёнъ;
Чтобъ соразмѣрныя имѣлъ онъ съ вами лѣты
И генеральскіе большіе эполеты;
Чтобы притомъ онъ былъ Поэтъ. . . .
Ахъ, нѣтъ!
Негодные мужья Поэты:
Имъ только бы стихи читать. . . .
Однако жевъ они умѣютъ почитать —
Умѣютъ и любить, какъ рыцари любили.

Вотъ люди славные-то были,
Такъ, всякой рыцарь встарину
Любилъ и почиталъ всегда свою жену
(Богата ли, бѣдна ль — Графиня ли, Принцесса,
Или простая Баронесса),
Былъ добрый мужъ, отецъ и зять. . . .
Но гдѣ теперь такого взять?

ЕЙ ЖЕ.

Къ розѣ, нарисованной покойною ея сестрою А. В. М.

(Экспромтъ).

Какъ роза, такъ она блистала красотою;
Плѣняла скромностью, сердечной добротою,
Умомъ, талантами.... и въ самомъ цвѣтѣ лѣтъ
Оставила сію плачевную обитель.
Увы! Александрины нѣтъ!
И слезы льетъ объ ней родитель,
Въ отчаяньи супругъ. —
«О, милая сестра и другъ!
Разсталися мы навсегда съ тобою!
Ужъ съ Ангелами ты теперь на небесахъ!
И даже не могла я оросить слезою
Твой драгоцѣнный прахъ!

VIII.

С. А. Ж.

—

Альбомъ вашъ точно цвѣтничокъ:
Какое множество цвѣточковъ —
И ландышей и василечковъ,
Лилей, фіалокъ, ноготочковъ
А розановъ! — А старичокъ
Поповъ — будь сказано межъ нами
Не попъ на Пиндѣ, а дьячокъ —
Украсилъ вашъ Альбомъ стихами.
Стихи не такъ-то хороши,
Но хороши его совѣты,
И видно, что въ преклонны лѣты
Писалъ онъ ото всей души.
Я, я Поетъ подъ сѣдинами
(Но не съ сѣдыми волосами),
Писатель для мужчинъ и дамъ,
Что напишу въ альбомчикъ вамъ?
Какъ жаль, что не имѣю чести
Васъ столько какъ сестрицу знать;
Однако же скажу безъ лести,
И въ томъ порукою вашъ зять,
Пан . . . . , у кого мы въ домѣ:
Вы лучше всѣхъ цвѣтовъ въ альбомѣ.
Вы точно розанчикъ, bouton!
Не лгу: свидѣтель Аполлонъ!

═

IX.

Е. Н. К.

—

Внемли моленію Поэта,
Внемли, о Фебъ, о Аполлонъ!
Зубами мучится давно Елисавета!
Неужели ея не слышанъ въ небѣ стонъ?
Неужели съ небесъ не видишь ты повязки
На щечкѣ у нея, и какъ, прищуривъ глазки,
Подперши голову рукой,
Сидитъ и не промолвитъ слова:
Печали на лицѣ такой
Не наведетъ, ей ей! и мадригалъ Вралёва.
Неужель о сестрѣ почтеннѣйшей кумы
Тебя, о Фебъ жестокій и проклятый!
И съ кумомъ не умолимъ мы?
Ну разсуди ты самъ: чѣмъ зубы виноваты?
Зубами никому не дѣлала вреда. —
Отъ глазокъ же ея была другимъ бѣда,
Да и бѣда большая!
Ахъ! сколько, сколько дней, ночей
Не ѣли, не спали все отъ ея очей!
Опаснѣе они всѣхъ, всѣхъ твоихъ лучей.
Зачѣмъ, зачѣмъ она родилась не слѣпая?
Не ослѣпляла бы тогда другихъ она.
А впрочемъ не ея вина,
Что многіе отъ глазъ ея болѣзнь терпѣли.
Зачѣмъ на нихъ смотрѣли?

О Аполлонъ, о Аполлонъ!
Въ печаляхъ, скорбяхъ утѣшитель,
Первѣйшаго врача родитель!
Пошли его съ небесъ, чтобъ онъ
На площадь, гдѣ театръ, спустился
И въ трехъ-этажный домъ явился,
Который на углу стоитъ,
Въ которомъ на верху живетъ *хитрякъ* Піитъ,
Россійской Сафы кумъ-учитель,
Боговъ, бѣсовъ всѣхъ повелитель *
Явился бы и въ первый же визитъ,
Въ минуту бъ исцѣлилъ отъ зубъ Елисавету.
Внемли жъ, о добрый богъ, Поэту.
Молю въ стихахъ тебя, внемли:
Елисавету исцѣли! —
И будетъ радость на земли
Отъ Лиговки до устья Волги,
Гдѣ дни короткіе, а ночи очень долги.

═

X.

И. В. В.

Къ картинкѣ, изображающей Амура среди цвѣтовъ.

—

Прекрасенъ этотъ Купидонъ!
И глазки у него и крылья голубыя,
А кудри, какъ у васъ, такія

---

* ...ній Директоръ здѣшнихъ Театровъ.

На васъ походитъ право онъ,
Особенно тогда, когда вы улыбнетесь. —
Какъ жаль, что съ нами вы надолго разстаетесь!

XI.

КНЯГИНѢ Е. С. Х.

Клянусь Вамъ въ Свѣтлое Христово Воскресенье,
Что вашъ Нелединскій — Поэтъ
Не правъ, ей Богу нѣтъ!
Возможно ль: то, что̀ насъ приводитъ *въ удивленье*
И въ восхищенье,
О томъ ужъ намъ и не *судить?* *
Лишь дамамъ могутъ такъ Поэты говорить.
Хотя и я поэтъ, хоть дамамъ *удивляюсь*
И ими *восхищаюсь;* **
Однако же я ихъ сужу
И всѣ достоинства ихъ ясно дока̀жу.
Вы, напримѣръ, Княгиня . . .
Богиня!
А почему? —
Да по всему:
По благородству, по уму;

* За день предъ симъ, когда получилъ я отъ Княгини ея альбомъ, услышалъ я отъ нея изрѣченіе незабвеннаго Ю. А. Нелединскаго-Мелецкаго: on ne juge pas ce qu'on admire.

** Не многими: иныхъ, какъ язвы, удаляюсь.

Богиня красотою,
Богиня добротою,
Любезностью — у васъ богини точно правъ.
Вы насъ приводите не только въ удивленье
И восхищенье,
Но и въ невольное притомъ благоговѣнье.
Не правъ, поистинѣ, не правъ
Нелединскій, угодникъ дамамъ льстивый:
On vous admire, mais on vous juge,
Тожъ скажетъ и герой супругъ вашъ, или мужъ;
А всѣ — вы знаете — герои справедливы. *

XII.

А. М. Л.

По случаю отъѣзда ея изъ Архангельска.

О горе! горе! горе!
Ударъ Бухарину! Измайлову ударъ!
Изъ *Соломболо* ** вскорѣ

---

* По сему случаю покойный Ю. А. Нелединскій-Мелецкій написалъ къ Княгинѣ прозою, которая несравненно лучше моихъ стиховъ. Выписываю въ подлинникѣ, чтобы не обезобразить переводомъ. „*On ne juge pas ce que l'on admire.* Je l'ai dit et je crois avoir bien dit. Pour juger, il faut être froid, et l'est on, lorsqu'on admire? Juger, c'est entrer dans les détails, tandis que l'admiration n'a pas le tems de les examiner: elle est toute captivée par l'ensemble de son objet. Au reste, comme cette discussion se fait à votre sujet, c'est aussi à vous de choisir ce que vous aimez mieux: d'être jugée ou bien admirée. Quant à moi, si j'etais une jolie femme, je voudrais n'etre jugée que par mon vieux confesseur."

** Предмѣстіе Архангельска, гдѣ купеческая и военная гавань.

Вы ѣдете на *Баръ*
Черезъ *сухое море* [1]...
А тамъ.... а тамъ....
О вы, краса и честь архангельскихъ всѣхъ дамъ,
Вы сядете на *Кульмъ* [2] и въ Океанъ пространный,
Изъ Океана въ Зундъ извѣстнѣйшій проливъ,
Изъ Зунда въ Балтику, изъ Балтики въ заливъ
Финляндіи... потомъ.... потомъ въ Кронштадтъ
желанный. —
Счастливаго пути!
Дай Богъ доѣхать вамъ туда благополучно.
А намъ безъ васъ какъ будетъ скучно!
Нѣтъ, дамы намъ такой, какъ вы, здѣсь не найти
И некому ужъ дѣлать куры.
Наказываетъ Богъ насъ, видно, за грѣхи!
Кому прикажете читать теперь стихи?
Любительницъ литературы
Россійской здѣсь изъ Нѣмокъ [3] нѣтъ;
Изъ Русскихъ также нѣту. [4]
Притомъ же по секрету
Скажу я вамъ:
Здѣсь много женщинъ — мало дамъ.
Какъ грустно будетъ намъ

---

[1] Такъ называется мелкое мѣсто.

[2] Названіе корабля.

[3] Нѣмцами называютъ въ Архангельскѣ и Англичанъ и Голландцовъ и Швейцаръ. Замѣчу мимоходомъ, что о занятіяхъ моихъ въ Словесности тамошніе Нѣмцы знали прежде многихъ Русскихъ.

[4] Виноватъ — есть и не одна, какъ узналъ послѣ.

Въ такомъ отъ васъ ужасномъ отдаленьи!
Въ Палатѣ *я*, Бухаринъ же въ Правленьи
Объ васъ все будемъ вспоминать,
Объ васъ все будемъ мы мечтать,
Сойдемся въ Комитетѣ,
Который по грѣхамъ бываетъ часто пустъ
И гдѣ предметъ важнѣйшій *хрустъ*. *
Тутъ спросимъ мы другъ друга объ Анетѣ:
Здорова-ль-то она?
Не дай Богъ, чтобъ была больна.
Не видя на небѣ отъ облаковъ лазури,
Со вздохомъ скажемъ: *нѣтъ ли бури?*
И мужа вашего тутъ побранимъ вдвоемъ,
Что не отправилъ васъ отсель сухимъ путемъ,
Иль по-Архангельски: *горою*,
А взялъ на Океанъ съ собою. —
Велите сей листокъ въ альбомчикъ вашъ вклеить,
Чтобы не вовсе насъ забыть,
Насъ, бѣдныхъ, заключенныхъ,
Отъѣздомъ вашимъ огорченныхъ.

XIII.

В. И. П.....

О ты, котораго труды мнѣ такъ полезны,
Съ тѣхъ поръ, какъ издаю журналъ,
П....., мой сочленъ, товарищъ, другъ любезный,

---

* *Хрустъ* — песокъ.

Ты хочешь, чтобы я въ альбомъ твой написалъ.
Изволь — но только лишь стихами,
И вольными притомъ: я очень ихъ люблю;
Гексаметровъ же не терплю —
Однако это между нами.
Что̀ жъ написать тебѣ въ альбомъ?
Вотъ, право, я и самъ не знаю,
А слишкомъ двадцать лѣтъ ужъ вирши сочиняю!
Бѣда и стыдъ съ моимъ нетворческимъ умомъ!
Я въ вымыслахъ совсѣмъ удачи не имѣю,
Творецъ *Двухъ Опытовъ* о мнѣ такъ говоритъ,
А вмѣстѣ съ нимъ мой фаворитъ Піитъ,
Котораго назвать по имени не смѣю.
И такъ онъ на меня сердитъ
За то, что я ему безсмертіе доставилъ.
Богъ съ нимъ! ужъ я его оставилъ.
Хотѣлъ бы похвалить тебя отъ всей души;
Но мнѣ хвалить въ стихахъ ни разу не случалось.
Идилліи твои, повѣрь, не хороши. . . .
А сколько у тебя осталось?
Три, помнится, пришли ихъ мнѣ въ журналъ,
Пришли, *любезнѣйшій!* ты самъ вѣдь обѣщалъ.
Кто жъ слову измѣнитъ, тому да будетъ стыдно!
Ты честный человѣкъ, и по стихамъ то̀ видно.
Пиши и не скрывай таланта своего;
Пиши, пока писать есть время,
Пока не тяготитъ заботъ житейскихъ бремя.
Увы! пора есть для всего!
И заниматься здѣсь нельзя всегда стихами.
Бесѣдуй же теперь почаще съ пастухами,

Съ пастушками; укрась своими пхъ цвѣтами;
Не позабудь и Фавновъ и Дріадъ,
Особенно Наядъ;
А я имъ всѣмъ какъ буду радъ!
Люблю Поэзію, люблю Литтературу;
Но, ахъ! отсталъ теперь отъ прозы и стиховъ:
Цвѣтникъ мой изъ чужихъ цвѣтовъ:
Судьба велитъ держать мнѣ только корректуру.

═

XIV.

К. П. Х.

—

Хотя писатель я для дамъ,
Хоть много я писалъ въ альбомы,
Не знаю написать что̀ Вамъ:
Вѣдь мы другъ съ другомъ незнакомы.
О чемъ бы мнѣ въ стихахъ сказать
Разумной скромницѣ дѣвицѣ,
Первѣйшей въ Тулѣ мастерицѣ
Различнымъ бисеромъ низать?
Не только въ осень, и въ морозы
Подъ Вашей хитрою рукой
Родятся васильки и розы,
Тюльпанъ, и астра, и левкой;
Отъ жара, времени не вянутъ.
Потомки имъ дивиться станутъ.

Волшебная у Васъ игла!
Хвала искустницѣ, хвала!
Зачѣмъ, какъ Вы иглой своею,
Зачѣмъ я кистью не владѣю?
Я братца Вашего портретъ
Нарисовалъ бы Вамъ въ альбомчикъ. —
. . . .
Не живописецъ я — поэтъ.
А впрочемъ вѣдь и мы, поэты,
Рисуемъ иногда портреты
Безъ красокъ, съ помощію словъ
Созвучныхъ, именно — стиховъ.
Б . . . . . П . . . . . . добрый малой,
Какъ красна дѣвица смиренъ;
Нѣтъ вѣтренности въ немъ удалой;
Онъ вѣжливъ, скроменъ, хоть уменъ;
Не зараженъ онъ атеизмомъ.
Ни пагубнымъ либерализмомъ;
Царей не судитъ и святыхъ,
Но почитаетъ много ихъ;
Онъ сердцемъ добръ и даже нѣженъ,
А къ должности весьма прилѣженъ:
Надъ счетами весь день сидитъ
И четверти не проглядитъ.
Пойдетъ по службѣ онъ далеко,
Но не подниметъ носъ высоко:
Б . . . . . П . . . . . . не таковъ —
Изъ добрыхъ, умныхъ моряковъ.
Въ одномъ его лишь обвиняютъ,
Что нравомъ онъ хотя и тихъ,
Но будто споритъ очень лихъ.

Смолою даже называютъ.
Добро бы это отъ чужихъ,
А то вѣдь отъ кузинъ своихъ.
За что жъ зовутъ его *смолою?* —
За правду онъ стоитъ горою;
Гдѣ должно, смѣло говорить,
Для угожденья не молчить.
Хвала тебѣ, о мужъ нельстивый!
Ты не лукавишь, какъ Пилатъ!
Нѣтъ, право, молодецъ Вашъ братъ.
Борисъ Хр . . . . . . правдолюбивый.

═

СМѢСЬ.

I.

СМЕРТЬ.

(Изъ Малыгерба.)

О смерть! кто, кто тебя свирѣпѣй можетъ быть?
Моленьямъ нашимъ не внимаешь,
Перстами слухъ себѣ отъ насъ ты заграждаешь
И заставляешь слезы лить!

Убогій, въ хижинѣ, соломой покровенной,
Дань тяжкую тебѣ со вздохомъ отдаетъ,
И на престолѣ Царь, стражами окруженной,
Отъ твоея косы какъ сельный злакъ падетъ.

II.

НА РОЖДЕНIЕ МЛАДЕНЦА.

(Съ Арабскаго.)

Родяся, плакалъ ты, малютка, въ колыбели.
Съ улыбкой радостной мы на тебя смотрѣли.
Дай Богъ, чтобы ты жизнь съ улыбкой прекратилъ
И слезы на своей могилѣ заслужилъ.

III.

УЧЕНIЕ СОКРАТА.

(Изъ Демутье.)

Чтò Философія? — Наука быть счастливымъ,
Вести всегда войну противъ страстей своихъ,
Жить въ мирѣ со страстьми другихъ,
Быть добрымъ, то есть *справедливымъ*.
Безъ справедливости добра прямаго нѣтъ:
Кто справедливость нарушаетъ,
Тотъ подлъ, или жестокъ бываетъ.
Несправедливость есть источникъ золъ и бѣдъ.

Всѣ состоянія и должности почтенны:
Когда полезны мы, то нѣтъ для насъ стыда;
Одни лишь праздные, безпечные презрѣнны.
Нѣтъ удовольствій безъ труда.
Дары Фортуны намъ опасны;
Забавы роскоши, а не труды ужасны.
Трудитесь, бѣдные, чтобы безъ нужды жить;
А вы, богатые, чтобъ жизнь переносить.
Смерть добродѣтельныхъ завидна;
Порочныхъ жизнь всегда постыдна.
Постыдно въ рабствѣ жить. Противиться кто слабъ
Желаньямъ суетнымъ и тщетнымъ,
Тотъ вольность потерялъ, тотъ самый жалкій рабъ.
Но близокъ, близокъ тотъ къ безсмертнымъ,
Кто самого себя умѣетъ побѣдить
И можетъ въ бѣдности собой довольнымъ быть.
Отъ честолюбія, любови убѣгайте;
Любите добрыя дѣла одни:
Да въ нихъ проходятъ ваши дни,
Въ нихъ честолюбіе свое все полагайте.
Они для мудраго пріятнѣе всего.
Скрывать ихъ — слава для него.
Ученья нечего стыдиться;
Я старѣе гораздо васъ,
Но я желалъ бы всякій часъ
И въ старости моей полезному учиться.
Что̀ знаю, сообщаю вамъ;
А вы что̀ знаете, мнѣ также сообщите;
Я васъ учу — и вы меня учите,
Взаимно наставлять другъ друга должно намъ.

═

IV.

НА БОЛѢЗНЬ С. Д. П.

София не можетъ!
София больна!
София въ постелѣ
Четвертый ужъ день!
Всѣ Грацiи плачутъ,
Амуры въ слезахъ,
И Игры и Смѣхи
Изчезли какъ сонъ!
И Гекторъ съ Мальвиной
Уныло визжатъ.

О боги, богини!
Взгляните съ небесъ,
Какъ въ спальнѣ София
Смирненько лежитъ.
Не видно румянца
На впалыхъ щекахъ;
Не видно улыбки
На алыхъ устахъ;
Лишь временемъ вздохи
Изъ груди летятъ:
У милой Софiи
Смертельно болятъ
И щечки и зубы!
Она простудилась:

Въ ней жаръ и ознобъ,
Совсѣмъ сна лишилась,
Пропалъ аппетитъ.

О боги! пошлите,
Пошлите скорѣй
Къ Софіи Гигею
Съ цѣлебнымъ питьемъ,
Да въ мигъ исцѣлится,
Да встанетъ съ одра!
И къ намъ возвратится
Веселье опять.
И Игры и Смѣхи
Опять прилетятъ!
И Граціи, Музы
Ее посѣтятъ.
Софія ужъ будетъ
Здоровье беречь
И слушаться станетъ
Родныхъ и друзей,
Которые ей
Добра всѣ желаютъ,
Ее уважаютъ
И любятъ душей.

V.

Къ N. N. съ книжкою: ТАССОВЫ МЕЧТАНІЯ.

—

Вотъ вамъ обѣщанный мной Тассъ!
Его таланта не имѣю.
Но такъ же пламенно, какъ онъ, любить умѣю.
Люблю... люблю... кого?—Не Леонору—Васъ.

═

Къ N. N.

—

Завидую посланью моему:
Его ты къ сердцу своему
Подъ тоненькій батистъ съ улыбкой положила.
Ахъ! если бы волшебна сила
Меня въ бумагу превратила
И сердца твоего коснуться бы я могъ!
Амуръ! Амуръ, всесильный богъ!
Властитель надъ сердцами,
Дай къ сердцу.... дай прикоснуться мнѣ,
Но на яву, а не во снѣ
И не бездушными руки моей чертами,
А пламенными и безмолвными устами.

═

VI.

МОЛИТВА О ВЫЗДОРОВЛЕНІИ СЕЛЕСТЫ.

—

Селесту, боги исцѣлите
И возвратите вы ей здравіе скорѣй;
Коль нужно, жизнь мою возьмите:
Охотно жизнію пожертвую моей,
Охотно я приму смерть люту,
Лишь толькобъ могъ въ послѣднюю минуту
Я на нее взглянуть
И ей *люблю* шепнуть.

═

VII.

ЖЕНѢ МОЕЙ,

по случаю подаренной ею мнѣ табакерки съ ея портретомъ.

—

Что это? — Твой портретъ!
Какъ схожъ!... твои глаза, твой носъ, твои
ланиты,
Румянцемъ розовымъ покрыты....
Живая будто здѣсь... но нѣтъ,
Ты лучше, нежели портретъ.

Мале * самъ въ этомъ согласится.
Не вѣришь? Въ зеркало взгляни же на себя.

Благодарю, мой другъ, тебя
За даръ безцѣнный твой. Онъ мною сохранится,
Доколѣ жизнь моя продлится.
Теперь не разлучусь я ни на часъ съ тобой
И буду брать тебя съ собой
И въ Департаментъ нашъ, и въ Общества учены,
И въ типографію, куда не ходятъ жены,
И въ лавки книжныя, въ Цензурный Комитетъ,
И къ бѣднымъ въ хижины, гдѣ даже печекъ нѣтъ,
Вездѣ, вездѣ со мной ты будешь неразлучно.
Когда же безъ тебя мнѣ сдѣлается скучно —
На табакерку я взгляну —
И милую мою жену
Сквозь стеклышко разъ пять, иль десять поцѣлую
И прогоню тѣмъ скуку злую.

═

VIII.

ЗАВѢЩАНІЕ ДРУЗЬЯМЪ.

—

Друзья! когда умру — всѣ, всѣ ко мнѣ придите
И на кладбище проводите;
А тамъ, ужъ какъ хотите,
Гробъ до могилы донесите,

* Имя художника, писавшаго портретъ.

(То, правда, будетъ тяжело,
Но, слава Богу! васъ довольное число)
И бросивъ на меня по горсточкѣ землицы,
Скажите: «дружбою онъ очень счастливъ былъ
И всей душой друзей любилъ.» —
А вы, о дамы и дѣвицы,
Которымъ столько я въ альбомы написалъ,
Которымъ я не льстилъ, хотя и угождалъ!
Землею ручекъ не марайте,
Но киньте, каждая, въ могилу мнѣ цвѣтокъ;
А если жаль меня — букетъ, или вѣнокъ,
И лихомъ мертваго меня не поминайте.

═

IX.

ЛЮБИТЕЛЬНИЦѢ КОШЕКЪ.

(Съ гравированнымъ изображеніемъ кота.)

—

Вотъ самый смирный котъ!
Прошу принять его: отъ васъ онъ не уйдетъ
И вамъ нисколько не наскучитъ;
Онъ не царапаетъ и даже не мяучитъ.
Кормить не надобно: не ѣстъ да и не пьетъ.
На стулъ, или подъ стулъ его вы положите,
И будетъ онъ лежать — не тронетъ ничего;
Лишь дальше отъ мышей держите —
А то онѣ съѣдятъ его.

═

X.

МОЯ МОЛИТВА.

—

Спаси, о Господи! меня, жену, дѣтей,
Сестру мою, родныхъ и искренныхъ друзей!
Для пользы и для славы
Пошли мнѣ болѣе враговъ,
Да съ честію пройду путь правый!
Дай средства жить мнѣ безъ долговъ;
Въ трудахъ, въ бѣдахъ пошли терпѣнье:
Пошли, пошли скорѣй большое мнѣ имѣнье:
Охотно съ бѣдными избыткомъ подѣлюсь.
А ежели я возгоржусь,
И совѣсть, ангела-хранителя, забуду:
То накажи меня какъ Каина, Іуду;
Пусть съ лицемѣрами въ гееннѣ вѣчно буду.

XI.

КЪ ЧИТАТЕЛЬНИЦАМЪ и ЧИТАТЕЛЯМЪ БЛАГОНАМѢРЕННАГО.

—

Читали ль первую статью
Въ *Благонамѣренномъ* о нашихъ *меньшихъ братьяхъ?*
О тѣхъ, которые здѣсь ходятъ въ ветхихъ платьяхъ,

Постятся въ мясоѣдъ, и трапезу свою
Слезами часто растворяютъ.
Какъ бѣдные они страдаютъ!
Читали ль Филарета рѣчь,
Рѣчь превосходную, которую и Гречъ,
Собрать мой, помѣстилъ сначала
Еженедѣльнаго на этотъ годъ журнала.
Прочтите жъ на *Страстной* статьи сіи хоть разъ,
Но только со вниманьемъ,
И если упадетъ слеза изъ вашихъ глазъ,
И къ *меньшимъ братьямъ* сострада-
даньемъ
Исполнится невтунѣ грудь,
То не оставьте ихъ посильнымъ подаяньемъ;
Пришлите къ празднику для нихъ хоть что-
нибудь.
Ей-Богу не во что иныимъ изъ нихъ одѣться
И даже нечѣмъ разговѣться.
Ахъ! правду говоритъ нашъ пастырь Филаретъ,
Что *нищеты изъ всѣхъ скорбей тяжеле нѣтъ.*
И Философія сама тутъ не поможетъ,
Какъ нечего надѣть и ѣсть!
Иному корки хлѣба въ честь,
Да иногда и тѣхъ день цѣлый не погложетъ.
А каково еще больнымъ быть въ нищетѣ
Безъ всякаго призрѣнья!
Увѣчнымъ, иль лишеннымъ зрѣнья!
Ужаснѣй нищета еще при слѣпотѣ!
Но сколь достойны сожалѣнья
Семействъ несчастные отцы!
Терзаютъ ихъ сердца голодные птенцы.

Пришлите жъ что̀ нибудь друзьямъ моимъ сер-
дечнымъ:
Больнымъ, слѣпымъ, увѣчнымъ,
Малюткамъ-сиротамъ, вдовамъ.
Что̀ получу, все имъ немедленно раздамъ —
Къ инымъ же отнесу и самъ.

Писатель для мужчинъ и дамъ.

═

XII.

КУДРЯВОМУ АМУРУ.

—

Ты служишь тётенькѣ утѣхой и забавой
И прозвала она тебя: *Амуръ кудрявой.*
Амуръ хорошъ какъ ты, но онъ такой лукавой!
Пройдетъ лѣтъ нѣсколько — и изъ твоихъ кудрей
Надѣлаетъ сѣтей,
Чтобы ловить сердца, и много ихъ поймаетъ.
О, онъ большой хитрецъ,
Преопытный ловецъ,
Искуснѣйшій стрѣлецъ,
Прицѣлится въ кого и тотчасъ попадаетъ.
Но что жъ ты сдѣлаешь изъ этихъ всѣхъ сердецъ?
Ты ими поиграешь,
Да всѣ и растерзаешь.
Ахъ! исцѣли хотя одно,
Не будь безчеловѣчный,

И тотъ, кому принадлежитъ оно,
Тотъ будетъ другъ и рабъ твой вѣчный.
При выборѣ не торопись
И сердце выбери себѣ ты понѣжнѣе,
А съ нимъ головку поумнѣе.
Коль станешь выбирать, у тётеньки спросись;
Сравняйся съ нею ты не только красотою,
Но и любезностью, умомъ и добротою.

═

XIII.

ДОЧЕРИ МОЕЙ, НАТАШѢ.

(Въ день ея имянинъ, съ книжкою: *Fleurs poétiques*).

—

Наташа! вотъ тебѣ цвѣточки:
Лилеи, розы, василёчки,
Подснѣжники и ноготочки,
Нарциссы, маргаритки, макъ,
Фіялки, астры, *лавророзы*, *
(Пускай по-Русски будетъ такъ),
Подсолнечники, скабіозы,
Серены; также fleur d'orange. —
Не пахнутъ только лишь, mon ange!

---

* Laurier-rose.

За то совсѣмъ онѣ не вянутъ
И вѣкъ цвѣсти не перестанутъ,
Отнюдь не требуютъ воды;
А если ихъ польешь — бѣда!

Подобна ты, мой другъ, лилеѣ —
Но та поменьше, побѣлѣе:
А впрочемъ вѣдь и ты бѣла,
Пріятна взору и мила —
Какъ будто розовая почка.
Послушай, миленькая дочка!
Будь, какъ фіялочка скромна;
Не будь какъ астра, горделива
И, какъ нарциссъ, самолюбива,
Или, какъ ногатокъ,* грустна.
Цвѣти, цвѣти и распускайся,
Весною жизни наслаждайся.....
Однако же не забывайся.

XIV.

КАВАЛЕРИСТАМЪ и АРТИЛЛЕРИСТАМЪ

1-й Уланской Дивизіи.

О, храбрые кавалеристы,
Уланы, хваты-молодцы!
И умницы артиллеристы,
Всѣмъ офицерамъ образцы.

---

* Le souci.

Простите! Къ Вязьмѣ вы стремитесь!
Счастливый путь, герои, вамъ.
Предъ Государемъ отличитесь
И съ похвалой прибудьте къ намъ.

Скучаютъ дамы и дѣвицы:
Безъ васъ имъ не пріятна Тверь;
Весной — не осенью какъ птицы —
Всѣ улетятъ отъ насъ теперь.

Простите, воины, простите!
Не поминайте лихомъ насъ.
Но князя, князя, берегите:
Не то мы въ Тверь не пустимъ васъ.

═

XV.

НАДПИСЬ ВЪ КОМНАТѢ И. С. П.

—

Превесело въ Кою
Хозяева даютъ веселыя пирушки —
Но въ этой келейкѣ я былъ какъ бы въ раю

---

* Въ этой комнатѣ у почтенной и богатой хозяйки стоитъ старинная и скромная мебель, въ томъ же самомъ видѣ и порядкѣ, какъ было еще при покойномъ супругѣ, въ молодыхъ ихъ лѣтахъ.

У доброй маменьки старушки.
Что̀ чувствовалъ я здѣсь, не лгу
И въ прозѣ изъяснить, по чести, не могу.
Да низпошлетъ Господь Свое благословенье
На домъ почтеный сей,
На мать добрѣйшую — услышитъ Богъ моленье
И на почтительныхъ примѣрныхъ сыновей.

XVI.

ЖЕНѢ МОЕЙ КАТЕНЬКѢ,

въ день ея рожденія.

1.

Повѣрятъ ли, что сорокъ лѣтъ
Сегодня минуло тебѣ? — Ей-Богу нѣтъ!
Не лгу, хоть я подъячій и поэтъ!
Клянусь богинями, не только-что богами,
Что съ дочками тебя считаютъ всѣ сестрами.
Хоть сорокъ лѣтъ, а какъ румяна и бѣла! Мила,
Когдабъ потоньше ты была....
О Господи! услышь, услышь мое моленье!
Услышь меня, мою жену,
Возьми отъ насъ ты толщину,
А намъ пошли хорошее имѣнье.

Готовы съ нею мы поститься и говѣть,
Лишь только бы долговъ намъ не имѣть.
Пусть будемъ мы потоньше,
Да денегъ было бъ больше....
Хоть столько бы рублей, Евреевъ сколько въ Польшѣ.
Ужъ то-то стали бы мы жить, да поживать!
Чего же бы еще супругѣ пожелать?
Дай Богъ, чтобъ съ нынѣшняго дня рожденья
Не знала ты, мой другъ, ни бѣдъ, ни огорченья;
Чтобъ ты всегда была
Здорова, весела....
Вицъ-губернаторшей скорѣе быть желаю:
Я буду взятки брать,
А ты учись въ бостонъ играть.
Ну поцѣлуй меня послаще. — Поздравляю!
Дай Богъ съ тобою намъ добра!
Я — ра!

10 Сент. 1844.

2.

Вотъ, ангелъ мой, тебѣ
Хранитель-Ангелъ и съ нимъ *Сергій Чудотворецъ*,
Который жизнь провелъ въ трудахъ, въ постѣ, въ мольбѣ.
Въ обители его былъ мужъ твой, стихотворецъ.
И Павелъ *недоросль поскребышъ* тамъ же былъ.
У раки, иль у гроба
Угодника молились оба.

Насъ старецъ *гробовой* на путь благословилъ;
Игуменъ образокъ мнѣ этотъ подарилъ
И *Ангелъ* насъ *Хранитель* сохранилъ
Въ Архангельскѣ, Шенкурскѣ и Мезени,
Гдѣ * люди хуже, чѣмъ — олени.
Иной, ей-Богу, людоѣдъ,
Страшнѣе дикихъ Самоѣдъ.
Вотъ даръ тебѣ въ день твоего рожденья:
Ни жалованья здѣсь, ни взятокъ не беру;
Чѣмъ подарить другимъ? — Зато, когда умру,
Не попаду къ бѣсамъ въ подземныя селенья:
Не дѣлалъ никому по службѣ притѣсненья,
А защищалъ крестьянъ, сколь могъ, отъ разоренья.
За *правду* хоть теперь терплю,
А все ее такъ, какъ тебя, люблю.
Амвросій ** запретилъ мнѣ ревновать *лукавымъ*
И беззаконникамъ. — *Изсохнутъ, какъ трава*,
Прощаясь, мнѣ сказалъ. — Ахъ! что̀ за голова!
Быть лучше бѣднымъ, лишь бы *правымъ*.
Архіерея я ослушаться не могъ.
За правду же заплатитъ Богъ.

30 *Сент.* 1829.

---

* Не всѣ: безъ праведника ни одинъ градъ не можетъ стоять.

** Покойный Архіепископъ Тверскій и Кашинскій.

3.

Чѣмъ подарить тебя въ день твоего рожденья,
О добрая моя и милая жена,
Которая со мной страдать осуждена
И въ утѣшенье мнѣ дана отъ Провидѣнья!
Вещицей? — Ни вещей, увы! ни денегъ нѣтъ!
Стишками? — я ужъ не поэтъ.
Плохой теперь я сочинитель:
Не только для стиховъ, для прозы не гожусь,
И безсловеснымъ сталъ Словесности учитель.
Такъ лучше о тебѣ я Богу помолюсь.
Богъ насъ не оставлялъ и вѣрно не оставитъ.
Довольно показалъ надъ нами Онъ чудесъ.
Хоть ногу мнѣ подставилъ бѣсъ,
Хоть я и упаду, но Богъ меня возставитъ.
Какъ христіанка, ты на Бога уповай,
Въ бѣдахъ со мной не унывай,
Своими ласками и чтеньемъ утѣшай,
Пока мои еще не укрѣпились глазки:
Лѣкарства всякаго твои нужнѣй мнѣ ласки.

30 *Сент.* 1830 г.

XVII.

ИЗЪ ПИСЬМА КЪ ИЗДАТЕЛЮ

Журнала Сынъ Отечества.

«Приходитъ праздникъ годовой.
Кто празднику не радъ?» сказалъ наставникъ мой,

Хемницеръ простодушный.
Конечно, у кого есть хлѣбъ насущный,
Тѣ праздника съ весельемъ ждутъ,
И можетъ быть себѣ еще обновы шьютъ;
Кому же не во что теперь зимой одѣться
И даже не чѣмъ разговѣться —
Особенно съ дѣтьми — тѣ только слезы льютъ.
Я знаю два бѣднѣйшія семейства и т. д.

—

Любезный, *милый* Журналистъ!
Скорѣй тисненію предай мое посланье:
Отъ Феба за сіе получишь воздаянье —
Иль я не Фабулистъ.

==

XVIII.
НА ПРІѢЗДЪ Я. И. Г.

—

Радость наша
Докторъ Яша
Возвратился
Изъ вояжа;
Не женился
На чужбинѣ.
Ахъ, голубчикъ!
Ахъ, касатикъ!
Ахъ, лебедикъ!
Соколъ ясный!
Врачъ прекрасный!

Съ другомъ вѣрнымъ
Обнимися;
Къ сердцу, къ сердцу
Мнѣ прижмися.
Позабудемъ
Нашу ссору; *
Не сердися,
Улыбнися.
  Что привезъ ли
Намъ гостинцу
Изъ дороги? —
Есть.... о боги!
О другъ милой!
Другъ сердечной!
Намъ не дорогъ
Твой подарокъ;
Дорога намъ
Дружба друга.
  Какъ мы ради,
Что прiѣхалъ
Другъ нашъ добрый!
Не боимся
Лихорадокъ,
Ни горячекъ,
Ни хирагры,
Ни подагры,
Ни гангрены:
Докторъ Яша

* За стихи. — *Милые бранятся, лишь тѣшатся.*

За рецептикъ —
Всѣ болѣзни
Въ ретираду.
Заживемъ же
Снова дружно:
По субботамъ,
Также въ среду,
Будемъ вмѣстѣ;
Станемъ спорить,
Но безъ сердца,
Безъ сарказмовъ. —
Оставайся
Здѣсь въ столицѣ
И женися
На дѣвицѣ
На прекрасной,
На пѣвицѣ
Голосистой,
На танцоркѣ
Стройной, ловкой,
На комъ хочешь,
Не женись лишь,
Другъ сердечной,
На ученой,
На педанткѣ,
На злодѣйкѣ
Стихотворкѣ.

═

XIX.

А. Я. Н.

(Въ день ея рожденія, съ книжкою: Le jardin des fleurs.)

—

Въ день вашего рожденья
Примите отъ меня растенья:
Неувядаемыхъ цвѣтовъ большой букетъ.
Хоть съ виду хороши, но запаха въ нихъ нѣтъ! —
А вашъ вѣрнѣйшій другъ Поэтъ
Отъ сердца молитъ всѣхъ боговъ, богинь стихами,
Чтобъ жизни вашей путь усыпанъ былъ цвѣтами
И чтобы вы опять скорѣе были съ нами.

XX.

ЗАВѢЩАНІЕ НАПОЛЕОНА БОНАПАРТЕ.

—

1.

Предчувствуя мою кончину,
Законнымъ королямъ я уступаю тронъ,
Чтобы изъ милости производили сыну
Хотя сиротскій пенсіонъ.

2.

Женамъ моимъ давать не нужно содержанье:
У первой деньги есть;
Послѣднюю жъ на пропитанье
Возьметъ къ себѣ мой тесть.

3.

Отъ братьевъ не видалъ я никакой заслуги;
Пускай живутъ ихъ чѣмъ хотятъ,
Пускай изъ королей пойдутъ теперь хоть въ
слуги;
Сестеръ же въ госпиталь подъ старость по-
мѣстятъ.

4.

Остатки гвардіи и войска распускаю
И благодарность имъ мою
За службу, раны ихъ и голодъ объявляю,
Но жалованья не даю.
Гдѣ взять его, когда я сдѣлался банкрутомъ?
Послѣдняя война была безъ барыша.
(Обманутъ жестоко я Коленкуромъ плутомъ!)
Вся собственность моя теперь: *одна душа*,
Одинъ мой только Геній!
Отказываю я ихъ Князю Сатанѣ,
Который сочинялъ со мною бюллетени
И помогалъ во многомъ мнѣ.

5.

Предъ смертію своей прошу у всѣхъ прощенья;
Не требую себѣ богатыхъ похоронъ;
И даже обойтись могу безъ погребенья.
Прощайте! помните, что былъ Наполеонъ.

1814.

═

XXI.

ИНСТРУКЦІЯ

Зятю моему и женѣ его, а моей дочери.

—

Опора нѣжная дебелаго слѣпца,
Ты оставляешь мать и хвораго отца,
И только что теперь изъ-подъ вѣнца!
Прими же ты мое сердечно поздравленье,
Благословенье;
Приданаго не дамъ тебѣ — причина: *нѣтъ!*
Не крючкотворецъ я, поэтъ —
А дамъ пожалуй. . . . наставленье,
Инструкцію въ стихахъ:
Да врѣжутся мои слова у васъ въ сердцахъ.

1.

Коль счастливыми быть хотите,
Другъ друга искренно любите.
Любовь прямая не въ словахъ,
Не въ самомъ наслажденьи,
Но во взаимномъ угожденьи.
Во всѣхъ поступкахъ и дѣлахъ.
Ничто безъ рвенія и дисциплины служба —
Ничто сама любовь, *коль мать* ея не дружба.
Любовь одна — огонь, или горячки жаръ;
Въ горячкѣ бѣшенство, а отъ огня пожаръ.
Огнемъ свѣтить, согрѣть, жечь и обжечься можно;
Такъ надо поступать съ нимъ очень осторожно.
Не опромѣтчиво, съ разсудкомъ и съ умомъ,
Не то сожжешь себя и, можетъ быть, весь домъ.

2.

Хозяйка и жена должна быть терпѣлива,
Кротка, неприхотлива
И мужнинъ соблюдать покой.
. . . .
Не нравятся мнѣ женщины буянки:
Онѣ совсѣмъ не христіанки.
А мужъ, коль слишкомъ слабъ,
Коль безхарактеренъ и дастъ жену въ обиду,
То право хуже бабъ,
Пріятельницъ хромому инвалиду.

3.

Мужъ есть глава женѣ.
Она должна ему *повиноваться* [1]
И мужа своего бояться. [2]
Повѣрь не мнѣ,
Повѣрь ученику Христову,
Повѣрь Посланію Петрову [3]
И Павла. Слушай ихъ, а не безбожныхъ дамъ:
Для Сарры господинъ всегда былъ Авраамъ [4]
Зато и намъ, мужьямъ,
Такую велѣно имѣть любовь къ женамъ,
Какъ возлюбилъ Христосъ Свой Храмъ. [5]
Любить ужъ болѣ не возможно.
Не умничать, а вѣрить должно.

4.

О Богѣ думайте день каждый и всякъ часъ,
И бѣсъ ревнивости да не вселится въ васъ.
Когда жена и мужъ другъ друга уважають,

---

[1] Жены своимъ мужемъ повинуйтеся, яко же Господу: зане мужъ глава жены есть, яко же Христосъ глава Церкви. Еф. V. 22, 23 и 24.

[2] А жена да боится своего мужа. Тамъ же 33.

[3] Соборное посланіе Св. Апостола Петра. III. 1.

[4] Яко же Сарра послушаше Авраама, господина того вовущи.

[5] Мужіе любите своя жены, яко же и Христосъ возлюби Церковь и себе предаде за ню. Еф. V. 25.

То подозрѣніемъ пустымъ не обижають.
Кто чести долгъ во всемъ умѣетъ сохранить,
Кто твердъ въ религіи — не можетъ измѣнить.

5.

Хорошее перенимайте,
Съ хорошими людьми бывайте
И убѣгайте
Не только отъ людей лукавыхъ, хитрыхъ, злыхъ,
Но даже и пустыхъ.
Богъ съ ними!
Бѣда, ей-ей съ людьми пустыми.
Коль скучно будетъ вамъ, то лучше почитайте,
На фортепіано поиграйте.
Ну, поцѣлуйтеся жъ — меня облобызайте.

12 Мая 1830 г.

XXII.

КНЯГИНѢ Е. С. Х.

Родная мать моя мнѣ только жизнь дала
И съ горя умерла.
Но мнѣ другую мать послало Провидѣнье:
Она сироточку отъ голода спасла. *

* Добрая княгиня наняла для бѣднаго сироты кормилицу.

За христіанское сіе благотворенье
Богъ наградитъ мою вторую мать.
И чувствовать, увы! не все могу я нынѣ.
Когда жъ начну я лепетать,
То стану Богу все молится о Княгинѣ.

Сирота Дмитрій Соболевъ, а за неумѣніемъ его грамотѣ, вмѣсто его писатель для мужчинъ и дамъ Александръ Измайловъ благонамѣренный руку приложилъ.

XXIII.

ПРОШЕНІЕ СТЕРЛЯДЕЙ.

Его Превосходительству
Господину...... Гражданскому Губернатору и Кавалеру.

1.

О другъ людей!
Не презри слезнаго прошенья
Карбанскихъ стерлядей
И удостой ты оное прочтенья,
Къ сему прошенію

2.

Намъ слава въ томъ и честь,
Когда друзья Карбанскаго владѣльца
Изволятъ у него насъ ѣсть:
Онъ ими потчуетъ отъ сердца.
вмѣсто означенныхъ

3.

И потому, когда нельзя Вамъ здѣсь обѣдать,
Нижайше просимъ Васъ
Отсрочить свой отъѣздъ на часъ:
Нельзя ли насъ хотя за завтракомъ отвѣдать
Сегодня поутру?
Межъ тѣмъ Вы въ шахматы сыграете игру.
стерлядей за неумѣніемъ
ихъ грамотѣ имеркъ ру-
ку приложилъ.

НАДПИСИ.

1.

Къ бюсту Екатерины II.

Вторая именемъ, но первая умомъ,
Усовершила все, что̀ начато Петромъ.

2.

Къ эстампу добродѣтельной Римлянки, *которая кормила въ темницѣ грудью своего отца, осужденнаго на голодную смерть.*

Какъ глупы встарину бывали передъ нами!
У насъ и матери дѣтей не кормять сами.

3.

Къ изображенію Ѳемиды.

Одной рукой вѣсы, другою мечь держу.
Давайте — свѣшу я; коль мало — поражу.

4.

Къ статуѣ Венеры.

Богиня красоты!! Ну что за удивленье!
И есть ли между ней съ хозяйкою сравненье?

5.

Къ портрету Е. Д. Т.

Всегда прелестна, весела;
Шутя кладетъ на сердце узы;
Какъ Грація она мила
И образована какъ Музы.

6.

Къ пяльцамъ N. N.

Стоятъ три года эти пяльцы;
Не прикасаются хозяйкины къ нимъ пальцы.

7.

Къ пяльцамъ К. Е. М.

Въ искусствѣ вышивать
Хозяйка здѣшняя соперница съ Минервой.
Но мудрено рѣшить, которую бы первой
Изъ нихъ двухъ должно называть.

8.

Къ кеглямъ.

Когда на шаръ въ игрѣ я обращу свой взоръ,
Всегда мнѣ въ мысль придетъ сердитый ревизоръ:
Шумитъ и катится какъ тотъ — а прикатился —
Глядь, кто-нибудь и повалился.

9.

У густыхъ березъ надъ лавочкою въ саду Е. Н. К.

Пріятно въ полдень ясной, жаркой
Здѣсь книжку умную читать,
А вечеръ съ трубкой, иль сигаркой
О суетѣ мірской мечтать.
Пріятно здѣсь сидѣть съ друзьями
(Не графами и не князьями,)
Еще пріятнѣе двоимъ,
Иль только съ *нею* или съ *нимъ*.

10.

На дверяхъ бывшей моей пріемной.

Всегда и всѣхъ принять готовъ,
Опричь клеветниковъ,
Наушниковъ, льстецовъ и сплетницъ,
Разнощиковъ, разнощицъ
Изъ дома въ домъ пустыхъ вѣстей.
Такихъ гостей
Къ себѣ не принимаю;
Торжественно имъ объявляю,
Что не приму ихъ, не терплю;
А ежели войдутъ — въ дверяхъ ихъ прищемлю.

11.

Къ серебряной чаркѣ.

Хочешь жить подолѣ? —
Пей одну, не болѣ.

НАДГРОБНЫЯ.

1.

Покойницѣ матушкѣ.

Страдала слишкомъ годъ — покоится теперь.
Въ чертоги райскіе отверзта добрымъ дверь.

2.

Доброму нашему родителю.

Здѣсь прахъ покоится честного человѣка
Онъ зла не дѣлалъ и врагамъ;
Служилъ отечеству съ усердіемъ полвѣка,
И имя доброе оставилъ только намъ.

3.

Г. Р. Державину.

Изъ лавровъ и изъ розъ положьте здѣсь вѣнецъ:
Подъ камнемъ симъ сокрытъ любимецъ Музъ и
Грацій,
Фелицы славныя пѣвецъ,
чвинъ, Пиндаръ нашъ, Анакреонъ, Горацій.

4.

В. А. Озерову.

Переломивъ кинжалъ, безсмертна Мельпомена
Надъ урной сей стоитъ въ безмолвіи, въ слезахъ:
Здѣсь скрытъ ея любимца прахъ. —
Эдипъ, Фингалъ, Димитрій, Поликсена
Въ потомствѣ позднемъ будутъ жить.
Но ихъ чувствительный творецъ, увы! жилъ мало:
Ехидна зависти въ него вонзила жало
И ядомъ дни его успѣла сократить.

5.

П. А. Никольскому.

Отличныя имѣлъ Никольскій дарованья,
Умъ зрѣлый въ цвѣтѣ лѣтъ,
Любовь къ изящному, обширныя познанья,
И сердце... о, мой другъ! тебя ужъ больше нѣтъ.
Страдалъ въ молчаніи отъ скорби и недуга,
Страдалъ — и пересталъ, увы! теперь страдать!
Несчастные отецъ и мать!
Несчастная супруга!

6.

М. В. Милонову.

Любимъ былъ Музами отъ самыхъ юныхъ лѣтъ
И жизнь его Судьба исполнила отравы.
Для счастья мало жилъ — довольно жилъ для славы.
Миръ праху твоему, о, *бѣдный* нашъ *поэтъ!*

7.

Е. П. Власову.

Родясь въ невѣжествѣ, стремился къ просвѣщенью;
Былъ геній онъ при всей природной простотѣ;
Открытія свои привелъ къ усовершенью
На пользу общую — и умеръ въ нищетѣ.

8.

Дѣвицѣ Даниловой.

Надъ урной сей рыдаетъ Терпсихора
И Граціи стоятъ съ Амурами въ слезахъ:
Подруги юныя Дюнора
Даниловой сокрытъ здѣсь прахъ.

9.

Е. Д. Пономаревой.

Все скрыто здѣсь: и умъ и красота,
Любезность, дарованья,
Вкусъ тонкій, острота,
Пріятныя и рѣдкія познанья
И непритворная прямая доброта.

10.

Ей же.

Нерѣдко въ тишинѣ ночной
Сей скромный памятникъ Камены окружаютъ
И съ Граціями здѣсь рыдаютъ
О милой ихъ сестрѣ родной.

11.

Л. Ѳ. О.

Въ печали и въ слезахъ
Всю жизнь вела она.
Теперь на небесахъ
За скорбь награждена.

12.

Л. Н. К.

Едва лишь роза распустилась,
Дохнулъ Борей — и розы нѣтъ.
Такъ и она во цвѣтѣ лѣтъ
Мгновенно въ вѣчность преселилась.

13.

М. Н. Г.

Во цвѣтѣ лѣтъ она увяла.
Добротою души своей
Не только что друзей, но и враговъ плѣняла.
Прохожій! пожалѣй супруга и дѣтей.

14.

О. С. П.

Примѣрная мать и супруга!
Молись, молись на небесахъ
О мужѣ и шести несчастныхъ сиротахъ,
Лишившихся въ тебѣ первѣйшаго ихъ друга.

15.

К. Н. Г.

Отъ самой юности до старости глубокой
Царю, отечеству съ усердіемъ служилъ;
Для блага общаго здоровья не щадилъ
И самъ собой достигъ до степени высокой.

16.

Д. А. Богданову.

Съ примѣрнымъ рвеніемъ свой исполняя долгъ,
Спасъ подчиненныхъ жизнь онъ при своей кон-
чинѣ;
Но, ахъ! его спасти никто уже не могъ
И онъ погибъ въ морской пучинѣ.

17.

Ѳ. В. К.

Для ближнихъ и друзей, къ несчастью, мало
жилъ.
Всѣхъ привлекалъ къ себѣ сердечной добротою;
Въ бесѣдахъ дружескихъ плѣнялъ всѣхъ остротою
И кто ни зналъ его, любилъ.

18.

Н. Е. С.

Служилъ онъ вѣрою и правдой весь свой вѣкъ;
Отъ всѣхъ снискалъ себѣ любовь и уваженье
И втайнѣ ближнему являлъ благотворенье.
Миръ праху твоему, о добрый человѣкъ!

19.

Латинскому стихотворцу Галлу.

На стройной лирѣ я измѣнницу прославилъ;
Она меня безумцемъ прозвала —
Я ей безсмертіе доставилъ;
Она меня ко гробу привела.

20.

Младенцу.

Покойся, милый сердцу прахъ!
Покойся: души всѣхъ незлобныхъ
Младенцевъ, ангеламъ подобныхъ
Наслѣдятъ царство въ небесахъ.

21.

Другому младенцу.

Супружеской любви плодъ первый здѣсь сокрытъ,
Отца и матери надежда, утѣшенье,
И слезы, коими сей памятникъ омытъ,
Въ ихъ горести теперь одно имъ услажденье.

МАДРИГАЛЫ.

1.

Ужъ Хлоя наконецъ моя!
Кто защитить могъ Хлою?
Мы были съ ней вчера въ лѣсу: она и я;
Еще Амуръ и за одно со мною.

(Съ франц.)

2.

Зачѣмъ меня къ себѣ, Прелеста, приглашаешь?
Нѣтъ, больше не могу съ тобою вмѣстѣ быть:
Увидѣвши тебя, нельзя не полюбить!
А ты сама любви не знаешь.

(Съ франц.)

3.

Позвольте разсказать мой сонъ вчерашній вамъ.—
Въ раю мы вмѣстѣ были:
Вы Ева; я Адамъ.
Не помню, въ чемъ мы согрѣшили;.
Но знаю, что̀ во снѣ
Нисколько не было раскаянья во мнѣ;
И я лишь пробудился,
То раю и лишился.

(Съ франц.)

4.

Л. Я. Н.

Не можно ни съ одной богиней вамъ равняться—
Но уподобить васъ кому?
Вы ангелъ — всѣ въ томъ согласятся —
По красотѣ, по нраву, по уму.

5.

Ангеликѣ.

Когда я на небо въ прекрасный день гляжу.
Всегда на мысль себѣ васъ привожу:
Глаза у васъ, какъ небо, голубые
И въ нихъ небесная примѣтна доброта.
Коль ангелы, какъ вы, такіе —
Сколь ихъ прелестна доброта!

6.

Вуаль.

Какъ только къ вамъ пристало
Сквозное бѣлое изъ дымки покрывало!
Совѣтую всегда въ вуалѣ вамъ ходить...
Однако личико открыть.
Когда бъ съ вуалемъ вы явилися къ Париду,
Затмили бъ съ поясомъ прелестную Киприду.

7.

Когда здороваясь или прощаясь съ вами,
Цѣлую ручку я у васъ,
И вы, какъ ангелъ, разсмѣясь,
Своими алыми устами

Касаетесь щеки моей —
Не помню я себя отъ радости — ей, ей!
Что̀ чувствую, того сказать вамъ не умѣю;
Но только всякой разъ жалѣю
Зачѣмъ я не уродъ?
Зачѣмъ не *на щекѣ* мой ротъ?...

8.

Съ Амуромъ красотой и нравомъ схожи вы:
Такое же и въ васъ прелестное лукавство,
И можетъ быть, увы!
Такое же непостоянство.

9.

Е. Д. Т.

въ день ея ангела, 17 *Септ.* 1822.

И тотъ, кто Мудрость ненавидитъ,
Кому судьба глаза одни дала,
Лишь только васъ увидитъ,
То скажетъ «Мудрость какъ мила!»

10.

Ей же.

Премудрости вамъ имя дали.
правду молвить вы отмѣнно *мудрены*!
Кого собой вы не плѣняли?
е были еще ни разу влюблены.

11.

Кн. Е. С. Х.

Въ Пагодѣ * написалъ стишки въ альбомъ
Княгинѣ.
Во храмѣ почему жъ не думать о богинѣ?

12.

Х. С. М.

Иголкою себѣ вы пальчикъ укололи —
И сморщились отъ боли.
Иголка ваша очень зла.
Жаль васъ! Но какъ же быть? Бываетъ и
больнѣе.
Остры вы сами какъ игла,
А раните сто разъ сильнѣе.

* Индійскій храмъ, бесѣдка.

ЭКСПРОМПТЫ.

1.

На русскою пляску гг. Дюпора и Даниловой на Большомъ Театрѣ 9 Іюня 1809.

Что вижу?... кто крылами машетъ?
Амуръ!... Такъ, самъ Амуръ летитъ
И зря Данилову, съ улыбкой говоритъ:
По-русски Душенька моя съ Зефиромъ пляшетъ.

2.

Въ альбомъ С. Д. П.

Могу сказать я про себя,
Что я отнюдь не льстецъ: лесть, право, не навижу—
Умнѣй, любезнѣе, прелестнѣе тебя
Изъ женщинъ не видалъ — и, вѣрно, не увижу.

3.

С. Д. П....ой.

(По случаю пробы Комедіи: *Провинціяльный Адонисъ*, въ которой она играла роль слуги *Ивана*).

Отпускной никогда я не далъ бы Ивану:
Будь баринъ я ему — его слугою стану.

4.

N.N. на вопросъ: терпѣливъ ли я?

Ахъ! я ль терпѣнья не имѣю?
О, еслибъ знали вы, сколь много я терплю!
Давно уже, давно прелестную люблю —
И этого сказать я ей, увы! не смѣю.

5.

На чтеніе въ одномъ домашнемъ литературномъ обществѣ двухъ молодыхъ поэтовъ.

Одинъ, нахмурившись, гудитъ;
Какъ песъ рычитъ и воетъ —
Другой, согнувшись въ крюкъ, сидитъ,
Зубки оскаля, ноетъ.

6.

Въ классѣ одного благороднаго дѣвичьяго института.

Какъ въ клѣткѣ птицы,
Такъ въ классѣ дѣвицы
О волѣ мечтаютъ;
А того не знаютъ:
Воля хоть прекрасна,
Только и опасна.

7.

Дамѣ, которая сказала мнѣ шутя, что надобно бы поставить меня въ уголъ.

Въ углу, но въ вашемъ лишь покоѣ,
При томъ при васъ,
Готовъ я простоять не часъ,
Но сутки, даже двои.

8.

М. П. О.

Что вы въ собраніе къ намъ не приглашены,
Въ томъ виноваты старшины.
Для праздника простите имъ;
Украсьте вы нашъ балъ присутствіемъ своимъ.

ЭПИГРАММЫ.

1.

Ты другъ мнѣ? — «Другъ.» — А чѣмъ докажешь? —
«Что̀ ни прикажешь,
Все сдѣлать радъ.»
— Дай денегъ мнѣ въ займы. — «Изволь...
давай закладъ.»

2.

«Послушай, Секретарь,
Пиши теперь же представленье,
Чтобы Глупягину чинъ дали въ награжденье.
— Позвольте доложить, сударь,
Есть многіе у насъ его гораздо старѣ:
И такъ ужъ говорятъ... —
«Прошу не умничать, а дѣлать что̀ велятъ:
Глупягинъ мастерски играетъ на гитарѣ.»

3.

Нашъ Мевій фабулистъ примѣрный:
Нѣтъ въ басняхъ у него искусства, пышныхъ
словъ,

А сколько *простоты!* Вотъ въ нихъ-то совер-
шенный
Языкъ скотовъ.

4.

«Что это? Въ новомъ ты кафтанѣ,
А шляпа какъ стара твоя!
Измята!... вмѣстѣ мы купили,... вотъ моя,
Смотри новехонька!»—Да все вѣдь *на болванѣ.* *

5.

Напрасно Лизу свѣтъ поноситъ,
Что нѣтъ у ней волосъ своихъ.
Я знаю, Лизанька чужихъ волосъ не носитъ;
У ней свои: она при мнѣ купила ихъ.

6.

Смѣются Простину,
Что говорить онъ не умѣетъ
И *половиною* зоветъ свою жену,
Ну что же? Пополамъ онъ ею и владѣетъ.

7.

Лариса, въ чепчикѣ степенномъ и въ салопѣ,
Днемъ молится въ церквахъ, бѣжитъ отъ міра
прочь.

* Bon mot покойнаго А. Л. Нарышкина.

А ночью? — О! она, подобно Пенелопѣ,
Что днемъ ни сдѣлаетъ, то перепортитъ въ ночь.

8.

Три сына у меня, всѣ разные лицомъ. —
Да, каждый схожъ съ отцомъ.

9.

Клитъ былъ плохой поэтъ,
Теперь сталъ критикъ рѣдкій.
Тутъ, впрочемъ, дива нѣтъ:
Изъ кислаго вина выходитъ уксусъ ѣдкій.

10.

О, ужасъ! о, досада!
Гомера перевелъ безграмотный Глупонъ.
Отъ лошади погибъ несчастный Иліонъ,
А отъ осла погибла Иліада.

11.

Климъ человѣкъ пустой. За то его сестрица
Прекрасная дѣвица!
Нуль значитъ, ежели при немъ есть единица.

12.

Лизета овдовѣла —
И плачетъ въ два ручья. Бѣдняжку очень жаль:
Предъ смертью мужниной она купила шаль
И обновить ее, къ несчастью, не успѣла.

13.

На столпъ дорожный Петръ философъ нашъ
походитъ:
Показываетъ путь, а самъ по немъ не ходитъ.

14.

«Что нашъ больной?» — Сегодня пріобщался,
Лекарства больше не беретъ,
И докторъ отказался. —
«Ну, слава Богу! есть надежда, оживетъ.»

15.

«Что такъ ты похудѣлъ?» — Не сплю вотъ
третью ночь!
Не мучился такой безсонницей я съ роду!
«Бездѣлица! могу помочь:
Сегодня же пришлю къ тебѣ Графова оду.

16.

Во всемъ счастливъ Филетъ:
Чинъ получилъ, хотя не дослужилъ двухъ лѣтъ;
Три мѣсяца назадъ женился —
И сынъ ужъ у него родился.

17.

Всю проповѣдь отца-Тарасія хоть кинь;
Одно лишь слово въ ней понравилось: *аминь*.

18.

Весь свѣтъ сосѣда моего
Пустоголовымъ называетъ;
А всякій вечеръ у него
Какъ много въ головѣ бываетъ!

19.

Молва напрасно трубитъ,
Что мужа своего Кокеткина не любитъ.
Такъ можетъ говорить лишь клеветникъ одинъ:
Извѣстно, что она всѣхъ жалуетъ мужчинъ.

20.

Корнетъ нашъ Ипполитъ
Хоть молодъ, никогда безъ дѣла не бываетъ;
Онъ въ карты не играетъ,
А съ трубкой вечеръ весь за картами сидитъ.
— Какія жъ книги онъ читаетъ?
Военныя? — Зачѣмъ? Вѣдь онъ еще корнетъ.
Романы? — не беретъ романа никакова.
— Моральныя? — О, нѣтъ!
Да что жъ читаетъ онъ? — Грекура и Баркова.

21.

(*Разговоръ въ книжной лавкѣ*).

«Что, есть у васъ Кутузова портретъ?»

— Безъ рамки пять рублей. — «О деньгахъ
слова нѣтъ. . . .
Пожалуй кстати мнѣ Платова, Витгенштейна,
Да ихъ *дѣянія.*» — Прикажете связать? —
«Постой... *Записки...* какъ? *Манштейна,*
Науку побѣждать
Суворова! . . . люблю его сердечно! . . .
Вотъ карту бы еще Италіи я взялъ.»
— Вамъ *генеральную?* — «Конечно:
Я не полковникъ, *Генералъ!*

22.

«Ты поблѣднѣлъ какъ смерть и слезы на глазахъ!
Что сдѣлалось съ тобою?» — Ахъ!
Не знаешь, на меня Господь какъ прогнѣвился!
Что дѣлать! Потерялъ! . . .
«Жену?» — Да я бъ перекрестился,
Ни слова бъ не сказалъ. —
«Такъ, вѣрно, дочери, иль сына ты лишился?»
— Нѣтъ! видишь: у меня въ карманѣ здѣсь
дыра . . . —
«Ну что же?» — Выпала полтина серебра. —

23.

Позорскій пересталъ ужъ пить.
Не вѣрите? Вчера велѣлъ вамъ долго жить.

24.

(*Разговоръ при входѣ на обсерваторію*).

«Швейцаръ! вотъ на! возьми билетъ,

Да сдѣлай, братецъ, одолженье,
Скажи куда идти.» Ужъ кончилось затмѣнье. —
«И астрономъ ушелъ?» — Онъ здѣсь. — «Такъ нужды нѣтъ!
Онъ по знакомству не откажетъ
И на просторѣ все мнѣ съизнова покажетъ.»

25.

«Я видѣлъ васъ вчера въ трагедіи моей.
Вамъ нравится она?» — Нимало! —
«А что жъ вы плакали?» — Сказать ли? жаль мнѣ стало,
Что далъ за кресла пять рублей. —

26.

«Когда ты, папенька, играть въ банкъ перестанешь?»
— Когда ты, маменька, отъ всѣхъ интригъ отстанешь?
Отстань, и больше картъ не буду въ руки брать. —
«Ну, видно вѣкъ тебѣ, безсовѣстный, играть.»

27.

Какихъ лишились бы прекрасныхъ мы стиховъ,
Когда бы не писалъ Вралёвъ!
Смѣетеся? — Тутъ нечему смѣяться:
Я правду говорю — Вралёвъ, конечно, глупъ,
Да и полезенъ намъ: оселокъ хоть и тупъ,
Но объ него ножи острятся.

28.

Не вѣрятъ, что Глупонъ
Имѣетъ мѣсто на Парнассѣ. —
Тамъ нѣтъ козла; такъ Аполлонъ
Глупона держитъ при Пегасѣ.

29.

«Не знаешь ты моей печали:
Пять лѣтъ копилъ, берегъ, а у меня украли....»
«Жалѣю, подлинно печаль! —
«Всѣ, всѣ мои стихи.» — жаль вора, очень жаль! —

30.

Бывало въ старину дадутъ судьѣ и правы;
А нынчѣ, напримѣръ, Вралеву, дать-то дай,
Да слушай у него стихи и не зѣвай.
О времена! о нравы!

31.

«Не знаю, какъ отмстить мнѣ моему злодѣю
Зоилу, демону!» — Изволь отъ всей души
Подамъ тебѣ совѣтъ: подъ притчею своею
Его ты имя подпиши. —

32.

Верзилинъ истинно великъ!
Едва не въ три аршина!

Ужасная машина!
Въ немъ вѣсу десять пудъ, а мозгу золотникъ.

33.

«Вѣтрана по-уши въ тебя, братъ, влюблена;
Женись-ка ты на ней: богата вѣдь она —
Пять сотъ душъ:» — Развѣ я взбѣсился!—
«А что? не бось стара? Ей, правда, пятьдесятъ.»
— Напротивъ, молода: когда бы шестьдесятъ
Ей было, право бы женился.

34.

«Ну, милая, прощай: пора, ужъ я спѣшу.»
— Когда жъ опять къ намъ въ городъ
будешь?
Уѣдешь ты отсель, совсѣмъ меня забудешь!—
«Нѣтъ, имя я твое на память запишу.»

35.

Всѣ бьютъ у насъ челомъ передъ судьей Ѳомой;
А онъ гордѣе право Папы:
Ни передъ кѣмъ не скинетъ шляпы
И не наклонится. — Вотъ *Судія прямой!*

36.

Сказали, будто бы Глупонъ
Писать ужъ вовсе не умѣетъ. —

Кто такъ безсовѣстно лгать смѣетъ?
Я видѣлъ: *вензеля ногами* пишетъ онъ.

37

Конечно, золъ Филонъ
И въ злости не уступитъ звѣрю,
Эхиднѣ, аспиду — однако же не вѣрю,
Что ближняго не любитъ онъ:
Племянниковъ къ чинамъ представилъ самъ Филонъ.

38

«Все только съ книгами! Не посидитъ съ женою!
Хотѣла бъ книгой быть — тогда бы вы, сударь,
Надѣюсь всякой день ужъ занимались мною.»
—Ахъ, если бъ, душенька, была ты календарь.—

39.

«Я слышалъ, не живешь ты болѣе съ женой?»
—Терпѣлъ ужъ я, терпѣлъ, но наконецъ взбѣсила!
Прогналъ негодную. — «Конечно, измѣнила?»
— О, нѣтъ, совсѣмъ не то!—«Такъ вѣрно нравъ дурной?
Что не уступчива она, или бранчива?»
— Ну, грѣхъ сказать: глупа, за то ужъ молчалива. . . .
Да страсть проклятая!.... — «Ужъ ли она пила?»
— Пила по утру чай, да и дѣтей поила
И чашку съ блюдечкомъ разбила,
А чашка въ пять рублей была! —

40.

«Вотъ на, возьми опредѣленье:
Я ни за что его не подпишу,
А ужъ тебя, братъ, попрошу
Мнѣ написать — ну знаешь — голосъ, мнѣнье.»
— Что жъ въ этомъ мнѣніи, сударь,
Прикажете сказать? — «Изъ дѣла это видно!
Какъ спрашивать тебѣ не стыдно?
Самъ долженъ знать: ты Секретарь!»

41.

«Теперь вы замужемъ!... ну поздравляю васъ!
Теперь ужъ вы на насъ
Не смотрите и не глядите,
Прошло то время, какъ...» — Что̀ вы сказать
хотите?
Я одинаково всегда себя вела
И такъ же въ дѣвушкахъ, какъ замужемъ, жила.—

42.

(Подражаніе князю Кантемиру). *

Послушаешь однихъ, такъ очень глупъ Дамонъ;
Другіе говорятъ: умёнъ —
Кому же вѣрить должно?

---

* Вотъ эпиграмма князя Кантемира:
Уменъ ты, Бруте; порукъ тому честь устанешь;
Да и ты же, Бруте, глупъ, какъ то можетъ статься?
Изрядно, и какъ я мню, могу догадаться:
Уменъ ты молча; а глупъ, какъ говорить станешь.

Не лжетъ ли кто нибудь? — Никакъ!
Когда молчитъ Дамонъ, его счесть умнымъ можно;
Заговоритъ — дуракъ!

43.

«Сейчасъ же выходи со мною:
Иль я убью тебя, иль ты меня убей!»
—Да отвяжись ты, Богъ съ тобою:
Я право не мясникъ и не бивалъ свиней.—

44.

«Что такъ ты пасмуренъ?» —Не спрашивай..., жена. . . .
Уже ль ты не слыхалъ? — «Скончалась что-ль она?»
— Да лучше бъ умерла : тогда бъ не осрамила! —
«Что слышу? измѣнила?»
— Нѣтъ, братецъ, драму сочинила. —

45.

У Лицемѣрина жена
Ряба, черна, скверна —
Медуза, вѣрьте мнѣ, красавица предъ нею.
Не потому ль, что такъ она гнусна
Супругъ зоветъ ее всегда *душей своею?*

46.

«О, цензоръ! о, злодѣй!
Не пропустилъ элегіи моей!»

— Какъ? почему? — Да говоритъ, что въ ней
Находитъ смыслъ двоякой.
Ну ты читалъ ее; ты, братецъ, самъ поэтъ;
Скажи: двусмысленна ль?» — Вотъ вздоръ! да скажетъ всякой,
Что въ ней и вовсе смысла нѣтъ.

47.

«Смотри, будь остороженъ, братъ!
Поколотить тебя хотятъ.»
— А кто?—«Смѣловъ.»—Дай Богъ! заплатитъ— онъ богатъ.

48.

Баярдъ нашъ Генералъ, *Баярдъ!*
Не рыцарь славный тотъ *безъ страха и упрека;*
Но рѣзвоногій конь, безъ всякаго порока,
Котораго имѣлъ Ренальдъ.

49.

Отставленъ ты — хвала судьбѣ!
Отъ насъ скорѣе удалися;
А коль уменъ, то отравися.
Да есть ли *ядъ-то по тебѣ?*

50.

Безчестенъ нашъ Змѣядъ, однако любитъ *честь*
И хочется ему повыше прочихъ сѣсть.
Ну чтожъ? его потѣшить можно
И на колъ посадить давно бы, право, должно.

51.

«Какъ у тебя, братъ, красенъ носъ!
— А вотъ-съ
Пью *бѣлое* вино-съ.

52.

Твои портреты очень схожи:
На лица пишешь все!—«Нѣтъ, я пишу на рожи.»

53

Чудакъ ты, Климъ, изъ чудаковъ:
Не хочешь видѣть дураковъ!
Но если ты уже таковъ,
То отъ людей, братъ, удаляйся,
Одинъ быть въ комнатѣ старайся
И къ зеркалу не приближайся.

54.

«Коль *теплое* дадутъ мѣстечко мнѣ, пойду.»
— Ты заслужилъ давно *претеплое*... въ аду.—

55.

«Отдѣлали жъ меня въ Палатѣ!
Прислали мнѣ оттуда *нос*ъ!»
— Ну поздравляю: очень кстати. —
«Какъ кстати?» — Да вѣдь ты курносъ?
Такъ нуженъ для тебя былъ *нос*ъ. —

56.

«Вотъ говорятъ, что я навѣрное играю!»
— Не только, братъ,
Всѣ говорятъ,
Но вѣрятъ этому, тебя я увѣряю.

ЭПИТАФІИ.

1.

Остановися, гражданинъ!
Подъ камнемъ симъ лежитъ россійскій дворянинъ:
Его прапрадѣдъ жизнь окончилъ подъ Полтавой,
Дѣдъ подъ Кистриномъ палъ со славой,
А подъ Бендерами отецъ убитъ ядромъ.
Его жъ убилъ. . . . ямайскій ромъ.

2.

Подъ камнемъ симъ лежитъ Губернскій Пред-
водитель.
Онъ былъ собакъ борзыхъ и гончихъ покровитель.

3.

Здѣсь *Людоморова* могила.
Онъ практикой своей кладбища удивилъ.
И смерть *его* сразила.
Неблагодарная! онъ ей ли не служилъ.

4.

Я русскій дворянинъ; родился я въ Малмыжѣ; *
Воспитанъ былъ въ чужихъ краяхъ;

И, ахъ!
Въ Россіи кончилъ дни! — Но здѣсь мой только прахъ:
Душа моя — въ Парижѣ.

5.

Здѣсь Пустельгинъ лежитъ — не такъ-то былъ уменъ,
А нечего сказать ученъ!
Все зналъ, всему учился,
Проекты сочинялъ, и день и ночь трудился —
Но только къ дѣлу не годился.

6.

Ласточкѣ.

Здѣсь, въ маломъ гробикѣ, скрытъ ласточкинъ птенецъ
Несчастный былъ его конецъ:
Изъ гнѣздышка свалился,
Упалъ... куда же? на балконъ!
У ногъ дѣвичьихъ умеръ онъ;
Слезами Грацій прахъ малютки оросился.

7.

Зайчику.

Съ вечерней, утренней росой
Здѣсь Настя * слезы проливаетъ:

---

* Заштатный городъ въ Вятской губерніи. Пригодился для риѳмы къ Парижу.
* Имя дочери сочинителя.

Здѣсь зайчикъ сѣренькій, косой
Сномъ безпробуднымъ почиваетъ.
Несчастный выпрыгнулъ въ окно
Для соблазнительной свободы,
Но смерть внизу ждала давно
И Стиксовы онъ преплылъ воды.

Ахъ! не одинъ, о, зайчикъ! ты
Погибъ, упавши съ высоты.

ШАРАДЫ.

1.

Танцуя, *первое* мое употребляютъ:
Съ водой *второе* попиваютъ
А иногда и безъ воды,
И много отъ него бываетъ здѣсь бѣды;
На *цѣломъ* же переѣзжаютъ
Черезъ рѣку, черезъ каналъ —
Ужъ ли, читатель, ты еще не угадалъ?

2.

Читатель! *первое* мое предлогъ
И имя — это лишь въ однѣхъ печахъ бываетъ;
Второе всякому далъ Богъ.
Бѣда и стыдъ тому, его кто потеряетъ! —
На *цѣломъ* подаютъ
То, что ѣдятъ и пьютъ.

3.

Слогъ *первый* у меня то мѣсто означаетъ,
Куда приходятъ корабли;
Вторый — спасителя животныхъ на земли;
А *цѣлое* того, кто всѣхъ насъ одѣваетъ.

4.

От *перваго* въ лѣсу придешь въ оцѣпенѣнье;
Второе же мѣстоименье,
Которое у насъ теперь въ употребленьи
Въ бумагахъ дѣловыхъ, еще въ проповѣдяхъ,
И иногда въ стихахъ;
А *цѣлое* — цвѣтокъ красивый, не прелестный,
Душистый и весьма извѣстный.

5.

Слогъ *первый* у меня есть буква, или знакъ;
Вторый — цвѣтокъ, зерно; а *цѣлое* козакъ.

6.

Слогъ *первый* литера, *вторый* же слогъ рѣка;
Но такъ уже никто ее не называетъ.
Рѣка сія у насъ далеко протекаетъ,
Сердита очень, широка
И *цѣлымъ* всю почти Россію снабдѣваетъ.

7.

И *первый* и *вторый* одинъ все тотъ же слогъ
А *цѣлаго* — избави Богъ.

8.

Читатель! *первое* мое мѣстоименье;
Второе человѣкъ, котораго уменье
Чужое прибирать имѣнье
А цѣлое — растѣнье:

9.

Какъ *первая* моя, такъ и *вторая* часть
Всегда изъ дерева бываютъ.
Не дай Богъ и врагу на *первое* попасть!
Второе жидкимъ наливаютъ
И вещи разныя туда же можно класть.
А въ *цѣломъ* древнее оружіе хранится,
Которое теперь въ сраженьи не годится.

10.

Въ водѣ есть *первое*, а также и *второе*;
Но *цѣлое* съ водой *втораго* лучше втрое.

11.

Читатель! *первое* мое ты, вѣрно, ѣлъ:
Вещь эту всякій здѣсь имѣетъ огородникъ;
Въ *послѣднемъ* нѣкогда одинъ пророкъ сидѣлъ;
А цѣлое — актеръ... еще поэтъ-покойникъ.

12.

По *первому* мы ходимъ,
И это есть во всѣхъ домахъ;
Второе въ азбукѣ находимъ;
А *цѣлое* — въ шкапахъ.

13.

Слогъ *первый* состоитъ изъ буквы только гласной;
Вторый же изъ согласной:
Отъ первой въ азбукѣ она не далека.
А цѣлое — рѣка.

14.

Когда за *цѣлое* мое дѣтей сажають,
То *первое* всегда сперва покажуть имъ;
Напротивъ же того, *вторымъ*
Нерѣдко ихъ стращають.

15.

Два слога первые — растенье.
Хоть горько, мочи нѣть, оно,
Но многіе у насъ кладуть его въ вино.
Послѣдній слогъ мѣстоименье;
А въ *цѣломъ* утонуть зимой не мудрено.

16.

Слогъ *первый* — имя старика
Плѣшиваго, безъ парика,
Но съ длинною косой, съ часами.
Вторый слогъ, на Руси у насъ
Почти все то же, что указъ,
Но только съ цифрами, графами;
Летять отвсюду корабли
Весною къ *цѣлому*, какъ птицы;
Оно средь моря на земли
И очень близко отъ столицы.

Объяснение Шарадъ.

1. Па-ромъ. . . . . Паромъ.
2. Под-носъ . . . . Поднось.
3. Порт-ной . . . . Портной.
4. Лев-кой . . . . Левкой.
5. Ер-макъ . . . . Ермакъ.
6. Ик-ра . . . . Икра.
7. По-жаръ . . . . Пожаръ.
8. Я-воръ . . . . Яворъ.
9. Кол-чанъ . . . . Колчанъ.
10. А-ракъ . . . . Аракъ.
11. Боб-ровъ . . . . Бобровъ.
12. Пол-ка . . . . Полка.
13. О-ка . . . . Ока.
14. Аз-бука . . . . Азбука.
15. Полынь-я . . . . Полынья.
16. Крон-штатъ . . . . Кронштатъ.

Конецъ перваго тома.

—

Къ шарадѣ № 10 *на стр.* 361 *пропущены слѣдующіе два стиха:*

Какъ втрое? вчетверо, въ пять разъ!
Да много отъ него быть можетъ и проказъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ
къ
сочиненіямъ
ИЗМАЙЛОВА.
Томъ I.

СТИХОТВОРЕНІЯ.

Басни.

Сказки.

Стран.

РАЗНЫЯ СТИХОТВОРЕНІЯ.

Лирическія и Элегическія.

Стран.

Стран.

Посланія.

Застольные.

Смѣсь.

—

ПОЛНОЕ СОБРАНІЕ

СОЧИНЕНІЙ

РУССКИХЪ АВТОРОВЪ.

Печатать позволяется,

съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи представлено было въ Цензурный Комететъ узаконенное число экземпляровъ. С. Петербугъ, 18 Января 1848 года.

Цензоръ Очкинъ.

СОЧИНЕНІЯ

ИЗМАЙЛОВА.

(Александра Ефимовича.)

Томъ Второй.

Изданіе Александра Смирдина.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.

въ типографіи экспедиціи заготовленія государственныхъ бумагъ.

1849.

Цѣна за два тома 1 р. 50 к. сер.

ПРОЗА.

ИБРАГИМЪ и ОСМАНЪ,

или

ТРУДИСЬ, ДѢЛАЙ ДОБРО И БУДЕШЬ СЧАСТЛИВЪ.

ВОСТОЧНАЯ ПОВѢСТЬ.

—

Въ царствованіе славнаго калифа Гаруна Алрашида жилъ неподалеку отъ Багдада старый мудрецъ, по имени Ибрагимъ. Въ деревнѣ, которую давно уже онъ избралъ своимъ мѣстопребываніемъ, всѣ поселяне, такъ сказать, боготворили его, потому что Ибрагимъ помогалъ въ ихъ нуждахъ, прекращалъ ихъ ссоры и научалъ добродѣтели; въ Багдадѣ безумцы издѣвались надъ нимъ, злонравные осуждали его и старались оклеветать; но несчастные прославляли его имя, а мудрецы признавались торжественно, что онъ превосходилъ ихъ своими знаніями, какъ солнце превосходитъ сіяніемъ звѣзды; при дворѣ многіе ненавидѣли его за то, что повелитель вѣрныхъ научился отъ него трудному искусству—управлять государствомъ, и во многихъ случаяхъ просилъ у него совѣтовъ. Отъ сего-то самаго произошла извѣстная въ Багдадѣ пословица: *Государь, послѣдующій совѣтамъ мудрецовъ, бываетъ любимъ всѣмъ народомъ, но не всѣми вельможами.*

Ибрагимъ имѣлъ въ деревнѣ большой домъ, потому что многія вдовы и сироты того селенія жили съ нимъ вмѣстѣ. Трудами своими собралъ онъ великое богатство, которое впослѣдствіи умножилось отъ щедрости калифа. Всѣ свои доходы Ибрагимъ употреблялъ на свои удовольствія, то есть, на добрыя дѣла. Въ Багдадѣ на его иждивеніи содержались двѣ гостинницы для странниковъ, три сиротскія училища, нѣсколько больницъ для бѣдныхъ и богадѣленъ для увѣчныхъ и престарѣлыхъ. Всякій, кто имѣлъ нужду въ помощи, шелъ смѣло къ Ибрагиму и возвращался отъ него съ радостными слезами, если только не былъ совершеннымъ тунеядцемъ, или развратнымъ. Для себя собственно Ибрагимъ тратилъ очень мало денегъ: нерѣдко покупалъ онъ дорогою цѣною полезныя книги и нужные для нѣкоторыхъ наукъ инструменты и вещи; но книгами своими и инструментами пользовался не одинъ онъ: книгохранилище его и кабинетъ открыты были во всякое время и для ученыхъ мужей и для учащихся юношей. Пищу употреблялъ самую умѣренную, состоявшую изъ однихъ плодовъ его сада и млека стадъ его, а въ одеждѣ своей отличался отъ жившихъ съ нимъ поселянъ одною почти только чистотою и опрятностью. Нерѣдко сей почтенный старецъ, для сохраненія своего здоровья и для поощренія другихъ къ земледѣлію, оставлялъ книгу и бралъ заступъ, а иногда, не взирая на свои преклонныя лѣта, управлялъ вмѣстѣ съ поселянами тяжелымъ плу-

гомъ. Все его время проходило въ благодѣяніяхъ, въ трудахъ, въ чтеніи и въ размышленіи. Все ученіе сего мудреца состояло въ сихъ немногихъ словахъ: *трудись, дѣлай добро и будешь счастливъ.*

Каждый вечеръ, въ хорошую погоду, Ибрагимъ, послѣ обыкновенной прогулки, садился на дерновой софѣ у воротъ своего дома, подъ тѣнью высокихъ пальмъ. Старые земледѣльцы садились также по сторонамъ его, а возмужалые и юноши составляли около нихъ кругъ. Ибрагимъ бесѣдовалъ съ ними о должностяхъ истиннаго мусульманина, о должностяхъ отцовъ, дѣтей и супруговъ, объ удовольствіяхъ сельской жизни,— и всѣ слушали его съ такимъ же вниманіемъ, какъ бы самого Пророка. Между тѣмъ невинныя малютки, въ виду ихъ, рѣзвились на зеленой травѣ.

Однажды вечеромъ, какъ Ибрагимъ изъяснялъ поселянамъ то мѣсто изъ божественнаго Алкорана, гдѣ всякому мусульманину предписывается помогать своимъ собратіямъ и творить милостыню, показался на дорогѣ большой отрядъ конныхъ. Судя по пышности и великолѣпію убора всадниковъ, можно было подумать, что приближается къ жилищу Ибрагимову самъ калифъ, если бы не знали, что повелитель вѣрныхъ прихаживалъ всегда къ мудрецу въ такомъ же одѣяніи, въ какомъ ходилъ часто по улицамъ багдадскимъ съ великимъ визиремъ своимъ Жіаффаромъ и начальникомъ евнуховъ Мезру-

ромъ. * И дѣйствительно вскорѣ увидѣли, что это былъ не калифъ, а какой-то молодой человѣкъ, повидимому, весьма знатнато рода. Онъ сидѣлъ на прекраснѣйшей арабской лошади, которая была покрыта чапракомъ изъ голубой парчи, унизаннымъ по краямъ жемчугомъ, яхонтами и изумрудами. Чалма его, кинжалъ и сабля осыпаны были крупными голкондскими алмазами. Черные евнухи и невольники въ богатой одеждѣ окружали его. Но казалось, что вся сія пышность, все сіе великолѣпіе не веселили молодого человѣка. Онъ былъ блѣденъ и томенъ, какъ увядшій цвѣтокъ. Приближаясь къ Ибрагиму, устремляетъ онъ на него свои взоры. Величественная и кроткая осанка старца; глаза, блиставшіе огнемъ мудрости, и длинная, бѣлая брада отличали его ото всѣхъ поселянъ. Молодой человѣкъ сошелъ съ лошади, приблизился къ Ибрагиму и спросилъ его: «Почтенный старецъ! не

* Извѣстно, что калифъ Гарунъ Алрашидъ, съ великимъ визиремъ своимъ и начальникомъ евнуховъ, ходилъ весьма часто по улицамъ Багдада, переодѣвшись такъ, что никто не могъ узнавать ни его самого, ни его спутниковъ. Въ семъ переодѣяніи ничто не скрывалось отъ его взоровъ; онъ вмѣшивался въ разговоры простолюдиновъ, и если находилъ какіе-либо безпорядки, или узнавалъ, что дѣлаемо было кому-нибудь неправосудіе и притѣсненіе, то немедленно все исправлялъ и наказывалъ строго виновныхъ. Кадіи, или начальники частей города, знали, что калифъ ходитъ въ такомъ видѣ по всѣмъ публичнымъ мѣстамъ, и отъ того самаго исполняли очень хорошо свою должность.

ты ли Ибрагимъ, тотъ совершенный мудрецъ, котораго столько желаю видѣть?» — Юноша отвѣчалъ сей съ кроткою улыбкою: совершенная мудрость есть свойство единаго Бога. Но на что нуженъ тебѣ Ибрагимъ? Ты видишь его передъ собою. Скажи мнѣ, юноша, кто ты?—«Я Османъ, сынъ Кебиба дамасскаго; * нарочно пріѣхалъ сюда изъ Дамаска, чтобы просить твоихъ совѣтовъ и наставленія.»

— Алла! воскликнулъ Ибрагимъ: ты сынъ Кебибовъ! Да будетъ благословенно имя Пророка, что далъ мнѣ увидѣть сына Кебиба, который былъ благодѣтелемъ всей дамасской страны, который былъ вѣрнымъ невольникомъ, или, лучше сказать, другомъ повелителя правовѣрныхъ! О, юноша! я зналъ твоего родителя, зналъ всѣ его добродѣтели — но кому неизвѣстны онѣ? Ты, конечно, былъ еще въ первыхъ младенческихъ лѣтахъ, когда его лишился, и не можешь его помнить.

Османъ отвѣчалъ на сіе однимъ только наклоненіемъ головы и вздохомъ. Тутъ Ибрагимъ взялъ его за руку и ввелъ въ свое жилище, гдѣ они сѣли на софу, и Османъ началъ:

«Почтенный старецъ! хочу открыть тебѣ тайну, для самого меня непонятную. Ни въ чемъ

*) Кебибъ дамасскій славился своимъ неисчетнымъ богатствомъ, а болѣе еще того благотворительностью и гостепріимствомъ. Калифъ Гарунъ Алрашидъ, желая наградить сего великаго мужа, сдѣлалъ его королемъ Дамаска. Въ достовѣрности всего онаго ссылаюсь на *Тысячу и одну ночь*.

не нахожу я удовольствія, ничто не веселитъ меня; самая жизнь мнѣ почти несносна.»

Ибрагимъ. Сынъ мой, ядъ любви не терзаетъ ли твое сердце?

Османъ. Нѣтъ, отецъ мой! Я имѣю у себя въ сералѣ прекраснѣйшихъ невольницъ, какія едва ли есть въ гаремѣ самого калифа; но красота ихъ, ласки, всѣ старанія нравиться не дѣйствуютъ на мое сердце, не производятъ даже улыбки на устахъ моихъ. Сначала находилъ я удовольствіе въ объятіяхъ женъ моихъ; много, очень много я наслаждался: наконецъ сладострастіе мнѣ прискучило, и я изъ пылкаго, пламеннаго любовника сдѣлался такъ же холоденъ, какъ ледъ, покрывающій вершины Кавказа.

Ибрагимъ. Юноша! самые вкусные плоды, когда пресыщаются ими, производятъ отвращеніе... Однако что же причиною твоей скуки и горести? Змѣй честолюбія и зависти не уязвилъ ли твоего сердца?

Османъ. Кинжалъ сей и сабля, осыпанные алмазами, получены мною въ даръ отъ великаго нашего государя; таковые знаки почести имѣю отъ него только я и великій визирь Жіаффаръ, первѣйшій его любимецъ. Чувствую всю цѣну милостей ко мнѣ калифа — но, ахъ! при всемъ могуществѣ своемъ не можетъ онъ сдѣлать меня счастливымъ!

Ибрагимъ. Сынъ мой! милости и награды государя должны быть для насъ лестны; но онѣ совершенно лестны бываютъ тогда только, когда

мы истинно ихъ достойны. Заслужилъ ли ты милость калифа? — Нѣтъ! ты краснѣешь и качаешь головою — однако, вѣрно, ты постараешься заслужить. Скажи же мнѣ, отъ чего происходитъ твоя скука, отъ чего несносна тебѣ жизнь, сей благій даръ Неба?

Османъ. Я самъ того не знаю. Всѣ мои усилія клонятся къ тому, чтобы найти счастіе; но оно отъ меня убѣгаетъ, какъ блуждающій призракъ. Отецъ мой! научи меня, какимъ образомъ можно сдѣлаться счастливымъ?

Ибрагимъ. Трудись, дѣлай добро и будешь счастливъ.

Османъ. Ахъ! я дѣлалъ очень много добра, но вмѣсто удовольствія получалъ отъ того одну досаду. Я обогатилъ многихъ моихъ друзей, которые въ глаза увѣряли меня, что готовы пожертвовать мнѣ своею жизнью, а за глаза смѣялись надо мною, какъ надъ безумцемъ. Я отпустилъ на волю и облагодѣтельствовалъ многихъ моихъ невольниковъ, которые, во время службы своей у меня, какъ я узналъ послѣ, грабили мое имущество съ такою же дерзостью, съ какою разбойники грабятъ караваны, идущіе въ Мекку и Медину. Вотъ каково дѣлать добро!...

Ибрагимъ. (Прервавъ Османа съ улыбкою.) Османъ! Османъ! ты дѣлалъ зло, а не добро: кто даетъ безъ разбора, тотъ расточаетъ свое имущество, а расточеніе никогда не приноситъ чистаго удовольствія.

Османъ. Пусть такъ; но какое же удовольствіе могутъ доставить труды, кромѣ изнуренія силъ? Посмотри на земледѣльцевъ, на сихъ людей, которые болѣе всѣхъ трудятся. Какъ часто обливаютъ они своимъ пòтомъ неблагодарную землю и падаютъ на нее безъ чувствъ отъ изнеможенія! Уже ли не слыхалъ ты ихъ жалобъ?

Ибрагимъ. Ты, какъ видно, мало еще самъ упражнялся въ трудахъ; слѣдовательно и судить объ нихъ справедливо не можешь. Знаешь ли, юноша, что земледѣльцы, которые столь жалки тебѣ кажутся, едва ли не счастливѣе всѣхъ прочихъ людей, когда только не дѣлаютъ имъ притѣсненія и когда земля не бываетъ противъ нихъ неблагодарна? Ты видѣлъ, говоришь, какъ земледѣльцы обливаются пòтомъ и какъ падаютъ отъ усталости; но видѣлъ ли съ какимъ радостнымъ лицемъ смотрятъ они на поспѣвающіе классы? Ты слышалъ, какъ земледѣльцы жалуются на свой жребій; но слышалъ ли веселыя ихъ пѣсни и крики во время плодоносной жатвы? Трудъ земледѣльца тягостенъ; но привычка облегчаетъ всякой трудъ. Бездѣйствіе и праздность разслабляютъ тѣло и душу, а упражненіе и трудъ придаютъ имъ новыя силы. Взгляни на поселянъ, съ которыми я живу: ты увидишь, что они совершенно здоровы, крѣпки и сильны. Спроси ихъ: они не знаютъ и двадцатой доли тѣхъ болѣзней, коими страждутъ живущіе въ нѣгѣ и праздности люди. — Многіе земледѣльцы жалуются, — справедливо; но они жалуются не на

труды, а на то, что труды ихъ остаются безплодными; что градъ, буря, саранча, или жестокіе ихъ владѣльцы, которые нерѣдко бываютъ свирѣпѣе града, бури и саранчи, пожираютъ плоды трудовъ ихъ. Да будетъ вѣчная слава имени нашего калифа, что онъ обуздалъ тѣ власти, отъ коихъ зависятъ бѣдные земледѣльцы! Но возвратимся опять къ трудамъ. — Дѣйствительно, труды бываютъ иногда изнурительны и даже противны для того, кто работаетъ противъ воли, или сверхъ силъ; но они бываютъ всегда пріятны, когда мы работаемъ для собственной нашей пользы и соразмѣрно съ нашими силами. Счастливъ, кто можетъ трудиться по своей волѣ и сообразно своимъ склонностямъ: таковые труды неразлучны съ успѣхомъ и съ удовольствіемъ.— Скажи мнѣ теперь, какъ обыкновенно проводилъ ты время?

Османъ. Я проводилъ время въ томъ, что̀ называютъ удовольствіями. Всякій день или самъ давалъ пиры, или бывалъ на пирахъ у моихъ пріятелей. Часто ѣздилъ съ ними на охоту и гулялъ въ плодоносныхъ садахъ дамасскихъ; вечера же и ночи провождалъ въ своемъ гаремѣ. Ты уже слышалъ отъ меня, почтенный Ибрагимъ, что жены мои мнѣ наскучили; не менѣе того наскучили мнѣ и пиры.

Ибрагимъ. Чѣмъ же они тебѣ наскучили и что ты дѣлалъ на пирахъ съ своими друзьями?

Османъ. То, что обыкновенно всѣ дѣлаютъ. Мы сидѣли, или лежали на мягкихъ подуш-

кахъ, курили табакъ, пили шербетъ, ѣли сахарныя закуски, слушали музыкантовъ, пѣвцовъ, глядѣли на танцовщиковъ, танцовщицъ — и зѣвали. Охота и прогулка болѣе мнѣ нравились, нежели пиры; однако скука часто слѣдовала за мною по полямъ и находила меня въ самой густой тѣни моего сада. Ахъ, отецъ мой! многіе завидуютъ моему богатству; но я отдалъ бы съ радостью половину онаго, двѣ трети, лишь бы только найти счастіе.

Ибрагимъ. Сынъ мой! богатство не можетъ сдѣлать всякаго счастливымъ. Тѣ только богатые счастливы, которые умѣютъ употреблять съ пользою свое богатство. Родитель твой, Кебибъ, обладалъ неисчетными сокровищами; но самое драгоцѣннѣйшее изо всѣхъ его сокровищъ было превосходное его сердце и благоразуміе. Онъ былъ совершенно счастливъ и счастіе его превосходило самое его богатство. Впрочемъ, успокойся, Османъ: обнадеживаю тебя, что ты будешь доволенъ собою; что упражненія и добрыя дѣла разсѣютъ твою скуку, такъ, какъ лучи солнца разсѣваютъ туманъ. Останься на нѣсколько времени у меня; станемъ вмѣстѣ искать для тебя счастія — безъ сомнѣнія, мы найдемъ его.

Османъ остался у Ибрагима. Ибрагимъ предложилъ ему умѣренную вечернюю трапезу; но Османъ, утрудясь отъ тягости пути, не прико-

свулся ни до чего, погрузился снова въ уныніе, и наконецъ заснулъ очень крѣпко.

На другой день Османъ проснулся, когда солнце часа уже четыре было на горизонтѣ. Онъ просыпался обыкновенно въ это время. Между тѣмъ Ибрагимъ принесъ мольбы Существу существъ, насладился восхожденіемъ великолѣпнаго свѣтила, вкусилъ удовольствіе чтенія и отеръ слезы тремъ, или четыремъ несчастнымъ, пришедшимъ къ нему изъ Багдада. Старецъ, по пробужденіи Османа, повелъ его въ беседку изъ тѣнистыхъ деревъ, куда въ самый знойный полдень не проникалъ ни одинъ лучъ солнца. Тутъ вкусили они млека и плодовъ. Ибрагимъ началъ разговаривать съ Османомъ о величіи Творца и удивительномъ порядкѣ природы, о пользѣ наукъ и просвѣщенія, о дѣлахъ, относящихся до правленія, и о любви къ отечеству. Краснорѣчіе Ибрагима было столь сильно и убѣдительно, что мракъ скуки, покрывавшій доселѣ чело Османа, исчезъ; онъ не спускалъ глазъ съ Ибрагима и, казалось, боялся проронить даже одно его слово. Съ благороднымъ чистосердечіемъ Османъ признался мудрецу, что бесѣда его много ему нравилась, но что онъ самъ не въ состояніи былъ сказать почти ни слова о тѣхъ предметахъ, о которыхъ говорилъ Ибрагимъ. — Ибрагимъ узналъ отъ Османа, что онъ не получилъ хорошаго воспитанія. Османъ, лишившись еще въ колыбели отца, находился до шестнадцати лѣтъ подъ при-

смотромъ родственника своего Али-Мегмета, человѣка весьма храбраго и честнаго, но грубаго и непросвѣщеннаго, который, обучивъ его искусству метать копье, стрѣлять изъ лука, биться на сабляхъ и объѣзжать самыхъ дикихъ арабскихъ и персидскихъ жеребцовъ, думалъ, что уже нечему болѣе учить благороднаго юношу. Шестнадцати лѣтъ Османъ сдѣлался полнымъ господиномъ своего имѣнія, ибо Али-Мегметъ въ то время умеръ. Въ такихъ лѣтахъ и при такомъ богатствѣ, какое имѣлъ Османъ, что̀ оставалось ему дѣлать, какъ не предаться забавамъ? Онъ предался имъ безъ всякой умѣренности, пресыщался сладострастіемъ, и наконецъ— что обыкновенно случается со всѣми ему подобными—разстроилъ свое здоровье и получилъ отвращеніе отъ того, въ чемъ полагалъ прежде свое благополучіе. Османъ, устыдившійся своего невѣжества и ничтожной жизни, которую велъ до сего времени, просилъ Ибрагима со слезами, что бы онъ принялъ на себя трудъ образовать его разумъ и сердце. Ибрагимъ обнялъ благомыслящаго юношу и съ радостью взялся за должность наставника.

Мѣсто скуки заступило въ душѣ Османа любопытство—сей источникъ человѣческихъ познаній. Ибрагимъ умѣлъ употребить въ пользу склонность своего воспитанника. Чѣмъ болѣе Османъ пріобрѣталъ познанія, тѣмъ болѣе хотѣлъ еще знать: такъ точно, чѣмъ болѣе льютъ на огонь масла, тѣмъ болѣе онъ пылаетъ. Ибра-

гимъ и Османъ не покидали ни на часъ другъ друга. Время ихъ проходило въ ученіи и прогулкахъ. То занимались они въ книгохранилищѣ чтеніемъ, или дѣлали въ кабинетѣ какіе-либо полезные опыты; то гуляли на открытомъ воздухѣ, или отдыхали подъ прохладною тѣнью. Но прогулка и отдохновеніе были то же временемъ уроковъ для Османа; ибо онъ, прогуливаясь и отдыхая вмѣстѣ съ Ибрагимомъ, разговаривалъ съ нимъ и, слѣдовательно, научался. Османъ привыкъ уже рано вставать и спалъ четырьмя часами менѣе прежняго; но время, казалось ему, летѣло быстрѣе птицы. Часто при захожденіи солнца говаривалъ онъ со вздохомъ Ибрагиму: «ахъ, отецъ мой! солнце уже отъ насъ скрывается! Давно ли оно взошло?» — Въ три недѣли, не болѣе, Османъ почувствовалъ въ себѣ удивительную перемѣну. Умѣренная и здоровая пища, продолжительныя прогулки, а болѣе всего спокойствіе духа, покрыли снова лице его живымъ румянцемъ. Османъ подобенъ былъ цвѣтку, который блекнулъ отъ зноя и клонился уже къ землѣ; но когда благодѣтельная рука полила его, распрямился мало-по-малу и сталъ увеселять взоры своею красотою и свѣжестью.

Однажды, какъ Ибрагимъ съ Османомъ выходили на прогулку, молодой поселянинъ, весь въ слезахъ, бросился къ ногамъ перваго, обнялъ его колѣна и не могъ отъ рыданій произнести ни слова. «Что съ тобою сдѣлалось,

Газебъ?» спросилъ его съ чувствительностью Ибрагимъ. — Ахъ, отецъ нашъ! насилу могъ вымолвить Газебъ: Зумбеку ужалила ядовитая змѣя; возврати бѣднымъ дѣтямъ мать, возврати несчастному мужу жену, которую онъ болѣе себя любитъ. — Ибрагимъ хотя и самъ имѣлъ весьма немалыя свѣдѣнія во врачебномъ искусствѣ, но держалъ еще при себѣ, для леченія поселянъ и бѣдныхъ, искуснаго врача. Онъ поднялъ ласкаво несчастнаго супруга, велѣлъ призвать своего врача,—и всѣ четверо вмѣстѣ пошли въ шалашъ Газебовъ.

Какая картина представилась тутъ ихъ взору! Блѣдная Зумбека, съ растрепанными волосами и обнаженною грудью, лежала распростерта на полу и боролась уже со смертью; всѣ члены ея трепетали отъ ужаснѣйшихъ судорогъ. Трое малютокъ окружали несчастную и раздирали ея сердце своимъ воплемъ. Одинъ цѣловалъ ея лице, другой руки, а третій, самый младшій, приползъ къ груди и пронзительнымъ крикомъ требовалъ себѣ пищи. Ибрагимъ осмотрѣлъ первый рану Зумбеки и взглянулъ печально на врача. Потомъ осмотрѣлъ рану самъ врачъ, приложилъ къ оной цѣлебныя травы и завязалъ, не говоря ни слова. По приказанію Ибрагима, дѣти отведены были къ нему въ домъ: младшаго отдали кормить женщинѣ, которая недавно лишилась своего младенца; къ умирающей Зумбекѣ приставили попечительную старушку, а самого Газеба Ибрагимъ поручилъ одному изъ

его родственниковъ, изливъ напередъ бальзамъ утѣшенія и надежды въ его сердце.

Но какъ только Ибрагимъ вышелъ изъ хижины Газеба, то и устремилъ опять глаза свои на врача, который хранилъ печальное молчаніе. «Такъ нѣтъ, любезный Барказъ, никакой надежды?» спросилъ его Ибрагимъ со вздохомъ —Нѣтъ! отвѣчалъ Барказъ: ядъ уже свирѣпствуетъ въ жилахъ Зумбеки, и часа черезъ два не будетъ жены у Газеба, а у дѣтей его—матери. — «Бѣдный Газебъ! воскликнулъ Ибрагимъ: онъ такъ горячо любитъ Зумбеку! Бѣдныя дѣти! ничто не можетъ вознаградить вамъ потери нѣжной и доброй матери!» — Ужасное сіе приключеніе тронуло сердце Османа, который былъ отъ природы добръ и чувствителенъ. — «Отецъ мой! сказалъ онъ Ибрагиму, какъ-будто былъ вдохновенъ въ то время самимъ Пророкомъ Магометомъ: не задолго передъ отъѣздомъ моимъ сюда отправился изъ Дамаска въ Багдадъ, по повелѣнію великаго нашего калифа, славный врачъ Абдулминъ. Можетъ быть, онъ и теперь еще въ Багдадѣ. Въ Дамаскѣ у насъ Абдулминъ дѣлалъ чудеса, а особливо прославился леченіемъ отъ угрызенія змѣй.» — Едва успѣлъ Османъ произнести сіи слова, то и побѣжалъ къ жилищу Ибрагимову. Тутъ велѣлъ онъ одному изъ своихъ невольниковъ осѣдлать скорѣе лошадь, вскочилъ на нее и черезъ часъ возвратился съ Абдулминомъ. Абдулминъ, посредствомъ эликсира, составлен-

наго изъ цѣлительныхъ травъ и минераловъ, въ два дня возвратилъ Зумбекѣ жизнь и здоровье. Османъ осыпалъ его благодареніями и принудилъ взять отъ себя на память крупный алмазъ, достойный украшать чалму самого калифа.

По выздоровленіи Зумбеки, Барказъ, врачъ Ибрагимовъ, объявилъ Газебу, что онъ спасеніемъ жизни своей жены обязанъ Осману: ибо, безъ удивительнаго искусства Абдулмина, за которымъ Османъ нарочно ѣздилъ въ Багдадъ, жизнь ея должна была прекратиться въ самой скорости. Газебъ, услышавъ сіе, пошелъ съ своею женою и со всѣми дѣтьми благодарить Османа. Въ то время, какъ они пришли, Османъ занимался съ Ибрагимомъ чтеніемъ въ его кабинетѣ. Зумбека входитъ первая, держа на рукахъ своего младенца, и кидается къ ногамъ Османа. Газебъ и старшія его дѣти дѣлаютъ то же самое. — «Ангелъ небесный! говоритъ Зумбека юношѣ, роняя слезы благодарности къ стопамъ его: да ниспошлетъ тебѣ великій Алла и святый Пророкъ столько радостей, сколько сіяетъ звѣздъ на небѣ, сколько находится зеренъ песку на днѣ морскомъ. Ты возвратилъ меня мужу и моимъ дѣтямъ; безъ тебя сей младенецъ, который покоится теперь у груди моей, сосалъ бы чужое молоко и улыбался бы чужой, а не своей матери.» — Газебъ не могъ отъ слезъ вымолвить ни слова и лобызалъ только прахъ ногъ Османа. Дѣти цѣ-

ловали его одежду и плакали отъ радости вмѣстѣ съ своими родителями. Османъ былъ самъ тронутъ до слезъ; онъ обласкалъ Газеба и Зумбеку, перецѣловалъ всѣхъ ихъ малютокъ и отпустилъ домой, принудивъ отца и мать взять отъ него кошелекъ съ секинами.

«Ты плачешь, Османъ?» сказалъ Ибрагимъ, когда они остались одни. — Такъ, отецъ мой! плачу, отвѣчалъ Османъ: но никогда еще не чувствовалъ столько удовольствія и улыбаясь, сколько чувствую теперь, проливая слезы. Правду говорилъ мнѣ ты, почтенный мужъ: кто хочетъ быть счастливымъ, тотъ долженъ трудиться и дѣлать добро. Когда я, по совѣту твоему, оставилъ праздность, то и скука меня оставила. Сдѣлавъ нынѣ первый еще разъ въ моей жизни настоящее добро, нахожу себя столь довольнымъ, столь веселымъ, что не могу прибрать словъ для изъясненія тебѣ моей радости .... Отецъ мой! нѣсколько уже времени занимаюсь я вмѣстѣ съ тобою трудами; станемъ же дѣлать вмѣстѣ и благодѣянія. Всякій почти день приходятъ къ тебѣ несчастные изъ Багдада. Не могу, подобно тебѣ, утѣшать ихъ и подавать имъ полезныхъ совѣтовъ; но могу, какъ и ты, давать имъ свое золото, которое нерѣдко бываетъ для нихъ нужно. Знаю, ты не согласишься, что бы я одинъ помогалъ деньгами всѣмъ бѣднымъ, которые сюда приходятъ; но половинѣ изъ нихъ давай ты свое золото, а другой половинѣ буду давать я. Впрочемъ,

ничего не сдѣлаю безъ твоего совѣта и стану учиться у тебя, какъ должно помогать несчастнымъ.

Ибрагимъ, вмѣсто отвѣта, обнялъ съ сердечнымъ восторгомъ добраго Османа.

Четыре уже мѣсяца прошло, какъ Османъ жилъ у Ибрагима. Онъ позабылъ, что̀ такое скука и почиталъ себя совершенно счастливымъ отъ того, что, по примѣру почтеннаго своего наставника, каждый день трудился и каждый день дѣлалъ добро. Просыпаясь, веселился онъ всегда тою мыслью, что пріобрѣтетъ новыя познанія и облегчитъ жребій нѣсколькихъ несчастныхъ; ложился спать, утѣшаясь обыкновенно тѣмъ, что съ пользою провелъ день. Время протекало непримѣтно въ ученіи и въ благодѣяніяхъ. Всякое утро Ибрагимъ съ Османомъ вставали до восхожденія солнечнаго и шли на холмъ, находящійся не въ дальнемъ разстояніи отъ ихъ жилища. Когда блистательное свѣтило дня появлялось во всемъ своемъ величіи на небосклонѣ, падали ницъ они и возсылали свои мольбы къ Тому, Кто сотворилъ солнце и всю подсолнечную. Молитва ихъ не была длинна, но усердна. Въ продолженіе оной ни одинъ изъ нихъ не произносилъ ни слова; но каждый чувствовалъ много, каждый находился въ какомъ-то неизъяснимомъ восторгѣ, и можно сказать, что оба они дѣйствительно въ сіе время бесѣдовали съ

Богомъ. По совершеніи молитвы, шли въ садъ, гдѣ, для укрѣпленія своего здоровья, трудились нѣкоторое время какъ простые работники, а работая, разговаривали между собою о важныхъ и полезныхъ предметахъ, какъ прямые мудрецы. Когда жаръ отъ солнечныхъ лучей становился несносенъ и Ибрагимъ съ Османомъ начинали чувствовать усталость, то оставляли свои садовыя орудія, а брали книги и занимались чтеніемъ въ прохладной тѣни сада, или въ книгохранилищѣ. Въ полдень обѣдали; послѣ обѣда отдыхали, а отдохнувъ, трудились еще около трехъ, или четырехъ часовъ. Вечеромъ обыкновенно ходили гулять; возвратившись же съ прогулки, садились у воротъ своего жилища, и тутъ-то мудрый Ибрагимъ, какъ въ началѣ сей повѣсти упомянуто, бесѣдовалъ съ поселянами до захожденія солнца, или изъяснялъ имъ божественный Алкоранъ. Въ такихъ упражненіяхъ проходили у нихъ дни. Труды, ученіе, прогулка имѣли положенные часы; не было только опредѣлено часовъ для вспоможенія несчастнымъ: во всякое время имѣли они доступъ къ Ибрагиму и Осману.

Однажды вечеромъ Ибрагимъ, прогуливаясь съ Османомъ, началъ говорить о любви къ отечеству. «Любовь къ отечеству, сказалъ онъ, между прочимъ, есть такой долгъ, который обязаны свято исполнять всѣ живущіе въ обществѣ люди, начиная отъ государя до послѣдняго гражданина. Кто не приноситъ никакой пользы

обществу, тотъ самъ не достоинъ пользоваться выгодами онаго; а кто болѣе получаетъ отъ общества выгодъ, тотъ болѣе обязанъ и служить ему. Кто же болѣе имѣетъ въ обществѣ выгодъ, какъ не тѣ люди, которые пользуются преимуществами рода и богатствомъ? Родитель твой, Кебибъ, считался первымъ въ государствѣ человѣкомъ по знатности своего происхожденія и по своимъ несмѣтнымъ сокровищамъ; но его почитали также первымъ и по его отличнымъ заслугамъ. Онъ былъ искуснѣйшій полководецъ, глубокій политикъ и справедливый судья. Въ твои лѣта приносилъ уже онъ отечеству большую пользу, хотя и не имѣлъ еще тогда тѣхъ знаковъ отличія, какіе ты носишь теперь на себѣ, по милости Калифа.» — При сихъ послѣднихъ рѣчахъ Османъ потупилъ глаза и, устремивъ ихъ на свой кинжалъ и саблю, осыпанные алмазами, закраснѣлся отъ стыда, какъ виновный. Ибрагимъ, примѣтивъ его смущеніе, перемѣнилъ разговоръ и завелъ рѣчь о другомъ предметѣ; но Османъ весь вечеръ пробылъ въ великой задумчивости, не слушалъ почти Ибрагима, и на другой день, послѣ молитвы, отъ него скрылся. Ибрагимъ спрашивалъ объ немъ у всѣхъ домашнихъ; однако никто не зналъ, куда дѣвался Османъ. Не сказавшись ни кому, уѣхалъ онъ тайно въ Багдадъ, чтобы увидѣться съ калифомъ.

Калифъ Гарунъ-Алрашидъ былъ мудрый и добрый государь. Подданные почитали и любили

его. Да и какъ не почитать, какъ не любить такого государя, который дѣлалъ все для пользы и славы своего народа! Онъ распространилъ просвѣщеніе въ своемъ государствѣ; умножилъ человѣколюбивыя заведенія; уменьшилъ налоги и умножилъ государственные доходы, ободряя земледѣліе, промышленость и торговлю; устроилъ наилучшимъ образомъ войско, которое употреблялъ не для завоеванія чужихъ областей, но для защиты своего народа и союзниковъ; болѣе же всего подданные любили его за то, что онъ установилъ повсюду между ними строжайшее правосудіе. Кто былъ угнетаемъ властью сильнаго и тщетно искалъ въ судахъ для себя справедливости, тотъ находилъ наконецъ оную у престола калифа: ибо калифъ позволялъ въ такомъ случаѣ приносить себѣ жалобы не только письменно, но и словесно. Онъ выслушивалъ благосклонно даже послѣдняго ремесленника и поселянина, разыскивалъ самъ дѣло, и если открывалось, что принесшій ему жалобу дѣйствительно былъ притѣсненъ, то наказывалъ виновныхъ примѣрнымъ образомъ. Ложные доносчики и безразсудные просители, которые дерзали безпокоить калифа и похищать у него драгоцѣнное время, получали также каждый, соразмѣрное съ своимъ преступленіемъ, наказаніе. Всѣ знали, что калифъ былъ правосуденъ и опасались дѣлать неправосудіе; всѣ знали, что калифъ, при величайшемъ хладнокровіи, имѣлъ чрезвычайную проницательность — и опасались

дѣлать ему неосновательные доносы. Сначала вступленія его на престолъ, когда онъ объявилъ, что будетъ принимать лично отъ всѣхъ жалобы, стали являться къ нему многочисленныя толпы людей разнаго состоянія. Дѣйствительно, много тогда между ними было утѣсненныхъ; но гораздо еще болѣе того клеветниковъ и безразсудныхъ, которые требовали, чтобы самое маловажное дѣло, въ противность установленнаго порядка, рѣшено было въ ихъ пользу однимъ словомъ, или начертаніемъ руки калифа. Послѣ, однако, того, когда калифъ сдѣлалъ вездѣ судьями людей свѣдущихъ и испытанной честности; когда судьи незнающіе и безпечные лишены были своихъ мѣстъ, а корыстолюбивые получили позорное наказаніе; когда опредѣлено было ясно, въ какомъ точно случаѣ должно приносить лично жалобу калифу, то число просителей чрезвычайно уменьшилось; цѣлыя недѣли, а иногда и мѣсяцы не являлись просители къ калифу. Впрочемъ, всякій, кто имѣлъ до него необходимую надобность, могъ свободно говорить съ нимъ во всякое время и во всякомъ мѣстѣ.

Османъ, пріѣхавъ въ Багдадъ, летитъ во дворецъ Гаруна-Алрашида, заставляетъ немедленно объявить о себѣ, что имѣетъ до него важное дѣло, и падаетъ вскорѣ къ его ногамъ. — «Повелитель вѣрныхъ! сказалъ онъ ему: я Османъ, сынъ Кебиба дамасскаго и ученикъ Ибрагима. Отъ тебя получилъ я сію саблю и кинжалъ, украшенные драгоцѣнными каменьями;

возьми ихъ назадъ.» — Изумленный калифъ глядѣлъ пристально на Османа. — «Возьми ихъ назадъ, продолжалъ юноша: клянусь гробомъ Великаго Пророка, что на всѣ сокровища султана Соломона не промѣнялъ бы я этой сабли и кинжала; но Ибрагимъ, мой мудрый наставникъ, далъ мнѣ почувствовать, что я не заслужилъ еще сихъ отличныхъ знаковъ твоего благоволѣнія и милости; совѣсть моя говоритъ мнѣ то же самое; итакъ, возьми ихъ, повелитель вѣрныхъ! и возврати мнѣ тогда, когда я сдѣлаюсь достойнымъ оныхъ, а теперь дай мнѣ должность, соотвѣтственную моимъ лѣтамъ и способностямъ; буду служить усердно отечеству: я сынъ Кебиба, я ученикъ Ибрагимовъ.» — Калифъ обнялъ Османа, обѣщалъ исполнить его просьбу и отвезъ его самъ къ Ибрагиму.

Добрый старецъ прослезился отъ радости, услышавъ отъ калифа о благородномъ поступкѣ своего ученика. Калифъ намѣренъ былъ дать Осману мѣсто перваго начальника своей стражи, но Османъ вошелъ въ корпусъ его тѣлохранителей, довольствуясь званіемъ младшаго офицера. Скоро, по вступленіи своемъ въ службу, пріобрѣлъ онъ любовь и уваженіе отъ всѣхъ своихъ подчиненныхъ, товарищей и начальниковъ. Ибрагимъ, присутствовавшій съ первѣйшими чиновниками государства и подобными себѣ мудрецами въ верховномъ совѣтѣ, испросилъ у калифа Осману позволеніе ходить туда всякое засѣданіе. Черезъ десять лѣтъ Османъ

сдѣлался первымъ по Ибрагимѣ совѣтникомъ въ важнѣйшихъ государственныхъ дѣлахъ и однимъ изъ самыхъ лучшихъ военачальниковъ; народъ и войско любили его болѣе всѣхъ послѣ государя. На тридцать шестомъ году своего возраста получилъ онъ обратно отъ калифа драгоцѣнный кинжалъ и саблю, а на сорокъ второмъ сдѣланъ королемъ Дамаска, гдѣ прежде царствовалъ его родитель, Кебибъ. Османъ достоинъ былъ сихъ милостей калифа. Онъ спасъ отечество отъ погибели, разбивъ сильное войско невѣрныхъ, которое внезапно ворвалось въ предѣлы государства; участвовалъ болѣе всѣхъ въ составленіи книги законовъ, прославившей царствованіе Гаруна-Алрашида, и пожертвовалъ почти всѣмъ своимъ богатствомъ для вспоможенія несчастнымъ во время заразы и голода, свирѣпствовавшихъ два года сряду въ Аравіи.

Чего не доставало къ благополучію Османа? Онъ имѣлъ у себя почтенныхъ друзей, рѣдкую супругу и любезныхъ дѣтей. Князь Бармесидовъ, великій визирь Жіаффаръ, предлагалъ ему руку своей дочери, Абассы, равнявшейся красотою съ принцессою Ильдингстоною, дочерью калифа Гаруна-Алрашида и прекрасной Зобеиды; однако Османъ женился на юной и кроткой Зулемѣ, которая хотя и уступала гордой Абассѣ въ прелестяхъ, знатности рода и богатствѣ, но несравненно превосходила ее качествами ума и ...ъ. Никогда Османъ не раскаявался въ сво... борѣ, потому что нашелъ въ женѣ не

любовницу только, но и друга. Послѣ важныхъ государственныхъ занятій находилъ онъ самое пріятное отдохновеніе въ нѣдрѣ своего семейства. Османъ самъ воспитывалъ своихъ сыновей, самъ образовалъ ихъ умъ и сердце, и болѣе всего запрещалъ имъ быть въ праздности. Твердо помнилъ онъ ученіе Ибрагима: трудился во всю жизнь, дѣлалъ добро и былъ счастливъ.

«Сколько однако есть людей — скажетъ кто нибудь здѣсь — которые трудятся и дѣлаютъ добро; но жалуются на свой жребій! Бѣдность, болѣзни, потеря ближнихъ и друзей, притѣсненія, обиды и многія другія причины не заставляютъ ли часто страдать насъ?» — Это справедливо, и самъ Османъ нерѣдко страдалъ. Не возможно описать печали, какую чувствовалъ онъ, лишившись навсегда Ибрагима. Всѣ отъ чистаго сердца оплакивали кончину сего мудраго и добродѣтельнаго старца; но ни чье сожалѣніе, ни чья горесть не могли сравняться съ болѣзненными чувствованіями Османа. Ибрагимъ сдѣлалъ его своимъ наслѣдникомъ, или, лучше сказать, преемникомъ своихъ благотвореній, и Османъ почиталъ какъ бы родственниками себѣ тѣхъ несчастныхъ, кои достались ему послѣ его наставника. Смерть Ибрагима, а также и калифа Гаруна-Алрашида, который вскорѣ за нимъ послѣдовалъ, были для Османа самыми тягостнѣйшими ударами судьбы; но и кромѣ сихъ случаевъ нерѣдко онъ проливалъ слезы горести и проводилъ безпокойно цѣлыя ночи; сердце его обли-

валось кровью, когда онъ не могъ облегчить участи несчастныхъ; ибо иногда никакія земныя сокровища, никакое человѣческое могущество не въ состояніи утѣшить бѣдныхъ смертныхъ; однако же, не смотря на таковыя огорченія, Османъ былъ счастливъ, прямо былъ счастливъ.

Что такое на землѣ счастіе? Въ чемъ оно состоитъ? Мудрый Ибрагимъ полагалъ его въ спокойной совѣсти. — «Тотъ только счастливъ, говаривалъ онъ своимъ ученикамъ, кто имѣетъ чистую совѣсть; а кто трудится и дѣлаетъ по возможности добро, у того совѣсть чиста.» — Итакъ кто-же былъ счастливѣе Османа?

Османъ умеръ на восемьдесятъ третьемъ году отъ рожденія. Смерть его произвела всеобщій плачъ въ Дамаскѣ. Казалось, что весь народъ составлялъ одно семейство, оплакивающее нѣжно любимаго отца; и въ самомъ дѣлѣ Османъ былъ примѣрнымъ отцемъ для гражданъ дамасскихъ. Они соорудили ему великолѣпную пирамиду, въ которой погребли его тѣло, и на сей пирамидѣ изобразили златыми буквами слѣдующую надпись, сочиненную самимъ Османомъ, за день до его кончины.

«Здѣсь погребенъ Османъ, король дамасскій, «который жилъ 82 года и былъ счастливъ 60 «лѣтъ. Счастіемъ своимъ обязанъ онъ Ибрагиму, «мудрецу багдадскому. — Хочешь ли и ты, чита-«ющій сіи строки, быть счастливымъ? Послѣдуй «ученію Ибрагима и примѣру Османа: *трудись, «дѣлай добро и будешь счастливъ.*»

БѢДНАЯ МАША.

РОССІЙСКАЯ, ОТЧАСТИ СПРАВЕДЛИВАЯ ПОВѢСТЬ.

Il n'est point de bonheur que dans l'amour légitime.

Florian.

Простаковъ, пожилой и отставной оберъ-офицеръ, посредственнаго достатка, посредственнаго разума, но весьма добраго сердца, жилъ со старухою, своею женою, одинакихъ съ нимъ свойствъ, въ городѣ * * *. Главнѣйшее ихъ упражненіе состояло во снѣ, въ хожденіи по праздникамъ въ церковь и въ употребленіи съ своими сосѣдями и пріятелями домашнихъ наливокъ.

Была у нихъ племянница *Маша*, оставшаяся сиротою послѣ отца и матери. Дядя и тетка, будучи бездѣтны, любили ее какъ бы родную свою дочь. Смирна, послушлива, прекрасна и любезна, она входила у всѣхъ въ любовь. Ей было семнадцать лѣтъ. — Всякая мать говорила своему сыну: «Дай тебѣ Богъ такую невѣсту, какова *Маша*: какая она хозяйка!* »

---

* Тетка препоручила *Машѣ* смотрѣть за домомъ, и она отправляла съ похвалою сію должность.

Всякой сынъ говорилъ самъ себѣ: «Дай мнѣ Богъ такую невѣсту, какова *Маша:* какая она красавица!»

Молодой человѣкъ семнадцати лѣтъ желаетъ пріобрѣсти себѣ поскорѣе въ свѣтѣ нѣкоторое званіе; дѣвушка же семнадцати лѣтъ желаетъ поскорѣе выйти замужъ. *Маша*, будучи молода, хороша, знавши хозяйничать, не намѣревалась идти въ монастырь. Дядя и тетка, также вѣдая, что нельзя ей жить вѣкъ съ ними, хотѣли выдать ее за добраго человѣка.

Многіе за нее сватались, но иные не казались ей, другіе ея родственникамъ. Наконецъ сыскался такой женихъ, который зналъ искусство нравиться и молодымъ и старымъ.

Миловъ (такъ можно его назвать) былъ лѣтъ двадцати пяти, статенъ, ловокъ, боекъ, учтивъ и щеголь. Онъ не жилъ въ семъ городѣ, но пріѣхалъ въ оный за нѣкоторою нуждою. Наслышавшись о достоинствахъ *Маши* и о ея приданомъ (которое, правда, было не очень велико, однако же и не мало), вздумалъ ее посмотрѣть. Онъ сыскалъ одну старушку набожной физіономіи, которая исправляла лѣтъ съ двадцать должность свахи, и просилъ ее, чтобы она рекомендовала его родственникамъ *Маши;* поднесъ ей нѣсколько чарочекъ, обѣщалъ дать за труды нѣсколько рублевиковъ — и она взялась за дѣло.

Проворная сваха пошла прямо отъ *Милова* *Простакову*. Входитъ въ комнату и, помо-

лившись, кланяется низехонько хозяину и хозяйкѣ. — Мнѣ есть до вашей милости нужда, говорить она имъ. — Какая, голубушка, какая? спрашиваетъ ее *Простаковъ*. — У васъ есть товаръ, а у меня купецъ. — Садись-ко, садись... дай-ко, жена, намъ наливочки. — Сватается; батюшка, за вашу племянницу молодецъ смирный, постоянный и, какъ красная дѣвушка, хмѣльного въ ротъ не беретъ. — Хорошо, старушка, хорошо; да таковъ ли онъ полно? сказала *Простакова* свахѣ, поднося ей рюмку крѣпкой наливки. — Чтобы мнѣ, старой вѣдьмѣ, сейчасъ захлебнуться, коли я вамъ лгу.... Сами изволите увидѣть, коли прикажете ему къ себѣ побывать. — Пусть пожалуетъ, пусть пожалуетъ: мы ради дорогому гостю. —

На другой день *Миловъ*, одѣвшись какъ можно лучше, и сопровождаемый свахою, идетъ невѣсту посмотрѣть, а себя показать. *Простаковъ* принимаетъ его ласково и сажаетъ возлѣ себя. —Прикажи-ко, старуха, подать дорогому гостю вишневочки, сказалъ онъ женѣ своей. — Покорно благодарю, я не пью наливокъ, отвѣчалъ воздержный женихъ. — Такъ бѣлаго, коли не изволишь кушать наливки? — Прошу не безпокоиться, я ничего не пью. — *Маша!* говоритъ *Простакова* племянницѣ (которая тогда изъ другой комнаты поглядывала на *Милова* въ замочную щелку.) *Маша!* войди сюда. — *Маша*, наряженная въ праздничное платье, потупя глаза, входитъ въ горницу, кланяется

Милову съ робостью, который подходитъ къ ней съ вольнымъ, но и почтительнымъ видомъ, беретъ бѣлую ея ручку и цѣлуетъ. *Маша*, у которой до сихъ поръ никто еще не цѣловалъ рукъ, покраснѣла. — Тетка улыбнулась. — Поднеси-ка гостю медку, сказала она ей. — *Маша* подноситъ; стаканъ трясется у ней на подносѣ. — *Миловъ*, благодаря ее за трудъ, выпиваетъ безъ отговорокъ. Невѣсту посадили возлѣ жениха. Она краснѣла и блѣднѣла попеременно во все то время, какъ онъ у нихъ пробылъ.

Миловъ понравился съ перваго раза дядѣ, теткѣ и племянницѣ. Какъ онъ уже ушелъ, то *Простаковъ* сказалъ женѣ своей: «каковъ, старуха, молодецъ?» — Хоть бы кому! отвѣчала его сожительница, которая, видно, имѣла нѣкоторый вкусъ въ мужчинахъ. — Какъ тебѣ онъ, *Машенька*, кажется?... — Скромная *Машенька* потупила глаза въ землю и сдѣлалась нѣмою. — Посмотри какой красавецъ: бѣлъ, румянъ, какъ одѣвается! сваха мнѣ говорила, что онъ еще мастеръ играть на гусляхъ. — И на скрыпкѣ, тетушка, примолвила *Маша*. — Пойдешь ли ты за этого жениха? спросила тетка. — Мнѣ онъ не противенъ, отвѣчала племянница томнымъ голосомъ.

Дѣло пошло на ладъ. Благоразумный *Простаковъ* поразспросилъ у своихъ знакомцевъ о поведеніи *Милова*, котораго они видали нѣ-
ѣско разъ на дорогѣ и въ церкви. Не слыша

объ немъ ничего худого, сдѣлалъ онъ съ нимъ условіе о приданомъ и отдалъ своей женѣ повелѣніе приготовлять къ свадьбѣ напитки. *Миловъ* просилъ усильно будущаго своего тестя и тещу, чтобы поскорѣе сдѣлали сговоръ. Они исполнили его просьбу. Я почитаю за излишнее говорить о томъ, что дѣвки въ сей торжественный день пѣли свадебныя пѣсни, что хозяева съ гостями опоражнивали бокалы, подносимые свахою, и что женихъ съ невѣстою подслащивали наливки своими поцѣлуями.

Извѣстно всѣмъ, что послѣ сего дня, въ который застѣнчивая невѣста въ первый еще разъ прилѣпляетъ свои уста къ устамъ того, съ кѣмъ помѣнялась кольцами, онъ имѣетъ право ходить къ ней и просить ея поцѣлуевъ. Вы, которыя уже получили то, чего желаютъ дѣвицы, вы, конечно, помните какъ приходилъ къ вамъ женихъ послѣ сговора, какъ приносилъ онъ вамъ гостинцы, какъ отплачивали вы за оные сладкими поцѣлуями, какъ цѣловалъ онъ васъ наединѣ и въ присутствіи подружекъ, завидовавшихъ тогда вашей участи; вы, конечно, легко можете себѣ представить упражненія *Маши* и *Милова* до самой и послѣ самой той минуты, въ которую они вышли изъ церкви, по совершеніи въ оной бракосочетанія и взаимнаго поцѣлуя при насмѣшкахъ смиренныхъ дѣвушекъ, при хохотѣ холостыхъ глупцовъ и при крикѣ ребятъ.

Простаковъ отвелъ у себя въ домѣ особую

для молодыхъ комнатку, потому что *Миловъ*, какъ я сказалъ прежде, былъ человѣкъ заѣзжій и притомъ дядя и тетка ни за чтò бы не разстались съ своею племянницею. — *Маша* любила весьма горячо своего мужа, думала, что и онъ ее много любитъ, потому что много ее цѣловалъ и никогда съ ней не бранился, хотя было тогда у мужей въ ихъ городѣ обыкновеніе бранить раза два, или три въ недѣлю своихъ женъ, для того, чтобы онѣ ихъ почитали.

По прошествіи нѣсколькихъ мѣсяцовъ послѣ свадьбы, *Миловъ* сталъ собираться въ * *, гдѣ, какъ онъ сказывалъ, находился при мѣстѣ. Говорилъ, что ѣдетъ туда для приведенія въ порядокъ нѣкоторыхъ своихъ дѣлъ, а болѣе для того, чтобы, посредствомъ своихъ благодѣтелей, перепроситься къ какой-нибудь должности въ * * *. *Маша*, привыкши къ своему мужу, хотѣла съ нимъ вмѣстѣ ѣхать. *Миловъ*, вспомоществуемый *Простаковымъ* и *Простаковою*, истощилъ все свое краснорѣчіе для отвращенія своей жены отъ сего намѣренія, увѣрялъ ее, что онъ скоро возвратится и что она, будучи беременна, не можетъ перенести безпокойствъ дороги. Не забылъ сдѣлать и обыкновеннаго обѣщанія отъѣзжающихъ: писать часто письма. Наканунѣ ихъ разлуки, выпросилъ онъ у *Маши* деньги и жемчугъ, которыя взялъ за нею въ приданое. На другой день, когда наступилъ часъ прощанія, молодые супруги крѣпко, крѣпко обнимались,

тали безчисленными поцѣлуями лице и руки

другъ у друга, слезы у нихъ текли ручьями. *Миловъ* насилу могъ дойти до кибитки, долго въ нее не садился, наконецъ, вздохнувши тяжело, сѣлъ и велѣлъ извощику ѣхать потихоньку, оглядывался все назадъ и смотрѣлъ на *Машу*, которая стояла у воротъ и плакала. Едва потеряла она его изъ виду, то и упала въ обморокъ.

Съ горести она было-занемогла, но крѣпкая ея природа, утѣшенія ея родственниковъ, время и надежда излечили ее отъ болѣзни. — Что дѣлала она по своемъ выздоровленіи? — Плакала и разговаривала съ дядею и теткою о своемъ мужѣ. Гаданье на картахъ сдѣлалось главнѣйшимъ ея упражненіемъ. Если червонный король ложился неподалеку отъ червонной крали—какое удовольствіе блистало тогда въ глазахъ ея! она брала его, цѣловала, прижимала къ своему сердцу; но если черная пиковая масть, возвѣщающая несчастіе, окружала любимую карту, — то какъ тосковала въ то время суевѣрная *Маша!* Ей казалось, что любезный ея *Миловъ* или подверженъ опасностямъ, или боленъ, или и не живъ.

Черезъ нѣсколько мѣсяцовъ послѣ отъѣзда своего мужа, *Маша* произвела на свѣтъ прекраснаго мальчика. Кто можетъ изобразить чувство матери при рожденіи перваго ея младенца! Маленькій *Миловъ* былъ живой портретъ большого. Можно догадаться скучала ли *Маша* ходить за своимъ сыномъ и питать его своимъ молокомъ. При крещеніи дали ему имя отца его.

Радость *Маши* возмущалась только отсуствіемъ и молчаніемъ ея мужа. Она посылала къ нему на каждой почтѣ большія письма, но не получала отъ него въ отвѣтъ ни одной строки, не знала что объ немъ придумать, плакала и молилась Богу.

Простаковъ писалъ къ своимъ знакомцамъ, живущимъ въ * *, прося ихъ увѣдомить себя пріѣхалъ ли туда его зять и здоровъ ли? но получилъ отъ нихъ въ отвѣтъ, что онъ не пріѣзжалъ въ сей городъ и никогда не живалъ въ немъ. По своему ли благоразумію, или по совѣту жены своей, положилъ онъ не сказыватъ о семъ *Машѣ* до нѣкотораго времени.

Въ одинъ день какъ онъ не зналъ что̀ думать должно объ *Миловѣ*, получаетъ письмо отъ своего знакомца, который пировалъ на свадьбѣ его племянницы и который поѣхалъ недавно въ одинъ городъ за своею нуждою. Грамотка сія была слѣдующаго содержанія:

«*Государь мой Пантелеймонъ Трифоно-*
«*вичъ обще съ Государынею Саламанидою*
«*Тарасьевною желаю вамъ на многія лѣта*
«*здравствовать*».

«Усердно поздравляю васъ съ наступившею «Святой Четыредесятницею, желаю вамъ душе-«спасительно оную проводить; увѣдомляю при-«томъ, во-первыхъ, что я пріѣхалъ сюда живъ «и здоровъ, а во-вторыхъ, что нашелъ здѣсь «вашего зятя, сиречь мужа вашей племянницы; «господина *Милова*. Да будетъ вамъ, государю

«моему, вѣдомо, что онъ находится не у дѣлъ, а «женатъ уже года три на другой женѣ, не на рус«ской, а на Нѣмкѣ, живетъ здѣсь съ нею и ѣстъ по «постамъ скоромное. Совѣтую вамъ, яко старин«ный другъ, приказать вашей племянницѣ, что«бы она о семъ не печалилась, а подала бы лучше «на него просьбу куда подобаетъ. За симъ оста«юсь вашъ вѣрный слуга

Филимонъ Фатюевъ»

«П. П. Здѣсь варятъ изрядное-таки пиво, «но только, по глупому обыкновенію, кладутъ въ «него мало хмѣлю, вина же цѣльнаго и хорошей «водки не скоро найдешь.»

Прочитавши сіе письмо и проклиная безсовѣстнаго своего зятя, *Простаковъ* рѣшился послѣдовать совѣту умнаго своего пріятеля: позвалъ *Машу*, вынулъ пагубное письмо изъ кармана, надѣлъ очки и прочелъ оное передъ нею вслухъ съ возможною декламаціею.

Бѣдная *Маша* сдѣлалась бѣла какъ хлопчатая бумага, ахнула и чуть не уронила съ рукъ своего сына. Тетка вырвала его у нея. Онъ заплакалъ; *Маша* услышала и, не говоря ни слова, взяла его къ себѣ на колѣна. Долго хранила она глубокое молчаніе и глядѣла на образа, всплеснувъ руками. Наконецъ заблестѣли слезы на черныхъ ея рѣсницахъ и полились ручьями на маленькаго *Милова*.

«Что̀ теперь сдѣлаешь, *Машенька?* сказалъ ей *Простаковъ*, раскаяваясь въ своей неосторож-

ности.» — Что̀ сдѣлаю, дядюшка?.. Поѣду къ нему съ сыномъ. — «Да развѣ ты не слыхала, что онъ живетъ съ другой женою, которая еще и не нашей вѣры?» — Слышала, дядюшка, все слышала! — «Тебя разведутъ съ нимъ, коли ты на него попросишь... Что̀ тебѣ у него дѣлать?» —Мнѣ просить на моего мужа? Что мнѣ у него дѣлать?.. Я буду у него все дѣлать, стану стараться угождать ему... и злодѣйкѣ моей—примолвила она зарыдавши — Нѣмкѣ-то! басурманкѣ-то! вскричала тетка. Въ своемъ ли ты умѣ, *Машенька?* — Разумный дядя, почёсывая у себя въ головѣ и не зная чѣмъ отвратить племянницу отъ сего намѣренія, сказалъ ей: «Они уморятъ тебя, *Машенька,* по постнымъ днямъ съ голоду. Ты, вѣдь, не захочешь мяса, какъ другая, въ середу и въ пятницу... Проклятый! у насъ онъ не всякій день пилъ и наливки, а теперь со своею женою изволитъ, чай, кушать по постамъ кофе со сливками.

Сильные доводы *Простакова* и *Простаковой* не могли убѣдить *Машу;* они принуждены были отпустить ее съ сыномъ къ вѣроломному *Милову*.

Пріѣхавши она благополучно въ тотъ городъ, гдѣ жилъ ея мужъ, освѣдомляется о его квартирѣ, и взявши съ собою своего сына, идетъ прямо къ нему въ домъ. Входитъ въ прихожую и слышитъ въ другой комнатѣ голосъ *Милова*. Сердце у ней затрепетало. Она боится туда войти. Двери были не плотно затворены; *Маша* подходитъ на цыпочкахъ и смотритъ въ нихъ

потихоньку. Что она увидѣла! Измѣнникъ сидѣлъ на стулѣ; соперница ея сидѣла на колѣнахъ, будучи полуодѣта. Обнявъ его одною рукою и положивъ нерадиво голову къ нему на плечо, она цѣловала его нѣжно. Онъ держалъ другую ея руку, прижималъ оную къ губамъ и груди своей и говорилъ ей: «Какъ я люблю тебя, моя милая *Шарлотта!*» *Маша* не могла долго смотрѣть на сію картину. Вдругъ входитъ она къ нимъ. Ноги у ней подгибаются. *Шарлотта,* увидя прекрасную молодую женщину, одѣтую просто и трясущуюся отъ страха, говоритъ ей ласково, оправляя на себѣ корсетъ: «Кого тебѣ надобно, душенька. — Мужа, сударыня, моего мужа. — «Какого мужа?» спрашиваетъ изумленная *Шарлотта?*» *Миловъ,* поблѣднѣвши какъ преступникъ, котораго терзаетъ совѣсть и страхъ приготовляющейся для него казни, бросается къ ногамъ своихъ женъ, признается имъ во всемъ, проситъ прощенія и заключаетъ тѣмъ, что не можетъ жить безъ нихъ обѣихъ. *Маша* всхлипываетъ и рыдаетъ; *Шарлотта,* стараясь, но не могши скрыть своихъ слезъ, бросаетъ ужасный взоръ на измѣнника и выходитъ съ поспѣшностью изъ комнаты; *Миловъ* хочетъ удержать ее за платье, но въ самое то время заплакалъ сынъ его, котораго еще онъ не видывалъ. Онъ встаетъ, беретъ его къ себѣ на руки, покрываетъ лице его горячими слезами и поцѣлуями и, вздыхая, отдаетъ его обратно *Машѣ,* у которой взялъ, самъ же идетъ искать *Шарлотту.*

Несчастный едва успѣлъ отворить двери въ ту горницу, въ которую она вышла, какъ испускаетъ страшный крикъ. *Маша* бѣжитъ на оный и видитъ свою соперницу распростертую на полу и всю въ крови. Въ обнаженной груди ея, которую недавно ласкала рука *Милова*, былъ вонзенъ большой ножикъ; кровавые пузыри выскакивали изъ глубокой раны и кровь текла ручьемъ по полу съ ея платья прямо къ ногамъ ея мужа. Чувствительная *Маша* кладетъ на стулъ своего сына и приближается къ умирающей для поданія помощи. *Миловъ* вытаскиваетъ пагубное желѣзо изъ груди ея и бросаетъ оное. *Маша* старается остановить теченіе крови, снимаетъ у себя съ шеи косынку и перевязываетъ оною рану, на которую, отъ жалости, капали ея слезы. *Шарлотта* бросаетъ на нее выразительный взоръ, потомъ, обращая блудящіе глаза на своего мужа, стоящаго возлѣ нея на колѣнахъ и держащаго ея руку, говоритъ ему слабымъ голосомъ: «Или для тебя не довольно было одной моей любви, что ты раздѣлилъ свое сердце, которое, клялся, только мнѣ принадлежать будетъ? Какую подала я тебѣ причину къ такой ужасной измѣнѣ? Вспомни хоть одинъ мой проступокъ, хоть одно слово, которымъ бы я тебя огорчила. — Позабывши вѣрность, позабывши честь, для гнусной корысти, ты причинилъ одной погибель, а другой.... Я прощаю тебѣ... Живи счастливо съ другою женой.... Вспомни когда-нибудь и обо мнѣ... присовокупила

она, вздохнувъ весьма тяжело. Сей вздохъ былъ уже послѣдній. — Отчаянный *Миловъ* падаетъ безъ чувствъ головою о край желѣзнаго сундука; кровь потекла у него изъ темени и смѣшалась съ кровью *Шарлотты*. Бѣдная *Маша* не знаетъ что̀ дѣлать. Вдругъ отворяется дверь и входитъ въ горницу лекарь, приведенный служанкою, которая видѣла начало сей страшной сцены. Онъ беретъ окостенѣвшую руку умершей, щупаетъ неподвижный пульсъ, слышитъ и видитъ, что она мертва и съ лекарскимъ тѣлодвиженіемъ говоритъ важно, что нельзя уже ей помочь. Потомъ осматриваетъ лежащаго въ обморокѣ, вынимаетъ изъ кармана скляночку и возвращаетъ ему чувства крѣпкимъ спиртомъ. *Миловъ* встаетъ. Безмолвенъ и мраченъ смотритъ онъ съ минуту на мертвую *Шарлотту*, потомъ окидываетъ глазами все лежащее на полу, схватываетъ ножъ, запекшійся въ крови жены его, и хочетъ пронзить имъ себѣ сердце. Испуганный лекарь, жирная служанка и трепещущая *Маша* не могутъ его обезоружить; наконецъ сія послѣдняя вырываетъ у него ножъ, перерѣзавъ у себя пальцы. Врачь бросается къ окошку, раскрываетъ его и, возвышая голосъ, призываетъ на помощь всѣхъ мимоходящихъ. Въ одно почти мгновеніе комната наполняется многочисленною толпою всякаго рода людей и, по приказанію призвавшаго ихъ, вяжутъ назадъ изступленному *Милову* руки и относятъ его на кроватъ въ другую горницу. Онъ падаетъ вторично въ об-

морокъ; лекарь, перевязавъ у него на головѣ рану, хочетъ пустить ему кровь.

Въ то время, какъ сей привилегированный губитель человѣческаго рода наполнялъ кровью безчувственнаго *Милова* уже четвертую тарелку, опровергая съ ученостью возраженія робкой и незнавшей медицины *Маши*, извѣщенные отецъ и мать *Шарлотты* о плачевномъ приключеніи и частію причинахъ онаго, пріѣзжаютъ въ сей домъ, наполняютъ всѣ комнаты своимъ воплемъ, берутъ окровавленный трупъ единородной своей дочери и увозятъ его съ собою, клянясь погубить преступника.

Миловъ занемогъ пресильною горячкой. Въ чрезвычайномъ жару не узнавалъ онъ никого. Имя *Маши* и *Шарлотты* было безпрестанно у него на языкѣ. То просилъ онъ у нихъ прощенья въ гнусномъ своемъ обманѣ, то заклиналъ ихъ обѣихъ со слезами любить другъ друга, то видѣлъ онъ какъ *Шарлотта* цѣловала *Машинаго* сына, то какъ *Маша* обнимала и ласкала *Шарлотту*. *Маша* и лекарь не отходили ни на часъ отъ постели больного. Первая поправляла у него въ головахъ подушки и нагрѣвала лекарства; лекарь же писалъ рецепты и лилъ насильно всякія микстуры въ ротъ больного.

Недѣли черезъ двѣ жаръ и бредъ прошли въ *Миловѣ*. Онъ былъ въ чрезвычайной слабости, плакалъ мало и говорилъ также. Выслушалъ со вниманіемъ у словоохотливой служанки пространное повѣствованіе о погребеніи *Шарлотты*,

притворялся спокойнымъ и поѣлъ нѣсколько похлебки съ цыпленкомъ, сваренной *Машею* по приказанію лекаря.

На другой день *Маша* встала часу въ пятомъ поутру. Подошла къ кровати своего мужа, посмотрѣла спитъ ли онъ, перекрестила его и стала одѣваться. Собравшись совсѣмъ и наказавъ своимъ домашнимъ, чтобы не разбудили *Милова*, пошла съ сыномъ въ церковь. Тамъ она молилась со слезами, отслушала заутреню и раннюю обѣдню, за которой причастила своего сына, вынула заздравную часть и отслужила благодарный молебенъ.

Маша, возвратившись домой, велитъ открывать ставни въ комнатѣ, гдѣ лежалъ больной, думая, что онъ скоро проснется; сама же входитъ въ нее, скинувъ башмаки у порога, отдергиваетъ занавѣсы у постели и приподнимаетъ полегоньку одѣяло. Въ ту самую минуту открываютъ одно окно—и дневной свѣтъ, проходя сквозь оное, показываетъ *Машѣ* утопающій въ крови трупъ *Милова*. Простыня, подушки, одѣяло, полъ, все было обагрено въ оной. Бѣдная падаетъ на тѣло своего мужа, испуская дикій вопль и остается безъ движенія нѣсколько часовъ.

Несчастный, въ отсутствіе *Маши*, разрѣзалъ у себя на рукахъ и на ногахъ жилы перочиннымъ ножикомъ, который позабылъ на столѣ лекарь, и такимъ образомъ истекъ весь кровью. На подушкѣ у него нашли письмо, написанное имъ передъ кончиною къ своей женѣ. Оно состояло въ сихъ строкахъ:

«Я рѣшился и заслуживаю умереть. Любез-«ная *Маша*, не плачь обо мнѣ: злодѣй не до-«стоинъ слезъ твоихъ.»

«Я любилъ тебя, клянусь въ томъ при по-«слѣднемъ часѣ моей жизни самимъ Богомъ, меня «наказующимъ;... Но я любилъ прежде еще «*Шарлотту* и... — Ты не знала ее, она во «всемъ тебѣ была подобна... И я, я погубилъ «васъ обѣихъ!.... Правосудный Боже! воздай «злодѣю по дѣламъ его.

«*Маша*, любезная *Маша!* согласись жить «для несчастнаго нашего сына; заклинаю тебя «въ томъ горестнымъ концемъ моимъ.»

Всякій чувствительный читатель можетъ себѣ представить какъ рвалась несчастная вдова *Милова*. Она называла себя убійцею своей сопер-ницы и своего мужа, проклинала тотъ часъ, въ который пріѣхала въ сей городъ, сѣтовала на судьбу, что даровала ей сына. Священный долгъ матери и христіанки препятствовалъ ей кончить жизнь свою.

Ничто не могло удержать *Машу* быть свидѣ-тельницею позорныхъ похоронъ ея мужа. Само-убійцу вывезли за городъ на большое поле, зарыли тамъ въ могилу, въ которой была положена *Шар-лотта* и похоронили трупъ его вмѣстѣ съ ея тру-помъ. *Маша* изо всего имѣнія, оставшагося послѣ *Милова*, взяла себѣ только одинъ его силуэтъ, возвратилась въ домъ своихъ родственниковъ, гдѣ черезъ нѣсколько мѣсяцовъ и умерла съ грусти.

═

РАЗСУЖДЕНІЕ о НИЩИХЪ,

КАКИМЪ СПОСОБОМЪ МОЖНО УМЕНЬШИТЬ У НАСЪ, ВЪ РОССІИ, ВЕЛИКОЕ ЧИСЛО ОНЫХЪ И ДОСТАВИТЬ ВСѢМЪ ПРОЧИМЪ БЕЗНУЖНОЕ ПРОПИТАНІЕ БЕЗО ВСЯКАГО НА ТО ИЖДИВЕНІЯ ОТЪ КАЗНЫ.

«Обыкновенное подаяніе нищимъ умножаетъ только число оныхъ.»

(Слова изъ рескрипта ЕГО ИМПЕРАТОРСКАГО ВЕЛИЧЕСТВА, даннаго Г. Дѣйствительному Камергеру Витовтову въ 16 день Мая 1802 года.)

—

«Нерѣдко случается, что тысячу червонныхъ раздаютъ на тысячу человѣкъ бѣдныхъ, изъ которыхъ на всякаго человѣка, слѣдовательно и на цѣлую семью, не болѣе червонца достается. Со всѣмъ тѣмъ бываетъ сіе подаяніе весьма громко и ни мало о томъ не помышляютъ: выводятъ ли таковыя вспоможенія изъ бѣдности, лишь бы они только всюду извѣстны были.

Не лучше ли бы было вывесть изъ притѣсненія тридцать, или сорокъ семей, нежели бросать деньги наудачу и тѣмъ подавать только мгновенное облегченіе?

(Истинные прибытки Отечества, глава XXV о Милостынѣ, стр. 115 и 116).

—

ПРЕДУВѢДОМЛЕНІЕ.

Нищета и бѣдность, сіи два несносныя въ общежитіи бѣдствія, такія представляютъ намъ ужасныя картины и такія пагубныя влекутъ за собою слѣдствія, что, по мнѣнію моему, давно бы уже должны были обратить на себя вниманіе искусныхъ политиковъ и патріотовъ. Августѣйшій нашъ Патріотъ чувствовалъ всю важность, отъ сего зла происходящую, и доказательствомъ отеческаго Его попеченія о несчастныхъ Его подданныхъ, страждущихъ подъ игомъ нищеты, доказательствомъ неизреченной о семъ заботливости есть Высочайшій Его и всѣмъ намъ извѣстный рескриптъ отъ 12 Мая 1802 года, который служилъ не малымъ побужденіемъ и мнѣ къ тому, что я вздумалъ писать о семъ предметѣ. — Не осмѣливаюсь утвердительно сказать, можетъ ли мой планъ произведенъ быть въ дѣйствіе и принесетъ ли исполненіе онаго какую-либо пользу, но предоставляю судить объ немъ просвѣщеннымъ, любящимъ отечество свое людямъ и времени; причемъ первѣйшею обязанностью себѣ поставляю присовокупить, что ежели найдены будутъ въ моемъ проектѣ нѣкоторыя несообразности и недостатки, въ такомъ случаѣ благоволено бы было открыть ихъ публикѣ и вмѣстѣ съ оными способы, чѣмъ все то поправлено быть можетъ. Впрочемъ, ласкаю я себя тою лестною надеждою, что по крайней мѣрѣ цѣль моя не сочтена ꙋтъ предосудительною.

I.

Введеніе.

Помогать другъ другу въ нуждѣ есть священный законъ природы, который начертала она въ сердцѣ всякаго добраго человѣка. Вспоможеніе, оказываемое добровольно несчастному и дѣлающее его состояніе лучшимъ, обыкновенно называется благодѣяніемъ или благотвореніемъ, и благотворительность, когда она бываетъ самопроизвольна, когда не имѣетъ другого источника, другой причины, кромѣ облегченія судьбы страждущаго, почитается вездѣ въ числѣ первѣйшихъ добродѣтелей. — Всѣ лучшіе основатели сектъ и религій ее проповѣдовали и говорили о ней не иначе, какъ о самомъ вѣрнѣйшемъ средствѣ угодить Небу. Но чтобы благотворительность приносила всегда ощутительную пользу, то для сего необходимо нужно дѣлать выборъ въ благодѣяніяхъ и оказывать оныя однимъ только истинно-несчастнымъ, чтобы средства, къ сему избираемыя, дѣйствительно были достаточны и не причиняли притомъ ни кому излишняго отягощенія.

II.

Опредѣленіе нищаго.

Кто болѣе страждетъ, тому, конечно, и болѣе помогать надобно. Кто же болѣе заслуживаетъ вспоможеніе какъ не тотъ несчастный, который,

не въ состояніи будучи доставать себѣ трудами дневное пропитаніе, принужденъ бываетъ испрашивать оное съ уничиженіемъ у всѣхъ мимоходящихъ, получать нерѣдко отказы и подвергаться, даже нерѣдко въ самой болѣзни, или дряхлости, всѣмъ жестокостямъ непогоды, а притомъ иногда, къ большему умноженію своего страданія, видѣть при себѣ бѣдныхъ и малыхъ дѣтей своихъ? Состояніе нищаго весьма ужасно; но разсмотримъ теперь какіе у насъ есть нищіе.

III.

Раздѣленіе нищихъ.

Нищіе у насъ, по моему мнѣнію, раздѣляются на три рода: первый и, можетъ быть, самый малѣйшій, составляютъ *отставные солдаты*; вторый, самый большій, *крестьяне*, и притомъ большею частію *крестьяне* помѣщичьи; * наконецъ третій, увѣчные *разнаго состоянія* и *разнымъ образомъ въ нищету приведенные люди*.

---

* Что крестьянъ помѣщичьихъ гораздо болѣе ходитъ по міру, нежели казенныхъ, то это уже всѣмъ извѣстно. Какое же изъ сего должно вывести заключеніе, какъ не то, что они разоряемы бываютъ своими господами, или ихъ управителями? Ибо не можетъ статься, чтобы господскіе крестьяне лѣнились болѣе, чѣмъ государственные, или бы у нихъ менѣе чѣмъ у тѣхъ родился хлѣбъ, болѣе падалъ скотъ и чаще случались пожары.

IV.

Отставные солдаты.

Что касается до первыхъ, то есть до отставныхъ солдатъ, принужденныхъ, по несчастію, питаться подаяніемъ, то они, конечно, болѣе всѣхъ достойны сожалѣнія и помощи. Больно, очень больно, служивши двадцать пять лѣтъ, а иногда и болѣе, своему отечеству, получивши раны, или другимъ какимъ образомъ разстроивши свое здоровье, быть доведену до уничижительнаго состоянія нищаго; но, благодаря однако благодѣтельному попеченію нашего Правительства, число таковыхъ несчастныхъ, въ сравненіи съ другими, несказанно мало. Опредѣленные ежегодно заслуженнымъ рядовымъ по десяти, а унтеръ-офицерамъ по пятнадцати рублей въ пенсіонъ деньги, весьма достаточны бываютъ къ ихъ содержанію, ибо они почти всегда идутъ на жительство въ тѣ губерніи, гдѣ цѣны жизненнымъ припасамъ очень умѣренны; прочіе же, которые, не выслужа срочныхъ лѣтъ, отставляются на свое пропитаніе, получаютъ оное обыкновенно отъ собственныхъ своихъ трудовъ, или отъ своихъ родственниковъ. Впрочемъ, нельзя здѣсь не похвалить то прекрасное и давно уже существующее у насъ обыкновеніе, что старые солдаты распредѣляются по разнымъ казеннымъ мѣстамъ, какъ то: *судамъ*, *училищамъ*, *госпиталямъ*, и проч., при ко-

торыхъ они, отправляя легкую должность, спокойно и безбѣдственно оканчиваютъ дни свои. По моему мнѣнію, весьма бы хорошо было, когда бы, при всѣхъ вообще церквахъ, даже и по самымъ деревнямъ, приписывали по одному, или по два таковыхъ инвалида, кои бы отправляли тамъ соотвѣтственныя съ ихъ силами должности и получали бы себѣ содержаніе, такъ какъ и прочіе церковнослужители, отъ доброхотныхъ дателей, что нельзя еще почесть за милостыню. *

V.

Крестьяне.

Крестьяне суть также весьма полезные и нужные, какъ солдаты, для государства люди; но вспоможенія отъ казны въ ихъ несчастіяхъ должны быть дѣлаемы цѣлымъ селеніямъ, или

---

* Одинъ изъ моихъ знакомцевъ, и именно Г. Р......, передъ которымъ читалъ я сіе разсужденіе, сказалъ, что можно бы на содержаніе бѣдныхъ вычитать изъ жалованья у служащихъ по одному проценту со ста, такъ какъ подобный вычетъ дѣлается на содержаніе госпиталей. Въ самомъ дѣлѣ, хорошо бы учредить и такой сборъ, употребляя вычитаемыя деньги преимущественно на отставныхъ заслуженыхъ солдатъ. Уже ли кто станетъ роптать на сіе и сочтетъ для себя отяготительнымъ пожертвовать для успокоенія защитниковъ отечества въ теченіе цѣлаго года самымъ малымъ числомъ [illegible]тегъ, кои, однако, составятъ вообще сумму, достаточную на [illegible]жаніе многихъ инвалидныхъ домовъ?

по крайней мѣрѣ многимъ семействамъ, а не частно одному какому-либо крестьянину. — Несчастія ихъ бываютъ отъ трехъ причинъ: или отъ *неурожая* и *скотскаго падежа*, или отъ *пожара*. Обыкновенно въ такихъ случаяхъ, смотря по обстоятельствамъ, прощаются у насъ имъ подати и дѣлаются заимообразно, а иногда и безвозвратно ссуды деньгами, или въ натурѣ хлѣбомъ. Таковыя пособія надлежитъ дѣлать помѣщичьимъ крестьянамъ не иначе, какъ на первомъ основаніи, то есть съ возвратомъ и то въ совершенной необходимости; ибо помѣщикъ, получая доходъ съ своихъ подданныхъ, нерѣдко весьма великій, непремѣнно обязанъ употреблять его и на ихъ нужды. Что же касается до пришедшихъ въ разореніе почему-либо въ одномъ селеніи нѣсколькихъ крестьянъ, то имъ легко могутъ помогать другіе, какъ сіе уже, думаю, во многихъ селеніяхъ и существуетъ. * Неоднократно случалось мнѣ слышать, что кре-

* Сіе и должно непремѣнно существовать. Отецъ Отечества, мудрый законодатель нашъ Петръ Великій вотъ что̀ предписалъ о семъ въ Указѣ своемъ отъ 20-го Іюня 1718 года: „Такихъ нищихъ, которые въ богодѣльняхъ не записаны, имать за караулъ и допрося чьи они и откуда, отдавать ихъ тѣмъ, чьи они есть, съ тѣмъ, чтобъ помѣщики и „прочіе хозяева всякихъ чиновъ, какъ духовныхъ, такъ и мірскихъ, ихъ кормили, а дворцовыхъ крестьянъ старосты и соцкіе „сбирали бъ на тѣхъ бѣдныхъ на хлѣбъ и одежду съ обывателей тѣхъ селъ и деревень; съ помѣщиковъ же, хозяевъ, властей „также старостъ и прикащиковъ за тѣхъ бродягъ, за недосмотрѣніе, брать штрафу за каждаго человѣка по пяти рублевъ.“

стьяне, которые позажиточнѣе, даютъ добровольно на разводъ бѣднымъ корову и лошадь и что платятъ за нихъ міромъ подати. Подобное вспоможеніе двумъ или тремъ человѣкамъ, конечно, не будетъ чувствительно для пятидесяти, потому что крестьянинъ рѣдко приходитъ въ разореніе, ежели онъ не лѣнивъ; а лѣнивый крестьянинъ, безъ сомнѣнія, станетъ работать, когда запрещено ему будетъ просить милостыню и когда, вмѣсто пособія отъ прочихъ своихъ товарищей, получитъ, какъ тунеядецъ, одни справедливые упреки. Итакъ, кто̀ будетъ оставаться на мірскомъ отчетѣ?—Бездѣтные и дряхлые старики, сироты и тѣ, которые имѣютъ много малыхъ дѣтей. Я твердо увѣренъ, что крестьяне не пожалѣютъ для сего̀ бездѣлицы, когда они принуждены бываютъ имѣть, сверхъ государственныхъ податей, излишніе и нерѣдко для нихъ весьма тягостные расходы. Для вящшаго же поощренія ихъ къ сему столь похвальному дѣлу, очень желательно, что̀бы священники изъясняли имъ сколько благотворительность угодна Богу и подавали сами примѣръ въ благодѣяніяхъ, какъ то видимъ мы въ нѣкоторыхъ иностранныхъ государствахъ.

VI.

Нищіе разнаго состоянія. Имъ должно запретить, какъ и первымъ, просить милостыню.

Сказавши, что солдатамъ и крестьянамъ не должно позволять просить милостыни, остаются

теперь только въ городахъ одни увѣчные и другіе убогіе; но и тѣмъ, по моему мнѣнію, какъ и первымъ, надобно сіе непремѣнно запретить и притомъ наистрожайшимъ образомъ. Прежде, однако, нежели буду говорить о нищихъ сего рода и о средствахъ, которыя найдены мною къ отвращенію въ семъ случаѣ злоупотребленій, намѣренъ я упомянуть въ слѣдующей статьѣ о томъ, съ какими неудобностями сопряжено обыкновенное подаяніе.

VII.

Неудобность обыкновеннаго подаянія.

Нищіе у насъ просятъ милостыню двоякимъ образомъ: или, такъ сказать, на открытомъ воздухѣ, то есть стоя гдѣ-нибудь на дорогѣ и ходя по домамъ, или въ церквахъ, а наипаче въ воскресные и праздничные дни. Каково же въ первомъ случаѣ, особливо больному, или дряхлому, быть большую половину дня на дождѣ, на вѣтру, либо на морозѣ? Притомъ всякой ли человѣкъ, которому попадается на дорогѣ нищій, приводящій его въ жалость, имѣетъ съ собою мелкія деньги, толь неудобныя носить въ большомъ количествѣ, и почему я знаю, напримѣръ, что этотъ нищій, хотя бы онъ въ самомъ дѣлѣ былъ честный человѣкъ, не есть пьяница и тунеядецъ, каковыхъ мы большею частію изъ нихъ видимъ. Въ церквахъ обыкновенно ихъ бываетъ великое множество и они становятся толпами у дверей, дѣлаютъ входъ и

выходъ затруднительнымъ, не говоря о шумѣ и брани, происходящихъ между ними въ семъ мѣстѣ, гдѣ никая неблагопристойность не должна развлекать вниманія нашего. Горестный видъ сѣдого и трясущагося на костыляхъ старика меня трогаетъ; онъ протягаетъ ко мнѣ со слезами трепещущую свою руку; я хочу одному ему дать небольшую монету, но у меня ее выхватываютъ другіе; десять тунеядцевъ меня окружаютъ, и тотъ самый, который похитилъ насильственнымъ образомъ деньги, не ему назначенныя, проситъ еще оныхъ съ безстыдствомъ вторично. Съ трудомъ удается высвободиться изъ такой толпы. По нѣкоторымъ приходамъ есть еще заведеніе, что въ то самое время, когда ходятъ по церкви сторожа и дьячки съ кружками для церковнаго строенія и прочаго, ходятъ и нищіе, бо̀льшею частію мальчики и дѣвочки, просить милостыню. Отъ сего умножается тѣснота и пропадаютъ иногда у молящихся изъ кармановъ вещи. Все сіе, что ни сказано здѣсь мною, есть давно уже извѣстная истина, и всякой, кто часто бывалъ въ церквахъ, подтвердитъ справедливость словъ моихъ.

VIII.

Богадѣльни и невозможность имѣть оныя при всѣхъ приходахъ.

Прежде здѣсь, какъ слышалъ я, существовали при нѣкоторыхъ приходахъ богодѣльни,—заведенія самыя препохвальныя. Желательно, чтобы

при всѣхъ вообще церквахъ учреждены были оныя: всякой добродѣтельный и достаточный прихожанинъ не отказался бы споспѣшествовать, по своей возможности, къ облегченію жребія несчастныхъ, тѣмъ болѣе, что онъ не имѣлъ бы уже тогда причины сомнѣваться въ пользѣ своихъ благодѣяній; и видя предъ глазами плоды своей благотворительности, утѣшался бы ежедневно оными; но, по несчастію, нельзя сего вдругъ сдѣлать. Чтобы завести богадѣльни, надобно имѣть домы, надобно опредѣлить жалованье смотрителямъ, служителямъ и другіе расходы, для чего, по крайней мѣрѣ на первый случай, потребны будутъ знатныя изъ казны суммы.

IX.

Учрежденіе по церквамъ книги и кружки для бѣдныхъ.

Средство, предлагаемое мною, состоитъ въ томъ, чтобы переписать всѣхъ нищихъ по каждому особенно приходу, разумѣется, кромѣ тѣхъ, которые могутъ работать, и завести во всѣхъ вообще церквахъ нарочныя для нихъ кружки. Когда сдѣлается таковая перепись съ объясненіемъ отъ чего каждый дошелъ до нищеты, тогда удобнѣе еще можно будетъ найти способъ къ предупрежденію сего зла, или къ истребленію онаго въ самомъ его началѣ. По учиненіи переписи, священникъ и церковный староста, (въ каковую должность обыкновенно выбирается у

насъ изъ прихожанъ степенный и достаточный человѣкъ), должны пересмотрѣть налицо всѣхъ нищихъ, записать жительство каждаго и наказать накрѣпко ихъ хозяевамъ, чтобы они, въ случаѣ ихъ болѣзни и другого несчастія, немедленно о томъ давали знать въ церковь и не позволяли имъ дѣлать никакого распутства, подъ строгимъ за то взысканіемъ. Таковымъ образомъ нищіе, будучи извѣстны по всякому приходу, станутъ только приходить по воскресеньямъ въ церковь, гдѣ, по окончаніи обѣдни, въ присутствіи старосты и священника, будетъ происходить раздача имъ денегъ, сколько на еженедѣльное содержаніе каждаго, или и на другія надобности, потребуется *. Я могу увѣрить, что число нищихъ будетъ не такъ велико, какъ думаютъ; сборъ же денегъ на нихъ превзойдетъ ожиданіе и, по моему мнѣнію, долженъ происходить на нижеслѣдующемъ основаніи. Прежде сказалъ уже я, что для сего надобно учредить особенныя кружки. Кружки сіи должны быть сдѣланы отличны отъ другихъ и находиться, за печатью священника и старосты, при всѣхъ дверяхъ, такъ, чтобы всякой, кто ни идетъ и ни выходитъ изъ церкви, зналъ для чего онѣ поставлены. Не худо, ежели бы на нихъ сдѣлана была

* Впрочемъ, удобнѣе, можетъ быть, признано будетъ дѣлать имъ таковыя раздачи помѣсячно и нанять для жительства ихъ поблизости къ церкви домъ, или, лучше сказать, квартиру, гдѣ, для присмотра за ними, можетъ помѣщаться одинъ изъ надежныхъ церковнослужителей.

крупными буквами простая сія надпись: *для бѣдныхъ* и написаны были приличныя слова изъ Священнаго Писанія, напримѣръ: «*Доброхотна дателя любитъ Богъ.*» Каждый, усердный прихожанинъ, идучи въ праздникъ въ церковь и бравши съ собою на свѣчи, на церковное строеніе и прочее деньги, конечно, не забудетъ положить нѣсколько монетъ въ одну изъ сихъ кружекъ. Сверхъ того, хорошо еще при церквахъ имѣть нарочную для сего книгу, которую можно, время отъ времени, передъ большими праздниками обносить по домамъ главнѣйшихъ прихожанъ, чрезъ каковую подписку гораздо болѣе, думаю, соберется денегъ, нежели въ кружки. Когда накопится ихъ большое количество, когда сборъ будетъ великъ, тогда можно уже будетъ завести богадѣльни, училище для бѣдныхъ сиротъ, и проч., разумѣется, что не по всѣмъ приходамъ, но только по тѣмъ, которые богатѣе другихъ. Присемъ нужно еще примѣтить, что какъ приходы между собою не равны, то, въ случаѣ нужды, можно переводить нищихъ изъ одного въ другой, по взаимному въ томъ между священниками и старостами церковными согласію.

X.

Учрежденіе таковыхъ же кружекъ и по другимъ мѣстамъ.

То, о чемъ хочу я говорить теперь въ сей статьѣ, всѣмъ почти покажется странно, и я напередъ знаю, что многіе этому будутъ даже смѣ-

яться, но я бы весьма желалъ, чтобы мнѣ доказали неосновательность моего мнѣнія, и именно, почему не можно поставить таковыхъ кружекъ для бѣдныхъ, кромѣ церквей, и въ другихъ мѣстахъ, куда собираются часто для одного только увеселенія и излишнихъ прихотей, напримѣръ въ маскарадахъ, театрахъ, рынкахъ, даже въ самыхъ кофейныхъ домахъ и трактирахъ? * Древніе Египтяне на пиршествахъ своихъ выносили передъ гостей гробъ. Когда веселіе, при таковыхъ собраніяхъ обыкновенно бываемое, возмущалось у нихъ страшнымъ помышленіемъ о смерти, то ужъ ли предосудительно намъ будетъ, сидя за роскошнымъ столомъ, или во время забавы, на которую охотно тратимъ деньги, привести себѣ на память, что есть несчастные, которые, можетъ быть, не имѣютъ куска черстваго хлѣба для утоленія своего голода, и облегчить ихъ жребій нѣсколькими малыми монетами. Все сіе сначала, безъ сомнѣнія, какъ и выше я сказалъ, покажется стран-

* Кружки для бѣдныхъ и по симъ мѣстамъ должны быть равнымъ образомъ за двойною печатью и стоять на самомъ виду, гдѣ то удобнѣе признано будетъ. — Собираемыя въ нихъ деньги можно отсылать въ Приказъ Общественнаго Призрѣнія, или въ какую-либо богадѣльню и больницу. Что же касается до рынковъ, то тамъ нельзя, кажется, поставить лучше кружекъ, какъ при образахъ, которые тутъ почти всегда бываютъ и при которыхъ также происходитъ сборъ съ доброхотныхъ дателей на свѣчи и масло. Впрочемъ, какъ узналъ я недавно, есть уже у насъ такія кружки по нѣкоторымъ мѣстамъ сего рода. Остается только желать и стараться, чтобы сіе полезное заведеніе распространилось повсюду.

но, многіе, конечно, будутъ этому смѣяться, но за то другіе, не боясь насмѣшекъ, будутъ класть деньги въ кружки, и мало-по-малу такое заведеніе удостоится, можетъ быть, всеобщаго одобренія и останется навсегда. Извѣстно, что на все бываетъ мода. Кто знаетъ, что, можетъ быть, и благотворительность войдетъ у насъ въ моду: Россіянъ нельзя упрекать въ скупости. Дай Богъ только, чтобы такая мода никогда не выходила.

XI.

Заключеніе.

Всѣ сіи средства, изъясненныя мною, относятся только до однихъ нищихъ, а не до бѣдныхъ, которые, можетъ быть, еще болѣе ихъ достойны сожалѣнія и которымъ имя нищаго ужаснѣе самой нищеты. Напримѣръ, честный и трудолюбивый ремесленникъ, или художникъ, обремененный большимъ семействомъ, впадаетъ въ продолжительную болѣзнь; съ здоровьемъ лишается онъ и содержанія, такъ какъ и его жена и его дѣти. Не говоря уже о лекарствахъ, ему не на что̀ бываетъ купить и пищи, потому что пищу достаетъ онъ не иначе, какъ на деньги, а деньги — работою. Что̀ остается ему дѣлать въ такомъ случаѣ? Конечно, не что другое, какъ продавать, или закладывать вещи и самые свои инструменты, безъ которыхъ онъ послѣ, и здоровый, обойтись

не можетъ. Но положимъ (дѣло весьма возможное), что онъ умираетъ. Остается послѣ него бѣдная вдова съ малыми дѣтьми безъ всякаго пропитанія, безъ всякой надежды. Пойдетъ ли она, однако, просить милостыню, живши прежде безъ дальней нужды. Нѣтъ, она станетъ плакать, работать, изнуритъ непомѣрными трудами свое здоровье и прежде времени лишится жизни. Ахъ! какъ справедливо сказано, что «надлежитъ искать «несчастныхъ въ самомъ жилищѣ ихъ, въ оби-«тели плача и стенанія, ласковымъ обращеніемъ, «спасительными совѣтами, словомъ, всѣми прав-«ственными и физическими способами стараться «облегчать судьбу ихъ, — вотъ въ чемъ состо-«итъ истинное благодѣяніе!» * Но не ужели никогда нельзя будетъ отвратить нищеты и бѣдности? Дѣло сіе, конечно есть трудное, но не невозможное: стараніе все преодолѣваетъ и успѣхъ всегда соразмѣряется съ онымъ

* Слова изъ Высочайшаго же рескрипта отъ 12 Мая 1802 года.

ВЧЕРАШНІЙ ДЕНЬ,

или

НѢКОТОРЫЯ РАЗМЫШЛЕНІЯ О ЖАЛОВАНЬИ И О ПЕНСІЯХЪ.

Вчерашній день послѣ обѣда былъ я у Власья Кириловича Безсовѣстина. — Вхожу въ гостиную — и вижу все новое: зеркала и столы съ бронзою, кресла и софы алыя сафьянныя, блестящая на потолокѣ люстра, великолѣпныя на каминѣ вазы. Въ одномъ углу сидѣла Настасья Максимовна, супруга Власья Кириловича за *грандъ-пасьянсомъ*, въ другомъ самъ Власій Кириловичъ за газетами. Передъ нимъ лежала еще одна бумага. — А! здравствуй! закричалъ онъ мнѣ, увидя меня и схвативши эту бумагу. Поздравь-ка меня, братъ, отставного генерала; вотъ-на́ и копія съ указа. — Я прочелъ копію съ указа и увидѣлъ изъ нея, что Власій Кириловичъ, по прошенію его, Всемилостивѣйше отъ должности уволенъ съ награжденіемъ за безпорочную его, ревностную, усердную, тридцатиосьмилѣтнюю службу чина дѣйствительнаго статскаго совѣтника и съ произвожденіемъ половиннаго противъ послѣдняго его оклада пенсіона. — Итакъ, имѣю честь поздравить ваше превосходительство съ полученіемъ двойной милости. — Какой двойной милости? спросилъ онъ меня какъ-

будто удивившись.—Какъ же-съ? отвѣчалъ я, съ чиномъ и съ пенсіономъ.—Ну! ужъ пенсіонъ-то не что̀ милость! Велики въ годъ 600 рублей! Я, братъ, вотъ третьягодни заплатилъ гораздо больше за эту мебель, что здѣсь видишь. — Да! подхватила Настасья Максимовна, поднявъ вверхъ голову, есть чѣмъ нынчѣ жить шестью стами рублями, а особливо при нашей семьѣ.— Кабы еще не дали чина, продолжалъ Власій Кириловичъ, такъ бы можно сказать, что много въ 38 лѣтъ выслужилъ. А служилъ-то, служилъ!...! —

Въ самомъ дѣлѣ Власій Кириловичъ много служилъ. Гдѣ онъ только и чѣмъ онъ только ни былъ! И виннымъ и солянымъ приставомъ, и городничимъ и капитанъ-исправникомъ, и стряпчимъ и прокуроромъ; былъ во многихъ судахъ и Палатахъ Казенной и Гражданской, а про Уголовную и говорить уже нечего. Вездѣ былъ подъ слѣдствіемъ и вездѣ, какъ изъ формулярнаго о его службѣ списка значитъ, обнаруживалъ свою невинность и никогда въ штрафахъ и подозрѣніяхъ не находился. Аттестатовъ-то, аттестатовъ-то у него сколько! Одинъ другого лучше и ни одного нѣтъ фальшиваго, а всѣ настоящіе, подлинные. До учрежденія намѣстничествъ Власій Кириловичъ служилъ въ какой-то бывшей Провинціальной Канцеляріи съ самыхъ нижнихъ чиновъ до канцеляриста; по учрежденіи же губерній произведенъ былъ губернскимъ регистраторомъ, а потомъ вскорѣ

провинціальнымъ секретаремъ. Тутъ онъ женился на Настасьѣ Максимовнѣ и взялъ за нею въ приданое 25 душъ крестьянъ, да прикупилъ потомъ у сосѣда въ той же деревнѣ 50. Съ сего времени начались его странствованія по губернскимъ присутственнымъ мѣстамъ. Послѣ былъ онъ при должности и здѣсь, въ столицѣ, только не помню, право, гдѣ именно, а также не знаю хорошенько и того, изъ котораго точно мѣста пошелъ онъ въ отставку. Въ тысяча семьсотъ девяносто которомъ-то году получилъ за отличіе орденъ Св. Владиміра 4 степени въ петлицу, а въ тысяча семьсотъ девяносто-девятомъ, или осьмисотомъ... позабылъ право... на шею Св. Анны 2 степени и еще мальтійскій крестъ. Жилъ онъ всегда очень хорошо, какъ я его зазналъ; хлѣбосолъ превеликой и въ компаніи предюбезный человѣкъ. Каждый почти день у него бостонъ и гости; каждый день открытый столъ, такъ-что онъ проживалъ въ годъ по крайней мѣрѣ восемь тысячъ рублей.

— Позвольте однако мнѣ, Власій Кириловичъ, сказалъ я ему, объявить чистосердечно свои мысли. Что вамъ въ пенсіонѣ? Вы можете безъ всякой нужды и безъ него прожить: вы, слава Богу, имѣете состояніе... — Состояніе! перервалъ онъ мою рѣчь, да какое состояніе? За мной, братъ, и всего только 80 душъ, а семьсотъ-то тридцать пять женины... Правда, оно почти все равно; да хоть бы я имѣлъ и

десять тысячъ душъ, такъ что казнѣ до того за дѣло? Бѣденъ ли я, богатъ ли, да коли выслужилъ уреченныя въ службѣ лѣта, такъ дай мнѣ что̀ слѣдуетъ; * развѣ мы, дворяне, даромъ служить обязаны? Вотъ у меня и такъ Ванюша безъ малаго годъ служилъ даромъ въ Иностра́нной Коллегіи, какъ вышелъ изъ Юнкерской Школы. Только всего и прибыли, что ему тамъ дали ассессорскій чинъ. Теперь онъ въ департаментѣ у министра на мѣстѣ младшаго помощника, беретъ 750 рублей, а старшій-то помощникъ, который получаетъ 1000 рублей, меньше его чиномъ, коллежскій никакъ секретарь, либо титулярный совѣтникъ и притомъ не изъ дворянъ. Худо, право, какъ жалованье и мѣста даютъ не по чинамъ.—»

Гости тутъ помѣшали намъ разговаривать. Не болѣе какъ въ четверть часа собралось человѣкъ около десятка. Сѣли играть въ бостонъ на двухъ столахъ: на одномъ по четверти, а на другомъ по гривнѣ. Я сѣлъ за послѣднимъ и—увы! въ четыре несчастные тура проигралъ послѣднюю свою красненькую бумажку.

Какъ мнѣ ее было жаль! Она была у меня такая новенькая, что называется, съ иголочки и, право, послѣдняя, какъ я сказалъ. Отдавши

---

* Видно, что Власій Кириловичъ хотѣлъ получить въ пенсіонъ полное жалованье, 1200 рублей, такъ какъ нынчѣ обыкновенно почти даютъ полную пенсію тѣмъ, кто выслужилъ сорокъ лѣтъ, или около того времени.

ее трепещущею рукою Власью Кириловичу, который остался въ выигрышѣ, и стараясь скрыть свое смущеніе, или, лучше сказать, навернувшіяся на глазахъ съ досады слезы, ушелъ я тихонько изъ сего проклятаго дома и въ мигъ очутился въ самой уединенной аллѣе Лѣтняго Сада.

Здѣсь, сидя на деревянной скамьѣ подъ тѣнью густыхъ кленовъ, погрузился я въ глубокія размышленія и началъ жаловаться самъ себѣ на слѣпую судьбу. Какъ, вскричалъ я въ мысляхъ, несправедлива судьба! У меня только и была одна красненькая бумажка, и ту я проигралъ Власью Кириловичу. Съ чѣмъ я завтра пойду въ театръ? На что̀ завтра куплю курительнаго табаку, который весь почти у меня вышелъ? — А Власій Кириловичъ! Власій Кириловичъ! Мало того, что онъ получилъ генеральской чинъ и шестьсотъ рублей пенсіи, надобно еще ему было выиграть и у меня мои десять рублей. И онъ еще ни чѣмъ недоволенъ! и онъ еще безъ стыда жалуется на свою судьбу! Ахъ, безчестный человѣкъ! Да стоитъ ли онъ чина и пенсіи? за что̀ онъ получилъ ихъ? За тридцатиосьмилѣтнюю службу? — Но за службу, кажется, тогда только должно дѣлать награжденіе, когда она приноситъ обществу пользу. Ежели кто служилъ съ пользою долѣе другого своему отечеству, того, правда, и награждать должно болѣе. Но ежели кто вмѣсто того, чтобы стараться о благѣ общественномъ, ничего другого

тридцать пять, или тридцать восемь лѣтъ, не дѣлалъ, какъ только притѣснялъ невинныхъ, помогалъ плутамъ, воровалъ казну и бралъ изъ казны же за все это жалованье,—слѣдуетъ ли награждать такого человѣка за долговременную его службу, или не справедливѣе ли будетъ наказать его за долговременныя его преступленія жесточайшимъ образомъ, такъ какъ вора, либо разбойника, который воровалъ и грабилъ 35 или 38 лѣтъ?—Станемъ судить по Логикѣ. *Кто болѣе дѣлалъ добра, тотъ болѣе заслуживаетъ и награды.* Вотъ предложеніе, нетребующее доказательства, или аксіома. Возьмемъ теперь противоположность: *Кто болѣе дѣлалъ зла, тотъ болѣе заслуживаетъ и наказанія.* Власій Кириловичъ въ теченіе 38 лѣтъ своей службы болѣе сдѣлалъ зла и вреда обществу, нежели бы сколько сдѣлалъ онъ, служа десять лѣтъ; слѣдовательно вмѣсто того, чтобы дать ему при отставкѣ пенсію и чинъ, надлежало по крайней мѣрѣ лишить его всѣхъ чиновъ, продать имѣніе его съ публичнаго торгу, изъ вырученныхъ за оное денегъ вычесть все то, что̀ имъ украдено изъ казны, разумѣя тутъ причиненную имъ всякаго рода казнѣ убыль и жалованье, сколько онъ перебралъ въ 38 лѣтъ, на все сіе положить указные проценты по 5 въ годъ со ста и причислить къ общимъ государственнымъ доходамъ, а остальное количество отдать въ пользу Приказа Общественнаго Призрѣнія на богоугодныя заведенія . . . . .

И давеча онъ еще, говоря о повѣсѣ, своемъ сынѣ Иванѣ Власьичѣ, сказалъ: *развѣ мы даромъ, дворяне, служить обязаны?* да для чего же и не такъ? Я самъ природный дворянинъ, однако же служилъ безъ жалованья, когда былъ въ гвардіи сержантомъ и ни сколько тѣмъ не обижался. Жалованье должно производиться только тѣмъ людямъ, которые предоставили себя единственно на службу отечеству и, занимаясь должностью, не имѣя собственнаго достатка, не имѣютъ и никакихъ способовъ доставать нужное къ своему содержанію; а кто богатъ, кто имѣетъ, напримѣръ, какъ Власій Кириловичъ, 10,000 рублей родового дохода, — не стыдно ли тому брать жалованья 1,200 рублей и половинную при отставкѣ пенсію? *. — Такъ ли служили

* Кажется, кстати здѣсь будетъ помѣстить одинъ анекдотъ, случившійся назадъ тому слишкомъ двадцать лѣтъ и слышанный мною отъ вѣрнаго человѣка. Нѣкто статскій совѣтникъ, который имѣлъ тридцать душъ крестьянъ и четырехъ сыновей на возрастѣ, выслужилъ положенныя 35 лѣтъ, пошелъ въ отставку, просилъ себѣ пенсіи и получилъ половинную. Надобно однако знать, что тридцать душъ были у него родовыя и что въ службѣ благопріобрѣлъ онъ себѣ еще семьсотъ душъ и 80,000 рублей чистыхъ денегъ, кои раздѣлилъ поровну между своими дѣтьми. Тотъ самый человѣкъ, который мнѣ про него разсказывалъ, будучи съ нимъ коротко знакомъ, совѣтовалъ ему просить лучше себѣ при отставкѣ чина, такъ какъ онъ имѣлъ у себя тогда покровителемъ одного знатнаго и сильнаго при дворѣ человѣка. — Э! братецъ! сказалъ онъ на сіе, къ чему мнѣ на старости генеральство, а четыреста-то пятьдесятъ рублей годятся на чай и на са-

старинные дворяне, наши предки? Они тратили въ службѣ собственное свое иждивеніе, лили собственную свою кровь — и изъ чего? изъ одного благороднаго честолюбія, усердія къ государю и отечеству. Не все имъ давались вотчины. Иногда за походы и раны награждали и серебрянымъ кубкомъ. Мало однако кто жаловался на такое награжденіе. Удовольствіе оказать услуги своему государю и народу составляло самую лучшую награду; а благоволенія государя, какимъ бы образомъ они изъявлены ни были, почитались за величайшія милости, и серебряный кубокъ, или другая какая, сама по себѣ очень неважная, вещь, хранилась изъ роду въ родъ, какъ священная драгоцѣнность. Весьма бы желательно мнѣ было, ежели бы кто изъ нашихъ любопытныхъ патріотовъ сдѣлалъ исчисленіе, сколько у насъ пропадаетъ даромъ казенныхъ денегъ. Я не разумѣю здѣсь всего того, что казна теряетъ понапрасну, напримѣръ, что у насъ каждый годъ изъ казны украдутъ при подрядахъ, при заготовленіяхъ, при закупкахъ, что̀ дается ежегодно въ жалованье, или въ награжденіе тѣмъ людямъ, которые ничего не

харъ. (Онъ получалъ при послѣднемъ мѣстѣ жалованья 900 рублей). Вскорѣ послѣ того, какъ нарочно, одинъ изъ его сыновей проигралъ въ карты около 20,000 рублей, и онъ долженъ былъ заплатить за него деньги. При семъ случаѣ сказали ему, что онъ пенсіею своею не скоро наберетъ ту сумму, какую заплатилъ за сына. Неизвѣстно, впрочемъ, чувствовалъ ли онъ угрызеніе совѣсти, или нѣтъ.

дѣлаютъ, — по крайней мѣрѣ полезнаго для государства. Таковое исчисленіе потребовало бы чрезвычайно много времени и трудовъ, а за всѣмъ тѣмъ генеральный перечень, какую бы ни заключалъ въ себѣ большую сумму, все бы еще не былъ вѣренъ. Нѣтъ, мнѣ хотѣлось бы только, чтобы сдѣлали счетъ, сколько у насъ служило и служитъ богатыхъ людей и сколько всего они вообще получаютъ въ жалованье и пенсіонъ денегъ. Право, сумма, на сіе употребляемая, достаточна бы была на заведеніе и содержаніе многихъ богадѣленъ, училищъ для бѣдныхъ дѣтей и тому подобнаго.

Впрочемъ, кажется, богатымъ не сдѣлано будетъ большой обиды, ежели не будетъ казна имъ давать ни жалованья, ни пенсіоновъ. Можетъ ли, напримѣръ, безъ стыда жаловаться лишившись пятисотъ рублей жалованья такой человѣкъ, который нерѣдко проигрываетъ вечеромъ въ бостонъ по двѣсти и не дѣлаетъ еще чрезъ то разстройки въ своемъ состояніи. Я зналъ одного молодого человѣка, который, имѣя вѣрнаго годоваго дохода около четырехъ тысячъ рублей, при вступленіи своемъ въ статскую службу, помѣщенъ былъ на 50 рублевый окладъ; но онъ былъ такъ благороденъ, что, числившись при мѣстѣ, хотя и бралъ каждую треть, за вычетомъ на госпиталь, по шестнадцати рублей по пятидесяти копѣекъ, однако же всегда раздѣлялъ сіи деньги между своими товарищами, которые за него трудились. Вмѣсто того, чтобы

предоставить такимъ людямъ раздѣлять свое жалованье тѣмъ, кто за нихъ трудится (что, безспорно, весьма рѣдкіе изъ нихъ дѣлають), не гораздо ли лучше будетъ, когда опредѣляемое имъ жалованье останется въ казнѣ? Не гораздо ли лучше деньги, которыя бы отъ сего оставались, обратить на содержаніе бѣднымъ и честнымъ людямъ, остающимся почти безъ пропитанія съ своими семействами по упраздненіи мѣстъ, гдѣ они служили и гдѣ бы вѣчно служить согласились за самое умѣренное жалованье, не щадя своихъ силъ и здоровья?

Размышленія мои въ семъ мѣстѣ прерваны были незнакомымъ человѣкомъ, раза два, или три впередъ и назадъ мимо меня мелькнувшимъ. Онъ былъ пожилыхъ уже лѣтъ, въ статскомъ намѣстническомъ мундирѣ, который носилъ по крайней мѣрѣ года три, со шпагою и имѣлъ изнуренный видъ. Скинувши, шаговъ за десять передо мною, замасляную свою шляпу, подошелъ ко мнѣ робко и съ потупленными глазами, прерывающимся голосомъ сказалъ: «Милостивый государь! будьте великодушны, пожалуйте что-нибудь на пропитаніе бѣдному отставному офицеру съ больною женою и пятерыми дѣтьми.» Выговоривши сіи слова онъ вздохнулъ — и я вздохнулъ также, вспомнивъ, что проигралъ послѣднія свои десять рублей, изъ которыхъ ежели бы далъ ему половину, то, вѣрно, осыпалъ бы онъ меня благословеніями и я бы заснулъ съ удовольствіемъ эту ночь. — Позвольте спро-

сить васъ, пробормоталъ я сквозь зубы, по какому случаю лишились вы мѣста. — «Милостивый государь! промолвилъ онъ почти со слезами, вынувъ изъ боковогo кармана затасканую бумагу и подавая ее мнѣ, вы это изволите увидѣть изъ сей бумаги, когда вамъ угодно объ этомъ любопытствовать.» — Я развернулъ поданный имъ мнѣ листъ и увидѣлъ, что это былъ аттестатъ, полученный имъ по уничтоженіи. . . право, позабылъ какой губерніи, гдѣ служилъ онъ въ Казенной, не то въ Уголовной Палатѣ. Изъ аттестата видно было, что онъ находился въ службѣ около 30 лѣтъ и почитался за дѣловогo человѣка. — Для чего же вы, спросилъ я его, отдавъ ему назадъ аттестатъ, не опредѣлились къ другому мѣсту? — «Ахъ! сударь! отвѣчалъ онъ мнѣ, бѣдному человѣку легко лишиться мѣста, но очень трудно найти другое. Я, по упраздненіи губерніи, продалъ свой домишко, которой составлялъ всю мою собственность и пріѣхалъ сюда, въ Петербургъ, слишкомъ за тысячу верстъ съ женою и съ дѣтьми въ тѣхъ мысляхъ, что здѣсь найду скорѣе мѣсто; но вотъ уже скоро будетъ три года, какъ я считаюсь только при Герольдіи и хожу туда понапрасну. Обѣщалъ, правда, одинъ человѣкъ доставить мнѣ мѣсто, но Богъ знаетъ что̀ будетъ. — Во все это время, чтобы имѣть съ дѣтьми насущный хлѣбъ, жена моя принуждена была мыть на людей бѣлье, я также работалъ гдѣ могъ, нерѣдко и на биржѣ съ поденщиками въ та-

комъ же, коли не хуже, какъ и они, платьѣ, потому что этотъ мундиръ никогда я безъ нужды не надѣваю. Но теперь уже третья недѣля жена моя лежитъ больна; я не могу ее оставлять на цѣлый день и не могу найти такой работы, которую бы можно было отправлять на квартирѣ. Вчерась рѣшился я . . . (тутъ онъ заплакалъ и, остановясь нѣсколько, продолжалъ) вчерась получилъ я отъ одного человѣка, или, лучше сказать, ангела-благодѣтеля столько денегъ, что могъ купить на нихъ нынче хлѣба для своихъ ребятишекъ, а завтра!....» — Очень сожалѣю, прервалъ я сего бѣдняка, что не могу теперь ни чѣмъ вамъ помочь. Скажите однако мнѣ гдѣ вы живете, или, лучше всего, покажите мнѣ сами вашу квартиру: можетъ быть, я съ моими пріятелями и буду вамъ чѣмъ-нибудь полезенъ — Бѣднякъ тутъ немножко призадумался и потомъ сказалъ: «Правда, сударь, что еще теперь не поздно, и я живу, отсюда не очень далеко за Апраксиными Рядами, но какъ вамъ можно идти со мною въ мое жилище? Знаете ли, что я живу на самомъ чердакѣ, куда и середи дня надобно всходить большею частію въ потемкахъ по худымъ лѣстницамъ.» Я опровергъ безъ дальняго труда сіе возраженіе и мы пошли съ нимъ вмѣстѣ на его квартиру.

Ходъ въ жилище сего несчастнаго человѣка, ежели не хуже, то по крайней мѣрѣ дѣйствительно былъ таковъ, какъ онъ мнѣ его описалъ. Я насчиталъ, право, болѣе, нежели 70 ступеней

и во все почти время, какъ шелъ вверхъ, принужденъ былъ держаться одною рукою за стѣну, а другую держать передъ собою, чтобы не споткнуться, и при всякомъ шагу того и ожидалъ, что полечу внизъ: такъ были скользки и дурны лѣстницы. Хозяинъ шелъ впереди меня и наконецъ пришли мы съ нимъ подъ самую кровлю. Онъ отворилъ мнѣ двери. Боже мой! какая тутъ картина представилась глазамъ моимъ! Въ небольшомъ углу, или, такъ сказать, въ отгородкѣ чердака, наполненнаго сыростью, лежала, къ одной сторонѣ на полу, покрытая худымъ овчиннымъ тулупомъ женщина; подлѣ нея сидѣла старшая ея дочь, дѣвочка лѣтъ 12, и вязала чулокъ; другая дѣвочка, лѣтъ 10, сидѣла на другой сторонѣ, подлѣ окна, и занималась такимъ же рукодѣльемъ. Неподалеку отъ сей послѣдней двое дѣтей, лѣтъ пяти и шести, въ однѣхъ худыхъ рубашонкахъ, теребили на полу хлопчатую бумагу, изъ которой, какъ послѣ узналъ я, дѣлалась у нихъ на продажу вата; съ ними же вмѣстѣ сидѣлъ младшій ихъ братъ, мальчикъ, года полутора, въ обыкновенной платяной корзинѣ, которая служила ему вмѣсто люльки, и, зажавъ въ своей ручонкѣ кусокъ чернаго хлѣба, глядѣлъ спокойно на своихъ братьевъ. Казалось, что онъ старался перенять у нихъ, какъ они работаютъ и хотѣлъ также, какъ и они, помогать трудами своими отцу и матери. Хозяинъ попросилъ меня сѣсть на деревянную скамью, подошелъ къ постелѣ жены своей и, наклонившись, пошепталъ

ей что-то на ухо. Можетъ быть, разсказалъ онъ ей, какъ просилъ у меня милостыни и какъ я, вмѣсто вспоможенія, сдѣлалъ ему одно только обѣщаніе. Она, выслушавъ его, вздохнула тяжело, поворотила къ стѣнѣ блѣдное свое лице и закрыла его. Несчастный разсказывалъ мнѣ около десяти минутъ несчастныя свои приключенія, какъ вдругъ повѣствованіе его прервалъ одинъ человѣкъ, вошедшій къ намъ, на чердакъ, съ весьма веселымъ видомъ.—Здравствуй, Иванъ Андреичъ, сказалъ онъ ему, я принесъ тебѣ радостныя вѣсти. Мнѣ обѣщали навѣрное, что ты непремѣнно будешь принятъ. Подай завтра же просьбу. Только, братъ, на первый случай дадутъ тебѣ жалованья не больше 200 рублей. Это еще не все. Я справился въ канцеляріи по твоей просьбѣ, что ты подавалъ Государю. На нее вышла резолюція: «Государь приказалъ выдать тебѣ единовременно изъ Кабинета 150 рублей.»

Надобно было видѣть, къ какое изумленіе пришелъ бѣднякъ отъ сихъ словъ. Минуты съ двѣ стоялъ онъ недвижимъ и не могъ проговорить ни одного слова, но потомъ вдругъ палъ на колѣна предъ стоящимъ въ углу образомъ— и слезы благодарности полились двумя ручьями изъ его глазъ. Бѣдная жена его, забывши свою болѣзнь, приподнялась до половины съ войлока, на которомъ лежала, и соединила молитву свою съ молитвою своего мужа. Дѣти оставили дѣло и глядѣли на отца и мать. Нечего говорить, что я и незнакомецъ не могли быть хладнокров-

ными зрителями такой патетической сцены. По окончаніи молитвы, осыпавъ тысячью благословеніями Монарха, благодѣтельствующаго своимъ подданнымъ, несчастный, сдѣлавшійся теперь вдругъ счастливымъ, началъ благодарить незнакомца за его о немъ попеченіи. Онъ говорилъ мало, но плакалъ много. Больная называла сего человѣка ангеломъ, ниспосланнымъ съ небесъ. Всѣ дѣти, кромѣ самаго младшаго, сдѣлали около его кругъ и выражали ему своими взорами такія же чувствованія, какія были въ сердцѣ ихъ родителей. Невинный птенецъ, сидя въ своей корзинкѣ, кричалъ, но кричалъ весело, какъ-будто чувствовалъ то же, что̀ и другіе.

Сей радостный вѣстникъ познакомился съ моимъ бѣднякомъ не очень давно передъ этимъ, и притомъ по тому только случаю, что жилъ съ нимъ въ одномъ домѣ. Онъ былъ самъ недостаточный человѣкъ, неимѣющій никакого дохода, кромѣ умѣреннаго жалованья, однако же, за всѣмъ тѣмъ, время отъ времени помогалъ, чѣмъ могъ, сему бѣдному семейству. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ онъ служилъ, открылась вакансія: онъ выпросилъ у своихъ начальниковъ сіе мѣсто для своего сосѣда и, отлучась съ дежурства, пришелъ обрадовать его какъ сею, такъ и другою, не менѣе радостною вѣстью, о которой сказалъ я читателю выше. — Ахъ! не всегда бываетъ трудно дѣлать добро, не всегда потребно для сего имѣть богатство. Иногда одно слово, одна просьба, которую мы, не унижая себя, можемъ за бѣднаго

и честнаго человѣка сдѣлать, составить навѣкъ счастіе цѣлаго семейства.

Идучи отсюда домой мимо Апраксиныхъ Рядовъ, увидѣлъ я передъ собою солдата, который несъ нѣсколько паръ сапоговъ, повидимому возращаясь съ Толкучаго Рынка. Его настигъ какой-то другой солдатъ, также съ ношею, какъ и онъ. — А! здорово! братъ Матвѣевъ, сказалъ послѣдній первому. Что, ужъ ты въ отставкѣ? — Да, братъ, отвѣчалъ тотъ; насъ много отставили и еще съ пенсіономъ. Дай Богъ здоровье Батюшкѣ-Государю! — А великъ ли, служивый, ты будешь брать пенсіонъ? спросилъ я его поравняясь съ нимъ. — Десять рублей въ годъ, Ваше Благородіе! отвѣчалъ онъ мнѣ. — Я хотѣлъ было дать ему знать, что я Надворный Совѣтникъ и что меня наши сторожа величаютъ Ваше Высокоблагородіе, однако же отложилъ это, потому что у меня въ головѣ было все еще жалованье и пенсіоны. Итакъ я продолжалъ начатый разговоръ: десять рублей въ годъ! этого, братъ, немного. — Да какъ же быть, сударь! за то насъ у Государя много. Пусть хоть у него и много казны, а, вѣрно, не станетъ, коли всѣмъ помногу раздавать будетъ. — Все, братецъ, такъ, прервалъ я его, однако же какъ этимъ жить можно? Ты же, вотъ ужъ я вижу, старъ и бакенбарды у тебя посѣдѣли. Работать подъ старость не такъ-то ловко. — Нѣтъ, сударь! я, благодаря Бога, хоть и старъ, а здоровѣе, можетъ быть, чѣмъ вы. Слава Богу! выучился въ службѣ ремеслу (тутъ показалъ онъ

на сапоги, которые держалъ въ рукѣ); хоть бы отставили и безъ пенсіи, такъ бы прокормилъ свою старость! Коли же кому безъ ремесла съ пенсіономъ жить здѣсь, въ Питерѣ, дорого, тотъ ступай куда-нибудь на городъ, гдѣ хлѣбъ дешевле. * А я такъ вотъ здѣсь остаюсь; у меня въ Преображенскомъ полку два сына молодца, гренадеры, выше меня двумя вершками, въ баталіонѣ Его Величества, а третій унтеромъ въ Лейбъ-Гранодерскомъ, гдѣ и я служилъ прежде.

Этотъ отставной солдатъ проводилъ меня до самаго почти дома и разсказывалъ мнѣ дорогою, какъ онъ былъ въ походахъ подъ Шведомъ и въ Польшѣ. Такъ онъ мнѣ полюбился, что я за его слова, или, лучше сказать, за похвальный и благородный образъ его мыслей, хотѣлъ ему отъ всего сердца дать серебряный рубль, но у меня не было денегъ: я ихъ всѣ проигралъ въ бостонъ Власью Кириловичу. За то я велѣлъ сему служивому придти ко мнѣ снять съ меня мѣрку для сапоговъ, и онъ будетъ непремѣннымъ моимъ сапожникомъ.

---

*Въ самомъ дѣлѣ, для чего бы тѣмъ бѣднымъ людямъ, которые получаютъ умѣренный пенсіонъ, ежели ничто особенное ихъ здѣсь не удерживаетъ, не жить въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ гораздо дешевле, напримѣръ въ Малороссіи. Многіе, однако, какъ я самъ знаю, не имѣя здѣсь ни родственниковъ, ни другихъ побудительныхъ причинъ, которыя бы ихъ заставляли здѣсь жить, живутъ по одной только привычкѣ и жалуются на дороговизну и на бѣдность своего содержанія.

Что угодно еще знать читателю? — Я пришелъ домой, думая все о жалованьи и пенсіонахъ, раздѣлся и заснулъ въ сихъ мысляхъ, а нынче поутру занялся цѣлый день описываніемъ того, что̀ вчера видѣлъ, слышалъ, чувствовалъ и размышлялъ.

═

БЫЛИ и АНЕКДОТЫ.

—

I. Чертова точность.

Всѣмъ петербургскимъ жителямъ извѣстенъ небольшой, каменный двуэтажный домикъ въ Лѣтнемъ Саду, у рѣшетки, на самомъ берегу Фонтанки; но не всѣ, можетъ быть, знаютъ, что въ этомъ маленькомъ домикѣ жилъ Великій Государь, Петръ I. Однажды лѣтомъ поѣхалъ онъ оттуда въ одноколкѣ къ обѣднѣ въ Казанскій Соборъ. Передъ окончаніемъ службы сдѣлалась гроза и пошелъ пресильный дождь. — Ваше Величество! сказалъ Императору одинъ изъ его свиты: здѣсь, вѣдь, близко Государынины конюшни: не прикажете ли взять тамъ для Васъ карету? — «Хорошо! ступай скорѣе.» Обѣдня отошла; посланный возвратился, но только безъ экипажа. — «Не ужели нѣтъ ни одной кареты?» спросилъ съ неудовольствіемъ Государь. —Есть, Ваше Величество! двѣ; но не отпускаютъ. — «Да развѣ ты не сказалъ, что карета надобна *Мнѣ?*» — Какъ же, Ваше Величество! Но смотритель говоритъ, что онъ безъ приказанія генерала и *Вамъ* не отпуститъ кареты. — «А какъ прозывается этотъ смотритель?» — *Чортовъ*. (*Чертовъ*, но у насъ часто *е* произносится какъ *о*). «Прямой *Чортъ!*» — сказалъ съ сердцемъ Императоръ, взялъ у кого-то плащъ,

распустилъ треугольную свою съ большими полями шляпу, сѣлъ въ одноколку и поѣхалъ домой, а дождикъ мочилъ его во всю дорогу такъ-что съ плаща и шляпы вода текла ручьями.

Государь, пріѣхавъ домой, выкушалъ водки и велѣлъ какъ можно скорѣе давать обѣдать. Въ ожиданіи обѣда, ходилъ онъ по комнатѣ большими шагами, не говоря ни слова, и время отъ времени подтверждалъ только свое приказаніе о столѣ. Всѣ придворные замѣтили, что Государь сердитъ, и тотчасъ узнали этому причину. Одинъ изъ служителей, пріятель, или кумъ *Чертова*, немедленно далъ ему знать, что онъ прогнѣвилъ Государя и совѣтовалъ принять мѣры къ своему оправданію и спасенію. Бѣдный *Чертовъ* чрезвычайно испугался, прибѣжалъ безъ памяти во дворецъ, нашелъ случай увидѣть Государыню, палъ предъ ней на колѣна и со слезами просилъ помилованія. — «Худо ты сдѣлалъ, *Степанъ* *, сказала Императрица, что не отпустилъ кареты Государю. Буду просить за тебя, а не знаю, какъ Государь *разсудитъ*.»

Сѣли кушать. За первымъ блюдомъ Государь не говорилъ ни слова — и всѣ молчали. Наконецъ, перемѣнивъ тарелку и выкушавъ рюмку вина, сказалъ онъ Императрицѣ: Ну, Катенька!

---

* Анекдотъ сей слышалъ я отъ родной его дочери *Авдотьи овны Аѳанасьевой*, семидесятилѣтней старушки, которая давно умерла въ здѣшнемъ Вдовьемъ Домѣ. *Прим. Соч.*

есть у тебя на конюшнѣ какой-то *чортъ!* Онъ не отпустилъ мнѣ кареты, и я, по милости его, такъ промокъ, что едва теперь только отогрѣлся.». — Простите его, Ваше Величество! сказалъ, вставъ со стула, шталмейстеръ Императрицы, который сидѣлъ тутъ же за столомъ: онъ человѣкъ молодой и недавно еще отправляетъ эту должность. Отъ меня приказано ему отпускать экипажи не иначе, какъ по реестру, который посылается къ нему каждое утро, или по моимъ запискамъ, и онъ, по простотѣ своей, не осмѣлился дать кареты Вашему Величеству безъ моего приказанія. — «Однако же ты держись этого *чорта,* прервалъ Императоръ: онъ, долженъ быть, человѣкъ вѣрный и хорошій; нужды нѣтъ что молодъ. Когда онъ безъ твоего приказанія *Мнѣ* кареты не отпустилъ, то, вѣрно, уже не отпуститъ ни кому другому. Это хорошо, очень хорошо!»

Послѣ обѣда Императрица вышла къ *Чертову.* — «Слава Богу! сказала она ему: Государь изволилъ *милостиво разсудить* и еще похвалилъ тебя.» — *Чертовъ* не зналъ что дѣлать отъ радости. Онъ служилъ послѣ того долго при Дворѣ по конюшенной части и умеръ уже при концѣ царствованія Императрицы Елисаветы Петровны.

—

II. Правосудіе русскаго барина.

Добровъ, русскій дворянинъ, прослуживъ въ арміи пятнадцать, или двадцать лѣтъ, вышелъ въ отставку и удалился на свою родину, гдѣ имѣлъ небольшое помѣстье. Онъ женился на доброй и небогатой дворянкѣ, нажилъ съ нею дѣтей, занялся хозяйствомъ и почиталъ себя совершенно счастливымъ. Крестьянъ и земли было у него весьма немного; но сія послѣдняя почиталась лучшею во всей округѣ; ибо онъ былъ рачителенъ, а у рачительныхъ помѣщиковъ земля всегда бываетъ плодородна.

Въ сосѣдствѣ съ *Добровымъ* жилъ одинъ великій человѣкъ, а именно управитель и крѣпостной слуга покойнаго Графа *К. Г. Г.* — *Плутягину* (назовемъ такъ господина управителя) понравилась земля *Доброва:* онъ сталъ торговать ее, разумѣется, не по волѣ графа, а по своей управительской, давалъ очень хорошую цѣну, то есть четвертую, или пятую часть того, чего она стоила. *Добровъ* поупрямился продать. *Плутягинъ* разсердился, началъ съ нимъ тяжбу, позвалъ судей въ гости, потчивалъ ихъ хорошенько на графскій счетъ, и они опредѣлили: *вышереченную землю изъ неправильнаго владѣнія Прапорщика Доброва отобрать и отдать, по принадлежности, во владѣніе Графу Г.*

Что̀ было дѣлать Доброву? — Прибѣгнуть къ другимъ судьямъ? Ихъ бы также Плутягинъ

попросилъ въ гости. *Добровъ* опытомъ уже зналъ справедливость русской пословицы: *съ сильнымъ не борись, а съ богатымъ не тягайся.* — «Послушайте, сказалъ онъ женѣ своей и дѣтямъ: всѣ говорятъ, что графъ добрый человѣкъ: поѣду въ Петербургъ, упаду передъ нимъ на колѣна и скажу ему всю правду. Вѣрно, графъ не захочетъ, чтобы я разорился и прикажетъ *мое* возвратить *мнѣ*.» — Итакъ, въ сей надеждѣ, собралъ онъ послѣднія свои денжонки, помолился Богу и поѣхалъ въ Петербургъ.

У графа *К. Г. Р.* бывалъ всегда открытый столъ. Каждый почти день *Добровъ* обѣдалъ и ужиналъ вмѣстѣ съ графомъ, но не могъ найти случая объясниться съ нимъ. Онъ видалъ его только за столомъ, а послѣ стола, обыкновенно, графъ уходилъ тотчасъ во внуренніе свои покои, и всѣ расходились по своимъ мѣстамъ. Между тѣмъ у *Доброва* вышли деньги; онъ сдѣлался нездоровъ и принужденъ былъ... *заложить свой мундиръ*, не для покупки лекарствъ, но для того, чтобы не умереть съ голоду, или не просить милостыни.

Прошло болѣе недѣли, какъ сей несчастный офицеръ лежалъ больной на своей квартирѣ и ожидалъ одной только смерти. Графъ, однако, вспомнилъ объ немъ, хотя не зналъ даже и имени его. Однажды въ обѣдъ, оглядѣвъ всѣхъ сидящихъ съ нимъ за столомъ, спросилъ онъ своихъ людей: «А что давно не вижу я того офицера, который ходилъ прежде сюда всякой

день и садился всегда вонъ тамъ, на концѣ, противъ меня? Гдѣ онъ?»—Не знаемъ, Ваше Сіятельство! — «Сыщите его мнѣ, гдѣ хотите.»

Сыскали *Доброва*. Онъ лежалъ не въ комнатѣ, но въ какомъ-то чуланѣ; не на постелѣ, но на старомъ войлокѣ и подъ старымъ же изорваннымъ плащемъ. Некому было подать ему пить; некому было промолвить съ нимъ хоть одно ласковое и утѣшительное слово. Дворникъ только, *Христа ради*, заходилъ къ нему раза по два на день, приносилъ воды и пищи и выметалъ чуланъ.

Посланный отъ графа невольно содрогнулся, увидя *Доброва* въ столь жалостномъ положеніи. «Его Сіятельство Графъ *К. Г. Р.*, сказалъ онъ ему: велѣлъ вамъ поклониться и спросить у васъ: что вы перестали къ нему жаловать?» Слова сіи были для *Доброва* цѣлебнѣйшимъ бальзамомъ; изумленіе и надежда показались на его лицѣ; онъ привсталъ, глядѣлъ быстро на графскаго человѣка и не могъ промолвить ни слова. Слуга повторилъ ему еще разъ, что̀ сказалъ прежде; у *Доброва* навернулись отъ радости слезы и онъ вскричалъ, поднявъ глаза кверху:—Да утѣшитъ такъ Господь Богъ графа, какъ онъ меня утѣшилъ! Доложи, мой другъ, Его Сіятельству, что я нарочно для того, чтобы съ нимъ видѣться по самому важному для меня дѣлу, пріѣхалъ сюда, въ Петербургъ, изъ-за полуторы тысячи верстъ; но былъ такъ несчастливъ, что не нашелъ времени говорить съ графомъ. Те-

перь, видишь, я боленъ; если же велитъ мнѣ Богъ выздоровѣть, то, не знаю, могу ли и тогда видѣть Его Сіятельство: не въ чемъ мнѣ выдти. —

Графъ въ тотъ же самый день прислалъ къ *Доброву* нѣсколько паръ своего платья, денегъ рублей пятьдесятъ *) и лекаря. *Добровъ* молился за графа Богу, и въ скоромъ времени совершенно выздоровѣлъ.

Первый его выходъ былъ въ церковь, а оттуда къ графу. Когда сей послѣдній вышелъ въ столовую, *Добровъ* приблизился къ нему съ нѣкоторымъ трепетомъ, поклонился, хотѣлъ говорить, но не могъ произнести кромѣ сихъ словъ: *Ваше Сіятельство! Ваше Сіятельство!* Онъ схватилъ полу графскаго кафтана, чтобы поцѣловать ее, и—слезы благодарности омочили вышитый золотомъ бархатъ. «Пообѣдаемъ напередъ, сказалъ ему ласково графъ, а послѣ того поговоримъ о дѣлѣ. Когда кончился столъ, графъ взялъ съ собою *Доброва* въ свой кабинетъ, и *Добровъ* разсказалъ ему съ робостью и съ чистосердечіемъ о своемъ несчастіи. Графъ, выслушавъ его со вниманіемъ, сказалъ ему: «Послушай, братецъ, управитель мой, котораго ты обвиняешь, извѣстенъ мнѣ давно съ хорошей только стороны. Я велю однако выправиться о твоемъ дѣлѣ; а между тѣмъ, пока доставятъ ко

---

*) Пятьдесятъ рублей значили тогда едва ли не болѣе, что нынѣ пять сотъ.

мнѣ объ этомъ свѣдѣніе, ходи ты ко мнѣ попрежнему, и если случится тебѣ въ чемъ нужда, то скажи мнѣ.»

Съ мѣсяцъ не болѣе пробылъ *Добровъ* въ неизвѣстности. Наконецъ графъ призываетъ его опять въ свой кабинетъ и говоритъ ему: «Такъ, братецъ, ты правду сказалъ мнѣ: земля отнята у тебя неправильно. Вотъ каково! мы и не знаемъ, что̀ дѣлаютъ управители нашимъ именемъ! Какъ быть! надобно впередъ лучше смотрѣть за такими бездѣльниками. Поѣзжай теперь домой и отдай самъ этотъ пакетъ *Плутягину;* ты получишь полное удовлетвореніе, а на дорогу вотъ тебѣ сто рублей. Прощай, ступай съ Богомъ.» *Добровъ* началъ-было благодарить графа, но графъ сказалъ ему: *не за что*, и не сталъ его слушать.

По пріѣздѣ назадъ домой, *Добровъ*, не медля ни мало, полетѣлъ къ *Плутягину*. Къ самому графу въ Петербургѣ входилъ онъ смѣло, безъ доклада въ залу; въ деревнѣ, у его управителя, принужденъ былъ остановиться въ передней и просить слугъ доложить о себѣ. Доложили объ немъ. *Плутягинъ* былъ въ то время очень занятъ: сидѣлъ надъ стопою англійскаго пива и читалъ газеты. Онъ разсердился, что отвлекли его отъ столь важнаго занятія и вскричалъ съ сердцемъ:—Да зачѣмъ притащился сюда этотъ *нищій?* Проводите его въ шею со двора. — Безъ сомнѣнія, слуги исполнили бы сіе приказаніе, еслибы *Добровъ* не сказалъ имъ тутъ,

что онъ пришелъ съ письмомъ отъ графа́. Доложили вторично управителю, и управитель, услышавъ о графскомъ письмѣ, приказалъ просить къ себѣ *Доброва*. — «Всё ли въ добромъ здоровьи? спросилъ онъ его. Прошу покорно садиться. Не угодно ли выкушать стаканчикъ англійскаго пивца?» — Благодарю, отвѣчалъ *Добровъ*: и подалъ ему пакетъ. *Плутягинъ* распечаталъ его, началъ читать и вдругъ поблѣднѣлъ, затрясся, закричалъ: *жена! дѣти! скорѣе сюда!* — Жена и дѣти, испугавшись, выбѣжали къ нему изъ другой комнаты. «Упадите вмѣстѣ со мною въ ноги къ этому господину, сказалъ онъ имъ: плачьте, просите его, чтобы не погубилъ насъ.» Всѣ упали къ ногамъ *Доброва*; *Плутягинъ* обнималъ его колѣна и говорилъ рыдая: «Прогнѣвалъ я, грѣшникъ, Господа Бога! Отецъ мой! помилуй меня, не погуби, сжалься хоть надъ моими ребятишками!» — Что такое? Что такое? спрашивалъ въ изумленіи *Добровъ*: встаньте, встаньте, скажите, что это значитъ? — *Плутягинъ*, вмѣсто отвѣта, подалъ ему бумагу, приведшую его въ такой ужасъ, и бумага сія была не иное что, какъ крѣпость на деревню, состоящую слишкомъ изо ста душъ крестьянъ, которую графъ подарилъ *Доброву* и въ которой самъ *Плутягинъ* записанъ былъ въ подушномъ окладѣ.

Не возможно описать изумленія и радости *Доброва*, «Ты погубилъ-было меня, сказалъ онъ *Плутягину*; но я не хочу твоей погибели;

я даю тебѣ отпускную съ женою твоею и съ дѣтьми. Молись Богу за графа.»

На другой же день *Добровъ* сдержалъ свое слово и отпустилъ *Плутягина* вѣчно на волю со всѣмъ его семействомъ.

—

III. Стряпчій Миротворовъ.

До изданія въ 1762 году штатовъ Коллегіямъ, бывшая въ Москвѣ Вотчинная Коллегія содержалась одною только *акциденціею*, т. е. попросту сказать, *взятками*. Никто изъ служившихъ въ оной не получалъ жалованья, кромѣ президента, да и тотъ бралъ въ годъ, за вычетомъ на госпиталь, *девяносто девять рублей!!* Каковы же были секретари и канцелярскіе служители, имѣвшіе полное право требовать съ истца и отвѣтчика акциденціи за труды свои? И говорить уже нечего! Трудно повѣрить, какой существовалъ въ то время въ Вотчинной Коллегіи безпорядокъ. Старики-очевидцы увѣряли меня, что невозможно было безъ отвращенія войти туда въ переднюю. Въ этой огромной передней, или, правильнѣе сказать, въ сѣняхъ, продавались всякіе съѣстные припасы, *яко то:* сбитень, калачи, пироги, пряники и, за особою загородкою, *горячее вино*. Около сего мѣста тѣснились подъячіе, съ перомъ за ухомъ и съ деревяннымъ отрубкомъ на спинѣ, также стряп-

чіе и повѣренные, которые не уступали имъ ни въ крючкотворствѣ, ни въ нравственности. Толпа сихъ послѣднихъ собиралась ежедневно для отысканія себѣ работы въ передней Вотчинной Коллегіи, подобно тому, какъ собираются нынѣ работницы у Синяго Моста, или поденщики на биржахъ.

Кто же были эти стряпчіе и повѣренные? — Большею частію выгнанные изъ присутственныхъ мѣстъ подъячіе, отпущенные на волю господскіе люди, привыкшіе съ малолѣтства ко лжи и къ обманамъ, безъ всякаго образованія, безъ стыда, безъ совѣсти. Нерѣдко случалось, что два адвоката противныхъ партій, *говоря* въ судѣ *судъ*, хотѣли, казалось, съѣсть другъ друга; но за то въ харчевнѣ, или въ питейномъ домѣ, дружески бесѣдовали между собою, показывали одинъ другому бумаги и совѣтовались, какъ бы побольше и получше наставить крючковъ, чтобы запутать и продлить дѣло для взаимной своей пользы.

Повѣрятъ ли, что въ толпѣ такихъ безсовѣстныхъ людей былъ человѣкъ благороднѣйшій, истинный другъ человѣчества, который спасъ отъ разоренія, можетъ быть, нѣсколько сотъ семействъ? Настоящаго имени его не помню, а онъ прозванъ былъ въ Москвѣ *Миротворовымъ* потому, что болѣе всего писалъ *мировыя* челобитныя и старался мирить между собою тяжущихся. Если поручали ему сочинить просьбу и онъ видѣлъ изъ бумагъ, что дѣло явно было

несправедливо, то отказывался писать, сколько бы ни сулили и ни давали ему денегъ. Если же, напротивъ того, документы подтверждали справедливость дѣла, въ такомъ случаѣ старался онъ развѣдать искусно, не имѣетъ ли истецъ наклонности къ миру и не прiѣхалъ ли уже въ Москву его соперникъ, или отвѣтчикъ. Узнавъ о прiѣздѣ послѣдняго, являлся тотчасъ къ нему, предлагалъ, какъ стряпчiй, свои услуги, и когда принимали ихъ, когда показывали ему документы и другой стороны, то онъ, разсмотрѣвъ все со вниманiемъ и сообразивъ съ законами, прямо, съ благородною твердостью объявлялъ тяжущимся: кто изъ нихъ въ чемъ правъ, или неправъ.— «Воля ваша, милостивые государи, говаривалъ онъ имъ обыкновенно: а гораздо лучше вамъ помириться, нежели разоряться понапрасну для судей, подъячихъ и нашей братьи.» — Сперва слушались его немногiе, вскорѣ потомъ стали слушаться многiе, и наконецъ честностью своею и безпристрастiемъ сдѣлался онъ столько извѣстенъ и вошелъ въ такую довѣренность, что помѣщики, заведя между собою споры по землямъ, не начинали тяжбы, но прiѣзжали нарочно въ Москву, иногда за нѣсколько сотъ верстъ, являлись оба въ одно время съ своими документами къ Миротворову и просили его *разсудить* ихъ *по совѣсти и по законамъ*. Приговоры его исполнялись всегда безпрекословно; и тѣ, которыхъ онъ *разсудилъ*, или *примирилъ*, не оста-

вались противъ него неблагодарными: каждый изъ нихъ дарилъ его и дарилъ щедро; но онъ самъ никогда ничего не требовалъ. Такимъ образомъ честный Миротворовъ получалъ съ той и съ другой стороны за свое безпристрастіе и безкорыстіе несравненно болѣе, нежели корыстолюбивые его товарищи за самое мастерское крючкотворство и бездѣльничество.

Миротворовъ былъ изъ отпускныхъ людей. Къ сожалѣнію, умеръ онъ слишкомъ рано, съ небольшимъ тридцати лѣтъ отъ роду.

—

IV. Красныя дѣти.

Встарину, лѣтъ за семьдесять, или за восемьдесятъ, одинъ умный помѣщикъ бранилъ ежедневно жену свою за то, что она родила ему сряду пятерыхъ дочерей. «Слушай, Θекла Савишна, говаривалъ онъ ей: роди мнѣ сына, сына непремѣнно!» — Какъ Богу угодно будетъ! отвѣчала со слезами бѣдная жена. Помилуй, посуди, батюшка Трифонъ Карповичъ, я-то чѣмъ виновата? — «А вотъ, если ты родишь еще дочь, то увидишь что̀ я съ тобою сдѣлаю!» Θекла Савишна сдѣлалась беременна въ шестой разъ. Наступило время для ея разрѣшенія. Трифонъ Карповичъ приказалъ, по тогдашнему обыкновенію, истопить баню и отправилъ туда жену и повивальную бабку съ строжайшимъ

подтвержденіемъ первой, чтобы родила сына; а не дочь.

Однако же Өекла Савишна не послушалась, родила опять дочь, а не сына. Бабка не смѣла явиться съ такимъ ужаснымъ извѣстіемъ къ строгому Трифону Карповичу; но нечего дѣлать, она должна была идти къ нему рапортовать объ этомъ — перекрестилась и пошла.

«Сынъ, или дочь?» спросилъ онъ ее грозно. —Дочь, батюшка!—прошептала трепещущая отъ страха бабка и повалилась къ ногамъ его. «Вонъ, старая вѣдьма!» вскричалъ Трифонъ Карповичъ, и она поплелась пазадъ къ родильницѣ, которая въ то время была ни жива, ни мертва.

Что же сдѣлалъ Трифонъ Карповичъ? Какъ только бабка ушла въ баню, прибѣжалъ туда, заперъ снаружи и заколотилъ самъ на-глухо дверь, велѣлъ обложить баню пуками сухой соломы и зажечь.

Узнали сосѣди, прибѣжали; стали уговаривать упрашивать, умолять. Раздраженный супругъ и отецъ не слушалъ никого и только-что повторялъ старинную дерзкую поговорку: *суди меня Богъ и государь!*

Между тѣмъ, по приказанію его, ветхая, деревянная баня обложена уже была со всѣхъ сторонъ соломою; ужс несли пуки зажженной лучины — вдругъ является священникъ этого села, духовный отецъ Трифона Карповича, котораго и онъ и всѣ прочіе тамошніе дворяне

и крестьяне уважали за его добродѣтели и благочестіе. Убѣжденія сего почтеннаго мужа спасли жизнь родильницы, новорожденной и повивальной бабки.

Но первая не осталась безъ наказанія: правосудный супругъ изгналъ ее изъ господскихъ хоромъ своихъ и велѣлъ ей жить въ людской избѣ до тѣхъ поръ, пока родитъ сына. «А ежели родишь еще дочь, сказалъ онъ ей торжественно при всѣхъ, то знай, что не быть тебѣ живой; не помилую, не послушаюсь ни кого, ни самого отца Василья.»

На слѣдующій годъ Ѳекла Савишна опять сдѣлалась беременна; опять, какъ пришло время, заключили ее въ баню съ повивальною бабкою. Вотъ опять идетъ бабка изъ бани, или, лучше сказать, бѣжитъ, сломя голову съ рапортомъ къ Трифону Карповичу, который мучился тогда не менѣе самой родильницы. — Поздравляю тебя, батюшка, съ сыномъ! — «Обманываешь, Пахомовна?» — Нѣтъ, батюшка, точно сынъ,—

Опрометью побѣжалъ Трифонъ Карповичъ въ баню, взглянулъ на сына, — слезы радости и благодарности блеснули на глазахъ его; онъ бросился къ ногамъ своей супруги, разцѣловалъ у нея всѣ пальчики, хотя въ то время мужья и не цѣловали еще рукъ у женъ своихъ, и, не смотря на бывшій тогда жестокій морозъ, не смотря на всѣ возраженія, на просьбы самой родильницы, окутавъ ее шубами, съ тріумфомъ перенесъ изъ бани въ свои хоромы.

Во всемъ дворѣ, во всей деревнѣ только и слышно было рѣчей: «Трифону Карповичу далъ Богъ сына!»

Отъ радости такой сосѣдніе дворяне
Легли въ крестины на-повалъ;
Перепился и старъ и малъ
И не работали тотъ цѣлый день крестьяне.

Трифонъ Карповичъ продалъ хлѣбъ и купилъ Ѳеклѣ Савишнѣ такихъ нарядовъ, какихъ она никогда еще не нáшивала.

Вскорѣ послѣ того появилась у нихъ въ околоткѣ оспа, и всѣ старшія пять дочерей ихъ умерли отъ сей ужасной болѣзни. Мать плакала, а отецъ ни слезки не выронилъ. «Не плачь, Ѳекла Савишна, говорилъ онъ ей: есть у насъ сынъ и дочь — *красныя дѣти* *; больше не надобно!»

Какъ утѣшался Трифонъ Карповичъ сыномъ своимъ! какъ любилъ его! Жаль ему было учить его, когда онъ былъ еще малъ, а когда выросъ — послать на службу. Иванъ Трифоновичъ не выучился даже и грамотѣ; за то былъ великій мастеръ играть въ бабки, въ кости, въ карты и пить. Въ младенческихъ лѣтахъ своихъ билъ онъ нянюшекъ и мамушекъ, въ отроческихъ — ребятишекъ и дворовыхъ людей, а въ юношескихъ началъ колотить и батюшку. — Ништо,

* Не знаю совершенно, что разумѣли встарину подъ словами: *красныя дѣти* — одного ли только сына и одну дочь, или равное число сыновей и дочерей?

подѣломъ! Неимѣрное баловство отца было причиною разврата и погибели сына.

Сей несчастный промоталъ все имѣніе своего отца и умеръ въ молодости какъ преступникъ. Бѣдный Трифонъ Карповичъ, не имѣя у себя ни копѣйки, принужденъ былъ на старости лѣтъ таскаться по чужимъ дворамъ, если бы не дала ему убѣжища у себя въ домѣ младшая дочь его, которую хотѣлъ-было онъ сжечь при ея рожденіи. Богъ благословилъ ее: она счастлива была своимъ замужствомъ и покоила у себя отца и мать до самой ихъ смерти.

V. Рѣдкая жена.

Давно уже, давно въ Москвѣ у какого-то довольно достаточнаго священника только и было дѣтей, что одинъ сынъ. Отецъ и мать не слыхали въ немъ души, избаловали его, и любимый ихъ сынокъ Иванушка (настоящее имя его я позабылъ) вышелъ въ двадцать лѣтъ невѣжда, пьяница и буянъ; почти не умѣлъ читать и писать, а попить, побить — его дѣло. Пріятели его, друзья и братья были московскіе фабричные. Отецъ и мать не смѣли ему сказать ни слова, и онъ, какъ говорится, ни въ грошъ ихъ не ставилъ. Старики вздумали женить его въ надеждѣ, что *женится, такъ перемѣнится*. «Женись, Иванушка! говорили они ему: сдѣлай намъ хоть это послушаніе.» — Не хочу жениться, отвѣчалъ онъ имъ съ грубостью; хочу

еще гулять! — Долго не соглашался онъ исполнить просьбу добрыхъ и слабыхъ своихъ родителей; наконецъ докуки и слезы ихъ его убѣдили. — Ну, ладно, сказалъ онъ имъ: пожалуй женюсь, коли вамъ этого хочется и коли найду себѣ по мысли невѣсту.

Стали сватать невѣстъ за Иванушку. Вотъ, смотрятъ одну, другую, третью, четвертую: ни которая однако изъ нихъ Иванушкѣ не показалась. Наконецъ приглянулась ему Маша, дочь одного бѣднаго церковника, сиротка, безъ отца, безъ матери и почти безъ приданаго. Впрочемъ, какъ онъ самъ послѣ признавался, не чувствовалъ къ ней тогда никакой особенной склонности и охоты къ женитьбѣ; но рѣшившись, въ первый, можетъ быть, еще разъ, сдѣлать утѣшеніе отцу и матери, далъ имъ знать о своемъ выборѣ. «Какъ же, голубчикъ Иванушка, возразили ему съ кротостью старики: за дочерью отца Филиппа, за дочерью отца Василія, за такою-то и такою-то даютъ столько-то денегъ, столько-то жемчугу; а у Маши, хоть она дѣвица хорошая и разумная, ничего почти нѣтъ.» — Да вѣдь, у тебя, батюшка, есть деньги, а у тебя, матушка, жемчугъ. Кому вы бережете? Коли Маша вамъ не угодна, такъ не женюсь ни на комъ и пойду въ солдаты. Прощайте? — «Помилуй, помилуй! Что ты? Богъ съ тобой! Мы только такъ сказали. Пожалуй, женись себѣ на Машѣ, все отдадимъ тебѣ съ нею. Коли хочешь, сегодня же ударимъ и по рукамъ.»

Ударили по рукамъ; скоро послѣ того сдѣлали сговоръ и сыграли свадебку у себя въ домѣ. Первые три, или четыре дня провелъ новобрачный довольно порядочно; на радости былъ не одинъ разъ пьянъ, по крайней мѣрѣ не буянилъ. На четвертый, или пятый день, вздумалъ онъ повидаться со своими друзьями-фабричными, которые собирались ежедневно вечеркомъ на ближайшемъ подлѣ него кружалѣ. Не сказавъ ни слова ни отцу, ни матери, ни женѣ, беретъ онъ деньги, шляпу и хочетъ идти. — Куда ты, батюшка Иванъ Семеновичъ? спрашиваетъ его трепещущая Маша. — «*Гулять!* Съ тобою что ли все обнявшись сидѣть дома?» — Ради Бога останься. Коли ужъ непремѣнно хочешь пить, то лучше пей дома. Чего тебѣ угодно? пива ли? вина ли? наливки ли какой, или водки? все есть дома: я выпрошу у батюшки и у матушки. — Иванушка подумалъ и сказалъ! «Коли хочешь, чтобы я не ходилъ со двора, то принеси водки, да гданской! Слышишь ли?» Маша побѣжала опрометью къ свекрови и въ минуту воротилась со штофикомъ гданской водки, которую старики берегли для дорогихъ гостей. Иванушка почти весь его опорожнилъ.

Такимъ образомъ удалось Машѣ раза два, или три удержать дома гуляку, своего мужа. Между тѣмъ пріятели его, фабричные, проходя мимо его дома, когда онъ случался у окна, съ насмѣшкою глядя на него, пожимали плечами и давали знакъ, чтобы пришелъ онъ въ обыкновен-

ное сборное ихъ мѣсто. Совѣстно стало Иванушкѣ, что давно не видалъ друзей своихъ — товарищей, и рѣшился непремѣнно идти къ нимъ. Маша, узнавъ о томъ, стала просить его, плакать; онъ не слушалъ и не глядѣлъ на нее. Когда онъ надѣлъ уже шляпу и хотѣлъ идти, Маша обняла его и старалась удержать; въ сердцахъ оттолкнулъ онъ ее отъ себя такъ сильно, что она упала и очень больно ушиблась. Иванушка сошелъ съ крыльца и отворилъ уже калитку, какъ вдругъ откуда ни возьмись Маша, упала передъ нимъ на колѣна и, обхвативъ крѣпко его ноги, сказала навзрыдъ: «Воля твоя, не пущу тебя! Подумай: куда ты идешь и зачѣмъ?» Разъяренный мужъ отвѣчалъ ей ругательствами и ударами; но она крѣпко держала его за ноги, цѣловала ихъ и съ умилительною покорностью просила объ одной только милости, чтобы онъ остался дома. Наконецъ убѣжденія, слезы и ласки Маши тронули каменное его сердце: онъ образумился и ужаснулся своего поступка. — Встань, Маша, сказалъ онъ: послушаюсь тебя и не пойду въ кабакъ; съ этой поры нога моя тамъ никогда не будетъ. — При сихъ словахъ радостная улыбка появилась на лицѣ плачущей и избитой Маши. Она бросилась на шею къ своему мужу, расцѣловала его и, какъ бы въ тріумфѣ, привела въ свою комнату. Никогда еще не видали ее столь веселою и довольною, какъ въ этотъ день послѣ побой.

Когда пришли они въ комнату, Маша, зная

слабость своего мужа, спросила его: «Чего же прикажешь принести себѣ выкушать?» — Ничего, Маша; съ сей поры не хочу больше пить. — «Доброе дѣло! подкрѣпи тебя Господь!» — Что же ты станешь теперь дѣлать? — «Мнѣ, вотъ, видишь, надобно донизать ризу на образъ; а ты бы сѣлъ подлѣ меня да почиталъ мнѣ вслухъ какую-нибудь божественную книгу: у батюшки-свекра книгъ довольно.» — Старикъ священникъ удивился и едва не заплакалъ отъ радости, когда сынъ попросилъ у него книги. Онъ далъ ему Библію и Иванушка съ великимъ прилежаніемъ и вниманіемъ началъ читать ее.

Заблаговѣстили на другой день къ заутрени; отецъ Иванушки пошелъ, по обыкновенію, въ церковь, и Иванушка вмѣстѣ съ нимъ. Онъ былъ также у обѣдни и у вечерни, и съ этой поры сталъ ходить всякой день въ церковь. Въ церкви помогалъ онъ дьячку читать и пѣть; дома безпрестанно сидѣлъ за дѣломъ, читалъ, или писалъ, и не видѣлъ, въ занятіяхъ, какъ проходило время. Онъ имѣлъ очень хорошую память; природныя его способности вдругъ раскрылись съ перемѣною образа его жизни. Изъ невѣжды и буяна сдѣлался онъ довольно свѣдущимъ, по своимъ лѣтамъ, и самымъ кроткимъ и скромнымъ человѣкомъ, такъ что многіе духовные ставили его въ примѣръ своимъ сыновьямъ. Отецъ и мать плакали отъ радости и не могли нахвалиться своею снохою. «Что̀, старуха, говаривалъ часто священникъ женѣ своей: пропалъ бы нашъ

Ванюша, если бы мы женили его на богатой.»

Черезъ пять, или шесть мѣсяцовъ, когда Иванушка, или Иванъ Семеновичъ, узналъ уже почти совершенно кругъ церковнаго служенія, сдѣлали его дьячкомъ; черезъ годъ, или черезъ два, посвятили его въ діаконы; черезъ нѣсколько лѣтъ произвели въ священники, и наконецъ онъ былъ въ Москвѣ однимъ изъ самыхъ старшихъ и почетнѣйшихъ протоіереевъ, былъ членомъ Синодальной Конторы, и христіанскими своими добродѣтелями и примѣрнымъ житіемъ пріобрѣлъ всеобщее уваженіе отъ духовенства и московскихъ гражданъ. Благоразумными и кроткими своими увѣщаніями возстановилъ онъ спокойствіе и порядокъ во многихъ семействахъ и обратилъ со стези разврата на путь добродѣтели многихъ заблуждшихъ, не только молодыхъ, но даже и пожилыхъ людей.

Все это слышалъ я отъ покойнаго отца моего, который зналъ его лично и въ присутствіи котораго почтенный этотъ протоіерей (лѣтъ за 50, если не болѣе) разсказывалъ исторію своей жизни. — «Послѣ Бога, говорилъ онъ, обязанъ я всѣмъ женѣ своей: еслибъ она не удержала меня отъ развратной жизни и дурного сообщества, то, вѣроятно, довели бы меня до погибели прежніе мои товарищи, изъ которыхъ многіе впослѣдствіи наказаны были за разныя преступленія.»

—

VI. Новый Ермакъ.

Былъ человѣкъ и человѣкъ великой — двухъ аршинъ четырнадцати вершковъ, славный разбойникъ и атаманъ Ермакъ, или Егоръ * Тимоѳеевичъ.

Одинъ останавливалъ онъ большіе обозы, состоявшіе изъ двадцати, тридцати, сорока подводъ и болѣе. Выйдетъ изъ лѣсу на дорогу и закричитъ громогласно: *стой!* — мужички остановятся и снимутъ шапки. И Ермакъ Тимоѳеевичъ также снимаетъ съ себя шапку и положитъ на-земь. — *По грошу съ дуги!* ** — И вотъ мужички наполнятъ шлемъ героя-сборщика мѣдною монетою и поѣдутъ далѣе благополучно.

Ермакъ Тимоѳеевичъ имѣлъ необыкновенную силу. Вооруженіе его состояло изъ ужасной рогатины, ружья, двухъ паръ пистолетовъ, кистеня, а за голенищемъ былъ у него всегда вѣрный товарищъ—булатный ножъ.... но этотъ ножъ ни однажды не обагрялся человѣческою кровью. Ермакъ промышлялъ около Москвы, а главная его квартира была, попеременно, или близъ Коломны, или близъ Мурома. Никогда не имѣлъ онъ подъ знаменами своими болѣе трехъ,

---

* Настоящее имя его было, кажется, *Егоръ;* но всѣ почти называли его *Ермакомъ*, по сходству отчества и прежняго ремесла завоевателя Сибири.

** Иногда бралъ и по алтыну, но не болѣе.

или четырехъ человѣкъ, да и къ тѣмъ былъ чрезвычайно строгъ.

Слишкомъ шестьдесять лѣтъ тому назадъ, дворовый человѣкъ члена бывшей Главной Соляной Конторы статскаго совѣтника Петра Ивановича Сысоева, сдѣлавъ какую-то шалость, бѣжалъ, а на дорогу взялъ самовольно господскую серебряную посуду: чарочки, стаканчики, подносцы, и т. п. Господинъ приготовилъ явочное прошеніе, но не подалъ его, и вотъ по какой причинѣ. На другой день побѣга, возвращаясь домой отъ ранней обѣдни (П. И. Сысоевъ, какъ и многіе почтенные старички того времени, ходилъ къ поздней обѣднѣ только по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ, а всѣ прочіе къ ранней, и потомъ, напившись чаю, къ должности, кромѣ субботы), видитъ онъ у воротъ своихъ обшивни, запряженныя парою ухарскихъ лошадей; въ обшивняхъ лежалъ связанный бѣглецъ, Илюшка, и подлѣ него кулекъ, а на козлахъ сидѣлъ видный кучеръ, въ хорошемъ синемъ суконномъ армякѣ. Кучеръ встаетъ, снимаетъ передъ Петромъ Ивановичемъ шапку и, подавая ему письмо, говоритъ: «Ермакъ Тимоѳеевичъ приказалъ Вашему Высокородію кланяться; посылаетъ вамъ бѣглаго вашего человѣка и все, что̀ унесъ онъ у васъ.» — Благодарю, благодарю, другъ мой! потрудись введи бездѣльника. — Входятъ въ комнаты.... Илюшка падаетъ въ ноги доброму своему господину, а тотъ распечатываетъ письмо и читаетъ слѣдующее:

«Ваше Высокородіе!

«Милостивый Государь!

«Петръ Ивановичъ!

«Дворовый человѣкъ вашъ, Илья Терентьевъ, «явясь ко мнѣ вчерашняго числа, просилъ о «принятіи его въ службу. А какъ я бездѣльни-«ковъ къ себѣ не принимаю; по допросу же «моему оказалось, что онъ, Илья Терентьевъ, «обращается въ пьянствѣ и воровствѣ: того для «и препровождаю его, Терентьева, по надлежа-«щемъ наказаніи, обратно къ Вашему Высоко-«родію, купно съ покраденными имъ у васъ «вещами, кои сохранены всѣ въ цѣлости. Оста-«юсь съ моимъ почтеніемъ

«всенижайшій слуга

«Ермакъ Тимоѳеевъ.»

— Гдѣ же? гдѣ же человѣкъ, который привезъ Илюшку?—спрашиваетъ Петръ Ивановичъ людей своихъ. «Вышелъ, сударь!» — Позовите его сюда: надобно ему дать на калачи — ... Пошли, посмотрѣли — анъ и слѣдъ простылъ! Между тѣмъ Илья Терентьевъ обнималъ колѣна своего господина и просилъ помилованія... Да кто это такой добрый человѣкъ Ермакъ Тимо ѳеевичъ, который прислалъ тебя? — «Атаманъ, сударь!» — Какой атаманъ, казачій что ли? — «Нѣтъ, сударь, разбойникъ.» — При сихъ словахъ выпало письмо атамана-разбойника изъ рукъ трепещущаго Петра Ивановича.

Вотъ что̀ узналъ онъ отъ своего бѣглеца: когда тотъ явился къ Ермаку Тимоѳеевичу и слезно просилъ его принять къ себѣ въ службу, то Ермакъ Тимоѳеевичъ, со всею атаманскою строгостью, приказалъ ему говорить всю правду и отвѣчать по порядку на его вопросы: «Что ты за человѣкъ?» — Господскій, батюшка! — «Чьего господина?» — Петра Ивановича Сысоева. — «Доброй господинъ, или худой?.... говори же, что ты сталъ? да если солжешь и я узнаю...» — Грѣхъ сказать, батюшка, чтобы худъ былъ. — «Поилъ онъ тебя, кормилъ?» — Поилъ и кормилъ — «Обувалъ и одѣвалъ?» — Обувалъ и одѣвалъ. — «Отчего же бѣжалъ ты? Вѣрно, самъ былъ дуренъ? Сказывай!» —Виноватъ, грѣшный человѣкъ, испивалъ изрѣдка и пошаливалъ. — «А сѣкъ тебя, баринъ?» —Ни разу еще, а грозился высѣчь.—«Постой же, я тебя высѣку... батожья!» И такъ высѣкли пьяницу, вора и бѣглеца Илюшку, что, по словамъ барина его, курицѣ негдѣ было клюнуть.

Петръ Ивановичъ въ тотъ же самый день разсказалъ подробно это происшествіе въ Главной Соляной Конторѣ. Въ числѣ слушателей былъ и покойный отецъ мой, служившій въ то время въ конторѣ подканцеляристомъ, если еще не копіистомъ.

—

Хотя Ермакъ Тимоѳеевичъ и не бралъ съ крестьянъ болѣе алтына съ дуги, но къ купцамъ и дворянамъ не такъ былъ снисходителенъ. Онъ

имѣлъ двухъ, или трехъ любезныхъ, которыя любили наряжаться, требовали жемчугу, самоцвѣтныхъ каменьевъ, штофовъ, парчей, и т. п. У кого же было ему все это брать, какъ не у проѣзжихъ? Ловили его по предписанію Воеводской Провинціальной Канцеляріи, но никакъ не могли поймать. . . и не мудрено: когда онъ имѣлъ пребываніе свое въ Коломенской округѣ, то искали его въ то время въ Муромской, а когда былъ близъ Мурома, то въ Коломенской. Екатерина II, по восшествіи своемъ на престолъ, приказала непремѣнно поймать его — и тотчасъ поймали. Гдѣ же? — Въ банѣ кума его, какого-то дворянина, или однодворца. Ермакъ Тимоѳеевичъ любилъ попариться. Вотъ пріѣзжаетъ онъ, по обыкновенію, къ куму въ субботу — баня истоплена. Ермакъ, раздѣвшись въ передбанникѣ, идетъ, какъ и всегда дѣлалъ, въ баню въ полномъ вооруженіи. Лишь только захлопнулъ онъ за собою дверь, какъ вдругъ опускается сверху бревно и запираетъ ее. Двадцать, или тридцать голосовъ со двора кричатъ радостно: «Попался молодецъ въ западню!» Подъячій съ прописью, въ непудренномъ парикѣ, читаетъ громогласно противъ окна бани опредѣленіе, или указъ о взятіи Ермака подъ стражу. «Попробуйте, возьмите!» — говоритъ Ермакъ Тимоѳеевичъ, прицѣливаясь въ окно ружьемъ. «Не дамся въ руки живой!» — Такъ мы возьмемъ и мертваго, говоритъ подъячій. Ребята! нечего на него смотрѣть. Принесите-ка соломы,

обложите баню, да и зажгите. — Струсилъ неустрашимый Ермакъ и вступилъ въ переговоры. Въ силу оныхъ выбросилъ онъ въ окно рогатину, ружье, пистолеты и кистень. Долго не рѣшался разстаться съ вѣрнымъ товарищемъ своимъ, булатнымъ ножемъ, но наконецъ и тотъ выбросилъ, вздохнувъ тяжело. — «Ну же, братцы, берите меня, отворите дверь.» — Нѣтъ, врешь, ушибешь, да уйдешь!... Вылѣзай-ка въ окно. — «Не пролѣзу.» — Ребята! зажигай солому! — Зажгли. Полѣзъ нехотя Ермакъ Тимоѳеевичъ въ окно, приняли его, схватили за бѣлы руки, скрутили веревками и препроводили въ острогъ.

Какъ при допросѣ, такъ и при исповѣди, не повинился онъ ни въ одной душѣ. Ермакъ Тимоѳеевичъ грабилъ съ умѣренностью, и всегда оставлялъ ограбленнымъ по крайней мѣрѣ столько, чтобы могли они безъ нужды доѣхать до мѣста. По уваженію всего этого, какъ я слышалъ, въ слѣдствіе особеннаго Высочайшаго повелѣнія, наказанъ онъ былъ несравненно легче, нежели прочіе разбойники, отъ которыхъ въ то время не было почти проѣзда по дорогамъ.

—

VII. Расточительность и неблагодарность.

Въ . . . губерніи, лѣтъ тридцать тому назадъ, былъ помѣщикъ маіоръ *N. N.*, который прожилъ въ короткое время полученныя имъ въ

наслѣдство три тысячи душъ крестьянъ, не выѣзжая почти никогда изъ деревни, не будучи женатъ, не играя въ карты и не имѣя пристрастія ни къ женщинамъ, ни къ вину, ни къ собакамъ.

Постараюсь самыми краткими чертами изобразить причудливую роскошь сего несчастнаго человѣка.

Каждый день у *N. N.* накрывали столъ на 24 прибора, хотя, обыкновенно, у него обѣдало два, три человѣка, и то какой-нибудь сосѣдъ бѣдный дворянинъ, судья, или секретарь изъ города, капитанъ-исправникъ, либо засѣдатель. За каждымъ приборомъ стоялъ офиціантъ, весь залитый въ золотѣ. По окончаніи обѣда, 24 офиціанта садились за этотъ же самый столъ, а имъ прислуживали 24 лакея, въ богатой ливреѣ.

N. N. нюхалъ табакъ, но не держалъ при себѣ табакерки. Бывало, скажетъ при гостяхъ своимъ офиціантамъ: *табаку!* и вотъ они въ мгновеніе ока вынимаютъ изъ кармановъ и подаютъ ему 24 золотыя табакерки съ лучшимъ французскимъ табакомъ, шпанскимъ, голландскимъ, сарептскимъ, русскимъ, віолетнымъ, бергамотнымъ, рульнымъ, полурульнымъ и проч. и проч. *N. N.*, понюхавъ табачку, подчивалъ имъ и своихъ посѣтителей, изъ которыхъ рѣдкій имѣлъ у себя серебряную, или черепаховую табакерку.

N. N. не пилъ ничего, кромѣ одной рюмки

сладкой водки передъ обѣдомъ, и очень рѣдко выѣзжалъ въ гости. Однажды судья и городничій просили его неотступно сдѣлать имъ честь, пожаловать къ каждому хоть на минуточку, въ день храмоваго праздника у нихъ въ городѣ. «Хорошо, господа!» — сказалъ онъ имъ — «буду у васъ; но прошу для меня не хлопотать и не убытчиться. Мнѣ ничего не надобно; приготовьте только хорошенькой сладкой водочки: у каждаго выпью по полурюмочкѣ» — Будетъ, батюшка, будетъ, самая лучшая вейновая. —

Наканунѣ праздника судья и городничій посылаютъ за вейновою водкой въ погребъ (а въ этомъ городѣ только и было два погреба). «Есть вейновая водка?» — Есть, самая лучшая. «Что стоитъ штофъ?» — Не знаю.» — «Какъ не знаешь? вѣдь ты хозяинъ? — Я уже не хозяинъ; я продалъ весь свой погребъ. — «Кому?» — *N. N.* — «Да нельзя ли продать одинъ штофикъ, хоть полштофика? Возьми что хочешь.» — Не возьму и тысячи рублей за одну рюмку. — Пошли въ другой погребъ, гдѣ услышали то же самое.

Поутру въ день праздника *N. N.* пріѣзжаетъ въ великолѣпномъ экипажѣ въ городъ и прямо къ собору. Судья и городничій встрѣчаютъ его на паперти. Онъ идетъ съ ними въ церковь. По окончаніи обѣдни и молебна, говоритъ онъ имъ: «Ну, господа, къ кому идти напередъ? къ старшему что ли?» — Ко мнѣ, батюшка, отвѣчаетъ судья. — Приходятъ къ судьѣ. Праздничная,

огромная, теплая кулебяка стояла уже на столѣ съ разными другими закусками. — «Ну, хозяинъ! (говоритъ *N. N.*.) вели-ка дать водки.» — Нѣтъ водки, сударь! — «Какъ же нѣтъ? Ты знаешь, что я ничего другого не пью?» — Не грѣхъ ли вамъ, батюшка, шутить такъ надъ нами? Вы изволили купить у насъ оба погреба. Не хотѣли, сударь, продать за тысячу рублей одной рюмки. — «Ха! ха! ха!... Ну, господа, не сердитесь на меня; возьмите себѣ всѣ напитки изъ обоихъ погребовъ: ты изъ одного, а ты изъ другого.» — Итакъ щедрый *N. N.* за одну рюмку сладкой водки и два кусочка кулебяки заплатилъ слишкомъ 5000 рублей. Прошу не забыть, что это было за 30 лѣтъ назадъ, или болѣе.

Въ другой разъ какой-то помѣщикъ, собачій охотникъ, звалъ его къ себѣ погостить на нѣсколько дней и хотѣлъ потѣшить псовою охотою. — Что у меня, сударь, за собаки! Другихъ такихъ нѣтъ во всей округѣ. — «Врешь, братецъ! у меня псовая охота гораздо лучше твоей!» — Помилуйте, да у васъ нѣтъ ни одной борзой, ни гончей собаки! — «А ежели я пріѣду къ тебѣ съ охотою?» — Милости просимъ; да когда? — «Чрезъ три дня.»

Чрезъ три дня пріѣзжаетъ *N. N.* къ этому дворянину съ сотнею борзыхъ и гончихъ собакъ и съ тридцатью, или болѣе, псарями и охотниками, щегольски одѣтыми. Помѣщикъ изумился и признался, что его охота противъ охоты *N. N.* ничего не стоитъ. За это *N. N.* подарилъ ему

всѣхъ собакъ, псарей и охотниковъ. Онъ заплатилъ за нихъ въ другомъ уѣздѣ 40, или 50 тысячъ рублей, хотя все это не стоило и половины сей суммы.

Былъ у *N. N.* любимый камердинеръ *N.* крестникъ его и воспитанникъ. При наступленіи зимы *N. N.* отправляетъ его неизвѣстно куда и зачѣмъ. Недѣли черезъ двѣ послѣ новаго года, когда у *N. N.* собраны были почти всѣ дворяне изъ цѣлаго уѣзда, докладываютъ ему, что *N.* возвратился изъ Петербурга. «Пошлите его сюда.» Входитъ *N.* и бросается въ ноги своему господину, цѣлуетъ у него руки, плачетъ и не можетъ отъ слезъ выговорить ни слова. «Что ты, что ты, сумасшедшій? О чемъ ты плачешь?» — Съ радости, батюшка, съ радости! — «Съ какой?» —Какъ же, отецъ мой родной, вы пожаловали мнѣ отпускную, изволили записать меня въ гвардію, и я теперь, по милости вашей, отставленъ капитаномъ! — «Капитаномъ? Что ты врешь? Ты мой камердинеръ, слуга!» — Вѣчно буду вашъ рабъ, хоть и больше чинъ заслужу. —«Да не самозванецъ ли ты, полно? Есть ли у тебя на капитанскій чинъ какіе документы?» — Есть, сударь; вотъ указъ объ отставкѣ! — *N. N.*, взглянувъ на пашпортъ и улыбнувшись, подалъ для прочтенія гостямъ. — «Представьте, господа, сказалъ онъ имъ: *N.* въ самомъ дѣлѣ капитанъ, а давно ли былъ у меня камердинеромъ?» — Надобно замѣтить, что изъ гостей не было ни одного старше чиномъ капитана.

N. N., отпустивъ отъ себя бывшаго своего камердинера, наградилъ его весьма щедро. Сей послѣдній вскорѣ послѣ того женился на дворянкѣ и взялъ въ приданое 50 душъ. Черезъ годъ, или черезъ два, прикупилъ еще 70, и сталъ хоть куда помѣщикъ. При выборахъ попалъ въ засѣдатели той же самой округи.

Наконецъ *N. N.* совсѣмъ промотался и попалъ за долги въ тюрьму. Крестникъ его и бывшій камердинеръ *N.*, сдѣлавшійся, по милости его, засѣдателемъ и владѣтелемъ 120 душъ крестьянъ, услышавъ о несчастіи прежняго своего господина и благодѣтеля, приходитъ навѣстить его. Онъ застаетъ его въ рубищѣ, на связкѣ соломы и — пьянаго!!

— Отецъ мой, благодѣтель! въ какомъ положеніи я васъ вижу? — восклицаетъ изумленный *N.* — «Что дѣлать, братецъ! самъ виноватъ!... Сколько лѣтъ жилъ ты при мнѣ, скажи: видѣлъ ли хоть однажды меня пьянаго?» — Никогда, батюшка, никогда! — «Я не пилъ самыхъ лучшихъ винъ, а теперь... пью... простое! Послушай, братецъ, я тебѣ дѣлалъ добро; помоги мнѣ чѣмъ можешь, не забудь меня...» — Развѣ меня Богъ забудетъ! Теперь ей-Богу! при мнѣ ничего нѣтъ, а я пришлю вамъ, батюшка, что могу — пришлю сегодня же непремѣнно. —

N. сдержалъ слово, прислалъ въ тотъ же день къ своему благодѣтелю довольно большой и тяжелый свертокъ. Бѣдный *N. N*, обрадовался, подумавъ, что тутъ серебро, или золото,

развернулъ бумагу, и — цѣлый рубль мѣдными пятаками выпалъ изъ нея на полъ. Онъ упалъ и въ то же мгновеніе лишился отъ удара жизни.

Дворянство того уѣзда, гдѣ *N.* служилъ засѣдателемъ, узнавъ о гнусномъ поступкѣ сего изверга, принудило его оставить должность и исключило изъ своего сословія. Вскорѣ онъ умеръ отъ угрызеній совѣсти.

═

ПИСЬМА.

I. Въ Екатеринбургъ, къ *Н. Л. Ш.*

(Объ экзаменѣ, бывшемъ въ Училищѣ Благородныхъ дѣвицъ при С. П. бургскомъ Женскомъ Патріотическомъ Обществѣ 1 и 2 ч. Февраля 1822 г.).

С. П. бургъ, 3 *Февр.* 1822.

Ты знаешь, что я отнюдь не энтузіастъ; но вотъ уже третій день, какъ не помню себя отъ восхищенія. Сказать ли тебѣ причину моего восторга? — Таланты, познанія, благонравіе! Ты удивляешься и, вѣрно, не понимаешь меня: выражусь иначе — дѣвицы — и какія же дѣвицы? дѣти! — Но для тебя и это, безъ сомнѣнія, кажется какою-нибудь загадкою, или логогрифомъ; и такъ скажу просто: третьягодня и вчера былъ я на публичномъ испытаніи назначенныхъ къ выпуску благородныхъ воспитанницъ. Училища здѣшняго Женскаго Патріотическаго Общества, гдѣ почти уже три года находится и моя *Настенька* *.

---

* *Примѣчаніе для читателей.* Издатель *Благонамѣреннаго*, неполучившій въ удѣлъ никакихъ даровъ отъ фортуны, имѣя трехъ сыновей и трехъ дочерей, не зналъ, какъ воспитать

Какъ счастлива она, что попала въ такое примѣрное, по всѣмъ отношеніямъ, училище! Извѣстно тебѣ, думаю, что оно состоитъ подъ особеннымъ покровительствомъ Государыни Императрицы Елисаветы Алексѣевны и надзоромъ Членовъ здѣшняго Женскаго Патріотическаго Общества, изъ которыхъ Ея Превосходительство Екатерина Алексѣевна Уварова есть главная Попечительница сего училища; непосредственная же, или настоящая начальница, живущая тутъ въ домѣ — почтенная, умная дама Л. Ѳ. Вистингаузенъ. Дѣти называютъ ее такъ же, какъ и въ Екатерининскомъ Институтѣ Начальницу, Maman. Прекрасное названіе! И какъ прилично оно г-жѣ Вистингаузенъ! Не забуду, никогда не забуду, что ей, можетъ быть, обязанъ я сохраненіемъ жизни моей дочери. Третьяго года, въ самое то время, какъ Нева стала и не было еще чрезъ нея никакого сообщенія, **

послѣднихъ; но *Богъ и добрые люди* ему помогли. Старшая его дочь, по ходатайству Ея Превосходительства Екатерины Алексѣевны Уваровой, принята въ число казенныхъ воспитанницъ въ Училище Женскаго Патріотическаго Общества; средняя въ Екатерининскій Институтъ пенсіонеркою Его Сіятельства Графа Григорія Владиміровича Орлова, а меньшая—въ Смольный Монастырь пенсіонеркою Ея Превосходительства Прасковьи Ивановны Мятлевой. Все это случилось почти вдругъ, совершенно неожиданно, и въ то время, когда онъ не имѣлъ еще чести быть лично извѣстнымъ почтеннымъ и великодушнымъ своимъ благотворителямъ.

** Домъ Училища Женскаго Патріотическаго Общества находится на Васильевскомъ Острову.

Настенька моя занемогла жесточайшею горячкою. Г-жа Вистингаузенъ не отходила почти отъ ея постели; докторъ, принадлежащій къ училищу, былъ на здѣшней сторонѣ; она тотчасъ взяла другого врача, который подалъ моей больной нужныя пособія. Едва только начали переходить чрезъ Неву, явился и настоящій докторъ (г. Шландеръ). Первый разъ перешелъ онъ по льду и, вѣроятно, не безъ опасности. Императрица, сама Императрица нѣсколько разъ навѣщала ее, ласкала и не допустила привстать, когда та, пришедши въ себя, хотѣла поцѣловать у нея ручку. — Нѣтъ, не могу тебѣ изъяснить всего, что чувствую, когда вспомню объ этомъ.

Первый выпускъ изъ Училища Женскаго Патріотическаго Общества былъ въ 1819 году; нынѣ назначено къ выпуску 25 воспитанницъ * старшаго возраста, или такъ называемаго Большого класса. Въ первый день экзаменъ начался пополудни, какъ пріѣхала Ея Превосходительство Екатерина Алексѣевна Уварова и прочія дамы, Члены Женскаго Патріотическаго Общества. Зала, въ которой происходило испытаніе, не такъ-то велика, и потому въ ней были однѣ воспитанницы, назначенныя къ выпуску, а изъ посѣтителей почти только ихъ родственники и нѣсколько человѣкъ постороннихъ, все ученыхъ,

* Второго пріема, бывшія въ училищѣ 6 лѣтъ.

литераторовъ и артистовъ. Съ одной стороны поставлены были въ четыре ряда кресла и стулья для посѣтителей; съ другой, напротивъ, въ двухъ отдѣленіяхъ и въ два ряда полуциркулемъ, сидѣли воспитанницы въ бѣлыхъ платьяхъ съ классными своими дамами. Между обоими отдѣленіями стояла на треножникѣ большая черная доска, какія обыкновенно бываютъ въ классахъ. Нельзя было расположить лучше и удобнѣе этого. Первыми предметами испытанія были: Законъ Божій, Священная Исторія Ветхаго и Новаго Завѣта, Св. Литургія и Нравоученіе. Законоучитель священникъ преображенской соборной церкви П. В. Чертковъ вызвалъ трехъ дѣвицъ. Онѣ оставили свои мѣста, стали передъ доскою, поклонились и отвѣчали на сдѣланные имъ вопросы твердо и явственно, а не скороговоркою, какъ бываетъ иногда на другихъ экзаменахъ. Потомъ вызваны были еще другія три дѣвицы, и такъ далѣе. Между тѣмъ спрашивали по временамъ и прочихъ дѣвицъ, сидѣвшихъ по обѣимъ сторонамъ доски — которую спрашивали, та вставала и не отходя отъ своего мѣста отвѣчала. Сей порядокъ происходилъ и при испытаніи въ прочихъ предметахъ. Метода почтеннаго священника П. В. Черткова, сообразная ученію лучшихъ нашихъ богослововъ и церковныхъ писателей, заслуживаетъ всякое одобреніе.

Послѣ Закона Божія, Св. Исторіи, и проч. начался экзаменъ въ Ариѳметикѣ и Географіи,

коимъ обучаетъ здѣсь г. Постниковъ. Сдѣлали три, довольно трудныя, ариѳметическія задачи. Успѣхи воспитанницъ въ Географіи показали, съ какимъ прилежаніемъ учились онѣ сей нужной въ общежитіи наукѣ.

Вотъ сняли съ доски ландкарты, приняли и доску, а на мѣсто ея поставили другую, вдвое длиннѣе прежней. На ней означены были періоды Всеобщей Исторіи, Древней, Средней, Новой и Россійской. Выходитъ учитель (извѣстный литераторъ П. А. Плетневъ) — вызываетъ трехъ ученицъ—спрашиваетъ—отвѣчаютъ. Не понравилось мнѣ и очень не понравилось... знаешь ли что?.. что перестали спрашивать и отвѣчать, хотя испытаніе въ Исторіи продолжалось около часа. Наканунѣ не спалъ я почти всю ночь, но готовъ былъ слушать еще цѣлый часъ, два, три; я забылъ, что нахожусь на экзаменѣ— слушалъ съ величайшимъ вниманіемъ и удовольствіемъ занимательный, наставительный и непринужденный разговоръ о важнѣйшихъ историческихъ событіяхъ древнихъ и новѣйшихъ. Желательно, чтобъ не только дѣвицы, но даже молодые люди, приготовляемые къ важнымъ гражданскимъ должностямъ, знали столь твердо и основательно Исторію, какъ воспитанницы, выпущенныя нынѣ изъ Училища Женскаго Патріотическаго Общества.

По окончаніи испытанія въ Исторіи, посѣтители встали съ мѣстъ и пошли изъ залы—иду за другими—проходимъ двѣ комнаты и входимъ

въ третью, ярко освѣщенную. По сторонамъ оной къ стѣнамъ стояли столы, покрытые бѣлымъ каленкоромъ, на которыхъ съ большимъ вкусомъ расположены были работы и рукодѣлія воспитанницъ старшихъ и младшихъ. Какъ искусно, какъ живо сдѣлана эта длинная гирлянда розъ дѣвицами: Жуковою, Херсонскою, Сытенскою, Фроловскою и Бородиною! Иду далѣе и разсматриваю превосходные рисунки по бархату госпожъ: Жуковой, Фроловской, Бородиной, Назимовой; любуюсь разными прекрасными рукодѣльями, картинками, сдѣланными изъ моху и изъ какого-то бѣлаго растенія, употребляемаго для свѣтиленъ. Мнѣ показалось сначала, что послѣднія картинки сдѣланы изъ воску. Большой превосходный эстампъ, представляющій изгнаніе Агари, обращаетъ на себя мое вниманіе. Подхожу ближе — смотрю, смотрю и вижу внизу имя Жуковой. Тутъ-то увидѣлъ я, что это не эстампъ, а рисунокъ — такъ онъ былъ искусно сдѣланъ! Гляжу на превосходные форшрифты, писанные мастерскимъ почеркомъ; удивляюсь, но удивленіе мое увеличивается при взглядѣ на самый большой форшрифтъ, который сдѣлалъ бы честь самому лучшему каллиграфу. Чей же былъ этотъ форшрифтъ? — Жуковой Александры Егоровны, первой изъ воспитанницъ какъ по благонравію, такъ и по успѣхамъ въ наукахъ, хотя она моложе лѣтами многихъ изъ своихъ сверстницъ и почти еще дитя. Послѣ изгнанія Агари лучшіе рисунки суть слѣдующіе:

г-жи Жоховой голова Беатриксы Ченжи, г-жи Назимовой—Св. Апостолъ Лука; а форшрифты госпожъ: Рашетъ, Херсонской, Жоховой и Назимовой. Чистописанію обучаетъ здѣсь г. Ломанъ, а рисованію г. Редеръ.

Полюбовавшись работами воспитанницъ, возвратились опять въ залу. Тамъ стояли уже онѣ въ одинъ рядъ, съ нотами въ рукахъ. Пѣніемъ дирижировалъ учитель ихъ извѣстный г. Макушинъ. Пѣли Херувимскую пѣснь, соч. славнаго и первѣйшаго нашего композитора г. Бортнянскаго и его же концертъ: *Радуйтеся Богу нашему*. Хоръ былъ полный: въ немъ участвовало нѣсколько *большихъ* придворныхъ пѣвчихъ, стоявшихъ въ нѣкоторомъ отдаленіи отъ воспитанницъ. * Симъ окончилось въ первый день испытаніе. Мнѣ казалось очень еще рано; я взглянулъ на часы и увидѣлъ, что было уже почти 10 часовъ.

На другой день (3 ч.) экзаменъ начался опять ровно въ 5 часовъ. Первый предметъ былъ Нѣмецкая Словесность, которой обучаетъ г. Вальпульскій. Какъ сожалѣлъ я, что не разумѣю нѣмецкаго языка! Впрочемъ, хоть я и ничего почти не понималъ, однако не могъ не отличить правилъ отъ примѣровъ, которые читали вос-

---

*) Воспитанницы поютъ однѣ по вскресным и праздничнымъ днямъ въ своей домовой церкви и весьма согласно. Есть очень хорошіе голоса, напримѣръ: г-жа Фроловская, Бѣлановичъ, и проч.

питанницы съ особенною выразительностью — доказательство, что онѣ чувствовали въ полной мѣрѣ красоты вытверженныхъ ими наизусть образцовыхъ стихотвореній. Знающіе по-нѣмецки очень хвалили чистое произношеніе воспитанницъ и отдали должную справедливость ихъ наставнику, преподававшему имъ, сверхъ Грамматики нѣмецкаго языка, и начальныя основанія Словесности, т. е. главныя правила Риторики и Піитики. Жаль очень, что у насъ во многихъ училищахъ, особенно женскихъ, пренебрегаютъ нѣмецкимъ языкомъ, который въ общежитіи и для наукъ столько же намъ нуженъ, сколько и французскій, и безъ сомнѣнія гораздо нужнѣе англійскаго и итальянскаго.

Послѣ г. Вальпульскаго сталъ экзаминовать во Французской Словесности г. Тилло, извѣстный здѣшней публикѣ не только какъ самый лучшій учитель французскаго языка, но какъ и просвѣщенный литераторъ. Испытаніе въ семъ предметѣ ни мало не походило на обыкновенный экзаменъ: это былъ самый живой, свободный, пріятный разговоръ, прерываемый по временамъ чтеніемъ приличныхъ отрывковъ изъ образцовыхъ французскихъ стихотвореній. Сперва начали говорить о древнихъ тамошнихъ стихотворцахъ, прованскихъ трубадурахъ, и постепенно дошли до золотого вѣка Французской Словесности, т. е. до царствованія Лудовика XIV, замѣтили главнѣйшія красоты и недостатки (гдѣ сіи послѣдніе находятся) трагедій великаго Кор-

неля, Расина, комедій Мольера, сатиръ и поэмъ Буало. Я слушалъ съ жадностью и не видалъ, какъ прошло время; но уже было почти восемь часовъ; оставалось еще много предметовъ — и, ко всеобщему сожалѣнію, по необходимости прекратили столь занимательный экзаменъ.

Господина Тилло смѣнилъ учитель Русской Словесности П. А. Плетневъ, о которомъ говорилъ уже я выше. Теорію знаютъ воспитанницы очень хорошо; по крайней мѣрѣ имѣютъ онѣ полное и совершенное понятіе о всѣхъ родахъ прозаическихъ и стихотворныхъ сочиненій. Не только извѣстны имъ имена и творенія извѣстнѣйшихъ нашихъ прозаиковъ и поэтовъ, но и характеръ слога почти каждаго изъ нихъ, отличительныя ихъ достоинства и красоты, или недостатки. А какъ онѣ читаютъ, особенно стихи! г-жа Жохова прочла превосходно Гимнъ Богу И. И. Дмитріева. *Гремитъ!... благоговѣй сынъ персти!* Какая правильная, благородная и сильная декламація! Г-жа Жукова прочла также очень хорошо монологъ Клитемнестры изъ трагедіи Озерова: *Поликсена*, отрывокъ изъ *Славянки* Жуковскаго и съ особеннымъ чувствомъ его же Надпись къ портрету Государыни Императрицы Елисаветы Алексѣевны. Читали и многія другія, весьма хорошія стихотворенія, и если не съ равнымъ искусствомъ, чего невозможно и требовать, то по крайней мѣрѣ безъ всякой принужденности, безъ жеманства

(affectation), что всего несноснѣе въ декламацiи. — Но какъ мастерски прочла г-жа Вансовичь сказку мою: *Дѣвушка и Чижъ!* какъ мило произнесла этотъ стихъ:

Куда-какъ весело одной вальсировать!

«Изрядная сказочка!» сказалъ, нюхая у меня табакъ, сосѣдъ мой, который вовсе не зналъ ни меня, ни моихъ басень. Искренняя похвала его была очень для меня прiятна, однако же не столько, какъ прелестное и натуральное чтенiе г-жи Вансовичь.

По окончанiи испытанiя въ Русской Словесности, г. Плетневъ роздалъ посѣтителямъ сочиненiя своихъ учениць. (Гг. Вальпульскiй и Тилло раздавали также прежде переводы ихъ съ русскаго на нѣмецкiй и французскiй языки, сочиненныя на оныхъ ими письма, и т. п.) Мнѣ достались два: *Раскаянiе грѣшника*, сочин. г-жи Жоховой, и *письмо къ* какой-то *Эмилiи* г-жи Бородиной 1 й. Выпишу тебѣ начало изъ того и другого:

«Облака сгущаются, мрачныя тучи покрываютъ горизонтъ, молнiя блещетъ, раздаются ужасные удары грома. Среди сихъ ужасовъ, среди содроганiя вселенной, праведный наслаждается спокойствiемъ; ничто не можетъ нарушить онаго. Но я, терзаемый ужаснымъ воспоминанiемъ своихъ пороковъ, могу ли я быть спокоенъ? — всегда совѣсть упрекаетъ меня;

дерзну ли я устремить глаза свои на то Небо, которое я безпрестанно раздражаю своими преступленіями?...»

—

«И такъ разсталась я съ тобой — и, можетъ быть, навсегда! Жестокакая судьба! Для чего ты не позволяешь мнѣ слѣдовать на край свѣта за той, къ которой непрестанно стремится мое сердце? Ты не повѣришь, съ какою горестію сѣла я на корабль, отправлявшійся въ Дувръ. Ахъ! одиночество нестерпимо; меня окружали незнакомые мнѣ люди, и даже въ самыхъ чувствительныхъ я видѣла чуждыхъ моему сердцу. Болѣе всего привлекала меня молодая женщина, ѣхавшая изъ Россіи, и съ ней-то я нѣсколько облегчила сердце свое воспоминаніями объ отечествѣ.»

—

Не правда ли, что очень хорошо для дѣвицъ, которыя недавно еще начали заниматься Словесностью? Слогъ чистъ и правиленъ. И это, могу тебя увѣрить, безъ всякихъ поправокъ со стороны учителя.

Такимъ образомъ кончился экзаменъ въ наукахъ. Посѣтители опять пошли въ ту комнату, въ которой выставлены были работы воспитанницъ. Минутъ черезъ десять возвратились въ залу, гдѣ стоялъ флигель передъ небольшимъ оркестромъ музыкантовъ. Началась музыка. Г-жа

Шлиппенбахъ, ученица г. Кейзера, сыграла прекрасно концертъ Дюсека, а ученица г. Высоцкаго г-жа Назимова, концертъ Фильда. Слѣдовало еще играть его же caprices г-жѣ Бертонъ, также Жуковой, успѣвшимъ болѣе прочихъ въ музыкѣ; но уже было поздно, и по сей причинѣ не могли онѣ показать посѣтителямъ своего искусства.

Вынесли флигель; музыканты вышли изъ залы; дѣвицы стали въ рядъ и запѣли трогательную молитву, которую не возможно слушать безъ сердечнаго умиленія: *Да исправится молитва моя!* — Послѣ того пѣли прощальную пѣснь, сочиненную г. Плетневымъ и положенную на музыку г. Бортнянскимъ. * Здѣсь отличились г-жи Фроловская и Бѣлановичь: первая имѣетъ сильный, свѣтлый голосъ; послѣдняя тихій и нѣжный. По окончаніи сей пѣсни, повторили первые два куплета:

«Жилище юности безпечной,
Прости уединенный кровъ,
Гдѣ годы мчались быстротечно
Среди забавъ и средь трудовъ!

Прости, безцѣнная обитель,
Гдѣ насъ, какъ мать, въ семьѣ своей,
Царица, Ангелъ нашъ хранитель,
Ласкала милыхъ Ей дѣтей.»

---

* См. VII № *Благонамѣреннаго* 1822. стр. 277.

И всѣ почти заплакали. Многія изъ посѣтительницъ и посѣтителей не могли удержаться отъ слезъ.

Но вотъ загремѣло польское; дѣвицы стали къ сторонѣ; входятъ малютки по двѣ въ рядъ; впереди шли самыя маленькія, и одна изъ нихъ настоящая крошка, которая важнымъ своимъ видомъ обратила на себя вниманіе всѣхъ. Это была дочь почтеннаго и знаменитаго нашего артиста Графа Ѳ. П. Толстаго. За польскимъ послѣдовалъ Альманъ, за Альманомъ казачекъ, послѣ того мазурка, Провансіалъ и наконецъ danse générale. Танцовали очень хорошо; но г-жа Жукова, можно сказать, удивила всѣхъ необыкновеннымъ своимъ искусствомъ, танцуя шаль. Танцованію обучаетъ г-жа Шемаева.

Экзаменъ кончился въ 12 часовъ — но я и не думаю еще кончить моего посланія, хотя оно довольно уже длинно. Теперь же скажу тебѣ только имена самыхъ отличныхъ воспитанницъ по азбучному порядку.

1. Александра Григорьевна Вансовичь.
2. Софья Васильевна Жохова.
3. Александра Егоровна Жукова.
4. Варвара Тимоѳѣевна Каратаева.
5. Марья Александровна Лангенъ.
6. Евгенія Ѳедоровна Ладыгина.
7. Анна Александровна Назимова.
8. Любовь Николаевна Перфульева.
9. Серафима Ивановна Сытенская.

10. Александра Ивановна Херсонская.
11. Баронесса Варвара Антоновна Шлиппенбахъ.

Одиннадцать изъ двадцати трехъ! Почти половина! Хорошо, если гдѣ изъ учащихся и третья часть окажетъ отличные успѣхи.

—

II. Къ редактору *Вѣстника Европы* *М. Т. К.*

(*О праздникѣ, по случаю десятилѣтія* Сына Отечества.)

С. Петербургъ. Пески. 5 *Окт.* 1822.

Какъ журналистъ, долженъ я описать вамъ, старшему изо всѣхъ нашихъ журналистовъ, праздникъ нашихъ журналистовъ, праздникъ, данный вчера однимъ здѣшнимъ журналистомъ, именно Н. И. Гречемъ, по случаю исполнившагося десятилѣтія *Сыну Отечества.*

Десять лѣтъ назадъ, т. е. 4 Октября незабвеннаго 1812 года, спаситель отечества и Европы Благословенный Монархъ нашъ, по докладу бывшаго въ то время министромъ Народнаго Просвѣщенія, покойнаго графа Алексѣя Кириловича Разумовскаго, Высочайше утвердить соизволилъ планъ изданія *Сына Отечества* и черезъ нѣсколько дней пожаловалъ издателю на первоначальныя издержки тысячу

рублей. Съ легкой руки добраго нашего Государя новый журналистъ вскорѣ разжился: въ которое время вышло три изданія первыхъ 12 книжекъ его журнала *; всѣ съ жадностью читали *Сына Отечества*, а богатые патріоты и подписывались на него. Гречь не выпускалъ изъ рукъ пера, переводилъ, сочинялъ, держалъ корректуру, бѣгалъ въ цензуру, въ Газетную Экспедицію, въ типографію, бранилъ *заочно* Наполеона и его маршаловъ, отпускалъ на счетъ ихъ острыя слова, и мѣсяца черезъ два имѣлъ уже, что называется, вѣрный кусокъ хлѣба. — А ему нужно было имѣть это. Сообщу вкратцѣ его біографію.

Отецъ Н. И. Греча, коллежскій совѣтникъ И. И. Гречь, служилъ около тридцати лѣтъ съ честью и умеръ въ крайней бѣдности. По смерти его остались старшему сыну, что нынѣ издатель Сына Отечества, довольно значительные долги, мѣдная линѣечка, умная и добрая мать, два малолѣтныхъ брата и двѣ сестры. Къ счастію, Н. И. и средній братъ его были уже пристроены къ мѣсту: первый находился въ Юнкерскомъ Институтѣ, а вторый во 2 Кадетскомъ Корпусѣ; матушка же ихъ, съ дочерями и съ младшимъ сыномъ, нашла себѣ прибѣжище у добрыхъ своихъ родственниковъ. Н. И. не только

* Т. е. съ Октября 1812 по 1813 годъ. Каждый разъ печаталъ онъ по полузаводу, т. е. по 600 экз.

что учился очень хорошо, но былъ первымъ, т. е. лучшимъ ученикомъ въ Юнкерскомъ Институтѣ и послѣ того первымъ (по порядку вступленія) вольнымъ студентомъ, или слушателемъ въ бывшемъ здѣсь Институтѣ Педагогическомъ. По выходѣ изъ училища, вступилъ въ службу, и въ свободное отъ должности время, для пользы многочисленнаго своего семейства, переводилъ, за деньги, для журналистовъ и для книгопродавцовъ и давалъ частные уроки. Въ одномъ пенсіонѣ училъ онъ нѣсколько лѣтъ безденежно, потому что тамъ безо всякой платы воспитывались обѣ его сестры. Наконецъ влюбился въ одну небогатую, но любезную, умную дѣвицу, прекрасную пѣвицу, влюбился—и женился. Взялъ къ себѣ матушку, сестрицъ * и меньшого брата. Въ то время, когда предложили ему изданіе журнала **, былъ онъ въ самомъ крайнемъ положеніи, какъ говорится, почти безъ копѣйки. Средній братъ его, смертельно раненный подъ Бородинымъ, требовалъ денежной помощи; старшая дочь, малютка, была отчаянно больна....

---

* Младшая нѣсколько лѣтъ назадъ выдана имъ замужъ за полковника В; старшая же сестра, мать и меньшій братъ находятся при немъ.

** За сіе Н. И. Гречь почитаетъ себя обязаннымъ, кромѣ покойнаго графа А. К. Разумовскаго, Ихъ Превосходительствамъ: А. Н. Оленину, С. С. Уварову и почтеннѣйшему И. О. Тимковскому.

Чтобъ ни было, Незримой
Ведетъ насъ къ лучшему концу
Стезей непостижимой!

Точно такъ! Нерѣдко въ то самое время, когда, кажется, падаемъ уже мы въ бездну погибели, невидимая десница Божія удерживаетъ насъ и отвлекаетъ далеко отъ ужаснѣйшей пропасти. Я самъ нѣсколько разъ испыталъ это надъ собою. Теперь, по собственному признанію Греча, не столько бы онъ обрадовался, получивъ двѣсти тысячъ рублей, какъ тогда одну тысячу. Ахъ! иногда и гораздо меньшая сумма, право, больше можетъ обрадовать, нежели въ другое время милліоны! Но я чуть-чуть не забылъ о пирѣ.

Пиръ былъ не на шутку. Всѣхъ гостей, по самому вѣрному счету, оказалось 105 человѣкъ. Его Превосходительство А. Н. Оленинъ, котораго издатель С. О. считаетъ первѣйшимъ изъ своихъ покровителей и благодѣтелей, сдѣлалъ хозяину честь своимъ посѣщеніемъ. Были тутъ еще военные и статскіе генералы, штабъ и оберъ-офицеры разныхъ орденовъ кавалеры, ученые, литераторы, артисты, книгопродавецъ и одинъ бумажный продавецъ *. Въ числѣ лите-

* И мѣщанинъ, а не купецъ! За то какъ благороденъ! Въ то время, когда Н. И. Гречь, не получивъ еще отъ Государя пособія и не зная, какой успѣхъ будетъ имѣть его журналъ, приступилъ къ изданію онаго, почтенный бумагопродавецъ А. А. З . . . . повѣрилъ ему въ долгъ бумаги

раторовъ было шесть редакторовъ и издателей журналовъ, двѣнадцать записныхъ стихотворцовъ, столько же почти прозаиковъ, нѣсколько критиковъ, политиковъ, и пр. и пр. А сколько было всѣхъ дамъ, не знаю навѣрное; только много, очень много! И много прекрасныхъ!

На дамъ почти я не глядѣлъ,
Да и глядѣть на нихъ опасно;
Я все съ мужчинами сидѣлъ
И спорилъ съ ними громогласно.

Дни за два передъ этимъ, одинъ изъ общихъ нашихъ пріятелей съ Н. И. Гречемъ сказалъ мнѣ, что многіе изъ его друзей-литераторовъ хотятъ сдѣлать ему въ праздникъ сюрпризъ— принести по піескѣ для С. О. Къ счастію, оставалась еще у меня ненапечатанною небольшая сказка въ стихахъ: *Приказные синонимы*. Я представилъ ее хозяину при слѣдующихъ стихахъ:

Съ новорожденнымъ поздравляю!
Да здравствуетъ *Отечества сынокъ!*
Сто лѣтъ еще прожить ему желаю,

на значительную сумму. Послѣ того (въ 1817 году), какъ Н. И. уѣхалъ въ чужіе краи, и супруга его, не могши получить по оставленнымъ ей отъ него векселямъ денегъ, находилась въ самомъ затруднительномъ положеніи, Г. З . . . . принесъ ей и отдалъ 5.000 р. безъ всякаго векселя и росписки, не смотря на то, что Н. И. долженъ еще ему былъ за бумагу.

И на зубокъ
Стишки свои я представляю.
Стишки, по чести, хороши!
По крайней мѣрѣ я дарю ихъ отъ души.

Плохіе стихи и вообще плохія сочиненія украшали встарину, а иногда и нынѣ еще украшаютъ пышнымъ титуломъ. И я сдѣлалъ тоже. На заглавномъ листѣ поздравительныхъ стиховъ моихъ написалъ полный титулъ издателя Сына Отечества, не забылъ упомянуть о его чинѣ, орденѣ, о всѣхъ ученыхъ обществахъ, въ которыхъ состоитъ онъ, по Адресъ-Календарю, членомъ, и заключилъ сими словами: *собственной своей типографіи главному Директору.* Этимъ счастливымъ выраженіемъ обязанъ я блаженныя памяти переводчику Кондратовичу. Одинъ изъ своихъ переводовъ, не помню уже какой именно, посвятилъ онъ извѣстному заводчику и въ заглавіи дедикаціи напечаталъ крупными буквами: *Его Благородію такому-то* (имя, отчество и фамилія) и маленькими: *собственныхъ своихъ мѣдиплавиленныхъ заводовъ главному Директору.*

Другіе сдѣлали гораздо лучшіе подарки хозяину, напримѣръ: почтеннѣйшій нашъ мореходецъ В. М. Головнинъ далъ ему для С. О. ненапечатанные еще отрывки изъ *Исторіи кораблекрушеній;* В. Н. Берхъ *Обозрѣніе приращеній Петербурга;* Н. И. Кутузовъ *Турецкій походъ Миниха;* О. М. Сомовъ *Ту-*

тешествіе въ Янину; Ѳ. Б. Булгаринъ—весьма любопытный анекдотъ о покойномъ Наполеонѣ-Бонапартѣ, и пр.

Въ 7 часовъ вечера стали съѣзжаться гости къ Н. И. Гречу. Какъ литераторъ, вошелъ я къ нему прямо въ его кабинетъ, который пространствомъ своимъ не уступитъ порядочной книжной лавкѣ, да и похожъ на нее, потому что со всѣхъ сторонъ поставлены тутъ полки и шкапы съ книгами. На столикѣ, у софы, лежали всѣ шесть частей новаго Словаря Россійской Академіи, котораго, къ стыду моему, до сихъ поръ я еще не видалъ. Всѣ мы, истинные любители отечественной Словесности, порадовались, что Академія наша свершила наконецъ столь долговременный трудъ свой. Желательно, чтобы безпристрастная критика оцѣнила сіе полезное твореніе.

Пью чай, держу въ рукѣ сухарь,
А самъ въ очкахъ гляжу въ Словарь.
Вдругъ слышимъ всѣ — о чудеса!
Прекраснѣйшіе голоса
Изъ ближней залы раздались,
И всѣ туда мы поплелись.

Человѣкъ шесть отличнѣйшихъ пѣвцовъ запѣли прекраснѣйшій духовный кантъ: *Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ!* Всѣ слушали эту піесу съ большимъ удовольствіемъ. Потомъ пропѣли другой кантъ, или канту, и чрезъ нѣсколько времени

О радость! о восторгъ!
Едва стоять на мѣстѣ могъ —
Поютъ мои — мои куплеты,
Которые еще я въ юношески лѣты
Съ французскаго переложилъ;*
На музыку ихъ Жилинъ положилъ.

Но послѣ того г. Г. — чь передѣлалъ музыку, и вышла прекрасная! По окончаніи пѣнія, раздались рукоплесканія, закричали: *автора! автора!!* Сердце у меня билось, сильно билось! Не знаю что̀ говорить — кланяюсь. Ахъ! какъ весело слушать рукоплесканія стихамъ своимъ! Ахъ! какъ счастливы драматическіе авторы! Такъ и быть — ночи не посплю, а напишу комедію — и какую же комедію? — *Журналистъ и Фабулистъ.* Славная будетъ комедія! — Планъ у меня давно уже готовъ — характеры самые оригинальные, взятые съ натуры, и все любители Литературы!

Послѣ того пропѣли стихи: *Дружеская Бесѣда,* положенные на музыку г. Куд....мъ. Музыка прелестная! Ѳ. П. К...ій пропѣлъ извѣстный романсъ: *Велисарій.* Какой чистый, нѣжный, трогательный голосъ! — Хозяйка, какъ я сказалъ уже выше, сама прекрасная пѣвица. Жаль, что она, будучи не совсѣмъ здорова, не могла пѣть въ этотъ вечеръ. Я вспомнилъ тутъ еще объ одной пѣвицѣ *.

---

* Опасности отъ воды (Les dangers de l'eau.)
* Не о гжѣ Каталани.

Которая поётъ какъ соловей
Въ прекрасный вечеръ майской;
Сирены не сравнятся съ ней;
Она бы первою была въ капеллѣ райской.

Но вотъ заиграли на форто-піано польской. Гляжу: выступаетъ въ первой парѣ съ какою-то почтенною дамою нашъ Николай Ивановичъ. Не мастеръ танцовать! Не умѣлъ даже принять на себя приличной для сего степеннаго танца осанки! — говорилъ безпрестанно и смѣялся, по своему обыкновенію. За польскимъ послѣдовали кадрили, *пiитическiй танецъ* **, мазурка, и пр. и пр. Иванъ Андреевичъ Крыловъ и еще нѣкоторые словесники, нашего роста и дородства, не танцовали ни мазурки, ни кадрилей, ни даже польскаго.

Намъ и безъ танцовъ и безъ картъ было весело. Нѣтъ ничего пріятнѣе, какъ быть въ обществѣ образованныхъ людей, гдѣ можно безъ принужденія говорить о дѣлѣ и о бездѣльѣ, гдѣ позволено всякому сказать откровенно свое мнѣніе, гдѣ спорятъ безъ досады и шутятъ безъ колкости.

Отраду отъ заботъ и отъ занятій службы
Въ бесѣдахъ дружескихъ я только находилъ;
Лишь дружбою я счастливъ былъ...
Любовь... но что любовь безъ дружбы!

** Выраженіе Н. И. Греча.

Въ два часа сѣли ужинать. За большимъ столомъ въ залѣ сидѣли дамы и пожилые кавалеры; а мы, литераторы и артисты, расположились за маленькими столиками въ кабинетѣ. Блюдъ было немного, но за то всѣ сытныя и приготовленныя со вкусомъ; вино доброе — и мы всѣ, какъ добрые между собою сосѣди, другъ другу его наливали *. Во время ужина пѣли разные куплеты, декламировали стихи, разсказывали забавные анекдоты, и т. п. Когда подали шампанское, то, наполнивъ имъ покалы, вошли всѣ, по приглашенію хозяина, въ большую столовую. Онъ провозгласилъ тостъ за здравіе нашего Августѣйшаго Монарха,

Благотворителя полсвѣта,
Поборника добра;
А мы запѣли: многа лѣта!
Ура! ура! ура! ура!

Послѣ того пили за здоровье почтеннѣйшихъ покровителей наукъ и отечественной словесности, за здоровье отличнѣйшихъ нашихъ литераторовъ, наконецъ за здоровье издателя *Сына Отечества*, его сотрудниковъ и *подписчиковъ*. При всякомъ тостѣ восклицали двукратно:

Ура! ура!...
«Однако же домой пора.» —

---

* Однако же вкуснѣй вино,
Коль налито рукой прелестною оно.

Сказалъ одинъ изъ насъ—
И мы, внявъ правды гласъ,
Съ хозяиномъ честь честью распрощались,
Облобызались,
Глаза у насъ уже смыкались,
И мы поѣхали домой, пошли,
И въ пять часовъ всѣ спать легли.

Вотъ вамъ, почтеннѣйшій Михаилъ Трофимовичъ, подробное описаніе праздника. Когда исполнится десять лѣтъ *Благонамѣренному*, когда число подписчиковъ увеличится, когда куплю форто-піано *), то и я сдѣлаю пиръ. Милости просимъ къ намъ на праздникъ.

А *Вѣстнику Европы* уже двадцать лѣтъ! Дай Богъ, чтобы онъ продолжался по крайней мѣрѣ еще столько, полстолько и четверть столько — а вамъ во все это время быть главнымъ редакторомъ сего перваго, по всѣмъ отношеніямъ, изъ нашихъ журналовъ.

—

III. Въ Москву къ *П. А. В.*

(о наводненіи въ С. п. бургѣ.)

1.

13 *Ноября* 1824.

Счастливъ ты, любезнѣйшій племянникъ, что уѣхалъ отсюда и что живешь среди возвышенной Москвы, а не на низкомъ, правомъ берегу Невы!

---

*) Уже есть — добрый человѣкъ подарилъ.

Случилася у насъ бѣда!
Откуда ни возьмись вода!
Мгновенно затопила
Прибрежныя мѣста:
Въ этажи нижніе вступила;
Заборы изъ досокъ снесла все дочиста.
Гдѣ прежде всѣ пѣшкомъ ходили,
Иль ѣздили на лошадяхъ —
Тамъ лодки, катера и даже барки плыли,
А домы по Невѣ ... о страхъ!
У Сада Лѣтняго, съ рѣшеткой гдѣ ворота,
Какъ-будто два кита, большіе два плашкота,
Ей! ей! тебѣ не лгу,
Однимъ концемъ въ Невѣ, другимъ на берегу *)!
Но описать въ стихахъ всего я не могу.

Слава Богу, что во время наводненія не видалъ я ни одной ужасной сцены: я видѣлъ, какъ переходили въ бродъ по поясъ черезъ улицы; видѣлъ, какъ новые Энеи переносили на мощныхъ раменахъ своихъ робкихъ Анхизовъ; видѣлъ плывущихъ собакъ, козла — да и только! Меня захватила вода въ департаментѣ, гдѣ я пробылъ до семи часовъ вечера. Пріѣзжаю домой — на Пескахъ все у насъ благополучно: ни изъ Лиговскаго канала, ни изъ обоихъ бассейновъ вода не выступала. На другой день, раньмъ-рано поутру, является ко мнѣ изъ

*) Прошу припомнить, что это письмо 13 Ноября. *Прим. для чит.*

Морской Типографіи вѣстникъ (переплетный ученикъ) съ донесеніемъ, что большая часть любскихъ экземпляровъ XVII и XVIII № *Благонамѣреннаго* размокла. Бѣда не велика! Не прогнѣваются великодушные пренумеранты, если получатъ книжки на простой, а не на любской бумагѣ, и въ смурой, а не въ алой оберткѣ. Послѣ того узнаю, что сотни полторы экземпляровъ Благонамѣреннаго за 1818, 1819, 1820, 1821, 1822 и 1823 годы, которые хранились въ кладовой, въ нижнемъ этажѣ одного изъ домовъ Садовой Улицы, также размокли. Все это по каталожной цѣнѣ составитъ по крайней мѣрѣ 25,000 р., а по правдѣ сказать, не стоитъ и половины. Я даже и не вздохнулъ. Высохнутъ, хорошо; а не высохнутъ, такъ и быть! То ли потеряли другіе?

Вечеромъ уже на другой день услышалъ я что̀ напроказила вода. Боже мой! Сколько разорилось и даже погибло бѣдныхъ петербургскихъ жителей, особенно въ нижнихъ, прибрежныхъ мѣстахъ! Сколько богачей черезъ два, или три часа пришло въ совершенное убожество! Сколько такихъ, которые не знаютъ куда приклонить голову и терпятъ холодъ и голодъ! — Воля Божія! Видно, угодно было Богу испытать однихъ въ терпѣніи, а другихъ въ состраданіи и любви къ ближнему.

Самъ Богъ — твердятъ всѣ Петербургскіе жители — возвратилъ намъ къ этому времени добраго нашего Государя. Изъ *Русскаго*

Инвалида и *Сына Отечества* * узнаешь ты какимъ образомъ спасъ Онъ во время наводненія отъ явной погибели нѣсколько человѣкъ, какое отеческое попеченіе прилагалъ о разоренныхъ, какія вѣрныя и спасительныя мѣры принялъ къ пособію имъ. Вездѣ, гдѣ ни пострадали отъ воды, являлся Онъ, какъ ангелъ-утѣшитель, ободрялъ, помогалъ, воскрешалъ, такъ сказать, и не могъ удержать слезъ своихъ при плачевномъ видѣ несчастныхъ жертвъ разрушительной стихіи. Исторія не забудетъ этихъ слезъ. Съ легкой руки Царя-Отца стали поступать весьма большія пожертвованія въ учрежденный комитетъ о пособіи разореннымъ наводненіемъ С. п. бурга. Дай Богъ здоровья добрымъ людямъ, которые помогаютъ ближнему въ бѣдѣ.

Богъ милостивъ! Много теперь въ Петербургѣ бѣдныхъ людей; но въ благословенной Россіи есть довольно и богатыхъ, а еще болѣе добрыхъ и благотворительныхъ.

Прости! На слѣдующей почтѣ напишу побольше. Сколько анекдотовъ, анекдотовъ! Все, что ни услышу любопытнаго, записываю въ свою карманную книжку: есть что поразсказать, есть что послушать! Но теперь недосугъ. И такъ до будущей почты! Непремѣнно, *непремѣнно* съ будущею почтою стану писать къ тебѣ.

---

* См. *Русскій Инвалидъ* N° 269, *Сынъ Отечества* N° 46 и 55 книжку *Отечественныхъ Записокъ*.

2.

21 *Декабря* 1824.

Не сердись на меня, любезнѣйшій племянникъ, что я не сдержалъ своего слова и не писалъ къ тебѣ болѣе мѣсяца. Слышалъ ли ты, что со мною сдѣлалось вскорѣ послѣ наводненія?

On dit et sans horreur je ne puis le redire.

Говорятъ... и добро бы въ книжныхъ лавкахъ, а то въ клубахъ... говорятъ, будто я... умеръ! Многіе пожалѣли обо мнѣ, немногіе порадовались моей смерти. Двѣ старушки отслужили по мнѣ панихиду. Одинъ юный поэтъ (много лѣтъ ему здравствовать и ни въ какомъ журналѣ не участвовать) почтилъ меня эпитафіею. Не дошелъ ли и до тебя слухъ о моей насильственной кончинѣ? Уронилъ ли ты хотя одну слезу на... обертку *Благонамѣреннаго?*

Который это разъ насильно морятъ меня? По крайней мѣрѣ нынче былъ къ этому поводъ. Вскорѣ послѣ наводненія умеръ здѣсь нѣкто *Петръ Александровичъ Зимайловъ*, добрый, хорошій человѣкъ. Итакъ, по сходству фамиліи и отчества, приняли *Зимайлова* за *Измайлова*, *Александровича* за *Александра*. Но тотъ былъ Титулярный Совѣтникъ, а я Коллежскій и 13 ч. минувшаго Ноября, въ самый день имянинъ любезнѣйшей моей супруги, произведенъ въ 5 классъ, со старшинствомъ десяти лѣтъ; тотъ велъ журналы, а я издавалъ; тотъ писалъ одною

только прозою, а я пишу и стихами — такъ есть разница между нами.

И можетъ ли быть, чтобы какой-нибудь журналистъ умеръ передъ пренумераціею на новый годъ?

Вотъ какіе нелѣпые слухи распускаютъ и у насъ, въ Петербургѣ, гдѣ *людъ все нужной, должностной;* а у васъ, въ Москвѣ, гдѣ мало людей сидячихъ, но много газетъ ходячихъ? Но ты уже, чай, теперь въ Вяткѣ. Изъ Москвы писала мнѣ одна почтенная старушка, что тамъ полагали уронъ въ людяхъ, во время бывшаго здѣсь наводненія, ровно въ сорокъ разъ болѣе, т. е. вмѣсто *пяти сотъ* до 20,000! Во многихъ губернскихъ городахъ умножили это число на десять, а въ уѣздныхъ удвоили и утроили! Но все не удастся грубымъ нашимъ провинціаламъ солгать такъ отважно, какъ лгутъ просвѣщенные иностранцы. Въ какомъ-то французскомъ журналѣ (самъ я не читалъ, а слышалъ отъ вѣрнаго человѣка) напечатано, что на Васильевскомъ Острову вода разрушила всѣ домы и уцѣлѣлъ только одинъ!!

Вотъ не по нашему въ чужихъ краяхъ-то врутъ!
Жаль, право, что нигдѣ съ вракъ пошлинъ не берутъ.

А сколько бы досталось платить и нашей братьи, журналистамъ!

Я обѣщалъ тебѣ сообщить множество анекдотовъ, случившихся во время наводненія. Вя-

новать! опоздалъ, по обыкновенію. On fait ce qu'on peut et non pas ce qu'on veut. Всѣ почти эти анекдоты напечатаны уже въ ноябрской книжкѣ (№ 55) *Отечественныхъ Записокъ*. Читалъ ли ты тамъ (на стр. 369 и 370) повѣсть о гальотѣ и о картофелѣ? Чудо чудное! диво дивное! На крышку одной хижины поставила проказница-вода гальотъ, а въ самой хижинѣ не дошла на полвершка до печи; изъ печи же выплылъ горшокъ съ картофелемъ! Издатель *Литературныхъ листковъ* (см. № 23 и 24, стр. 167) въ пяти пунктахъ доказалъ, что это вовсе невѣроятно—но за то прочесть пріятно.

А читалъ ли другой анекдотъ, о нечаянной свадьбѣ? Насмѣшу: слово въ слово спишу.

«Одна бѣдная вдова, жившая въ Садовой Улицѣ въ работницахъ, успѣла собрать свои пожитки въ узелъ и спѣшила спастись съ ними къ родственницѣ своей, живущей въ Итальянской Слободкѣ; но на Семіоновскомъ Мосту она застигнута была водою, узелъ ея вырванъ былъ у ней изъ рукъ бурею и сама она едва спасена отъ смерти мужчиною, который привелъ ее тогда же въ свое жилище, на Литейной. Безутѣшная вдова съ такимъ отчаяніемъ жаловалась на сиротство свое и лишеніе всего имущества, что избавитель ея, узнавъ, что она свободна—предложилъ ей свою руку и сердце * . . .

---

* „Сердце не гальотъ и можетъ остановиться гдѣ ему о.“ *Литературные Листки* № 23 и 24, стр. 168.

Утѣшенная вдова отправилась тотчасъ же къ роднымъ своимъ просить платья для свадьбы. —Да за кого же ты выходишь?—спросили ее. «И, мать моя, отвѣчала она: Богъ его знаетъ; я знаю только, что онъ мой избавитель и живетъ на Литейной!»

Затѣйный анекдотъ! Что твой гальотъ! — Смѣйте же сказать теперь, что женщины любопытны. Ай да вдовушка! Исполать! Такъ обрадовалась рукѣ и сердцу жениха, что не спросила его даже и о имени. Да и на что? Она видѣла его житье-бытье — знала по опыту, что онъ человѣкъ добрый; а что до того, какъ его зовутъ? Иванъ, или Степанъ, не все ли равно? Le nom ne fait rien à la chose.

Но что-то все не вѣрится, особливо послѣ гальота. Какъ-нибудь, да не такъ!

Вотъ еще анекдотъ, столь же справедливый, какъ и два предъидущіе, но за то несравненно замысловатѣе.

Плыветъ во время наводненія по Невскому Проспекту кошка и рядомъ съ нею крыса — плывутъ — и не взглянутъ другъ на друга — забыли смертельную вражду во время общей опасности. Вслѣдъ за ними два юныхъ литератора: *классикъ* и *романтикъ* ... *вотъ тутъ не приберу я слова* ... не плыли, не шли, не ѣхали—а двигались, такъ сказать, на широкихъ спинахъ брадатыхъ наемниковъ, облеченныхъ въ сермяжную броню. Романтикъ, увидя Классика, вскричалъ:

Кинь, педантъ, скорѣе въ воду
Вирши всѣ свои и оду:

А Классикъ съ важностью отвѣчалъ:

Кинь лучше, баловень, ты всѣ свои романсы,
Элегіи, посланья, стансы.

И потомъ начали браниться уже не стихами, а мѣрною прозою. «Да сидите, господа, смирно, сказали имъ носильщики, а не то упадете и утонете. Не стыдно ли вамъ браниться въ такое время и за что̀? Смотрите, вонъ плыветъ кошка съ крысою, но не трогаютъ другъ дружку.» ... Но

Безумцамъ умна рѣчь, какъ въ ручейкѣ вода:
Журчитъ и мимо протекаетъ.

Бранились, бранились Романтикъ съ Классикомъ, кричали, кричали, и наконецъ со спинъ носильщиковъ упали да и попали въ воду.

Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что всѣ почти вообще нынѣшніе литераторы сохраняютъ всегда на словахъ должную благопристойность. Пишутъ другъ на друга эпиграммы, сказки, воюютъ въ журналахъ; но въ обществѣ никогда не сдѣлаетъ ни одинъ другому ни малѣйшей грубости, ни малѣйшей невѣжливости. А что было за двадцать лѣтъ? за тридцать? за сорокъ?

Есть у меня въ запасѣ нѣсколько истинныхъ и весьма любопытныхъ анекдотовъ, которые ни-

гдѣ еще не напечатаны. Сообщу ихъ тебѣ, сообщу, какъ только немножко поотдѣлаюсь; а теперь, передъ новымъ годомъ, столько у меня работъ и хлопотъ, что, право, голова кругомъ идетъ. Скажу только, что въ бѣдствіи разорившихся отъ наводненія принимаютъ всѣ живѣйшее участіе и что дѣлаемыя въ пользу ихъ пособія и пожертвованія превосходятъ всякое ожиданіе. Безъ сердечнаго умиленія не могъ я слышать о слѣдующихъ двухъ мелкихъ, но весьма разительныхъ чертахъ благотворительности.

На другой день наводненія во многихъ мѣстахъ вздорожалъ-было чрезвычайно какъ бѣлый, такъ и черный хлѣбъ и, вѣроятно, цѣна съ того и другого не скоро бы спала, еслибъ попечительное Правительство не приняло тотчасъ рѣшительныхъ мѣръ къ пресѣченію всякихъ въ семъ случаѣ злоупотребленій. Вездѣ есть расчетливые люди, которымъ дай только волю, то не упустятъ извлечь для себя пользу изъ общаго несчастія. На другой же день наводненія какой-то офицеръ, увидя въ Галерной Гавани двухъ мужичковъ съ полными на головѣ лотками саекъ, и сочтя этихъ разнощиковъ за расчетливыхъ торгашей, не утерпѣлъ и — давай ихъ бранить.—За что бранишься, баринъ?—спросилъ его одинъ изъ нихъ весьма хладнокровно. — «За то, что вы хотите драть втрое и вчетверо за свои сайки съ разоренныхъ.» —Грѣшите, Ваше Благородіе! сказалъ другой. Насъ Богъ помиловалъ во время потопа; такъ мы положили раздавать каждый день даромъ по

два лотка саекъ. — И въ слѣдъ за симъ дѣйствительно добрые мужички, въ присутствіи офицера, роздали безденежно всѣ свои сайки бѣднымъ и голоднымъ жителямъ Галерной Гавани. Это самое повторяли они нѣсколько дней сряду.

Въ одномъ изъ здѣшнихъ благородныхъ дѣвичьихъ училищъ, даже самыя маленькія дѣвицы отказались добровольно отъ завтрака и полдника и посылали свои порціи къ разоренньмъ. Умницы! *Добренькія!*

Прости, моя умница!

—

IV. Къ старшей моей дочери Настенькѣ.

(Поѣздка на Александровскую Мануфактуру.)

Пятница, 23 *Января* 1825 *года.*

Въ последнее свиданіе съ тобою, милая Настенька, не сказалъ я тебѣ, что мы съ маменькою рѣшились ѣхать изъ Петербурга; ѣдемъ далеко... въ Александровскую Мануфактуру, часа на два — а кто знаетъ? можетъ быть, и на три и даже на четыре!

Много ли я живу на свѣтѣ? Нѣтъ еще 46 лѣтъ, а сколько поѣздилъ на свой вѣкъ! Гдѣ я только не былъ? — Былъ, и не одинъ разъ, въ Муринѣ и въ Парголовѣ, на Пороховыхъ заводахъ, въ Царскомъ-Селѣ и въ Павловскѣ,

былъ въ Петергофѣ, былъ на бумажной фабрикѣ и мѣдномъ заводѣ кузины твоей *Е. Н. К.*, былъ даже въ Ропшѣ... Nec plus ultra!

Лошади готовы. Мы ѣдемъ въ трехъ саняхъ. Насъ шестеро: двѣ дамы, маменька и *Ан. Як.*, да четверо мужчинъ: Докторъ *Я. Н. Т.*, *А. А. Н.*, дядюшка твой *М. А. К.—А.* и я. На всякой случай беремъ съ собою оружіе: у Доктора ланцетъ, а у насъ у троихъ по перочинному ножу.

Прости! ужъ сани подаютъ!
Салопы барыни надѣли;
Лукьянъ намъ подаетъ шинели;
Прости! идутъ уже, идутъ!

Суббота, 24 Января. Утро.

Мы опять въ Петербургѣ, опять на Пескахъ, въ домѣ Моденовыхъ. Вчерашнее наше путешествіе было не только благополучно, но и весьма пріятно. Постараюсь, сколько можно, подробнѣе описать его тебѣ.

Вчера выѣхали мы изъ дома ровно въ четыре часа пополудни, въ троихъ саняхъ, на пяти лошадяхъ.

Въ первыя сани, самыя лучшія, запряженныя двумя стройными, вороными конями, сѣли дамы; сзади сталъ младшій изъ кавалеровъ — твой дядюшка.

Во вторыя сани, обшивни, влекомыя парою лошадей простыхъ, гнѣдыхъ, легли мы съ Докторомъ.

Въ третьи сани, или саночки, объ одной сѣренькой лошадкѣ, сѣлъ сиротка *Ап. Ал.*

Вотъ наконецъ всѣ въ сани сѣли —
Ударили по лошадямъ —
Ступай! пошелъ! и полетѣли.
Чуть видимъ предъ собою дамъ.
Кой-какъ за ними мы тащимся,
И вмѣстѣ съ Докторомъ дивимся
Чудесной легкости саней
И бѣгу вороныхъ коней.
Ужъ кони подлинно на славу!
Но вотъ проѣхали заставу —
Я вкругъ себя все замѣчалъ,
Глядѣлъ туда, сюда, молчалъ;
Вдругъ Докторъ громко закричалъ:
Стой! стой! и всѣ остановились...
Тутъ снова мы перемѣстились.

Дядюшка сѣлъ на мѣсто *Ап. Ал.* — *Ап. Ал.* пересѣлъ ко мнѣ, —

А Докторъ къ дамамъ на запятки.
«Fouette, cocher! Во всѣ лопатки!»
Дорогой дамъ онъ забавлялъ,
Съ приличной важностью читалъ
Имъ лекціи о Медицинѣ —
Однако же не по-латинѣ,
Хотя въ латинѣ и силенъ.
Словъ десять скажетъ онъ по-руски,
Да три, четыре по-французски,
Чтобъ соблюсти во всемъ bon ton.
О! Докторъ кавалеръ учтивый,
Услужливый, краснорѣчивый!

Дамъ нашихъ такъ развеселилъ,
Что всю дорогу просмѣялись,
Въ саняхъ между собой шептались,
И, вѣрно, вѣрно, ужъ признались,
Что Докторъ очень, очень милъ.

А мы съ *Ап. Ал.* сидѣли смирно: я смиренъ, а онъ еще меня смирнѣе — какъ красная дѣвица! Есть, правда, и дѣвицы красныя, но шалуньи ужасныя.

Люблю дѣвицъ и дамъ живыхъ,
То есть веселыхъ, остроумныхъ,
Но скромныхъ и благоразумныхъ;
Плѣняюся бесѣдой ихъ.
Но не люблю я дуръ, вертушекъ,
Крикуньевъ, спорщицъ и болтушекъ.
Кривляться, прыгать, вздоръ болтать
И безъ причины хохотать
Прилично лишь однѣмъ Вакханкамъ,
А не воспитаннымъ дворянкамъ.

Всего несноснѣе, всего отвратительнѣе для меня старый мужчина, который шнуруется, чернитъ волосы, бѣлится и румянится, — также молода женщина, особливо дѣвушка, съ гусарскими, уланскими, или драгунскими ухватками.

Бѣда, ей! ей! бѣда,
Когда нѣтъ въ дѣвушкѣ стыда.

Да! да! точно такъ!... Не хорошо, впрочемъ, быть и слишкомъ застѣнчивой, робкой — сты-

дится играть при другихъ на фортепіано, пѣть, или читать вслухъ стихи (*хорошіе*), когда это необходимо надобно. И ты, милая Настенька, немножко застѣнчива, даже передо мною и передъ маменькою.

Смотри, къ экзамену весь ложный стыдъ откинь....

Чу! раздалося: *динь, динь, динь!*
Вотъ ѣдутъ обшивни большія
И съ ними нѣсколько саней;
Загнули шеи пристяжныя,
Столбомъ идетъ паръ отъ коней.
Не скрою ничего отъ дочки:
Къ дугамъ привѣшены звоночки,
Цвѣтныя ленты и снурки;
Въ саняхъ сидятъ все мужики,
Сваты брадатые, дружки —
Сидятъ, тихонько попѣваютъ;
По вѣтру ленты развѣваютъ,
А колокольчики звенятъ,
И собралась толпа ребятъ..
Разинувъ ротъ, въ слѣдъ имъ глядятъ.

Я былъ безъ очковъ и видѣлъ въ саняхъ однихъ только мужичковъ; а другіе видѣли и супруговъ ихъ, т. е. свахъ, поѣзжаныхъ и невѣсту. Невѣста — скажу не своими, а чужими словами — *дюжа, свѣжа!* Остроглазый дядюшка твой замѣтилъ у нея маленькую родинку на лѣвомъ глазку, а наблюдательный *Ап. Ал.* полуизсякшую слезку *.

* Виноватъ! солгалъ, по обычаю многихъ путешественниковъ. *Вѣдь надобно же прикрасить иногда.*

Кромѣ этого не встрѣтили мы во всю дорогу ничего особенно примѣчательнаго. За городомъ точно такое же небо, какъ и у насъ, въ Петербургѣ, такой же снѣгъ. Дорогою видѣли очень много хорошихъ строеній, не только деревянныхъ, но и каменныхъ, большихъ, огромныхъ. Мы ѣхали все лѣвымъ берегомъ Невы. Ахъ! еслибы это было лѣтомъ, еслибы Нева покрыта была галіотами, барками, полубарками, лодками, лодочками, челночками — я выскочилъ бы изъ саней — виноватъ! — изъ коляски, и пошелъ бы по бережку пѣшкомъ, не съ посошкомъ, но съ карандашемъ въ рукѣ и съ памятною книжкою въ другой — присѣлъ бы на бережокъ, написалъ бы стишокъ, другой, третій, и такъ далѣе. Люблю природу — особливо зелень и воду.

Наконецъ подъѣхали мы къ Александровской Мануфактурѣ. Идемъ на широкій и весьма чистый дворъ. Это не фабрика, а городъ, и великолѣпный — строеніе превысокое, прекрасивое, въ 6, или 7 этажей, и все освѣщено гасомъ, какъ бы во время торжественной иллюминаціи.

Входимъ въ покои къ главному смотрителю Д. Ж. Г., брату нашего любезнѣйшаго Доктора А. Ж. Г. Дамы сняли съ себя салопы; мы сбросили шубы, шинели. Вслѣдъ за нами явился еще знакомый кавалеръ, артиллерійскій офицеръ Г. П. С. Услужливый и гостепріимный хозяинъ ведетъ насъ, чрезъ опрятныя спальни воспитанниковъ, въ мастерскія палаты. Входимъ въ пер-

вую палату.... Ахъ! Настенька! Что мы тутъ увидѣли? — Слушай, слушай... бьетъ девять. Добро, прощай! пора въ департаментъ.

Хотя сегодня и суббота,
Но есть пренужная работа;
Притомъ же съ корректурой ждутъ.
Пойду я завтра въ Институтъ
Къ высокой, миленькой дѣвицѣ,
А именно: къ твоей сестрицѣ;
Потомъ коня я подхвачу,
Къ тебѣ на островъ полечу.

Воскресенье, 26 Янв. Вечеръ.

И такъ вошли мы въ первую палату, большую, предлинную, гдѣ приготовлялась къ пряжѣ хлопчатая бумага. Сколько тутъ станковъ, станковъ! — а какіе станки, того я тебѣ не скажу, потому что не въ состояніи изъяснить чудеснаго механизма, видѣннаго нами какъ въ этой палатѣ, такъ и въ прочихъ. Литераторы, особливо стихотворцы, плохіе механики. Лучше не говорить о томъ, чего не понимаешь. Скажу только тебѣ, что механизмъ замѣняетъ здѣсь десятки, или сотни рукъ: станы сами треплютъ бумагу, прядутъ, ткутъ, а люди стоятъ только у становъ, да глядятъ, и кой-что когда, когда поправятъ, или примутъ. И всѣ эти разныя работы дѣлаются посредствомъ паровой машины. Ходили мы, ходили изъ одной палаты въ другую, сверху внизъ, снизу вверхъ, изъ теплаго

климата въ холодный, изъ холоднаго въ умѣренный; все видѣли, всѣмъ любовались, всему удивлялись. Добрый и снисходительный Д. Н. Г. все намъ показывалъ, объяснялъ. Видѣли мы, какъ прядутся и сучатся нитки, какъ ткутся миткали, салфетки, платки, и проч. Видѣли и совсѣмъ уже отработанныя вещи—прекрасныя! Есть на что поглядѣть! Есть что похвалить! Видѣли прелюбопытную машину, посредствомъ которой дѣлаются проволочныя щетки. Хитро выдумано! Видѣли даже какъ приготовляются карты. Ахъ! Настенька! какими большими ножницами ихъ разрѣзываютъ! Право, будутъ съ тебя, или немного поменьше.

Два цѣлые часа
Смотрѣли мы на чудеса,
И время какъ прошло, того мы не видали,
Немножко и устали.
У картъ я нехотя присѣлъ на табуретъ. —
Ты знаешь, Настенька, я въ карты не играю,
А только лишь на нихъ гадаю —
Присѣлъ я помечтать, какъ философъ — поэтъ.
И видно, что старикъ! сказали обѣ дамы.
Ну, справедливы ль ихъ насмѣшки, эпиграммы?
Мнѣ *сорокъ пять* лишь только лѣтъ.
Не ежусь, какъ иной, не корчуся дугою;
Но *съ возвышенною хожу всегда главою;* *
Дородствомъ, ростомъ молодецъ!
А старикомъ зовутъ! — Однако наконецъ
И дамы и всѣ мы устали, утомились.

* Извѣстный стихъ В. Л. Пушкина.

Къ Смотрителю назадъ въ покои возвратились —
И чашки, самоваръ на столикѣ явились.

Маменька стала разливать чаї, а мы всѣ усѣлись вокругъ стола. Не вкусенъ для меня чай, если не вижу самовара, а предъ самоваромъ дамы.

Вотъ, Богъ дастъ, черезъ годъ, когда
Съ Наташею домой къ намъ возвратишься,
То, вѣрно, ужъ тогда
Ты, Настенька, не полѣнишься
Поочереди чай съ сестрою разливать.
А мы вокругъ стола усядемся семьею;
Paul, маленькій вашъ братъ, съ большою головою,
Намъ будетъ сухари въ корзинкѣ подавать.
Поговоримъ, пошутимъ мы за чаемъ,
А иногда кой-что и почитаемъ.

Послѣ чаю — это было, кажется, ровно въ восемь часовъ — *Д. Ж.* предложилъ намъ идти въ столовую. Мы перешли черезъ дворъ и вошли сначала въ такъ называемую *гулевую* залу. Зала пребольшая, квадратная, поддерживаемая красивыми чугунными столбами; а *гулевою* называется она потому, что воспитанники, въ свободное и въ ненастное время, обыкновенно въ ней гуляютъ. Воспитанники стояли рядами по стѣнамъ залы и при насъ пошли попарно наверхъ, въ столовую. Что за столовая! Прекрасная и предлинная! Стоя на одномъ концѣ, не узнаешь на другомъ въ лице знакомаго человѣка. Во всю

длину залы поставлены четыре стола. За первымъ столомъ было слишкомъ двѣсти дѣвицъ, за вторымъ около трехъ сотъ маленькихъ воспитанниковъ, а за перегородкою, на другой половинѣ, за третьимъ и четвертымъ, взрослые уже воспитанники, всего по крайней мѣрѣ тысяча человѣкъ. Всѣ стояли, каждый у своего прибора. По данному главнымъ смотрителемъ знаку, осанистый ветеранъ, въ мундирномъ сюртукѣ, позвонилъ въ висящій у перегородки колокольчикъ — и вдругъ сотни голосовъ, басовъ, теноровъ, альтовъ и дишкантовъ пресогласно запѣли: *Очи всѣхъ на Тя, Праведный, уповаютъ*. Пропѣли — складныя лавки хлопнули въ ладъ, воспитанницы и воспитанники сѣли за вечернюю трапезу. — А мы пошли черезъ сѣни въ церковь.

Церковь прекрасная! Большая, квадратная! Потолокъ сдѣланъ сводомъ, и этотъ сводъ можно назвать небеснымъ потому, что выкрашенъ свѣтлоголубою краскою и весь усѣянъ золотыми звѣздами. Стѣны поддѣланы подъ желтый марморъ. Иконостасъ превосходный! Надъ царскими дверями, въ золотомъ сіяніи, находится изображеніе Св. Духа за какимъ-то особеннымъ стекломъ, отъ котораго, какъ говорятъ, днемъ разливается по золотымъ лучамъ блистательный свѣтъ. Жаль, что вечеромъ, при слабомъ освѣщеніи, не могли мы сами этого видѣть. Въ иконостасѣ замѣчательны два образа, работы лучшихъ художниковъ, сдѣланные на иждивеніе, или капиталъ воспитанниковъ и воспитаницъ:

первый — Рождества Христова, а вторый — Рождества Богоматери.

Осмотрѣвъ церковь, возвратились мы опять въ столовую, отвѣдали, изъ любопытства, кушанье — щи пресытныя, каша, хоть и жидка, но очень хороша, а хлѣбъ (важная статья) преславный! Потомъ спустились мы по чугунной, улиткообразной лѣстницѣ въ самый низъ, т. е. въ кухню, Ай да кухня! Желательно, чтобы у многихъ въ парадныхъ комнатахъ было такъ чисто, какъ въ этой кухнѣ. — «Но гдѣ же печи?» спросилъ я Д. Ж. — Да вотъ, сказалъ онъ, показавъ на какіе-то шкапы. Открыли чугунный ящикъ и увидѣли тамъ телятину; отвернули кранъ и полились изъ другого ящика щи. И все это приготовляется парами! Надобно отдать справедливость Англичанамъ: одни только они могутъ дѣлать все съ такою выгодою, удобствомъ и чистотою. Представь себѣ, милая Настенька! кухня, какъ сказалъ я, въ самомъ низу, а столовая вверху, если не ошибаюсь, въ четвертомъ этажѣ, но изъ кухни большіе мѣдные котлы поднимаются сами прямо въ столовую. Подобную машину видѣли мы и въ мастерскихъ палатахъ. Вдругъ явится снизу въ желѣзной клѣткѣ мальчикъ, возьметъ нѣсколько корзинъ съ пряжею и исчезнетъ.

Изъ кухни заходили въ пекарную — видѣли какую-то огромную бочку, въ которой варится парами картофель. Вездѣ удобство, опрятность! — Заглядѣнье! удивленье!

Мы возвратились въ столовую, лишь только откушали воспитанницы и воспитанники. Опять ударили въ вѣчевый колокольчикъ. Всѣ встали, стали молиться и пропѣли сперва: *Благодаримъ Тя, Христе Боже нашъ*, а потомъ *Отче нашъ*, Бортнянскаго. Послѣ того начали расходиться: воспитанницы пошли налѣво, а воспитанники направо. — «Не уже ли, спросилъ я *Д. Ж.*, идутъ они спать ложиться?» — Нѣтъ, учиться, отвѣчалъ онъ. И всѣ мы вслѣдъ за ними отправились въ классы, освѣщенные, какъ и всѣ комнаты, гасомъ. Въ чертежномъ классѣ любовались мы трудами старшихъ воспитанниковъ, т. е. прекрасными планами и фасадами строеній Александровской Мануфактуры. Въ девять часовъ, поблагодаривъ любезнаго *Д. Ж.* за его гостепріимство, распростились съ нимъ и пустились обратно въ Петербургъ тѣмъ же самымъ порядкомъ, какъ и пріѣхали оттуда.

Луна во всю дорогу намъ
Съ лазуревыхъ небесъ свѣтила
И снѣгъ блестящій серебрила.
А назади саней у дамъ
Какъ пальма стройная, прямая,
Почтенный Докторъ нашъ стоялъ,
И дамамъ лекціи читая,
Онъ экилибра не терялъ,
Но врачевался моціономъ *.

* Чрезъ два дни уже узналъ я отъ другого доктора, что, по его совѣту, нашъ *Я. И.* именно для моціона началъ ѣздить на саняхъ стоя, а не сидя, и онъ самъ, при первомъ допросѣ,

А мы съ любезнымъ Аполлономъ,
Мы любовались на луну
И, глядя на нее, вздыхали;
Потомъ склонило насъ ко сну
И сладко, сладко мы дремали.
Но дядюшка твой не дремалъ·
И времени онъ не терялъ,
Все омонимы сочинялъ.

И сочинилъ цѣлыхъ два — увидишь ихъ въ *Благонамѣренномъ*. Въ продолженіе обратнаго нашего пути, отъ самой Александровской Мануфактуры до александровской заставы, не встрѣтили мы никого, не видѣли ничего, кромѣ бѣлаго снѣга съ серебряными искорками, голубого неба съ бриллiянтовыми звѣздочками и золотой луны съ палевыми лучами.

Въ десять часовъ были уже дома — въ одиннадцать всѣ спали, и всѣмъ въ эту ночь приснилось что-нибудь про Александровскую Мануфактуру, напримѣръ: маменька видѣла во снѣ подвижную желѣзную клѣтку съ мальчикомъ

мнѣ въ этомъ признался. Вскорѣ послѣ того въ другую загородную прогулку, или санное катанье, и я послѣдовалъ его примѣру.

Но я, какъ онъ, не наклонялся,
А прямо съ важностью держался.

Сколько средствъ для моціона! Одинъ мой пріятель всю весну, лѣто и осень гуляетъ, а зимою драмы сочиняетъ единственно, какъ говоритъ онъ, для *моціона*.

и съ корзиной хлопчатой бумаги, *А*. *В*. — салфетки, *В*. *Ж*. — платки, *А*. *А*. мотки нитокъ, дядюшка — большія ножницы, я — бочку съ картофелемъ и жареную телятину въ чугунной печи.

Прости, любезнѣйшая дочь!
Часъ за полночь уже пробило;
Ко сну меня, ко сну склонило.
Ты, вѣрно, спишь — спи! добра ночь!

Къ среднему моему сыну.

(О Самоѣдахъ и оленяхъ.)

1.

Пинега, 2 Декабря 1828 года.

Мы уже въ Пинегѣ. Мы, то есть, я, братъ твой Павлуша, протоколистъ Казенной Палаты, исправляющій теперь должность секретаря въ отдѣльныхъ рекрутскихъ присутствіяхъ и канцеляристъ Шестаковъ, ровесникъ твоему брату, такой же ловкій танцоръ, какъ и онъ. Пинега гораздо больше Москвы — *рѣка*, а не *городъ*; строенія немного и почти все деревянное; древній каменный Никольскій соборъ могъ бы служить украшеніемъ и не для такого уѣзднаго города, каковъ *Пинега* или *Пинегъ*.

Олени, папенька, олени! посмотрите! вскричалъ радостно Павлуша, когда возвратились мы изъ собора отъ обѣдни. Я взглянулъ въ окно, и увидѣлъ на улицѣ, запряженныхъ въ маленькія саночки, рогатыхъ, тощихъ оленей, смуглыхъ и калмыкообразныхъ Самоѣдъ въ *малицахъ и совикахъ* *, окруженныхъ толпою любопытныхъ. Надобно прокатиться, сказалъ мнѣ хозяинъ нашъ, городничій, съ которымъ познакомился я еще въ Архангельскѣ. Нечего дѣлать! Надѣлъ на себя шубу, подпоясался, вышелъ, усѣлся кой-какъ на крошечныя саночки и схватился крѣпко за ремни, протянутые поперегъ саней. Вотъ сѣлъ, и стоявшій подлѣ нихъ въ нарядной малицѣ видный Самоѣдъ съ тонкимъ бѣлымъ остроконечнымъ шестомъ, или *хареемъ*, крикнулъ на оленей, и они полетѣли прямо, не разбирая проѣзжей дороги. Ноги мои, защищенныя крѣпкими валеными сапогами, волочились по снѣгу. Проѣхавъ минутъ десять,

---

* *Малица* — тулупъ изъ оленьяго мѣха, шерстью во внутрь, сшитый наподобіе стихаря, такъ что нельзя иначе его надѣвать какъ сверху, или съ головы. Выгода сей превосходной для сѣверныхъ жителей одежды состоитъ въ томъ, что грудь всегда бываетъ плотно закрыта и безопасно можно провести въ малицѣ нѣсколько даже ночей на снѣгу. Сверху малицы русскіе крестьяне, мѣщане и купцы, во всю величину оной, надѣваютъ ситцовую, или шелковую покрышку; это дѣлаетъ нарядъ сей весьма красивымъ.

Совикъ то же, что *малица*, только шерстью снаружи и при томъ съ нѣкоторымъ родомъ капишона, для прикрытія головы.

возница мой спросилъ меня самымъ чистымъ русскимъ языкомъ: *прикажете ѣхать далѣе?* — Нѣтъ, домой, отвѣчалъ я, и дивился чистому его произношенію, правильнымъ чертамъ лица и хорошему росту. Послѣ того, какъ узналъ я, это былъ пустозерскій крестьянинъ, имѣющій до трехъ тысячъ оленей и пріѣхавшій въ Пинегъ съ рыбою и рябчиками на тамошнюю Никольскую ярмарку.

По возвращеніи на квартиру, явились къ намъ гости: три молодыхъ Самоѣда и старая Самоѣдка. Всѣ крещеные. Вошли, помолились усердно Богу и чинно поклонились. Женская одежда у Самоѣдъ несравненно красивѣе мужской; она дѣлается не изъ одного оленьяго, но изъ *пыжичьихъ* * мѣховъ, которые фигурно между собою расположены. Мѣстами пришиты лоскуточки краснаго сукна и привѣшены мѣдныя большія бляхи. На столѣ стоялъ завтракъ. Я налилъ рюмку настойки и подалъ съ кускомъ пирога Самоѣдкѣ. Для прочихъ гостей послали за отечественнымъ виномъ, до котораго они страстные охотники. Поднесли имъ по кубку, т. е. по большой чайной чашкѣ: перекрестились и выпили мигомъ. Попросилъ я ихъ спѣть: они сѣли рядомъ и пропѣли не такъ-то согласно пѣсню, сочиненную ими экспромтомъ.

---

* *Пыжикъ* — оленья телячья шкура. *Оленій* мѣхъ обыкновенно бываетъ бѣлый, а *пыжичій* — темнокоричневый и очень подходитъ къ куньему, или собольему.

«Что такое пѣли они? спросилъ я бывшаго своего возницу, который между тѣмъ явился къ намъ въ качествѣ переводчика, или толмача, хотя гости наши и сами довольно порядочно объяснялись по-русски. — Да вздоръ, Ваше Высокородіе, что только пришло имъ въ голову. — Да скажи пожалуйста что такое? — Вотъ что: *Заложили мы четырехъ быковъ, пріѣхали въ Пинегу, прокатили Вице-Губернатора и привезли на квартиру.*

«Попляшите же, братцы, теперь» — сказалъ я имъ. — Да вѣдь мы пляшемъ только пьяные, возразилъ старшій сынъ Самоѣдки. — Поднесли имъ еще по кубку, — *Потолкемся братенекъ*, сказалъ Самоѣдъ своему брату. Встали, обнялись и потолклись во всемъ пространствѣ этого слова.

По окончаніи медвѣжьяго танца, Самоѣдъ указалъ пальцемъ на сидящую смиренно въ углу мать свою, вскричалъ смѣючись: когда напьется она, такъ и рада сидѣть до тѣхъ поръ, пока ее вытащатъ. — «А на что же у меня два сына, отвѣчала она, какъ не на то, чтобы меня берегли.» — Хорошій отвѣтъ, хотя бы и не для Самоѣдки.

«Смирны ли они? Часто ли между собою ссорятся?» спросилъ я нашего толмача. — Смирны, сударь! Пьяные иногда между собою повздорятъ, только это бываетъ очень рѣдко. На другой же день все забудутъ. А истинно сказать, честнѣе нашихъ Русскихъ. Вотъ вѣдь

имѣешь тысячи три оленей, а другіе и больше. Вѣдь могли бы обмануть, украсть оленя и сказать, что волкъ на тундрѣ задавилъ: а никогда этого мы не замѣчали *.

Гости вѣжливо съ нами распростились. Оленей, утомленныхъ отъ дальной дороги, распрягли и пустили на тундру.

2.

Мезень, Понедѣльникъ, 16 *Декабря* 1828.

Мы пріѣхали сюда въ 4 ч. въ сумерки. На другой же день увидѣли оленей и Самоѣдъ, и давно уже пригладѣлись къ тѣмъ и къ другимъ. Послѣдніе почти ежедневно бываютъ у нашей доброй хозяйки.

Третьяго дня, на свободѣ отъ занятій по рекрутскому присутствію,—на которыя въ продолженіе цѣлаго мѣсяца едвали употребится 12

---

* То же самое слышалъ я послѣ въ Мезени отъ архимандрита Веніамина, знающаго лучше, нежели кто нибудь тамошній уѣздъ и составившаго, во время пребыванія его въ миссіи для обращенія Самоѣдъ въ Христіанскую вѣру, Самоѣдскую грамматику и словарь. По убѣжденіямъ сего почтеннаго и благонамѣреннаго мужа, хозяева оленьихъ стадъ во всемъ пространномъ Мезенскомъ уѣздѣ платятъ нынѣ ежегодно бѣднымъ пастухамъ-Самоѣдамъ отъ 50 до 60 руб., а прежде платили имъ не болѣе 5 р. въ годъ. Теперь и стада цѣлѣе, и пастухи и хозяева довольнѣе.

часовъ, потому что рекрутъ поступаетъ натурою очень мало, а большая ихъ часть вноситъ за себя деньгами, — собрались мы довольно большою компаніею въ Семжу, или Устьсемежское усолье, верстъ за сорокъ отъ Мезени, куда ожидали нѣсколько самоѣдскихъ чумовъ *. Впереди насъ поѣхали: жена здѣшняго маіора Внутренней Стражи съ двумя дочерьми уѣзднаго лекаря; я сидѣлъ въ другой повозкѣ съ маіоромъ; въ третьей исправникъ съ Павлиньскою и Шестаковымъ; въ четвертой лекарь и почтовый экспедиторъ. Выѣхали мы въ часъ по полудни. *Ѣдемъ, ѣдемъ, путь далекъ!* Вдругъ перебѣжалъ чрезъ дорогу заяцъ. Передъ несчастіемъ! И точно! Ну какъ не вѣрить примѣтамъ? Не прошло десяти минутъ, какъ кибитка наша опрокинулась. Маіоръ нанизъ, я на маіора. Вытащили его одного изъ-подъ меня, и, слава Богу, живого. Встали, встрехнулись, посмѣялись и полетѣли далѣе. Проѣхавъ болѣе двадцати верстъ, остановились у рѣчки Пыи, въ черной избѣ Анкудина. Этотъ знаменитый Анкудинъ пастырь, звѣроловъ и рыболовъ. Хижина его построена на паскотинѣ, т. е. на пастьбищѣ, которое ежедневно орошается, выступающею во время прилива изъ рѣчки Пыи, морскою водою, отъ чего трава

* Чумомъ называется какъ шатеръ изъ оленьихъ кожъ, такъ и все къ нему принадлежащее, т. е. олени и самые люди.

получаетъ особенный вкусъ и утучняетъ пасущихся на ней *порозовъ* (быковъ). Лѣтомъ пасетъ онъ скотъ и ловитъ рыбу; зимою стрѣляетъ птицъ и волковъ. Вошедши въ мирное его жилище, украшенное ружьями и волчьими кожами, по примѣру незабвенныхъ путешественниковъ *Пошехонцевъ*, сосчитали мы себя. Поѣхало насъ всѣхъ десять человѣкъ, а по самому вѣрному счету оказалось только девять. Пропалъ твой братъ Павлуша. — «Гдѣ же онъ?» спрашиваю исправника. — Его переманилъ отъ меня M. Henri (Андрей . . . .). — «O, monsieur Henri! monsieur Henri! Онъ прекрасно танцуетъ, но плохо пишетъ и разсуждаетъ. — «Ну, какъ они запоздаютъ и не успѣютъ пріѣхать сюда до прилива!» — А скоро будетъ приливъ?» — Да покрайней мѣрѣ черезъ часъ. —

Прошелъ часъ, стало смеркаться. Нѣтъ, monsieur Henri, нѣтъ Павленьки! Оставили людей на случай помощи имъ въ переправѣ, во время прилива чрезъ рѣку, переправили свои экипажи, перешли благополучно чрезъ опасную и крутобереговую Пыю, сѣли и поѣхали.

Не доѣзжая версты три до Семжи, встрѣтили самоѣдскіе чумы; едва можно было разглядѣть въ темнотѣ оленей и Самоѣдъ.

Вотъ и Семжа! Гостепріимный хозяинъ и его доброе семейство встрѣтили насъ съ огнемъ. Входимъ въ комнаты, очень чистыя и хорошо прибранныя. Въ главной комнатѣ, залѣ, или гостиной, по всѣмъ четыремъ

угламъ * накрытаго бѣлою скатертью стола, стояли горящія свѣчи, а посреди баранки, крендельки, бѣлые тверскіе пряники, изюмъ, черносливъ, брусничная постила, огромные грецкіе орѣхи, каленые русскіе орѣхи, крошечные кедровые орѣхи.

Но ни орѣхи, ни баранки, ни пряники, ни даже вкусная брусничная постила не шли мнѣ въ душу, потому что я думалъ все про Павлушу. Не утонулъ ли онъ въ Пыѣ? Не съѣли ли его волки? Спутнику его хорошо: легокъ, убѣжитъ, никакой волкъ его не догонитъ. А Павлуша, Павлуша! Для волковъ ли выкормилъ я его архангельскими шенежками, холмогорскими тетерками, кеврольскою говядиною, кольскою трескою, двинскою семгою, печорскими чирами, пелегами, и проч. и проч. **

Вдругъ растворяется дверь, входятъ съ потупленными глазами Павелъ и Mr. Henri. Отлегло на сердцѣ. Первому сдѣлалъ строжайшій выговоръ; послѣдняго всѣ пожурили за то, что соблазнилъ неопытнаго молодого человѣка; а я рѣшился ему отмстить, всю ночь

---

* На десертномъ столѣ у мезенскихъ поселянъ свѣчи ставятся не иначе, какъ по всѣмъ четыремъ концамъ, или угламъ стола.

** *Шенежки* — родъ лепешекъ, *тетерки* — тоже родъ хлѣбнаго, похожаго на кашинскія *бесѣдки*. Лучшею говядиною считается привозимая изъ Кевролъской волости Пинежскаго уѣзда. *Чиры и пелеги* — превкусная рыба, даже мороженая.

думалъ объ этомъ и отмстилъ на другой день, какъ послѣ увидишь. Грѣхъ, великій грѣхъ соблазнять молодыхъ людей. — Давайте теперь орѣховъ!

На другой день, въ Воскресенье на разсвѣтѣ (а здѣсь разсвѣтаетъ часовъ въ десять утра; лѣтомъ же, какъ въ Колѣ, совсѣмъ не заходитъ солнце), пріѣхали за нами олени. Какъ добрые христіане пошли мы напередъ въ часовню, въ томъ числѣ и я, не смотря на мучительную одышку, которою страдалъ въ то время. Часовня древняя, деревянная, украшена большими серебряными, вызолоченными образами. Вообще въ Архангельской губерніи народъ усерденъ къ святымъ иконамъ. Въ частныхъ домахъ, не только у купцовъ и мѣщанъ, но и у крестьянъ, даже не весьма богатыхъ, найдете въ переднемъ углу и въ простѣнкахъ образа въ хорошихъ серебряныхъ окладахъ.

Помолившись въ часовнѣ Богу, отправились всѣ къ чумамъ на оленяхъ. Для меня только хвораго одного запрягли въ обшивни лошадку. Хотя она и не такъ прытко бѣжала, но за то покойнѣе было ѣхать по тундрѣ, усѣянной кочками. Проѣхавъ версты двѣ, увидѣлъ я въ чистомъ полѣ четыре чума, или шатра изъ оленьихъ кожъ. Бѣлые олени разсыпаны были по необозримому бѣлому пространству, и передней ножкой разгребали мягкій снѣгъ, чтобы достать себѣ бѣлаго моху, составляющаго здѣсь единственную ихъ пищу.

Подъѣхали къ одному чуму, подняли полу, вошли. Посреди чума, устланнаго внутри оленьями кожами, пылалъ свѣтлый огонекъ, а надъ огонькомъ висѣлъ котликъ, по сторонамъ лежало *смолье* (расщепанныя дрова, подгнеты). Расположились вокругъ огонька, на оленьихъ кожахъ. Многіе пріѣхали сюда послѣ насъ изъ Мезени и изъ ближнихъ селеній. Въ углу нашего чума увидѣли мы маленькую запачканную Самоѣдку, лѣтъ двухъ, или трехъ. «Какъ жаль, что не взяли мы съ собою гостинца!» сказала добрая маіорша. У меня случились въ карманѣ орѣхи, которые и отдалъ я ей. Она разгрызла ихъ и попотчивала малютку.

По предложенію моему, стали играть въ фанты, чего, вѣроятно, ни до насъ, ни послѣ насъ не было ни въ одномъ самоѣдскомъ чуму. *Охъ болитъ! — Что болитъ? Шерце* (такъ произносили слово сердце нѣкоторыя мезенскія дѣвицы). По комъ? — *По ромашкѣ, по полыни, по чертополохѣ*. Я, какъ стихотворецъ, принялъ на себя названіе *подсолнечника*. И по мнѣ болѣли дѣвичьи и дамскія сердца, только не долго, не опасно, да и напрасно.

«Не угодно ли посмотрѣть теперь оленей?» Очень радъ. — Вышли изъ чума. Самоѣды пробормотали что-то своимъ собакамъ, и вотъ тѣ съ лаемъ разсыпались по полю, и въ минуту, а много въ двѣ, или три, согнали въ одно мѣсто оленей, которые построились въ густую колонну. Одинъ Самоѣдъ обвязалъ ихъ вокругъ

веревочкою. Что за олени! Не такіе уже, какихъ видалъ я въ Пинегѣ. Рослые, бодрые, красивые, одинъ другого лучше. Полюбовавшись ими, попросилъ я распустить ихъ. — «Позвольте, сказали мнѣ: надобно прежде поймать одного изъ присужденныхъ къ смертной казни.» — Вотъ бросили тоненькую веревочку — другую, и зацѣпили за шею одного несчастнаго, худого и комолаго оленя. — Между тѣмъ, какъ тащили его, я съ кѣмъ-то заговорился. — «Что же? говорятъ мнѣ: за вами стало дѣло. Я оглянулся: передо мною стоитъ ужасный Самоѣдъ со взмахнутою надъ преклоненнымъ передъ нимъ оленемъ сѣкирою, или, попросту сказать, топоромъ, и смотритъ почтительно и пристально мнѣ въ глаза. Я подалъ знакъ! — Хлопъ обухомъ по лбу — и несчастная жертва упала бездыханна. Самоѣдъ-палачъ началъ рѣзать убитаго оленя горло — и въ ту же минуту бросилось на него около дюжины Самоѣдокъ съ короткими ножами, и стали сдирать кожу и разрѣзывать ноги. Въ мгновеніе ока раздвоили туловище оленя: въ одной половинѣ, какъ бы въ сосудѣ, стояла теплая кровь; нарядныя Самоѣдки обмакали въ нее куски сырого мяса и пожирали съ жадностью. Въ самое это время потчивали ихъ виномъ. Не знаю, есть ли что въ природѣ отвратительнѣе пьяной и выпачканной въ крови Самоѣдки. Я не могъ долго смотрѣть на это зрѣлище, отворотился и сталъ разговаривать съ веселымъ Mr. Henri.

Вотъ изъ разношерстной толпы, окружавшей кровавые останки несчастной жертвы, приближается къ Mr. Henri молодая, полупьяная Самоѣдка, съ грасами, съ пляскою; онъ самъ, увидя ее, съ улыбкою начинаетъ дѣлать разные па на снѣгу. Уже не болѣе трехъ шаговъ оставалось межъ ними разстоянія... какъ молнія бросается она къ нему, заключаетъ въ свои объятія, цѣлуетъ и невольно обагряетъ нѣжное лице его оленьею кровью, которою сама была вымарана. Всѣ засмѣялись — Monsieur Henri заплакалъ и обтерся снѣгомъ.

Послѣдствія сего поцѣлуя были, какъ узнаешь послѣ, весьма важны для Mr. Henri. Вотъ какимъ образомъ, съ помощію нѣкоторыхъ дамъ, научившихъ Самоѣдку, отмстилъ я ему за причиненное мнѣ вчера безпокойство.

По уничтоженіи оленя, начались, подъ открытымъ небомъ, на снѣгу пляски и пѣніе. «Что пѣли Самоѣдки?» спросилъ я одного толмача изъ нашихъ русскихъ крестьянъ. — Да что, сударь? *Мы напились и намъ весело, очень весело!* вотъ и все тутъ.

Не утерпѣлъ, рѣшился прокатиться еще разъ на оленяхъ. Для меня запрягли самыхъ лучшихъ. Мигомъ пролетѣли двѣ версты.

Въ этотъ день дѣлали для насъ, въ Семжѣ, вечеринку. Бывало, на прежнихъ всегда открывалъ балъ первый мезенскій танцоръ Mr. Henri, подъ вокальную музыку: *кричи: гуси, домой! кричи, лебеди, домой!* Танцы давно уже на-

чались, а Mr. Henri нѣтъ, какъ нѣтъ. — «Гдѣ же онъ?» спрашиваю я. — Въ сѣняхъ плачетъ. — «Отъ чего?» — Да отъ того, что ни одна дѣвица не хочетъ съ нимъ танцовать. — «Почему?» — Да потому, что *нечистая* * Самоѣдка его поцѣловала. — Жаль мнѣ стало бѣднаго Mr. Henri, вышелъ и къ нему въ сѣни, привелъ въ залу собранія, упросилъ дѣвицъ, чтобы танцовали съ нимъ. Просьбу мою уважили: одна дѣвица подала ему руку и онъ запорхалъ какъ Зефиръ, запрыгалъ какъ пыжикъ при согласномъ пѣніи: *и я улкой шла, переулкомъ шла, клубокъ нитокъ нашла.*

И къ намъ возвратилось
  Веселье опять
И игры и смѣхи
Опять начались.

—

VI. Къ издателямъ Сѣверной Пчелы.

Господа издатели! вы люди умные, ученые и, какъ слышалъ я, давно женатые. Сдѣлайте доброе дѣло: научите несчастнаго мужа, какъ отучить ему отъ картъ жену свою? Совѣтъ вашъ и наставленіе, вѣроятно, принесутъ пользу

* И самые Самоѣды признаютъ подругъ своихъ и дочерей *нечистыми.*

и другимъ мужьямъ, у которыхъ жены такія же страстныя охотницы играть въ карты, какъ моя Любушка... Но нѣтъ, не думаю, чтобы нашлась гдѣ подобная ей! Около тридцати лѣтъ живу я въ провинціяхъ, служилъ во многихъ губерніяхъ, видалъ игрицъ и въ губернскихъ городахъ, и въ уѣздныхъ, и въ деревняхъ... но нѣтъ, не находилъ подобной моей Любушкѣ.

Доложу вамъ: женился я въ 1811 году на дворянкѣ, и взялъ за нею въ приданое 75 душъ въ.... уѣздѣ. Дѣвица, казалось, умная: говорила немного по-французски и танцовала, пока не раздородничала отъ безпрестаннаго сидѣнья за карточнымъ столомъ. Въ губернскомъ городѣ, гдѣ я тогда служилъ, не только молодыя дамы, но и барышни, съ позволенія сказать, дѣвочки, играютъ въ бостонъ и вистъ. Заняться при гостяхъ какимъ-нибудь рукодѣльемъ считается за величайшій стыдъ, хотя и знатныя дамы въ столицахъ не стыдятся этого. Осмѣлься только сказать слово провинціяльнымъ дамамъ противъ картъ, и закричатъ въ нѣсколько голосовъ:

Да что жъ намъ дѣлать отъ бездѣлья!
Не ужель сѣсть за рукодѣлье!
Кухаркой, нянькою иль экономкой быть,
Расходъ записывать, чулки вязать и шить,
Или читать! — У насъ есть повара и няньки.
Мы, не забудьте, всѣ дворянки.

Есть русская пословица: *у семи нянекъ дитя безъ глазу*. У меня, правда, не было

ихъ столько, но отъ добрыхъ нянекъ и кормилицъ, которымъ жена моя формальнымъ образомъ передала свое материнское право, старшій сынъ мой также безъ глазу, младшій съ пребольшимъ горбомъ, одна дочь съ кривымъ бокомъ, а другая безъ ноги. Прочія дѣти, человѣкъ шесть, померли прежде времени. Больно, Мм. Гг., а все виноватъ проклятый бостонъ и вистъ.

Никакой кирасиръ, гусаръ, даже Киргизецъ не въ состояніи высидѣть такъ долго на лошади, какъ моя Любушка въ креслахъ, или на стулѣ, за картами. Повѣрите ли? болѣе сутокъ высиживала! Когда родился второй мой сынъ, я тогда былъ въ Палатѣ. Пришли, сказали мнѣ объ этомъ — скачу безъ памяти домой — прискакалъ, вхожу въ спальню — и что же вижу? что же слышу? Родильница моя сидитъ на постели, обклавшись подушками, передъ карточнымъ столикомъ. *Шесть! бостонъ! пассъ! грандъ мизеръ!* Ей! ей! не лгу, Мм. Гг.

Была у меня старшая дочь Сашенька. Слава Богу! сохранила до 16 лѣтъ оба глаза, обѣ ноги и была безъ горба; прямехонька, стройнехонька, какъ вербочка. Взялъ нарочно для нея мамзель, которой, при всемъ моемъ недостаткѣ, сверхъ содержанія и подарковъ, платилъ въ годъ 800 руб. Что за милая дѣвица была моя Сашенька! Какъ славно плясала по-русски и танцовала мазурку, хотя и не было у насъ настоящаго танцмейстера. Какъ пѣла романсъ:

то-то люли! то-то люли, или арія: *прочь, прочь, отвяжись*. Регентъ нашихъ пѣвчихъ увѣрялъ, что не слыхивалъ подобнаго дишканта. Занемогла бѣдная, напившись лимонаду со льдомъ на балѣ. Лечилъ нашъ операторъ Христіанъ Карловичъ, Богъ знаетъ, какъ. Да, правду сказать, и какъ давали лекарства! Сидѣла у больной старая, кривая няня Терентьевна. Утромъ, до выѣзда жены моей (а она выѣзжала на игру не позже 11 часовъ утра) вяжетъ чулокъ и сидитъ какъ путная. Лишь барыня со двора, Терентьевна хватила темную—и задремала; чулокъ и клубокъ, а иногда и повойникъ, на полу. Не только не давала ей во-время лекарствъ, бѣдная по нѣскольку часовъ томилась безъ питья! А маменькѣ когда смотрѣть за больною? то вистъ, то бостонъ, а иногда и банкъ. Я же человѣкъ должностной: въ 9 часовъ спѣши въ Палату. Предсѣдатель и прокуроръ были у насъ люди престрогіе. Къ тому же *званые обѣды* и *положенные дни*. За день до кончины несчастной, самъ я сидѣлъ у ея постели на мѣстѣ Терентьевны, самъ давалъ умирающей лекарства; но, ахъ! они уже не помогли. Сдѣлалось Сашенькѣ дурно, отнялся языкъ; посылаю къ Любушкѣ. *Сей часъ! сію минуту!* сказала она: *только доиграю пулю*. Но прежде, нежели она доиграла пулю, бѣдная Сашенька скончалась. Опять посылаю къ женѣ (это было въ десять часовъ вечера). *Ну, я же не воскрешу ее*, сказала, въ отчаяніи, Любушка, и воротилась домой въ

заутрени съ проигрышемъ. — Очень много плакала.

По злобѣ враговъ моихъ и по несправедливому на меня доносу, принужденъ я былъ оставить безъ пенсіона занимаемое мною въ губерніи мѣсто. Нечего было дѣлать, уѣхалъ въ деревню, не въ женину, а въ свою собственную, благопріобрѣтенную мною съ величайшимъ трудомъ въ теченіе тридцати - двухлѣтней безпорочной моей службы. Деревня эта, что̀ называется, Степная; по послѣдней ревизіи числится въ ней не болѣе 280 душъ; изъ сосѣдей никто не живетъ, кромѣ Ненилы Харитоновны Мизериной. Женщина престарѣлая, больная и страстная тоже охотница играть въ карты. Шесть дней играетъ въ бостонъ, а въ седьмой, воскресный, въ вистъ. Да какъ? съ обѣдень до утренней зари. Сошлась Ненила Харитоновна съ моею Любовью Панкратьевною такъ, что водой не разольешь. Играютъ - себѣ съ руки на руку en deux. Ненила Харитоновна, какъ человѣкъ старый, иногда и прихворнетъ денька два, три, четыре; на Панкратьевну мою нападетъ тоска — пошлетъ въ городъ за Плутковскимъ, дворянскимъ засѣдателемъ, и за Угаровымъ, бывшимъ гусарскимъ ротмистромъ, а нынѣ капитаномъ Внутренней Стражи въ нашей округѣ. Начнется у нихъ съ бостона или виста, а кончится всегда банкомъ. Въ послѣднюю игру Любушка моя не такъ счастливо играетъ, какъ въ двѣ первыя; впрочемъ, правду сказать, никогда я не пла-

тилъ ея проигрышей—расплачивается, спасибо, сама.

Ахъ! какъ надоѣли мнѣ эти карты, особливо въ деревнѣ! Ждешь, ждешь съ вечера какъ перестанутъ играть, не дождешься, ляжешь спать. Утромъ пріѣдешь съ поля часу въ 11—игроки наши и не ложились еще: свѣчи оплыли и догорѣли до бумаги, столъ исписанъ мѣломъ, полъ усыпанъ картами, какъ въ столярной стружками. О хозяйствѣ нечего и говорить. Другія хозяйки въ деревняхъ щеголяютъ полотнами, кружевами, разными женскими рукодѣльями, вареньями, наливками,—у моей Любушки одно занятіе — карты.

«Да что же намъ дѣлать, отецъ мой?» говоритъ Ненила Харитоновна: «если не станемъ мы играть въ карты? Вѣдь, нечего другого, развѣ только злословить ближняго.» *.

Почтеннѣйшіе Гг. издатели! не придумаете ли-какого нибудь занятія, кромѣ злословія, для дамъ въ губернскихъ, также уѣздныхъ городахъ и въ деревняхъ, особенно для матерей семействъ среднихъ лѣтъ? Вѣрьте — мужья и дѣти вѣчно будутъ вамъ благодарны!

Имѣю честь быть, и проч.

Іюль 1829 г.

—

* Общее оправданіе въ игрѣ провинціяльныхъ дамъ.

VII. Къ друзьямъ моимъ.

Вотъ уже опять новый годъ! Каковъ-то онъ для насъ будетъ? Прошедшій встрѣтилъ я не такъ-то весело, на краю свѣта, въ дикой сторонѣ, больной, почти умирающій, забытый тѣми, которыхъ старался, но къ несчастію не могъ забыть, и еслибъ не прислали ко мнѣ туда, по ходатайству добрыхъ людей, искуснаго лекаря, вѣроятно, остался бы я навсегда въ мезенскихъ снѣгахъ. Сколько случилось со мною въ этомъ году несчастій, которыхъ всякой другой на моемъ мѣстѣ вѣрно бы не вынесъ! Но не смѣю роптать на Провидѣніе: пути, назначаемые Имъ для насъ, непостижимы. Враги мои хотѣли погубить меня, успѣвъ сдѣлать мнѣ величайшее зло, неумышленно сдѣлали для меня и большую пользу, т. е. доставили средства возвратить и укрѣпить разстроенное въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ мое здоровье. Сколько разъ скользилъ я на краю пропасти погибели, но сильная рука Божія удерживала меня и спасала отъ очевидныхъ и неизбѣжныхъ, повидимому, опасностей.

Не предавайтесь, любезные друзья, унынію, не теряйте мужества и упованія на Бога, не раздражайте Его преступнымъ малодушіемъ. Онъ спасъ насъ отъ бѣдствій несравненно бо̀льшихъ, нежели какія терпимъ. Трудно, тяжело намъ теперь; но по крайней мѣрѣ остается намъ въ утѣшеніе чистая и непорочная совѣсть. Мы были неосторожны, каждый въ своихъ дѣлахъ

болѣе или менѣе — разительный этотъ урокъ послужитъ намъ въ пользу на будущее время, а Богъ, безъ сомнѣнія, вознаградитъ насъ за твердость, съ какою противились мы всегда злу и не нарушали своего долга. Повѣрьте въ этомъ искреннему и, смѣю сказать, испытанному другу, котораго, кажется, довольно вы знаете, но узнаете совершенно тогда, какъ перестанетъ существовать. Онъ встрѣтитъ новый годъ усердными и теплѣйшими молитвами о вашемъ благополучіи и надѣется, что молитвы его будутъ услышаны. Прощайте! —

1830 года.

СМѢСЬ.

Рыжій Конь.

Элегическая, или романтическая поэма.

I.

Кто этотъ высокій и толстый мужчина, ѣдущій на дрожкахъ, гнущихся подъ нимъ? На немъ синій, долгополый сюртукъ, изъ котораго вышло бы два капота для людей обыкновенныхъ; въ боковомъ карманѣ его торчатъ бумаги; * на черныхъ глазахъ его сіяютъ серебряные очки; правою рукою держитъ онъ огромный, зеленый зонтикъ; лѣвая покоится на связкѣ синихъ и алыхъ книжекъ. Стройный, рыжебородый кучеръ, въ синемъ армякѣ, правитъ рыжимъ, бѣлогривымъ и бѣлохвостымъ конемъ; легкій конь бѣжитъ и песчаная земля дрожитъ подъ нимъ. — Это издатель *Благонамѣреннаго*, — это кучеръ его Антонъ, — это рыжій конь, питомецъ тучныхъ тамбовскихъ пастбищъ, драгоцѣнный даръ журналисту отъ почтеннаго друга его.

---

* Оттопыренъ карманъ,
Въ немъ торчитъ какъ чурбанъ
Двадцатифунтовая тетрадь.
Соч. Изм.

II.

Съ широкой, пресѣкаемой узкимъ Лиговскимъ Каналомъ площади, извѣстной въ столицѣ Петрополя подъименемъ: *Песковъ*, дрожки поворачиваютъ въ Италіянскую Слободку, изъ оной въ Офицерскую Улицу, оттуда на Невскій Проспектъ и съ Проспекта въ Грязную. — куда ѣдетъ издатель *Благонамѣреннаго*? — Въ Чернышевъ Переулокъ. — Пріѣхалъ. Встаетъ съ дрожекъ. Облегченный отъ тяжести, конь ржетъ радостно. Важный Антонъ сходитъ съ возвышеннаго своего сѣдалища, привѣтствуетъ рыжаго, и оба идутъ тихо по широкому и чистому двору, усыпанному желтымъ пескомъ. Наконецъ оба возвращаются къ крыльцу, на которое, незадолго предъ тѣмъ, съ одышкою взошелъ тучный господинъ ихъ. Молча сидитъ Антонъ на дрожкахъ; рыжій трясетъ головою и бьетъ желѣзными подковами по выпуклымъ голышевымъ каменьямъ.

III.

Гордо сходитъ съ крыльца дородный журналистъ и садится на гибкія дрожки. «Ступай!» восклицаетъ онъ громогласно. — Куда прикажете? вопрошаетъ рыжебрадый возница: въ типографію, или къ книжнымъ лавкамъ? «Къ Заикину!» — Антонъ шевелитъ возжами, рыжій летитъ, какъ молнія, и вотъ дрожки остановились противъ Зеркальной Линіи у книжныхъ лавокъ.

IV.

Противъ крайней лавки Заикина слѣзаетъ съ дрожекъ издатель *Благонамѣреннаго*, беретъ связку книжекъ своего журнала и входитъ съ важностью въ лавку. Изъ лавки Заикина переходитъ въ огромную лавку Глазунова къ Переплетчикову. Между тѣмъ *слѣпая* толпа народа смотритъ съ удивленіемъ на рыжаго коня и на рыжебрадаго кучера. Что за грива! говоритъ одинъ. Что за хвостъ! восклицаетъ другой. Что за борода! вопіетъ третій.

V.

«Къ Слёнину!» закричалъ громогласный журналистъ. И вотъ рыжій мчитъ его мимо Гостинаго Двора и Милютиныхъ Лавокъ. Входитъ издатель *Благонамѣреннаго* съ уменьшенною связкою книжекъ въ магазинъ Слёнина. Зазвенѣлъ въ дверяхъ колокольчикъ. Привѣтливый хозяинъ выбѣгаетъ на встрѣчу съ поклономъ и съ улыбкою. — «Вотъ тебѣ книжки!» — А вотъ вамъ шарады для вашего журнала. — «Давай-ка французскихъ романовъ!» — Выбирайте сами. — «Потрудись свяжи, Иванъ Васильевичъ.» — Извольте. — «Прощай!» — Простите. — «Въ департаментъ, Антонъ!» — Прикажете пріѣзжать за вами? — «Нѣтъ, ступай домой легонько.»

VI.

И нѣтъ болѣе рыжаго! Въ цвѣтѣ лѣтъ кончилъ онъ дни свои. Остались у издателя *Благо-*

намѣреннаго одни только дрожки и сани. Пѣшкомъ, въ галошахъ, ходитъ онъ въ Чернышевъ Переулокъ и въ Садовую. Мраченъ взоръ его — мрачнѣе октябрскаго неба. Не столь много сокрушался онъ въ отрочествѣ своемъ о кончинѣ Абрикоски и Венерки, развернувшихъ стихотворческій даръ его *; не столь много сѣтовалъ въ юности о черной моськѣ, о желтыхъ канарейкахъ, о датскихъ жаворонкахъ, о тульскихъ соловьяхъ, сколько нынѣ, въ мужественныхъ лѣтахъ, о рыжемъ бѣлохвостомъ и бѣлогривомъ конѣ.

VII.

Приходитъ домой тучный журналистъ; потъ каплетъ градомъ со смуглаго чела его. Блѣдный Антонъ встрѣчаетъ его въ длинныхъ, узкихъ, стекольчатыхъ сѣняхъ и говоритъ съ тяжелымъ вздохомъ: «Рыжій нашъ умеръ!» — Умеръ! — восклицаетъ изумленный издатель, и отъ восклицанія его стекла въ огромныхъ опускныхъ рамахъ зазвенѣли, и Лукьяновы голуби, клевавшіе на полу пшеницу, вспорхнули, поднялись къ потолку и сѣли, въ страхѣ, на гнѣзда свои. — «Умеръ! продолжаетъ унылый Антонъ. Я видѣлъ плачевную кончину его: ужасны были его страданія!

---

* Перваго оплакалъ онъ силлабическими, а вторую ямбическими стихами; послѣднюю же (незабвенную черную моську) стихотворною прозою.

Подобно рыбачьему челноку, колеблемому огромными валами въ морскую погоду у Малаго Охтенскаго Перевоза, рыжій нашъ метался во всѣ стороны. Я хотѣлъ дать ему большой ломоть хлѣба; умильно поглядѣлъ онъ на меня, но вдругъ ужасно заскрежеталъ зубами, захрапѣлъ — и палъ безчувственъ на палевую солому.

VIII.

Безмолвно идетъ издатель *Благонамѣреннаго* изъ сѣней въ комнаты. Въ столовой встрѣчаетъ онъ супругу свою, отирающую слезы бѣлымъ платкомъ, и двоюрнаго брата, Зарайскаго, дворянина М. А. К. Л...го, испускающаго тяжелые вздохи. Оба они страстно любили рыжаго коня. Первая всякій разъ смотрѣла на него изъ окна, какъ онъ, кивая головою, шелъ мѣрною поступью за Антономъ по берегу Лиговскаго Канала, или когда Антонъ купалъ его въ большомъ зеркальномъ прудѣ, именуемомъ *бассейномъ*. — Послѣдній ежедневно, и утромъ и вечеромъ, кормилъ его при себѣ нижегородскимъ бобковымъ овсомъ и собственноручно давалъ ему початые, а нерѣдко и цѣлые ломти ржаного хлѣба. «Что дѣлать?» восклицаютъ они въ слезахъ, увидя хозяина. — *Обѣдать*! отвѣчаетъ сей: и садится за столъ на древнюю и порыжѣлую отъ времени софу.

IX.

Не вкусны кажутся хозяевамъ яства, приготовленныя опытною приспѣшницею Ѳеклою. Непро-

должительна и молчалива трапеза ихъ. Вздыхаетъ время отъ времени издатель *Благонамѣреннаго*, вздыхаетъ супруга его и братъ, вздыхаютъ и служители ихъ: Лукьянъ и Петръ. Всѣ любили рыжаго, всѣ оплакиваютъ его кончину. Канарейки, заключенныя въ рѣшетчатыхъ клѣткахъ, пригвожденныхъ къ окончинамъ, уныло и жалобно поютъ надгробную пѣснь рыжему.

X.

— Тамъ, тамъ за Выборскою Заставою покоится прахъ его! Тамъ и длинная грива его и красивый бѣлый хвостъ! Судьба, жестокая судьба направила на него ужасную косу смерти. Погибъ рыжій; но память его не погибнетъ. Отъ береговъ Бѣлаго Моря до ущелій Горъ Кавказскихъ, отъ Брестъ-Литовской Заставы до предѣловъ Восточнаго Океана, куда только выписывается недѣльный журналъ *Благонамѣренный*, всѣ будутъ сожалѣть о издателѣ и о преждевременной кончинѣ добраго коня его.

═

Что нужно актеру?

Актеры — какъ сказалъ весьма справедливо г. *Дюброка* въ классическомъ своемъ сочиненіи *о искусствѣ чтенія,** *суть органы первѣй-*

* Principes raisonnés sur l'art de lire à haute voix, etc. Смѣло рекомендую сію прекраснѣйшую книгу какъ актерамъ нашимъ, такъ и литераторамъ. О ней упомянуто уже въ III № *Благонамѣреннаго* 1818 года стр. 36.

шихъ геніевъ націи. Но, чтобы быть достойными органами таковыхъ геніевъ, или лучшихъ драматическихъ поэтовъ, надобно чувствовать ихъ красоты; для сего непремѣнно должно имѣть основательныя свѣдѣнія въ Словесности и въ другихъ, имѣющихъ съ оною тѣсную связь наукахъ — познаніе свѣта, нравовъ и страстей человѣческихъ, однимъ словомъ: весьма большое образованіе. Посему-то отецъ нынѣшней декламаціи, достойный воспитанникъ *Мольера*, славный актеръ *Баронъ* говаривалъ, что *актеры должны быть вскормлены на колѣнахъ Королевъ.* (un comédien devrait avoir été nourri sur les genoux des reines.)

Всѣ славнѣйшіе актеры были образованы, всѣ они основательно занимались Словесностью, обращались преимущественно съ литераторами и старались быть въ лучшихъ обществахъ, не для одного только удовольствія, или тщеславія, но для собственной своей пользы, для усовершенствованія себя въ своемъ искусствѣ.

«Авторъ, прежде нежели выйдетъ на сцену — говоритъ г. *Дюброка* — долженъ обдумать точно такъ же, какъ и сочинитель, принимаясь за перо: *кто будетъ говорить? Какое имѣетъ онъ званіе? Какой характеръ? Въ какомъ онъ положеніи? Какъ бы выразился онъ самъ?*» — Чтобы обдумать хорошенько все это, потребно величайшее вниманіе и для самаго образованнаго и разсудительнаго человѣка. Сохранить во всемъ приличіе и естественнымъ по-

дражаніемъ заставить забыться читателей, или зрителей — есть верхъ искусства сочинителя и актера.

Войти настоящимъ образомъ въ ролю гораздо труднѣе, нежели какъ многіе о томъ думаютъ. Непремѣнно надобно, чтобы актеръ совершенно понялъ автора и чувствовалъ бы красоты, находящіяся въ его ролѣ. Но даже и литераторы не въ одинакой степени чувствуютъ красоты *классическихъ* авторовъ: чѣмъ восхищается одинъ, то для другого кажется обыкновеннымъ. Отъ чего же? — Не отъ чего иного, какъ отъ недостатка вниманія, или, еще чаще, отъ недостатка познанія и вкуса. Какія же должно имѣть актеру познанія и вкусъ въ Словесности, чтобы чувствовать въ полной мѣрѣ тѣ удивительныя и высокія красоты, которыми исполнены произведенія лучшихъ трагиковъ и которымъ искусная декламація можетъ придать новый блескъ и силу? Актеръ, совершенно понимающій свою ролю, въ состояніи дать отчетъ въ каждомъ почти словѣ, почему именно онъ его симъ, а не другимъ тономъ произноситъ, такъ какъ знающій и опытный сочинитель въ томъ, для чего употребилъ именно то, а не другое выраженіе. — Если же актеръ не вошелъ порядочно въ свою ролю, то, естественно, долженъ быть холоденъ, или, что еще хуже, играть съ принужденнымъ и притворнымъ жаромъ; а въ чемъ видно принужденіе или притворство, то всегда производитъ невольное отвращеніе.

Образованность, или знаніе словесныхъ наукъ и знаніе свѣта необходимы, въ строгомъ смыслѣ, какъ для трагическаго, такъ и для комическаго актера; но если не ошибаюсь, то первое въ особенности нужно трагическому, а послѣднее комическому актеру. Въ трагедіяхъ, какъ замѣчено уже выше мною, находится самое высочайшее краснорѣчіе: тамъ цари и герои минувшихъ вѣковъ говорятъ языкомъ боговъ, который вразумителенъ только избраннымъ смертнымъ. Если трагическій актеръ не имѣетъ основательныхъ въ Словесности свѣдѣній, то не въ состояніи будетъ знать, съ какимъ намѣреніемъ сочинитель употребилъ какое украшеніе, и всегда ослабитъ, или исказитъ его выраженія, слѣдовательно и самыя мысли. Въ комедіяхъ, напротивъ, видимъ мы такихъ людей, какихъ часто встрѣчаемъ въ обществѣ; слышимъ такой языкъ, какимъ говоримъ сами, или, по крайней мѣрѣ, какимъ говорятъ извѣстные и близкіе къ намъ люди. Вотъ почему гораздо легче комическому актеру понять свою ролю — я говорю: *понять*, а не *обдумать*. Трагическій актеръ никогда не найдетъ въ обществѣ лицъ, *совершенно подобныхъ* тѣмъ, которыхъ представляетъ онъ на сценѣ; напротивъ того, комическій актеръ легко можетъ найти въ обществѣ для себя образцы (originaux); ему остается только подражать имъ въ образѣ разговора и дѣйствія (action) — разумѣется, съ большею разборчивостью и разсудительностью.

Актеръ долженъ быть равнодушенъ къ рукоплесканіямъ толпы и уважать мнѣніе знатоковъ; онъ долженъ слушать со вниманіемъ всѣ замѣчанія и совѣты умныхъ и знающихъ людей; но *слушаться* ихъ тогда только, когда совершенно убѣжденъ будетъ силою ихъ доказательствъ.

Говорятъ еще, что актеру, особенно трагическому, въ первыхъ роляхъ нужно имѣть хорошую фигуру, мужественный, свѣтлый и гибкій голосъ. Счастливъ актеръ, получившій отъ природы сіи дары; но да не унываютъ и тѣ, которые не имѣютъ сихъ преимуществъ: искусство, при постоянномъ и благоразумномъ усиліи, можетъ замѣнить природные недостатки. Извѣстно, что *Демосѳенъ* заикался отъ природы, а *Лекенъ* не имѣлъ ни хорошей фигуры, ни хорошаго органа.

Такъ, такъ, или разговоръ Дмитрія Петровича съ Трофимомъ Антиповичемъ.

Дмитрій Петровичъ. Нѣтъ, нѣтъ, нельзя болѣе служить у насъ ни одному благородному человѣку. — Было худо, было худо, а теперь ужъ стало несносно! Какъ это, поповичей предпочитаютъ дворянамъ, да и какимъ же дворянамъ? природнымъ!

Трофимъ Антиповичъ. Такъ, такъ, батюшка сударь Дмитрій Петровичъ! правда ваша, что поповичей нынѣ предпочитаютъ дворянамъ. Трудолюбовъ-то у насъ изъ семинаристовъ, да сегодня

пожаловали его въ коллежскіе совѣтники: а вы и хорошей фамиліи дворянинъ, да остались въ надворныхъ.— Чтобы, право, дать обоимъ чины: и Трудолюбову и вамъ, батюшка сударь Д. П.!

Д. П. Что ты, старикъ, въ своемъ ли ты умѣ? Мнѣ бы надобно было дать чинъ, а Трудолюбовъ-то бы еще и погодилъ.

П. Л. Такъ, такъ, батюшка сударь Д. П., Трудолюбовъ-то бы и погодилъ еще . . . — Многіе только у насъ держатъ его сторону. Какъ-де, говорятъ Трудолюбову не дать чина: онъ-де очень хорошо исправляетъ свою должность и человѣкъ съ достоинствами.

Д. П. Съ достоинствами! Да много ли у него достоинствъ? — Конечно, онъ человѣкъ честный, умный, ученый, прилежный, исправляетъ очень хорошо свою должность . . . А вѣдь болѣе въ немъ, между нами сказать, ничего нѣтъ.

П. Л. Такъ, такъ, батюшка сударь Д. П., правда ваша, болѣе-то ничего нѣтъ.

Д. П. Ты человѣкъ умный, П. Л., посуди самъ, какъ мнѣ не обижаться? Я человѣкъ благородный, служу только изъ чести и изъ чиновъ; а жалованья моего мнѣ и на экипажъ не станетъ. — Всякой праздникъ, всякое воскресенье ѣзжу я съ поздравленіемъ къ начальнику; а Трудолюбовъ врядъ ли бываетъ у него безъ бумагъ по утрамъ въ годъ два раза, и то развѣ въ Новый годъ, да въ Свѣтлое Воскресеніе.

Т. Л. Такъ, такъ, батюшка сударь *Д. Т.*, правда ваша; только въ Новый годъ, да въ Свѣтлое Воскресенье. — Да и когда же ему ѣздить съ поздравленіемъ; онъ вѣдь и по праздникамъ-то все работаетъ у должности.

Д. Т. Стало-быть должность свою уважаетъ онъ больше, чѣмъ своего начальника; а у насъ начальникъ этого не чувствуетъ!

Т. Л. Такъ, такъ, батюшка сударь *Д. Т.*, правда ваша, не чувствуетъ; видно, что не чувствуетъ!

Д. Т. Ежели бы онъ былъ справедливъ, то бы ни кого не предпочелъ мнѣ, не только что Трудолюбова. Двѣнадцать лѣтъ назадъ, я ужъ былъ въ отставкѣ отъ арміи секундъ-маіоромъ, носилъ на камзолѣ золотые позументы; а Трудолюбовъ въ то время, что былъ за птица? Студентъ въ семинаріи, ничего больше, не имѣлъ даже на себѣ порядочнаго сюртука! Я еще и тогда вечеромъ проигрывалъ въ банкъ по тысячѣ рублей, а у Трудолюбова-то гроша не было въ карманѣ, на чтò бы напиться въ праздникъ сбитню. Ну! не обидно ли же мнѣ, *Т. Л.*?

Т. Л. Такъ, такъ, батюшка сударь *Д. Т.* Правда ваша, обидно, отецъ мой, очень обидно!

Д. Т. У Трудолюбова отецъ былъ сельскій попъ и кланялся, чай, въ поясъ тому, кто давалъ ему за молебенъ алтынъ, или пятакъ; а мой батюшка имѣлъ бригадирскій чинъ, былъ ъ первыхъ въ нашей губерніи судей и за

дѣла-то бралъ не алтынами, не пятаками, а сотнями, да тысячами.

Т. А. Такъ, такъ, батюшка сударь *Д. Т.*, правда ваша, сотнями да тысячами! Вѣчная память вашему родителю: такой былъ разумный, ласковый! Покойникъ изволилъ меня очень жаловать: бывало, мы съ нимъ каждый вечеръ перебиваемъ въ дураки; коли я его оставлю, то онъ мнѣ копѣечку, а коли онъ меня, такъ мнѣ щелчокъ.

Д. Т. Въ арміи теперь у насъ есть генералы со многими орденами моложе меня лѣтами и службою; а я еще только-что надворный совѣтникъ! Зачѣмъ и я не остался служить въ арміи? Прямой я дуракъ!

Т. А. Такъ, такъ, батюшка сударь *Д. Т.*, правда ваша, зачѣмъ бы вамъ не служить въ арміи?

Д. Т. Вотъ что, *Т. А.*, и въ арміи-то нынѣчѣ служить не такъ хорошо: въ мирное время все ученье да маневры, а въ военное походы да сраженья. Ежели бы я пошелъ въ походъ, да ежели бы меня убили, либо ранили?

Т. А. Такъ, такъ, батюшка сударь *Д Т.*, правда ваша, ежели бы убили, либо ранили... Сохрани Господи! матушка бы ваша съ горя всѣхъ крестьянъ пересѣкла.

Д. Т. Какой же дашь ты мнѣ совѣтъ, *Т. А.*? Я, вѣдь, обиженъ: что-нибудь да надобно мнѣ сдѣлать.

Т. А. Такъ, такъ, батюшка сударь *Д. Т.*,

правда ваша, что-нибудь да надобно вамъ сдѣлать. Какъ сдѣлаете, такъ и увидятъ.

Д. П. Какъ ты думаешь, не подать ли мнѣ просьбу объ увольненіи?

П. Л. Такъ, такъ, батюшка сударь *Д. П.*, правда ваша, подайте объ увольненіи просьбу; ее и примутъ отъ васъ.

Д. П. Конечно, примутъ, хоть и нехотя. Завтра же ѣду непремѣнно и подаю просьбу, а не то... время однако не уйдетъ — посмотрю, что̀ на тотъ годъ будетъ.

П. Л. Такъ, такъ, батюшка сударь *Д. П.*, правда ваша, время не уйдетъ; всего лучше посмотрѣть, что̀ на тотъ годъ будетъ.

Д. П. Ну! ежели и на тотъ годъ ничего тоже не получу?... Правда, тогда лучше можно будетъ объ этомъ подумать.

П. Л. Такъ, такъ, батюшка сударь *Д. П.* правда ваша, тогда лучше можно будетъ объ этомъ подумать.

Д. П. Ну! *П. Л.*, скоро уже два часа, пора обѣдать; поѣдемъ ко мнѣ.

П. Л. Такъ, такъ, батюшка сударь *Д. П.* правда ваша, пора обѣдать, поѣдемъ, отецъ мой, поѣдемъ.

—

Губа *.

Разговоръ отца съ сыномъ.

«Ванюша! тебѣ уже двадцать пять лѣтъ. Хоть ты и недавно служишь, но имѣешь, слава Богу, порядочный чинъ и притомъ орденъ. Какъ бы хотѣлось мнѣ поскорѣе женить тебя и дождаться внучатъ! Есть превыгодная партія... невѣсту ты знаешь...»

— А кто такая? скажите, батюшка! —

«Дѣвица *Губина*... Чтожъ ты надулъ *губу?*»

— Помилуйте, батюшка! какъ можно жениться на ней?

«А почему бы не жениться?»

— Развѣ не знаете вы, какая у нея престрашная *губа!* Право будетъ съ Обскую *Губу*, что̀ вотъ здѣсь на генеральной картѣ Россіи. —

«За то она будетъ тебѣ вѣрна.»

— Да что толку? Вѣрна, да скверна! —

«Губина очень хорошая хозяйка.»

— Да мнѣ надобна жена, а не кухарка, или ключница. —

«Она прекрасной нравственности: богомольна.»

— Скажите лучше: лицемѣрка, сплетница, клеветница...»

---

* Изъ сочиненій на заданныя слова.

«Слушай, Иванъ! ты выводишь меня изъ терпѣнія. Спрашиваю тебя въ послѣдній разъ: хочешь ли ты жениться на Губиной?»

— *Не хочу! не хочу! не хочу!* *

«А какъ я тебя приколочу...»

— Воля ваша! —

«Сейчасъ со двора долой!»

— Извольте! Прощайте! —

«Иванъ! да ты съ ума сошелъ! Какъ не жениться на такой невѣстѣ, которая до полумилліона имѣетъ капитала...»

— Что вы изволите говорить? —

«Что *Губина* принесетъ тебѣ въ приданое полмилліона, если не болѣе...»

— Я не ожидалъ, чтобы она была такъ богата. —

«Не ужъ ли ты не слыхалъ, что ей досталось недавно въ наслѣдство отъ дальняго родственника два завода въ Сибири и двѣсти тысячъ рублей наличными деньгами.

— Виноватъ, не слыхалъ! —

«Ну, хочешь ли теперь жениться на Губиной?»

— Благословите, батюшка сударь! —

«А! видно, у тебя *губа* не дура!»

—

* Любимая поговорка гжи Мот... ой, предсѣдательницы дружескаго литературнаго общества, въ которомъ читались, между прочимъ, и сочиненія на заданныя слова.

Мысли при гробѣ С. Д. Т.

Ты ли это, Софія? Гдѣ живой румянецъ, игравшій на прелестныхъ щекахъ твоихъ? Гдѣ проницательные взоры, блиставшіе веселіемъ и остроуміемъ? Гдѣ восхитительная улыбка? — Лице твое покрыто смертною блѣдностью; глаза сомкнулись, сомкнулись навѣки! Видна еще улыбка; но это не улыбка радости, а горести, страданія, смерти!

Не уже ли въ самомъ дѣлѣ стою передъ гробомъ твоимъ? Не уже ли во гробѣ ты, прелестная Софія? Давно ли въ сей самой комнатѣ восхищала ты насъ веселою своею бесѣдою? Гдѣ фортепіано, на которомъ въ послѣдній разъ играла ты при мнѣ любимую мою арію? Не услышу ее болѣе никогда, никогда! Скоро раздастся здѣсь погребальное пѣніе, скоро оставишь ты прежнее жилище свое!

Рано пресѣклась жизнь твоя! Ни младость, ни прелести, ни дарованія, ни добродѣтели твои не отвратили роковаго удара неумолимой смерти. Слѣпое чудовище! Зачѣмъ медлитъ она поражать извергoвъ, которые живутъ для однихъ только злодѣяній? А ты желала ли когда-нибудь хотя малѣйшаго зла врагамъ своимъ? Рѣдкіе дары получила ты отъ природы; но самый лучшій, неоцѣненный даръ ея — былъ доброе, превосходное твое сердце.

Какъ скоро забывала ты наносимыя тебѣ оскорбленія! Съ какою любезностью и доброду-

ніемъ приписывала малѣйшее тебѣ угожденіе! Кто не любилъ тебя, Софія? Кто болѣе тебя имѣлъ средствъ нравиться уму и сердцу? Самая Зависть не могла не признавать въ тебѣ многихъ совершенствъ: теперь отдастъ она тебѣ полную справедливость. Смерть, одна только смерть обезоруживаетъ Зависть и Злобу.

Забуду ли когда-нибудь счастливые часы, проведенные вмѣстѣ съ тобою? Вижу, какъ теперь, волшебные твои взгляды, очаровательную улыбку; слышу, кажется, какъ ты говоришь, читаешь. Ты была украшеніемъ, душею дружескихъ нашихъ ученыхъ бесѣдъ; ты оживляла ихъ своею любезностью и остроуміемъ.—Ты родилась для славы, для счастія. Судьба, казалось, улыбалась тебѣ... обманчивая, вѣроломная улыбка!...

Свершился печальный и священный обрядъ! Родственники, друзья, служители прощаются навсегда съ тобою. Несчастный супругъ твой въ отчаяніи; малютка-сынъ не въ силахъ удержать слезъ своихъ и рыданій; на всѣхъ лицахъ вижу непритворную печаль и соболѣзнованіе. Съ трепетомъ прикладываю уста мои къ холодному челу твоему. И вотъ уже тонкое покрывало задернуло блѣдное лице твое, зазвучала гробовая крышка. Прости, Софія! прости навѣки!

Иду въ безмолвіи за гробомъ твоимъ. Куда провожаемъ тебя, Софія? Туда, откуда никогда уже не возвратишься! Будемъ приходить къ тебѣ; но не увидимъ, не услышимъ тебя!...
тигли жилища мертвыхъ! Остановилась пе-

чальная колесница. Руки родственниковъ и друзей несутъ тебя сквозь надгробные памятники къ могилѣ. Медленно опустился въ могилу блестящій гробъ. Сухая земля и песокъ сыплются на бархатъ и золото. — Съ послѣдними звуками погребальнаго пѣнія канула туда крупная слеза искренней дружбы.

—

Наставленіе стараго индійскаго мудреца молодому государю.

(*Переводъ съ индійскаго подлинника.*)

О, государь! о, сынъ мой! да не оскорбитъ тебя сіе послѣднее названіе. Ты знаешь мою къ тебѣ привязанность и любовь. Да будетъ столько привязанъ къ тебѣ народъ твой, да любитъ онъ тебя, сколько я люблю, — и ты будешь счастливѣе всѣхъ государей.

Давно уже стою я одною ногою во гробѣ: всякій день, всякій почти часъ ожидаю безтрепетно ангела смерти. Въ цвѣтущихъ лѣтахъ моей жизни попиралъ я ногами предлагаемыя мнѣ суетныя почести, отвергалъ всѣ богатства. Теперь, въ глубокой моей и дряхлой старости, при дверяхъ гроба, уже ли могу я говорить тебѣ неправду, уже ли могу имѣть другую цѣль, кромѣ твоей пользы, славы и благополучія?

Судьба сдѣлала тебя властителемъ многочисленнаго и славнаго народа; но природа была къ тебѣ еще гораздо щедрѣе. Она дала тебѣ счастливыя способности, доброе сердце, обшир-

ный и здравый умъ. О, государь! о сынъ мой! употреби во благо дары, данные тебѣ природою, употреби во благо и мои наставленія.

Никто не имѣетъ столь много способовъ дѣлать добро, какъ государь. Простой гражданинъ не можетъ иногда во всю жизнь свою принести столько пользы, сколько государь въ одинъ часъ, въ одно мгновеніе. И такъ имѣй всегда единственною цѣлью, единымъ предметомъ—благо народа, ввѣреннаго твоему управленію. Береги время болѣе всѣхъ сокровищъ: время для государей неоцѣненно.

Безъ труда не вкушаютъ никогда прямого удовольствія; безъ труда человѣкъ бываетъ ниже человѣка, ниже всякаго животнаго; безъ труда нельзя пріобрѣсти славы и безсмертія. Но труды заслуживаютъ уваженіе по мѣрѣ происходящей отъ нихъ пользы. Занимайся, государь, одними великими дѣлами, то есть: пользою своего народа,—и ты будешь великимъ государемъ.

Сладострастіе, роскошь и нѣга должны занимать только слабыя и низкія души. Великій человѣкъ ищетъ не чувственныхъ удовольствій, но нравственныхъ. Чѣмъ болѣе встрѣчаетъ онъ препятствій въ благородныхъ своихъ намѣреніяхъ и подвигахъ, тѣмъ болѣе пріобрѣтаетъ себѣ славы. О, государь! ты служишь здѣсь, на землѣ, изображеніемъ Верховнаго Существа: уподобляйся же Ему сколько можешь и страйся не имѣть слабостей, унижающихъ человѣчество.

авленія слишкомъ тяжело для одного

государя, ибо онъ человѣкъ. Но тягость сію могутъ тебѣ облегчить многіе изъ твоихъ подданныхъ. Ищи съ разборчивостью достойныхъ людей, и ты, вѣрно, ихъ найдешь. Давай мѣста и должности по способностямъ и достоинствамъ, а не по роду и другимъ случайнымъ преимуществамъ. Всякое мѣсто будетъ тогда занимаемо съ похвалою: всякая должность будетъ исправляема съ желаемымъ успѣхомъ. Будь самъ отцемъ отечества, и оно будетъ имѣть вѣрныхъ и достойныхъ сыновъ. Примѣръ всего сильнѣе дѣйствуетъ надъ людьми, и подданные всегда слѣдуютъ примѣру своихъ государей.

Награждая заслуги и добродѣтели, наказывай преступленія и пороки. Въ семъ-то состоитъ прямой долгъ государя; въ семъ-то болѣе всего нужно ему имѣть разборчивости и благоразумія. Правосудіе есть отличительное свойство мудраго правителя.

Будь другомъ просвѣщенія. Ободряй науки, художества и самыя ремесла. Никакое государство не можетъ быть совершенно счастливо безъ просвѣщенія; а просвѣщеніе, такъ какъ и промышленость, безъ одобренія не могутъ быть въ цвѣтущемъ состояніи.

Будь благодѣтелемъ своихъ подданныхъ, будь отцемъ и утѣшителемъ несчастныхъ. Вдовы и сироты суть твои дѣти. Твоя рука должна отереть ихъ слезы, твоя рука должна дать имъ пищу и доставить убѣжище. Употребляй сокровища свои не на суетное великолѣпіе и пыш-

ность, но на пользу своихъ подданныхъ. Поощряй трудолюбіе, доставляй способы всякому снискивать себѣ пропитаніе, — и въ твоемъ государствѣ не будетъ тунеядцевъ и нищихъ.

Щади кровь и даже самый потъ своихъ подданныхъ. Не обременяй ихъ излишними налогами и не начинай никогда войны безъ необходимой нужды. Заставь трепетать своихъ сосѣдей твоего оружія; но и увѣрь народъ свой, что кровь его и спокойствіе для тебя драгоцѣнны.

Я увѣренъ, что сіи мои наставленія не возбудятъ твоего гнѣва. Мудрый не пренебрегаетъ ни чьими совѣтами, но разсматриваетъ оные и слѣдуетъ имъ, когда чувствуетъ ихъ пользу.

Позволяй всѣмъ говорить тебѣ правду. Слушай ее и загради слухъ твой лести. Лесть погубила много государей; но любовь къ истинѣ многимъ изъ нихъ доставила безсмертіе.

—

Оно и лучше.

Неволя скачетъ, неволя пляшетъ, неволя пѣсни поетъ,—пословица, дѣлающая много чести человѣческому или, лучше, обезьянскому роду. Впрочемъ, вѣроятно, сорвалась она съ языка какого-нибудь чувствительнаго человѣка, когда онъ смотрѣлъ на медвѣжью пляску, на собачью комедію, или, прислушиваясь къ кошачьему кон-

церту. Но свѣтское приличіе, уваженіе къ богатству, къ породѣ и въ наше счастливое время заставляютъ многихъ плясать, пѣть, смѣяться, когда имъ не доплясеи, не до пѣсенъ. Ублаживанье, убаюкиванье, къ которымъ привыкли богатые и знатные, породили еще другую поговорку — словцо безподобное, утѣшительное: *оно и лучше!* Чтобы ни случилось съ патронами, съ меценатами, Лукуллами, Наполеонами — такальщики, добросердечные льстецы готовы доказать, что *оно и лучше!* — Что все нарочно на этомъ свѣтѣ устроено такъ, чтобъ его сіятельству, или его превосходительству, или его милліонству было покойно и хорошо.

«*Оно и лучше*, батюшка Василій Васильевичъ! говоритъ, низко кланяясь, управитель своему милліонщику-барину. *Оно и лучше!* То ли дѣло мужики на оброкѣ! Безъ хлопотъ, безъ заботъ: получайте денежки, да и только!» — Но мнѣ нужны, крайне нужны деньги..... Нельзя ли собрать оброкъ года за четыре впередъ?... — «Можно, сударь! Очень можно! *Оно и лучше!* Одинъ разъ заплатить — а тамъ и не знай!»

Оброкъ собранъ за четыре года впередъ — за пять, за шесть, за семь лѣтъ впередъ — мужики разорились, идутъ по міру... Василій Васильевичъ отдаетъ ихъ въ аренду. — «*Оно и лучше*, батюшка! говоритъ ему арендаторъ, жидъ душою: вамъ уже никакой заботы не будетъ...» Но арендаторъ совершенно разорилъ деревни... В. В. радъ, радъ сбыть ихъ хоть

за что-нибудь — и продаетъ за безцѣнокъ.... «*Оно и лучше,* батюшка, говорятъ управитель и друзья-товарищи: съ крестьянами вѣчныя хлопоты: неурожай — корми ихъ; недоимки — плати за нихъ; а тамъ рекрутство — земская полиція, судьи, исправники, засѣдатели... Какая разница капиталъ!» — Наконецъ, переходя отъ лучшаго къ лучшему, В. В. пускаетъ по міру нѣсколько тысячъ душъ и нѣсколько сотъ добрыхъ заимодавцевъ, ввѣрившихъ ему свои капиталы. Самъ идетъ подъ опеку; родственники, для славы своей фамиліи, принуждены давать ему приличное содержаніе. *Оно и лучше*, говоритъ одинъ оставшійся при В. В. камердинеръ: теперь вы безъ хлопотъ. Наконецъ В. В. умираетъ. *Оно и лучше,* говорятъ, услышавъ о томъ его родственники: что за жизнь его была! И себѣ и всѣмъ въ тягость! *Оно и лучше!* Царство ему небесное!

—

У богатаго князя напроказилъ сынокъ, молодой человѣкъ, прелюбезный, превоспитанный. — Его перевели въ армію. — «*Оно и лучше!* говорятъ дядюшки и тетушки: пусть его послужитъ въ арміи и узнаетъ нужду... *Оно и лучше...* да тамъ и чины идутъ скорѣе.» — Не знаю, утѣшатъ ли его сіятельство, будутъ ли твердить ему: *оно и лучше*, что молодый князь изволилъ проиграться и потомъ застрѣленъ на дуэли.

—

О, неоцѣненное словечко! ты ко всему пригодно. У старой графини женился сынъ на дочери богатаго откупщика. «*Оно и лучше*, матушка ваше сіятельство! говорятъ графинѣ: деньги, деньги въ нынѣшнее время нужнѣе знатности. Что за дѣло, что молодая не изъ дворянскаго рода? За нею — милліонъ!» — Другой сынъ, молодой графчикъ, женился на бѣдной дворяночкѣ..... «*Оно и лучше!* твердятъ опять графинѣ: въ супружествѣ не богатство и знатность нужны, а любовь да согласіе.»

—

«Ты въ отставкѣ?» — Да, разныя неудовольствія... притѣсненія... требованія... а я не привыкъ... — Конечно! Да *оно и лучше*, братецъ! То ли дѣло свобода?» — Поживу въ отставкѣ, отдохну, а тамъ опять поищу..... какого-нибудь мѣста.... — «Конечно! *Оно и лучше!* въ отставкѣ ничего не выслужишь.... а съ твоимъ умомъ, познаніями....

—

«Ничего не пью, кромѣ шампанскаго!» — *Оно и лучше!* Одно вино... а то это смѣшеніе — ничего нѣтъ хуже!

«Не ѣмъ фруктовъ!»—*Оно и лучше!* Сколько больныхъ отъ нихъ! Возьмите въ примѣръ всѣ жаркія страны....

«Только и питаюсь одними фруктами!» — *Оно и лучше!* Это настоящая наша пища; по-

смотрите, какъ здоровы и свѣжи люди, неупотребляющіе говядину..... Природа создала человѣка не плотояднымъ.

—

Разорившись отъ обѣдовъ, завтраковъ, баловъ, Mr Pigeon, для поправленія своихъ дѣлъ, рѣшается ѣхать въ саратовскую деревню. — «Вы, я слышалъ, изволите ѣхать въ деревню?» — Да, здѣшняя жизнь мнѣ такъ надоѣла; все такъ прискучило, что я съ восхищеніемъ ожидаю отъѣзда въ Блажнино. — «*Очень вѣрю!* Какая разница: Москва и спокойствіе деревенской жизни.... Да *оно и лучше!* Лучше по всему: во-первыхъ.... во-вторыхъ ... въ-третьихъ....

Поправивъ свои дѣла, или, лучше, въ конецъ разстроивъ свои дѣла, т. е. заложивъ деревни, разоривъ мужиковъ, набравъ подъ залогъ денегъ, Mr Pigeon опять является въ Москву... «Вы здѣсь! Давно ли?» — Вотъ уже два дня существую..... потому что жить въ глуши, гдѣ я былъ, все равно что не жить! — «Конечно: какая разница Москва и — деревня!» — Проклятая разница! чертовская разница! Здѣсь я наслаждаюсь жизнью, а тамъ хлопаю глазами. Да *оно* всѣмъ *лучше* здѣсь!... И если я болѣе проживаю въ столицѣ, то, въ замѣнъ, я болѣе полезенъ для моихъ крестьянъ.... Ну сами знаете: связи, знакомства.

—

«*Я* не играю въ карты»... — Какъ? ни въ какую игру?... *Оно и лучше!* Ваше при васъ, говоритъ хозяинъ неиграющему гостю — ... «Карты моя страсть!» говоритъ другой гость, садясь за вистъ.... «разумѣется, я говорю о коммерческихъ играхъ.» — *Оно и лучше*, отвѣчаетъ хозяинъ. Кто теперь не играетъ? Что дѣлали бы гости безъ картъ? Чѣмъ занялъ бы ихъ хозяинъ? — «Покорнѣйше благодарю, отвѣчаетъ усатый уланъ на приглашеніе къ висту... Я не терплю виста, бостона... Вотъ ужò.... направо, налѣво... виноватъ, пущусь! Люблю банкъ!... Самая благороднѣйшая игра!» — *Оно и лучше*, говоритъ ему на ухо хозяинъ: поскорѣе! выигралъ, или проигралъ, одно изъ двухъ — а то сиди, думай....

—

Вездѣ, всегда и всюду пригодно: *оно и лучше*... Говори, что не держу лошадей (не держу ихъ потому, что дорого); а мнѣ отвѣчаютъ: «*оно и лучше!* Извощики дешевле!» — Если бъ я сказалъ, что люблю лошадей, разоряюсь на экипажи, сейчасъ подтакнули бы: «*оно и лучше!* оно и дешевле!»

—

Когда секретарь Животрепетовъ разбогатѣлъ и купилъ домъ, я слышалъ въ Палатѣ какъ всѣ знакомые хвалили его за это. «Какая разница! Имѣть свой домъ! свой уголъ — ни съ чѣмъ

сравнить нельзя!» — Когда же Животрепетовъ попался подъ судъ, прикинулся бѣднякомъ, а домъ, купленный на имя жены, продалъ, и потомъ съ болѣзненнымъ лицомъ извѣстилъ, что нанимаетъ квартиру, и тогда нашлись люди, которые сказали ему: «*оно и лучше*: съ домомъ столько хлопотъ: мостовыя, тротуары, подземельныя! А теперь вы ничего этого не знаете!» — Правда. — Такъ какъ же сравнить свободную жизнь на наемной квартирѣ съ мученіемъ имѣть домъ!...

—

Наконецъ — я замолчу.... *Оно и лучше!*

—

Мысли.

Хотите ли, чтобы безобразная женщина показалась еще отвратительнѣе? — нарядите ее и сколь можно щеголеватѣе, и если она умна, то заставьте ее молчать, а глупа—такъ говорить.

Одинъ умный человѣкъ сказалъ при мнѣ, что онъ считаетъ несчастіемъ имѣть необыкновенную силу. Въ самомъ дѣлѣ легко ее употребить во зло. То же самое можно, кажется, сказать и въ отношеніи къ остротѣ ума: какъ разъ забудешься и сдѣлаешь вредъ и самому себѣ.

Сатира есть такое лекарство отъ пороковъ, которое хотя и рѣдко исцѣляетъ зараженныхъ

оными, но за то предохраняетъ по крайней мѣрѣ многихъ отъ заразы.

Чѣмъ сильнѣе, тѣмъ смирнѣе — чѣмъ умнѣе, тѣмъ скромнѣе.

Самое кратковременное наслажденіе есть — питье.

Настоящій пьяница есть тотъ, кто можетъ напиться одинъ.

Легче нажить большое имѣніе, чѣмъ хорошую репутацію.

Знаніе, получаемое чрезъ наставленіе отъ другихъ, такъ сказать, *дарится* намъ, а пріобрѣтаемое собственнымъ опытомъ — *покупается*. Цѣна бываетъ иногда несравненно дороже, нежели думаютъ.

Пріятно смотрѣть на новые красивые предметы, но еще пріятнѣе, кажется, на старые послѣ долговременной съ ними разлуки.

Какъ нельзя искренно любить Бога, не любя ближняго, такъ нельзя любить государя и отечество, не любя своихъ сотоварищей по службѣ и подчиненныхъ.

Дать совершенно одинакіе законы для обширнаго государства, въ которомъ разные климаты, разные народы и разные обычаи, то же самое, что̀ лечить въ большомъ госпиталѣ одинакими лекарствами всѣхъ больныхъ.

Ругательства не доказательства.

Бранишь, не угодишь; похвалишь, другихъ сердиться заставишь.

Больно видѣть, когда любимый нами чело-

вѣкъ находится въ заблужденіи на счетъ людей, старающихся вредить ему и, не вѣря испытаннымъ друзьямъ, слѣпо иногда вѣритъ обманщикамъ. Ласкательство, при всей своей грубости, дѣлаетъ удивительные успѣхи, потому что самолюбіе и тщеславіе ослѣпляютъ иногда и самыхъ разсудительныхъ людей.

Жалуются, что мало истинныхъ друзей; но многіе ли заслуживаютъ ихъ имѣть? — Замѣчено, что одни только достойные люди имѣютъ искреннихъ друзей.

Геній въ изящныхъ искусствахъ не можетъ усовершенствоваться самъ собою безъ образованія, которое нерѣдко зависитъ отъ благопріятныхъ обстоятельствъ.

Кажется, самое большое благодѣяніе состоитъ въ воспитаніи сиротъ и въ доставленіи имъ средствъ сдѣлаться современемъ хорошими и полезными людьми.

Надежный вождь на скользкомъ пути жизни есть Разсудокъ, озаренный свѣтомъ Евангелія.

Если станемъ замѣчать со вниманіемъ, то увидимъ, что и здѣсь, въ плачевной юдоли испытанія, прежде еще страшнаго суда, Богъ чудесно наказываетъ за злыя дѣла и награждаетъ за добрыя.

Слишкомъ 50 лѣтъ живу я на свѣтѣ и не могу припомнить ни одного знакомства моего съ хорошимъ человѣкомъ, которое бы не принесло мнѣ какой-нибудь пользы, равно какъ съ дурными и тупыми людьми, которые не сдѣлали

бы мнѣ вреда. Самая малѣйшая потеря была — потеря времени.

Не говорите человѣку того, въ чемъ давно уже упрекаетъ его совѣсть: онъ подумаетъ, что вы съ нимъ бранитесь.

Кокетство—*грѣхъ* и не можетъ существовать безъ двухъ другихъ важнѣйшихъ еще грѣховъ, запрещаемыхъ Евангеліемъ: *лести* и *лукавства*. Какая кокетка не лукава и безъ *любоначалія*, или честолюбія?

Несчастіе нерѣдко прибавляетъ ума, а иногда отнимаетъ и послѣдній.

═

МАЛЕНЬКІЕ РАЗГОВОРЫ.

1.

Сюрпризъ.

(*Дѣйствіе въ гостиной, вечеромъ, при свѣчахъ.*)

Мужъ. Маменька, вотъ и я пріѣхалъ!

Жена (*сухо*). Такъ что жъ такое, сударь?

Мужъ. Такъ... ничего... пожалуй мнѣ ручку поцѣловать.

Жена. Оставьте меня, сударь, въ покоѣ; у меня мочи нѣтъ какъ болитъ голова.

Мужъ. А я... а я-было думалъ, маменька.. что ты... меня самого поцѣлуешь; я-было тебѣ приготовилъ *сюрпризъ*...

Жена (*весело*). *Сюрпризъ?* Что же ты мнѣ купилъ? *Ахъ! какъ ты милъ, папенька!* (*протягиваетъ руку, которую мужъ цѣлуетъ.*)

Мужъ (*вынимая футляръ съ перстнемъ*) Я тебѣ, маменька, купилъ перстень; смотри какой прекрасный! какая вода! Онъ стоитъ тысячи полторы, а я заплатилъ за него (*смѣется*) только семьсотъ рублей!

Жена. А я семь разъ тебя поцѣлую. (*Цѣлуетъ его и считаетъ.*) Разъ, два, три, че-

тыре, пять, шесть, семь. Ну, полно! Подайка мнѣ перстень. Ахъ! какъ хорошъ! Подлинно, папенька, пріятный сюрпризъ мнѣ ты сдѣлалъ. Какая игра!

Мужъ. Пожалуй-ка мнѣ, маменька, его на минуточку. Ювелиръ оцѣнилъ одинъ этотъ солитеръ въ тысячу рублей, да и мелкіе бриліанты-то .... (*роняетъ перстень на полъ*) Ахъ!

Жена. Э! папенька! какъ ты неостороженъ!

Мужъ. Ничего, маменька, ничего; сію минуту подыму (*беретъ со стола свѣчу и нагибается искать перстня*) Ой! кто-то лежитъ подъ софою!

Жена. Ай! дурно! истерика! истерика! (*падаетъ безъ чувствъ въ обморокъ. Изъ-подъ софы вылѣзаетъ поспѣшно молодой человѣкъ, хорошо одѣтый*).

Мужъ. Что это!...

Неизвѣстный. Сюрпризъ, сударь, сюрпризъ!

(*Бѣжитъ вонъ изъ комнаты*).

2.

Издатель Благонамѣреннаго и Стихотворецъ. *

Стихотворецъ. Имѣю честь рекомендовать себя вамъ: я душевно люблю и уважаю всѣхъ отличныхъ нашихъ литераторовъ, и самъ уже двадцать лѣтъ занимаюсь словесностью. По прі-

* Тутъ ничего не прибавлено, а развѣ убавлено.

ѣздѣ моемъ сюда изъ деревни, первымъ долгомъ поставилъ себѣ быть у первыхъ васъ.

Издатель. Много чести! Покорнѣйше прошу садиться. Позвольте узнать, съ кѣмъ имѣю удовольствіе говорить.

Стих. Я родственникъ пріятеля вашего *N. N.* Ваши сочиненія....

Изд. Очень маловажны.

Стих. А смѣю спросить, что такое изволили вы писать?

Изд. Я? Почти ничего... мелочи, басни, если читали ихъ, или слышали.

Стих. Нѣтъ-съ, не читалъ и не слыхалъ.

Изд. А вы, въ какомъ родѣ словесности упражняетесь?

Стих. (*съ улыбкою*). Въ стихотворномъ-съ.

Изд. Да въ какомъ именно родѣ стихотворства?

Стих. Въ пространномъ-съ.

Изд. Въ пространномъ!! Что же вы пишете? Поэмы?

Стих. Нѣтъ-съ.

Изд. Трагедіи? Комедіи?

Стих. Нѣтъ-съ.

Изд. Что же такое?

Стих. Книги въ нѣсколько томовъ. Напримѣръ, я написалъ *Торжество благоговѣнія*, въ 8 томовъ — *Восторгъ назидательности*, въ 10 томовъ... Мнѣ хотѣлось бы посовѣтоваться съ вами о изданіи моихъ сочиненій. Я думалъ-было прежде печатать ихъ въ Москвѣ

и продать тамошнимъ книгопродавцамъ; но съ ними не возможно имѣть дѣла. Стыдно сказать, что̀ они мнѣ давали! Представьте — только *восемьдесятъ тысячъ*.

Изд. Восемьдесятъ тысячъ!

Стих. Да-съ, восемьдесятъ тысячъ.

Изд. Рублей?

Стих. Конечно-съ.... ассигнаціями, не серебромъ.

Изд. (*отодвигаясь со стуломъ*). У насъ никто еще не получалъ вдругъ 80,000 р. за свои сочиненія.

Стих. А много ли получилъ Карамзинъ за свою Исторію?

Изд. Не могу сказать вамъ навѣрное.

Стих. У него же только проза, а у меня стихи.

Изд. И, вѣрно, очень много?

Стих. Я привезъ съ собою только *четыре воза*.

Изд. (*отодвигаясь*). Четыре воза!

Стих. Это-съ не все: наберется еще восемь возовъ... они будутъ сюда зимою по первому пути.

Изд. (*про себя*). Какъ бы отъ него уйти.

Стих. Доложу вамъ, сударь, что я семнадцать лѣтъ жилъ въ лѣсу.

Изд. Какъ въ лѣсу?

Стих. Да, сударь, въ лѣсу — нарочно выстроилъ тамъ избушку; жилъ одинъ и цѣлыя семнадцать лѣтъ, кромѣ слуги, людей не ви-

далъ; все писалъ стихи; ночи нерѣдко просиживалъ насквозь — и за такіе труды взять такую бездѣлицу — восемьдесять тысячъ рублей.

Изд. А за сколько бы продали вы свои сочиненія?

Стих. Надобно бы взять тысячъ двѣсти... а ужъ по крайней мѣрѣ сто семьдесятъ тысячъ... меньше ни копѣйки.

Изд. (*вставая*) И не совѣтую отдавать меньше.

Стих. Слушаю-съ..... Вамъ не нужно ли куда идти?

Изд. Крайняя нужда быть въ типографіи.... извините.

Стих. Прошу прощенія..... а я пойду въ книжныя лавки.

3.

Баринъ и Слуга.

(Въ прошедшемъ столѣтіи).

Баринъ. Ванька!

Слуга. Чего изволите-съ.

Баринъ. Знаешь гдѣ живетъ князь *N*?

Слуга. Знаю-съ.

Баринъ. Ступай сейчасъ къ нему и скажи: Сидоръ Карповичъ приказалъ Вашему Сіятельству кланяться и поздравить со днемъ вашего ангела, да приказалъ еще доложить, что къ обѣду, батюшка, самъ-дескать къ двумъ часамъ

буду непремѣнно и съ Өедорой Савишной.....
Смотри же, не переври... Ну, какъ ты скажешь?
Говори.

Слуга. Сидоръ Карповичъ приказалъ Вашему Сіятельству кланяться и поздравить со днемъ вашего ангела, да приказалъ еще доложить, что къ обѣду, батюшка, самъ-дескать къ двумъ часамъ буду непремѣнно и съ Өедорой Савишной.

Баринъ. Хорошо! такъ! А если ты переврешь, то я тебя... (*бьетъ его и выходитъ изъ себя*).

4.

Судья, Откупщикъ и Слуга.

(*Дѣйствіе въ передней.*)

Судья. Сенька! Толстосумовъ пріѣхалъ; откажи, скажи, что нѣтъ меня дома.

Слуга. Слушаю-съ. (*Судья уходитъ въ залу*).

Толстосумовъ (*входитъ полупьяный*). Здорово, братъ!

Слуга. Барина нѣтъ дома.

Толстосумовъ. А какъ же я видѣлъ его въ окно?

Слуга. Занимается самымъ нужнымъ дѣломъ...

Толстосумовъ. Да! трубку куритъ и пуншъ пьетъ (*отворяетъ въ залу двери*). Что, братъ ты Степанъ, вздумалъ не пускать меня? Вѣдь я самъ-другъ пріѣхалъ. (*Треплетъ себя по боковому карману*).

Судья (*изъ залы*). Всенижайше прошу!

(*Черезъ часъ*)

Толстосумовъ (*шатаясь*). Ай да наливка! славная! Только въ головѣ зашумѣла! Спасибо, братъ Степанъ!... Прощай!... воротись.

Судья. Нѣтъ, почтеннѣйшій Титъ Сысоевичъ! Позвольте свести васъ съ лѣстницы. *Кого люблю и уважаю, тѣхъ до кареты провожаю.*

5.

Факторъ и Неизвѣстный.

(*Дѣйствіе въ типографіи.*)

Неизвѣстный. Здѣсь напечатана эта книга?

Факторъ. Здѣсь.

Неизв. А продается она у васъ?

Фак. Никакъ нѣтъ: здѣсь только печатаются книги, а не продаются; извольте спросить въ книжныхъ лавкахъ.

Неизв. Я спрашивалъ, да ни у кого нѣтъ. Нашелъ одинъ только экземпляръ у Плавильщикова, да и тотъ непродажный.

Факт. Немудрено, что въ пятнадцать лѣтъ вся книга разошлась.

Неизв. А что стоитъ напечатать вновь?

Факт. Двадцать листовъ ровно . . . за наборъ и за печатаніе по сороку рублей съ листа — восемь сотъ... бумаги три стопы на листъ, хоть по десяти рублей.. шесть сотъ . . . тысячу четыреста рублей, всего за полный заводъ, то есть за тысячу двѣсти экземпляровъ.

Неизв. (*отдавая синенькую бумажку*). Дай

же, братецъ, сдачи и напечатай мнѣ поскорѣе одинъ экземпляръ.

6

Книгопрадавецъ, Слуга и Любитель Словесности.

Слуга. Барыня велѣла узнать, есть ли у васъ русской атла́съ?

Книгопродавецъ. Атла́су нѣтъ, а а́тласъ есть.

Слуга. А какого цвѣта и почемъ аршинъ?

Книг. Разныхъ цвѣтовъ, а аршинами не продаемъ.

(*Входитъ Любитель Словесности.*)

Люб. Сл. Мнѣ хочется купить полное собраніе сочиненій лучшихъ нашихъ стихотворцевъ. Есть у васъ сочиненія Ломоносова?

Книг. Есть.

Люб. Сл. А Державина?

Книг. Есть.

Люб. Сл. Озерова?

Книг. Есть.

Люб. Сл. Нѣтъ ли еще чьихъ-нибудь, только самыхъ лучшихъ?

Книг. Не угодно ли вамъ взять сочиненій Дмитріева, Жуковскаго, Батюшкова, Крылова, Пушкина. . .

Люб. Сл. Что ты, братецъ! Да они всѣ живы!

Книг. Такъ что же, сударь? Дай Богъ всѣмъ имъ долго еще прожить.

Люб. Сл. Нѣтъ, сочиненій живыхъ авторовъ, какъ бы они хороши ни были, никогда не куплю.

Книг. Для чего же?

Люб. Сл. Для того, что еще что-нибудь напишутъ, да и сдѣлаютъ новое изданіе.

7.

Гостья и Невѣста.

Гостья (*цѣлуя невѣсту*). Поздравляю, поздравляю васъ, моя милая! Какъ я рада, что выходите вы замужъ! Не имѣю чести знать вашего жениха....

Невѣста. Очень-съ хорошій-съ человѣкъ... только-съ немножко старъ.... а здоровъ-съ.

Гостья. А сколько ему лѣтъ?

Невѣста. Сорокъ пять-съ.

Гостья. Что за старикъ! Самыя лучшія лѣта для мужа. Знаете ли эти вы французскіе стихи;

Que j'etais infidèle à trente!
Que d'objets de mes tendres voeux!
A quarante, on n'a qu'une amante;
On est constant et plus heureux. *

Невѣста. Большой игрокъ-съ.

Гостья. Большой игрокъ?

Невѣста. Престрашной-съ.

---

* См. *Les Amours*. въ Almanach des Muses. 1798. p. 24.

Гостья. Вотъ это не хорошо! Какъ рѣшились вы идти за картежника?

Невѣста. Онъ-съ не картежникъ.

Гостья. Да вы сами сказали, что онъ *престрашной* * игрокъ; слѣдовательно играетъ....

Невѣста. Да не въ карты-съ, а на *фортопіяно*.

8.

Гостья и Дитя.

Гостья. Здраствуй, миленькой!

Дитя. Здравствуйте... подите въ уборную.

Гостья. Развѣ маменька въ уборной?

Дитя. Нѣтъ-съ, она въ диванной... подите же въ уборную.

Гостья. Да зачѣмъ идти мнѣ въ уборную, когда маменька въ диванной?

Дитя Да вы такія дурныя.

Гостья. А развѣ въ уборной сдѣлаюсь лучше?

Дитя. Конечно-съ. Маменька встаетъ съ постели такая дурная, такая черная, а побываетъ въ уборной, и сдѣлается такая хорошенькая, бѣленькая, румяная... Подите въ уборную, пожалуй-ста подите...

---

* Мудрено ли, что молодыя дѣвицы, неучившіяся отечественному языку и мало занимавшіяся имъ, употребляютъ иныя слова не въ настоящимъ ихъ значеніи, когда это же самое дѣлаютъ и записные наши словесники, особенно *романтики*.

9.

Журналистъ и Разнощикъ.

Журналистъ. Хороши ли у тебя раки?

Разнощикъ. Преславные! прекрупные!

Журн. Да, сверху-то хороши и крупны, а внизу мелочь, дрянь! Зачѣмъ такъ обманываешь?

Разн. Не мы, сударь, одни — и всѣ такъ дѣлаютъ; и всѣ кладутъ сверху, что покрупнѣе: рыбу, яблоки, ягоды, огурцы?

Журн. Правда твоя; и наша братья, журналисты, то же почти дѣлаютъ: первыя книжки журнала всегда бываютъ потолще, статьи получше — а тамъ... со грѣхомъ пополамъ!

10.

N. N. и Старуха.

(Вскорѣ послѣ наводненія.)

N. N. Что вамъ, матушка, надобно?

Старуха. Батюшка! пришла къ вашей милости... я бѣдная, насчастная!...

N. N. Да зачѣмъ же ко мнѣ? Теперь, вѣдь, есть вездѣ комитеты для пособія разоренымъ отъ наводненія.

Старуха. Ахъ, отецъ мой! *По грѣхамъ нашимъ и воды-то у насъ въ улицѣ не было!*

11.

N. Вдова Побирашкина.

Побирашкина. Благодѣтель мой! пожалуйте хоть что-нибудь для праздника.

N. Послушайте, госпожа Побирашкина: я узналъ

отъ достовѣрныхъ людей, что вы получаете за службу покойнаго вашего мужа пенсіонъ.

Боб. Получаю, отецъ мой, получаю — да великъ ли? Только триста рублей!

N. Какія же вы неблагодарныя! А другія и съ дѣтьми получаютъ еще менѣе, да благодарятъ за то Бога... Г. Добровъ вамъ ближній родственникъ по мужѣ?

Боб. Двоюродный братъ былъ покойному, двоюродный братъ, батюшка!

N. Помогаетъ онъ вамъ? Говорите правду: я все знаю.

Боб. Очень довольна его милостью: снабжаетъ и деньгами и запасомъ.

N. Зачѣмъ же таскаетесь вы, какъ нищая, изо двора во дворъ, когда имѣете нужное содержаніе?

Боб. Ахъ, батюшка! да *хоть на свѣчку* * *и на табакъ.*

12.

Дама и семейство Бѣдняковыхъ.

Дама. Здѣсь живетъ Бѣдняковъ, о которомъ объявлено въ журналѣ?

Бѣднякова. Здѣсь, сударыня!... а смѣю спросить, что такое объявлено? Вѣдь, онъ не служащій и ни въ чемъ дурномъ не замѣшанъ; то кому до него какое дѣло?

Дама. Ну объявлено, что онъ бѣденъ и боленъ.

Бѣдн. Боленъ, матушка, третій уже мѣсяцъ, очень боленъ!

---

*) Свѣчку ставятъ добрые люди на трудовыя деньги.

Дама. Лечитъ ли кто его?

Бѣдн. Лечитъ, матушка, частный лекарь. Дай Богъ ему здоровье! Бываетъ каждый почти день и свои лекарства приноситъ.

Дама. Чѣмъ же вы живете?

Бѣдн. Когда здоровъ былъ, то находилъ себѣ кой-какую работу, писалъ, ходилъ по дѣламъ; а теперь вотъ третій мѣсяцъ, если бы не дочь, то хоть умереть намъ съ голоду: она, матушка, насъ кормитъ, и день и ночь сидитъ все за шитьемъ; всѣ свои хорошія платья для насъ заложила.

Дама. Я помѣшала вамъ обѣдать... Ахъ! Что это? Вы ѣдите *селедки!*

Бѣд. Да, сударыня, сегодня пятница.

Дама. Бѣдны, а ѣдятъ селедки! Вѣрь журналистамъ! Въ такомъ положеніи можно бы вамъ быть поэкономнѣе. Я знаю, что̀ стоютъ селедки: я сама покупаю ихъ въ Милютиныхъ Лавкахъ.

Бѣдн. Да эти селедки, сударыня, не изъ Милютиныхъ Лавокъ, а изъ мелочной лавочки. На грошъ три даютъ. Этихъ селедокъ, матушка, вѣрно, вы кушать не станете.

Дама (*отвѣдавъ*). Фи! голая соль!... Это что у васъ на окнахъ? Цвѣты! деревья! а бѣдны! Много ли заплатили за эти горшки?

Бѣдн. Помилуйте, сударыня, намъ ли покупать цвѣты? Вотъ эти два лимончика выросли у насъ изъ сѣмечекъ; а бархатцы, шапочки тоже сама Аннушка сажала.

Дама. Хорошо ли же шьетъ твоя Аннушка?

Бѣдн. Не годится, сударыня, хвалить свое дитя; а нечего сказать, мастерица: шьетъ самыя тонкія сорочки и всякое женское платье.

Дама. Такъ отдай ее къ Француженкѣ въ магазинъ.... я могу рекомендовать... а сама поди хоть въ ключницы.

Бѣдн. (*со слезами*). А больного-то мужа куда дѣть, сударыня?

Дама. Какъ куда? Есть больницы!

Бѣдн. Да вѣдь всѣхъ больныхъ нельзя туда помѣстить...

Дама. Ахъ! какъ я замѣшкалась! Пора въ Англійскій Магазинъ. Простите!

13.

Баринъ и Слуга.

Баринъ (*одинъ на диванѣ передъ столикомъ*) Гей!... Гей!... (*свиститъ*) Мальчикъ!... Человѣкъ!... Ванька!... Петрушка!... Не слышутъ!... Гдѣ колокольчикъ?... А! вотъ здѣсь на столѣ... но не достать рукою!... Малой! Малой! (*бьетъ въ ладоши*) Никто нейдетъ!... Какая досада! (*колотитъ рукою по столу*) Ванька! Петрушка!

Слуга. Что прикажете?

Баринъ. Подыми съ полу платокъ... вотъ тутъ у ногъ моихъ... Ну! что сталъ? Поди въ переднюю, да пододвинь ко мнѣ поближе колокольчикъ.

14.

Дядя, Племянникъ и Камердинеръ.

Племянникъ. Каковъ дядюшка?

Камердинеръ (*со вздохомъ*). Очень плохъ,

сударь! Передъ вами только былъ докторъ... пощупалъ пульсъ, покачалъ головою и даже не прописалъ лекарства.

Плем. Боже мой! что̀ со мною будетъ, если я лишусь его!... Я не перенесу, умру! (*становится на колѣна у дядиной постели.*) Дядюшка! благодѣтель мой! отецъ!

Кам. Тише, ради Бога, тише — не испугайте его. Побудьте здѣсь, сударь — я выйду только на одну минуточку.

Плем. (*одинъ*) Крѣпокъ старикъ!... Но, кажется, уже не встанетъ и проповѣдей мнѣ читать не станетъ. (*Беретъ дядю за руку и любуется на бриллiантовый перстень*).—Что за солитеръ! Кому-то достанется? Дай попробую счастья! (*снимаетъ потихоньку перстень*)... ай!

Дядя (*отдергивая руку*). По-го-ди!

(*Входитъ Камердинеръ — Племянникъ падаетъ въ обморокъ.*)

15.

Графъ и Управитель.

Комедiя въ 6 явленiяхъ.

ЯВЛЕНІЕ 1.

(Графскiй кабинетъ).

Графъ. Ну что, братъ, Степанъ Петровичъ, денегъ надобно.

Управитель. Денегъ у меня, Ваше Сiятельство, нѣтъ. Только на мелочные расходы. Да помилуйте, на что̀ вамъ? Давно ли мы занимали?

Графъ. Непремѣнно надобно сдѣлать для графини сюрпризъ—балъ и купить кой-какія бездѣлушки изъ бриллiантовыхъ вещей. Вѣдь не много — тысячъ 20 или 30.

Управитель. Тридцать тысячъ? Немного! У меня, докладываю, нѣтъ денегъ.

Графъ. Ну, займи: получимъ изъ деревень и съ фабрикъ, такъ отдадимъ. Вотъ, вѣдь, пора бы, кажется, и получить.

Управитель. (*Въ сторону*). Хватился, давно уже получены и лежатъ у меня. (*Вслухъ.*) Да получимъ-то, вѣрно получимъ, если не черезъ недѣлю, такъ черезъ двѣ. Тогда, если угодно, можно и сюрпризъ и балъ сдѣлать.

Графъ. Нѣтъ, голубчикъ Степанъ Петровичъ, послѣзавтра непремѣнно. Сдѣлай милость потрудись, съѣзди, займи хоть на мѣсяцъ или по объявленiю.

Управитель. Ну, а какъ станутъ просить большiе проценты.

Графъ. Нечего дѣлать, дай. Съѣзди, любезный, сегодня.

Управитель. Сiю же минуту.

ЯВЛЕНІЕ 2.

(Комната управителя. Онъ сидитъ за столикомъ передъ стаканомъ пуншу и говоритъ:)

Славно выспался! А графъ думаетъ, что я ѣзжу по ростовщикамъ... Смѣшно, право: зани-

маетъ деньги самъ у себя, а управителю платить проценты. — Допить однако пуншъ. (*Допиваетъ и звонитъ въ колокольчикъ*).

ЯВЛЕНІЕ 3.

Управитель и слуга.

Управитель. Возьми стаканъ, да спроси, что графъ.

Слуга. Слушаюсь. (*уходитъ*).

ЯВЛЕНІЕ 4.

Управитель одинъ.

Только два выпилъ, а какъ въ потъ кинуло! Лучше походить буду на усталаго.

ЯВЛЕНІЕ 5.

Тотъ же и Слуга.

Слуга. Графъ изволитъ въ кабинетѣ заниматься.

Управитель. Пустяками! Подними-ка штору. Что на дворѣ?

Слуга. Дождь идетъ и уже давно.

Управитель. Вспрысни же меня. Вода вотъ тамъ, въ графинѣ.

(*Слуга вспрыскиваетъ.*)

Управитель. И шляпу вспрысни, да хорошенько.

ЯВЛЕНІЕ 6.

(Кабинетъ графа).

Управитель. Измучилъ и себя и лошадь, Ваше Сіятельство! Извольте видѣть, какъ измокъ. Крохи во рту не было. Ѣздилъ, ѣздилъ. Ну что, нѣтъ!

Графъ. Не досталъ?

Управитель. Давалъ десять процентовъ на мѣсяцъ, 11, 12, наконецъ даже 15. — Хоть лобъ взрѣжь не даютъ меньше 20.

Графъ. Ну, что же, хорошо, возьми.

Управитель. За 20 процентовъ? Помилуйте! Какъ не жаль вамъ своихъ денегъ? Попросите лучше графиню, чтобы подождала сюрприза недѣльки двѣ. Она такая добрая: все для васъ сдѣлаетъ.

Графъ. Степанъ Петровичъ, ты человѣкъ умный, а сюрпризы, позволь сказать себѣ, не твое дѣло. Ты не знаешь всей ихъ важности. Вели приготовить вѐкселя.

Управитель. Воля ваша! Будетъ все исполнено и черезъ часъ привезу къ вамъ деньги.

Графъ. Спасибо, голубчикъ, Степанъ Петровичъ! Да перемѣни платье, не простудись.

Управитель. Ничего Ваше Сіятельство! Радъ въ воду за васъ.

═══

САТИРИЧЕСКІЯ ВѢДОМОСТИ.

—

Н.... 2 Ноября 1822.

Съ нѣкотораго времени въ нашемъ маленькомъ городѣ, особенно же въ уѣздѣ, вошелъ въ большую моду французскій языкъ. Молодые наши дворяне и дворянки, незнающіе еще сего прелестнаго языка, обучаются оному съ величайшимъ прилежаніемъ. Въ прошедшемъ мѣсяцѣ выписано нашими дворянами изъ Москвы и изъ Петербурга *Французскихъ Азбукъ*, *Разговоровъ*, *Самоучителей французскаго языка*, и т. п. на 280 р. Старшая дочь помѣщика *N.*, дѣвица весьма умная и образованная, переводитъ съ россійскаго на французскій языкъ *Приключенія Мирамонда*, а братъ ея, отставной Прапорщикъ, другой романъ: *Евгеній, или пагубныя слѣдствія дурнаго воспитанія и сообщества, соч. А. Измайлова.* * Уѣздный нашъ Предводитель нанялъ за 500 р. въ годъ для дѣтей своихъ Француза-учителя, Monsieur La Terreur, который пять лѣтъ служилъ въ арміи Наполеона унтеръ-офицеромъ и въ послѣднюю войну взятъ въ плѣнъ при Березинѣ.

---

* Негодный романъ. *Прим. Соч.*

Г-жа Предводительша говоритъ теперь своимъ сосѣдкамъ: nous avons un maire Mr La Terreur qui *montre sa langue* à mes enfans.—28 ч. минувшаго мѣсяца, въ день имянинъ супруги нашего Засѣдателя, были у нихъ гости. Мужъ игралъ съ пріятелями въ бостонъ, а имянинница, какъ говорится по-французки, faisait la ménagère. Вдругъ вбѣгаетъ она въ гостиную и обращается къ своему супругу съ радостнымъ восклицаніемъ: «mon cher, mon cher cochon....» — Quoi, ma chère? — Notre cochon a *cochonné* (опорисилась)....» — Quoi, ma chère? — «Dix petits *cochonneaux*.»

—

Б... 3 Ноября.

Почтенный (*и весьма богатый*) помѣщикъ нашъ, отставной Коллежскій Ассессоръ, или, какъ называетъ онъ самъ себя, *Статскій Маіоръ*, Егоръ Трифоновичъ Шутихинъ, въ день рожденія своего давалъ большой балъ. Ужинало болѣе ста человѣкъ, и одинъ столъ, по собственному его выраженію, былъ ровно въ 7, а другой въ пять съ половиною саженъ. Приглашены были изъ города полковые музыканты. Сначала заиграли они марсельскій маршъ. Егоръ Трифоновичъ большой любитель музыки, только не знатокъ. — Что играютъ, *Ванигка?* спросилъ онъ наслѣдника своего, тридцати-

пятилѣтняго недоросля: кажется, изъ *Калифа Багда?...»* (такъ называетъ онъ Оперу: *Калифъ Багдадскій.)* — Нѣтъ, папенька, изъ *Лодоиски.* — «Спросимъ-ка лучше сестру. *Сашечка!* что̀ играютъ: изъ Калифа Багда или изъ Лодоиски?» — Нѣтъ-съ, папенька, изъ *увертюры.* — «Э! братъ! сказалъ Егоръ Трифоновичъ, обратясь къ своему сыну: оба мы съ тобою не угадали:» — Александра Егоровна шестой уже годъ учится играть на форто-піано.

—

К... 4 Декабря.

У насъ новый Губернаторъ, человѣкъ весьма хорошій и вѣжливый. По пріѣздѣ его сюда, всѣ губернскіе чиновники, а также многіе изъ дворянъ явились къ нему и были обворожены его обхожденіемъ. Вчера пріѣхалъ къ нему изъ ..... уѣзда отставной изъ Лейбъ-Гвардіи Капраловъ Прапорщикъ Дубининъ. — «Какъ ваша фамилія?» спросилъ его г. Губернаторъ. — У меня *нѣтъ фамиліи,* Ваше Превосходительство! отвѣчалъ Его Благородіе. — «Нѣтъ фамиліи?» — Точно такъ, Ваше Превосходительство, скончалась восемь лѣтъ тому назадъ. — «Какъ имя ваше? Какъ зовутъ васъ?» — *Сидоръ Сидоровичъ!* —

—

Н... 8 Января 1823.

Наши молодые дворяне и дворянки не говорятъ уже болѣе между собою по-русски, да и не имѣютъ въ томъ надобности, потому что свободно объясняются на французскомъ языкѣ и понимаютъ, хотя и не всегда, другъ друга. Всѣхъ лучше говоритъ теперь по-французски въ нашемъ уѣздѣ г-жа *Жеманина*, молодая, весьма любезная дама. Недавно на вечеринкѣ одинъ молодой человѣкъ просилъ ее танцоватъ кадриль. — Monsieur, отвѣчала она: depuis que je suis *derrière* mon mari, je ne danse plus. — Зашла какъ-то рѣчь о бородинскомъ сраженіи. — Mon frère dans le *second genre*, сказала г-жа Жеманина: y fut blessé par une *poule* dans le *caviar* et pour cela il a reçu une *cavalerie*. Къ этому самому двоюродному своему братцу написала она мастерски на французскомъ языкѣ поздравительное съ новымъ годомъ письмо, которое начала слѣдующими словами: Mon père, mon frère, mon pigeon (батюшка-братецъ,-голубчикъ). Повѣрятъ ли, что г-жа Жеманина три года только училась въ пенсіонѣ и усовершенствовалась въ этомъ языкѣ сама собою съ помощію *Самоучителя* и прочихъ учебныхъ книгъ, печатаемыхъ иждивеніемъ благонамѣренныхъ и просвѣщенныхъ нашихъ книгопродавцевъ.

—

Г. . . . 15 Января.

На Святкахъ представлена была на здѣшнемъ охотничьемъ театрѣ превосходная драма въ пяти дѣйствіяхъ: *Валеріанъ, или мужъ двухъ женъ.* Роль *Зинаиды* играла вдова-бѣлошвѣйка *Замарашкина*, а *Софіи* младшая сестра ея, дѣвица *Шутихина.* О сей послѣдней можно сказать то же, что говорилъ *Валеріанъ Вѣтрогону* о своей любезной: *въ ней быстрота французская, простота англійская и красота всѣхъ земель.* И подлинно: у дѣвицы *Шутихиной* талія лапландская, грудь фламандская, носикъ грузинскій, ротикъ абиссинскій, глаза бухарскіе, брови татарскія, арабскія губы и самые черные русскіе зубы. Жаль только, что она немного заикается и прихрамываетъ на одну ногу. *Валеріана* представлялъ канцеляристъ *Угаровъ*, молодой, высокій, здоровый человѣкъ и первый въ нашемъ городѣ басистъ. Когда онъ въ третьемъ дѣйствіи крикнулъ: *вы хотите оставить меня на расхищеніе всѣхъ ужасностей!*— то всѣхъ зрителей, въ партерѣ, въ креслахъ и въ ложахъ, привелъ въ ужасъ. Одна купчиха 3-й гильдіи въ райкѣ такъ испугалась, что упала навзничь и сронила съ головы платокъ. *Замарашкина* была безподобна въ той сценѣ второго дѣйствія, гдѣ *Зинаида* прощается съ сыномъ и, *опуская его съ рукъ, дѣлается понемногу сумасшедшею.* Многія изъ чувствительныхъ зрителей и зрительницъ не могли удер-

жаться отъ слезъ. Дѣвица Шутихина очень натурально бранилась въ 3 актѣ съ *Валеріаномъ* и съ чувствомъ назвала его *подлымъ прелестникомъ и наглымъ обманщикомъ*. По окончаніи представленія, закричали: *Автора, Автора! Замарашкину! Шутихину!* — Поднялся занавѣсъ и вышелъ канцеляристъ *Угаровъ*, держа за одну руку вдову *Замарашкину*, а за другую дѣвицу *Шутихину*. Одинъ молодой стихотворецъ написалъ на игру послѣдней стихи, которые, за неимѣніемъ въ нашемъ городѣ типографіи, еще не напечатаны.

—

Т... 26 Января.

Одинъ изъ здѣшнихъ помѣщиковъ старый, заслуженный Штабъ-Офицеръ, разсердился чрезвычайно на своего сосѣда, молодого человѣка, недавно вышедшаго изъ училища и получившаго первый офицерскій чинъ, за то, что сей послѣдній, въ письмѣ своемъ къ нему, написалъ: *Милостивый Государь!* — «Какъ смѣетъ мальчишка писать такъ грубо ко мнѣ!» говорилъ онъ своимъ пріятелямъ. И Губернскій Предводитель нашъ и самъ Губернаторъ, не смотря на то, что одинъ изъ нихъ 4, а другой 3 класса, всегда писали въ письмахъ своихъ ко мнѣ: «Милостивый Государь *мой!*» Посмотрите, я вамъ покажу, а ему докажу, докажу! Одинъ (военный)

изъ пріятелей почтеннаго нашего ветерана, который *грамотѣ не зналъ за недосугомъ*, совѣтовалъ ему вызвать сосѣда на поединокъ; а (другой, статскій) подать на него просьбу о взысканіи за безчестіе: но, къ счастію, пріѣхалъ въ самое это время Секретарь изъ Земскаго Суда, человѣкъ дѣловой, который растолковалъ и хозяину и гостямъ его, что въ перепискѣ слова: Милостивый Государь! означаютъ болѣе учтивости, нежели: «Милостивый Государь мой!» Такимъ образомъ предупреждена была у насъ дуэль, или по крайней мѣрѣ процессъ, который не много принесъ бы чести безграмотному истцу.

—

В... 28. *Января* 1823.

Уѣздный Судья нашъ въ день своего тезоименитства давалъ сытный обѣдъ. Къ оному приглашены были всѣ уѣздные чиновники, какъ то: Городничій, Стряпчій и Казначей съ ихъ супругами, также нѣсколько изъ уѣзда дворянъ. Въ два часа пріѣхали всѣ къ имяниннику, кромѣ Городничаго, который по дѣламъ службы отправился въ губернскій городъ. Послѣ обѣда сѣли играть въ бостонъ: супруга г. Городничаго, супруга г. Стряпчаго, Казначей и одинъ отставной за ранами Офицеръ, весьма скромный и любезный молодой человѣкъ, но, къ сожалѣнію, бѣднѣйшій помѣщикъ изо всего уѣзда.

Хозяинъ съ хозяйкою и съ прочими гостями сидѣли въ другой комнатѣ. Вдругъ доходитъ до ушей ихъ пронзительный крикъ г-жи Городничихи: «Какъ могли вы, «сударь, такъ забыться! «Какъ смѣете поступать такъ съ благородною «дамою! Счастливы вы, что нѣтъ здѣсь моего «мужа, а то показалъ бы онъ вамъ, проучилъ «бы васъ!»

Хозяинъ, хозяйка, всѣ гости бросились въ ту комнату, гдѣ такъ шумѣла за бостономъ г-жа Городничиха. — Что такое? — спрашиваютъ ее всѣ вдругъ. — «Я не ожидала получить здѣсь «въ домѣ такого оскорбленія» — отвѣчала она, задыхаясь отъ гнѣва. — «Представьте себѣ: у «меня *франка*-тройка; я пошла съ тройки, а «этотъ господинъ (*показывая на Офицера*) по«крылъ ее козыремъ!» — Ну, матушка, сказалъ почтенный и простодушный хозяинъ: это могъ онъ сдѣлать и при вашемъ сожителѣ. — Г-жа Городничиха разсердилась, уѣхала домой и не заплатила проигранныхъ ею денегъ.

—

Б. 29 Апрѣля.

Первѣйшій поэтъ нашъ г. Пегасинъ, въ день своего рожденія давалъ друзьямъ своимъ стихотворный обѣдъ. За горячимъ читали *торжественную Оду;* за холоднымъ — отрывокъ изъ *Дидактической Поэмы;* за соусами — *Єиксь,*

какъ то: дружескія посланія, романсы, баллады и проч.; за жаркимъ *Героиду гексаметрами*, изъ которыхъ многіе состояли только изъ односложныхъ словъ; за дессертомъ — *Мадригалы, тріолеты, альбомные стихи*, и т. п.

—

О... 2 *Мая* 1823.

И у насъ 1 ч. сего мѣсяца было катанье за городомъ. Лучшимъ изо всѣхъ экипажей по справедливости можетъ назваться древній, но весьма прочный рыдванъ г. N. N. Рыдванъ сей заложенъ былъ въ шесть лошадей, которыя, разнообразіемъ своей шерсти, обратили на себя всеобщее вниманіе. Одна лошадь была вороная, другая бѣлая, третья пѣгая, четвертая сѣрая съ яблоками, пятая чалая, шестая соловая. На кучерѣ и форейторѣ надѣты были, вмѣсто кушаковъ, прекрасныя *красныя* шали, которыя супруга и старшая дочь г. N. N. носятъ обыкновенно по воскресеньямъ. На запяткахъ стояли два великорослые лакея: одинъ въ ливреѣ г. N. N. (алый съ золотомъ), а другой въ ливреѣ его супруги (голубой съ серебромъ). Въ каретѣ сидѣлъ г. N. N., г-жа N. N., четыре ихъ дочери, шесть сыновей, двѣ кошки, изъ коихъ одна сибирская, пудель, моська и попугай.

—

Ж.... 4 Іюня.

Къ крайнему прискорбію всѣхъ пьяницъ и картежныхъ игроковъ здѣшняго уѣзда, взято подъ опеку имѣніе отставнаго Прапорщика Скотинина, который, для препровожденія времени, съ утра до вечера пилъ, игралъ въ банкъ, билъ слугъ, жену, дѣтей и въ теченіе пяти лѣтъ прожилъ почти все, что̀ нажилъ въ свой вѣкъ покойный его родитель. Неумолимые опекуны не позволяютъ бѣдному г. Скотинину ни пить, ни играть въ карты, ни драться. Теперь отъ скуки куритъ онъ трубокъ по тридцати въ день и одинъ-одинехонекъ раскладываетъ грандъ-пасьянсъ. Какое занятіе для человѣка, привыкшаго играть въ банкъ и въ штосъ! — Впрочемъ, здоровье его и разсудокъ примѣтнымъ образомъ поправляются.

—

К.... 12 Іюня.

Управитель Конторы ..... г. N. имѣетъ постоянную страсть къ перемѣнамъ: каждый день, или по крайней мѣрѣ черезъ два дни, перестанавливаетъ онъ въ своей конторѣ съ мѣста на мѣсто столы, шкапы съ дѣлами и переводитъ писарей своихъ изъ одной комнаты въ другую, или съ одного стула на другой. Дѣятельность его обнаруживается дома гораздо

еще болѣе, нежели въ конторѣ: безпрестанно передвигаетъ онъ мебели, переколачиваетъ картины, зеркала, клѣтки съ птицами, пересаживаетъ въ саду деревья, цвѣты, и т. п. Давно хотѣлось ему имѣть портретъ жены своей. Въ минувшемъ мѣсяцѣ Маѣ пріѣхалъ сюда одинъ весьма искусный живописецъ, который по его просьбѣ, написалъ очень удачно масляными красками поясной портретъ г-жи N. Дни два любовался г. N. портретомъ своей супруги; но на третій нашелъ въ немъ недостатокъ: портретъ показался ему слишкомъ уже великъ, и онъ приказалъ урѣзать его снизу на вершокъ; потомъ регулярно каждый день урѣзывалъ по вершку такъ, что наконецъ осталась одна только головка. Вѣроятно, и тутъ убавилъ бы онъ еще что-нибудь, еслибъ г-жа N. не упросила его отдать эту головку родной сестрѣ своей.

—

Б.... 7 Іюня.

Никто не лжетъ съ такою смѣлостью, неустрашимостью и рѣшительностью, какъ помѣщикъ нашъ отставной Ротмистръ *Пулинъ*. На сихъ дняхъ разсказывалъ онъ, что въ послѣднюю турецкую войну, при Императрицѣ Екатеринѣ II, какой-то лихой наѣздникъ, одѣтый въ кольчугу, срубилъ ему булатною саблею голову. — «А я, продолжалъ г. Пулинъ, вы-

стрѣлилъ по немъ изъ пистолета, попалъ ему прямо въ сердце и убилъ до смерти, соскочилъ съ коня, поднялъ свою голову и *поцѣловалъ* ее....» (Чѣмъ?) — Всѣ захохотали. — «Спросите *покойника N. N.*, сказалъ г. Пулинъ: онъ былъ при этомъ свидѣтелемъ и не дастъ мнѣ солгать.»

—

О... 20 Августа.

Недавно выбранъ у насъ въ Уѣздные Судьи г. *Риѳмолюбовъ*, человѣкъ весьма добрый, но, къ несчастію, стихотворецъ; почему и занимается онъ не столько дѣлами, сколько стихами. г. Засѣдатели, канцелярскіе служители и самъ Секретарь долго не постигали, для чего г. *Риѳмолюбовъ* во время слушанія дѣлъ считаетъ пальцами: *разъ, два, три! разъ, два, три!* — но опредѣлившійся на сихъ дняхъ въ Палату копіистомъ ученикъ 3 класса Губернской Гимназіи *Грамматинъ* растолковалъ, что г. Судья изволитъ такимъ образомъ *скандовать* стихи, или считать стопы. Съ просителями обходится г. Риѳмолюбовъ весьма ласково: всякаго, кто придетъ къ нему просить о своемъ дѣлѣ, посадитъ подлѣ себя и прочтетъ свои стихотворенія, а многимъ и даритъ печатные и даже письменные экземпляры. Болѣе всѣхъ пользуется его благосклонностью отставной учитель *Голяковъ*,

который, менѣе нежели въ годъ, задолжалъ ему около тысячи рублей. Третьягодня пришелъ онъ къ г. *Риѳмолюбову* утромъ, когда тотъ собирался ѣхать въ Судъ; коляска стояла уже у крыльца, и Г. *Риѳмолюбовъ*, въ мундирѣ, сходилъ уже съ лѣстницы. — «Ахъ! воскликнулъ *Голяковъ:* какъ жаль, что я пришелъ не во время и не могу послушать сегодня превосходныхъ вашихъ одъ!» — Г. *Риѳмолюбовъ* вынулъ часы, взглянулъ на нихъ и сказалъ: еще не поздно, половина десятаго; можно почитать съ полчаса. Пойдемъ .... *Пегасинъ!* (такъ г. Риѳмолюбовъ прозвалъ своего камердинера и архиваріуса) подай *лирическія творенія!* — Однако чтеніе *лирическихъ твореній* продолжалось около двухъ часовъ. — «Осмѣлюсь ли попросить васъ, сударь, о прочтеніи хотя одного посланія?» — *Пегасинъ!* подай *дидактическія творенія* и .... халатъ, а лошадей вели отложить — останусь дома. — И вотъ г. *Риѳмолюбовъ* началъ читать и прочелъ посланія: *Къ моему Наборщику*, *Книгопродавцу* — *Разнощику*, *Нѣмцу-Переплетчику*, *Французу-Конфетчику*, *Куму-Граверу*, *Куму-Актеру*, и пр. и пр. Послѣ того принялся за Поэму: *Осліаду*, въ 33-хъ пѣсняхъ россійскими стихами. Это самое лучшее твореніе г. *Риѳмолюбова*, написанное имъ на берегахъ рѣчки *Иппокренки*. Лишь только прочелъ онъ: *Пою героя, что* ... вдругъ Голяковъ вскочилъ съ мѣста, схватилъ шляпу и, поклонившись хозяину

въ поясъ, сказалъ: «Извините, заслушался васъ и совсѣмъ было-забылъ, что мнѣ надобно идти, ... счастливо оставаться!» —Обѣдай, братецъ, у меня.— «Не возможно, сударь!»—Да посиди еще хоть съ полчаса. — «Не могу промедлить ни одного момента: кровная нужда. Признаться, денегъ нѣтъ ни полушки; мнѣ велѣно придти за ними ровно въ часъ, а теперь уже три минуты втораго.» —Много ли тебѣ надобно денегъ?» — «По крайней мѣрѣ рублей сто.» —Пятьдесятъ, пожалуй, я дамъ. — «Нельзя ли пожаловать хоть семьдесятъ пять?» —На, возьми послѣднія, да обѣдай же у меня. — *Голяковъ* не только отобѣдалъ у нашего добраго судьи, но и отужиналъ, накушался и наслушался досыта. Такимъ и подобнымъ тому образомъ выманиваетъ онъ деньги у г. *Фиѳолюбова*, котораго никто уже болѣе въ нашемъ городѣ даромъ не слушаетъ.

Ж... 2 Сентября.

Неосторожность одного изъ служителей нашего Городничаго едва не лишила жизни дородную супругу здѣшняго Виннаго Пристава. Вчерашняго числа у Городничаго были гости. Неопытный слуга, не получивъ отъ хозяйки надлежащей инструкціи, подалъ сперва чашку чаю *фамиліи* (попросту сказать: *женѣ*) Уѣзд-

наго Казначея, а потомъ уже фамиліи Виннаго Пристава, не смотря на то, что мужъ первой только еще прошедшаго года произведенъ въ Коллежскіе Секретари, а супругъ последней, заслуженный Титулярный Советникъ, состоитъ въ семъ чине более десяти летъ. Съ госпожею Титулярною Советницею сделалась ужаснейшая истерика и она принуждена была слечь въ постелю.

Г... 17 *Декабря* 1823.

Первый въ нашемъ городе богачъ, *Карпъ Карповичъ*, къ неописанной радости родственниковъ своихъ и служителей, скончался после многолетней діеты на 75 году своей жизни. Съ десяти летъ началъ онъ копить деньги и еще въ школе составилъ нарочитый капиталъ, продавая товарищамъ булки, тетрадки, бабочки, и т. п. Никакія игрушки не нравились ему столько, какъ серебряная и даже медная монета, которую хранилъ съ возможнымъ тщаніемъ. Въ бракъ не решался вступить, опасаясь иметь детей, содержаніе коихъ потребовало бы весьма значительныхъ издержекъ. Ежедневную его пищу (дома) составлялъ ржаной, решетный хлебъ съ небольшимъ количествомъ соли и водою (квасу не употреблялъ по причине дороговизны); въ гостяхъ же пилъ онъ не только квасъ, но пиво,

вино и всѣ вообще напитки, также ѣлъ всякое кушанье съ большимъ аппетитомъ. Спалъ онъ обыкновенно на крѣпкомъ дубовомъ сундукѣ, гдѣ хранились у него серебряныя деньги и вещи, а вмѣсто изголовья служила ему шкатулка съ векселями и маленькими ручными закладами, какъ то: жемчугомъ, перстнями, и пр. При немъ не было ни кого, кромѣ тощаго кота и тощей ключницы, которой, за сорокалѣтнюю усердную службу, отказалъ онъ свой саржевый шейный платокъ и бѣличій тулупъ безъ крышки, доставшійся ему въ наслѣдство послѣ его родителя; прочихъ же своихъ служителей, чтобы не кормить даромъ хлѣбомъ, пускалъ по оброку.— Чувствуя приближеніе своей кончины, призвалъ къ себѣ священника; но когда тотъ, зная его богатство, сталъ говорить ему о бѣдныхъ и о милостынѣ, то Карпъ Карповичъ такъ на него разсердился, что не заплатилъ ему и за исповѣдь. За нѣсколько минутъ передъ смертью, призвалъ онъ къ себѣ вѣрную свою ключницу, приказалъ ей вынуть изъ-подъ головы шкатулку, (гдѣ, между прочимъ, хранился и ключъ отъ его сундука), обвязать ее веревочкою и приложилъ самъ печать, испустивъ тяжкій вздохъ. Сей вздохъ былъ уже послѣдній. Все имущество Карпа Карповича, кромѣ саржеваго шейнаго платка, досталось родственникамъ его, которыхъ онъ не видывалъ и не хотѣлъ никогда видѣть. Ключница и котъ получили свободу.

—

Н... 18 Декабря.

Вчерашняго числа въ здѣшнемъ обществѣ баловней поэтовъ и прозаиковъ было торжественное собраніе. Предсѣдатель открылъ засѣданіе краткою, но сильною рѣчью, въ которой исчислилъ труды членовъ сего общества вообще и каждаго особенно, похваливъ преимущественно предъ прочими искреннихъ своихъ пріятелей. За симъ читали въ прозѣ: 1) *Смотръ Поэтамъ и Прозаикамъ*. Сочинитель г. *Безграмотный*, съ фонаремъ критики, прошелъ скорымъ шагомъ по всѣмъ рядамъ поэтовъ и прозаиковъ, и въ краснорѣчивомъ репортѣ своемъ Публикѣ *обличилъ* таланты и успѣхи каждаго писателя. 2) *О народности Поэзіи*. Глубокомысленный авторъ г. *Молокососовъ*, *подслушалъ*, кажется, у народа всѣ стихотворныя, или романтическія выраженія и *разгадалъ* трудную *загадку*, въ чемъ состоитъ *народность Поэзіи*. Сочиненіе сіе признано *оригинально-классическимъ* и переводится на французскій языкъ г. *N.*, который не знаетъ по-русски. 3) *О свободѣ генія*, твореніе г. Букварева. Въ сей диссертаціи г. Букваревъ *рѣшительно* доказалъ, что геній не долженъ стѣсняться узами Грамматики, Риторики и Логики, и что истинному литератору стыдно знать правописаніе. Чтеніе столь важнаго и полезнаго творенія неоднократно прерываемо было громкими рукоплесканіями.—*Въ стихахъ:* а) *Тѣнь Парни на сѣверѣ*, Романтическая

Поэма въ 33 отдѣленіяхъ, съ эпиграфомъ: *Проклятъ, кто оскорбилъ поэта* — соч. г. Донкишотова; b) *Блящущій покой*, Элегія г. *Вралева*, пятистопными ямбическими стихами, состоящая только изъ осьми стиховъ.— c) Сцены изъ Трагедіи *Кулисина: Соловей разбойникъ.*— Ужасны! d) Три Басни г. Шутихина: *Тараканъ и Сверчокъ, Собака и Трубочистъ, Юпитеръ и Грибъ.*—Прекрасны! Всѣхъ искуснѣе читали гг. Донкишотовъ и Вралевъ. Одинъ изъ посѣтителей сдѣлалъ въ собраніи же на чтеніе ихъ слѣдующій экспромптъ:

Одинъ, нахмурившись гудитъ,
Какъ песъ рычитъ и воетъ;
Другой, согнувшись въ крюкъ, сидитъ —
Зубки оскаля, ноетъ.

Изъявленіе благодарности.

Два года страдалъ я мучительною безсонницею: принималъ, по предписанію извѣстнѣйшихъ врачей, сонныя капли и другія лекарства; читалъ, по совѣту ихъ, Оды N. и притчи N. N. —ничто не помогало. Наконецъ случайно попалась мнѣ рукопись (безъ начала и безъ конца) о *Трансцендентальной Философіи*, гдѣ говорится о *Платонизмѣ, Скептицизмѣ, Эмпиризмѣ, Синтетизмѣ, Схолатицизмѣ, Догматизмѣ, Формализмѣ, Критицизмѣ, Паралогизмѣ* и, кажется, о *Матеріализмѣ*, также о *абсолют-*

ныхъ и *аподиктическихъ* идеяхъ. Едва прочелъ я двѣ страницы сего превосходнаго сочиненія, какъ и почувствовалъ благотворное дѣйствіе сна. Съ тѣхъ поръ, ежедневно, ложась спать, читаю по десяти строкъ изъ сего творенія и сплю весьма крѣпко по семи и осьми часовъ въ сутки. Пріятнѣйшимъ для себя долгомъ поставляю принести за сіе торжественно мою благодарность неизвѣстному сочинителю, или переводчику.

С. Безсоновъ.

Отдача въ заемъ капиталовъ.

Желающіе отдать за указные проценты на годъ *десять тысячъ* рублей ассигнаціями, подъ залогъ рукописной Поэмы, состоящей болѣе, нежели изъ 20,000 шестистопныхъ стиховъ, благоволятъ отнестись къ издателю *Благонамѣреннаго.*

Подряды.

Желающіе взять на себя поставку для сочиненія Драмъ разныхъ выписокъ изъ старинныхъ русскихъ романовъ, за каждую печатную страницу ниже испрашиваемой цѣны $5^1/_2$ копѣекъ, могутъ являться къ мѣщанину Егору Заворуеву. Спросить о немъ въ торговыхъ баняхъ N. N.

Потеря.

Нѣкто изъ сочинителей, идучи изъ книжныхъ лавокъ, обронилъ нечаянно черновую свою руко-

пись подъ заглавіемъ: *Тартаръ, Трагедія въ 5 дѣйствіяхъ, Россійскими стихами.* Нашедшаго просятъ доставить ее сочинителю, коего имя и званіе означены на заглавномъ листѣ. Въ награду за доставленіе сей рукописи прочтена будетъ новая Ода *Россійскими* же стихами.

Увѣдомленіе.

Извѣстный драматическій авторъ, сочинитель Комедіи: *Винегретъ* и Оперы: *Масляница*, игранныхъ съ большимъ успѣхомъ на многихъ домашнихъ театрахъ, симъ объявляетъ, что въ непродолжительномъ времени, а именно: при наступленіи ярмарки въ городѣ *N*... представленъ будетъ походными комендіантами новый водевиль его сочиненія: *Статья изъ Журнала, или Не любо не слушай, а лгать не мѣшай;* почему и проситъ всѣхъ благодѣтелей своихъ, родныхъ, друзей и знакомыхъ быть при представленіи и вызвать его по окончаніи піесы.

Предложеніе услугъ.

Нѣкто упражняющійся уже нѣсколько лѣтъ съ успѣхомъ въ Россійскомъ Стихотворствѣ, предлагаетъ почтеннѣйшей Публикѣ услуги свои въ сочиненіи эпитафіи за самую сходную цѣну, а именно:

за каждый трехстопный стихъ, хореическій, или ямбическій, ассигн., или мѣдью . . . . . 10 к.

за четырестопный . . . . 15 к.
— пятистопный. . . . . 20 —
— гекзаметръ. . . . . 5 —

Если же до сочиненія эпитафіи сочинитель приглашенъ будетъ на похоронный обѣдъ, въ такомъ случаѣ, сообразно угощенію, дѣлается значительная уступка.

При заказѣ эпитафіи необходимо нужно доставлять мѣрку съ надгробнаго камня и копію съ послужнаго списка, или краткую біографію покойнаго.

Желающіе заказывать эпитафіи, или и другіе какіе стихи, напримѣръ: на свадьбу, на крестины, на имянины, и пр. и пр., благоволятъ адресоваться въ домъ гробоваго мастера N., что близъ. . . . кладбища. Спросить Стихотворца въ свѣтелкѣ, надъ конюшнею.

Приглашенія.

1.

Потребенъ для одного извѣстнаго русскаго литератора и критика человѣкъ, разумѣющій правописаніе и начальныя основанія Риторики. Адресоваться къ издателю *Благонамѣреннаго.*

2.

Потребенъ женихъ съ эполетами, съ бакенбардами и съ усами — только не рыжими и не сѣдыми. Адресоваться къ дѣвицѣ *Вертушкиной*, въ домѣ ея маменьки.

3.

Потребна невѣста съ приданымъ, состоящимъ изъ наличныхъ денегъ.—О женихѣ можно узнать во всѣхъ рестораціяхъ.

4.

Потребна актриса для роли *львицы* въ драмѣ: *Джонъ или добродѣтельный Иванъ.*—Явиться на пробу въ маленькій лубочный театръ, что̀ на Невѣ у ледяныхъ горъ.

5.

Потребны для мелочныхъ критиковъ здравый смыслъ и нѣсколько совѣсти. Спросить въ книжныхъ лавкахъ.

6.

Потребенъ для отъѣзда въ деревню съ однимъ изъ здѣшнихъ стихотворцевъ слушатель крѣпкаго сложенія и испытаннаго терпѣнія. Явиться въ какую-нибудь изъ книжныхъ лавокъ.

7.

Потребна для Сидора Сидоровича *Жидоморова* домоправительница, или кухарка, съ умѣреннымъ аппетитомъ, которой обѣщаетъ онъ значительную пенсію, если прослужитъ добропорядочно до его кончины и притомъ безъ всякой денежной платы.

Книжныя извѣстія.

1.

Избранныя лирическія творенія N. N. *Россійскими стихами, изданіе пятое, сокра-*

щенное и вновь умноженное, въ 25 томахъ, въ большую осьмушку, съ портретомъ автора и съ эпиграфомъ: *стишки, по чести, хороши!* — продаются во всѣхъ табачныхъ лавочкахъ за сходную цѣну.

2.

Принимается подписка на новую книжку подъ заглавіемъ: *Ридикюль Грацій, или полное собраніе сочиненій въ стихахъ и въ прозѣ Аполлона Галитатьина, Члена Общества литературныхъ баловней*, и пр. и пр. въ 32 долю листа, въ розовой бумажной оберткѣ, съ искусно гравированною виньетою и съ нижеслѣдующимъ эпиграфомъ:

Пятнадцать только лѣтъ! Не болѣе того!
Такъ розгами его!

3.

Разыгрывается въ лоттерею оставшаяся по смерти .... помѣщика Титулярнаго Совѣтника Невѣжина библіотека, состоящая изъ десяти главныхъ выигрышей, а именно: 1) *Азбучныя игрушки*, разныя Азбуки, *Дѣтскіе Наставники*, *Драгоцѣнные и безцѣнные подарки дѣтямъ*, содержащіе въ себѣ полное собраніе многоразличныхъ предметовъ, касающихся до воспитанія и образованія юношества, также краткое понятіе о разныхъ наукахъ и художествахъ, какъ то: о Математикѣ, Философіи, Космографіи, Статистикѣ, Навигаціи, Коммерціи, Меди-

цинѣ, Исторіи вообще, Исторіи Россійской, Грамматикѣ Россійской, Риторикѣ, Поэзіи, Миѳологіи, Архитектурѣ, Живописи, Скульптурѣ и Музыкѣ — съ присовокупленіемъ описанія *семи чудесъ свѣта*, способа *приготовлять чернила*, и т. п.; 2) старинныя русскія сказки о *Бовѣ Королевичѣ и о Прекрасной Королевнѣ Милитрисѣ Кирбитьевнѣ, О Иванушкѣ дурачкѣ, О нѣкоемъ купцѣ и его прикащикѣ*, и пр. и пр. съ картинками лубочной гравировки; 3) романы славнѣйщей англійской писательницы г-жи Радклифъ и прочихъ новѣйшихъ сочинителей съ ужаснѣйшими заглавіями, напримѣръ: *Гробницы, Мертвецы, Пещеры смерти, Подземелья, Разбойники, Колокола аббатствъ, Таинства башень, лѣсовъ*, и т. п.; 4) романы россійскихъ писателей, какъ то: *Непостоянная Фортуна, или похожденія Мирамонда,—Безсчастный Флоридоръ, — Несчастный Никаноръ, или приключенія Россійскаго дворянина, —Эмилія, или слѣдствія безразсудной любви — Евгеній, или пагубныя слѣдствія дурнаго воспитанія и сообщества* (соч. Россійскаго Теньера 1-го), — *Похожденія Совѣстьдрала— Россійская Памела—Русскій Жилблазъ* (соч. Россійскаго Теньера 2-го), и пр.; 5) исторіи: *Исторія о Евдонѣ и Берѳѣ и о славномъ Французскомъ разбойникѣ Барбароссѣ,--Исторія славнаго вора и сыщика Ваньки Каина и товарища его Картуша, — Повѣсть о Наполеонѣ Бонапарте* и пр.; 6) разныя забав-

ныя и назидательныя сочиненія, какъ то: *Не любо не слушай, а лгать не мѣшай—Ѳеатръ чрезвычайныхъ происшествій, или анекдоты о разныхъ шутахъ и мошенникахъ*, и проч.; 7) разныя гадательныя сочиненія, къ пользѣ и увеселенію служащія, напримѣръ: *Сорокъ таинствъ природы, или открытіе чрезвычайныхъ и удивительныхъ фокусовъ — Сонникъ полный и подробный съ истолкованіемъ и объясненіемъ каждаго сна—Оракулъ—Астрологъ — Наука гадать на картахъ*, и т. п.; 8) *Новѣйшіе, полные, избранные Пѣсенники*, Россійскія Эраты и пр.; 9) собраніе драматическихъ сочиненій: Трагедій, Комедій, Драмъ и Оперъ, изъ которыхъ ни одна еще ни на одномъ театрѣ не была представлена, всего вообще 333 піесы; 10) смѣсь, какъ то: разныя мелкія стихотворенія, напечатанныя особо — письма къ друзьямъ — панегирики благодѣтелямъ—разрозненные нумера журналовъ и газетъ — старые календари, и пр. и пр. — Билеты, по 25 к. каждый, можно получить у всѣхъ букенистовъ.

—

Русскіе анекдоты.

Странная очередь.

При покойной Императрицѣ Екатеринѣ II, обыкновенно, въ лѣтнее время полки выходили въ лагерь. *N. N.* Полковникъ какого-то пѣхо-

тнаго полка, въ которомъ, по новости, не успѣлъ еще, такъ сказать, оглядѣться, хотя и очень худо зналъ службу, но за то былъ очень строгъ; простоявъ дня три въ лагерѣ, призываетъ онъ къ себѣ старшаго капитана и дѣлаетъ ему выговоръ за *слабую команду*. «Помилуйте, Ваше Высокоблагородіе! (такъ величали еще въ то время оберъ-офицеры господъ полковниковъ) сказалъ капитанъ; рота моя, кажется, во всемъ исправна: вы сами изволили видѣть ее на ученьи.» — Я, сударь, говорю не объ ученьи, прервалъ полковникъ: а то, что вы слабый командиръ. Три дня стою я въ лагерѣ; во все это время вы никого еще не наказывали!! Всѣ другіе господа ротные командиры исправнѣе васъ: я вижу, что они всякой день утромъ послѣ зари и вечеромъ передъ зарею наказываютъ людей передъ своими палатками; а вы-такъ при мнѣ ни одному человѣку не дали даже ни лозана. — «За что же, Ваше Высокоблагородіе, буду я бить солдатъ, когда они у меня исправны?» — Не вѣрю, сударь, не вѣрю, быть не можетъ, чтобы всѣ были исправны. Ежели вы не хотите служить *порядочно*, то выходите лучше вонъ изъ полку. Я не прежній Полковникъ: терпѣть не могу баловниковъ. Какой вы Капитанъ! вы *баба!* — У бѣднаго капитана навернулись на глазахъ слезы. Онъ удалился въ свою палатку и не зналъ, что ему дѣлать: драться онъ не любилъ, оставить службы не могъ, потому что привыкъ къ ней и не имѣлъ

у себя никакой собственности, а переходить въ другой полкъ было весьма трудно; однако же онъ рѣшился на послѣднее. Въ самое это время приходитъ къ нему фельдвебель. «Что ты пришелъ ко мнѣ? сказалъ ему капитанъ. Знаешь ли, что Полковникъ разжаловалъ меня изъ Капитановъ въ *бабы* за то, что я не колочу васъ, какъ другіе, палками. Прощайте, ребята, не *поминайте лихомъ*; перейду въ другой полкъ и сегодня же подамъ просьбу. Ступай къ Поручику, коли что тебѣ надобно; а мнѣ теперь нечего приказывать.» — Фельдвебель вышелъ, не сказавъ ни слова; но чрезъ полчаса является опять къ доброму своему капитану и говоритъ ему: Ваше Благородіе! сдѣлайте *отеческую* милость, не оставляйте насъ, *сиротъ*... — «Да развѣ вы хотите, прервалъ капитанъ, чтобы я колотилъ васъ палками?» — Есть *охотники* Ваше Благородіе! Извольте каждый день наказывать изъ насъ четырехъ человѣкъ и давать всякому по двадцати пяти лозановъ. Мы сдѣлали очередь; никому не будетъ обидно. Извольте начать съ перваго меня: еще готовъ каптенармусъ и два человѣка изъ перваго капральства. Сегодня наша очередь. Ничего не стоитъ черезъ 25 дней вытерпѣть 25 лозановъ: вѣдь, гораздо болѣе достанется намъ, ежели будетъ у насъ другой Капитанъ... Ваше Благородіе! *заставьте вѣчно Бога молить, потѣшьте* Полковника: прикажите уже передъ зарею дать намъ четверымъ по 25 лозановъ.—Капитанъ думалъ, думалъ

и наконецъ согласился на представленіе фельдвебеля или, лучше сказать, всей роты: *потѣшилъ* полковника: далъ въ тотъ же вечеръ по 25 лозановъ фельдвебелю, каптенармусу и двумъ рядовымъ; на другой день откаталъ также четверыхъ, и дѣло пошло своимъ порядкомъ. Полковникъ сталъ къ нему благосклоннѣе и хвалилъ его за исправность.

Однако эта очередь не долго соблюдалась: дивизіонный генералъ, узнавъ объ ней, сдѣлалъ полковнику строжайшій выговоръ за безразсудную его строгость, и въ то же самое время донесъ о семъ странномъ происшествіи покойной Государынѣ. Правосудная и человѣколюбивая Монархиня уволила вовсе отъ службы полковника *N. N.* Мѣсто его заступилъ подполковникъ того же полка, и доброму капитану досталось по старшинству въ маіоры. Сверхъ того, получилъ онъ въ подарокъ отъ Императрицы табакерку съ ея портретомъ и съ червонцами.

Служба безъ аккуратности.

При вступленіи на престолъ Государя Императора Павла I, служилъ въ одномъ изъ присутственныхъ мѣстъ... губерніи нѣкто *N.* Титулярный Совѣтникъ, молодой дворянчикъ, безъ всякаго образованія и безъ всякихъ способностей. Такіе люди обыкновенно бываютъ честолюбивы; а у *N.* былъ въ Петербургѣ крестный батюшка, случайный и почтенный по всѣмъ отношеніямъ человѣкъ,

покойный Дѣйствительный Тайный Совѣтникъ *N. N.*, который поступилъ въ то время на одно изъ важнѣйшихъ государственныхъ мѣстъ и пользовался особенною милостью Государя. *N.*, надѣясь получить по его протекціи чинъ и, не посовѣтовавшись ни съ кѣмъ, сочинилъ самъ, какъ умѣлъ, просительное къ нему письмецо. Вотъ оно, безъ всякой почти перемѣны.

«Ваше Высокопревосходительство!

«Милостивѣйшій Государь-Батюшка, и пр.

«Не безъизвѣстно Вашему Высокопревосхо-«дительству, что я продолжаю службу свою... «Губерніи въ Палатѣ Уголовнаго Суда Титуляр-«нымъ Совѣтникомъ четвертый уже годъ безо «всякой *аккуратности.*» (Ему хотѣлось ска-«зать: безо всякаго *куражу*, т. е. ободренія, «поощренія.) «Сдѣлайте отеческую милость, «Милостивѣйшій Государь-Батюшка! исхода-«тайствуйте мнѣ слѣдующій чинъ, Коллежскаго «Ассессора, за что вѣчно буду Бога молить.» и т. п.

Чрезъ нѣсколько времени *N.* получаетъ отъ своего крестнаго батюшки отвѣтъ слѣдующаго содержанія:

«Очень сожалѣю, любезный мой крестникъ, «что ты продолжаешь службу свою безо вся-«кой *аккуратности*. Совѣтую тебѣ служить «сколь можно аккуратнѣе: чинами награждаютъ «только тѣхъ, которые должность свою исправ-«ляютъ *аккуратно*, и проч.

Способъ избавляться отъ докукъ заимодавцевъ.

«Извольте, сударь, сами выдти въ переднюю: столько народу набралось тамъ, что и повернуться негдѣ; а всѣ пришли за долгами!» — Такъ докладывалъ покойному проказнику *N. N.* слуга его. — Да развѣ ты не сказалъ имъ, что меня нѣтъ дома? спросилъ баринъ. — Говорилъ, сударь, божился, но никто не вѣритъ.» — Да ты бы ихъ выгналъ! — «Помилуйте, сударь, какъ можно одному выгнать пятнадцать, или двадцать человѣкъ!» — Экой дуракъ! догадки нѣтъ: положи въ печку головешку, сдѣлай угаръ — сами всѣ разойдутся. — Слуга исполнилъ приказаніе своего господина: положилъ въ печку головешку; комната наполнилась угаромъ и заимодавцы разошлись. Средство сіе употребляемо было и впослѣдствіи съ желаемымъ успѣхомъ не только самимъ *N. N.*, но и добрыми его пріятелями и учениками.

Способъ ловить воровъ при самой покражѣ.

Лѣтъ сорокъ тому назадъ, здѣсь, въ Петербургѣ, къ какому-то придворному служителю, у Владимірской, влѣзъ благополучно ночью въ окно воръ. Онъ вынулъ изъ шкапа поставленныя тамъ на виду серебряныя ложки, ложечки, чашки и прочую фарфоровую посуду; собралъ лежавшее въ той комнатѣ платье и бѣлье: за-

вязалъ все это порядочно въ узелъ и хотѣлъ-было уже ретироваться, какъ вдругъ увидѣлъ въ углу нѣсколько бутылокъ. Онъ откупорилъ одну изъ нихъ и нашелъ, что это былъ настоящій англійскій портеръ. Какъ не полакомиться такимъ прекраснымъ напиткомъ? Это же случилось лѣтомъ, въ большіе жары, и ему очень хотѣлось пить. Итакъ положивъ узелъ, выпилъ онъ сперва одну бутылочку, потомъ другую, послѣ того третью и рѣшился опорожнить всѣ. Охмѣлѣвъ отъ крѣпкаго портера и выпивъ четвертую, или пятую бутылку, покатилъ онъ ее по полу. Хозяинъ съ хозяйкою спали въ ближней комнатѣ мертвымъ сномъ и не слыхали этого стуку; проснулась одна только старуха, хозяйская мать, или теща, и подумавъ, что стукъ происходитъ отъ кота, закричала: *шалишь Васька!* Погодя немного, воръ выпилъ еще бутылку и также покатилъ ее, какъ и прежнюю. Старуха встаетъ съ постели и входитъ въ эту комнату, держа въ одной рукѣ свѣчку, а въ другой лозу. Какъ же изумилась она, увидя, вмѣсто кота, незнакомаго ей человѣка! Закричала: *воры! воры!* и побѣжала назадъ; но воръ не двинулся съ мѣста. Вошелъ хозяинъ и еще съ нимъ нѣсколько человѣкъ, вооруженныхъ полѣньями, рычагами и т. п. — «Зачѣмъ ты здѣсь, пріятель?« — спрашиваютъ его, угрожая каждый своимъ оружіемъ. — *Вашъ портеръ меня испортилъ!* отвѣчаетъ имъ хладнокровно воръ. Сказавъ сіи слова, опустилъ

онъ голову на узелъ и заснулъ. Его разбудили ударами; однако же не отвели на съѣзжую — а отнесли.

Подобное сему происшествіе случилось здѣсь, лѣтъ за пятнадцать, на Моховой. Зимою, одинъ мошенникъ пролѣзъ въ форточку сквозь двойную оконницу въ нижній этажъ; собралъ все, что попалось ему подъ руки; но встрѣтивъ на обратномъ пути стоявшую на окнѣ огромную бутыль съ настойкою, выпилъ столько, что не могъ уже пролѣзть въ фортку, перебилъ стекла, застучалъ, и такимъ образомъ былъ пойманъ на мѣстѣ преступленія.

Изъ сего явствуетъ, что весьма благоразумно поступаютъ тѣ хозяева, которые оставляютъ въ пустыхъ комнатахъ полныя бутылки съ крѣпкими напитками. Предосторожность сія особенно нужна въ кладовыхъ, гардеробахъ, а наипаче въ домовыхъ конторахъ, гдѣ хранятся иногда большія денежныя суммы. Не безполезно, по моему мнѣнію, сверхъ водки, настойки, вина, портеру, пива и прочихъ разгорячающихъ напитковъ, ставить въ такихъ комнатахъ съѣстные припасы, возбуждающіе жажду, напримѣръ: хорошую икру, соленую рыбу, и т. п.

Лекарство отъ ипохондріи.

Одинъ молодой офицеръ (теперь онъ уже старикъ, если не умеръ), стоявшій съ ротою своего полка въ деревнѣ какого-то помѣщика,

влюбился страстно въ прекрасную его дочь, которая однако была нечувствительна къ достоинствамъ и къ мундиру сего юнаго воина. Чтобы преклонить на жалость жестокую, несчастный любовникъ рѣшился сдѣлаться больнымъ, началъ держать самую строгую діету, тосковалъ, вздыхалъ и увѣрялъ своихъ товарищей, что онъ опасно боленъ; но тѣ, зная настоящую причину его болѣзни, шутили надъ нимъ и смѣялись. Отъ продолжительнаго и самопроизвольнаго поста, а можетъ быть и отъ любви, наконецъ такъ онъ ослабѣлъ, что самъ испугался и прибѣгнулъ къ полковому лекарю. Напрасно тотъ увѣрялъ его, что ему не нужны никакія лекарства, что онъ долженъ только себя успокоить и подкрѣпить пищею; больной не слушался, принуждалъ его писать для себя рецепты и, что всего хуже, продолжалъ прежнюю діету, опасаясь, что излишнее употребленіе пищи доведетъ его до гроба. Между тѣмъ любезная его вышла замужъ, но онъ уже и не думалъ объ ней, а помышлялъ единственно о сохраненіи своего здоровья. Одинъ изъ товарищей его сжалился надъ нимъ и сказалъ ему: «Послушайся меня: кинь всѣ свои микстуры и порошки, а попробуй русское простое лекарство, которое, вѣрно, тебѣ поможетъ.» — Сдѣлай милость, скажи какое? — «Знаешь ты траву *подорожникъ?*» — Знаю. — «Вели же набрать себѣ этой травы и настой ее хорошимъ пѣннымъ виномъ.» — Ну? — «Ну, и пей эту настойку

каждый день.» — Помногу ли? «На первый случай по крайней мѣрѣ двѣ рюмки въ сутки, передъ обѣдомъ и передъ ужиномъ, а послѣ и болѣе. При этомъ же не нужно никакой діеты: можно ѣсть все, и кислое и соленое.» — Больной послушался, велѣлъ денщику своему набрать подорожника, купилъ цѣлое ведро пѣннику, составилъ себѣ лекарство и началъ употреблять его по предписанію, а вскорѣ и увеличилъ пріемъ. Въ нѣсколько дней почувствовалъ онъ въ себѣ удивительную перемѣну: блѣдность прошла, самый здоровый румянецъ показазался у него на лицѣ; прежде большею частію молчалъ онъ, или охалъ; теперь безпрестанно говорилъ, шутилъ, смѣялся и пѣлъ пѣсни — а все отъ подорожника! Не смотря на то, что былъ совершенно здоровъ, продолжалъ онъ принимать спасительное свое лекарство. Между тѣмъ настойка вся почти вышла; офицеръ послалъ опять за подорожникомъ своего денщика; но тотъ воротился съ пустыми руками, потому что это было уже въ концѣ осени. — Что мнѣ дѣлать? спрашиваетъ съ безпокойствомъ больной нашъ своего товарища. Нигдѣ не могли найти подорожника! — «Пей теперь одинъ чистый пѣнникъ, отвѣчаетъ ему товарищъ: дѣйствіе будетъ то же самое.»

Смѣлый и смѣтливый подъячій.

Однажды ночью, и зимой,
Подъячій пьяный шелъ изъ кабака домой;

Съ дороги, бѣдный, сбился,
И гдѣ же очутился?

Узнаете послѣ. Думая, что онъ пришелъ домой, отворяетъ калитку и падаетъ — кличетъ жену — никто нейдетъ къ нему — и такъ рѣшается встать самъ. Представьте его удивленіе и ужасъ, когда онъ, приподнимаясь, ощупалъ подъ собою и около себя холодныя руки, ноги и лица. Въ это самое время проглянулъ мѣсяцъ, и Брагинъ (назовемъ такъ пьянаго подъячаго) увидѣлъ, что онъ лежитъ въ большой ямѣ, обнесенной ветхимъ деревяннымъ заборомъ, между человѣческими трупами, большею частію обнаженными. Со страха упалъ онъ опять на-земь и въ одно мгновеніе протрезвился.

Вдругъ слышитъ Брагинъ скрипъ саней, подъѣхавшихъ къ калиткѣ. Калитка отворяется и входятъ въ нее два молодца, въ синихъ русскихъ кафтанахъ, и красная дѣвица въ китайчатой шубейкѣ, съ кованнымъ ларчикомъ подъ рукою. «Куда привезли вы меня?» спрашиваетъ она трепещущимъ голосомъ своихъ кавалеровъ.— Куда? *въ убогой домъ!* * отвѣчаетъ одинъ изъ

* Убогіе домы существовали прежде во многихъ городахъ и уничтожены вскорѣ по вступленіи на престолъ Екатерины Великой послѣ бывшей въ Москвѣ чумы, если не ошибаюсь. Въ эти убогіе домы отвозили найденныя на дорогѣ мертвыя тѣла, которыя разбирали и хоронили обыкновенно въ Семикъ. Набожные люди присылали въ сей день туда гробы, саваны, рубашки и служили панихиды по умершимъ.

нихъ. Много васъ дуръ въ Москвѣ, на всѣхъ не переженишься. Ну, братецъ, мѣшкать нечего; зарѣжемъ ее скорѣе, да и уѣдемъ отсюда. — Товарищъ его выхватилъ изъ сапога большой ножъ и занесъ на бѣдную дѣвушку.

Вставайте живые и мертвые!
закричалъ во все горло Брагинъ. Несчастная упала безъ чувствъ, а разбойники бросились чрезъ отворенную калитку въ сани, ударили по лошадямъ и исчезли.

Брагинъ кой-какъ привелъ въ чувство незнакомку и узналъ отъ нея, что она была работницею въ Москвѣ у какого-то купца; что одинъ изъ разбойниковъ, познакомившись съ нею, подъ именемъ иногороднаго купеческаго сына, и обѣщавшись на ней жениться, уговорилъ ее бѣжать съ собою и обокрасть хозяевъ. Въ ларчикѣ, который унесла она у хозяйки, было жемчугу и другихъ вещей слишкомъ на пятнадцать тысячъ руб.

«Ну, голубушка, сказалъ ей Брагинъ: теперь надобно намъ поскорѣе отсюда убраться, чтобы женихъ твой съ дружкою не воротились назадъ.» Взявъ ларчикъ и перекрестившись, испуганная невѣста поплелась съ Брагинымъ домой. Тогда было три, или четыре часа по полуночи. Къ счастію, встрѣтили они на дорогѣ нѣсколько крестьянъ, которые везли въ Москву сѣно. Брагинъ разсказалъ имъ, отъ какой бѣды избавился онъ со своею подругою, и оба просили, Христа ради, взять ихъ съ собою и отвезти въ домъ хозяина бѣглянки, обѣщая за это приличное награжденіе.

Добрые крестьяне положили того и другую на свои возы, закрывъ сверху сѣномъ, сколько для тепла, столько и для предосторожности.

Между тѣмъ разбойники, не видя за собою погони, воротились назадъ къ убогому дому, и примѣтя, что отъ него по снѣгу были слѣды двухъ только человѣкъ, пустились искать ихъ. Скоро наѣхали они на мужиковъ съ сѣномъ.— «Не видали ли, братцы, здѣсь двухъ человѣкъ: мужчины съ женщиною и съ ларчикомъ.»—Не видали! — «Какъ не видали? Мы вотъ ѣхали по слѣдамъ ихъ: они вышли на эту дорогу.» — Да чортъ ли ходитъ въ такую пору, кромѣ воровъ! Вы сами на промыселъ что ли выѣхали?— А? — «Не ругайтесь, отдайте намъ бѣглецовъ, а не то худо будетъ.» — Сунътесь-ка! Стой, ребята! Оглобли вонъ! Вотъ мы васъ, разбойниковъ!— Разбойники, зная тяжесть оглобельныхъ ударовъ, немедленно отретировались.

Брагинъ, со спутницею своею, благополучно прибылъ въ Москву. Крестьяне довезли ихъ до самаго дома, у котораго ворота оставались еще незапертыми. Хозяева спали спокойно и уже утромъ узнали отъ виноватой что̀ съ нею случилось. Они простили ее и наградили щедро крестьянъ, а особливо смѣлаго Брагина, который на полученныя отъ нихъ деньги купилъ себѣ домикъ, началъ жить порядочно и пересталъ пить.

Чиновнее почтеніе.

Покойный отецъ мой разсказывалъ мнѣ, что онъ, лѣтъ пятьдесятъ, или шестьдесятъ тому назадъ,

видѣлъ въ одномъ изъ публичныхъ московскихъ садовъ престарѣлаго, слѣпого сержанта, въ древнемъ мундирѣ, какой носили еще при Петрѣ I. Этого сержанта вели подъ руки два генерала, съ лентами и звѣздами — и эти генералы были его родные сыновья. Народъ смотрѣлъ съ умиленіемъ на столь трогательную группу и благословлялъ добрыхъ и почтительныхъ сыновей лишеннаго зрѣнія старца.

Подобный сему анекдотъ слышалъ я отъ одной почтенной духовной особы. Однажды у покойнаго митрополита Гавріила случился преосвященный Платонъ, бывшій уже въ то время архіепископомъ. Митрополитъ, взглянувши въ окно, сказалъ: «Вотъ батюшка ко мнѣ ѣдетъ. Преосвященный! потѣшимъ старика, встрѣтимъ его и взведемъ на лѣстницу, а онъ уже плохъ ногами.» — И вотъ митрополитъ Гавріилъ и архіепископъ Платонъ сходятъ внизъ, вынимаютъ изъ кибитки престарѣлаго протодіакона *, берутъ его подъ руки и съ величайшею заботливостью и осторожностью взводятъ на высокую лѣстницу. Старикъ тронутъ былъ до слезъ.

О скупыхъ.

1.

Одинъ старый эстляндскій помѣщикъ, у котораго спальня была подлѣ кладовой, посылалъ

* Родитель митрополита Гавріила былъ протодіакономъ въ одномъ изъ московскихъ соборовъ.

туда, по необходимости, во время своей болѣзни, кухарку; но опасаясь, чтобы она тамъ не съѣла чего-нибудь, или не выпила, заставлялъ ее читать вслухъ молитвы, или пѣть Псалмы.

2.

Покойный *Т*.... *Г*....., имѣвшій нѣкогда собственный домъ въ Москвѣ, въ самомъ отдаленномъ и пустомъ мѣстѣ, держалъ у себя большую дворную собаку. Онъ чрезвычайно любилъ ее, но принужденъ былъ продать, во-первыхъ, потому, что собака очень много ѣла, а во-вторыхъ, по той причинѣ, что за нее дали ему весьма хорошую цѣну. Стараясь утаить отъ своихъ сосѣдей, что продалъ собаку и устрашить воровъ, выбѣгалъ онъ каждую ночь нѣсколько разъ на дворъ и лаялъ тамъ, что̀ въ немъ было силы. — Этотъ же самой *Т*. *Г*. приказывалъ маленькимъ своимъ дѣтямъ, когда они приходили домой изъ школы, снимать съ себя платье и даже рубашки, чтобы то и другое понапрасну не носилось.

Одинъ молодый человѣкъ, жившій, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, въ Петербургѣ и получавшій, сверхъ довольно значительнаго жалованья, оброкъ съ двухъ сотъ душъ крестьянъ въ хлѣбородной губерніи, употреблялъ на свое пропитаніе не болѣе 10 к. въ сутки, а именно: 5 к. на молоко и 5 к. на булки. Впрочемъ, очень рѣдко кушалъ онъ дома, и то въ такомъ только случаѣ, когда бывалъ боленъ, или не могъ нигдѣ найти

обѣда. По отъѣздѣ своемъ изъ Петербурга, прислалъ онъ къ одному изъ своихъ пріятелей письмо слѣдующаго почти содержанія.

«Я рѣшился промотаться передъ праздникомъ — сдѣлать себѣ новый фракъ. Прошу покорнѣйше васъ принять на себя трудъ приказать портному *N. N.*, у котораго осталась моя мѣрка, сшить мнѣ фракъ изъ лучшаго темносиняго сукна. Какъ бы дорого теперь ни было сукно, но, вѣрно, фракъ и съ работою не станетъ болѣе ста рублей; а по приложенной при семъ запискѣ можете вы получить отъ общихъ нашихъ знакомыхъ слишкомъ сто рублей: слѣдовательно достанетъ денегъ и на фракъ и на пересылку его ко мнѣ.»

Какая же, думаете, при этомъ письмѣ приложена была записка? — Самый подробный и аккуратный счетъ на двухъ, или на трехъ страницахъ, недоплаченнымъ ему по бостону деньгамъ. Ни одна статья сего счета на составляла 5 р.: иной долженъ ему былъ полтора рубля, другой восемь гривенъ, а многіе и еще менѣе. Число должниковъ простиралось до 50, или до 60 человѣкъ. И у всѣхъ почти этихъ людей обѣдывалъ онъ и ужиналъ!

4.

Другой, не молодой уже, а старый помѣщикъ, имѣвшій не двѣсти, но слишкомъ тысячу душъ, писывалъ къ дѣтямъ своимъ и къ короткимъ пріятелямъ письма на лоскуткахъ разной бумаги,

которые спивалъ между собою, или склеивалъ сургучемъ. Иногда случалось, что одно письмо написано было на клочкахъ почтовой, голландской, простой и даже гербовой бумаги.

5.

N. N., владѣтель пяти сотъ душъ крестьянъ, заставлялъ своего племянника всякой разъ, когда тотъ пріѣзжалъ къ нему въ деревню, чинить старые его деревянные, стѣнные часы. Наконецъ они вовсе испортились; племянникъ объявилъ дядюшкѣ, что никто не въ состояніи починить ихъ; и *N. N.*, по убѣжденію его, купилъ серебряные карманные часы въ 30, или 40 рублей. — Чрезъ полгода пріѣзжаетъ къ нему племянникъ. — «Ванюша, говоритъ ему на другой день по пріѣздѣ *N. N.*: погляди-ка хорошенько, нельзя ли починить стѣнныхъ часовъ? Скучно, какъ не знаешь времени.» — Да я докладывалъ вамъ, дядюшка, что ни одинъ часовый мастеръ не возьмется ихъ починить.... И на что вамъ они: у васъ, вѣдь, есть карманные часы? — «Они нейдутъ.» — Отъ чего? — «Я ихъ не завожу.» — Для чего же, дядюшка? — «*Поберегаю!*»

Повѣрятъ ли, что этотъ скряга отнюдь не притѣснялъ своихъ крестьянъ и что они любили его какъ отца? Онъ продавалъ имъ все: соль, косы, топоры, ножи, гвозди, иглы, деготь — но продавалъ самыми выгодными для нихъ цѣнами и безъ всякаго для себя барыша.

—

1. Разные анекдоты.

Къ одному литератору, не здѣшнему, а московскому, котораго не имѣю удовольствія знать лично, пришла просить о помощи бѣдная, старая женщина въ то самое время, когда не было у него, что называется, ни копѣйки денегъ. Съ литераторами нерѣдко это бываетъ. — «Отецъ мой! если ты не пожалуешь ничего, такъ придется мнѣ нынчѣ весь день сидѣть голодомъ.» — Что же сдѣлалъ добрый литераторъ? — Снялъ съ руки обручальное кольцо (онъ не такъ давно былъ женатъ и страстно любилъ жену свою) и отдалъ его бѣдной старухѣ, сказавъ: «На, тебѣ, матушка, возьми, продай и купи, что надобно.»

2.

Такой же почти случай былъ съ покойнымъ *В. В. Попугаевымъ*. Пришелъ просить къ нему денегъ одинъ несчастный, благородный человѣкъ; а денегъ у *В. В.* не было. Онъ не зналъ что̀ дѣлать, но взглянувъ нечаянно на новый свой фракъ, который за нѣсколько предъ тѣмъ часовъ принесенъ былъ къ нему отъ портнаго, принудилъ гостя взять этотъ фракъ, а самъ мѣсяца три проходилъ въ старомъ.

3.

При одной престарѣлой любительницѣ словесности говорили о романахъ Вальтера Скотта и

очень часто упоминали его имя. — «Помилуйте, батюшка, сказала она: Вальтеръ, конечно, большой вольнодумецъ, а скотомъ, право, нельзя назвать его.» — Эта почтенная старушка была большая охотница до книгъ, особливо до романовъ.

4.

На провинціальномъ театрѣ новичокъ-актеръ, вышедъ въ первый разъ анонсировать, сбился, поклонился и за кулисы со стыдомъ воротился. Товарищи стали надъ нимъ смѣяться. Въ оправданіе свое сказалъ онъ, будто суфлеръ сбилъ его — и прибавилъ съ жаромъ: «докажу въ «слѣдующій разъ, что *могу анонсировать*.»

5.

Секретарь, въ первый день вступленія своего въ должность, съ важностью подошелъ къ писцу и, отдавая ему переписанную на-бѣло бумагу, «сказалъ сердитымъ тономъ: Пропустилъ! впиши!» — Кажется, сударь, мы читали вѣрно: что такое пропущено? — «Комма!» — И долго послѣ того строгій этотъ секретарь, когда замѣчалъ, что пропущенъ какой-нибудь знакъ препинанія, выносилъ исходящія къ писцамъ и приказывалъ имъ по своему произволенію ставить коммы, семиколы и пункты, пока присутствующіе не ...ли ему этого.

6.

Другой секретарь (это было встарину) сказалъ писцу: «Помилуй, братецъ! сколько запятыхъ наставилъ ты: что слово, то запятая! Къ чему это?» — Да съ запятыми-то, сударь, красивѣе! —

7.

N. N. имѣлъ несчастіе лишиться еще въ молодыхъ лѣтахъ жены, которую любилъ страстно и съ которой жилъ только два, или три года. Поплакалъ, похоронилъ и опять сталъ плакать. Единственная прогулка его была на то кладбище, гдѣ покоился прахъ любезной его супруги; единственная отрада молиться на ея могилѣ и орошать ее своими слезами. Въ пятый, а можетъ быть и въ десятый разъ послѣ похоронъ, нечаянно замѣтилъ онъ неподалеку отъ себя на кладбищѣ молодую женщину, въ трауръ, горько плачущую на свѣжей могилѣ, и оставилъ это безъ вниманія. Въ слѣдующій разъ видитъ онъ ее опять на томъ же самомъ мѣстѣ и въ такомъ же точно положеніи, какъ и прежде... потомъ опять и опять. Несчастные имѣютъ между собою симпатію, невольно влекущую ихъ другъ къ другу. Вотъ несчастный нашъ вдовецъ, частію изъ состраданія, частію изъ любопытства, подходитъ къ плачущей незнакомой дамѣ и видитъ, что она прекрасна собою (горесть, равно какъ и радость, увеличиваетъ красоту), вступаетъ съ нею въ разговоръ и узнаетъ, что она вдо-

вушка, лишившаяся добраго и любимаго мужа. Послѣ того всякой разъ, когда они бывали вмѣстѣ на кладбищѣ, разговаривали между собою, поплакавъ, разумѣется, напередъ каждый на своей могилѣ. *N. N.* нашелъ въ прелестной вдовушкѣ чувствительную, умную, образованную, истинно благородную съ прекраснѣйшими правилами женщину. Однажды осмѣлился онъ попросить у нея позволенія посѣтить ее; она позволила и приняла его какъ человѣка, заслуживающаго по многимъ отношеніямъ искреннее уваженіе. Онъ сталъ посѣщать ее чаще, пріобрѣлъ ея довѣренность и дружбу, которая, какъ извѣстно, въ молодыхъ лѣтахъ между особами разнаго пола скоро превращается въ любовь... наконецъ... наконецъ нашъ вдовецъ женился на вдовушкѣ. Жилъ онъ съ нею совершенно счастливо тридцать лѣтъ и имѣлъ несчастіе пережить ее. Бѣдному *N. N.* было тогда слишкомъ шестьдесятъ лѣтъ; давно уже онъ страдалъ подагрою и не только не могъ идти на кладбище, но даже ходить по комнатѣ. Старый другъ навѣщалъ его каждый день и горевалъ съ нимъ вмѣстѣ. Однажды, и чуть ли не въ сороковой день, дряхлый и хворый *N. N.* роп талъ передъ другомъ на бѣдственную свою участь, что не можетъ быть на кладбищѣ. — «Да, жаль, очень жаль, что ты не можешь быть тамъ, сказалъ его старый пріятель: авось нашелъ бы ты еще на кладбищѣ хорошую вдовушку, да и женился на ней. — *N. N.* не могъ утерпѣть, чтобы

сквозь слезъ не улыбнуться; а пріятелю его только и хотѣлось, чтобы какъ-нибудь развеселить его. *

8.

Одинъ молодой шалунъ, возвращаясь поздно изъ гостей и выпивъ тамъ лишнее, встрѣтился на тротуарѣ съ незнакомымъ ему пожилымъ человѣкомъ, у котораго былъ носъ необыкновенной величины. Не говоря ни слова, даетъ онъ незнакомцу щелчокъ по носу; а тотъ, не говоря также ни слова, даетъ ему пощечину. Разошлись въ молчаніи и даже не оглянулись другъ на друга. Хоть бы Англичанамъ удалось такъ сдѣлать!

9.

N. N. послалъ своего слугу съ письмомъ къ пріятелю. Слуга возвратился. — «Засталъ

* Случается иногда — разумѣется, чрезвычайно рѣдко — что въ самой величайшей горести нельзя никакъ не разсмѣяться отъ неожиданной шутки. Напомнимъ здѣсь два извѣстные случая. Въ одномъ сраженіи у Французовъ съ Нѣмцами запрещено было первымъ давать пощаду непріятелямъ. Во время схватки французскій гренадеръ устремился со штыкомъ на нѣмецкаго офицера. Тотъ бросилъ шпагу и просилъ о пощадѣ жизни. — „Все радъ для васъ сдѣлать, сказалъ вѣжливый Французъ: но жизни оставить вамъ никакъ не могу.“ — Старушка Француженка, окруженная за нѣсколько часовъ до своей кончины любимыми дѣтьми и внуками, сказала имъ съ чувствомъ: “дай Богъ, чтобы вы, любезныя дѣти, были счастливы!„ Сидѣвшій у ея изголовья зять, котораго любила она какъ родного сына, спросилъ ее съ притворною важностью: “а зятьямъ, матушка, желаете ли также счастія?„ Добрая старушка почти расхохоталась на одрѣ смерти. —

дома?» — Засталъ, сударь, и отдалъ ваше письмо. — «Подай же отвѣтъ.» — Какой отвѣтъ? Вы ничего мнѣ объ отвѣтѣ не приказывали; я отдалъ письмо, да и пошелъ домой. — «Впередъ, когда пошлю тебя съ письмомъ, ожидай всегда отвѣта.» — — Дни черезъ два *N. N.* послалъ съ этимъ же самымъ человѣкомъ письмо на почту. Вмѣсто того, чтобы воротиться черезъ часъ, воротился онъ черезъ три, или четыре часа.— «Гдѣ ты былъ по сію пору?» — Въ почтамтѣ, сударь: ждалъ, ждалъ отвѣта, однако не дали.—

10.

N. Извѣстный нѣмецкій литераторъ, отдалъ для продажи нѣсколько экземпляровъ новаго сатирическаго своего сочиненія швейцару одного изъ здѣшнихъ клубовъ. — Черезъ нѣсколько времени спросилъ онъ его: покупаютъ ли у тебя мои сочиненія? — «Покупаютъ, покупаютъ, отвѣчалъ швейцаръ: читаютъ и смѣются.» — На ту пору случился въ передней русскій поэтъ... но имени ему здѣсь нѣтъ... услышавъ, или, такъ сказать, помодному, *подслушавъ* все это, отдалъ онъ также на коммиссію швейцару сотню экземпляровъ новаго своего стихотворенія. Черезъ недѣлю этотъ поэтъ, или риѳмачъ, спрашиваетъ его, много ли продалъ онъ книжекъ? — «Ни одной, сударь — отвѣчаетъ тотъ съ примѣрнымъ простодушіемъ — всѣмъ показываю: читаютъ, смѣются, а не покупаютъ.»

11.

Двое знатныхъ господъ играли въ ломберъ;

подлѣ нихъ сидѣлъ и смотрѣлъ на игру покойный И. А. Дмитревскій. Игравшіе заспорили между собою объ одной взяткѣ и споръ едва не обратился въ ссору. Оба они избрали Дмитревскаго судьею въ столь щекотливомъ дѣлѣ.— «Ну, Иванъ Аѳанасьевичъ, скажи по правдѣ, чья взятка?» — Осторожный Дмитревскій, не желая обвинить ни того, ни другого, отвѣчалъ съ возможною важностью: «по сущей справедливости . . . ничья!» — Столь неожиданный отвѣтъ заставилъ игроковъ смѣяться отъ чистаго сердца, и они стали продолжать игру безъ малѣйшаго неудовольствія.

12.

Къ одному почтмейстеру пришла въ контору молоденькая, хорошенькая дѣвушка и, подавая ему письмо, просила отправить его поскорѣе и повѣрнѣе.— «Да къ кому же?» спросилъ почтмейстеръ, увидя, что на конвертѣ не было адреса. — Нельзя сказать, сударь — отвѣчала дѣвушка, закраснѣвшись. — «Такъ нельзя принять и письма.» — Сдѣлайте милость примите и отправьте. — «Да скажи: *куда* и къ *кому?*» — Въ Петербургъ, сударь. — «А къ *кому?*» — Вотъ этого-то ужъ ни за что не скажу. — Почтмейстеръ никакъ не могъ вразумить ее, и скромница, со слезами на глазахъ и съ письмомъ безъ адреса, пошла изъ конторы, не открывъ имени того, къ кому оно было написано.

13.

Разсѣянный, пришедши въ почтамтъ, спросилъ: нѣтъ ли къ нему писемъ?—А его спросили: какъ ваша фамилія?—Къ несчастію, на этотъ разъ забылъ онъ ее и никакъ не могъ вспомнить, пока не пришелъ туда одинъ его знакомый, который вывелъ его изъ столь затруднительнаго и необыкновеннаго положенія.

14.

Старая крестьянка, увидѣвъ, что госпожа ея, прочитавъ принесенное къ ней письмо, хотѣла разорвать его и бросить, сказала: «Не рви, матушка, а отдай лучше мнѣ: сынъ мой, какъ взяли его въ солдаты, просилъ меня, чтобы я прислала къ нему письмо: пожалуй же мнѣ свое письмецо, такъ я и пошлю его къ сыну.»

15.

Старичку одному дали при отставкѣ чинъ, котораго съ нетерпѣніемъ онъ ожидалъ. Пріѣхалъ къ нему пріятель поздравить. Обнялись, поцѣловались, сѣли.—«Малой! закричалъ хозяинъ, подай скорѣе....знаешь?»—Гость думалъ, что подадутъ шампанскаго; но какъ же удивился онъ, когда человѣкъ подалъ хозяину календарь и тотъ началъ что-то писать въ немъ.—Что вы это дѣлаете?—«Отмѣчаю, братецъ, всѣхъ, кто пріѣзжалъ ко мнѣ съ поздравленіемъ, или присылалъ поздравлять.»—Да для чего же это?—«Для того, что когда умру, такъ бы знали къ кому послать похоронные билеты.»

О РАЗСКАЗѢ БАСНИ.

—

ГЛАВА I.

О трехъ главныхъ качествахъ разсказа: краткости, ясности и правдоподобіи.

Всякій вообще разсказъ долженъ имѣть три главныя и существенныя качества: краткость, ясность и правдоподобіе.

Краткость состоитъ не въ томъ, чтобы говорить мало, но въ томъ, чтобы не сказать ничего лишняго; слѣдовательно:

1. *Не должно начинать разсказа весьма издалека и входить въ излишнія подробности; но скорѣе приступать къ повѣствованію того происшествія, которое разсказать намѣрены.*

Хорошо ли бы, напримѣръ, было, если бы кто сталъ разсказывать слѣдующимъ образомъ: «сегодня поутру всталъ я съ постели, одѣлся, «напился чаю, пошелъ на гостиный дворъ ку-«пить себѣ сукна на фракъ и пикé на жилеты, «и проходя чрезъ Невскій Проспектъ, увидѣлъ «у Полицейскаго Моста толпу народа.» Мы знаемъ, или, лучше сказать, не хотимъ знать, что повѣствователь вставалъ съ постели, одѣвался и пилъ чай; нѣтъ намъ до того нужды, что онъ ходилъ покупать въ гостиномъ дворѣ,

а не въ англійскомъ магазинѣ, сукно и пике; извѣстно, что фраки обыкновенно шьютъ изъ сукна, изъ пике дѣлаютъ жилеты, и что Полицейскій Мостъ на Невскомъ Проспектѣ; мы любопытствуемъ только знать, *когда, гдѣ и что именно* онъ видѣлъ. И такъ довольно сказать: *сегодня утромъ у Полицейскаго Моста видѣлъ я толпу народа*, и прибавить *для чего* она собралась.

Одна изъ притчей Графа Хвостова: Волки и Море, начинается сими стихами:

Овецъ тазать охочи Волки.
Россійскій Лафонтенъ о нихъ худые толки
Пустилъ и пріобрѣлъ вѣнецъ,
Французскому Фонтену подражая;
Фонтену Федръ былъ образецъ;
Эзопъ имъ всѣмъ отецъ.
Могу примолвить тожъ, Волкамъ не досажая,
А что!
На берегу морскомъ Волковъ лежало сто, и проч.

Изъ сихъ стиховъ первые восемь совершенно лишніе, и не имѣютъ никакой связи съ Баснею, которая начинается уже девятымъ стихомъ. — *Овецъ тазать охочи Волки!* Важное открытіе! И къ какой стати замѣшались тутъ между овцами и волками Лафонтенъ, Федръ и Эзопъ?

Однако есть случаи, въ коихъ разсказъ начинается не повѣствованіемъ происшествія, но разсужденіемъ, которое имѣетъ съ симъ происшествіемъ весьма тѣсную связь и служитъ пово-

домъ, или вступленіемъ къ повѣствованію, а сіе послѣднее доказательствомъ сказанной сначала общей истины. Напримѣръ, вотъ какъ начинаетъ Крыловъ басню свою: *Медвѣдь и Пустынникъ:*

Хотя услуга намъ при нуждѣ дорога,
Но за нее не всякъ умѣетъ взяться:
Не дай Богъ съ дуракомъ связаться!
Услужливый дуракъ опаснѣе врага.
Жаль нѣкто, и проч.

Здѣсь вступленіе не таково, какъ въ вышеприведенной притчѣ Графа Хвостова: *Волки и Море;* стихи сіи имѣютъ съ послѣдующими самую тѣсную и естественную связь: въ нихъ заключается нравоученіе, которое составляетъ существенную часть всякой басни. Правда, нравоученіе можно подразумѣвать, но только не всегда, а въ сей баснѣ оно необходимо. Шамфоръ весьма основательно замѣчаетъ, что если бы Лафонтенъ послѣдовалъ совѣту нѣкоторыхъ строгихъ критиковъ и не помѣщалъ бы въ началѣ, или въ концѣ своихъ басень нравоученія, то мы лишились бы прекраснѣйшихъ нравоучительныхъ стиховъ, изъ коихъ многіе сдѣлались пословицами. У Ламотта, напротивъ того, при всѣхъ почти его басняхъ есть предлинныя вступленія, или прологи, которые однако не имѣютъ никакой естественной съ баснями связи, и потому не могутъ никому нравиться.

Равнымъ образомъ поэтъ-баснописецъ входитъ иногда въ исчисленіе самыхъ мелкихъ подробностей для того только, чтобы живѣе изобразить описываемое имъ дѣйствіе. Такъ Лафонтенъ говоритъ о Мышахъ, которыя выходятъ изъ норъ и боятся попасть въ когти Коту:

Mettent le nez à l'air; montrent un peu la tête,
Puis rentrent dans leurs nids à Rats,
Puis ressortant font quatre pas,
Puis enfin se mettent en quête.

Или Дмитріевъ описываетъ трусость и любопытство Зайца:

Увидя онъ Ружье, которое лежало
Въ ногахъ у спящаго стрѣлка,
Такъ испугался,
Что даже и бѣжать съ душею не собрался,
А только *сжался*,
И уши на спину, моргая носомъ, ждетъ,
Что вмигъ Ружье убьетъ.
Проходитъ часъ, другой — перунъ еще не грянулъ,
Часъ и еще — перунъ молчитъ,
А Заяцъ веселѣй глядитъ;
Потомъ, поободрясь, *воспрянулъ*,
Бросаетъ любопытный взглядъ —
Прыжокъ впередъ, *прыжокъ назадъ* —
И наконецъ къ Ружью подходитъ.

2. *Надобно оканчивать разсказъ въ надлежащемъ мѣстѣ.*

Правила сіе гораздо важнѣе, нежели какъ многіе думаютъ. Противъ онаго погрѣшали мно-

гдѣ самъ Лафонтенъ и лучшіе наши баснописцы: Хемницеръ, Дмитріевъ и Крыловъ.

Лафонтенъ въ баснѣ: *Два Пѣтуха*, описавъ ихъ бой и отчаяніе побѣжденнаго, продолжаетъ:

. . . . Son vainqueur sur les toits
S'alla percher et chanter sa victoire.
Un Vautour entendit sa voix:
Adieu les amours et la gloire!
Tout cet orgueil périt sous l'ongle du Vautour.

Здѣсь оканчивается разсказъ главнаго происшествія, и потому баснописцу надлежало бы въ семъ мѣстѣ остановиться, или прибавить одно только нравоученіе, чтобы показать настоящій смыслъ своей басни; но онъ прибавляетъ еще:

Enfin, par un fatal retour,
Son rival autour de la Poule
S'en revint faire le coquet
Je laisse à penser quel caquet;
Car il eut des femmes en foule.

У мѣста ли же здѣсь насмѣшка надъ болтливостью женщинъ и какую имѣютъ связь сіи стихи съ нравоученіемъ этой басни:

La Fortune se plaît à faire de ces coups:
Tout vainqueur insolent à sa perte travaille.
Défions nous du sort, et prenons garde à nous
Après le gain de la bataille.

Хемницеръ въ баснѣ своей, или сказкѣ: *Тѣнь мужняя и Харонъ*, пересказываетъ раз-

говоръ одного вдовца съ адскимъ перевощикомъ:

Тѣнь говоритъ: «Харонъ! куда моя жена
Тобою перевезена,
Въ рай, или въ адъ?» — Въ рай. — «Можно ль статься!
Меня жъ куда везешь?» — Туда жъ, гдѣ и она. —
«Ой, нѣтъ! такъ въ адъ меня. Я въ адѣ радъ остаться,
Чтобъ съ нею вмѣстѣ лишь не жить.»

Нельзя было лучше окончить этой Басни, какъ въ семъ самомъ мѣстѣ. Сочинитель достигъ уже своей цѣли: съ любезнымъ простодушіемъ увѣрилъ онъ насъ устами несчастнаго вдовца, что лучше быть одному въ аду, нежели со злою женою въ раю: мы невольно разсмѣялись, услышавъ столь неожиданную шутку, и хотимъ еще смѣяться, но удовольствіе наше вдругъ исчезаетъ. Отъ чего? — Отъ того, что сочинитель прибавилъ напрасно еще пять стиховъ, въ которыхъ нѣтъ ничего забавнаго:

Нѣтъ, нѣтъ! мнѣ надъ тобой хотѣлось подшутить;
Я въ адъ ее отвезъ. Ей кстати въ адѣ быть,
И съ дьяволами жить и знаться:
И въ свѣтѣ, вѣдь, она
Была прямая сатана.

Въ баснѣ Дмитріева: *Орелъ и Каплунъ*, послѣдній вздумалъ летѣть вслѣдъ за мощною птицею Юпитера:

. . . . размахавъ крылами,
Уже задорный удалецъ
Между землей и небесами;
И сверху вмигъ — онъ брякъ на кровлю какъ свинецъ.
Всѣ птицы хохотать. Пѣтухъ же добрыхъ правилъ
На память этотъ стихъ по случаю привелъ:
«Отважный безъ ума всегда себя безславилъ.»
Потомъ примолвилъ вслухъ: «Каплунъ! ты не Орелъ.»

По моему мнѣнію, послѣдній стихъ совершенно лишній: ибо въ предъидущемъ стихѣ заключается уже нравоученіе, которымъ должна окончиться сія басня.

Въ забавной баснѣ Крылова: *Щука и Котъ*, первая вздумала ловить мышей. Котъ Васька взялъ Щуку, по ея просьбѣ, съ собою въ анбаръ.

. . . . пошли, засѣли,
Натѣшился, наѣлся Котъ,
И кумушку провѣдать онъ идетъ;
А Щука чуть жива лежитъ, разиня ротъ,
И крысы хвостъ у ней отъѣли.
Тутъ видя, что кумѣ совсѣмъ не въ силу трудъ,
Котъ замертво ее стащилъ обратно въ прудъ.

Больше бы ничего не надобно; но послѣ сихъ быстрыхъ и сильныхъ стиховъ прибавлены, къ сожалѣнію, четыре вялыхъ и прозаическихъ стиха.

И дѣльно! это, Щука,
Тебѣ наука
Впередъ умнѣе быть
И за мышами не ходить.

Все бы еще лучше было, еслибы сказалъ это Щукѣ Котъ; а здѣсь говоритъ самъ сочинитель, который въ началѣ басни помѣстилъ уже приличное къ ней нравоученіе.

3. *Не должно дѣлать безъ нужды отступленій отъ главной матеріи, особенно продолжительныхъ.*

Сумароковъ и подражавшіе ему баснописцы весьма часто дѣлали таковыя скучныя и вмѣстѣ смѣшныя отступленія. Вотъ примѣры:

Была Лисица;
И отъ собакъ
Летала будто птица;
Не драться съ ними ей, она не Львица.
Да имъ же по родству сестрица.
Была замужняя она, или дѣвица,
Про то
Не сказывалъ никто:
Могла вдругъ дѣвка быть и баба и вдовица,
И попросту вдова.

(Сумароковъ, книга 1. басня 9. *Кривая Лисица.*)

Мальчишка былъ и выросъ великонекъ,
Мальчишка не плохонекъ,
Да только изъ избы не выступалъ ногой.
Не знаю, для чего содержанъ былъ такъ строго,
Да мнѣ и знать о томъ потребности немного;
Довольно, что мальчишка мой
Окромѣ печи,
На коей грѣлъ онъ плечи,
Другаго ничего на свѣтѣ не видалъ:

Онъ, можетъ быть, хворалъ,
Такъ за болѣзнію онъ дома оставался.
Пришла пора
Мальчишкѣ ѣхать со двора;
Отецъ его куда-то ѣхать собирался;
Не вѣдаю о томъ,
То лѣтомъ было, иль весною, и пр.

(Собраніе дѣтскихъ повѣстей. Ч. II. *Великодушное Дитя.*)

Два друга нѣкогда пошли пѣшкомъ
Въ дорогу,
Не знатную вели услугу и не многу,
И дѣло не о томъ,
Потребно описать мнѣ ясно ихъ примѣты,
Не нужно знать, какія лѣты,
Какой былъ ростъ, лице и носъ,
Который бѣлокуръ, или черноволосъ;
Подробности читателя не учатъ,
А часто, напротивъ, читателю наскучатъ.

(Притчи Графа Д. И. Х. перв. изъ 1802. Книга II. Притча 32. *Зрячій и Слѣпой умница.*)

Совершенная правда! Всякому наскучатъ такія подробности. Боало сказалъ:

Tout ce qu'on dit de trop est fade et rebutant.

(Art poëtique, Chant I. Vers 61.)

Или какъ перевелъ Графъ Хвостовъ:

Безъ нужды набранны противны намъ слова.

4. *Не говорить того, что всякій легко можетъ подразумѣвать*, напримѣръ:

смысленнаго словосочиненія *, даже отъ неправильной разстановки знаковъ препинанія и самаго чтенія.

Въ примѣръ темноты, происходящей отъ дурнаго расположенія мыслей, помѣщается здѣсь слѣдующая басня:

Алкивіады.

Алкивіады всѣ красиво пишутъ много,
Но къ исполненію не приступаютъ строго.
Въ Аѳинахъ изданъ былъ указъ,
О чемъ! Не знаю.
Не знаю тоже, кто писалъ приказъ;
Но только утверждаю,
Что это былъ законъ.
Для Спарты пользъ не сручёнъ онъ.
Посолъ Лакедемонской
Отправилъ вмигъ гонца
Къ Ликургу самому, чтобъ до его лица
Скакалъ всей прытью конской.
Ликурговъ былъ отвѣтъ: пиши указъ какой —
Короткой иль большой!
Коль въ листъ, иль два, иль въ пять, пускай и
чистъ и ясенъ,
Указъ тотъ не опасенъ,
А ежель въ трехъ строкахъ,
По справедливости въ тебѣ раждаетъ страхъ.

---

* За добычей бродить не можетъ Левъ,
А кто къ нему придетъ, откроетъ зѣвъ.
(Онъ же. — *Левъ больной и Лисица.*)

Тутъ не разберешь, кто откроетъ зѣвъ: Левъ ли, или тотъ, кто придетъ къ нему?

Монаховъ сѣно ѣстъ.
(Онъ же. — *Моръ Звѣрей.*)

Правдоподобіе состоитъ въ томъ, чтобы не говорить того, чего не можетъ быть въ природѣ, или въ естественномъ порядкѣ вещей.

Rien n'est beau que le vrai : le vrai seul est aimable.
Il doit regner partout, et même dans la Fable.

(Boileau. *Epitre* IX.)

Надобно быть весьма осторожнымъ, чтобы сохранить сіе качество въ разсказѣ басни. Лафонтенъ и лучшіе наши баснописцы погрѣшали иногда противъ правдоподобія, какъ мы увидимъ изъ нижеслѣдующихъ примѣровъ:

Et ne voudrais pas même à ce prix un *trésor*.

(La Fontaine.—*Le Loup et le Chien.*)

Шамфоръ справедливо замѣтилъ, что Волкъ не можетъ изъ сокровища сдѣлать никакого употребленія. Не золото и не драгоцѣнные камни ему нужны, а овцы, или ягнята.

Diogène *là-bas* est aussi riche qu'eux,
Et l'Avare ici haut, comme lui, vit en gueux.

(*L'Avare qui a perdu son trésor.*)

Діогенъ не взялъ на тотъ свѣтъ своей бочки, и никто тамъ своей собственности не имѣетъ. Надлежало противопоставить Скупому Діогена *живаго*, а не тѣнь его.

Ce Singe avait nom *Gille*, à ce que dit l'Histoire.

(*L'Eléphant et le Singe de Jupiter.*)

Въ этой баснѣ Обезьяна является Слону въ качествѣ посланника отъ Юпитера, съ Меркуріевымъ жезломъ; слѣдовательно не можетъ называться Gille. Имя сіе дается только тѣмъ Обезьянамъ, которыя, подобно фиглярамъ, забавляютъ чернь своими коверканьями.

Minos en ces deux morts semblait s'être mépris.

(*Le Songe d'un Habitant du Mogol.*)

Здѣсь древняя Греческая Миѳологія смѣшана съ Восточною, или Персидскою. *Минось* не могъ судить *Визирей*.

И въ свѣтѣ вѣдь она
Была прямая *сатана*.

(Хемницеръ. *Тѣнь мужняя и Харонъ.*)

Харонъ говоритъ о *Сатанѣ!* Такая же точно погрѣшность, какъ и у Лафонтена въ предъидущей баснѣ.

Что *Парка* блѣдная равно
Взираетъ на теченье наше.

(Дмитріевъ. — *Старикъ и трое молодыхъ.*)

Это отвѣтъ старика тремъ молодымъ насмѣшникамъ, которые сравнивали его съ *Патріархомъ Ноемъ*, трудившимся надъ созиданіемъ ковчега.

Дубъ съ Тростію вступилъ однажды въ разговоры.
Жалѣю, Дубъ сказалъ: *склоня къ ней важны взоры.*

(*Дубъ и Трость.*)

Дубъ не имѣетъ глазъ, слѣдовательно не можетъ *склонять взоровъ*. Деревьямъ и растеніямъ позволяется въ баснѣ только говорить, а не дѣйствовать, подобно животнымъ.

Отъ Комара всеобщій страхъ.
Онъ въ тысячи мѣстахъ
И въ гриву, и въ бока, и въ брюхо Льва кусаетъ.

(*Левъ и Комаръ.*)

Не только Комаръ, но и Левъ не укуситъ Льва *въ гриву*, которая служитъ ему вмѣсто самаго крѣпкаго панцыря. Сей ошибки нѣтъ ни у Лафонтена, ни у Крылова.

. . . . Пѣтухъ же добрыхъ правилъ
На память этотъ *стихъ* по случаю привелъ.

(*Орелъ и Каплунъ.*)

Хотя Пѣтухъ и принадлежитъ къ домашнимъ птицамъ, однако онъ не живетъ вмѣстѣ съ людьми, по крайней мѣрѣ съ такими, которые пишутъ, или читаютъ стихи; а потому и не можетъ знать, или приводить на память стиховъ.

Проходитъ *часъ*, *другой* — перунъ еще не грянулъ,
Часъ и *еще* — перунъ молчитъ.
А Заяцъ веселѣй глядитъ, и проч.

(*Ружье и Заяцъ.*)

Невѣроятно, чтобы въ продолженіе трехъ часовъ Заяцъ оставался отъ страха на одномъ мѣстѣ.

Не ты ль намъ къ зимѣ на *тулупы*
Позволилъ легонькой оброкъ собрать съ Овецъ?

(Крыловъ. *Слонъ на воеводствѣ.*)

«На что Волкамъ тулупы и развѣ надобны имъ овечьи кожи?» (Каченовскій. *Вѣстникъ Европы* 1812, № 4. стран. 309.)

Такое хвастовство хоть слишкомъ было явно;
Но показалось такъ забавно,
Что Зайцу данъ *клочокъ медвѣжьяго ушка.*

(*Заяцъ на ловлѣ.*)

Какъ Волки не ѣдятъ капусты, такъ и Зайцы не питаются мясомъ животныхъ.

. . . . *Пошли*, засѣли.

(*Щука и Котъ.*)

Щука ходить не можетъ.

Изъ кожи лѣзутъ вонъ, а *возу нѣту ходу!*
Поклажа бы для нихъ казалась и легка,
Да Лебедь рвется въ облака,
Ракъ пятится назадъ, а Щука тянетъ въ воду.

(*Лебедь, Щука и Ракъ.*)

Если дѣйствительно поклажа была легка, то Лебедь могъ поднять на воздухъ и возъ и Щуку и Рака.

Журавль *свой долгой носъ по шею*
Засунулъ къ Волку въ пасть. . . .
А это ничего, что свой ты *долгой носъ*
И съ глупой *головой изъ горла* цѣлъ унёсъ.

(*Волкъ и Журавль.*)

Судя по величинѣ волчьяго горла и журавлинаго носа, послѣдній долженъ былъ пройти гораздо далѣе и повредить у Волка внутренность.

Впрочемъ, сіи ошибки отчасти извинительны и, такъ сказать, едва примѣтны въ хорошихъ стихахъ; но погрѣшности противъ правдоподобія нашихъ баснописцевъ-риѳмачей бросаются тотчасъ всякому въ глаза и заставляютъ противъ воли смѣяться. Нѣкоторыя изъ таковыхъ нелѣпыхъ погрѣшностей весьма забавно описаны въ слѣдующихъ стихахъ Остолопова:

Хочу ли испытать я въ притчахъ дарованья!
Бюффонъ передо мной — вотъ списокъ всѣхъ звѣрей!
Вотъ птички, мотыльки, чудовища морей!
Любыхъ беру, а все — мученье со скотами!
То Голубь у меня является съ зубами,
То Ужъ съ колѣнами, то прыгаетъ Паукъ,
То Мухѣ смерть пришла отъ ласточкиныхъ рукъ!....
Недавно и съ Осломъ я до поту пробился:
Лишь началъ я — а онъ въ Ослицу превратился,
и проч.

Сіи три главныя качества: краткость, ясность и правдоподобіе необходимы для всякаго разсказа; но для того, чтобы разсказъ былъ пріятенъ, нужны оному украшенія и особенныя еще качества, а именно: Простота (la Simplicité et le Familier), Забавное (le Riant, le Plaisant), Пріятное (le Gracieux), Естественность (le Naturel) и Простодушіе (le Naïf, la Naïveté.)

ГЛАВА II.

О УКРАШЕНІЯХЪ РАЗСКАЗА.

Украшенія разсказа въ баснѣ суть: 1) Изображенія и Описанія, 2) Размышленія, 3) Примѣненія и 4) стихотворные обороты и выраженія.

Изображенія (les Images) должны быть живы и сдѣланы, такъ сказать, одною чертою, напримѣръ:

Il *ouvre un large bec*, laisse tomber sa proie.

(La Fontaine. — *Le Corbeau et le Renard.*)

Envieuse *s'étend*, *et s'enfle*, *et se travaille.*

(*La Grenouille qui veut se faire aussi grosse que le Boeuf.*)

Un pilier manque; et le plafond
Ne trouvant plus rien qui l'étaie
Tombe sur le festin, *brise plats et flacons.*

(*Simonide préservé par les Dieux.*)

Honteux comme un Renard qu'une poule aurait pris.
Serrant la queue et portant bas l'oreille.

(*Le Renard et la Cigogne.*)

Damoiselle Belette, *au corps long et fluet.*

(*La Belette entrée dans un grénier.*)

L'une *entr'ouvrait un œil*, l'autre *étendait un bras.*

(*La Vieille et les deux Servantes.*)

Il vous prend sa cognée, il vous tranche la bête;
Il fait *trois serpents de deux coups.*

(*Le Villageois et le Serpent.*)

Un jour sur *ses longs pieds* allait je ne sais où,
Le Héron *au long bec émmanché d'un long cou.*

(*Le Héron.*)

Fond à son tour un Aigle *aux ailes étendues.*

(*Le deux Pigeons.*)

. . . . на суку Сорока *повертясь*
И поученіе подать расположась,
Сперва *впередъ и взадъ съ осанкой выступала,*
И справа носъ объ сукъ и слѣва подчищала.

(Хемницеръ. — *Лисица и Сорока.*)

Лисица *пятую поджавъ смиренно ногу.*

(*Тамъ же.*)

О, бѣдненькой мой Чижъ! онъ *мокрыми крылами*
Насилу шевеля, къ сосѣдушкѣ летитъ,
И ей со вздохомъ и слезами,
Носокъ повѣся, говоритъ.

(Дмитріевъ. — *Чижъ и Зяблица.*)

. . . . но Левъ,
Закрывъ ее собою,
Взмахнулъ хвостомъ, затрясъ косматой головою.

(*Воспитаніе Льва.*)

А онъ (Котъ)
Вдругъ *обѣ лапы вроэнь, царапъ того, другова.*

(*Котъ, Ласточка и Кроликъ.*)

Завистливая тварь (Змѣя)
Шипитъ и на Орла *кидается съ размаху.*

(*Орелъ и Змѣя.*)

Прижались подъ крыло къ родимой и заснули.

(*Жаворонокъ съ дѣтьми и Земледѣлецъ.*)

Тамъ *стрѣлкою стоитъ, не смѣя и дышать.*

(*Искатели Фортуны.*)

Подъ нимъ, *какъ Океанъ, синѣетъ степь кругомъ.*

(Крыловъ. — *Два Голубя.*)

Ужъ *когти* хищные *надъ нимъ распущены.*

(*Тамъ же.*)

Присѣлъ на корточки, не переводитъ духу.

(*Пустынникъ и Медвѣдь.*)

Предлинной хворостиной
Мужикъ Гусей гналъ въ городъ продавать,

(*Гуси.*)

А Щука, чуть жива, лежитъ, *разинувъ ротъ.*

(*Щука и Котъ.*)

Тутъ *выгнувши хребетъ и понатужа грудь,*
Тронулася Лошадка съ возомъ въ путь.

(*Обозъ.*)

Что за уха! да какъ жирна!
Какъ будто *янтаремъ подернулась она.*

(*Демьянова уха.*)

По сучьямъ Бѣлочка *и внизъ и вверхъ* скакала.

. . . .

А Бѣлка передъ нимъ *на заднихъ двухъ ножонкахъ*
Трясется, и сама не видитъ, какъ сидитъ.

(В. Измайловъ. — *Барсъ и Бѣлка.*)

Описаніе (la Description) есть распространенное *изображеніе*, или соединеніе многихъ *изображеній*.

Вотъ прекраснѣйшее описаніе бури, какъ въ цѣломъ, такъ и въ частяхъ:

. . . . Но солнце вдругъ сокрылось
И небо тучами отвсюду обложилось;
Всѣ птицы спрятались, кто въ гнѣзды, кто въ рѣку;
Лишь галки стаями гуляютъ по песку
И крикомъ бурю вызываютъ;
Да ласточки еще надъ озеромъ летаютъ;
Быкъ, *шею вытянувъ*, *подъ плугомъ заревѣлъ;*
А конь, *поднявши хвостъ и разметавши гриву*,
Ржетъ, *пышетъ и летитъ чрезъ ниву.*
И вдругъ ужасный вихрь со свистомъ восшумѣлъ,
Со трескомъ грянулъ громъ, ударилъ дождь со градомъ —
И пали пастухи со стадомъ.

(Дмитріевъ. — *Чижъ и Зяблица.*)

Другое превосходное описаніе бури того же поэта.

. . . . Завыла
Отъ Сѣвера гроза и небо помрачила;
Ударилъ грозный вѣтръ — все рушитъ и валитъ;
Летитъ, *кружится листъ; Трость гнется — Дубъ стоитъ*,

Вѣтръ пуще воружась, изъ всей ударилъ мочи —
И тотъ, на коего съ трудомъ взирали очи,
Кто ада и небесъ едва не досягалъ —
Упалъ!

(*Дубъ и Трость.*)

Какъ живо Мышенокъ описываетъ матери своей Пѣтуха и Кота:

Вдругъ съ розмаху на двухъ животныхъ набѣжалъ:
Какіе звѣри, самъ не зналъ;
Одинъ такъ смиренъ, добръ, *такъ плавно выступалъ,*
Такъ миловиденъ былъ собою;
Другой—нахалъ, крикунъ; теперь лишь словно съ бою;
Весь въ перьяхъ; у него *косматый крюкомъ хвостъ;*
Надъ самымъ лбомъ *дрожитъ нарость*
Какой-то *огненнаго цвѣта*,
И такъ какъ двѣ руки, служащи для полета:
Онъ ими такъ махалъ
И такъ ужасно горло дралъ,
Что я, таки не трусъ, а подавай Богъ ноги.
. . . .

Какъ тихо шевелилъ пушистымъ онъ хвостомъ!
Съ какимъ усердіемъ бросалъ ко мнѣ онъ взоры,
Смиренны, кроткіе, но *полные огня!*
Шерсть гладкая на немъ, почти какъ у меня;
Головка пестрая, и вдоль спины узоры;
А уши какъ у насъ, и проч.

(Дмитріевъ. — *Пѣтухъ, Котъ и Мышенокъ.*)

Тутъ Соловей являть свое искусство сталъ:
Защолкалъ, засвисталъ
На тысячу ладовъ *тянулъ, переливался;*

То *нѣжно онъ ослабѣвалъ,*
И томной вдалекѣ свирѣлью отдавался;
То мелкой дробью вдругъ по рощѣ разсыпался.
Внимало все тогда
Любимцу и Пѣвцу Авроры;
Затихли вѣтерки, замолкли птичекъ хоры,
И прилегли стада.
Чуть, чуть дыша, Пастухъ имъ любовался,
И только иногда,
Внимая Соловью, *Пастушкѣ улыбался.*

(Крыловъ. — *Оселъ и Соловей.*)

Превосходно!

Поднялся вдругъ весь псарный дворъ:
Почуя сѣраго такъ близко забіяку,
Псы *залились* въ хлѣвахъ *и рвутся вонъ* на драку;
Псари кричатъ: *ахти! ребята, воръ!*
И вмигъ ворота на запоръ,
Въ минуту псарня стала адомъ.
Бѣгутъ: иной съ дубьемъ,
Иной съ ружьемъ,
Огня! кричатъ: *огня! — Пришли съ огнемъ.*
Мой Волкъ сидитъ, *прижавшись къ углу задомъ,*
Зубами щолкая и ощетиня шерсть;
Глазами, кажется, хотѣлъ бы всѣхъ онъ съѣсть.

(*Волкъ на псарнѣ.*)

Какая быстрота и живость въ разсказѣ! —Вотъ другое, подобное сему описаніе простодушнаго Хемницера:

Встревожился весь домъ,
И въ домѣ *бѣганье, содомъ!*
Собакъ собакъ сюда! домашніе кричали,

Изъ избъ всѣ люди *побѣжали*,
И свинью ну травить!
Швырять въ нее, гонять и бить;
Со всѣхъ сторонъ на свинью напустили;
Полѣньями ее, метлами, кочергой;
Тотъ шапкою швыркомъ, другой ее ногой.
Обычай на Руси такой!

(*Два сосѣда.*)

По улицамъ смотрѣть Зеленаго Осла
Кипитъ народу безъ числа;
А по домамъ *окошки откупаютъ;*
На кровли вылѣзаютъ;
Лѣса, подмостки подставляютъ.
Всѣмъ видѣть хочется Осла, когда пойдетъ;
А всѣмъ идти съ Осломъ дороги столько нѣтъ.
И *давка вкругъ Осла*, сказать нельзя какая:
Другъ друга всякъ толкаетъ, жметъ,
Съ боковъ и спереди и сзади забѣгая.

(*Зеленый Оселъ.*)

Размышленія (les Réflexions) должны быть кратки, а болѣе всего естественны. Хотя главная нравственная истина въ баснѣ должна быть всегда одна, но сіе не препятствуетъ баснописцу въ продолженіе повѣствованія упоминать краткимъ образомъ въ приличныхъ мѣстахъ и о другихъ постороннихъ истинахъ. Надобно только дѣлать сіе такъ, чтобы вовсе не видно тутъ было ни малѣйшаго принужденія, чтобы сіи постороннія истины, или размышленія, казались необходимо нужными и заключались въ немно-

гихъ словахъ *. Поприще баснописца весьма не велико; если позволяется ему уклоняться въ сторону со своего пути, то онъ долженъ немедленно выходить опять на прямую дорогу и стремиться къ своей цѣли.

Примѣры:

Un Lièvre en son gite songeait,
Car que faire en un gite, à moins que l'on ne songe? *
(La Fontaine—*Le Lièvre et les Grenouilles.*)

Certaine Fille, un peu trop fière,
Prétendant trouver un mari
Jeune, bien fait, et beau, d'agréable manière,
Point froid et point jaloux, *notez ces deux points-ci* **.

---

* „Comme le lecteur ne trouve d'ordinaire qu'à la fin de la fable la vérité qui le doit nourrir, il n'est pas juste de le laisser, pour ainsi dire, sans aliment tant que la fable dure, surtout si elle est un peu longue. Ces réflexions abrégées, mais pleines de sens, qui laissent plus à penser qu'elles ne disent, sont autant d'ornemens précieux qui enrichissent la fable.“ *(Dardenne.)*

* „Je crois qu'il est impossible de mêler plus rapidement le récit et la reflexion: et c'est ainsi qu'écrit toujours Lafontaine.“ (La Harpe, *Eloge de Lafontaine.)*

** Cette Réflexion, car c'en est une, quoi qu'elle ne soit pas deployée, et que l'Auteur ne la fasse qu'en avertissant de la faire; cette Réflexion, dis je, plait par le naturel même, parce que loin d'être recherchée, toute ingenieuse qu'elle est, elle nait presque nécessairement du fait; et que ses deux conditions que la Fille éxige, présentent d'elles mêmes à l'esprit l'opposition qu'elles ont l'une à l'autre.

Ajoutez que cette Réflexion rapide, semblable si j'ose parler poétiquement, à ces Nimphes qui couraient sur les épis sans

Sur le bord d'un puits très profond
Dormait, étendu de son long,
Un enfant alors dans ses classes:
Tout est aux écoliers couchette et matelas.

(*La Fortune et le jeune Enfant.*)

Leur compliment fut court, ainsi qu'on peut penser:
Le Sage est ménager du tems et des paroles.

(*Démocrite et les Abdéritains.*)

Судятъ ему, что за душей
Изъ краденыхъ вещей.
Лишь только бы оправить,
Отъ смерти ихъ избавить.
Вѣдь тяжко умирать, какъ есть кому чѣмъ жить.

(Хемницеръ. — *Стряпчій и Воры.*)

За хлѣбъ одинъ Кащей всѣ деньги отдаетъ.
Однако же никто и денегъ не беретъ.
Что́ въ деньгахъ, если хлѣба нѣтъ!

(*Два Купца.*)

Такимъ-то и тягаться,
Которымъ кошелекъ поможетъ оправдаться
И у судей законъ и совѣсть откупить.
Безъ денегъ, какъ на торгъ, въ судъ не за чѣмъ ходить.

(*Два Богача.*)

---

les faire plier, n'apporte aucun gêne à la narration; et l'on dirait qu'au lieu d'en être interrompue, elle en devient plus vive et plus legère: ces sortes de traits jettent du sens et de la solidité dans la Fable; et sans nuire à la vérité totale et essentielle, ils y répandent d'autres vérités surnuméraires, que le Lecteur est bien aise de recueillir en passant; acquisition d'autant plus flatteuse, qu'il avait moins lieu d'y compter." (La Motte, *Discours sur la Fable*).

Приходитъ праздникъ годовой.
Кто празднику не радъ?

(*Праздникъ деревенскій.*)

Въ однѣхъ повозкахъ шли ретивые кони,
Въ другихъ лѣнивые. Пришедъ къ горѣ они,
Лѣнивые ни съ мѣста — стали.
А вѣдь въ дорогѣ не стоять!

(*Лѣнивые и ретивые Кони.*)

Былъ Левъ слѣпой, *а быть и знатному слѣпымъ*
Дурное, право, состоянье.

(*Слѣпой Левъ.*)

Женихъ замѣченной никакъ не подавался.
«Но Левъ бы только приказалъ!»
Да Левъ ей счастія желалъ,
А вѣдь любить жену указа не дается.

(*Левъ Сватъ.*)

. . . Потомъ въ него мальчишка —
Знать голубиной былъ и въ томъ умишка —
Кирпичъ, иль камешекъ лукнулъ.

(Дмитріевъ.—*Два Голубя.*)

Ребенокъ, черепкомъ намѣтя въ Голубка,
(*Сей возрастъ жалости не знаетъ*)
Швырнулъ, и проч.

(Крыловъ.—*Два Голубя.*)

Съ Голубкой Голубь врознь живетъ;
Любви въ поминѣ больше нѣтъ;
А безъ любви какое ужъ веселье!

(*Моръ Звѣрей.*)

Сыщи ей жениха, чтобъ былъ хорошъ, уменъ,
И въ лентахъ и въ чести и молодъ былъ бы онъ.
(Красавица была немножко прихотлива)
Ну чтобы все имѣлъ. *Ктожъ можетъ все имѣть!*
(*Разборчивая Невѣста.*)

Зачнетъ считать своихъ подругъ
(*А ей считать большой досугъ*)
(*Тамъ же.*)

Ну что, братъ, каково дѣлишки, Климъ, идутъ!
(*Въ комъ нужда, ужъ того мы знаемъ какъ зовутъ*)
(*Откупщикъ и Сапожникъ.*)

Какъ Размышленія, имѣющія форму изреченій (Sentences), нерѣдко дѣлаются пословицами, такъ и самыя пословицы употребляются иногда въ разсказѣ, и вмѣсто размышленій, напримѣръ:

Volontiers on fait cas d'une terre étrangère,
Volontiers gens boiteux haïssent le logis.
(La Fontaine.)—*La Tortue et les deux Canards.*)

Такъ не къ чему спѣшить: *день ночи мудренѣе.*
(Дмитріевъ. — *Жаворонокъ съ дѣтьми и Земледѣлецъ.*)

Зоветъ онъ смерть — она у насъ *не за горами,*
А за плечами!
(Крыловъ. — *Крестьянинъ и Смерть.*)

Хоть, кажется, Слоновъ и умная порода,
Однако же *въ семьѣ не безъ урода.*
(*Слонъ на воеводствѣ.*)

Смотри, кума, чтобы не осрамиться;
Не даромъ говорится,
Что *дѣло мастера боится.*
(*Щуки и Котъ.*)

Применения (Allusions), употребляемыя въ басняхъ, можно раздѣлить на два рода:

1. Когда баснописецъ, говоря о положеніи какого нибудь животнаго, или и человѣка, сравниваетъ оное съ подобнымъ положеніемъ, въ которомъ находились нѣкогда извѣстныя въ Миѳологіи, или Исторіи лица.

Примѣры:

Voyez vous ce large chemin!
Nous vous voiturerons par l'air en Amérique.
Vous verrez mainte Republique,
Maint Royaume, maint peuple, et vous profiterez
Des differentes mœurs que vous remarquerez:
Ulysse en fit autant. On ne s'attendaît guère
De voir Ulysse en cette affaire

(La Fontaine.—*La Tortue et les deux Canards.*)

Malgré tant de danger, l'une de ces personnes
Pose un pied sur la planche, et l'autre en fait autant.
Je m'imagine voir, *avec Louis le Grand*
Philippe Quatre qui s'avance
Dans l'isle de la Conférence.

(*Les deux Chèvres.*)

2. Когда баснописецъ, повѣствуя какое нибудь вымышленное происшествіе, мимоходомъ, такъ сказать, намекаетъ на слабости и пороки людей, напримѣръ:

Chacun d'eux résolut de vivre *en gentilhomme.*

(Lafontaine. —*Les Membres et l'Estomac.*)

Certain Renard *Gascon,* d'autres disent *Normand.*

(*Le Renard et les Raisins.*)

Chiens, Chevaux et Valets, tous gens bien *endentées.*
(*Le Jardinier et son Seigneur.*)

Quelque *gros Partisan* m'achetera bien cher.
(*Le petit Poisson et le Pécheur.*)

Жила у барина собака на дворѣ
Въ такомъ довольствѣ и добрѣ,
Въ какомъ, бывало, жилъ *чернецъ въ монастырѣ.*
(Хемницеръ. — *Дворовая Собака.*)

Я, напримѣръ, такъ я всю кожу съ нихъ сдираю,
И тожъ въ иныхъ дворахъ *господскихъ* примѣчаю.
(*Волчье разсужденіе.*)

Какой-то выдумщикъ, злодѣй собачью роду,
И вѣрно ужъ *Французъ*, пустилъ и кости въ моду.
(Дмитріевъ. — *Супъ изъ костей.*)

Но у людей, къ несчастью, тотъ порокъ,
Что имъ *съ червонцами мѣшокъ*
Что ни скажи, всему дивиться станутъ.
(Крыловъ.—*Мѣшокъ.*)

Притомъ же иногда, голубчикъ кумъ,
И то приходитъ въ умъ,
Что я ли воровствомъ *одна* живу на свѣтѣ.
(*Крестьянинъ и Лисица.*)

За то я въ илистыхъ и мягкихъ берегахъ,
Какъ *барыня въ пуховикахъ*,
Лежу и въ нѣгѣ и въ покоѣ.
(*Прудъ и Рѣка.*)

Кто самъ свой голосъ подавалъ,
Кто голосъ подавалъ *работы Секретарской.*
(*Водолазы.*)

И если бы имъ волю дали,
Они бъ донынѣ толковали
Да жалованье брали.

(*Тамъ же.*)

Басня есть поэма; слѣдовательно всѣ стихотворные обороты, всѣ почти риторическія украшенія, тропы и фигуры, могутъ имѣть въ ней мѣсто. Надобно только употреблять ихъ съ особеннымъ искуствомъ и благоразуміемъ, смотря по важности предмета, и по тому, самъ ли въ баснѣ говоритъ сочинитель, или животныя и другіе актеры.

Примѣры:

Voyez-vous cette main qui *par les airs chemine?*

(Lafontaine.— *La Hirondelle et les petits Oiseaux.*)

. . . . le sort officieux
Presentait partout à ses yeux
Les *conseillers muets* dont se servent nos Dames.
Miroirs dans les logis, *miroirs* chez les marchands,
Miroirs aux poches des galans,
Miroirs aux ceintures des femmes.

(*L'Homme et son Image.*)

Aurait-il *imprimé sur le front des étoiles,*
Ce que la nuit des tems enferme dans ses voiles?

(*L'Astrologue qui se laisse tomber dans un puits.*)

Que ne sait point *ourdir la langue traitresse?*
Par sa pernicieuse adresse?

(*L'Aigle, la Laie et la Chatte.*)

Le Dédale des cœurs en ses détours n'enserre
Rien qui ne soit d'abord *éclairé* par les Dieux.
(*L'Oracle et l'Impie.*)

Que faisons nous, dit il, de *ce poids inutile*,
Et qui va balayant tous les sentiers fangeux.
(*Le Renard qui a la queue coupée.*)

Morphée avait touché le seuil de ce palais.
(*Les deux Amis.*)

La Parque et ses ciseaux
Avec peine y mordaient.
(*Le Loup et le Chasseur.*)

Qu'en fera, dit-il, *mon ciseau?*
. . . .
Il sera Dieu, même je veux
Qu'il ait en sa main un tonnerre.
Tremblez, *humains*, *faites les voeux:*
Voilà le maître de la terre.
(*Le Statuaire et la Statue de Jupiter.*)

Злодѣйство на челѣ часъ отъ часу *яснѣетъ.*
(Дмитріевъ.—*Совѣсть.*)

Другой *подъ миртами исчезъ* въ цвѣтущи лѣта.
(*Старикъ и трое молодыхъ.*)

Чинъ стоитъ ли того, чтобъ для него оставить
Покой, *покой души*, *даръ лучшій всѣхъ даровъ?*
(*Искатели Фортуны.*)

И вырвалъ съ корнемъ вонъ
Того, кто *небесамъ главой своей касался*,
И въ области тѣней пятою упирался.
(Крыловъ.—*Дубъ и Трость.*)

Отнесъ полчерепа Медвѣдю топоромъ.
(*Крестьянинъ и Работникъ.*)

ГЛАВА III.

О Простотѣ.

Простота слога (la Simplicité et le Familier) состоитъ въ томъ, когда сочинитель изъясняется въ немногихъ и обыкновенныхъ словахъ и выраженіяхъ.* Подъ словами и выраженіями обыкновенными разумѣю я тѣ, которыя употребляются въ повседневномъ разговорѣ и понятны для людей всѣхъ вообще состояній одной націи. Слова, выраженія и обороты, приличныя собственно сочиненіямъ возвышеннаго рода; также слова и выраженія низкія, употребляемыя чернью и принадлежащія къ какому нибудь областному нарѣчію **, ни въ баснѣ, ни въ

---

* «De mots qui semblent s'être mis d'eux mêmes à la place qu'ils occupent, des pensées qui prennent le coloris du sentiment, des phrases coupées sans symmetrie, beaucoup de réserve dans les figures, peu de hardiesse dans les tours; voilà le style simple.» *Réflexions sur le style épistolaire.* Смот. *Modèles de lettres sur différents sujets, choisis dans les meilleurs auteurs épistolaires avec une courte instruction à la tête de chaque espèce de lettres. A Lyon*, 1763. — Я не знаю другой въ Словесности классической книги, въ которой бы столь хорошо изложена была теорія и подобраны примѣры.

** „Il est un autre défaut où le peu d'usage du monde fait tomber bien de gens, et qui n'est pas moins contraire à cette simplicité, que je ne saurais trop recommander; c'est un style bas, c'est ce jargon hérissé de mots impropres et grossiers, ce sont des phrases triviales, ce sont des proverbes relégués parmi le peuple, etc.“ *(Тамъ же.)*

другихъ сочиненіяхъ, которыя должны быть писаны простымъ слогомъ, не могутъ имѣть мѣста, развѣ только употреблены будутъ съ особеннымъ намѣреніемъ. * Равномѣрно тому не могутъ быть терпимы въ сочиненіяхъ такого рода ошибки противъ языка и неправильная перестановка словъ.

Примѣромъ простоты слога можетъ служить слѣдующая басня Хемницера:

Лѣнивые и ретивые Кони.

Въ однихъ повозкахъ шли ретивые Кони,
Въ другихъ лѣнивые. Пришедъ къ горѣ *они*,
Лѣнивые ни съ мѣста — стали.

«La Motte a fait, à mon avis, une étrange méprise, en employant à tout propos, pour avoir l'air naturel, des expressions populaires et proverbiales: tantôt c'est Morphée qui fait *litière* de pavots; tantôt c'est la lune qui est *empéchée* par les charmes d'une Magicienne; ici le lynx attendant le gibier, prépare ses dents à *l'ouvrage;* là le jeune Achille est *fort bien moriginé* par Chiron. La Motte avoit dit lui-même: *mais prenons garde à la bassesse trop voisine du familier.* Qu'était-ce donc à son avis faire *litière de pavots?* Lafontaine a toujours le style de la chose. Ce n'est jamais la qualité des personnages qui le décide. Jupiter n'est qu'un homme dans les choses familières; le moucheron est un héros lors'qu'il combat le Lion.» — Marmontel. — *Poétique Française. T. II.* Chap. 17. *de la Fable.*

* «Il y-a cependant des Fables, où Lafontaine prend l'essor: mais, cela n'arrive que quand les personnages ont de la grandeur et de la noblesse. D'ailleurs cette élévation ne détruit point la simplicité, qui s'accorde, on ne saurait mieux avec la dignité.» Batteux. — Principes de la Littérature. Tome Second. Chap. II.

А вѣдь въ дорогѣ не стоять!
Ну! ну! и погонять:
Ни съ мѣста. — Способа другаго не сыскали,
Какъ изъ возовъ Коней лѣнивыхъ выпрягать,
А нелѣнивыхъ впрячь. Впрягли Коней ретивыхъ,
Чтобъ вывезть на гору повозки за лѣнивыхъ.
Лишь только что одну взвезутъ,
Въ другую ихъ перепрягутъ.
Когдажъ кормить обозъ остановили,
Всѣхъ на одну траву, на тотъ же лугъ пустили.
Случившися я тутъ,
Подумалъ: вотъ житье какое!
Ретивому коню всегда работы вдвое,
А тотъ же кормъ даютъ!

Здѣсь нѣтъ ни одного высокаго, ни низкаго слова; языкъ почти вездѣ чистъ и правиленъ; нигдѣ въ стихахъ не видно ни малѣйшей натяжки; кажется, сочинитель не пишетъ, а разговариваетъ. Прочтите эту басню самому необразованному человѣку, напримѣръ, крестьянину, неотлучавшемуся никогда изъ своего селенія: онъ не найдетъ въ ней ни одного слова, которое было бы для него непонятно.

Замѣтимъ погрѣшности въ нѣкоторыхъ басняхъ противъ простоты слога.

Лиса, увидѣвши Сороку, *вопрошала.*

(*Хемницеръ. — Лисица и Сорока.*)

Такъ даже и не пишутъ теперь, не только что не говорятъ.

Кричитъ ему: *почто* невинныхъ убивать.

(*Дмитріевъ. — Совѣсть.*)

Слово: *почто*, въ обыкновенномъ разговорѣ не можетъ имѣть мѣста. Мы говоримъ: *для чего, начто, зачѣмъ?*

Возсяду на кирпичъ *съ поникшей головой*
Небеснаго подъ кровомъ свода.

(*Калифъ.*)

Стихи сіи, въ которыхъ заключается картина, или *изображеніе* (Image), были бы очень хороши въ устахъ какого нибудь важнаго лица, и то не въ простомъ разговорѣ; а здѣсь говоритъ такимъ образомъ ремесленникъ. Ни одинъ простолюдинъ не скажетъ у насъ: *возсяду* и *съ поникшей головой*, также: *небеснаго подъ кровомъ свода*, или *подъ кровомъ небеснаго свода*. Такія слова и выраженія слишкомъ высоки для ремесленника; онъ сказалъ бы просто: *сяду* на кирпичъ, *повѣшу* голову, и проч. Притомъ во второмъ стихѣ: *небеснаго подъ кровомъ свода* неправильное словосочиненіе. — Конечно, подобная перестановка словъ иногда по нуждѣ въ стихахъ употребляется и можетъ назваться *стихотворческою вольностію;* но въ семъ случаѣ она не позволительна.

Ты *идешь* къ олтарямъ, а я — опять на пашню.

(*Быкъ и Корова.*)

Надлежало бы сказать не *идешь;* но *идёшь*. Стихъ сей весьма легко можно поправить; стоитъ только переставить второе и третье слово:

Къ олтарямъ идешь, и проч.

Увы! онъ говоритъ: а я лишь въ подмосковной, и проч.

(*Смерть и Умирающій.*)

Мы слышимъ теперь: *увы!* только на театрѣ и то почти въ однѣхъ трагедіяхъ; а говоримъ вмѣсто этого слова: *ахъ! ахти!* и т. п.

Нырну въ глубь моря, тамъ *встрѣчаема* волками.

(*Летучая Рыба.*)

Страдательныя причастія настоящаго времени въ обыкновенномъ разговорѣ не употребляются.

Хозяямъ кладъ былъ гость такой.

(*Желанія.*)

Надлежало бы сказать: *хозяевамъ*, тѣмъ болѣе, что здѣсь говоритъ самъ сочинитель, который долженъ изъясняться всегда правильно и особливо избѣгать словъ, употребляемыхъ чернью.

Безсильному не смѣйся
И слабаго *обидѣть* не *моги*.

(Крыловъ. — *Левъ и Комаръ.*)

А дома *стерчи* съѣстное отъ мышей, и пр.

(*Котъ и Поваръ.*)

Бѣда коль пироги начнетъ *печи* сапожникъ,

(*Щука и Котъ.*)

Та же самая погрѣшность, о которой упомянуто въ предъидущей статьѣ.

Гуторя слуги *вздоръ*, плетутся въ слѣдъ шажкомъ.

(*Муха и Дорожные.*)

Пустова
Вѣкъ цѣлый не *трещу*,

(*Бумажный Змѣй.*)

Глядитко насъ, какъ мы махнемъ.

(*Обозъ.*)

Гуторить, трещать и глядѣть суть глаголы средніе и никакимъ падежемъ не управляютъ. Также нельзя сказать *гляди насъ*, какъ и: *ходи насъ*. Притомъ *гуторить* слово низкое.

Плоды невѣрія ужасны *таковы.*

(*Безбожники.*)

Чтобы въ моихъ помѣстьяхъ никогда
Не высыхала *бы* вода.

(*Лягушка и Юпитеръ.*)

Ошибки противъ Грамматики. Въ первомъ случаѣ должно бы сказать: *такъ*, или *столь ужасны плоды невѣрія;* во второмъ: *чтобы не высыхала вода*, вмѣсто *не высыхала бы.* Послѣднее *бы*, совершенно лишнее.

Спустившись наконецъ изъ облачныхъ *вышинъ.*

(*Орелъ и Куры.*)

Вышина во множественномъ числѣ не употребляется; надлежало бы вмѣсто сего слова поставить: *съ высотъ.*

Песъ дружества слыветъ примѣромъ съ давнихъ лѣтъ.

(*Собачья дружба.*)

Неправильная разстановка словъ. По моему мнѣнію, стихъ сей можно было бы поправить слѣдующимъ образомъ:

Примѣромъ дружества слыветъ песъ съ давнихъ
лѣтъ.

Писать просто и съ тѣмъ вмѣстѣ пріятно, весьма трудно не только въ стихахъ, но и въ прозѣ. Для сего потребно особенное искусство, которое пріобрѣтается не столько ученіемъ и чтеніемъ книгъ, сколько посредствомъ обращенія съ людьми лучшаго тона. Всѣ писатели, отличающіеся простотою и пріятностію слога, учились сему искусству въ хорошихъ обществахъ. Впрочемъ, чтеніе образцовыхъ въ семъ родѣ сочинителей весьма полезно и даже необходимо для того, кто намѣренъ имъ подражать. Съ какою тщательностію должно выбирать слова и выраженія, * чтобы сохранить во всемъ надлежащую точность и приличіе.

---

* «Si l'expression est basse, il s'en présentera sans peine à votre esprit un grand nombre de semblables; mais si elle est simple, faites les efforts qu'il vous plaira, vous n'en trouverez point de plus belle, si ce n'est que vous soyez d'un esprit beaucoup supérieur ou d'une expérience dans l'art d'écrire plus avancée que celle de l'auteur.» St. Evremond. *Oeuvres melées*, T. I. p. 127.

ГЛАВА IV.

О естественности.

Естественность (le Naturel) состоитъ: 1-е) въ мысляхъ, которыя родились, кажется, невольно отъ обстоятельствъ; 2-е) въ вѣрномъ и точномъ описаніи происшествій; 3-е) въ краткомъ и сильномъ изображеніи характеровъ, и 4-е) въ выборѣ простыхъ и приличныхъ выраженій, которыя повидимому сами собою и безъ всякаго труда намъ представились.

Естественность необходима въ *размышленіяхъ* (Réflexions), въ *изображеніяхъ* (Images), въ *описаніяхъ* (Déscriptions) и въ *разговорѣ* (Dialogue).

1. *Примѣры естественности мыслей.*

Mes frères, leur dit-il, ne me décélez pas;
Je vous enseignerai les patis les plus gras. *

(Lafontaine.—*L'Oeil du Maître.*)

Moi l'emporter! *Et que serait-ce*
Si vous portiez une maison!

(*Le Lièvre et la Tortue.*)

Le coffre étant ouvert, on y vit des lambeaux,
L'habit d'un gardeur de troupeaux,
Petit chapeau, jupon, panetière, houlette,
Et je pense aussi *sa musette.*

(*Le Berger et le Roi*).

* „Voyez avec quel esprit Lafontaine saisit le seul rapport d'utilité dont le Cerf puisse être aux Bœufs." *Champfort.*

«Да, говоритъ: да такъ! я самъ притомъ случился»
(Лишь только что не побожился).

(Хемницеръ— *Лжецъ.*)

Похваливаютъ знай Указъ да обдираютъ.

(*Привилегія.*)

Ахти мнѣ! я скажу, вздохнувши, дождь идетъ!
Здоровъ-ли то мой другъ? и проч.

(Дмитріевъ.—*Два Голубя.*)

Какъ гнется, даромъ что высокъ!

(*Сверчки.*)

Не бей меня, *а пой!*

(*Донъ Кишотъ.*)

Вотъ невидимкой къ нимъ Фортуна забрела,
И тронувшись ихъ бѣдностью большою,
Имъ помогать рѣшилась всей душою,
Какія бы они ни начали дѣла,
И прогостить у нихъ все лѣто.
Все лѣто! *шутка-ль это?*

(Крыловъ.—*Фортуна въ гостяхъ.*)

2. *Примѣры Естественности въ описаніи происшествій:*

Il se cache en un coin, respire et prend courage.

(Lafontaine.—*L'oeil du Maitre.*)

Raton *avec sa patte*
D'une manière délicate,
Ecarte un peu la cendre, et retire les doigts.
Puis les reporte à plusieurs fois,
Tire un maron, puis deux, et puis trois en escroque,
Et cependant Bertrand les croque.

(*Le Signe et le Chat.*)

Однакоже же пора! ужъ безъ четверти шесть.
Ей, кучеръ! погоняй. — Полгорода собравшись,
Почти безъ памяти на тотъ кувшинъ глядитъ,
Который хитреца великаго вмѣститъ. —
Чтожъ скоро ли? одинъ другому говоритъ:
Пора бы ужъ начать. — *Кто палкою стучитъ,*
Кто топаетъ ногой, и проч.

(Хемницеръ. — *Хитрецъ.*)

Ой, батюшки! тону! тону! ой! помогите! —
Ребята! что же вы стоите?
Поможемъ-те.

(*Друзья.*)

И дѣти въ тотъ же мигъ *скорѣй, скорѣй* сбираться,
Расправя крылья, въ первый разъ
За маткой кое-какъ *вверхъ, вверхъ* приподниматься
И скрылися отъ глазъ.

(Дмитріевъ. — *Жавороновъ съ дѣтьми и Земледѣлецъ.*)

Когда же кто къ нему подсядетъ,
То вѣрно ужъ его *потреплетъ,* иль *погладитъ.*

(Крыловъ. — *Мѣшокъ.*)

3. *Примѣры Естественности въ изображеніи характеровъ:*

Je t'ai toujours *choyé*, t'aimant comme *mes yeux*.

(Lafontaine.—*Le Chat et le Rat.*)

Vous m'entendez, je vous entends;
Il suffit.

(*Le Lion, le Singe et les deux Anes.*)

L'Homme enfin la prie *humblement*
De lui laisser *tout doucement*
Emporter *une unique branche.*

(*La Forêt et le Bucheron.*)

«*Возлюбленны мои!* смиренно отвѣчала:
Я отъ *житейскаго* давно уже отстала;
Чѣмъ *грѣшная* могу помочь?
Да ниспошлетъ вамъ Богъ! а я и день и ночь
Молить его за васъ готова.»
Поклонъ имъ, заперлась и болѣе ни слова.

(Дмитріевъ. — *Мышь, удалившаяся отъ свѣта.*)

А та, *поднявши носъ,*
Въ отвѣтъ ей говоритъ: откуда? *мы* пахали.

(*Муха.*)

Индѣекъ — *малую толику!*

(*Лиса Проповѣдница.*)

Оселъ увидѣлъ Соловья,
И говоритъ ему: «послушай-ка, *дружище,*
Ты, сказываютъ, пѣть великой *мастерище?*

(Крыловъ. — *Оселъ и Соловей.*)

Да что же дѣлать? — *нужда, дѣти.*

(*Крестьянинъ и Лисица.*)

4. *Примѣры Естественности въ выборѣ выраженій и собственно въ разговорѣ:*

Chemin faisant, il vit le cou du chien pêlé.
Qu'est cela, lui dit-il? —*Rien.*—*Quoi, rien?*—*Peu de chose.* —
Mais encore? — Le collier dont je suis attaché,
De ce qeu vous voyez est peut-être la cause. —

Attaché! dit le Loup; *vous ne courez donc pas*
Où vous voulez? — *Pas toujours: mais qu'importe?*
Il m'importe si bien, que de tous vos répas
Je ne veux en aucune sorte.

(Lafortaine. — *Le Loup et le Chien.*)

Вѣдь посмотрѣть, такъ въ чемъ душа-то право въ вась!
Не ѣвши цѣлы дни, вы всѣ какъ *испитые*,
Поджарые, *худые*,
Нѣтъ! то-то жизнь-то какъ у насъ:
Ѣшь не хочу! — всего, чего душа желаетъ!
Послѣ гостей
Костей, костей,
Остатковъ отъ стола! такъ столько ихъ бываетъ,
Что *некуда дѣвать;*
А ласки *отъ господъ, ужъ подлинно сказать!*

(Хемницеръ. — *Воля и Неволя.*)

Кто тамъ? Пустынникъ окликаетъ.
«*Я, я!*» — *Да кто, могу ли знать?* —
«Я та, которая тебѣ повелѣваетъ
Скорѣе отпереть.» — *Пустое!* онъ сказалъ,
И замолчалъ.
«*Отопрешь ли?* еще Фортуна закричала:
Я ввѣкъ ни отъ кого отказа не слыхала;
Пусти Фортуну ты со *свитою* къ себѣ,
Съ Богатствомъ, Знатью и Чинами..
Теперь извѣстна ль я тебѣ!»
— *По слуху* ... но *куда мнѣ съ вами!*

(Дмитріевъ. — *Пустынникъ и Фортуна.*)

«*Сосѣдушка, мой свѣтъ!*
Пожалуй-ста покушай!»
— *Сосѣдушка! я сытъ по горло.* — «*Нужды нѣтъ;*

Еще тарелочку, послушай:
Ушица, *ей-же-ей, на славу* сварена.»
— Я три тарелки съѣлъ. — «*И полно, что за счоты?*
Лишь стало бы охоты,
А то *во здравье!* ѣшь до дна.
Что за уха! да какъ жирна!
Какъ будто янтаремъ подернулась она!
Потѣшь же, миленькой дружочикъ!
Вотъ лещикъ, потроха, вотъ стерляди кусочикъ.
Еще хоть ложечку! Да кланяйся, жена!»

(Крыловъ. — *Демьянова Уха.*)

Поэтому я лгу?
Бездѣльникъ! слыхана-ль такая дерзость въ свѣтѣ! —
Да *помнится,* что ты еще въ запрошломъ лѣтѣ
Мнѣ здѣсь же какъ-то нагрубилъ.
Я этого, пріятель, не забылъ.

. . . .

Ахъ? я чѣмъ виноватъ? — Молчи! усталъ я слушать.
Досугъ мнѣ разбирать вины твои, *щенокъ!*

(*Волкъ и Ягненокъ.*)

Вотъ въ Римѣ, напримѣръ, я видѣлъ огурецъ:
Ахъ, мой Творецъ!

(*Лжецъ.*)

Повѣствованіе бываетъ весьма естественно и пріятно, когда въ продолженіе онаго сочинитель обращается къ своимъ читателямъ, или слушателямъ, съ вопросами и самъ себѣ на нихъ отвѣчаетъ, напримѣръ:

Ужъ ли смирнѣе Малой сталъ?
Гдѣ! бѣшенымъ такимъ еще и не бывалъ.

(Хемницеръ. — *Усмирительный способъ.*)

Слыхали ль вы когда отъ нянекъ объ Духахъ,
Которыхъ запросто зовемъ мы домовыми? —
Какъ не слыхать! дѣтей всегда стращаютъ ими.

(Дмитріевъ. — *Желанія.*)

Полезно ль просвѣщенье?
Полезно! слова нѣтъ о томъ.

(Крыловъ. — *Червонецъ.*)

Противное *Естественности* слога качество есть *Изысканность* (Recherché), или такъ называемый Bel - Esprit, общій порокъ старинныхъ дурныхъ французскихъ писателей, противъ котораго столь сильно вооружались Боало и Мольеръ.—Выраженіями *изысканными* (recherchées, affectées) называются тѣ, кои примѣтно стоили сочинителю большаго труда, и при всемъ томъ кажутся странными. Такъ напримѣръ Ламоттъ называетъ стрѣлку солнечныхъ часовъ *солнечнымъ Приставомъ* (Greffier solaire), изгороду, или частоколъ, *Садовымъ Швейцаромъ* (Suisse d'un jardin), и т. п. Наши баснописцы, по крайней мѣрѣ лучшіе изъ нихъ, чужды таковыхъ погрѣшностей. Я нашелъ только два, нѣсколько изысканныя выраженія въ басняхъ Дмитріева:

За лугъ уединенный,
Присутствіемъ моей любезной *озаренный*, и пр.

(*Два Голубя.*)

Впрочемъ, сія погрѣшность принадлежитъ болѣе Лафонтену. У него въ подлинникѣ сказано:

J'ai quelquefois aimé: je n'aurais pas alors,
Contre le Louvre et ses trésors,
Contre le firmament et sa voute céleste,
Changé les bois, changé les lieux,
Honorés par les pas, *éclairés* pas les yeux *
De l'aimable et jeune Bergère,
Pour qui, sous le fils de Cythère
Je servis engagé par mes premiers sermens.

(*Le deux Pigeons.*)

На тминѣ *вспрыснутомъ* росой.

(*Котъ, Ласточка и Кроликъ.*)

Можетъ быть, я ошибаюсь, но и сіе выраженіе кажется мнѣ также изысканнымъ. Въ подлинникѣ сказано иначе: *Parmi le thym et la rosée.*

---

* „Je ne vois dans toute cette tirade que ce seul mot à reprendre, comme trop hyperbolique. Bon pour les Eglé de Ronsard et de Voiture. Tout le reste est d'une beauté achevée." (*Guillon. — La Fontaine et tous les fabulistes, ou La Fontaine comparé avec ses modèles et ses imitateurs. A Paris,* 1805. — То же самое должно сказать и о семъ переводѣ. Кромѣ слова: *озаренный*, замѣчу я здѣсь еще другое въ слѣдующемъ стихѣ:

„И далѣ ближняго ручья *не разлучайтесь.*"

Здѣсь, кажется, ошибка противъ языка. Если не ошибаюсь, то вмѣсто слова: *не разлучайтесь*, надлежало бы поставить: *не отлучайтесь*, тѣмъ болѣе, что самъ Лафонтенъ говоритъ:

„Amans, heureux amans, voulez-vous *voyager?*
Que ce soit aux rives prochaines."

Впрочемъ, повторю съ Г. Жуковскимъ, что заключеніе сей басни переведено какъ нельзя лучше, и скажу даже, что, по моему мнѣнію, переводъ этой тирады лучше и сильнѣе самаго подлинника.

Окончу сію главу замѣчаніемъ, что нѣкоторые писатели, гоняясь, такъ сказать, за простотою и естественностію, говорятъ часто съ величайшею подробностію о такихъ вещахъ, которыя всякой легко подразумѣвать можетъ, и чрезъ то самое впадаютъ въ несносное пустословіе. Никто изъ фабулистовъ не погрѣшалъ въ семъ случаѣ столько, какъ аббатъ Лемонье. Совѣтую молодымъ нашимъ баснописцамъ прочесть со вниманіемъ разборъ двухъ его басень: *le Dervis* и *la Foire de* Briquebec въ *Fablier du second âge, ou choix de fables à la portée des adolescens* Безъ краткости (принимая сіе слово въ настоящемъ его значеніи) не можетъ быть простоты и естественности.

ГЛАВА V.

О пріятномъ.

Пріятное (le Grâcieux) состоитъ въ томъ, когда сочинитель сколь возможно живѣе и лучше изображаетъ тѣ предметы, которые и въ самой природѣ всегда намъ нравятся. Оно бываетъ обыкновенно въ описаніяхъ, помѣщенныхъ въ повѣствованіи, или разсказѣ. Надобно только наблюдать, чтобы сіи описанія дѣлаемы были всегда кстати и отнюдь не казались бы отступленіями.

Примѣры Пріятнаго:

A l'heure de l'affut, soit lorsque la lumière
Précipite ses traits dans l'humide séjour,
Soit lorsque le soleil rentre dans sa carrière,
Et que n'étant plus nuit, il n'est pas encore jour,
Au bord de quelque bois sur un arbre je grimpe, etc.

. . . .

Je vois fuir aussitôt toute la nation
Des Lapins, qui sur la bruyère,
L'oeil éveillé, l'oreille au guet,
S'egayaient, et de thim parfumaient leur banquet.
(La Fontaine.—*Les Lapins.*)

Случилось Кролику отъ дома отлучиться,
Иль, лучше: онъ пошелъ *Аврорѣ поклониться,*
На тминѣ, вспрыснутомъ росой.
Здоровъ, спокоенъ и на волѣ,
Попрыгавъ, пощипавъ муравки свѣжей въ полѣ,
(Дмитріевъ.—*Котъ, Ласточка и Кроликъ.*)

Превосходными примѣрами на нашемъ языкѣ *Пріятнаго* могутъ служить приведенныя здѣсь выше * описанія Бури въ басняхъ Дмитріева: *Дубъ и Тростъ* и *Чижикъ и Зяблица;* пѣнія Соловья въ баснѣ Крылова: *Оселъ и Соловей;* также многія описанія въ поэмѣ Богдановича: *Душенька,* въ лирическихъ твореніяхъ Державина, въ сказкахъ Дмитріева, въ балладахъ Жуковскаго; во многихъ стихотвореніяхъ Батюшкова, и проч.

---

* Смотр. Главу II, о *украшеніяхъ Разсказа въ Баснѣ.*

Затворница на то *съ душевнымъ состраданьемъ,*
И лапки положа на грудь свою крестомъ, и проч.

(*Мышь, удалившаяся отъ свѣта*).

А чтобъ Мышиной родъ ему не навредилъ,
Такъ онъ *Полицію* изъ кошекъ учредилъ.
Спокоенъ отъ Мышей Купчина.
По кладовымъ и день и ночь *дозоръ*,
И все бы хорошо, да сдѣлалась причина:
Въ *дозорныхъ* проявился воръ.

(Крыловъ.—*Хозяинъ и Мыши*).

Вступило отъ овецъ *прошеніе въ Приказъ*,
Что Волки *де* совсѣмъ сдираютъ кожу съ насъ.

(*Слонъ на воеводствѣ*).

Какъ прилично послѣ словъ: *прошеніе, Приказъ*, поставлена здѣсь любимая приказными частица: *де*. Весьма забавно также слышать, когда Волкъ, собираясь въ Аркадію, говоритъ Кукушкѣ: «Прощай, *не поминай насъ лихомъ.*»

2) *Въ сравненіи обыкновенныхъ и малозначущихъ вещей съ предметами, важными и величественными.* *

Deux Coqs vivaient en paix: une Poule survint,
Et voila la guerre allumée,
Amour! tu perdis *Troye*.

(La Fontaine.—*Les deux Coqs.*)

---

* C'est le privilége de la Poésie d'annoblir par des images vives, ou des métaphores brillantes, ou par de savantes allusions, les objets les plus vulgaires.„ Guillon въ примѣчаніи въ *: *Le Chartier embourbé.*

Plus d'une *Hélène au beau plumage*
Fut le prix du vainqueur.

(*Тамъ же.*)

Le *Phæton d'une voiture à foin*
Vit son *char* embourbé,

(*Le Chartier embourbé.*)

Un Anier son *sceptre* à la main,
Menait en *Empereur Romain*,
Deux *Coursiers à longues oreilles.* *

(*L'Ane chargé d'éponges et l'Ane chargé du sel.*)

3. *Въ названіи животныхъ общими ихъ именами, которыя часто у насъ въ разговорѣ даются людямъ.* Напримѣръ въ баснѣ Дмитріева: *Два Голубя*, одинъ изъ нихъ говоритъ другому:

Хоть до Зефировъ ты, *голубчикъ*, погоди.

Или Крыловъ въ баснѣ своей: *Свинья*, разсказавъ, какимъ образомъ вымаралась она на заднемъ дворѣ, присовокупляетъ:

И изъ гостей домой
Пришла *свинья свиньей.*

---

* "On a dit que la perfection de la Poésie était d'être une peinture animée. *Ut pictura poesis:* mais la Poésie n'a-t-elle pas encore un autre secrèt que celui de représenter la nature? Oui; celui de l'ennoblir. Un Ane ne sera toujours qu'un Ane sous les pinceaux de Raphael ou sous les crayons d'Oudry. Tout le génie de Greuze, ou de Paul Poter ne saurait nous faire voir dans son conducteur qu'un villageois bien rustre, bien épais, armé d'un bâton. Ici un Anier est une espèce *d'empereur romain* qui le *sceptre en main*, conduit *deux coursiers à longues oreilles.* Онъ же въ примѣчаніи къ баснѣ: *L'Ane chargé d'éponges et l'Ane chargé du sel.*

Есть еще особый родъ *Забавнаго*, который состоитъ уже не въ словахъ, какъ три первые, но въ мысляхъ, и который приличнѣе можетъ быть названъ *Смѣшнымъ*, или *Комическимъ*, потому что невольно заставляетъ насъ смѣяться. Вотъ примѣры:

Mais *tournez-vous de grâce*, et l'on vous répondra.
(*Le Renard qui a la queue coupée.*)

C'est, dit-il, un cadavre: ôtons nous, car *il sent.*
(*L'Ours et les deux Compagnons.*)

Si quelque chat faisait du bruit,
Le Chat prenait l'argent.
(*Le Savetier et le Financier.*)

Laisse là le licou, s'en retourne avec l'or
Sans compter, *ronde ou non*, *etc.*
(*Le Tresor et les deux Hommes.*)

Moi méme de mon bien je serai le larron.
(*L'Enfouisseur et son Compère.*)

Въ заключеніе сей главы, кажется, весьма прилично привести слѣдующее весьма важное замѣчаніе одного изъ лучшихъ новѣйшихъ критиковъ: «Можно говорить пріятнымъ и даже забавнымъ образомъ о всѣхъ вообще матеріяхъ, сколь бы онѣ сами по себѣ скучны и важны ни были *.»

* „L'enjouement peut se répandre en toutes sortes de sujets quelque sérieux, quelque tristes qu'ils soient, il y a toujours une manière de les présenter avec grâces.“ Batteux. — *Principes de la Littérature.* Tome IV, Chapitre VIII.

ГЛАВА VII.

О простодушіи.

Ламоттъ полагаетъ Простодушіе (le Naïf, la Naïveté) въ вѣрномъ и необдуманномъ выраженіи того, что чувствуютъ; * но Мармонтель находитъ недостаточнымъ таковое опредѣленіе для Простодушія, приличнаго собственно баснѣ.

«О достоинствѣ историка, то есть о его безпристрастіи и праводушіи, говоритъ сей писатель: узнаемъ мы по вниманію, съ какимъ разбираетъ онъ обстоятельства и причины происшествій, по его размышленіямъ и краснорѣчію, съ какимъ выражаетъ все то, что самъ чувствуетъ; сіе-то наиболѣе послѣднее качество возвышаетъ Лафонтена надъ его образцами. Эзопъ разсказываетъ просто и кратко; кажется, онъ вѣрно повторяетъ то, что самъ слышалъ; Федръ повѣствуетъ съ бо̀льшею разборчивостію и пріятностію, но за то съ меньшимъ правдоподобіемъ. Изъ сего можно бы было заключить, что для простодушія приличнѣе обыкновенный, простый слогъ безъ всякихъ украшеній; однако Лафонтенъ разсыпалъ въ своихъ басняхъ всѣ сокровища Поэзіи и отъ того кажется еще простодушнѣе. Столь разноцвѣтныя и яркія его краски суть, такъ сказать, черты, которыми Природа съ

* „Le Naturel renferme une idée plus vague, et il est opposé en général au Recherché, au Forcé, au lieu que le Naïf l'est particulièrement au Refléchi et n'appartient qu'au sentiment.“ La Motte. — *Discours sur la Fable.*

удивительною простотою изображала сама себя въ твореніяхъ сего поэта. Съ перваго взгляда это очарованіе искусства кажется непостижимымъ; но когда узнають причину онаго, то дѣйствіе не будетъ удивительно.»

«Лафонтенъ не только слышалъ то, что разсказываетъ, но видѣлъ и думаетъ, что еще видитъ. Мы находимъ въ немъ не поэта, который предается восторгу воображенія, не острослова, который намѣренъ забавлять насъ своимъ разсказомъ, но очевиднаго свидѣтеля происшествія, который старается представить намъ оное столь живо, какъ бы мы сами при томъ были, и для сего употребляетъ всю свою ученость, Краснорѣчіе, Философію, Политику, все свое воображеніе, памать и чувствованіе. Сіи-то усилія, сей увѣрительный тонъ, которымъ говоритъ Лафонтенъ о сущихъ небылицахъ и бездѣлкахъ, какъ бы о происшествіяхъ истинныхъ и важныхъ; участіе, принимаемое имъ въ Кроликѣ и Ласточкѣ, заставляетъ насъ почти ежеминутно, слушая его, восклицать: *о простакъ!* (le bon homme). Такъ называли его въ обществѣ, и его характеръ перешелъ въ его басни. Вотъ отъ чего столь естественны его обороты, столь просты выраженія и столь живы картины. Хотя Ламоттъ и сказалъ:

Du fond de sa cervelle un trait naïf s'arrache —

но, вѣрно, не Лафонтенъ ломалъ надъ этимъ голову.»

«Геній его возвышается, какъ онъ описываетъ междоусобную войну Коршуновъ:

Il plut du sang.

Сіе изображеніе кажется ему еще слабымъ, и для того онъ присовокупляетъ:

Et sur son roc Prométhée espéra
De voir bientôt une fin à sa peine.

Ссора двухъ Пѣтуховъ напоминаетъ ему о самыхъ ужасныхъ бѣдствіяхъ, причиненныхъ любовью:

Amour, tu perdis Troye.

Двѣ Козы встрѣтились на узкомъ мостикѣ и не могли разойтись; ни одна изъ нихъ не хотѣла уступить другой мѣста, и Лафонтену кажется, что онъ видитъ

Avec Louis le Grand
Philippe Quatre qui s'avance
Dans l'Isle de la Conférence.

Лисица забралась ночью въ курятникъ.
Les marques de sa cruauté,
Parurent avec l'aube; ou vit un étalage
De corps sanglans et de carnage.
Peu s'en fallut que le Soleil
Ne rebroussât d'horreur vers le manoir liquide.
Tel, et d'un spectacle pareil
Apollon irrité contre le fier Atride,
Joncha son camp de morts: on vit presque détruit
L'ost des Grecs; et ce fut l'ouvrage d'une nuit.

Tel encor autour de sa tente,
Ajax, à l'âme impatiente,
De Moutons et de Boucs fit un vaste débris,
Croyant tuer en eux son concurrent Ulysse,
Et les auteurs de l'injustice
Par qui l'autre emporta le prix.
Le Renard, autre Ajax aux volailles funeste,
Emporte ce qu'il peut, laisse étendu le reste.

Лафонтенъ имѣетъ всегда слогъ, приличный матéріи. Онъ не смотритъ на лица: въ дѣлахъ обыкновенныхъ Юпитеръ у него то же, что и человѣкъ; а Комаръ становится героемъ, когда вступаетъ со Львомъ въ сраженіе, и это весьма естественно. Никто изъ поэтовъ не переходилъ столь быстро отъ одной крайности къ другой, не возвышался и не опускался столь удачно какъ Лафонтенъ. Ламоттъ называетъ таковые переходы *философическою веселостію* и почитаетъ ихъ источникомъ *Забавнаго*. Но Лафонтенъ не имѣлъ намѣренія казаться забавнымъ, сравнивая великое съ малымъ; напротивъ того, говоря съ притворною важностію о малыхъ предметахъ, онъ хотѣлъ только, чтобы объ немъ думали, будто онъ въ самомъ дѣлѣ, по простотѣ своей, считаетъ ихъ наравнѣ съ предметами великими, и успѣлъ такимъ образомъ ввести насъ въ пріятный обманъ: отъ сего-то самаго не видно у Лафонтена ни малѣйшаго принужденія ни въ простомъ слогѣ, ни въ возвышенномъ. Если, забывшись, повидимому, возвышается онъ
своихъ размышленіяхъ и въ описаніяхъ, то

вдругъ, какъ бы опомнившись, возвращается къ настоящему своему предмету и опускается столь удачно, что читатель или слушатель, не имѣетъ почти времени сего замѣтить и остается всегда имъ доволенъ. Всякій предметъ у Лафонтена возбуждаетъ въ немъ чувство и представляетъ картину, сему особенно предмету свойственную, что легко видѣть можно во всѣхъ его описаніяхъ, въ разговорѣ и рѣчахъ. Читайте для описаній басни: *Фебъ и Борей*, *Дубъ и Трость*; для разговора: *Волкъ и Ягненокъ*, *Улиссовы Спутники*; для монологовъ и рѣчей: *Царь и Пастухъ*, *Волкъ и Пастухи*; *Человѣкъ и Змѣя* — басни, могущія служить образцами какъ Философіи, такъ и Поэзіи. Много уже говорили о томъ, что одна изъ нихъ вредитъ другой; но есть ли изъ древнихъ и изъ новыхъ какой либо поэтъ забавнѣе, пріятнѣе, плодовитѣе и разнообразнѣе, а философъ умнѣе и глубокомысленнѣе Лафонтена?»

«Однако ни Философія, ни Поэзія не вредятъ его простодушію; напротивъ того, чѣмъ болѣе употребляетъ онъ той и другой въ своихъ повѣствованіяхъ, въ размышленіяхъ и въ описаніяхъ, тѣмъ болѣе кажется увѣреннымъ въ справедливости того, что намъ разсказываетъ, и слѣдовательно простодушнѣе.»

«И такъ первое попеченіе баснописца должно состоять въ томъ, чтобы казаться увѣреннымъ въ истинѣ своего повѣствованія; второе, сдѣлать

сію увѣренность забавною, а третіе, соединять забавное съ полезнымъ.»

Pueris dant frustula blandi
Doctores elementa velint ut niscere prima.
Horat.

«Баснописцу не должно увѣрять насъ, что Левъ, Оселъ и Лисица дѣйствительно говорили; но только казаться, будто онъ самъ тому вѣритъ, и для сего надобно ему наблюдать приличія, то есть заставлять говорить и дѣйствовать сихъ животныхъ собразно характеру и побужденіямъ, которыя имъ приписываетъ. И такъ правило выдерживать въ баснѣ характеры, есть слѣдствіе того начала, что все въ оной должно показывать намъ легковѣріе баснописца. При всемъ томъ надобно, чтобы такое легковѣріе было еще забавно, и въ семъ послѣднемъ случаѣ Ламоттъ также ошибся. Примѣтно, что онъ въ своихъ басняхъ старается быть забавнымъ и даже замысловатымъ; а ничто такъ не противно характеру басни какъ замысловатость.»

Un homme avoit perdu sa femme,
Il veut avoir un Perroquet.
Se console qui peut. Plein de la bonne dame,
Il veut du moins chez lui *remplacer son caquet.*

«Лафонтенъ тщательно избѣгаетъ всего, что имѣетъ видъ насмѣшки. Если онъ пускаетъ иногда стрѣлы, то всегда старается ихъ притуплять.»

A ces mots l'animal pervers,
C'est le serpent que je veux dire.

«Вотъ превосходная эпиграмма! Поэтъ оста-

новился бы здѣсь, если бы хотѣлъ быть забавнымъ, или замысловатымъ; но онъ желалъ быть, или лучше сказать, дѣйствительно былъ простодушнымъ. И такъ онъ прибавляетъ:

C'est le serpent que je veux dire,
Et non l'homme, on pourrait aisément s'y tromper.

«Также къ слѣдующимъ стихамъ, которыми оканчивается басня: *Мышь Пустынница.*

Qui désignerai je, à votre avis,
Par ce Rat si peu sécourable?
Un Moine? non, mais un Dervis.

присовокупляетъ:

Je suppose qu'un Moine est toujours charitable.

«Замысловатость (la finesse du style) состоитъ въ томъ, когда не хотятъ сказать всего прямо, а предоставляютъ угадывать; * простодушіе же, когда говорятъ все, что думаютъ.»

Лафонтенъ заставляетъ насъ часто смѣяться, но всегда на свой счетъ. Стараясь, напри-

---

* Но и замысловатость иногда бываетъ соединена съ простодушіемъ. Напримѣръ: Хемницеръ въ сказкѣ своей: *Метафизикъ*, говоритъ

„Что, если бы вралей и остальныхъ собрать
И въ яму къ этому въ товарищи послать?
Да яма надобна большая!

Или Лафонтенъ въ баснѣ: la Laitière et le Pot au lait:

La Dame de ces biens, quittant d'un oeil marri
Sa fortune ainsi répandue,
Va s'excuser à son mari,
En grand danger d'être battue.

Гилльонъ, въ нотѣ къ приведенному здѣсь изъ сей басни стиху: *la dame de ces biens, etc.* очень справедливо замѣчаетъ: „La naïveté n'exclut pas la délicatesse, pas même l'ironie, pourvu qu'elle soit fine et légère: on le voit à cet hémistiche."

мѣръ, увѣрить насъ, что Ласточка дѣйствительно пролѣзла въ узкую скважину на чердакъ, говоритъ, будто она передъ тѣмъ только временемъ оправилась отъ болѣзни; желая изобразить намъ опытность старой Крысы и опасности, въ которыхъ находилась она, утверждаетъ, что эта Крыса лишилась на сраженіи хвоста, и т. п. — Мы смѣемся, но чему? — Простодушію поэта, — и въ стóль тонкія сѣти уловляетъ онъ наше тщеславіе!» (Marmontel. — *Poétique française, Tome second, Chapitre XVII de la Fable.*)

Флоріанъ весьма справедливо, въ предисловіи къ своимъ баснямъ, замѣчаетъ, что никто не изъяснилъ столь хорошо простодушія и характера Лафонтена, какъ Мармонтель. — И такъ, кажется, можно теперь опредѣлить Простодушіе слѣдующимъ оброзомъ:

Простодушіе состоитъ въ томъ, когда мы, по простотѣ своей, либо по неосторожности, говоримъ то, что для собственной нашей выгоды должны бы были скрывать отъ другихъ — или когда забавляемъ другихъ нашею простотою и легковѣріемъ.

Вотъ еще нѣкоторые примѣры простодушія въ томъ и другомъ случаѣ, взятые изъ Лафонтена и изъ лучшихъ нашихъ отечественныхъ баснописцовъ:

I.

Il se battait, dit-il, les flancs avec ses bras,
Faisant tel bruit et tel fracas

Que moi, qui grâce au Ciel, *de courage me pique*
En ai pris la fuite de peur
Le maudissant de très bon coeur.
Sans lui j'aurais fait connaissance, etc.
(*Le Cochet, le Chat et le Souriceau.*)
En son hôtel il fait venir
Le chanteur, et lui dit: or ça, sire Grégoire,
Que gagnez vous par an!—Par an! ma foi, monsieur,
Dit avec un ton de rieur
Le gaillard Savetier, *ce n'est point ma manière*
De compter de la sorte, etc.
(*Le Financier et le Savetier.*)
Nous l'estimerions plus s'il était ignorant.
(*Démocrite et les Abdèritains.*)
Онъ ими такъ махалъ
И такъ ужасно горло дралъ,
Что я, таки не трусъ, *а подавай Богъ ноги.*
(Дмитріевъ.—*Пѣтухъ, Котъ и Мышенокъ.*)
Ты мой спаситель! говоритъ:
Мнѣ не забыть того, пока жива я буду,
А между тѣмъ . . . . *уже не въ мочь моей спинѣ!*
(*Человѣкъ и Конь.*)
Возьми-ка ты впередъ щенка любова
Отъ жучки; я бы радъ сосѣда дорогова
Отъ сердца надѣлить,
Чѣмъ ихъ топить.
(Крыловъ.—*Крестьянинъ въ бѣдѣ.*)

II.

Je ne suis pas de ceux qui disent: ce n'est rien,
C'est une femme qui se noye.
Je dis que *c'est beaucoup; et ce sexe vaut bien*
Que nous le regrettions, puisqu'il fait notre joie.
(*La Femme noyée.*)

Ecoutez ce récit
Que je tiens d'un Roi plein de gloire
Le défenseur du Nord vous sera mon garant:
Je veux citer un Prince aimé de la victoire:
Son nom seul est un mur à l'Empire Ottoman:
C'est le Roi Polonais; *jamais un Roi ne ment.*
(*Les deux Rats, le Renard et l'Oeuf.*)

Le Porc à s'en graisser coutera peu de son:
Il était, quand je l'eus, de grosseur raisonnable.
(*La Laitière et le Pot au lait.*)

Какой-то былъ Кащей и денегъ тму имѣлъ,
А сказывалъ онъ самъ, что онъ разбогатѣлъ,
Не криводушно поступая, и проч.
(Хемницеръ. — *Кащей.*)

Прошло, *не знаю*, сколько лѣтъ,
Однако, *помнится*, не много.
(*Орлы.*)

Хотя Слонамъ сидѣть съ Ослами и невмѣстно,
Но Левъ не могъ того числа Слоновъ набрать,
Какому надлежало
Въ Совѣтѣ засѣдать.
Ну чтожъ! пускай числа всего бы не достало,
Вѣдь это бъ не мѣшало
Дѣла производить! —
Нѣтъ! какъ же! *а уставъ ужъ ли преступить?*
(*Левъ, учредившій Совѣтъ.*)

Кто какъ ни говори, что будто нѣтъ страстей
Въ животныхъ, какъ и межъ людей;
А зависть въ нихъ бываетъ
И, можетъ быть, *людской* еще не уступаетъ.

(*Соловей и Вороны.*)

Два были Богача, и оба въ тяжбѣ были.
Причины же прямой я не могу сказать:
Кто можетъ все подробно знать!
Къ тому же *толкъ инымъ дѣламъ приказнымъ дать*
Не такъ-то, чтобъ легко.

(*Два Богача.*)

Кого же мы съ Пчелой и съ Курицей сравнимъ?
Невѣжда и Хвастунъ озлится,
Когда съ наслѣдкою сравнится:
Такъ только ко Пчелѣ науку примѣнимъ.

(*Пчела и Курица.*)

Кто, спрашиваю васъ, похожъ на эту мышь!
Монахъ! *Избави Богъ и думать!—нѣтъ, Дервишъ.*

(**Дмитріевъ.**—***Мышь, удалившаяся отъ свѣта.***)

Однимъ лишь Откупщикъ страдаетъ,
Что онъ не досыпаетъ.
Ужъ Божьяго ль боится онъ суда.

(**Крыловъ.**—*Откупщикъ и Сапожникъ.*)

Да спрашивай ты *толку у звѣрей.*

(*Медвѣдь у Пчелъ.*)

РАЗБОРЪ БАСЕНЪ.

I. ХЕМНИЦЕРА *ВОЛЯ И НЕВОЛЯ*.

Приступая къ разбору сей басни, нахожу необходимо нужнымъ помѣстить ее здѣсь всю въ подлинникѣ. Вотъ она:

Волкъ, долго не имѣвъ поживы никакой,
Былъ тощъ, худой,
Такой 1),
Что кости лишь одни да кожа;
И Волку этому случись
Съ Собакою сойтись,
Которая была собой росла, *пригожа* 2),
Жирна,
Дородна и сильна.
Волкъ радъ бы всей душой съ Собакою схватиться
И ею поживиться;
Да полно для того не смѣлъ,
Что не по немъ была Собака,
И не по немъ была бы драка.
И такъ *со стороны учтивой* подошелъ 3),
Лисой къ ней началъ подбиваться:
Ея дородству удивляться
И всячески ее хвалить.
«Не стоитъ ничего тебѣ такимъ же быть,
Собака говоритъ: какъ скоро согласишься
Идти со мною въ городъ жить.
Ты будешь весь иной, и такъ переродишься,
Что самъ себѣ не надивишься,

Что ваша жизнь и вправъ! Скитайся все, рыщи,
И *съ горемъ пополамъ* поѣсть чего, ищи;
А даромъ и кускомъ не думай поживиться:
Все *съ бою* должно взять;
А это на какую стать? 4),
Куда такая жизнь годится!
Вѣдь посмотрѣть, такъ въ чемъ душа-то, право, въ васъ!
Не ѣвши цѣлы дни, вы всѣ какъ *испитые*,
Поджарые, худые 5).
Нѣтъ! то-то жизнь-то какъ у насъ!
Ѣшь не хочу — всего, чего *душа желаетъ!*
Послѣ гостей
Костей, костей 6),
Остатковъ отъ стола: такъ столько ихъ бываетъ,
Что *некуда дѣвать;*
А ласки отъ *господъ, ужь подлинно сказать!*»
Растаялъ Волкъ, услыша вѣсть такую,
И даже *слезы на глазахъ* 7)
Отъ размышленія о будущихъ пирахъ.
— А должность исправлять за это мнѣ какую?
Спросилъ Собаку Волкъ. — «Что должность? *Ничего!*
Вотъ только лишь *всего,*
Чтобъ не пускать на дворъ чужаго *никого* 8);
Къ хозяину ласкаться,
И около людей домашнихъ увиваться.»
Волкъ, слыша это все, не шелъ бы, а летѣлъ;
И лѣсъ ему такъ омерзѣлъ,
Что про него ужъ онъ и думать не хотѣлъ;
И всѣхъ Волковъ себя счастливѣе считаетъ.
Вдругъ на Собакѣ онъ дорогой примѣчаетъ,
Что съ шеи шерсть у ней сошла.
— *А это что такое;*

Что шея у тебя гола? —
«*Такъ! это ничего, пустое . . .*»
— *Однако жъ, скажи.* — «*Такъ, право ничего.*
Я чаю,
Это отъ того,
Когда я иногда на привязи бываю 9).»
— На привязи! тутъ Волкъ вскричалъ:
Такъ ты не все живешь на волѣ? —
«*Не все! да полно что́ въ томъ нужды?*» Песъ сказалъ.
— *А нужды столько въ томъ*, что не хочу я болѣ
Низачто всѣхъ пировъ твоихъ.
Нѣтъ! воля мнѣ дороже ихъ;
А къ ней на привязи, я знаю, нѣтъ дороги. —
Сказалъ, и къ лѣсу дай Богъ ноги 10).

Примѣчанія.

Это самая лучшая басня простодушнаго Хемницера. Главнѣйшее достоинство оной состоитъ въ простотѣ, естественности и живости разсказа.

1) Былъ тощъ, худой,
Такой

Одностопные стихи, если помѣщены въ баснѣ, или гдѣ бы то ни было, безъ особеннаго намѣренія, бываютъ всегда противны для слуха, и весьма справедливо называются у Французовъ avortons de la poésie. Сумароковъ и всѣ прежніе наши фабулисты, даже самъ Хемницеръ, безъ всякой нужды вставляли въ свои басни такіе короткіе стихи. Дмитріевъ первый началъ у насъ употреблять ихъ удачно, а послѣ него уже Крыловъ. Одностопные стихи сихъ двухъ нашихъ басно-

писцевъ-поэтовъ служатъ почти вездѣ къ живѣйшему изображенію описываемаго ими дѣйствія, или предмета, и потому врѣзываются, такъ сказать, въ память слушателей и читателей.

2) Которая была росла собой, *пригожа.*

У Лафонтена: Ce Loup rencontre un Dogne aussi puissant que beau. Однако beau не всегда значитъ *пригожій. Пригожій* относится единственно къ лицу, и потому эпитетъ сей идетъ только къ людямъ. *Пригожій* человѣкъ можетъ быть иногда и не *красивъ,* напр. имѣть дурной станъ и т. п. — слово же: *красивый* имѣетъ обширнѣйшее значеніе: подъ именемъ *красиваго* человѣка разумѣю я *пригожаго* и вмѣстѣ *статнаго.* Мы называемъ также *красивыми* не только животныхъ, растенія, но и неодушевленныя вещи, напримѣръ: *красивая* лошадь, *красивый* цвѣтокъ, *красивый* ларчикъ; а никогда не скажемъ: *пригожая* лошадь, *пригожій* цвѣтокъ, *пригожій* ларчикъ.

3) И такъ *со стороны учтивой* подошелъ.

Странное выраженіе! Вмѣсто сихъ двухъ словъ: *со стороны учтивой* — поставилъ бы я только одно: *съ учтивостью.*

4) А это *на какую стать?*

Дурной и совершенно излишній стихъ, употребленный, вѣроятно, только для риѳмы. Въ слѣдующемъ стихѣ заключается также самая мысль, но она выражена гораздо лучше и естественнѣе.

5) Не ѣвши цѣлы дни, вы всѣ какъ *испитые,*
Поджарые, худые.

Худой человѣкъ, или *худое животное*, въ отношеніи къ тѣлу, значитъ то же самое, что и *сухощавый*, то есть противный *дородному; поджарый* тотъ, кто имѣетъ впалый животъ; *испитый* — потерявшій много крови. Жаль только, что въ сихъ выраженіяхъ не соблюдена постепенность (gradation). Слово: *испитые*, какъ самое сильнѣйшее, должно бы здѣсь поставить послѣ *поджарыхъ* и *худыхъ*. — Есть преданіе, будто змѣи, оборачивающіеся въ *молодцовъ* и влетающіе по ночамъ чрезъ *печную трубу* къ своимъ любовницамъ, сосутъ изъ нихъ кровь. Не отъ того ли произошло слово: *испитый?*

6) Послѣ гостей
Костей, костей!

Замѣтьте, какъ удачно повторено здѣсь это слово.

7) Растаялъ Волкъ, услышавъ вѣсть такую.
И даже *слезы на глазахъ*
Отъ размышленія о будущихъ пирахъ.

Очень забавно видѣть *слезы умиленія* на глазахъ у Волка, который совсѣмъ не охотникъ плакать и неспособенъ къ нѣжнымъ чувствованіямъ. У Лафонтена сказано еще лучше:

Le Loup déjà se forge une félicité
Qui le fait pleurer de tendresse.

Флоріанъ съ успѣхомъ воспользовался этою мыслью и даже выраженіемъ въ прекрасной своей баснѣ: Le vieux Arbre et le Jardinier.

8) Что должность! *Ничего:*
Вотъ только лишь *всего*,
Чтобъ не пускать на дворъ чужаго *никого*.

Если въ *вольныхъ*, или *неровныхъ* стихахъ (vers libres) три сряду оканчиваются одинакою риѳмою, то это дѣлаетъ какую-то особенную пріятность для слуха. Прибавьте еще четвертый стихъ съ такою же риѳмою,—и все будетъ испорчено. Впрочемъ, могутъ оканчиваться одинакими риѳмами пять и шесть стиховъ, когда изображается въ нихъ какое нибудь быстрое дѣйствіе.

9) *Когда я иногда* на привязи бываю.

Однозвучныя слова не только въ стихахъ, но и въ прозѣ не должны никогда стоять сряду. Стихъ сей можно бы перемѣнить такимъ образомъ:

Что иногда на привязи бываю.

10) Сказалъ, и къ лѣсу дай Богъ ноги.

Хемницеръ, точно также, какъ и Лафонтенъ, не изъясняетъ смысла этой басни и не прибавляетъ къ ней никакого нравоученія. Да и на что? Всякой читатель, или слушатель, видитъ изъ оной, что самая бѣдность при свободѣ предпочтительнѣе изобилію въ неволѣ. Издатели *Краткой Стихотворной Энциклопедіи на французскомъ языкѣ* (Petite Encyclopédie Poétique) весьма справедливо почитаютъ лучшими (относительно къ изобрѣтенію) тѣ басни, которыя могутъ обойтись безъ *нравоученія*, или поясненія.

Во всѣхъ почти французскихъ піитикахъ, въ примѣръ естественности разговора въ баснѣ,

приводится изъ Лафонтена сія самая сцена Волка съ Собакою. Сравните же переводъ Хемницера съ оргиналомъ и вы увидите, что первый не уступаетъ ни въ чемъ послѣднему, но даже и превосходитъ оный.

Въ заключеніе сей статьи скажу нѣсколько словъ вообще о басняхъ Хемницера. — Многіе обвиняютъ его въ томъ, что большая часть стиховъ въ басняхъ его и Сказкахъ оканчиваются глаголами; что онъ, по примѣру Сумарокова и прочихъ прежнихъ нашихъ баснописцевъ, употреблялъ часто безъ нужды непріятные для слуха одностопные стихи, и что, наконецъ, нѣтъ у него той возвышенной поэзіи, или стихотворной живописи, какою плѣняетъ насъ Лафонтенъ, Дмитріевъ и Крыловъ. Все это справедливо; но Хемницеръ имѣетъ самое главное и существенное достоинство баснописца-поэта: *простодушіе* (la naïveté). Если бы онъ, при своемъ плѣнительномъ простодушіи, одаренъ былъ столь же сильнымъ и пламеннымъ чувствомъ какъ Дмитріевъ, еслибъ владѣлъ, подобно ему, животворною кистью Поэзіи, и съ такимъ же тщаніемъ и вкусомъ обработывалъ свои стихи: то я не усумнился бы назвать его вторымъ Лафонтеномъ. Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что Хемницеръ первый началъ у насъ писать въ стихахъ настоящимъ простымъ слогомъ въ то время, когда языкъ не былъ еще очищенъ и когда не имѣли понятія о хорошей версификаціи. Удивительно, какъ могъ онъ, безъ основатель-

наго ученія словесности и образцовъ на отечественномъ языкѣ, дотигнуть совершенства въ столь трудномъ родѣ стихотвореній, какимъ признается Басня, получившая отъ Лафонтена новую форму. Разсказъ у Хемницера безподобенъ: нигдѣ почти у него не видно принужденія; кажется, что онъ писалъ безъ всякаго труда и забавлялъ невольно читателей своею простотою; но сія-то мнимая простота (bonhomie), или правильнѣе: *простодушіе*, есть въ Баснѣ и Сказкѣ верхъ дарованія и искусства.

—

II. РАЗБОРЪ БАСНИ И. И. ДМИТРІЕВА.

КОТЪ, ЛАСТОЧКА И КРОЛИКЪ.

Случилось Кролику отъ дома отлучиться 1).
Иль, лучше, *онъ пошелъ Аврорѣ поклониться*
На тминѣ, вспрыснутомъ росой 2).
Здоровъ, спокоенъ и на волѣ,
Попрыгавъ, пощипавъ *муравки* свѣжей въ полѣ,
Приходитъ *Кроличекъ* домой 3),
И что же! — чуть его не подкосились ноги! —
Онъ видитъ: Ласточка разставливаетъ тамъ
Своихъ *Пенатовъ* по угламъ 4)!
Во снѣ ли я, иль нѣтъ, *страннопріимны боги* 5)!
Изгнанникъ возопилъ
Изъ отческаго дома 6).
«*Что надобно?*» вопросъ хозяйки новой былъ 7).
Чтобъ ты, *сударыня*, *безъ грома*
Скорѣй отсюда вонъ! ей Кроликъ отвѣчалъ:

Пока я всѣхъ мышей на помощь не призвалъ. —
„*Мнѣ выдти вонъ?* она вскричала: *вотъ прекрасно!*
Да что за право самовластно?
Кто далъ тебѣ его? И стоитъ ли *войны*
Нора, въ которую и самъ *ползкомъ* ты входишь?
Но пусть и царство будь, не всѣ ль мы здѣсь равны?
И гдѣ, скажи мнѣ, ты находишь,
Что Богъ, создавши свѣтъ, его размежевалъ?
Богъ создалъ Ласточку, тебя и *Дромадера* 8).
А землемѣра
Отнюдь не создавалъ.
Ктожъ болѣ права далъ на эту десятину
Петрушкѣ Кролику, племяннику, иль сыну
Филата, Фефела, чѣмъ Карпу, или мнѣ?
Пустое, братъ! земля всѣмъ служитъ наравнѣ;
Ты первый захватилъ — тебѣ принадлежала;
Ты вышелъ, я пришла: моею норка стала.“
Петръ Кроликъ *приводилъ въ доводъ*
Обычай, давность — ихъ *закономъ*,
Онъ утверждалъ: *введенъ въ владѣніе нашъ родъ*
Безспорно этимъ *домомъ*,
Который Кроликомъ *Софрономъ*
Отказанъ, справленъ былъ за сына своего
Ивана Кролика; по смерти же его
Достался, *въ силу права*,
Тожъ сыну, именно мнѣ, Кролику *Петру* 9).
Но если думаешь, что вру,
Такъ отдадимъ себя на судъ мы *Крысодава*. —
А этотъ *Крысодавъ*, сказать безъ многихъ словъ,
Былъ *постный, жирный* Котъ, мужъ святъ изъ всѣхъ Котовъ,
Пустынникъ набожный средь свѣта,
И въ *казусныхъ* дѣлахъ оракулъ для совѣта.

«Съ охотой!» Ласточка сказала. — И потомъ
Пошли они къ Коту. Приходятъ, бьютъ челомъ
И оба говорятъ: *Помилуй!* — *Разсудите!*... 11) —
«Поближе, *дѣтушки*, ихъ перервалъ судья:
Не слышу я,
Отъ старости сталъ глухъ; поближе подойдите!» —
Они подвинулись, и *вновь ему поклонъ* 12).
А онъ 13),
Вдругъ обѣ лапы врозь, *царапъ* того другова,
И вмигъ ихъ примирилъ:
Не вымолвя ни слова,
Задавилъ 14), —
Не тоже ль иногда бываетъ съ Корольками,
Когда они въ своихъ дѣлишкахъ по землямъ
Не могутъ примириться сами,
А прибѣгаютъ къ Королямъ!

Примѣчанія.

1) Случилось Кролику отъ дома отлучиться.

Начало очень просто. Таково и всегда почти бываетъ вступленіе (exorde) у искусныхъ писателей. Парнасскій законодатель сказалъ:

Que le début soit simple et n'ait rien d'affecté.
(Boileau. — L'Art Poétique).

2) Иль, лучше: *онъ пошелъ Аворѣ поклониться*
На тминѣ, *всприснутомъ* росой.

Какой быстрый и счастливый переходъ изъ простаго слога въ возвышенный, стихотворный! Басня есть Поэма, а истинная Поэзія не можетъ быть безъ *вымысловъ* и *живописи*.

Вотъ самыя главныя и существенныя ея отличія отъ Прозы. Прозаикъ сказалъ бы только: *Кроликъ, передъ восхожденіемъ солнца, пошелъ щипать траву;* но поэтъ приводитъ Кролика ко *двору Авроры* и нѣсколькими чертами дѣлаетъ прелестное изображеніе утра.

На тминѣ, *вспрыснутомъ* росой.

«Слово: *вспрыснутый* — здѣсь прекрасно! Можно бы сказать: *орошенный*, *омытый*; но поэтъ-баснописецъ употребилъ выраженіе новое и совершенно приличное; однимъ словомъ: сіе выраженіе употреблено здѣсь такъ кстати, что, мнѣ кажется, я вижу капельки росы, блестящія на тминѣ.» Такъ говоритъ г-нъ *Ж. М.* (смотр. *Сынъ Отечества* 1817, № 15.) Соглашаюсь съ его мнѣніемъ, хотя это выраженіе и казалось мнѣ прежде нѣсколько изысканнымъ.

Persister dans sa faute, est horrible et funeste.
(Voltaire. — Tancrède.)

3) Попрыгавъ, пощипавъ *муравки* свѣжей въ полѣ,
Приходитъ *Кроличекъ* домой.

Какъ прилично употреблены здѣсь уменьшительныя: *муравка* и особенно *кроличекъ!* Поставьте вмѣсто сего послѣдняго слова—*кроликъ*, и вся прелесть исчезнетъ. Вотъ что̀ значитъ удачный выборъ словъ!

4) Онъ видитъ: Ласточка разставливаетъ тамъ
Своихъ *Пенатовъ* по угламъ.

Многимъ молодымъ нашимъ *словеснымъ* критикамъ, похожимъ на бывшихъ *Глукистовъ* и *Пиччинистовъ*, не нравятся здѣсь *Пенаты*.— «Какіе могутъ быть *Пенаты* у *Ласточки?* говорятъ они. Хемницеръ, вѣрно, не сдѣлалъ бы такой ошибки.» — Если это ошибка, то она не столько принадлежитъ переводчику сколько сочинителю. Лафонтенъ въ баснѣ своей говоритъ о Ласточкѣ: Elle porta chez lui ses Pénates un jour. Однако ни Баттэ, ни Лагарпъ, ни даже самъ строгій Шамфоръ не нашли тутъ никакой ошибки. Животныя должны говорить и дѣйствовать въ баснѣ подобно людямъ. Что же приличнѣе дѣлать Ласточкѣ на новосельѣ, какъ не *разставливать*, или не *разстанавливать своихъ Пенатовъ?* И почему позволяютъ намъ говорить не только въ стихахъ, но и въ прозѣ, даже въ обыкновенномъ разговорѣ: *возвратился къ своимъ Пенатамъ, перенесъ своихъ Пенатовъ*, когда у насъ вовсе ихъ нѣтъ?

5) Во снѣ ль я, или нѣтъ, *страннопріимны боги!*

«Первый вопль угнетенной невинности есть воззваніе къ Божеству. Поэтъ чувствовалъ сіе; и Философія должна согласиться, что человѣкъ, по существу своему, столько же богобоязливъ, сколько и разсудителенъ.» — (*Гильонъ*, въ примѣчаніяхъ своихъ къ Лафонтеновой баснѣ: Le Chat, la Belette et le petit Lapin.)

6) *Изгнанникъ* возопилъ
Изъ отческаго дома.

Глаголъ *возопилъ*, поставленъ здѣсь не на мѣстѣ: слѣдующія слова: *изъ отческаго дома* относятся къ *изгнаннику*, а не къ *возопилъ;* и потому надлежало бы сказать: *изгнанникъ изъ отческаго дома* возопилъ. Притомъ слово: *отческій*, кажется, немного высоко для басни.

7) «*Что надобно!*» вопросъ хозяйки новой былъ.

Характеры Ласточки и Кролика изображены какъ нельзя лучше. Первая, завладѣвъ наглымъ образомъ чужимъ домомъ, по возвращеніи настоящаго хозяина, спрашиваетъ его хладнокровно: *что надобно?* и послѣ того, опасаясь справедливыхъ его угрозъ, говоритъ ему; «стоитъ ли *войны нора*, въ которую и самъ *ползкомъ* ты входишь?» — Послѣдній, то есть Кроликъ, несмотря на сдѣланную ему чувствительную обиду, готовъ забыть ее, лишь бы только очистили его домъ: отъ другаго чего нибудь, можетъ быть, онъ охотно бы и отступился; но домъ необходимо для него нуженъ, и потому-то только грозитъ онъ призвать къ себѣ на помощь непримиримыхъ Ласточкиныхъ враговъ — мышей. Съ одной стороны, наглость и хитрость; съ другой добродушіе и простота — Разговоръ Ласточки съ Кроликомъ исполненъ простоты, живости и естественности. *Сударыня!* — *Мнѣ выдти вонъ?* — *Вотъ прекрасно!* — *Пустое, братъ!* и проч. — Это говорятъ не звѣри, а люди.

8) Богъ создалъ Ласточку, тебя и *Дромадера*.

Примѣтно, что *Дромадеръ* употребленъ здѣсь только для риѳмы. Но то ли еще другіе для нея дѣлаютъ! Въ стихахъ не столь искуснаго версификатора, какимъ по справедливости почитается у насъ И. И. Дмитріевъ, я не замѣтилъ бы такой мелочи.

9) *Тожъ сыну, именно,* мнѣ, Кролику Петру.

Это самый лучшій на нашемъ языкѣ примѣръ *Забавнаго* (le Plaisant, le Riant), которое состоитъ большею частію въ томъ, когда баснописецъ говоритъ о животныхъ точно такъ, какъ бы о людяхъ, то есть: даетъ имъ названія, качества, дѣйствія, обычаи и принадлежности человѣческія.—*Петръ* Кроликъ говоритъ здѣсь о своемъ дѣлѣ точно такъ, какъ бы стряпчій, или повѣренный.

10) Былъ *постный*, *жирный* Котъ, мужъ святъ
изъ всѣхъ Котовъ.

Тартюфъ изображенъ здѣсь какъ нельзя лучше двумя только словами.

11) И оба говорятъ: «*Помилуй!*»—*Разсудите!..*—
. . . .

12) Они подвинулись, и *вновь ему поклонъ.*

Настоящіе просители: оба говорятъ и вдругъ кланяются судьѣ.

13) *А онъ,*
Вдругъ обѣ лапы врознь, *царапъ* того, другова.

Одностопный стихъ: *а онъ,* употребленъ здѣсь очень кстати потому, что краткостію своею весьма

живо изображаетъ скорость, съ которою Котъ бросается на Кролика и Ласточку. — Слово: *царапъ*, покажется иному строгому критику столь же низко, какъ и *анъ*, *какъ-бишь*, и т. п. Но я осмѣливаюсь спросить: какими другими словами эти замѣнены быть могутъ, и почему *низки* они? Конечно, смѣшно бы было встрѣтить такія слова въ стихотвореніяхъ высокаго рода, напримѣръ: въ Одѣ, въ Трагедіи, въ Эпической Поэмѣ; но почему не употреблять ихъ въ Комедіяхъ, Сказкахъ и Басняхъ, которыя бываютъ тѣмъ лучше, чѣмъ ближе подходятъ къ обыкновенному разговору.

14) *Задавилъ.*

«Какъ это въ *ямбическихъ* стихахъ замѣшался одинъ, состоящій изъ чистаго *анапеста*? На что же и правила?» восклицаютъ уставщики кавыкъ и строчныхъ *препинаній*. — *Нѣтъ* однако *правила безъ исключенія*, и геніи могутъ иногда не слѣдовать правиламъ, потому что они сдѣланы не для всѣхъ случаевъ, и потому что изъ образцовыхъ твореній геніевъ извлекаются обыкновенно правила, служащія дополненіемъ къ прежнимъ. По моему мнѣнію, *анапестъ*, сія тяжелая стопа, изображаетъ здѣсь весьма удачно то усиліе, съ какимъ Котъ давитъ Ласточку и Кролика.

—

III. РАЗБОРЪ БАСНИ И. А. КРЫЛОВА:

ЛЯГУШКИ, ПРОСЯЩІЯ ЦАРЯ.

Лягушкамъ стало *не угодно,*
Правленіе *народно,*
И показалось имъ совсѣмъ *не благородно*
Безъ службы и *на волѣ* жить 1).
Чтобъ горю пособить,
То стали у *боговъ* Царя они просить 2).
Хоть слушать всякой вздоръ богамъ бы и *не сродно* 3)
На сей однакожъ разъ послушалъ ихъ Зевесъ 4),
Далъ имъ Царя — летитъ къ нимъ *съ шумомъ*
Царь съ небесъ 5),
И плотно *такъ онъ трепнулся* на царство 6),
Что *ходенемъ пошло трясинно* государство 7).
Со всѣхъ Лягушки ногъ
Въ испугѣ пометались,
Кто какъ успѣлъ, куда *кто могъ* 8),
И шопотомъ Царю по кельямъ дивовались.
И подлинно, что Царь на диво былъ имъ данъ:
Не суетливъ,. не вертопрашенъ;
Степененъ, молчаливъ и важенъ,
Дородствомъ, ростомъ великанъ 9);
Ну посмотрѣть, такъ это чудо!
Одно въ Царѣ лишь было худо:
Царь этотъ былъ — осиновый чурбанъ.
Сначала, чтя его особу превысоку,
Не смѣетъ подступить изъ подданныхъ никто;
Со страхомъ на него глядятъ они — и то
Украдкой, издали, сквозь аиръ и осоку 10).
Но такъ какъ въ свѣтѣ чуда нѣтъ,
Къ которому-бъ не приглядѣлся свѣтъ;
То и онѣ сперва отъ страха отдохнули,

похожи на собакъ, которыя *съ жиру бѣсятся*: имъ показалось *не благородно безъ службы и на волѣ* жить! Подлинно *безумныя*, какъ ихъ назвалъ Юпитеръ.

2) То стали у *боговъ* Царя они просить.

Лягушки могли бы сами себѣ выбрать царя; нѣтъ, онѣ вздумали просить о томъ *боговъ*, которые безъ просьбы даютъ всѣмъ необходимо нужное.

3) Хоть слушать всякой вздоръ богамъ бы и *не сродно*.

Не только не прилично, но и *не сродно*. Это слово употреблено весьма удачно.

4) На сей однакожъ разъ послушалъ ихъ Зевесъ.

Частица: *жъ*, кажется, здѣсь лишняя, и дѣлаетъ непріятность для слуха.

5) *Далъ имъ Царя*—летитъ къ нимъ *съ шумомъ* Царь съ небесъ.

Вотъ новое доказательство тому, что *нѣтъ правила безъ исключенія, и что геніи могутъ иногда не слѣдовать правиламъ*. Въ шестистопномъ ямбическомъ стихѣ *пресѣченіе*, или остановка должна быть послѣ первыхъ трехъ стопъ; а здѣсь она сдѣлана послѣ двухъ, и всякой чувствуетъ, что это очень хорошо, естественно и не противно для уха.—*Далъ имъ Царя*—это почти *переносъ* (enjambement); но —«переносы изъ одного стиха въ другой—говоритъ французскій баснописецъ и критикъ Дарденъ (Dardenne)—запрещаемые Поэзіею во

всѣхъ прочихъ стихотвореніяхъ, не только могутъ быть терпимы въ баснѣ, но, кажется, дѣлаютъ еще въ оной красоту, безъ сомнѣнія, потому, что свободное расположеніе словъ придаетъ баснѣ легкость и естественность, составляющія отличительный ея характеръ. *» — Замѣтьте еще, какъ выразительно въ этомъ стихѣ слово: съ *шумомъ*. Отъ чего?—Отъ того только, что передъ именемъ, начинающимся слогомъ: *шу*, поставленъ предлогъ: *съ*.

6) И плотно *такъ онъ трепнулся* на царство.

Какъ выразителенъ и этотъ тяжелый, пятистопный стихъ! Первая половина онаго оканчивается односложнымъ словомъ; вторая начинается также односложнымъ, за которымъ слѣдуетъ длинное слово: *трепнулся*. Не возможно не остановиться на сихъ двухъ односложныхъ словахъ и на первомъ слогѣ слѣдующаго слова: *трепнулся*. Все это чрезвычайно живо изображаетъ описываемое здѣсь дѣйствіе. Кажется, видишь, какъ этотъ Царь упалъ съ неба на землю, отскочилъ немного вверхъ, потомъ опять упалъ и остался уже на мѣстѣ.

7) Что *ходенемъ пошло трясинно* государство.

«Живопись въ самыхъ звукахъ! Два длинныхъ слова: *ходенемъ* и *трясинно*, прекрасно изоб-

---

* Легкость и естественность составляютъ главнѣйшее достоинство *обыкновеннаго разговора въ стихахъ*; слѣдовательно можно, кажется, позволить *переносы* не только въ Басняхъ и Сказкахъ, но и въ Комедіяхъ, Идилліяхъ и т. п.

ражаютъ потрясеніе болота.» (*Жуковскій*. Вѣстникъ Европы 1809. № 9. стр. 82.) Гилльонъ, въ примѣчаніи своемъ къ баснѣ Лафонтена: Le Chat et un vieux Rat, говоритъ, что изобрѣтенное имъ слово: la gent *trottemenu*, такъ какъ многія другія его же выраженія и прочихъ оригинальныхъ поэтовъ, потеряны для иностранныхъ языковъ. То же самое должно сказать и о настоящемъ русскомъ выраженіи: *ходенемъ пошло*: этого нельзя перевести ни на какой языкъ. — *Трясинно государство* — весьма удачный эпитетъ.

8.) Со всѣхъ лягушки ногъ
Въ испугѣ пометались:
Кто какъ успѣлъ, куда *кто могъ*.

«Въ послѣднемъ стихѣ красота состоитъ въ искусномъ соединеніи односложныхъ словъ, которыя своею гармоніею представляютъ *скачки и прыганье*.» (*Жуковскій*, Вѣстникъ Европы 1809, № 9, стр. 53.)— «*Поэзія*, по словамъ Плутарха, *есть говорящая Живопись*, *а Живопись—нѣмая Поэзія*. Живопись даетъ душу, но не даетъ движенія, не изображаетъ постепенности въ дѣйствіи. Кисть, или рѣзецъ художника изобразитъ лягушекъ *силящимися только вспрыгнуть*, либо уже *вспрыгнувшими*; но здѣсь, въ стихахъ, онѣ прыгаютъ *одна послѣ другой*.» (*Гилльонъ*, въ прим. къ Лафонтеновой баснѣ: Les Grenouilles qui demandent un Roi.)

9.) *Дородствомъ*, *ростомъ* великанъ.

Въ баснѣ составляютъ особенную пріятность *пословицы и поговорки*, когда только употребляются кстати, какъ напримѣръ здѣсь: *дородствомъ, ростомъ.* Обыкновенно въ просторѣчіи эти два слова служатъ къ похвалѣ виднаго мужчины, или женщины; но только *ростъ* имѣетъ всегда первенство передъ *дородствомъ:* «всѣмъ взялъ: и *ростомъ и дородствомъ!*» Не возможно было поставить въ стихѣ сихъ словъ по старшинству, тѣмъ болѣе, что *ростъ* именно относится къ *великану.*

10) *Украдкой, издали сквозь аиръ и осоку.*

Прекрасное, забавное и живое изображеніе! Изъ этого стиха можно написать картину.

11) Сперва передъ Царемъ *ничкомъ,*
А тамъ, кто посмѣлѣй, дай сѣсть къ нему *бочкомъ;*
Дай попытаться сѣсть съ нимъ *рядомъ;*
А тамъ, которыя еще поудалѣй,
Къ Царю садятся ужъ и *задомъ.*
Царь терпитъ все, по милости своей.
Немного погодя, посмотришь: кто захочетъ,
Тотъ *на него и вскочитъ!*

Прекрасный примѣръ *постепенности* (gradation!) Здѣсь должно еще замѣтить: во-первыхъ, удачное выраженіе въ шестомъ стихѣ? *по милости своей,* и, во-вторыхъ, какъ прилично употребленъ на концѣ этой тирады трехстопный стихъ.

12) *Лягушки новое* челобитье.

Пресѣченіе, или *Цезура* въ пятистопныхъ ямбическихъ стихахъ не всегда должна быть

какъ многіе думаютъ, на четвертомъ слогѣ: она бываетъ также на, 6, 5, 3 и 2. Смотр. *Опытъ о Русскомъ стихосложеніи Г. Востокова.* Изданіе второе, 1817, стран. 36 и 38. — Нельзя не пожалѣть, что у насъ столь важные по части Теоріи Словесности труды, какова напримѣръ сія книга, остаются безъ всякаго почти вниманія и читаются только *малымъ числомъ избранныхъ!*

13) Чтобъ имъ Юпитеръ, въ ихъ *болотную* державу
    Далъ *подлинно* Царя *на славу*.

Лягушки просятъ себѣ у Юпитера Царя не для спокойствія своего и благосостоянія, а только *для славы*, чтобы удивить всѣхъ прочихъ животныхъ. И гдѣ же долженъ прославиться этотъ избранный самимъ Юпитеромъ *Царь?* — *Въ болотѣ!!*

14) Царь этотъ не чурбанъ, совсѣмъ инаго нрава:
Не любитъ баловать народа своего;
Онъ виноватыхъ ѣстъ, а на судѣ его
Нѣтъ правыхъ никого.
За то ужъ у него,
Что завтракъ, что обѣдъ, что ужинъ, то расправа.
На жителей болотъ
Приходитъ *черный годъ*.
Въ лягушкахъ каждый день великой недочотъ.
Съ утра до вечера ихъ Царь по царству ходитъ
И всякаго, кого ни встрѣтитъ онъ,
Тотчасъ *засудитъ и проглотитъ*.

Вотъ прекраснѣйшая фигура: *разумноженіе* (Amplification), о которой, если не ошибаюсь,

ни въ одной изъ нашихъ Риторикъ не упоминается. Сія фигура состоитъ въ томъ, когда одну и ту же мысль представляютъ въ разныхъ видахъ, чтобы произвести тѣмъ сильнѣйшее впечатлѣніе въ слушателяхъ, или читателяхъ * — Здѣсь одна только самая простая мысль: *журавль ѣстъ лягушекъ*. Однако поэтъ не говоритъ этого прямо, для того, чтобы сказать гораздо больше и сильнѣе. — *Онъ виноватыхъ ѣстъ*. — Виноватыми почесть можно тѣхъ только, которые уже признаны такими по суду;

А на судѣ его
Нѣтъ правыхъ никого!

Самый праведный судья! — Судъ производится по жалобамъ и доносамъ, которые, такъ какъ и преступленія, особенно *уголовныя*, случаются не очень часто, по крайней мѣрѣ не всякой день и не регулярно: иногда болѣе, иногда менѣе — но Журавль не дожидается ни жалобъ, ни доносовъ, ни преступленій, а только *аппетита;* онъ самъ доносчикъ, судья и палачъ.

Что завтракъ, что обѣдъ, что ужинъ, то расправа.

Кажется, все уже сказано: нѣтъ, поэтъ-живописецъ и историкъ прибавляетъ еще одну самую рѣзкую черту:

---

* Смотр. Principes raisonnés sur l'art de lire à haute voix; suivis de leur application particulière à la lecture des ouvrages d'Eloquence et de Poésie. Par Dubroca. 1802. (IV Leçon). —

Съ утра до вечера ихъ Царь по царству ходить,
И всякаго, кого ни встрѣтитъ онъ,
Тотчасъ *засудитъ и проглотитъ.*

Въ разборѣ Хемницеровой басни: *Воля и Неволя*, сказалъ я, что *въ вольныхъ*, или *неровныхъ* стихахъ не болѣе какъ *три сряду* должны оканчиваться одинакою риѳмою. Въ этой тирадѣ *четыре* стиха имѣютъ одинакую риѳму: *своего, его, никого, у него.* Здѣсь однако монотонія, или *однозвучіе*, не такъ чувствительна отъ того, что послѣдніе два стиха очень коротки и что четвертымъ оканчивается новый періодъ.

15) *Ни носа выставить, ни квакнуть безопасно;*
Что, наконецъ, ихъ Царь *тошнѣе имъ засухъ.*

И коротко и сильно! Что можетъ быть мучительнѣе положенія: *сидѣтъ цѣлый день на одномъ мѣстѣ, молчать и не смѣть никуда выглянуть?* Самая малая засуха есть уже великое несчастіе для лягушекъ; но Царь ихъ, Журавль, несноснѣе, *тошнѣе имъ засухъ.* Выразительная эта метафора: *тошнѣе*, весьма часто употреблялась въ старинныхъ нашихъ простонародныхъ пѣсняхъ, и даже нынѣ еще употребляется въ разговорахъ между простолюдинами; слѣдовательно сіе выраженіе очень кстати употреблено въ словесной просьбѣ лягушекъ.

Этотъ превосходный Курсъ Риторики, Поэзіи, Всеобщей Грамматики, Логики и вмѣстѣ Декламаціи, вѣроятно, не многимъ еще у насъ извѣстенъ.

16) *Почтожъ вы прежде жить счастливо не умѣли!*
Не мнѣ ль, *безумныя!* вѣщалъ имъ съ неба гласъ
и проч.

Юпитеръ начинаетъ говорить лягушкамъ свойственнымъ ему важнымъ и благороднымъ тономъ; но потерявъ вдругъ терпѣніе, бранитъ ихъ и говоритъ въ-сердцахъ какъ обыкновенный человѣкъ. Это, по моему мнѣнію, очень естественно: въ гнѣвѣ часто забывается приличіе; притомъ всякой человѣкъ, высокаго или низкаго званія, соображаетъ всегда тонъ свой съ тѣми лицами, съ которыми разговариваетъ.

Вообще басня сія у Крылова несравненно лучше, нежели у Лафонтена — «а это — скажу вмѣстѣ съ г. Жуковскимъ—*весьма много;* ибо Лафонтенова басня прекрасна: въ стихахъ послѣдняго менѣе живописи, и самый разсказъ его не столь забавенъ.»

Французскій стихотворецъ Павилльонъ (Pavillon), жившій еще во время Людовика XIV, вздумалъ сравнить Голландцевъ съ лягушками этой басни:

Ce peuple me parut dans ces lieux aquatiques,
Un reste libertin des grenouilles antiques,
Qui ne voulurent point de roi.
(V. Recueil de Pièces anc. et nouv. T. II. p. 191.)

Однако въ исходѣ минувшаго и въ началѣ нынѣшняго столѣтія Французы гораздо болѣе, нежели Голландцы, походили на лягушекъ. Разность только въ томъ, что у нихъ вмѣсто

одного Журавля, было два: *Робеспіерръ* и *Наполеонъ*.

Одинъ ли у себя считаютъ *черный годъ?*
Ахъ! *каждый день* въ нихъ былъ *великой недочотъ*.

Еще несколько анекдотовъ и смѣси.

1.

У одной молодой прекрасной дамы болѣли глаза. — «*Я совсѣмъ ослѣпну*, сказала она.» — Тогда болѣе еще будете походить на Амура, — подхватилъ случившійся тутъ поэтъ.

2.

Къ одной прекраснѣйшей и почтеннѣйшей дамѣ прислали полсотни яблокъ, когда она сидѣла съ гостьми за столомъ. «Vénus, сказалъ одинъ изъ гостей: n'a reçu qu'une pomme, et vous, princesse, vous reçevez cinquante. Vous êtes 50 fois plus belle et plus aimable que Vénus.»

3.

«Какъ смѣли говорить вы, что я беру взятки?» — Почему же не сказать правды? — «Мало, сударь, сказать, а надобно доказать.» Могу представить очевидныхъ свидѣтелей. — «Кого, сударь, кого?» — Да вотъ многіе здѣсь видѣли, какъ вы брали *взятки* — въ бостонѣ.

4.

Одинъ предсѣдатель рекрутскаго присутствія разсказывалъ про себя: «Открывалъ я присутствіе всегда молебномъ съ водосвятіемъ; священникъ, по просьбѣ моей, окроплялъ святою водою и рекрутскую мѣру; но не пришло мнѣ

въ голову попросить его, чтобы окропилъ и руки моимъ товарищамъ.»

5.

Рекрутскій пріемщикъ весьма недоволенъ былъ рекрутами-Евреями. «Дрянь! говорилъ онъ: такіе неопрятные, худые, *безсильные!*» — А есть, Ваше Высокоблагородіе, сказалъ со вздохомъ одинъ купецъ: у насъ въ городѣ *пресильный* Еврей: всѣмъ вмѣстѣ нашимъ русскимъ мѣщанамъ и купцамъ съ однимъ съ нимъ не сладить. —

6.

«Что здѣсь мало Жидовъ?» — Да зачѣмъ лукавый понесетъ ихъ на край свѣта: здѣсь (въ Сибири) такъ *холодно.* — А вотъ нашъ торгашъ-Еврей говоритъ, что ему *тепло!*

7.

Генералу N. посвятили статью о взятіи одного города. «Странно, замѣтилъ нѣкто: онъ никогда не бралъ *городовъ,* а только съ *городовъ.*

8.

Однажды въ сильную грозу убило громомъ нѣсколько человѣкъ. «Жаль, сказалъ одинъ: не тѣхъ бы, кого надобно.»

9.

«Если не оставятъ меня здѣсь и пошлютъ противъ желанія: то это не обойдется *безъ*

пролитія крови; говорю при всѣхъ, какъ честный и благородный человѣкъ.» Такъ говорилъ съ жаромъ N., любившій сдержать слово. Не оставили и послали. N. собрался въ дорогу. — Что же, братъ, ты хвасталъ? спросили его пріятели. Струсилъ вызвать на поединокъ? — «Кого? Я и не думалъ никогда дѣлать такого дурачества.» — Какъ же? ты говорилъ, что если не оставятъ тебя здѣсь и пошлютъ, то это не обойдется *безъ пролитія крови.* — «Да я велѣлъ уже *заколоть* и зажарить въ дорогу двухъ своихъ поросятъ.

10.

«Полно-те вздорить съ N. Полюбите его. Помните, сказано въ Священномъ Писаніи: *любите враги ваша.*» — Извольте: я буду любить его *отеческою* любовью; *а любяй своего сына, да участитъ ему раны.* —

11.

Райскія птицы продавались по 250 руб. и болѣе; по цѣнѣ лучше бы называть ихъ въ то время *адскими.*

12.

«Ну, что взяли вы своею правдою? Вотъ васъ перевели, а злые-то остаются.» — *Да въ адъ и попадутся.* —

13.

«Что это такъ *низки* здѣсь комнаты?» — Хозяинъ любитъ, чтобы все у него было *низко.* —

14.

«Такъ *машинально* и идутъ у нихъ руки къ шляпамъ передъ чиновными и богатыми.» — Чего же хотите вы? Развѣ не видите, что они сами *машины?* —

15.

Пожилой чиновникъ, *иже утый, утолсте и забый Бога*, не могъ выстоять на колѣнахъ и первую молитву во время Троицкой Вечерни. «*Старость не радость*, говорилъ онъ вставая и кряхтя: бывало, въ молодыхъ лѣтахъ, стоишь на колѣнахъ передъ какимъ нибудь благодѣтелемъ, или начальникомъ, четверть часа, полчаса и ничего — а теперь не въ моготу!»

16.

«Танцуетъ супругъ вашъ?» — Никакъ-съ нѣтъ.... такъ, иногда, дурачится, *пляшетъ*... — «И безъ сомнѣнія *по вашей* дудкѣ.»

17.

Есть пословица: *утро вечера мудренѣе*. Дѣйствительно *мудренѣе*, особливо въ *черный* день, когда не съ чѣмъ послать на рынокъ.

18.

Одинъ дамскій угодникъ говаривалъ, что *блескъ отъ дамскихъ очей пріятнѣе солнечныхъ лучей.*

19.

«Какъ хвалятъ военные вашу *четверку!*» — А еще болѣе *тройку*, отвѣчалъ N, отецъ трехъ молодыхъ и прекрасныхъ дѣвицъ. —

20.

На продолжительномъ и скучномъ экзаменѣ въ губернскомъ городѣ одинъ изъ знаменитыхъ посѣтителей сказалъ на ухо своему сосѣду: «Бѣда! умремъ мы здѣсь!» — Не то еще бѣда, что умремъ, отвѣчалъ другой: а вотъ какъ учитель Риторики произнесетъ намъ надгробное слово; учитель же Піитики сочинитъ по эпитафіи! —

21.

«Что за корыстолюбецъ Мошнинъ! Хоть бы двугривенникъ, хоть бы грошъ положилъ давеча на блюдо, когда собирали деньги для бѣдныхъ. Всѣ мы удивились!» — А я удивился тому, какъ онъ съ блюда ничего для себя не взялъ.

22.

Одинъ проповѣдникъ употребилъ въ поученіи своемъ вмѣсто слова: *слушатели*, *слышатели.*» — И очень кстати, замѣтилъ нѣкто: потому что проповѣди его не могли *слушать*, а только *слышали* по необходимости. —

23.

Въ Пинежскомъ уѣздѣ, Архангельской губерніи, богатые крестьяне, какъ увѣряютъ, не являются на мірскія сходки, чтобы не сдѣлать пожертвованій и расходовъ по обществу, отяготительныхъ для бѣдныхъ.

24.

Тамъ же, если не ошибаюсь, земская изба называется *шумихою*.

25.

Мезенскаго уѣзда въ Лампоженской волости есть зажиточный, набожный и добрый крестьянинъ Назаръ, который, въ случаѣ нужды, особенно при платежѣ податей, ссужаетъ прочихъ крестьянъ деньгами, а получаетъ отъ нихъ, вмѣсто того, послѣ дичиною, бѣлкою, либо другимъ звѣремъ, или рыбою, безъ всякой, какъ увѣряютъ, лихвы или процентовъ. Сей честный и благонамѣренный поселянинъ извѣстенъ во всемъ уѣздѣ подъ именемъ *Назара Лампоженскаго*.

26.

— Отъ достовѣрныхъ людей, разбиравшихъ старинныя церковныя лѣтописи, слышалъ я, что когда-то (очень давно) въ Быстрокурской волости холмогорскаго уѣзда заплачено 9 рублей съ гривнами и алтынами за *звонницу* (родъ деревянной колокольни), состоящую изъ 12 большихъ мачтовыхъ деревъ.

27.

— Въ Холмогорахъ понынѣ называютъ раскольниковъ *заугольниками*, потому, что будто они смотрѣли *изъ-за угла* на православнаго государя Петра 1-го.

28.

Не помню, въ какомъ уѣздномъ городѣ (Новгородской или Тверской губерніи), жеманныя купчихи и мѣщанки, какъ увѣряли меня, не в[illegible] на пирушкахъ и бесѣдахъ рюмки водки, [illegible]зъ слѣдующей оговорки: *не для*

ради чего инаго другаго и прочаго такого, какъ ради единой единственности и совершеннаго компанства.

29.

— Въ Торжкѣ между чернью существуетъ слово: *щелываниться*, которое значитъ *любезничать съ мужчинами*. Доброжелательная мать бранитъ смирную, скромную дочь свою: «Ныньче праздникъ — что ты, дура, не *щелываниться?* Кто возьметъ замужъ такую угрюмую?»

30.

— Въ Пензенской губерніи одною тамошнею помѣщицею изобрѣтенъ экипажъ, весьма простой и удобный для ѣзды по неровнымъ и частію топкимъ мѣстамъ. Этотъ экипажъ называется *долгуши*, и состоитъ изъ длинной телѣги, или роспусковъ съ кибиткою по срединѣ. Одному русскому генералу такъ понравились эти *долгуши*, что онъ назвалъ ихъ *размюли*, и сіе послѣднее названіе вошло тамъ во всеобщее почти употребленіе.

31.

У одного богатаго, тщеславнаго и скупого помѣщика, когда обѣдывали гости, вставливался въ столъ ящикъ съ водою, въ которомъ плавала мелкая рыба. Однажды назвалъ онъ къ себѣ много гостей, а блюдъ приготовлено было мало, такъ что они не доходили до тѣхъ, которые сидѣли ниже прочихъ. Въ числѣ сихъ послѣднихъ былъ одинъ хватъ — уланскій офи-

церъ. Послѣ первыхъ трехъ, или четырехъ блюдъ, которыхъ не удалось ему отвѣдать, привстаетъ онъ немного съ своего мѣста, вонзаетъ заразъ вилку въ живую рыбку и, отдавая ее человѣку, говоритъ: *вели, братъ, изжарить — ѣсть хочется.*

32.

— «Вотъ и обо мнѣ говорятъ, будто я играю *на-вѣрное!*» сказалъ одинъ слишкомъ извѣстный игрокъ. —» Не то удивительно, что *говорятъ*, «замѣтилъ ему нѣкто,» а то, что всѣ этому *вѣрятъ*.

33.

У одной деликатной дамы вскочилъ на лицѣ, или на рукѣ, прыщикъ. Увидѣла, испугалась, и ту же минуту послала за докторомъ. Пріѣзжаетъ докторъ, степенный, серьозный старичокъ, осматриваетъ язву и требуетъ немедленно чернилъ и бумаги. «*Скорѣе, скорѣе! боюсь, чтобы не зажило, пока напишу рецептъ.*

Попросили одного гарнизоннаго офицера снять со свѣчки. Онъ снялъ *пальцами*, открылъ щипцы и положилъ туда свѣтильню. —

«У меня только и *благопріобрѣтеннаго*, что эта золотая табакерка,» — сказалъ одинъ секретарь.» — Стало быть, подхватилъ стряпчій, все прочее твое имущество есть *злопріобрѣтенное?*

34.

Курносый дѣлецъ хвасталъ, что сидитъ много за бумагами. «Занимайтесь менѣе» сказалъ ему

одинъ насмѣшникъ, «берегите ваше зрѣніе: не дай Богъ, чтобы оно испортилось.» — Нечего дѣлать: тогда примусь за очки. —«А на что, смѣю спросить, вы ихъ надѣнете?»

35.

«Частенько трудитесь, батюшка? спросилъ врачъ священника на похоронахъ» — По вашей милости, отвѣчалъ съ поклономъ священникъ.

36.

Трусливый мужъ спрятался отъ сердитой жены подъ кровать. Приходитъ жена съ палкою. «Выдь, голубчикъ, выдь: я съ тобою раздѣлаюсь!» — *Не выйду.* — Какъ смѣешь не слушаться меня? Выдь, говорю тебѣ, приказываю.» — *Не выйду! Покажу, что я хозяинъ въ домѣ.*

37.

«Какимъ образомъ ушибенъ у тебя, братецъ, глазъ?» — *Не образомъ, а подсвѣчникомъ* за картами.

38.

Одинъ архангельскій негоціантъ (давно уже покойникъ, оставившій по себѣ добрую память) поручилъ артельщикамъ привезти изъ Петербурга невскаго льду и далъ имъ на это деньги. Плуты употребили ихъ въ свою пользу, взяли льду изъ Двины за нѣсколько верстъ отъ Архангельска, укупорили какъ должно и привезли за невскій. Негоціантъ созвалъ къ себѣ почти весь городъ на чай съ невскою водою: И въ самой же этотъ вечеръ открылся обманъ. Ви-

новные признались, оправдываясь тѣмъ, что, по ихъ мнѣнію, двинской ледъ не хуже невскаго, и хотѣли возвратить хозяину деньги; но тотъ не взялъ и оставилъ имъ, какъ должную плату за данный ему урокъ.

39.

Въ одной офиціальной бумагѣ, сочиненной стариннымъ драбантомъ адъютантомъ, который *грамотѣ не зналъ за недосугомъ*, написано изъ слова въ слово: «Строго внушить ему, «дабы онъ имѣлъ надлежащіе *предразсудки* «и поступалъ бы не иначе, какъ долгъ службы повелѣваетъ.»

Конецъ.

Примѣчаніе. *Въ полное собраніе Сочиненій А. Е. Измайлова не помѣщена повѣсть его, подъ заглавіемъ: Евгеній, или пагубныя слѣдствія дурного воспитанія и сообщества, въ 2 частяхъ, напечатанная* 1799 — 1801 *г., по причинѣ, отъ издателя не зависящей.*

ОГЛАВЛЕНІЕ
къ
СОЧИНЕНІЯМЪ
ИЗМАЙЛОВА.
Томъ II.

ПРОЗА.

Стран.

Были и Анекдоты.

Письма.

Смѣсь.

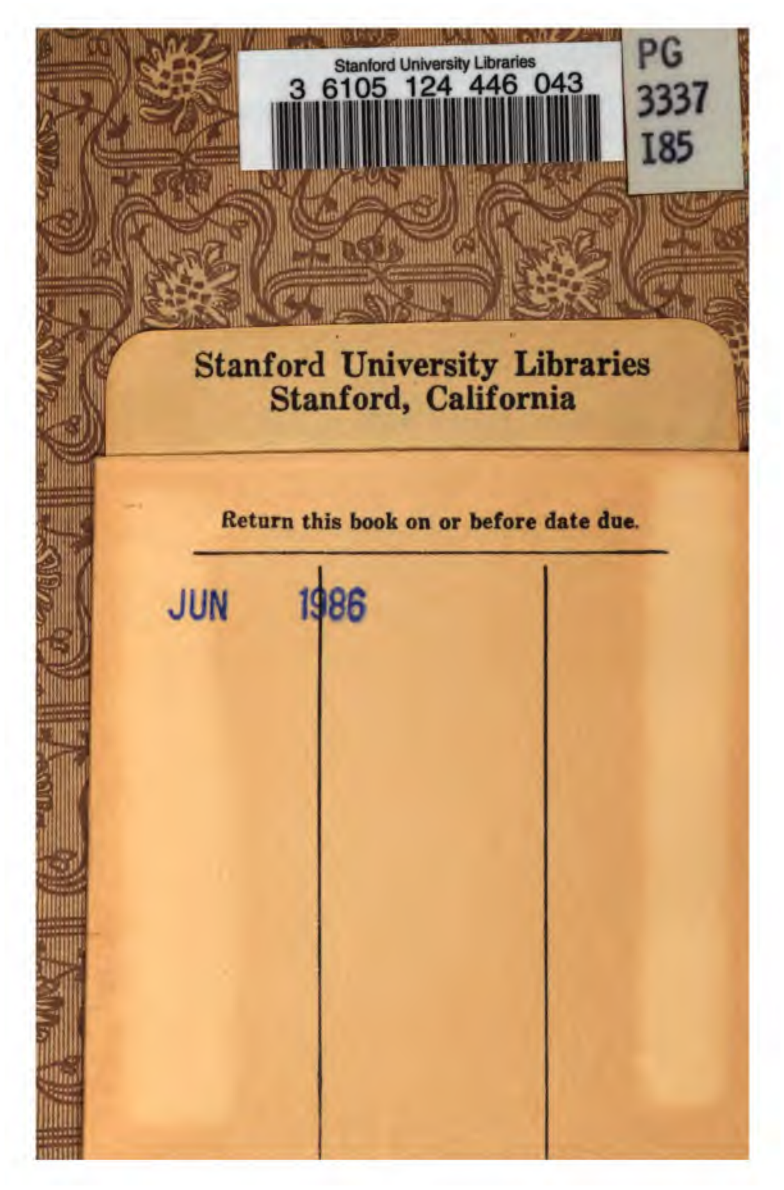
Маленькіе разговоры.

Стран.

—

325
570

Stanford University Libraries
3 6105 124 446 043
PG
3337
I85
Stanford University Libraries
Stanford, California
Return this book on or before date due.
JUN 1986

